This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4350.3

Harvard College Library

BOUGHT WITH INCOME

FROM THE BEQUEST OF

HENRY LILLIE PIERCE,

OF BOSTON.

Under a vote of the President and Fellows,
October 24, 1898.

26 July 1899

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

И. Н. ПОТАПЕНКО.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Подвальный этажъ.—Мишурисъ.—Рѣшился.—Гастролеръ.—Октава.—Тысяча талантовъ.—Крещенскіе дни.—Постная колбаса.—Двѣнадцатый.—Письмо.—Поэзія.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. А. Пороховщикова. Бассейная, 3—5.
1887

Digitized by Google

Slav 4350.3

HARVARD COLLEGE
JUL 26 1899
LIBRARY.

Pierce Fund

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Подвальный этажъ	1
Мишурисъ	188
Рѣшился	231
Гастролеръ	243
Октава	255
Тысяча талантовъ	272
Крещенскіе дни	282
Постная колбаса	293
Двѣнадцатый	299
Письмо	308
Поэзія	317

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОДВАЛЬНЫЙ ЭТАЖЪ.

(повѣсть).

I.

Слесарь Викентій былъ разстроенъ. Нилъ Назаровичъ замѣтилъ это съ самаго начала, еще когда они пришли въ портерную; а они вошли въ нее одновременно, встрѣтившись на каменныхъ ступенькахъ, которыя вели внизъ, въ подвальный этажъ.

Это вышло случайно. Они не условливались, но при встрѣчѣ оба были довольны, потому что у каждаго было о чемъ поговорить. Нилъ Назаровичъ сразу замѣтилъ, что у слесаря сумрачное лицо, но онъ не нашелъ въ этомъ ничего особеннаго; онъ зналъ, что дѣла Викентія вообще идутъ плохо.

Но обыкновенно вторая кружка пива прогоняла Викентіева лица всѣ тѣни, угрюмая молчаливость п ходила, и онъ дѣлался словоохотливымъ, откровенны и привѣтливымъ. А на этотъ разъ пиво на него не дѣйствовало. Они уже выпили по три кружки и теперь пробовали для разнообразія бутылочное, а слесарь все оставался мрачнымъ.

— Э, ну, Викентій, развеселись! — говорилъ Нилъ Назаровичъ своимъ спокойнымъ, благороднымъ теноромъ, съ оттѣнкомъ добродушія, присущаго людямъ, у которыхъ дѣла идутъ хорошо. — А то ты и на меня смо-

Digitized by Google

тришь такъ, какъ будто я тебѣ врагъ. А я тебѣ не врагъ, Викентій, а даже напротивъ.

Викентій, прежде чѣмъ отвѣтить, довольно грозно проскрипѣлъ своимъ горломъ, откашлялся и сплюнулъ, а потомъ сказалъ скороговоркой, немного заикаясь, надтреснутымъ басомъ:

— Очень плохи дѣла мои, Нилъ Назаровичъ... Очень плохи дѣла... Оттого...

— Неужто такъ уже плохи?

— Такъ плохи, что хуже и нельзя...

— Гм... странно мнѣ это... Мастеръ ты хорошій, исправный и, можно сказать, непьющій... пиво пьешь, такъ это что-жъ? — пустой напитокъ, не сурьезный... Отчего бы, кажись? Не понимаю... А знаешь, въ бутылкахъ оно какъ будто лучше, а?... Какъ находишь?

— Не беретъ меня и въ бутылкахъ,—мрачно отвѣтилъ Викентій.

Однако, Викентій выпилъ залпомъ еще стаканъ, который, кажется, таки взялъ его, потому что послѣ этого онъ сталъ разговорчивѣй.

— Причина есть, Нилъ Назаровичъ. Причина, я вамъ скажу, есть... Напримѣръ, у васъ дѣла идутъ хорошо, такъ это понятно...

— У меня хорошо. Пожаловаться никакъ не могу... Оно, конечно, можно бы и лучше, — много есть помѣхи въ нашемъ дѣлѣ,—а только все же хорошо! — подтвердилъ Нилъ Назаровичъ

— Ну, да, такъ это и понятно... Ваше дѣло такое, что всегда отъ руки... Тутъ безъ человѣка никакъ нельзя обойтись, потому для человѣческаго тѣла приходится работать, все одно, какъ портняжное ремесло. Ужъ тутъ что ни дѣлай, а всегда рука нужна: и мѣрку снять, и скроить, и приладить, и то, и се... А у насъ машина все отняла. Все нынче машиной дѣлать стали. Все желѣзное искусство машина перехватила. Нашему брату только и остается, что позовутъ замокъ отпереть, когда ключъ потеряютъ, да дверь съ петли снять да на

Digitized by Google

петли поставить, а этимъ не проживешь никакъ. Да я такъ вамъ скажу, Нилъ Назаровичъ, что самъ я уже какъ-нибудь проживу свой вѣкъ. Мнѣ немного и осталось... Хотя я и не старъ, а грудью слабъ и, должно быть, долго не протяну. А вотъ съ Васькой не знаю, какъ обойтись; своему дѣлу даже и обучать его не охота. Что-жъ толку, коли работы нѣтъ? Да и дѣло такое, что силы требуетъ. Все съ желѣзомъ, а желѣзо— оно сильное... А Васька у меня мальчикъ слабоватъ. Ему бы полегче что, да и повыгоднѣй... Вотъ посовѣтуйте.

— Что же я тебѣ посовѣтую, Викентій? Не охотникъ я брать на свою душу чужую судьбу. Что-жъ я могу посовѣтовать?

— Думалъ я, думалъ,—продолжалъ Викентій,—ломалъ голову и такъ и этакъ, и засѣла у меня одна мысль. Вотъ вы говорите, Нилъ Назаровичъ, что дѣло ваше выгодное, да и не очень трудное. Хочется мнѣ моего Ваську къ вамъ въ науку отдать...

— Ко мнѣ?—слегка поднявъ брови, спросилъ Нилъ Назаровичъ.

— Къ вамъ, чтобъ вашему ремеслу научился. А что?

— Гм...

И Нилъ Назаровичъ задумался, потому что дѣло коснулось его ремесла, а ремесло у него было не такое простое, какъ у Викентія, а совсѣмъ особенное,—такое ремесло, надъ которымъ и не онъ одинъ задумывался. Оно обладало всѣми свойствами, способными навести на размышленія.

Если бы кто-нибудь увидалъ этихъ двухъ людей въ первый разъ и ему стало извѣстно, что одинъ изъ нихъ слесарь, а другой гробовщикъ, то онъ, ни минуты не колеблясь, призналъ бы гробовщикомъ высокаго узкогрудаго человѣка, съ волосатой большой головой, со скуластымъ, обросшимъ темными волосами, лицомъ, съ густыми нависшими бровями, да вдобавокъ еще со скрипучимъ, рѣзкимъ голосомъ. Свойственную этому лицу

Digitized by Google

угрюмость, конечно, онъ приписалъ бы вліянію мрачнаго ремесла, которое отняло у этого человѣка способность улыбаться. И когда онъ смѣялся, то слышались только раскаты его громкаго голоса, но глаза не прояснялись и зубы, густо задрапированные богатыми усами, не показывались. Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, человѣка средняго роста, умѣренной плотности, обладавшаго небольшимъ брюшкомъ, неспѣшными благообразными манерами, пріятнымъ голосомъ и столь же пріятнымъ лицомъ, съ выраженіемъ благополучія и дѣловитой серьезности, съ небольшой лысинкой на головѣ,—естественно было отнести къ слесарному цеху.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, было наоборотъ. Всѣми признаками угрюмаго ремесла обладалъ Викентій, и онъ былъ слесарь, а у Нила Назаровича во внѣшности было столько мягкости, благодушія и, такъ сказать, доброжелательности, что никому не пришло бы въ голову заподозрѣть его въ занятіи мрачнымъ ремесломъ, помогающимъ отправлять людей на тотъ свѣтъ. Между тѣмъ онъ занимался этимъ искусствомъ всю свою жизнь, унаслѣдовавъ его отъ отца, который тоже позналъ его отъ своихъ предковъ.

Они не были близкими пріятелями, а только давно и хорошо знали и уважали другъ друга. Викентій уважалъ Нила Назаровича больше, чѣмъ Нилъ Назаровичъ Викентія, и это естественно, такъ какъ дѣла Нила Назаровича шли лучше, чѣмъ дѣла Викентія. Поэтому самому слесарь называлъ гробовщика по отчеству, тогда какъ тотъ называлъ слесаря просто Викентіемъ. Если бы какъ-нибудь случилось, что судьба перепутала карты, и вдругъ стало везти слесарю, а дѣла Нила Назаровича пошли бы плохо, то, по всей вѣроятности, онъ тотчасъ превратился бы въ Нила, утративъ почтенную приставку къ своему имени, а слесарь сталъ бы Викентіемъ Арнольдовичемъ. Это въ порядкѣ вещей. Чѣмъ лучше идутъ дѣла у человѣка, тѣмъ больше собирается приставокъ около его имени.

Digitized by Google

Слесарь и гробовщикъ не всегда встрѣчались на ступенькахъ, которыя вели въ портерную, — это была случайность; но въ самой портерной они находили другъ друга довольно часто, почти каждый вечеръ. Викентій шелъ сюда потому, что дѣла его были плохи, а Нилъ Назаровичъ — потому, что дѣла его были хороши. Портерная была не самая лучшая на Петербургской сторонѣ, но все же не изъ дурныхъ. Они къ ней привыкли и всегда садились за одинъ и тотъ же столикъ. И если случалось, что столикъ былъ кѣмъ-нибудь занятъ, то посѣтитель при появленіи одного изъ нихъ вставалъ, переносилъ свою кружку на другой столъ и говорилъ:

— Извините, я на вашемъ мѣстѣ сѣлъ.

Почти всѣ посѣтители портерной были между собой знакомы.

Обсудивъ представившееся ему новое обстоятельство, Нилъ Назаровичъ придвинулся къ столу и сказалъ съ видомъ большой основательности:

— На это я тебѣ, Викентій, отвѣчу. Я твоего сына, Ваську, взять готовъ; это мнѣ ни почемъ, и даже пріятно, потому онъ моему сынишкѣ, Андрею, товарищемъ будетъ, а только надо тебѣ сказать, что мое дѣло особенное и не всякій его перенести способенъ. Это, я тебѣ скажу, дѣло такое, что какъ кому. Иной, напримѣръ, человѣкъ такого характера, что и двухъ дней не вынесетъ, а другому ничего. Ваше, напримѣръ, слесарное дѣло всякій можетъ. Тутъ нужна сила и болѣе ничего, а въ нашемъ дѣлѣ и силы особенной не требуется, а, какъ бы сказать, духъ надобенъ, крѣпкій духъ, чтобы человѣкъ не впалъ въ мрачность. Я говорю тебѣ: это какъ на кого. Мнѣ, напримѣръ, совершенно ничего, и я даже не понимаю, что̀ тутъ такого особеннаго. Ремесло— какъ ремесло. Приходитъ человѣкъ и дѣлаетъ заказъ, а ты снимаешь мѣрку и работаешь, все одно какъ портной или сапожникъ. Заказъ представилъ и деньги получилъ— вотъ и все. А это, ежели разсуждать да добиваться, что, да какъ, да почему, такъ этакъ и до помраченія ума

Digitized by Google

дойти можно. Такъ вотъ я говорю: ты своего Ваську снерва опроси, есть-ли у него охота къ нашему дѣлу.

— Что его опрашивать? Стану я его еще опрашивать! У него ни къ чему охоты нѣтъ. Такъ вотъ сядетъ около окна да и глядитъ куда-то и Богъ его знаетъ куда, и глаза у него въ это время какіе-то растерянные. Вотъ къ чему у него есть охота. Такъ за это же денегъ никто не заплатитъ.

— Какъ знаешь, Викентій, а я, ежели не по охотѣ, не возьму. Потому, дѣло особенное.

— Ну, и будетъ охота. Прикажу и будетъ!—рѣшительно и твердо сказалъ Викентій.—Такъ, значитъ, берете, Нилъ Назаровичъ?

— Говорю тебѣ: коли охота проявится, такъ мнѣ даже пріятно. По крайности, моему сыну компанія будетъ. Я, положимъ, своего Андрея еще не опрашивалъ. Онъ еще въ школу ходитъ и ремесла не начиналъ. Но полагаю, что онъ по отцу пойдетъ.

— Такъ я завтра и приведу его!—сказалъ Викентій и видимо прояснѣлъ. Было очевидно, что Васька представлялъ главную заботу этого дня и былъ причиной того, что пиво такъ долго не хотѣло брать его.

Уже зажгли единственный газовый рожокъ, въ видѣ длиннаго крючка выступавшій изъ средины потолка, когда Нилъ Назаровичъ вспомнилъ, что у него дома подмастерья работаютъ надъ важнымъ заказомъ: умерла жена лабазника, который жилъ на той же улицѣ, гдѣ помѣщалась его мастерская, и ему поручено было снарядить ее въ загробный путь. Онъ постучалъ стаканомъ о подносъ, призывая такимъ образомъ слугу.

— Пойду,—сказалъ онъ,—хозяйскій глазъ нуженъ. У меня правило: самому во все вникать; а то, вѣдь, чуть отвлечешься, наплетутъ такого, что не то что человѣка или женщину, а козла положить неприлично.

— Имѣете заказъ, Нилъ Назаровичъ?—съ нѣкоторой тайной завистью спросилъ Викентій.

— Хорошій заказъ. Отличный. Для лабазниковой

Digitized by Google

супруги. Сегодня послѣ полудня скончалась, царство ей небесное! Богатый снарядъ. И трудно мнѣ достался этотъ заказъ. Хотѣлъ Артамонъ Савельичъ въ процессіи заказать... Я и говорю: зачѣмъ вамъ процессія, Артамонъ Савельевичъ? Что у нихъ дрожки и тамъ факелы и прочее? Такъ факелы я вамъ устрою, а на дрожкахъ прилично ли любезную супругу везти? Всякій вамъ скажетъ, что ее надобно понести на рукахъ. Это означаетъ любовь и уваженіе къ праху... У васъ въ лабазѣ пятеро здоровыхъ молодцовъ служатъ, вотъ они и понесутъ... Ну, убѣдилъ-таки. Охъ, Викентій, эта процессія много у нашего брата отнимаетъ! Все равно, какъ у тебя машина.

При этомъ онъ вынулъ кошелекъ, чтобы заплатить за пиво, но Викентій не допустилъ, взялъ его руку съ кошелькомъ и направилъ ее обратно въ карманъ.

— Нѣтъ, это мое. Сына въ хорошую науку отдалъ, такъ ужъ позвольте мнѣ, Нилъ Назаровичъ.

И онъ, порывшись въ жилетномъ карманѣ, досталъ оттуда тридцать копеекъ мѣдью и отдалъ слугѣ.

— Сдачи не надо!—сказалъ онъ, и они оба поднялись.

II.

Были скверныя сумерки поздней осени. Воздухъ былъ пропитанъ холодною сыростью. Небо окутано сплошною тучей. Фонари горѣли тускло, съ мостовой, отъ колесъ проѣзжавшихъ извозчиковъ, на пѣшеходовъ летѣла жидкая грязь. Пахло дымомъ.

Нилъ Назаровичъ возвращался домой около семи часовъ вечера. Викентій навелъ его на серьезныя мысли. Сыну его Андрею пошелъ тринадцатый годъ Онъ предоставлялъ ему учиться въ школѣ, чтобъ онъ былъ грамотенъ и также чтобъ получилъ льготу по военной службѣ. Андрей у него былъ пока единственный наслѣдникъ. Была у него дочь, которую звали Мариной, но ее онъ не могъ принимать въ разсчетъ. «Не такое у нея направленіе мыслей, чтобъ вести отцовское дѣло,—думалъ

Digitized by Google

Нилъ Назаровичъ.—Развѣ случаемъ за гробовщика замужъ выйдетъ, только наврядъ».

А Андрею въ сущности уже было пора пріучаться къ дѣлу. Это ничего, что онъ ходитъ въ школу, одно другому не мѣшаетъ. Школа днемъ, а вечеркомъ можетъ присматриваться къ ремеслу.

«Я не старъ и не слабъ, не могу пожаловаться,—думалъ про себя Нилъ Назаровичъ:—самъ могу еще во все входить и за всѣмъ присматривать, а коли надо, то и молоткомъ дѣйствовать. Но однако подъ Богомъ ходимъ. Вдругъ болѣзнь какая-нибудь, либо что. Вотъ когда сынъ будетъ пріученъ къ дѣлу, оно и ничего. Нѣтъ, надо опросить Андрея. Можетъ случиться, что онъ имѣетъ отвращеніе къ нашему дѣлу. Насиловать не могу. Во всякомъ другомъ дѣлѣ можно приказать, а въ нашемъ—нельзя, потому, оно прямо на душу дѣйствуетъ. А если у него есть охота къ другому ремеслу, такъ и другое пора начинать».

И думая такимъ образомъ, Нилъ Назаровичъ въ глубинѣ души испытывалъ страхъ, что у Андрея вдругъ можетъ оказаться отвращеніе къ его наслѣдственному ремеслу. Самъ онъ страстно любилъ свое дѣло и думалъ, что нѣтъ болѣе благороднаго ремесла; а главное, что фирма его была старинная и очень уважаемая, и мысль о томъ, что послѣ его смерти фирма эта можетъ прекратить свое существованіе, пугала его. Всякому дорого свое дѣло.

Но было нѣчто еще болѣе важное, нѣчто такое, о чемъ Нилъ Назаровичъ даже себѣ самому не признавался. Онъ и думалъ объ этомъ только тогда, когда въ комнатѣ не было ни души, а онъ былъ одинъ, и думая, онъ старался увѣрить себя, что это такъ себѣ, въ шутку. Это была мечта, далекая, трудно осуществимая, но желанная. Ни одному еще человѣку онъ не признался въ ней и даже женѣ своей, женщинѣ почтенной, которую онъ очень уважалъ, онъ ни разу не заикнулся о своей мечтѣ. И даже были основанія думать,

Digitized by Google

что мысли Нила Назаровича настроены какъ разъ наоборотъ. Но объ этомъ говорить рано. Мечта, она, можетъ, осуществится, а, можетъ, и заглохнетъ,—это зависитъ отъ счастья. По разсчету Нила Назаровича, ему надо еще цѣлыхъ семь лѣтъ работать и копить деньгу, чтобы осуществить ее. Развѣ случай какой-нибудь счастливый выручитъ: нападетъ моръ на людей и пойдутъ большіе заказы или такъ просто съ десятокъ богатыхъ людей отойдутъ въ лучшій міръ.

Если бы сказали, что со стороны Нила Назаровича не хорошо желать мора на людей, то это была бы неправда. Нилъ Назаровичъ никому не желалъ смерти,—пусть себѣ живутъ люди, они ему не мѣшаютъ; но, вѣдь, бываетъ и моръ, бываетъ и всякая другая смерть, и не гробовщики же виноваты въ томъ, что люди умираютъ. Но ужъ ихъ такое ремесло, что они зависятъ отъ смерти. Если бы всѣ люди вдругъ перестали умирать, то гробовщикамъ нечего было бы ѣсть.

Нилъ Назаровичъ уже видѣлъ свою квартиру, освѣщаемую уличнымъ фонаремъ, но онъ на минуту остановился у лабаза, хозяйка котораго была теперь его кліенткой. Лабазъ былъ освѣщенъ; въ немъ двигались три сидѣльца въ передникахъ, засыпанныхъ мукой, и нѣсколько бабъ-покупательницъ. Все шло такъ же, какъ и вчера, только хозяина не было за конторкой, а на его мѣстѣ сидѣлъ старшій приказчикъ, который заложилъ карандашъ за ухо совершенно такъ же, какъ это дѣлалъ и самъ хозяинъ.

«Онъ навѣрно женится на хозяйской дочкѣ и будетъ торговать въ лабазѣ», подумалъ Нилъ Назаровичъ и заглянулъ еще вверхъ, на окна второго этажа, гдѣ жилъ хозяинъ. Они были ярко освѣщены; это направило его мысли на заказъ. Онъ ускорилъ шаги и подошелъ къ своему дому.

Домъ былъ трехъэтажный, каменный, очень маленькій и довольно грязный. Окна состояли изъ безчисленнаго множества стеколъ разныхъ зеленоватыхъ оттѣнковъ.

Digitized by Google

Ходъ съ улицы походилъ на четыреугольную дыру, въ уровень съ тротуаромъ, безъ навѣса и безъ двери.

Но у Нила Назаровича былъ особый ходъ. Онъ занималъ подвальный этажъ и къ нему надо было спуститься по каменной лѣсенкѣ. По обѣ стороны входной двери было по два полуоконца, которыя были всецѣло посвящены рекламѣ ремесла Нила Назаровича.

На одномъ стоялъ вдоль маленькій, чрезвычайно веселаго вида гробикъ, обитый серебрянымъ глазетомъ съ золотымъ галуномъ и съ пышными кистями на углахъ, на хорошенькихъ золоченыхъ ножкахъ. На другомъ стояли два такихъ же маленькихъ гробика, но поперекъ, обращенные тонкими краями къ улицѣ. Одинъ былъ совершенно черный, въ бархатѣ, съ серебряною бахромой, другой—малиновый, съ бахромой изъ золота. Первый смотрѣлъ строго и, напоминая прохожимъ о смерти, вмѣстѣ съ тѣмъ заставлялъ подумать и о грѣхахъ; у второго же видъ былъ болѣе снисходительный, и, глядя на его нарядную внѣшность, приходило на мысль, что лежать въ такой хорошенькой штучкѣ не такъ ужъ непріятно. Третье окно занималъ солидный, основательно сколоченный гробъ, обтянутый темно-коричневымъ коленкоромъ, предназначенный, очевидно, для простого рабочаго человѣка, для котораго важнѣе всего, чтобъ было крѣпко сдѣлано и чтобы надольше хватило. Наконецъ, въ четвертомъ окнѣ были въ живописномъ порядкѣ развѣшены нѣкоторыя другія принадлежности ремесла, какъ-то: бахрома, парча, кисти и еще какія-то производства, названія которыхъ были извѣстны только Нилу Назаровичу и людямъ его цеха.

Надъ входною дверью возвышалась, доходя до самаго карниза второго этажа, большая деревянная доска, на которой былъ искусною рукой изображенъ гробъ, по бокамъ его горящія толстыя свѣчи въ церковныхъ подсвѣчникахъ, надъ гробомъ вѣнокъ, а надъ всѣмъ этимъ черный балдахинъ; а внизу, хотя это и такъ было ясно,

Digitized by Google

стояла надпись золотыми буквами: «гробовщикъ Нилъ Акуловъ».

Все, что было нарисовано на вывѣскѣ, и то, что стояло въ окнахъ, днемъ освѣщалось солнцемъ, а ночью уличнымъ фонаремъ, и такимъ образомъ мастерская Нила Акулова никогда не оставалась въ тѣни.

Это выгодное положеніе далъ ей еще отдаленный предокъ, положившій основаніе фирмѣ, поэтому-то она и ютилась въ подвальномъ этажѣ стараго неряшливаго дома, хотя ходъ дѣлъ Акулова позволялъ ему перенести мастерскую въ болѣе видное и приличное мѣсто. У Нила Назаровича было, неизвѣстно какъ образовавшееся, убѣжденіе, что гробовщицкій цехъ долженъ непремѣнно помѣщаться въ подвальномъ этажѣ. Можетъ быть, это было сопоставленіе съ тѣмъ обстоятельствомъ, что товаръ, производимый въ мастерской, подымался надъ уровнемъ земли всего на нѣсколько часовъ, чтобы вмѣстить въ себя своего жильца, и затѣмъ шелъ прямо въ землю.

Было еще и то соображеніе, что въ этомъ домѣ дѣла мастерской шли хорошо и, значитъ, мѣсто было счастливое и мѣнять его на новое съ неизвѣстною судьбой было дѣло рискованное. Поэтому Нилъ Назаровичъ, принявъ отъ отца заведеніе и сознавая всѣ недостатки стараго дома, остался на мѣстѣ своихъ предковъ.

Акуловъ спустился по ступенькамъ и отворилъ дверь, обитую по краямъ войлокомъ и клеенкой, въ защиту отъ уличной сырости.

Мастерская представляла собой обширную комнату, сильно удлиненную въ глубь, съ очень низкимъ, порядочно закоптѣлымъ потолкомъ. Вдоль правой стѣны тянулся стеклянный шкафъ, изъ котораго, какъ бы въ дополненіе къ предметамъ, выставленнымъ на окнахъ, выглядывали маленькіе гробики во всевозможныхъ обивкахъ: это были модели или образцы, по которымъ заказчикъ облюбовывалъ тотъ или другой сортъ. Часть другой стѣны была занята шкафомъ поменьше: тамъ хранились куски бархата, глазета, парчи, галунъ, кисти,

Digitized by Google

все необходимое для обивки гробовъ, придающее имъ видъ и цѣнность. Остальное пространство вдоль стѣнъ заполнялось длинными неподвижными скамейками, на которыхъ сидѣли во время работы, пилили доски, валялись инструменты и стружки, а въ послѣобѣденный часъ на тѣхъ же скамьяхъ спали подмастерья. Нѣсколько влѣво стоялъ большой невысокій, четырехугольный столъ съ дубовыми досками, на которыхъ производилась главная работа—вычерчивались гробы сообразно мѣркѣ, снятой съ кліента. Комната освѣщалась единственною, не особенно ярко горѣвшею лампой, которая распространяла въ комнатѣ запахъ нефтяной копоти. Въ мастерской было жарко и душно, и когда кто-нибудь входилъ съ улицы, то изъ нея на улицу вылетали клубы пара, какъ изъ бани или парового котла.

Маленькая дверь, помѣщавшаяся какъ разъ противъ входной, вела въ жилище Нила Назаровича съ семействомъ. Но мастера не жили тутъ. Они ютились на отдѣльныхъ квартирахъ, а отъ хозяина только получали столъ и пользовались скамейками для послѣобѣденнаго отдыха.

Два подмастерья хлопотали надъ постройкой, которая видимо уже приходила къ концу. Главная часть уже была готова и стояла въ сторонѣ. Только внутренность ея не была обита матеріей, и Нилъ Назаровичъ тотчасъ же выразительно покосился на это обстоятельство.

— Безъ васъ не посмѣли, Нилъ Назаровичъ,—объясняли мастера,—боялись испортить... Очень деликатный заказъ.

— Гм...—отозвался на это Акуловъ:—пора бы, кажись, научиться...

Но сказалъ онъ это безъ малѣйшаго упрека, больше по обязанности хозяина, который не долженъ пропускать ни одного случая, чтобы сдѣлать внушеніе мастерамъ. Но въ сущности ему было пріятно это признаніе его авторитета въ дѣлѣ обивки внутренней части. Онъ смотрѣлъ на эту сторону дѣла очень серьезно. Онъ, ко-

Digitized by Google

нечно, столь же серьезно относился и ко всѣмъ другимъ сторонамъ своего ремесла, но придавалъ особое значеніе внутренней обивкѣ. Онъ говорилъ:

— Это, что сверху, это такъ, для глаза, это только отъ дому до кладбища; а то, что внутри — на немъ покойнику лежать приходится; это его послѣдняя постель до самаго второго пришествія. Такъ ужъ тутъ хорошій мастеръ долженъ особенное стараніе приложить...

И въ самомъ дѣлѣ онъ прилагалъ все стараніе, и обивка внутри гробовъ, вышедшихъ изъ его мастерской, отличалась артистическою работой. Если его можно было упрекнуть въ нѣкоторыхъ недочетахъ по другимъ частямъ, то въ этой части онъ достигалъ совершенства. Онъ съ какимъ-то, ему только извѣстнымъ, искусствомъ подкладывалъ вату на днѣ и въ бокахъ и такъ ловко обтягивалъ внутренность шелкомъ или атласомъ, или коленкоромъ, смотря по цѣнѣ заказа и по достоинству покойника, что покойникъ ложился въ него съ такимъ же удовольствіемъ, какъ будто это была мягкая постель. Если бы покойники захотѣли сообщить намъ свои ощущенія, то навѣрно всѣ въ одинъ голосъ заявили бы, что лучше всего лежать въ гробахъ изъ мастерской Нила Акулова. Поэтому подмастерья, свободно обтягивавшіе гробы подешевле, останавливались передъ этимъ дѣломъ, когда приходилось пускать въ ходъ атласъ. Случалось, что Нилъ Назаровичъ, усмотрѣвъ неаккуратность въ ихъ работѣ, въ порывѣ артистическаго раздраженія, срывалъ всю обивку и, не останавливаясь передъ расходами, принимался собственноручно выкраивать новую. Вообще осторожный, разсчетливый и экономный, онъ оказывался расточительнымъ, когда дѣло касалось существенной стороны его ремесла.

— Ну, ладно,—сказалъ онъ,—кончайте крышку, а ужъ я самъ обобью. А завтра въ шесть часовъ утра надо заказъ оттащить къ лабазнику.

Онъ снялъ пальто и пиджакъ и остался въ жилеткѣ; потомъ онъ вынулъ изъ комода кусокъ богатаго атласа,

Digitized by Google

вооружился ножницами и началъ выкраивать обивку для внутренности гроба, въ который завтра ляжетъ жена лабазника. Онъ работалъ быстро и необыкновенно искусно. Подмастерья не разъ оставляли крышку и заглядывались на то, какъ аккуратно и красиво внутренность гроба покрывалась атласомъ и какъ пышно отдувались бока и дно, своею мягкостью маня лечь не только покойника, но и живого человѣка.

Было чему поучиться у Нила Назаровича.

III.

Онъ кончилъ обивку, когда подмастерья еще возились съ крышкой. Оглядѣвъ свою работу, онъ сказалъ съ чувствомъ полнаго удовлетворенія:

— Важно вышло. Красиво смотрѣть! Жаль, что рано надо нести, а то бы постоять ему денекъ на окнѣ, — для вывѣски такой гробъ очень хорошъ.

— Хорошъ! — въ одинъ голосъ сказали оба подмастерья. Они поднялись, стали по обѣ стороны гроба и съ нескрываемымъ восхищеніемъ любовались дѣломъ рукъ своего хозяина.

— Это не гробъ, а прямо, можно сказать, игрушка! — говорили они.—Прямо конфетная коробочка.

И въ самомъ дѣлѣ гробъ былъ удивительно хорошъ. Обтянутый сверху темносинимъ бархатомъ съ серебристымъ галуномъ по краямъ, весело блистая своими посеребренными ручками, на изящныхъ тонкихъ закругленныхъ ножкахъ, онъ напоминалъ бомбоньерку и казался легкимъ воздушнымъ созданіемъ, а между тѣмъ онъ былъ сколоченъ крѣпко, какъ все, что выходило изъ мастерской Акулова. Лабазникъ Рычковъ могъ быть увѣренъ, что не даромъ заплатитъ деньги за заказъ.

— Гм...—говорилъ самодовольно Нилъ Назаровичъ, обращаясь къ мастерамъ:—а онъ хотѣлъ въ процессію... А что толку, что они ему подъ серебро гробъ сдѣлаютъ? Изъ металла всякій сдѣлать можетъ, такъ въ немъ же

Digitized by Google

никакой красоты нѣтъ. Какъ ты его ни полируй, а все видно, что онъ цинковый. Притомъ же оно какъ-то и неприлично, чтобы въ гробѣ дерева не было. Испоконъ вѣковъ человѣка въ деревянный гробъ кладутъ. Нѣтъ, процессія не можетъ такъ сдѣлать, какъ хорошій мастеръ. Во всякомъ дѣлѣ важно мастерство, а процессія— она гробы сотнями дѣлаетъ, какъ же она можетъ? какое же это мастерство?

Въ то самое время, когда хозяинъ съ учениками разсматривали свѣжій товаръ, дверь, которая вела въ жилыя комнаты, пріотворилась, и оттуда донеслись странные сложные звуки, состоявшіе изъ плача младенца и шипѣнія какого-то блюда, жарившагося на плитѣ. Вмѣстѣ съ этимъ въ мастерскую ворвался пріятный запахъ лука, поджареннаго на маслѣ. Нилъ Назаровичъ зналъ, что плита работаетъ для него и что онъ заслужилъ свой ужинъ.

Раскрытая дверь отвлекла его мысли отъ искусства къ семейнымъ дѣламъ. Тамъ происходилъ разговоръ между его женой и дочерью Мариной, а иногда вмѣшивался и Андрей. Марина, повидимому, куда-то торопилась и искала свой зонтикъ.

— Постоянно затаскаютъ его въ какую-нибудь дыру!— негодующимъ, но довольно нѣжнымъ и симпатичнымъ голосомъ говорила она: — ужъ это навѣрно Андрюшка въ лавочку подъ зонтикомъ бѣгалъ.

— Очень мнѣ нуженъ дамскій зонтикъ! стану я ходить подъ дамскимъ зонтикомъ! — съ оттѣнкомъ презрѣнія возражалъ Андрей: — я подъ тятинькинымъ хожу, когда мнѣ надо.

— А ты поищи, ворона, — вступалась мать, — некому тутъ тебѣ прислуживать. Думаешь, какъ шляпку надѣла съ перьями, да высокій задъ себѣ устроила, такъ уже и барыней стала. Нѣту тутъ баръ... Ищи сама. Ну, вотъ нашла же, напрасно только на мальчика клеплешь.

— Господи! да почемъ же я могу знать, что его въ гробъ засадили! На самомъ днѣ лежитъ и крышкой

Digitized by Google

накрытъ. Этакъ когда-нибудь мою шляпку либо юбку съ покойникомъ въ землю зароютъ. Ну, жизнь! Когда я только выберусь изъ этого кладбища!

Этотъ разговоръ сразу возстановилъ въ головѣ Нила Назаровича всѣ семейныя отношенія въ его домѣ, которыя, надо сказать правду, были порядочно запутаны. Запутывала ихъ собственно Марина, у которой были вкусы, совсѣмъ не вязавшіеся съ ремесломъ Акулова. Вотъ она отыскала свой зонтикъ и вышла въ мастерскую во всемъ величіи своего наряда. Ей надо было выйти на улицу, а другого хода не было, поэтому ей пришлось пройти мимо гробовъ и произвести среди нихъ смущеніе тѣмъ контрастомъ, который по отношенію къ нимъ представляла ея наружность.

— Уже! Шлендрать идешь...—укоризненно сказалъ Нилъ Назаровичъ.

— Ахъ, тятенька, оставьте меня въ покоѣ!—довольно сердито бросила ему Марина.

— Фу, ты, строгость какая!

Подмастерья дали ей дорогу, а она прошла, даже не взглянувъ на гробъ, который представлялъ предметъ гордости цѣлой мастерской.

Она была хорошенькая, и подмастерья относились къ ней за это съ большимъ почтеніемъ. Можетъ быть, они оба были даже влюблены въ нее и каждый жалѣлъ о томъ, что она не выйдетъ за него замужъ. У нея были быстрые лукавые глазки, розовенькія щечки съ ямочками, красивый ротикъ съ пышными алыми губками. Сама она была тонкая, стройная, ловкая въ движеніяхъ, и что-то задорное было въ ея взглядѣ, голосѣ и манерѣ ходить и держаться. Странно было видѣть такое существо постоянно живущимъ среди гробовъ, въ квартирѣ, гдѣ даже въ коридорѣ стояли наскоро сколоченные, не обитые гробы на случай быстраго спроса или большого заказа куда-нибудь въ больницу, гуртомъ. Странно звучалъ здѣсь ея звонкій голосъ, въ которомъ было что-то радостное, какая-то жажда жизни, что-то призывающее

Digitized by Google

къ счастью и менѣе всего мирящееся со смертью, а между тѣмъ, смерть напоминала о себѣ здѣсь въ каждомъ углу, въ каждой точкѣ.

Нарядъ ея не представлялъ ничего особеннаго и только развѣ по сравненію съ обстановкой родного дома могъ показаться пышнымъ. Напротивъ, онъ былъ слишкомъ скроменъ въ сравненіи съ ея вкусами и желаніями, а ея хорошенькое личико заслуживало лучшаго. Это была простая черная шерстяная юбка съ самымъ незначительнымъ возвышеніемъ сзади, скромная темносиняя, доходившая до пояса накидка съ мѣховой опушкой, боа, красиво окутывавшее шею, и маленькая фетровая шляпка съ синимъ бантомъ, устроеннымъ ея собственными руками. Все это было очень не ново, и еслибы присмотрѣться поближе къ подробностямъ, то можно было бы открыть множество слабыхъ мѣстъ, указывавшихъ на собственноручныя передѣлки и всякаго рода приспособленія. И когда Марина появлялась въ мастерской въ новомъ платьѣ, то нужно было обладать тайной ея искусства, чтобы понять, что это въ сущности все то же ея единственное платье, только съ маленькой перемѣной гдѣ-то, въ чемъ-то, чего не могъ уловить непосвященный глазъ. У Марины было много прирожденнаго вкуса, который вѣчно боролся съ бѣдностью ея костюма и гораздо чаще побѣждалъ, чѣмъ терпѣлъ пораженіе.

И достаточно было взглянуть на изящную фигурку Марины, такъ отличавшуюся отъ всего, что было въ домѣ, на ея блестящіе быстрые глазки, въ которыхъ всегда горѣлъ какой-то заманчивый огонекъ,—чтобы понять, что она дѣйствительно должна вносить путаницу въ этотъ домъ.

Она проскользнула между разступившихся передъ нею мастеровъ и исчезла на улицѣ.

— Охъ,—промолвилъ ей вслѣдъ Нилъ Назаровичъ,—и что только изъ нея выйдетъ, одинъ Богъ знаетъ. И въ кого только она уродилась?

Но онъ тотчасъ же возвратился къ дѣлу и прива-

Digitized by Google

вилъ, обращаясь къ мастерамъ:—Ну, кончайте крышку, да чтобъ завтра, чѣмъ свѣтъ, отнести въ лабазъ. И факелы, не забудьте факелы! Да чтобы факельщики были въ свое время на мѣстѣ. Имъ сказано уже. Я даже рубль задатку далъ.

И сказавъ это, онъ ушелъ въ семейную часть своей квартиры.

Въ квартирѣ этой, кромѣ мастерской, было еще три комнаты, хотя не всѣ онѣ въ равной степени заслуживали это названіе. Одна была дѣйствительно комната, въ ней помѣщалась большая тесовая кровать со множествомъ высоко наложенныхъ подушекъ, прикрытыхъ голубымъ шелковымъ стеганнымъ одѣяломъ, маленькій столикъ, большой шкафъ и угольникъ съ образами и лампадкой, которая зажигалась съ субботы на воскресенье. Здѣсь было тихо, пахло сыростью и деревяннымъ масломъ; низенькая кафельная печка всегда была нагрѣта до высшаго градуса; здѣсь была спальня Нила Назаровича и супруги его Анны Степановны. Они всю совмѣстную жизнь помѣщались на этой кровати, въ этой самой комнатѣ. Эта кровать была ихъ брачной постелью, и на ней Анна Степановна произвела на свѣтъ все свое потомство, въ настоящее время состоявшее изъ Марины, Андрея и маленькой полуторагодовалой дѣвочки, Глашутки. Она обитала тутъ же въ небольшой подвѣшенной къ потолку люлькѣ на такомъ разстояніи отъ кровати, чтобъ Анна Степановна могла ночью, не вставая съ постели, усмирять ее, раскачивая люльку изъ стороны въ сторону, и была предметомъ обожанія обоихъ супруговъ.

Другая комната заключала въ себѣ плиту, кухонный столъ и рядъ полокъ съ посудой, но тутъ же стояла узенькая желѣзная кровать, на которой спалъ Андрей. Сюда онъ перешелъ прямо изъ люльки, когда наступили соотвѣтствующіе годы. Здѣсь на стѣнѣ надъ кроватью висѣли принадлежности его туалета, и вообще тотъ уголъ, гдѣ стояла кровать, принадлежалъ ему.

Третье помѣщеніе было совсѣмъ странное. Это было

Digitized by Google

нѣчто вродѣ большой кладовки; здѣсь вдоль стѣнъ стояли гробы въ различныхъ моментахъ своего возникновенія: совершенно конченные, поставленные одинъ на другой, обтянутые матеріей и обнаженные, съ крышкой и безъ крышекъ, однѣ только крышки... Тутъ же въ углу были свалены въ кучу остатки обивныхъ матерій, бахромы, кистей, парчевыхъ прошивокъ, шнуровъ. Все это характеризовало комнату, какъ кладовую мастерской. Здѣсь же въ отдѣльномъ уголку стояло ведерко съ лакомъ, клей, краска, лежали тонко заструганные деревянные гвозди, молоточки.

Но среди этихъ принадлежностей ремесла, почти посрединѣ комнаты, возвышалась стоячая вѣшалка, совершенно облѣпленная юбками, домашними кофточками, всевозможными принадлежностями дамскаго туалета. Внизу стояли дамскія ботинки и калоши для маленькой ножки, а на подоконникѣ единственнаго окна, выходившаго прямо въ стѣну сосѣдняго флигеля, стояли зеркало, коробочки и флакончики съ пудрой, духами, шпильками, булавками. Эти предметы свидѣтельствовали, что въ кладовой живетъ изящное существо, живетъ и страшно борется за свою жизнь, и этимъ существомъ была Марина, для которой въ домѣ не было другого помѣщенія.

Здѣсь не было никакихъ признаковъ кровати или кушетки, или чего-нибудь такого, на чемъ можно было спать. Когда наступалъ часъ отхода ко сну, Марина раздвигала кучу обойныхъ остатковъ, придавая ей плоскій видъ, потомъ изъ одного изъ гробовъ, служившаго ей комодомъ, вынимала простыню, одѣяло, подушку и устраивала себѣ прекрасную постель.

Нилъ Назаровичъ зашелъ въ спальню и снесъ туда пиджакъ, въ которомъ всегда выходилъ на улицу или, если случалось дѣло, напримѣръ, снять мѣрку съ покойника. Тутъ же онъ скинулъ и жилетку, повѣсилъ то и другое въ шкафъ и остался въ рубахѣ. Въ такомъ видѣ онъ направился въ кухню, гдѣ уже столъ былъ накрытъ сѣрой скатертью и приготовлены три прибора

Digitized by Google

для ужина. Андрей сидѣлъ уже за столомъ, тоже въ одной рубахѣ, всученной въ штаны, а Анна Степановна возилась около плиты. Въ комнатѣ стояла духота, а воздухъ былъ пропитанъ всѣми кухонными запахами. Но семья къ этому привыкла и находила все это недурнымъ.

— Ну, вотъ я и освободился!—сказалъ Нилъ Назаровичъ, садясь за столъ.—Какую штуку для лабазницы смастерили, просто заглядѣться можно... Не гробъ, а пряникъ, скушать хочется, погляди-ка, Андрей!

Андрей тотчасъ же заинтересовался и побѣжалъ въ мастерскую. Черезъ минуту онъ вернулся съ сіяющимъ лицомъ.

— Чудо гробъ! — сказалъ онъ. — Дорогой должно быть?

— Да ужъ, конечно, не дешевый! Для лабазницы. Я думаю, съ нея можно взять.

— Много взялъ, Нилъ?—спросила Анна Степановна, обливавшаяся по́томъ у плиты.

— Много не много, а сотенную дастъ, да еще, можетъ, отъ факеловъ что-нибудь перепадетъ. Этакіе заказы почаще бы Богъ посылалъ... Да, ужъ можно сказать, гробикъ первый сортъ. Гм... А еще лабазникъ въ процессіи хотѣлъ заказать. Развѣ процессія можетъ такой гробъ поставить? Они что дѣлаютъ? Охтенскимъ заказываютъ, а тѣ всякую гниль скупаютъ, да изъ нея и мастерятъ, — ну, а потомъ обтянутъ красивой тряпицей, вотъ тебѣ и гробъ... А у меня, ужъ если я берусь, такъ крѣпко дѣлаю, на сто лѣтъ хватитъ... Ну, присаживайся, Анюта, и ты, Андрей; я съ вами хочу разговоръ имѣть. Это касательно Андрея, а ты, какъ мать, должна при этомъ быть...

Анна Степановна поставила на столъ съѣстное, потомъ сняла съ головы платокъ, имъ же вытерла потъ съ лица и сѣла за столъ. Андрей тоже присосѣдился, началась трапеза. Нилъ Назаровичъ, отдавъ первую дань своему аппетиту, заговорилъ очень серьезнымъ тономъ:

— Вотъ что, Андрей. Тебѣ уже тринадцатый годъ.

Digitized by Google

Ты, положимъ, ходишь въ школу, но это ничего. По отцу ты есть человѣкъ ремесленнаго званія и слѣдственно тебѣ надо о какомъ-нибудь ремеслѣ подумать... Я работаю двадцать пять лѣтъ, а все же, въ случаѣ чего такого, мнѣ не на кого положиться. Вотъ я и хочу тебя опросить, какъ я моего сына по этой части понимать долженъ?

Андрей не понялъ этой нѣсколько витіеватой рѣчи и молчалъ; Анна Степановна спросила:

— Это ты чтобы по гробовой части его?

— Я не говорю этого, я не насилую! — отвѣтилъ Нилъ Назаровичъ. — А только долженъ я его опросить. Возрастъ его такой, что пора ремеслу учиться. А по какой части, это смотря, какъ у него душа лежитъ.

— Я, тятенька, по гробовой согласенъ! — сказалъ Андрей, поняви въ чемъ дѣло.

— Ишь ты какой быстрый! Какъ же ты можешь быть согласенъ, когда ты этого дѣла еще и не нюхалъ?

— Какъ же не нюхалъ, тятенька, если всякій часъ вижу? Я очень даже это дѣло понимаю и даже могъ бы самъ гробъ сдѣлать...

— Это хорошо; а только вдругъ, можетъ, у тебя проявится отвращеніе! Это бываетъ. Гробовое дѣло — не простое. Оно не всякому дается...

— Съ какой стати отвращеніе? Ежели мой тятенька этимъ дѣломъ занимается, такъ отчего же и мнѣ не заниматься? А мнѣ такъ оно даже нравится. Гробъ можно такой красивый сдѣлать, что хоть на выставку. Взять хоть бы этотъ, для лабазницы...

— Правда. Такъ никакого, говоришь, отвращенія?

— Никакого, тятенька.

— Инымъ бываетъ жутко...

— А мнѣ ничего. Вотъ Марина ругается,—куда ни глянь, говоритъ, все гробы, да гробы; а по-моему, что-жъ такое, что гробы? Гробъ каждому человѣку нуженъ.

— Я такъ полагаю,—промолвила Анна Степановна,—

Digitized by Google

что только и есть одно настоящее ремесло, что гробовщицкое. Прочія ремесла что такое? Взять хоть бы модное, либо шляпочное,—одна суета! А гробъ такой предметъ, безъ котораго никакой человѣкъ обойтись не можетъ. Гробъ самый полезный предметъ... я такъ полагаю.

— Правильно. Ну, какъ же ты меня обрадовалъ, Андрей, что отцовское ремесло одобряешь! По крайности у меня теперь свой собственный помощникъ будетъ...

И въ это время въ головѣ его свѣтлымъ золотистымъ облачкомъ промелькнула мечта.

— А я тебѣ и товарища нашелъ: Викентій, слесарь, своего сына ко мнѣ въ науку отдаетъ.

— Викентіевъ сынъ? Васька? Такой блѣдный да тонкій?—сказалъ Андрей.

— А ты его знаешь?

— Онъ къ намъ въ школу ходилъ, да бросилъ. Все задумывается и куда-то вдаль смотритъ.

— Э, ничего, какъ за дѣло примется, такъ и задумываться перестанетъ. Будешь задумываться, когда у отца дѣла совсѣмъ плохи, а въ домѣ лишняго стула нѣтъ. Завтра Викентій обѣщалъ и привести его.

Въ эту ночь Нилъ Назаровичъ долго не могъ заснуть. Мечта наполнила его голову очаровательными образами. Онъ слышалъ, какъ послѣ двѣнадцати часовъ ночи вернулась домой Марина и, отперевъ квартиру собственнымъ ключомъ, прошла въ свою комнату. Тутъ мысли Нила Назаровича приняли новое, не столь пріятное направленіе, потому что онъ сталъ думать о Маринѣ.

IV.

Марина спала крѣпко на своей мягкой постели изъ остатковъ обойныхъ принадлежностей. Комната слабо освѣщалась окномъ, выходившимъ къ стѣнѣ. Плохо оштукатуренныя и ничѣмъ не оклеенныя стѣны носили на себѣ всѣ признаки долголѣтней сырости, которая разри-

Digitized by Google

совала ихъ влажными пятнами самыхъ капризныхъ узоровъ, а на низкомъ потолкѣ кое-гдѣ проглядывала даже зеленоватая плѣсень.

Марина вся до подбородка закуталась въ одѣяло. Утренній сонъ ея былъ сладокъ. Но крикъ младшей сестры, долетавшій очень явственно изъ спальни, рано разбудилъ ее. Она открыла глаза и увидѣла какъ разъ передъ собою два ряда широкихъ полокъ, на которыхъ въ чрезвычайномъ порядкѣ стояли сдѣланные вчернѣ неокрашенные и необитые гробы разной величины. Она видѣла ихъ каждый день. Каждое утро они были первымъ впечатлѣніемъ ея глазъ. Она привыкла къ нимъ съ дѣтства и научилась смотрѣть на нихъ какъ на неизбѣжность.

Она глядѣла на нихъ съ минуту, и потомъ ей сдѣлалось скучно и она опять закрыла глаза. И легкая дрема вновь охватила ее, и продолжались пріятныя видѣнія, совсѣмъ не похожія на тотъ міръ, который окружалъ ее.

Въ мастерской стучали маленькіе молоточки, вбивавшіе деревянные гвозди въ доски. Никогда не прерывалась эта работа. Пила посвистываетъ, молотки постукиваютъ, слышатся шипящіе звуки занозы... Люди умираютъ каждый день, каждый часъ, а дѣла въ мастерской Акулова идутъ отлично. Иногда изъ мастерской доносится пѣсня, которую подмастерье мурлычетъ себѣ подъ носъ; иногда они поютъ дуэтомъ. Они любятъ свое ремесло, и имъ весело оттого, что много заказовъ и имъ не приходится сидѣть безъ дѣла.

А ея видѣнія странны. Она видитъ себя въ легкой воздушной одеждѣ, съ золотыми блестками, порхающей на широкой сценѣ среди кулисъ и декорацій, изображающихъ лѣсъ, по которому протекаетъ кристальный ручей. Она—нимфа или русалка, или какое-нибудь иное неземное существо; она совсѣмъ не знаетъ миѳологіи, и всѣ эти существа для нея одинаковы. Они красивы, воздушны, они не похожи на людей съ ихъ тяжелыми, неудобными платьями, съ ихъ нуждой, сырыми темными жилищами. Они только и дѣлаютъ, что порхаютъ отъ

Digitized by Google

одного куста къ другому, принимаютъ живописныя, полныя изящества, соблазнительныя позы и кокетничаютъ съ пастушками, съ птичками, съ мотыльками, съ вѣтками деревьевъ, съ цвѣтами и съ ручьемъ. Большой залъ наполненъ зрителями и ярко освѣщенъ.

Откуда взялись въ ея окутанной дремотой головѣ эти образы? Не могли ихъ навѣять сырыя стѣны съ низкимъ потолкомъ и эти смотрящіе на нее изъ всѣхъ угловъ многогранные ящики, напоминающіе о томъ, что все должно кончиться разъ навсегда.

Это были картины изъ вчерашняго балета, вставленнаго въ оперу, которую пѣли итальянцы частнаго театра. Тамъ были эти воздушныя существа въ чудныхъ фантастическихъ одеждахъ. Не она ихъ изображала, а другія искусныя и признанныя танцовщицы, но и она была на сценѣ и на ней были одѣты красивыя, легкія одежды, и ея плотно обтянутыя ножки въ глубинѣ сцены выдѣлывали какія-то фигуры. Она глядѣла на тѣхъ счастливицъ и жадно завидовала имъ, потому что зрители смотрѣли не на нее, а на нихъ, но въ то же время она была счастлива.

Она была счастлива потому, что только тамъ, на сценѣ, среди картонныхъ лѣсовъ, гротовъ и ручьевъ она дышала полною грудью, забывая о жалкой дѣйствительности. Богъ знаетъ, какъ въ этихъ мрачныхъ стѣнахъ стараго дома, въ глубокихъ, мягкихъ и жаркихъ пуховикахъ родительской кровати, въ затхломъ воздухѣ сырой, тѣсной, крѣпко натопленной комнаты, появилась на свѣтъ эта фантастическая головка, съ первыхъ же сознательныхъ шаговъ удивлявшая всѣхъ своими вкусами и настроеніями. Анна Степановна была скромная, трудолюбивая хозяйка, съ ограниченнымъ умомъ, лишеннымъ всякой фантазіи. Ея кругозоръ былъ такъ же узокъ, какъ и сфера ея жизни; она вѣровала въ высокое искусство мужа, покорно уступала ему преимущество во всѣхъ житейскихъ вопросахъ и считала его умнѣйшимъ изъ людей, а свою жизнь — лучшимъ удѣломъ женщины на

Digitized by Google

землѣ. Нилъ Назаровичъ былъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, почтенный, а въ своемъ ремеслѣ даже видный,—въ ремесленномъ управленіи онъ занималъ почетную должность, на которую выбирали его много лѣтъ непрерывно. У него была даже своего рода фантазія, но исключительно въ области его ремесла. Онъ не довольствовался производствомъ гробовъ во что бы то ни стало по общепринятому фасону. Конечно, онъ не могъ измѣнить основныхъ очертаній въ своемъ товарѣ, не могъ придавать гробамъ фигуру цвѣтка; онъ долженъ былъ держаться обычаемъ установленной формы. Но все же онъ вносилъ въ свое искусство усовершенствованія, которыя были очевидны не только для спеціалистовъ, но и для партикулярныхъ людей. Всякій человѣкъ, мало-мальски причастный къ похоронному дѣлу, при одномъ взглядѣ на гробъ, могъ сказать: «это изъ мастерской Акулова, тутъ видна Акуловская рука». Но все же надо сказать, что весь умъ Нила Назаровича былъ погруженъ въ міръ гробовъ и похоронъ и выше этого міра никогда не подымался. Онъ былъ не богатъ, хотя кое-что уже прикопилъ въ интересахъ своей мечты, которой никогда никому не высказывалъ. Но еслибъ ему дали милліонъ и спросили его, что онъ съ нимъ сдѣлаетъ, то онъ, не задумываясь, отвѣтилъ бы, что откроетъ огромную образцовую гробовую мастерскую. Ему далеко не было чуждо самолюбіе, но и оно все принадлежало области его наслѣдственнаго ремесла. Мечта его могла возвышаться до желанія провожать на тотъ свѣтъ всю Петербургскую Сторону, даже весь Петербургъ, можетъ быть всю Европу и хотя бы весь земной шаръ.

И вотъ отъ Нила Назаровича и Анны Степановны родилась Марина, которая еще въ дѣтствѣ, едва только вышла изъ пеленокъ и стала ходить, обнаружила склонности, на которыя косо посматривали всѣ гробы, разставленные въ квартирѣ Акулова. Ея любимымъ развлеченіемъ были танцы. Не имѣя никакого понятія о балетѣ, она постоянно носилась въ вихрѣ какого-нибудь

Digitized by Google

необыкновеннаго, ею же созданнаго танца, принимала удивительныя позы, живописно драпировалась въ разныя тряпки, какія только попадались ей подъ руку, будь то старая юбка Анны Степановны, кусокъ парчи или бархата, предназначенные для обивки богатаго гроба. По мѣрѣ того, какъ она росла, у нея являлась потребность въ обстановкѣ. Фантазія ея работала свободно, и она, разставляя гробы по разнымъ угламъ комнаты, одинъ — бокомъ, другой—стоймя, третій дномъ кверху или одинъ на другой, воображала себя среди таинственныхъ замковъ и дремучихъ лѣсовъ, на днѣ глубокаго моря, сказочной царицей, русалкой, феей, пастушкой.

И ничто: ни однообразный стукъ молотковъ въ мастерской, ни постоянные разговоры о покойникахъ, съ которыхъ то и дѣло снимали мѣрку, ни надоѣдливый видъ гробовъ,—ничто не могло настолько придавить ея мозгъ, чтобы вытравить изъ него эти образы фантазіи. Она вѣчно искала новыхъ формъ, новыхъ позъ, создавала новые сюжеты и мечтала о чемъ-то такомъ, чего не знала и не понимала. Ей казалось, что жизнь, настоящая жизнь, не здѣсь, не въ этомъ сыромъ полутемномъ подвальномъ этажѣ, а гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, и что она не такая, какъ эта, а иная—яркая, шумная, красивая, блестящая и радостная. И всѣ силы ея мечтательности устремлялись въ эту неизвѣстную область, она постоянно чего-то ждала, какой-то перемѣны, какого-то случая, который откроетъ ей этотъ міръ.

Домашняя жизнь шла своимъ чередомъ. По мѣрѣ того, какъ она подростала, ее пріучали къ хозяйству. Анна Степановна учила ее шитью и вязанью, ее посылали въ школу, и она научилась читать и довольно плохо писать. Но на все это она смотрѣла какъ на нѣчто временное, нѣчто такое, чему она обязана отдавать свои силы по желанію другихъ, до той поры, пока не придетъ желанный случай.

И случай, наконецъ, пришелъ. Ей пошелъ уже семнадцатый годъ, когда Нилъ Назаровичъ съ Анной Сте-

Digitized by Google

пановной и съ нею на Рождествѣ отправились въ манежъ на гулянье. Тутъ Марина впервые увидѣла сцену, на которой танцовщицы въ костюмахъ исполняли что-то необыкновенно замысловатое и сложное. Все это было, разумѣется, первобытно и грубо, но на Марину произвело такое впечатлѣніе, что она сидѣла блѣдная, съ страшно бьющимся сердцемъ, не отрывала глазъ и не хотѣла уходить. Глядя на сцену, гдѣ вертѣлись и ломались женщины, она испытывала одно желаніе въ одинъ мигъ перелетѣть туда, облечься въ ихъ костюмъ и пуститься вмѣстѣ съ ними въ вихрѣ танца.

Она уже чувствовала себя такъ, какъ человѣкъ, всю жизнь работавшій надъ какимъ-нибудь открытіемъ и вдругъ нашедшій основную идею. Цѣлую недѣлю праздниковъ она всѣми правдами и неправдами находила возможность уходить изъ дому и попадать въ манежъ. Придя домой, она забиралась въ свою кладовую, раздвигала гробы и тряпки и старалась продѣлать своими ногами всѣ тѣ штуки, которыя видѣла на сценѣ. Много встрѣтила она препятствій, многое оказалось для нея недостижимымъ. Какъ ни были плохи манежныя танцовщицы, но у нихъ все же была кой-какая школа, кое-какіе пріемы, онѣ кое-чему когда-то учились, а въ томъ, что онѣ изображали, была послѣдовательность, цѣльность и, хоть глупая, но все же мысль. У нея ничего этого не было и тѣмъ не менѣе она, благодаря только своимъ способностямъ, переняла у нихъ многое, и теперь въ ея домашнихъ танцахъ появились новыя, дотолѣ невиданныя фигуры. Теперь ея мечты приняли болѣе реальныя формы. Она вѣчно думала о томъ, какъ бы попасть въ манежъ на сцену, какъ бы присоединиться къ этимъ избранницамъ, на которыхъ смотритъ столько народа.

А ея положеніе въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ она мечтала, было печально. Тусклая обстановка домашней жизни такъ мало походила на яркія краски сцены. Ея туалетъ казался ей жалкимъ. Ее одѣвали настолько, чтобы было тепло и прилично показаться на улицу, когда надо

Digitized by Google

было сходить въ мелочную лавку за деревяннымъ масломъ для лампадки. На ней была единственная сѣрая юбка, перешитая изъ праздничнаго платья Анны Степановны, коричневая фланелевая кофта, а на головѣ шерстяной платокъ. Было еще парадное платье изъ свѣтло-голубого кашемира, но оно было заперто въ шкафу въ спальнѣ и ожидало какого-то особенно торжественнаго случая. Что касается верхней зимней одежды, она была просто ужасна: порядочно заношенная шубейка, оказавшаяся узкой Аннѣ Степановнѣ, перешла къ ней по наслѣдству. Она была лишена всякаго фасона и имѣла видъ мѣшка, въ днѣ котораго продѣлали дыру.

А между тѣмъ Марина часто смотрѣлась въ зеркало и видѣла, что у нея хорошенькое личико, привлекательные глазки, бѣлая шейка, красивыя маленькія ручки, что она прекрасно сложена, изящно движется, ходитъ, и что вообще по всему она заслуживаетъ лучшей участи. Были и внѣшнія доказательства того, что она обладаетъ не малыми сокровищами. Еще тогда, когда она на Рождествѣ ходила одна въ манежъ, какой-то усатый офицеръ долго смотрѣлъ на нее и, толкнувъ своего сосѣда локтемъ въ бокъ, сказалъ ему: посмотри, какая хорошенькая мѣщаночка! Да и кромѣ офицера другіе заглядывались на нее, она это очень хорошо примѣчала. Часто случалось на улицѣ, когда ее посылали по дѣлу, какой-нибудь парень, а то и почтенный господинъ, уставится на нее, какъ-то особенно крякнетъ и скажетъ: Гм... ну, и глазенки же у этой дѣвчонки!—или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Да Маринѣ и не нужно было доказательствъ ея красоты. Она очень хорошо видѣла всѣ свои преимущества. Она только не могла найти способа отыскать приложеніе своимъ способностямъ. Кругъ ея знакомствъ былъ такъ далекъ отъ того міра, о которомъ она мечтала. Это были лавочники съ ихъ улицы, два-три гробовщика съ семействами, подмастерья, которыхъ она знала еще мальчишками, такъ какъ они учились у ея отца, и еще дюжина столь же темныхъ и незначительныхъ людей.

Digitized by Google

Въ своей семьѣ она занимала странное положеніе. Сперва на нее смотрѣли какъ на ребенка, который, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, все еще забавляется, но однажды, послѣ одного случая, стали втупикъ и не знали, что подумать. Это случилось, когда Маринѣ исполнилось семнадцать лѣтъ. Къ ней присватался молодой паренекъ, сынъ владѣльца портерной въ Самсоніевской улицѣ. Безъ сомнѣнія, дочери гробовщика всего приличнѣе было выйти за сына гробовщика, но и портерная тоже хорошее дѣло, и родители Марины отнеслись съ полнымъ одобреніемъ къ жениху. Но Марина объявила, что ни за что не выйдетъ замужъ.

— Почему же ты не выйдешь?—спросилъ ее Нилъ Назаровичъ.

— Такъ, не выйду да и только,—не хочу!

— Значитъ, онъ тебѣ не нравится, что ли? Ты за другого желаешь или какъ?

— Ни за него, ни за другого! Ни за кого я не хочу.

— Какъ же такъ? Вѣдь дѣвушкѣ же надо выйти замужъ, иначе никакъ невозможно.

— Можно и не выйти.

— Но, напримѣръ, кормиться же ей чѣмъ-нибудь надо... Положимъ, теперь ты у родителей, и мы тебя не гонимъ, а вдругъ я помру и прочее... Мужчина— онъ всегда ремесло какое-нибудь знаетъ, а дѣвушка... у нея одно ремесло и есть: замужемъ быть.

— У меня будетъ свое ремесло.

— Какое же у тебя ремесло?

— Балетное.

— Это что же такое, что же это означаетъ—балетное?

— А это означаетъ, что танцовать на сценѣ.

— Какъ такъ танцовать?

— А какъ вы видѣли въ манежѣ... Я тоже могу такъ, за это даже деньги платятъ.

— Что-о-о? Да ты съ-ума сошла! Кто же тебѣ деньги заплатитъ? Тамъ искусницы танцуютъ, ученыя, а ты гдѣ

Digitized by Google

училась? За что же тебѣ платить? Развѣ тамъ дураки сидятъ или какъ?

— Нѣтъ, не дураки, а я тоже могу... И знаю, что мнѣ заплатили бы... Мнѣ даже уже предлагали.

— Вотъ какія штуки! Гм... Удивительно! Смотри-ка, Маринка, за то ли тебѣ предлагали?...

Нилъ Назаровичъ не зналъ, какъ и смотрѣть на нее послѣ этихъ словъ. Маринкѣ даютъ деньги за то, что она будетъ тамъ перебирать ногами. Онъ этому не могъ повѣрить. То, за что даютъ деньги, въ его глазахъ уже пріобрѣтало нѣкоторый вѣсъ. Деньги даютъ всегда за дѣло, а на какое же дѣло способна Маринка? Онъ понималъ, что можно платить деньги и за танцы, потому что на это публика идетъ, и онъ самъ ходилъ не разъ и билеты покупалъ. Но искусство манежныхъ танцовщицъ представлялось ему такимъ труднымъ, сложнымъ и высокимъ, а сами онѣ такими учеными, что онъ не могъ допустить и мысли о годности для этого Маринки, и онъ сказалъ:

— Ты просто еще изъ дѣвчонокъ не выросла и оттого тебѣ всякія глупости лѣзутъ въ голову.

Но портерщику, все-таки, пришлось отказать. Впрочемъ, ему отказали условно, сказавъ, что Марина еще молода и хочетъ погулять въ дѣвичествѣ. Этимъ ему какъ бы давали надежду, что если онъ подождетъ, то получитъ Марину современемъ.

А Марина, дѣйствительно, завела кое-какія связи со сценой. Какъ это вышло, она и сама не могла бы объяснить. Чутье показало ей ходъ, а страстное желаніе дало ей храбрость забраться туда и, забившись въ темный уголъ, простоять нѣсколько часовъ. Потомъ она повторила это смѣлѣй, затѣмъ съ кѣмъ-то тамъ познакомилась, кое-что поразспросила, и, наконецъ, смѣлость ея дошла до того, что она рѣшилась высказать кому-то желаніе участвовать въ представленіи. И были переговоры. Марина чистосердечно объяснила, что никогда не училась, нигдѣ не танцовала, но ее осмотрѣли внимательно

Digitized by Google

и нашли, что обладательница такихъ хорошенькихъ глазокъ, даже безъ всякаго умѣнья танцовать, была бы не лишнимъ предметомъ на сценѣ, и ей даже предложили какую-то небольшую плату.

Но тутъ Марина увидѣла, что, прежде чѣмъ вступить въ трушу, надо сколько-нибудь прилично одѣться. Надо смастерить, по крайней мѣрѣ, что-нибудь похожее на шляпку, чтобъ ее, танцорку, не смѣшивали съ тѣми дѣвицами, что стояли при дверяхъ, отворяя и затворяя ихъ. И это ее остановило. Теперь ея мечта сосредоточилась на шляпкѣ и новой кофточкѣ. Но и этого она достигла, выпросивъ у матери кое-какіе гроши, и вотъ однажды она явилась къ Нилу Назаровичу очень взволнованная и, передавъ ему рублевую бумажку, сказала: «вотъ, тятенька, я заработала.... Я два рубля заработала, а только одинъ издержала на ленты, а это вамъ принесла, потому не желаю даромъ хлѣбъ кушать».

Нилъ Назаровичъ не хотѣлъ было вѣрить, но присутствіе настоящей рублевой бумажки было фактомъ. Деньги—самый убѣдительный доводъ. Коли деньги даютъ, значитъ есть какой-нибудь толкъ. А главное, потомъ всю недѣлю она приносила домой деньги, правда небольшія, но все же деньги. Нилъ Назаровичъ, конечно, денегъ этихъ себѣ не бралъ, а предоставлялъ ей употребить ихъ на кофточки. Притомъ все это происходило прилично: Марина очень скромно возвращалась домой рано, когда еще мастера не разошлись, и, пройдя въ свою комнату, тотчасъ же ложилась спать. Нилъ Назаровичъ было колебался, но его отношеніе къ Маринѣ само собою измѣнилось. Нельзя сказать, чтобъ онъ возложилъ на нее какія-нибудь надежды или возликовалъ,—нѣтъ, онъ даже не могъ хорошенько опредѣлить себѣ, въ чемъ тутъ дѣло, хорошо это или дурно. Это былъ міръ совершенно чуждыхъ ему представленій и понятій. Но все же онъ видѣлъ, что изъ Марины получается какой-то толкъ и что у нея есть что-то свое, какое-то основаніе, что она не зря болтаетъ въ воздухѣ ногами, а что это болтаніе такъ или

Digitized by Google

иначе можетъ стать ремесломъ и кормить ее. Это уже было очень много съ его точки зрѣнія.

А Марина съ теченіемъ времени совершенствовалась. За два года она не потеряла даромъ ни одного случая, танцовала и въ манежѣ, и въ балаганахъ на Марсовомъ полѣ, гдѣ тоже ставили балеты, и въ Зоологическомъ саду, и сдѣлалась въ своемъ искусствѣ замѣтною единицей. Ужъ теперь плата ей возросла до трехъ, а въ иныхъ случаяхъ и до четырехъ рублей, и Нилъ Назаровичъ, можетъ быть, совсѣмъ призналъ бы ее, еслибъ этому не мѣшали нѣкоторыя побочныя обстоятельства, сопровождавшія успѣхи Марины. Она стала очень поздно являться домой, иногда въ два часа ночи, иногда передъ разсвѣтомъ. Нилъ Назаровичъ сначала косо посматривалъ на это, но потомъ не выдержалъ и устроилъ ей бурную сцену.

— Ты у меня, Марина, смотри! —говорилъ онъ ей,— пляши, пляши, да не заплясывайся.

— Что это значитъ, тятенька?—довольно наивно спросила Марина.

— А то и значитъ, что дѣвицѣ изъ хорошаго дома, дочери честныхъ родителей непристойно по ночамъ шляться.

— Я не шляюсь, тятенька, я съ подругами оставалась...

— То-то, съ подругами. Какъ бы только не съ дружками... Ты у меня смотри, я этого не допущу, гляди! Я, знаешь, чуть что, прямо на улицу тебя вышвырну...

Марина промолчала, но въ глубинѣ души она не могла понять, съ какой стати онъ вмѣшивается въ ея жизнь. Она выросла въ своей кладовкѣ, съ своимъ особымъ міромъ понятій, съ своимъ исключительнымъ представленіемъ о жизни, съ особыми вкусами. Она считала себя какъ бы отдѣльною единицей въ этомъ домѣ. Всѣ эти гробы и гробовщицкіе интересы, вся домашняя жизнь—все это было совсѣмъ чуждо ей. Она была здѣсь квартиранткой, жилицей.

Но однажды произошла страшная сцена. Нилъ Наза-

Digitized by Google

ровичъ услышалъ за дверью на улицѣ, когда пришла Марина очень поздно, голосъ провожатаго. Онъ выбѣжалъ изъ спальни въ бѣльѣ, растрепанный, заспанный, и напустился на Марину.

— А, такъ вотъ оно что!—свирѣпо кричалъ онъ, рискуя разбудить весь домъ.—Вотъ она подружка! Ну, хорошо же, я знаю, что мнѣ дѣлать! Я былъ дуракъ, волю тебѣ давалъ, а теперь, теперь...

— Что-жъ вы хотите? — спокойно возразила ему Марина.—Ежели мнѣ оказываютъ любезность, не могу же я послать къ чорту.

— Да ты, можетъ, хочешь и въ домъ натаскать кавалеровъ, — угрожающе говорилъ Нилъ Назаровичъ.— Можетъ, желаешь у меня въ мастерской плясы съ ними завести?

— Не безпокойтесь, сюда никто и за деньги не пойдетъ... Я и то прошу, чтобъ до самаго дома не провожали, и прощаюсь около моста... Кому охота заживо въ склепъ лѣзть?... Да и что такое, тятенька? Мнѣ не двѣнадцать лѣтъ, сама знаю, какъ соблюсти себя... Не дура я какая-нибудь и очень даже хорошо понимаю, что можно и чего нельзя позволить...

— Скажи пожалуйста, какая умная! И гдѣ ты только такому разговору научилась? Кто это тебѣ объяснилъ, что съ отцомъ ты можешь такъ разговаривать? Вотъ запру я тебя на ключъ въ твоей кладовкѣ и будешь ты у меня тамъ сидѣть, какъ монашка... Вотъ что я сдѣлаю! Скажи пожалуйста! Ты думаешь, какъ турнюру эту мерзкую напялила, такъ на тебя и родительской власти нѣтъ! Вотъ запру, и запру, и запру.

— Такъ я вамъ скажу, тятенька, что я тогда руки на себя наложу! Такъ ужъ лучше вы меня прямо въ гробъ положите, да въ землю закопайте, коли такая мнѣ жизнь предстоитъ!

Тутъ Марина расплакалась и ушла въ свою комнату. А Нилъ Назаровичъ, оставшись одинъ, началъ соображать и понялъ, что его угроза была ни къ чему, что

Digitized by Google

она неисполнима. Не станетъ сидѣть Марина дома, а если насильно заставить, то—чего добраго—Богъ знаетъ, на что она можетъ рѣшиться. Характеръ у нея упорный, такой же, какъ у него самого. Онъ вернулся въ постель, но уже не могъ заснуть.

Послѣ этого Нилъ Назаровичъ сталъ испытывать постоянное безпокойство. Его мучила совѣсть. Зачѣмъ онъ раньше позволилъ Маринѣ плясать? Надо было сразу пресѣчь. Еще раза два-три у него не хватало терпѣнія, онъ выходилъ изъ себя, когда Марина являлась слишкомъ поздно, иногда на разсвѣтѣ, выскакивалъ изъ спальни, кричалъ, грозилъ, но потомъ махнулъ на нее рукой: «не выгнать же ее въ самомъ дѣлѣ изъ дому!—разсуждалъ онъ съ большимъ огорченіемъ,—а и веревкой тоже привязать нельзя. А къ тому же, Богъ его знаетъ, что это за ремесло такое! Можетъ, это такъ и нужно и безъ этого нельзя!»

Во всемъ, что выходило за сферу гробовщицкаго цеха, умъ Нила Назаровича пасовалъ; онъ зналъ жизнь только въ предѣлахъ своего ремесла.

V.

Въ это утро, когда Марина еще спала, а въ мастерской уже шипѣли пилки и стучали молоточки, слесарь Викентій привелъ своего Ваську.

Это былъ блѣдный, тонкій, вытянутый мальчуганъ съ бѣлыми волосами, съ голубыми глазами. Эти глаза смотрѣли странно, какъ будто мимо тѣхъ предметовъ, которые были передъ нимъ. Викентій пришелъ, спросилъ Нила Назаровича и, когда тотъ вышелъ, представилъ ему Ваську и сказалъ:

— Ну, вотъ, я вамъ сына привелъ въ науку.

— Ага!—отвѣтилъ на это Нилъ Назаровичъ,—а что же, ты опросилъ его?

— Опросилъ, еще бы не опросить...—И при этомъ Викентій очень твердымъ взглядомъ посмотрѣлъ на Ваську

Digitized by Google

и прибавилъ:—Онъ у меня покорливъ. Что отецъ прикажетъ, того онъ и желаетъ.

— Это хорошо,—похвалилъ Нилъ Назаровичъ и при этомъ невольно подумалъ о своей старшей дочери, которая желала какъ разъ не того, чего желалъ отецъ.

— Ну, ладно,—сказалъ Нилъ Назаровичъ,—оставайся и учись. Коли будешь хорошо учиться, то и человѣкомъ выйдешь. Ремесло наше не трудное, самъ увидишь, надо только внимательность да усердіе.

— Смотри же, Васька,—поучительно сказалъ ему на прощанье Викентій,—чтобъ я объ тебѣ не слыхалъ отъ хозяина дурного слова.

И, сказавъ это, Викентій ушелъ.

Васька до сихъ поръ не промолвилъ ни звука. Онъ растерянно глядѣлъ на обстановку мастерской, и взглядъ его, упавши на одинъ предметъ, какъ бы спѣшилъ поскорѣе убѣжать прочь, но падалъ на другой и тоже бѣжалъ. Все это были гробы и гробы, и некуда было убѣжать отъ нихъ его взгляду.

Нилъ Назаровичъ только что получилъ заказъ и приглашеніе снять мѣрку съ покойника и собрался уходить.

— Ну,—сказалъ онъ мастерамъ, взявши картузъ и палку,—смотрите же, не обижайте мальца... Видите, какой онъ слабенькій.—И ушелъ.

Васька сѣлъ на табуретѣ и молча смотрѣлъ на то, что дѣлали мастера. Одинъ изъ нихъ сколачивалъ новый гробъ изъ досокъ, часто подпиливая ихъ; другой обтягивалъ коленкоромъ крышку отъ другого гроба. У одного въ зубахъ торчала коротенькая трубка и онъ мурлыкалъ что-то себѣ подъ носъ, другой искусно насвистывалъ веселую пѣсенку.

— Ты что же такъ глядишь,—шутливо обратился къ Васькѣ одинъ изъ мастеровъ,—словно боишься, что тебя въ этотъ гробъ упрячутъ? Ты не бойся, это не для тебя, тебѣ еще рано, ты еще поживешь... Это для стараго малярныхъ дѣлъ мастера, Антона Худобина. Онъ вывѣски писалъ. Я его зналъ. Славный былъ мастеръ,

Digitized by Google

а всетаки померъ и все-жъ-таки вотъ гробъ ему дѣлаемъ. Безъ гроба никакъ нельзя...

Васька на это не отозвался. Онъ и самъ не могъ бы объяснить, что у него были за мысли Гробы произвели на него тяжелое впечатлѣніе. Когда онъ еще входилъ въ мастерскую съ своимъ отцомъ, при первомъ только шагѣ, у него сердце заныло. Но когда онъ увидѣлъ этихъ людей съ здоровыми красными лицами, какъ весело они перекидывались смѣшными фразами, болтали, насвистывали, пѣли и смѣялись, тогда онъ почувствовалъ ужасъ, отъ котораго уже не могъ избавиться.

Черезъ полчаса началась его дѣятельность. Его послали въ трактиръ за кипяткомъ. Онъ взялъ огромный жестяной чайникъ и поспѣшно выбѣжалъ на улицу.

День былъ сырой, пасмурный, темный, но ему показалось, что солнце ярко свѣтитъ и воздухъ свѣжъ и чистъ. Легкія его задвигались и принялись усиленно вдыхать воздухъ, и у него явилось такое ощущеніе, какъ будто все это время, что просидѣлъ онъ въ мастерской, онъ совсѣмъ не дышалъ. Онъ съ величайшимъ удовольствіемъ исполнялъ это первое порученіе, старался переходить черезъ улицу какъ можно медленнѣе, еле передвигая ноги, чтобы подольше не возвращаться въ мастерскую.

Когда онъ вернулся, то почти вслѣдъ за нимъ пришелъ Нилъ Назаровичъ.

— Вотъ, братцы, чудеса!—разсказывалъ онъ мастерамъ:—двадцать пять слишкомъ лѣтъ съ покойниками возжаюсь, а никогда еще такого длиннаго не видалъ. Болѣзнь, что ли, его вытянула. А онъ-таки долго болѣлъ какою-то костяною болѣзнью. Больше трехъ аршинъ, братцы вы мои! Думалъ было цѣну набавить, да потомъ разсчелъ, что на тонинѣ можно экономію сдѣлать,—больно ужъ тонокъ. Да, прямо чудеса, никогда не встрѣчалъ такого... Ну, а ты что, Васька, пріучаешься?—ласково обратился онъ къ мальчику.—Э, ничего, привыкнешь. Это оно съ перваго раза такъ жутко кажется...

Digitized by Google

А что страшнаго въ гробахъ? Дерево да коленкоръ, да гвозди... И вѣдь всякому онъ нуженъ, ни одинъ человѣкъ еще безъ гроба не обходился... Ну, пріучайся, пріучайся, будешь мастеромъ.

Васька и на это ничего не сказалъ. Вообще онъ въ мастерской не произнесъ еще ни слова; у него точно что-то сдавило въ горлѣ.

Было больше восьми часовъ, когда надъ дверью задребезжалъ колокольчикъ, и въ мастерскую вошла дама. Она была высокаго роста и довольно полная, въ шляпкѣ, въ высоко приподнятой шерстяной юбкѣ, потому что на улицѣ было мокро, въ суконномъ жакетѣ съ широкимъ воротникомъ изъ тибетской козы. Лицо у нея было продолговатое, даже слишкомъ, съ крупными чертами, съ большимъ носомъ, заостреннымъ подбородкомъ, съ густыми черными бровями и маленькимъ лбомъ, едва выглядывавшимъ изъ-подъ челки. Глаза веселые, игривые, какихъ обыкновенно не бываетъ у заказчиковъ мастерской Акулова.

— Фу-ты, сырость какая у васъ на Петербургской сторонѣ! — воскликнула дама и при этомъ очень мило улыбнулась мастерамъ и стряхнула съ накидки слѣды дождя.—Душечка, помогите-ка мнѣ снять, — прибавила она.

Мастера галантно подскочили къ ней съ обѣихъ сторонъ и очень осторожно сняли съ нея накидку.

Одинъ изъ нихъ сказалъ, стараясь шутить ей въ тонъ:

— Извѣстное дѣло, Луиза Антиповна, это не то, что у васъ на Лиговкѣ,—тамъ и солнце никогда не заходитъ...

— А что, встала? — спросила Луиза Антиповна и при этомъ указала глазами на маленькую дверь, которая вела во внутреннія комнаты.

— Этого знать мы никакъ не можемъ! — отвѣтилъ одинъ изъ мастеровъ.—Доступу не имѣемъ... Даже разговоромъ не удостоиваютъ...

Digitized by Google

— Такъ вамъ и надо! И не сто́ите...

— Извѣстно, не сто́имъ! Когда-бъ стоили, то можетъ бы и удостоили...

Васька смотрѣлъ на эту даму и думалъ: что бы это было такое? Кто она можетъ быть и о комъ она спрашиваетъ? А дама между тѣмъ уже скрылась за маленькою дверью, которая вела въ квартиру. Съ полминуты мастера молча ухмылялись другъ другу, а когда увѣрились, что Луиза Антиповна уже ушла далеко и не можетъ ихъ слышать, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Тоже, вѣдь, ремесло...

— А что?—откликнулся другой. — Почище всякаго другого... Имъ больше денегъ платятъ...

— А за что? Кому оно нужно? Кому отъ него польза? Эка штука, подумаешь, ногами фортели выкидывать!

Луиза Антиповна между тѣмъ прошла въ темный коридоръ и остановилась у узенькой двери, которая вела въ кладовку, и тихонько постучалась.

— Кто тамъ?—послышался изъ-за двери пріятный мягкій голосъ Марины.

— Это я, Марина Ниловна.

— Луиза Антиповна?

— Ну, да.

— Ахъ ты, Господи, а я еще и не одѣта.

— Ничего, эка важность!

И Луиза Антиповна, пріотворивъ дверь, вошла въ кладовую, которая была жилищемъ Марины.

Марина встрѣтила ее съ чрезвычайно сконфуженнымъ видомъ. Она дѣйствительно была въ одной длинной рубашкѣ, порядочно декольтированной; ея густые русые волосы въ безпорядкѣ тяжело ниспадали до пояса.

Впустивъ гостью, она обнаружила намѣреніе прыгнуть къ вѣшалкѣ, чтобы накинуть что-нибудь себѣ на плечи, но Луиза Антиповна удержала ее.

— Постойте, постойте, остановитесь! Ахъ, какъ вы чудно сложены, какъ есть Венера, совершенная Венера! И какіе волосы, какая нога! А ну-ка, приподымите юбочку.

Digitized by Google

Да что вы конфузитесь, словно я кавалергардъ? Вотъ такъ! Знаете, Марина Ниловна, съ такою ногой можно... Ахъ какую карьеру можно сдѣлать! Еслибъ у меня была такая нога...

— Большая! Посмотрите, какая большая! — сказала Марина, выдвинувъ впередъ свою ногу и показывая ее Луизѣ Антиповнѣ.

— Это ничего! Тутъ важна форма, а у васъ, посмотрите, какъ у васъ это мѣсто загибается, какая округлость! А что большая, такъ это для танцовщицы даже хорошо. Больше силы, лучше держитъ. Опора! Ну, одѣвайтесь, а я на васъ посмотрю.

— Мнѣ такъ совѣстно, Луиза Антиповна, такъ совѣстно!

И Маринѣ въ самомъ дѣлѣ было очень совѣстно. Она нечаянно вздремнула и не замѣтила, какъ прошло время. А то бы она, конечно, заблаговременно одѣлась.

Щеки ея зардѣлись, глазки съузились, и это ей очень шло. Она принялась наскоро мыться и одѣваться. Луиза Антиповна слѣдила за каждымъ ея движеніемъ и не пропускала ни одной подробности ея туалета.

— Корсетъ! Ну, что это за корсетъ? Онъ васъ только портитъ! Вамъ нуженъ легонькій, чтобъ едва-едва поддерживалъ... У васъ природный корсетъ... Да что вы смѣетесь? Я правду говорю. Немногія могутъ похвастаться такою фигурой! Ужъ я видѣла ихъ довольно. Вотъ Любина, напримѣръ, она моя подруга, мы съ нею вмѣстѣ десять лѣтъ плясали... Она была корифейкой, а я солисткой!... Ну, у нея прекрасная фигура, я не говорю, что плохая, а только передъ вами она кухарка... А знаете, сколько ей платятъ? Десять тысячъ въ годъ!

— Это за танцы?

— Н-ѣ-ѣтъ, что вы! За танцы она пустяки получаетъ. За танцы такихъ денегъ корифейкамъ не платятъ, да и солисткамъ тоже... Да сказать правду, она и танцовала отвратительно... Нѣтъ, это ей князь Юрчикъ платитъ.

Digitized by Google

— Юрчикъ?

— Ну, да, мы такъ его называемъ... У насъ за кулисами попросту. Онъ ее Пушкой называлъ, Пульхеріей ее звали, а меня Лушкой, потому что я Луиза, а мы его Юрчикомъ. Ахъ, какъ вамъ хорошо въ коротенькой юбочкѣ! Нѣтъ, васъ надо показать Безлобову, онъ знатокъ... онъ понимаетъ.

— Кто это?

— Безлобовъ? Не знаете? Гм... Восемьдесятъ тысячъ годового дохода имѣлъ... Но ужъ давно просадилъ... Балетоманъ... Всѣ балетчицы съ нимъ на ты... У него девять поочереди перебывало. Теперь у него Рябкина... Но даю голову на отсѣченіе, что если онъ васъ увидитъ...

— О, что вы, Луиза Антиповна!

— Да ужъ говорю вамъ... Онъ такъ понимаетъ въ женщинахъ, какъ никто. Ну, такъ давайте учиться! Только надо мѣсто очистить.

Марина и Луиза Антиповна принялись расчищать мѣсто, подобрали кучу лоскутьевъ, на которыхъ спала Марина, и даже подмели полъ. Образовалось свободное пространство около стѣны. Тутъ въ стѣнкѣ былъ вбитъ толстый крюкъ, на аршинъ отъ него другой такой же, а поперекъ ихъ, прикрѣпленная къ нимъ, шла вдоль стѣны начисто полированная палка. Назначеніе этого инструмента было въ томъ, чтобы Марина могла держаться за него во время урока.

— Ну, становитесь!—сказала Луиза Антиповна. — Начнемте съ экзерсисовъ.

Марина стала около стѣнки и взялась правою рукой за палку.

— Съ чего же начинать?—спросила она.

— А вы по порядку. Сперва продѣлайте всѣ пять позицій, потомъ батманчики, потомъ ронжанъ, — ну, однимъ словомъ, какъ всегда... Ну, начинайте!

Марина присѣла къ полу на обѣихъ ногахъ, потомъ

Digitized by Google

начала откидывать ихъ по очереди въ сторону, впередъ и назадъ.

— Ахъ, нѣтъ, вы все никакъ не можете поймать, въ чемъ суть! Вотъ смотрите!

Луиза Антиповна прогнала Марину отъ палки и принялась на расчищенномъ мѣстѣ сама продѣлывать всевозможныя балетныя штуки; при этомъ всякое свое движеніе она сопровождала объясненіемъ. Она вообще не могла молчать. У нея была потребность постоянно болтать языкомъ.

— Ну, вотъ, смотрите, смотрите сюда, смотрите мнѣ на ноги!—внушительно говорила она. — Вотъ вамъ большой ронжанъ на полу, а вотъ тотъ же самый ронжанъ, только съ присѣданіемъ на одной ногѣ, вотъ такъ,—вѣдь это очень просто! Ну, а теперь ронжанчикъ, т.-е. маленькій ронжанъ,—смотрите: ронжанчикъ впередъ, ронжанчикъ назадъ, это на полу. А вотъ и на воздухѣ, сперва—большой ронжанъ, а потомъ тоже ронжанчикъ... Теперь смотрите: батманъ впередъ, батманъ вбокъ, батманъ назадъ, а вотъ батманчики на воздухѣ... Ну, смотрите же, смотрите: ку-де-пье, — вотъ, вотъ, вотъ, ну, развѣ это трудно?... Конечно, я не говорю, вы еще недавно учитесь, но у васъ способности. Ну, становитесь-ка!

Марина, нѣсколько смущенная своимъ неумѣньемъ, стала на мѣсто и начала повторять тѣ самыя движенія, какія дѣлала Луиза Антиповна.

— Хорошо, ей-ей хорошо!—одобряла учительница.— У васъ есть способности; я говорю, что у васъ есть способности. Прекрасно, отлично,—вотъ ронжанчикъ хоть куда... Ну, а теперь смотрите,—помните, мы вчера дѣлали скорые па: ну, вотъ, шанжеманъ-де-пье, видѣли? Ассамбле! Видѣли? Эшапе, глиссадъ. Это надо смотрѣть, чтобы нога скользила по полу. Си-соль: си-соль простой и си-соль баскъ, замѣтили? Да, вѣдь, не трудно же. Ну, постойте, постойте, я уже кончу; слѣдите, слѣдите: коръ-де-бра! Коръ-де-бра простой!—Луиза Антиповна, какъ бы

Digitized by Google

изображая недоумѣніе, развела впереди себя руками. — Коръ-де-бра наверхъ!—тутъ она развела руками у себя надъ головой.—Коръ-де-бра мельница! Ну, вотъ, видите, вродѣ мельницы и выходитъ, оттого такъ и называется. Коръ-де-бра—перегибаніе на бокъ, назадъ, круговое!.. Коръ-де-бра—ангеломъ! Посмотрите, какъ это красиво! И, наконецъ, вотъ вамъ арабескъ! Схватили? Ну, повторяйте...

Луиза Антиповна продѣлывала все это съ величайшимъ увлеченіемъ, а Марина все время не спускала съ нея глазъ и, видимо, восхищалась. Съ другой стороны, когда Марина начала повторять, то Луиза Антиповна искренно хвалила ее, находя, что она все дѣлаетъ превосходно.

— Но я же говорю, что у васъ удивительныя способности, просто удивительныя. Ахъ, какая досада, что вы съ малолѣтства не обучались! Вы были бы первоклассною танцовщицей. Прелесть, прелесть...

Но потомъ она вдругъ перескакивала на другой предметъ:

— Но я васъ непремѣнно покажу Безлобову, непремѣнно! Знаете, Безлобовъ даетъ женщинамъ репутацію. Если, напримѣръ, васъ съ нимъ увидятъ, и потомъ онъ гдѣ-нибудь про васъ скажетъ: какая прелесть! Или: вотъ миленькая женщина! Такъ уже ваша репутація сдѣлана. Знаете, есть такіе олухи, которые въ женщинахъ ничего не понимаютъ и не умѣютъ цѣнить истинныхъ достоинствъ. А цѣнятъ только, когда о нихъ говорятъ.

— Какъ вы странно говорите, Луиза Антиповна! Развѣ женщину можно цѣнить? Развѣ она товаръ или вещь?

— Ахъ, совсѣмъ нѣтъ. Но мужчины всѣ такіе дураки... Ахъ, душечка, право, вы еще не знаете жизни, но потомъ вы это сами увидите. Они такіе дураки, такіе дураки... А знаете, что я вамъ хотѣла сказать, — вдругъ прибавила она.—Мнѣ сегодня нужны деньги.

— У меня своихъ нѣтъ, Луиза Антиповна! — смутившись отвѣтила Марина.

Digitized by Google

— Такъ у васъ жалованье есть въ театрѣ... Можно вычесть...

— Ахъ, пожалуйста, вычтите, Луиза Антиповна.

Луиза Антиповна играла очень важную роль въ жизни Марины. Когда-то она была молода и въ свое время имѣла успѣхъ среди «мужчинъ-дураковъ». Пріѣхала она изъ Италіи съ какою-то труппой лѣтъ двадцать тому назадъ. Труппа уѣхала, а она осталась. Но она не была итальянкой и вообще національность ея не поддавалась опредѣленію. Но за эти двадцать лѣтъ она совершенно обрусѣла и отлично говорила по-русски. Даже съ разными словечками и прибаутками.

Теперь ей было за сорокъ и она утратила свѣжесть. Но она танцовала отлично и обладала педагогическими способностями. Когда составлялось какое-нибудь частное предпріятіе, ей поручали «дѣлать труппу». Она дѣлала это очень искусно, но всякій разъ испытывала большое затрудненіе, разыскивая танцовщицъ. Гдѣ ихъ взять? Всѣ или слишкомъ стары, или ничего не умѣютъ. Всѣ хорошенькія пристроены и не идутъ на тридцать рублей въ мѣсяцъ. Ей пришлось открывать таланты. Она ходила въ манежъ и въ балаганы и гдѣ замѣчала хорошенькую танцовщицу, у которой, къ тому же, какъ она выражалась, «къ ногамъ не привѣшаны стопудовыя гири», она тотчасъ отмѣчала ее, знакомилась, звала въ труппу, наскоро подучивала и всегда достигала желательныхъ результатовъ. Такимъ образомъ она кое-какъ перебивалась и сводила концы съ концами.

Марину она замѣтила въ балаганѣ, гдѣ она изображала какую-то фею. Способности Марины сразу удостоились ея вниманія, а въ особенности—«мордашка». Она пошла за сцену и прямо сказала Маринѣ:

— Съ вашей мордашкой просто грѣхъ торчать въ балаганѣ!

— А что же?—съ удивленіемъ спросила Марина.

— Приходите ко мнѣ, вы будете танцовать въ театрѣ.

Digitized by Google

При ближайшемъ знакомствѣ Луиза Антиповна открыла въ Маринѣ талантъ и предложила давать ей уроки. И вотъ теперь она приходила каждый день и учила ее съ большимъ успѣхомъ. Плату она брала небольшую. Она говорила: я дѣлаю вамъ большую уступку, но это только для васъ, потому что у васъ способности.

Луиза Антиповна не могла придти въ себя отъ изумленія, когда въ первый разъ пришла въ жилище Марины.

— Боже мой, какъ вы можете здѣсь жить? — воскликнула она.—Я бы съ ума сошла, я бы повѣсилась...

И всякій разъ, когда она входила въ мастерскую, у нея было такое ощущеніе, какъ будто вотъ-вотъ кто-то схватитъ ее за горло.

Луиза Антиповна собралась уходить и уже укрѣпляла на головѣ своей шляпку длинною булавкой.

— Скажите, что это у васъ за блѣдный мальчикъ тамъ въ мастерской? — спросила она, — я до сихъ поръ его не видала.

— Не знаю,—отвѣтила Марина.—Вы знаете, я до мастерской совсѣмъ не касаюсь.

— Ну, смотрите же, не опоздайте въ театръ! — сказала Луиза Антиповна и ушла.

VI.

Послѣ обѣда мастерамъ обыкновенно давался одинъ часъ для отдыха, и они въ это время заваливались спать. И вотъ въ тотъ самый часъ, когда оба мастера спали богатырскимъ сномъ, издавая громкій храпъ, Марина вышла въ коридоръ съ намѣреніемъ пройти въ кухню и взять воды. Дверь, которая вела въ мастерскую, была открыта; Марина мелькомъ взглянула туда и увидѣла мальчика, сидѣвшаго на гробѣ, перевернутомъ дномъ кверху. Ее сразу поразило его лицо, въ особенности глаза. Въ этихъ глазахъ свѣтилась какая-то невыразимая тоска, смѣшанная съ застывшимъ ужасомъ.

Digitized by Google

У Марины что-то повернулось въ сердцѣ, она остановилась у двери и съ минуту смотрѣла на мальчика. Васька въ свою очередь не могъ не обратить на нее вниманія. Она для него такъ же точно, какъ и онъ для нея, была новостью.

Когда онъ повернулъ къ ней лицо, Марина поманила его пальцемъ.

— Мальчикъ, мальчикъ, поди-ка сюда! — тихонько позвала она его.

Она при этомъ вспомнила, что утромъ Луиза Антиповна говорила ей о какомъ-то мальчикѣ, появившемся въ мастерской.

Васька пристально взглянулъ на ея лицо и, можетъ быть, прочиталъ въ немъ живое сочувствіе, и его что-то потянуло къ ней, къ этой живой душѣ, вдругъ проявившейся среди молчаливыхъ гробовъ и спящихъ мастеровъ, которые ничѣмъ не возбудили его сочувствія.

Онъ тотчасъ же поднялся и, ни минуты не колеблясь, машинально пошелъ къ ней. Она взяла его за руку и повела въ свою кладовку.

— Ты зачѣмъ здѣсь, въ мастерской?—спросила его Марина.

Васька, до сихъ поръ съ самаго своего прихода не произнесшій въ этомъ домѣ ни слова, вдругъ, можетъ быть къ своему собственному изумленію, заговорилъ очень охотно.

— Я здѣсь учусь!—отвѣтилъ онъ.

— Чему же ты учишься?—спросила Марина, съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ жалостью осматривая его, такого худенькаго, замореннаго, блѣднаго.

— Вотъ этому самому, — отвѣтилъ Васька, — гробамъ...

— Какъ же ты попалъ сюда?

— Тятька привелъ, велѣлъ учиться...

— А кто твой отецъ?

— Слесарь Викентій.

— И что же, ты самъ захотѣлъ, ты по волѣ?

Digitized by Google

— Нѣтъ,—промолвилъ Васька, отрицательно покачавъ головой,—я не хотѣлъ.

— Значитъ, тебѣ это непріятно?

— Мнѣ страшно тутъ. Меня что-то давитъ...

— Ахъ, бѣдненькій!.. А ты бы сказалъ своему тятькѣ!

— Тятькѣ?... Такъ онъ прибьетъ...

— Значитъ, онъ злой?

— Нѣтъ, тятька не злой, онъ добрый... Тятька несчастный... У него никакой работы нѣтъ... оттого онъ и сердится.

— Отчего же ты такой блѣдный и худой?—сочувственно разспрашивала его Марина.

— Не знаю, такой всегда былъ, отъ природы...

— А мать у тебя есть?

— Нѣту, померла, давно уже, года четыре будетъ...

— А какъ же тебя зовутъ?

— Васькой.

— Бѣдняжка ты, Васька. Ну, а чѣмъ же ты хотѣлъ бы быть?

— Ничѣмъ!—отвѣтилъ Васька.

— Ну, что ты любишь?

— Самъ не знаю.

— Какъ ты любишь время проводить?—продолжала Марина, замѣтивъ, что онъ не совсѣмъ понимаетъ ея вопросы.

— Никакъ. Мы съ тятькой живемъ у самыхъ огородовъ. Прежде въ городѣ жили, но какъ мать померла и дѣла пошли плохія, туда переселились. Вотъ тамъ у насъ близко поле, такъ я выйду въ поле, особенно лѣтомъ, лягу на траву, животомъ вверхъ, да и гляжу себѣ на небо. Такъ бы всю жизнь и глядѣлъ.

— Значитъ, ты не любишь работать?

— Зачѣмъ? Иной разъ такъ хочется что-нибудь сработать, только самъ не знаешь что. Кажись бы, вотъ что-то такое выдумалъ бы, какого еще никто не выдумывалъ. Я вотъ рисовать люблю.

— Какъ рисовать?

Digitized by Google

— А такъ,—уголекъ возьму да на стѣнкѣ... Разъ тятенькино лицо нарисовалъ, такъ даже самъ тятька удивился... такъ было похоже.

— Ну, и что же тятька?

— Побилъ... Пустяками, говоритъ, занимаешься. Съ этого, говоритъ, хлѣба ѣсть не станешь.

— А здѣсь тебѣ не хорошо?

— Ухъ...—Васька даже вздрогнулъ. Въ это время онъ осмотрѣлъ кладовую по сторонамъ и промолвилъ, указывая взглядомъ на гробы:—и у васъ то же... тутъ мнѣ страшно! Какъ вошелъ, еще утромъ, словно что за горло схватило да такъ и держитъ... Тутъ я не смогу, я сбѣгу...

— Куда?

— Да оно и некуда... Къ тятькѣ...

— А приметъ?

— Отлупитъ и опять приведетъ... Тогда ужъ я повѣшусь... Я не могу.

— Что ты, что ты, Васька, развѣ можно такія слова говорить? Богъ съ тобой!

И Марина съ испуганными глазами перекрестила его. Она прибавила:

— А ты, когда они спятъ, ко мнѣ заходи.

— А вы кто?—спросилъ Васька.

— Я, я хозяйская дочь...

— А вамъ не страшно?

— Нѣтъ, я привыкла. Я, вѣдь, съ малолѣтства, Васька... Только я, можетъ, тоже сбѣгу.

— А вы что дѣлаете? Тоже это?

— Ну, нѣтъ, упаси Богъ... Я танцую.

— Какъ такъ танцуете?

— Да такъ, на сценѣ, въ театрѣ... Ну, ты этого не знаешь. Этого я не могу тебѣ объяснить.

Васька, дѣйствительно, этого не зналъ и былъ чрезвычайно удивленъ, что существуетъ такое занятіе.

Въ это время въ мастерской послышался говоръ.

Digitized by Google

Проснулись мастера, потягивались и громко зѣвали. Васька встревожился и сталъ поглядывать на дверь.

— Ну, иди-ка, иди туда, а завтра опять заверни ко мнѣ, поболтаемъ...

Васька ушелъ въ мастерскую. Послѣ этого онъ каждый день заходилъ въ кладовку. Чуть только въ мастерской послѣ обѣда все замретъ, онъ тихонько пробирался черезъ темный коридоръ, чуть слышно отворялъ дверь и съ вопросительнымъ выраженіемъ лица заглядывалъ.

— А, Васька!—говорила Марина,—войди!

И у нихъ завязывался разговоръ. Въ сущности Марина, несмотря на свое веселое занятіе, тоже была одинока, и ей было пріятно поболтать съ мальчикомъ, который всегда вызывалъ въ ней самыя добрыя чувства. Она разсказывала Васькѣ о своихъ занятіяхъ, о сценѣ, о танцахъ, о людяхъ, которыхъ встрѣчала, о Луизѣ Антиповнѣ, а Васька все больше жаловался ей на гробы, которые не давали ему спокойно спать. Они видѣлись ему и во снѣ, и оттого онъ часто просыпался ночью въ ужасѣ и долго потомъ не могъ заснуть. И отъ этого онъ блѣднѣлъ и худѣлъ еще больше.

Иногда онъ заставалъ Марину за работой. Послѣ ухода Луизы Антиповны она долго упражнялась, стараясь дойти до такого совершенства въ ронжанахъ и ронжанчикахъ, какимъ обладала сама Луиза Антиповна. Иной разъ она такъ увлекалась, что не замѣчала, какъ шли часы. Васька входилъ и смотрѣлъ. Марина при немъ вовсе не стѣснялась. Когда входилъ кто-нибудь другой — Анна Степановна за какой-нибудь тряпкой, спрятанной гдѣ-нибудь въ гробу, или одинъ изъ мастеровъ за краской, гвоздями, лакомъ, которые стояли въ углу, она тотчасъ же прекращала свои экзерсисы. Но Васька казался ей своимъ, какъ бы единомышленникомъ. Вѣдь, онъ испытывалъ такое же чувство отвращенія къ окружающей обстановкѣ, какъ и она, и онъ, также какъ и она, мечталъ убѣжать отсюда, и при этомъ оба не знали, куда они могли бы убѣжать.

Digitized by Google

Одно только ей было очень больно, что Васька замѣтно мѣнялся съ каждымъ днемъ, лицо его становилось какъ бы удлиненнымъ и глаза смотрѣли все грустнѣе и грустнѣе.

— Что это съ тобой дѣлается, Васька, отчего ты такой грустный?—спрашивала она его.

Онъ молчалъ. Должно быть, очень ужъ плохо было у него на душѣ, если онъ не отвѣчалъ даже ей на этотъ вопросъ. Но въ глазахъ его была какая-то безнадежность.

Въ мастерской тоже были недовольны Васькой. Его уже тамъ начали пріучать къ дѣлу. Но онъ плохо усваивалъ.

Нилъ Назаровичъ однажды самъ привелъ Андрея въ мастерскую и сталъ посвящать въ тайны своего искусства. Этотъ первый вечеръ, когда Андрей былъ введенъ въ ремесло, былъ какъ бы вродѣ праздника въ мастерской.

Въ этотъ день Нилъ Назаровичъ не пустилъ Андрея въ школу, а вмѣстѣ съ нимъ и Анной Степановной отправился въ церковь и заказалъ молебствіе «передъ началомъ работъ».

Выспавшись послѣ обѣда, Нилъ Назаровичъ привелъ Андрея въ мастерскую.

— Вотъ,—сказалъ онъ мастерамъ,—я вамъ новаго ученика привелъ! Можетъ, когда-нибудь и хозяиномъ будетъ...

Мастера знали, что готовится это событіе, и почтительно осклабились на его слова, которыя, разумѣется, были сказаны шутливымъ тономъ. И тутъ Нилъ Назаровичъ самъ началъ излагать основные принципы гробовщицкаго дѣла. Между прочимъ, онъ обратился къ Васькѣ:

— А ты, Васька, слушай да на усъ мотай! Пріучайся, пора тебѣ...

А затѣмъ началось нѣчто вродѣ лекціи:

— Первое дѣло,—говорилъ Нилъ Назаровичъ, обращаясь къ своей аудиторіи, но больше къ Андрею,—на-

Digitized by Google

добно умѣть мѣрку снять... Мѣрка, я тебѣ скажу, оно, кажется, будто и просто, а между прочимъ не такъ-то... Мѣрка, она не въ томъ, чтобы взять аршинъ, либо сантиметръ и отхватать,—въ длину, молъ, столько, а въ толщину, молъ, столько; это и дуракъ сдѣлаетъ, и есть такіе дураки, которые думаютъ, что это все. А мѣрка, она должна быть по всѣмъ статьямъ. Чтобъ и въ бокахъ изгибъ правильный былъ, а главное—въ рукахъ... Чтобы распору лишняго не поставить, да и чтобъ не скоротить его... Распоръ—важная штука, распоръ гробу фасонистость придаетъ... А ты знаешь, что такое есть распоръ?—вдругъ обратился Нилъ Назаровичъ къ сыну.

— Я знаю!—бойко сказалъ Андрей.

— А ты?

— Не знаю!—отвѣтилъ Васька.

— То-то и оно. А ну-ка, Ерофей, вытащи гробъ, что вчерась начали дѣлать!

— Ольховый? — спросилъ Ерофей, одинъ изъ мастеровъ.

— Ну, хоть ольховый, все равно. Въ немъ положенъ распоръ?

— Какъ же!

Ерофей вытащилъ изъ-подъ лавки гробъ, сдѣланный вчернѣ и безъ крышки. Довольно узкій у ногъ, онъ сильно расширялся къ головѣ, а потомъ опять немного суживался. Въ этомъ видѣ онъ очень походилъ на плоскодонную лодку, какихъ много на Днѣпрѣ и которыя называются «шаландами». А расширялся онъ оттого, что въ томъ мѣстѣ, внутри, была поперекъ поставлена толстая палка, упиравшаяся концами въ обѣ доски.

— Вотъ это и есть распоръ,—пояснилъ Нилъ Назаровичъ, указавъ на палку,—потому, онъ доски распираетъ. И безъ этого самаго распора гробъ не можетъ фасону имѣть... А чтобъ ему легче фасонъ придавать и чтобы доски не треснули, надобно дѣлать насѣчки. Вотъ такъ, поперекъ досокъ... Вотъ этакъ онъ съ распоромъ ночку постоитъ и форменность получаетъ... Такъ-то, бра-

Digitized by Google

тецъ ты мой, до всего дойдено и все надобно разумѣть... Вотъ я и говорю касательно мѣрки: какую, значитъ, важность имѣютъ руки! Иной гробовщикъ плохо смѣрилъ да распоръ очень великъ поставилъ и покойникъ въ гробу болтается туда и сюда... а еще хуже того, скоротилъ, да какъ станутъ его въ гробъ класть, а локти и не входятъ. А по правильному фасону локти должны аккуратъ въ доски упираться. Тогда онъ, голубчикъ мой, лежитъ плотно и никакого ему безпокойства нѣтъ... Да, всякое дѣло надо дѣлать умѣючи... Да вотъ что: ложись-ка, Петруша, мы для примѣра съ тебя мѣрку снимемъ.

Петруша, здоровый и очень длинный малый, въ парусиновыхъ штанахъ, въ ситцевой рубахѣ, съ бѣлымъ фартукомъ, съ черной кудрявой головой, въ шлепанцахъ безъ задниковъ и съ продранными передками, видимо съ величайшей охотой исполнилъ предложеніе хозяина. Онъ стащилъ съ широкой лавки распиленныя доски, инструменты, стружки, подложилъ подъ голову какія-то тряпки и вытянулся во весь ростъ, сложивъ на груди руки, какъ настоящій покойникъ, и даже для правдоподобія закрылъ глаза.

Нилъ Назаровичъ взялъ сантиметръ и приступилъ къ дѣлу. И каждое свое движеніе онъ поясняялъ: «Вотъ, примѣрно,—говорилъ онъ,—длина, ты ее смѣрилъ и запиши. Второе—въ бокахъ, а главное—руки, вотъ, гляди, чтобъ аккуратъ до локтя доходило, вотъ такъ!»

Вдругъ онъ пересталъ снимать мѣрку и громко разсмѣялся, стоя какъ разъ надъ лицомъ Петруши.

— Ха, ха, ха! Ну, Петрушка лежитъ, будто настоящій покойникъ, хоть сію минуту въ гробъ клади!

Петрушка, дѣйствительно, удивительно искусно подражалъ мертвецу. Онъ былъ старшій подмастерье и скоро долженъ былъ выйти изъ мастерской. Ему часто приходилось замѣнять хозяина, ходить по заказчикамъ и снимать мѣрку, и онъ на своемъ вѣку видѣлъ много разныхъ покойниковъ.

Digitized by Google

Нилъ Назаровичъ продолжалъ:

— Да гляди, все ли у него въ ровности... Иныхъ, вѣдь, выгибаетъ, у иного, примѣрно, колѣнки очень высоки, ну, и прочее тамъ. Все надобно умомъ приложить. Покойники тоже не всѣ одинаковы, разные бываютъ покойники, какъ и живые. Каждый по своей манерѣ лежитъ. У одного руки угломъ, а у другого кружкомъ, дугой, значитъ... Все примѣчай, все для фасона идетъ... Ну, вставай, Петрушка... Ты мастеръ хорошій, а и мертвецъ изъ тебя будетъ недурной. Теперь,— продолжалъ Нилъ Назаровичъ, когда Петрушка ожилъ,— когда мѣрка въ карманѣ, надобно кроить. Ну, это дѣло не легкое; самое главное въ гробовщицкой части, чтобы хорошо скроить, чтобы бока были не низки и не высоки, и чтобы выемка правильная была. Покойникъ долженъ лежать въ аккуратѣ,—что ему болтаться-то?—и это зависитъ отъ кройки. Ну, это вы будете присматриваться... А что касательно матеріала, такъ это, особливо тебѣ, Андрей, какъ хозяйскому сыну, надо хорошо изучить. Примѣрно, изъ какого матеріалу гробы бываютъ? Ну, какъ ты полагаешь, Васька?

— Изъ дерева,—робко отвѣтилъ Васька.

— Гм... Изъ дерева! Само собою, изъ дерева. Не изъ картона же! Хотя нынче въ моду пошли изъ цинка. Только это неправильно, всегда скажу, что неправильно. А и дерево разное бываетъ...

— Я знаю! — вызвался Андрей. — Сосна, ольха, дубъ...

— Именно. Только дубъ, онъ—дорогой. Самое крѣпкое дерево—дубъ... А только это для богатыхъ людей. Сосновый гробъ, напримѣръ, можно сколотить на бѣдность и за трешницу — меньше я не беру, развѣ что гуртомъ, тогда случается по два семи гривенъ отпускаю... Ольховый, напримѣръ, уже меньше какъ за пятишницу невозможно, и то съ трудомъ... А дубовый гробъ, онъ чисто дѣлается, въ немъ одной полировки на десять-двадцать рублей, а и доска дорогая. Дубовый гробъ я мень-

Digitized by Google

ше какъ за тридцать рублей не дѣлаю, и это самое малое...

Потомъ пошла рѣчь о подкладкѣ, обивкѣ. Андрей все зналъ. Его свѣдѣнія были чрезвычайно тонки; онъ, напримѣръ, различалъ всевозможные сорта глазета, зналъ, куда идетъ бархатъ, куда атласъ, и Нилу Назаровичу было чрезвычайно пріятно видѣть, какія хорошія способности къ гробовщицкому дѣлу у его сына. Въ одномъ только Андрей запнулся, но это была уже тонкость. Спросилъ его Нилъ Назаровичъ, и спросилъ съ улыбкой, напередъ зная, что этотъ вопросъ для него слишкомъ трудный:

— А какъ, примѣрно, ежели бы тебѣ пришлось для лютеранской вѣры гробъ сдѣлать, какъ бы ты это обозначилъ?

Андрей на это не могъ отвѣтить. Тогда Нилъ Назаровичъ самъ объяснилъ:

— А это, надо тебѣ знать, что у католической вѣры и православной обыкновенно галунъ кладется, а въ лютеранской черная рюшка. На крышкѣ, значитъ, вотъ этакимъ манеромъ...

И онъ взялъ въ руки сперва кусокъ галуна, а потомъ чернаго рюша, показалъ, какъ надо обивать ими крышку —волнистою линіей — въ случаѣ, если придется отличать католическій или православный гробъ отъ лютеранскаго.

— А вотъ,—говорилъ онъ дальше,—ежели для еврейскаго званія, такъ это, замѣть, дно надобно не крѣпко приколачивать, потому у нихъ обычай, когда кладутъ въ землю покойниковъ, дно вышибать... Ужъ не знаю и зачѣмъ это, а такой обычай. Тоже и магометанской вѣры иногда гробы берутъ, но больше простые и даже безъ коленкору. Ну, вотъ теперь вы знаете самое первоначало; пріучайтесь же, пріучайтесь. Ты, Андрей, меня радуешь, у тебя есть сметка. А изъ Васьки ужъ и не знаю, выйдетъ ли что... Какой-то у него взглядъ неподобающій.

Digitized by Google

Васька дѣйствительно смотрѣлъ на всѣ эти объясненія неподобающимъ взглядомъ. Его большіе глаза все мигали, какъ будто въ нихъ попадали соринки. Въ особенности, повидимому, трудно было ему смотрѣть, когда Петрушка лежалъ въ видѣ покойника, а Нилъ Назаровичъ снималъ съ него мѣрку. И ничего у него не осталось въ головѣ изъ объясненій Нила Назаровича. Всѣ его слова, попавъ въ Васькину голову, тотчасъ же вылетали вонъ. Были только какіе-то обрывки въ видѣ лишенныхъ смысла словъ: глазетъ, локти, угломъ, дугой... Но изъ этихъ словъ не составлялось никакихъ понятій.

Андрей, напротивъ, отнесся къ дѣлу съ глубокимъ вниманіемъ, и, когда Нилъ Назаровичъ кончилъ и по обыкновенію ушелъ въ портерную, онъ сейчасъ же съ большимъ рвеніемъ присѣлъ къ подмастерью и началъ принимать дѣятельное участіе въ распиливаніи доски для гроба. И все разспрашивалъ, стараясь вникнуть въ самую суть. Было ясно, что дѣло интересовало его.

Васькѣ тоже втиснули въ руки инструментъ, который назывался «занозой», и заставили его выстругивать выемку къ ольховой доскѣ. Но у него дрожали руки, и подъ занозой Богъ знаетъ что выходило. Ерофей взглянулъ на его работу и махнулъ рукой. Онъ уже былъ убѣжденъ, что изъ Васьки ничего не выйдетъ.

Такъ шли дни. Андрей дѣлалъ быстрые успѣхи, а Васька все стоялъ на мѣстѣ. Однажды въ передобѣденный часъ, когда въ мастерской всѣ были въ сборѣ, съ улицы вбѣжала женщина, не старая, но съ сильно поношеннымъ, истощеннымъ лицомъ, въ истрепанной юбкѣ, крайне жалкая. Она обливалась слезами, и никакъ сразу нельзя было понять, чего она хочетъ. Слышны были отдѣльныя слова, изъ которыхъ, однако, можно было заключить, что у нея несчастье.

— Кормилецъ... Душеньку отдалъ... Корки хлѣба нѣтъ...

Васька вглядывался въ ея лицо и вдругъ призналъ

Digitized by Google

ее. Это была жена огороднаго рабочаго, который жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ и Васька. Рабочій болѣлъ грудью и уже четыре мѣсяца лежалъ. Они жили въ какой-то дырѣ, впроголодь; по сравненію съ этой дырой, лачуга Викентія была дворцомъ.

Васька сообразилъ, что огородникъ, наконецъ, умеръ, что женщина пришла за гробомъ. Но Нилъ Назаровичъ все не могъ понять ея. Конечно, онъ догадывался, что дѣло идетъ о гробѣ, такъ какъ зачѣмъ же больше придутъ къ нему, да еще со слезами? Наконецъ, отъ неятаки добились прямого заявленія, что ей нуженъ гробъ, но тутъ выяснилось, что у бабы вовсе нѣтъ денегъ. И вотъ здѣсь Нилъ Назаровичъ обнаружилъ жестокость, какой Васька въ немъ не предполагалъ. Онъ самымъ спокойнымъ дѣловымъ тономъ объяснялъ плачущей женщинѣ:

— Можешь ты понять, глупая, что ежели я дешевле, чѣмъ за два пятьдесятъ тебѣ уступлю, такъ это будетъ мнѣ прямо въ убытокъ?

— Такъ нѣту же, двухъ копеекъ нѣтъ!—говорила женщина.

— Гм.. такъ ты сама подумай: бѣдныхъ много; ну, положимъ, я тебѣ уступлю, другой придетъ, я и ему долженъ уступить... Такъ тогда что же? Тогда я долженъ буду и мастерскую закрыть...

— Такъ двухъ копеекъ нѣтъ, двухъ копеекъ!—надрываясь, твердила свое женщина.

— А ты пойди въ благотворительное общество, тамъ дадутъ.

— Гдѣ я его найду? Голубчикъ мой, вѣдь, на землѣ лежитъ, его хоронить надо. Гдѣ я его найду?

— Ну, а я не могу. У меня строгое правило: безъ денегъ заказовъ не принимать.

Трудно даже объяснить, что дѣлалось въ это время съ Васькой. Сердце у него неистово колотилось. Онъ съ изумленіемъ переводилъ глаза то на Нила Назаровича, то на женщину. То, что происходило передъ нимъ, казалось ему невозможнымъ. Вотъ она убивается, а у него

Digitized by Google

въ мастерской во всѣхъ углахъ стоятъ десятки гробовъ, и все же онъ не хочетъ дать ей ни одного. Даже мастера, обыкновенно преклонявшіеся передъ Ниломъ Назаровичемъ, потупились и старались не глядѣть ни на него, ни на женщину. Но Нилъ Назаровичъ былъ твердъ, онъ не поступился своими принципами. Онъ не сердился на женщину и чрезвычайно мягко и добродушно объяснялъ ей, что никакъ не можетъ работать себѣ въ убытокъ.

— Ну, сама посуди: вотъ я тебѣ сдѣлаю въ долгъ, но ты же никогда не отдашь, сама же говоришь, что двухъ копеекъ нѣтъ. Такъ какой же это долгъ? Это не долгъ, а подарокъ, а съ какой стати я тебѣ буду дѣлать подарки? Я тебя даже и не знаю.

Женщина сперва молила, а потомъ какъ-то вдругъ озлобилась.

— Такъ накажетъ же тебя Богъ, накажетъ! Непремѣнно накажетъ!—говорила она, угрожая при этомъ Нилу Назаровичу пальцемъ:—коли сына имѣешь, отниметъ, коли дочку, погубитъ! Обязанъ наказать, коли ты такой каменный.

Этотъ зловѣщій тонъ покоробилъ Нила Назаровича; онъ не любилъ такого рода предсказаній.

— Ну, ну, иди себѣ съ Богомъ, уходи, уходи!—говорилъ онъ, стараясь поскорѣе удалить ее изъ мастерской, какъ бы боясь, чтобъ ея пожеланія не засѣли въ щеляхъ сколоченныхъ досокъ и потомъ не надѣлали ему бѣдъ. Женщина ушла.

— Что я ей сдѣлалъ?—тономъ глубоко оскорбленнаго человѣка воскликнулъ Нилъ Назаровичъ и больше не могъ работать. Онъ былъ удрученъ. Онъ всталъ, положилъ инструменты и кратко сказалъ мастерамъ:—Обѣдайте.

У Васьки явилось желаніе выбѣжать на улицу вслѣдъ за женщиной и чѣмъ-нибудь утѣшить ее. Но у него, какъ и у нея, не было ни копейки. Чѣмъ же онъ могъ ее утѣшить? Онъ остался. Но глаза его были полны слезъ, и дышать ему было тяжело.

Digitized by Google

Обѣда онъ совсѣмъ не могъ ѣсть. Онъ ѣлъ машинально, потому что хозяйка обижалась, когда рабочіе плохо ѣли. Она принимала это за упрекъ въ томъ, что ихъ плохо кормятъ.

За обѣдомъ мастера были не разговорчивы и смотрѣли какъ-то угрюмо. Наконецъ, одинъ изъ нихъ сказалъ не громко.

— Крѣпкій человѣкъ Нилъ Назаровичъ!

— Да ужъ не первый случай!—отозвался на это другой.

И больше они не сказали ни слова. Они ѣли съ аппетитомъ рабочихъ людей, а послѣ обѣда улеглись спать.

VII.

Въ домѣ стало тихо, спали и хозяинъ, и мастера, Васька тоже прилегъ было на скамейкѣ, тянувшейся вдоль стѣны. Но онъ, конечно, спать не могъ. Его не покидала мысль объ огородницѣ. Онъ теперь совершенно явственно представлялъ себѣ, что дѣлается въ этотъ моментъ въ лачугѣ огородника, воображалъ и самого огородника, какъ онъ лежитъ на земляномъ полу, въ дырявомъ грязномъ бѣльѣ, которое нѣсколько недѣль не мѣняли. Воображеніе живо рисовало ему все это.

Вдругъ онъ вскочилъ. У него явилась мысль, которая показалась ему блестящей, и онъ, не провѣряя ея, не раздумывая, шмыгнулъ въ темный коридоръ, а оттуда прямо въ кладовую Марины.

Марина, утомленная продолжительными экзерсисами, которыми она занималась послѣ ухода Луизы Антиповны, лежала на своей странной постели. Кромѣ усталости, у нея еще были въ головѣ такія мысли, надъ которыми надо было хорошенько сосредоточиться. Луиза Антиповна сегодня сообщила ей кое-что значительное.

При появленіи Васьки она очнулась отъ своихъ мыслей, вздрогнула и слегка приподнялась.

— Это ты, Васька?—промолвила она.—Что это ты такой... необыкновенный?

Digitized by Google

Марина сейчасъ же замѣтила, какое у него было возбужденное лицо. Васька подошелъ близко къ ней и началъ объяснять, въ чемъ дѣло. Онъ говорилъ довольно нелѣпо. Марина никакъ не могла уловить главнаго, а глаза у него были такіе, что она подумала, не помѣшался ли бѣдный мальчикъ. Она питала къ этому слабенькому забитому существу какое-то трогательное чувство.

— Погоди, Васька, что ты тамъ такое говоришь? Сядь-ка здѣсь.

Она взяла его за руку и усадила около себя на постели.

— Это огородникъ...—заикаясь говорилъ Васька,— такъ его жена... Онъ померъ... бѣдняки, не приведи Богъ... бѣднѣе насъ съ тятькой, а ужъ на что мы... Такъ приходила она... чтобъ гробъ... похоронить... даже двухъ копеекъ нѣтъ... а хозяинъ ни за что...

— Какой хозяинъ?

— Нашъ хозяинъ, тятенька вашъ... Ни за что... въ убытокъ, говоритъ, себѣ не могу, и прогналъ... А она въ нашемъ дворѣ живетъ... бѣднота!... хуже собаки!...

Марина начала понимать, въ чемъ дѣло, и ей стало нестерпимо совѣстно за отца, котораго Васька называлъ хозяиномъ. Она знала твердыя правила Нила Назаровича.

Но Васька поразилъ ее. Онъ весь дрожалъ, его глаза горѣли и въ голосѣ слышались слезы. Марина старалась успокоить его.

— Ну, постой, постой... Ахъ, и славный же ты мальчуганъ, Васька!... Сердце у тебя какое жалостливое, словно онъ тебѣ сродственникъ.

— Бѣднота, бѣднота какая!—молвилъ Васька.

— Но ты успокойся, успокойся!—говорила Марина, гладя его по головѣ:—успокойся... Что-жъ ты хотѣлъ бы сдѣлать?

— Гробъ имъ нуженъ... Онъ лежитъ тамъ на землѣ... я знаю... Я заглядывалъ къ нимъ... Прямо на землѣ лежитъ, въ тряпкахъ... И одѣть не во что.

Digitized by Google

— Правда?

— Ей-Богу, правда. Бѣднота такая, что хуже нельзя... А что-жъ я могу сдѣлать, у меня-жъ ничего нѣтъ! У меня никогда еще ни одной копейки не было. И у тятьки тоже нѣтъ, я знаю... Когда бы у него было, онъ далъ бы.

— Развѣ онъ такой добрый?

— Онъ добрый.. Тятька мой добрый. Только бѣда, что ничего у него нѣтъ.

— А за что же онъ тебя бьетъ, когда добрый?— спросила Марина.

— Что-жъ, что бьетъ? Бьетъ оттого, что горе. Прежде, когда горя не было, не билъ... А онъ такой добрый, что послѣднюю рубашку отдастъ.

— Вотъ еслибъ ты выучился гробы дѣлать,—сказала полушутя Марина, продолжая нѣжно гладить его волосы,—такъ теперь бы самъ сколотилъ.

— Еслибъ зналъ это, выучился бы!—серьезно отвѣтилъ Васька.

Марина надъ чѣмъ-то раздумывала, потомъ сказала:— Ну, погоди, Васька, у меня что-то есть.

— Что есть?

— Деньги, голубчикъ... Немного, а все же рублей семь наберется.

— Семь рублей? Такъ это же много!.. Это страсть какъ много... А дадите?

— Дамъ.

— Всѣ?

— Ну, разумѣется, всѣ. Хотѣла себѣ новый корсетъ купить, да ужъ послѣ... Вотъ хорошо, что не купила, а сегодня ужъ чуть было...

Васька нагнулся, схватилъ ея руку и началъ цѣловать. Но тутъ у него подступили слезы и полились ручьемъ. Марина приподнялась и сѣла. У нея тоже глаза были полны слезъ, но не отъ жалости къ огороднику,— она его не знала и не представляла себѣ вполнѣ нужду его жены. Ее тронулъ Васька своею необыкновенною чувствительностью, своимъ страданьемъ за другихъ.

Digitized by Google

— Перестань, Васька, нехорошо, услышатъ!—тихо говорила она ему.—Перестань, сейчасъ перестань!

Васька, какъ бы подчиняясь ея просьбѣ, сдѣлалъ надъ собой усиліе, сдержалъ слезы и вытеръ глаза. Марина достала кошелекъ и вынула оттуда семь рублей съ мелочью.

— Только это мало,—сказала она:—ты ничего не понимаешь, Васька, оттого тебѣ и кажется много.—Купить гробъ, одѣть его, похоронить, вотъ и все ушло. А что же ей, старухѣ, останется? Вѣдь, она теперь совсѣмъ безъ хлѣба.

— Правда!—сказалъ Васька, и лицо его опять опечалилось.

А Марина раздумывала, перебирая въ рукахъ рублевыя бумажки.

— Слушай, — сказала она: — мастера были при этомъ, какъ приходила женщина?

— Были.

— Что же они?

— Молчали.

— А потомъ?

— А потомъ говорили нехорошо про... про хозяина.

— Ну, такъ вотъ что, Васька: когда тятенька уйдетъ, — онъ навѣрно въ портерную уйдетъ, онъ всегда уходитъ, — я поговорю съ мастерами, они меня послушаютъ. Мы возьмемъ гробъ, отецъ и не замѣтитъ. У него ихъ много; вонъ, видишь, сколько лежитъ,—прибавила она, указавъ глазами на полки,—а ежели замѣтитъ, я на себя возьму... Мастеръ и снесетъ. А на эти деньги мы устроимъ другое. Одежу купимъ и старухѣ останется. А ты сейчасъ, пока всѣ спятъ, сбѣгай къ ней и успокой; скажи, что вечеромъ все будетъ... Да нѣтъ, ты вотъ что: возьми деньги и снеси; пусть она купитъ одежу, а гробъ, скажи, принесутъ. Понялъ?

Васька все понялъ. На этотъ счетъ у него оказалось гораздо больше сообразительности, чѣмъ въ гробовщицкомъ искусствѣ. Онъ еще разъ прильнулъ губами

Digitized by Google

къ рукѣ Марины, взялъ рублевки съ мелочью, крѣпко зажалъ въ рукѣ, осторожно, но быстро вышелъ въ мастерскую, а оттуда, стараясь идти на цыпочкахъ, выбѣжалъ на улицу и безъ шапки помчался къ своей квартирѣ, на Выборгскую сторону, на самую окраину, гдѣ начинались огороды.

Онъ бѣжалъ не останавливаясь, не переводя духа, и въ какихъ-нибудь двадцать минутъ былъ на мѣстѣ. Онъ прибѣжалъ во дворъ. Это былъ самый тѣсный и грязный дворъ изъ всѣхъ, какіе только есть на Выборгской сторонѣ. По краямъ онъ былъ застроенъ низенькими деревянными зданіями, больше похожими на сарайчики, чѣмъ на человѣческое жилье.

Васька машинально взглянулъ направо, гдѣ была квартира его отца, потомъ прошелъ въ самую глубь, въ самый отдаленный конецъ двора и остановился передъ дверью, высотой въ его ростъ, которая вела, очевидно, въ подвалъ.

Это не былъ подвалъ въ собственномъ смыслѣ слова, но надо было спуститься на аршинъ внизъ, при томъ безъ всякихъ ступенекъ, такъ что приходилось прыгать. Какимъ образомъ изможденная голодомъ и холодомъ огородница умудрялась взбираться черезъ этотъ порогъ, это было ея тайной.

Прыгнувъ, Васька очутился въ полутемномъ помѣщеніи безъ потолка, а только подъ крышей. Въ углу горѣла свѣча, что-то шевелилось, что-то длинное лежало на землѣ, а въ сторонѣ, въ тѣни, обрисовывался какой-то высокій силуэтъ.

Васька на минуту остановился, вглядѣлся въ картину, и вдругъ глаза его сдѣлались большими отъ изумленія и неожиданности. Лежалъ на землѣ, конечно, огородникъ, неподвижный и холодный; это онъ зналъ. Возилась около него жена. Но въ высокомъ силуэтѣ онъ узналъ Викентія, своего отца. Слесарь стоялъ неподвижно и крестился. Когда же Васька присмотрѣлся къ огороднику, то увидѣлъ подъ нимъ старое отцовское пальто,

Digitized by Google

сильно порыжѣвшее, единственная вещь, которая защищала слесаря отъ холода. Викентій стоялъ въ выпущенной ситцевой рубахѣ и съ фартукомъ, очевидно, прямо придя сюда отъ работы.

Васька сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, опять остановился и какъ-то невольно осѣнилъ себя крестомъ. Свѣчка была тонкая, восковая; отъ пламени, въ видѣ продолженія его, подымалась кверху тонкая струйка черной копоти. Мигающее пламя освѣщало лѣвую половину лица огородника, желтаго, изможденнаго, съ глубокими впадинами на щекахъ.

Огородница услышала его шаги, оглянулась и сказала:

— Это твой Васька!

— Ты какъ попалъ сюда?—спросилъ Викентій тѣмъ тихимъ голосомъ, какимъ говорятъ въ присутствіи покойниковъ.

— Прибѣгъ!—отвѣтилъ Васька и больше пока не далъ никакого объясненія.

— А Нилъ Назаровичъ?

— Спитъ. Всѣ спятъ.

— Недобрый онъ человѣкъ! Каменный! — сказала огородница, но въ присутствіи покойника тонъ ея голоса былъ не такъ злобенъ.

— Извѣстный онъ скареда! — промолвилъ Викентій, — отъ него и ждать нечего. А у меня, какъ на зло, только двѣнадцать копеекъ отыскалось.

— Тятенька!—тихимъ голосомъ позвалъ его Васька.

Викентій взглянулъ на сына и только теперь, при тускломъ свѣтѣ мигавшей восковой свѣчки, замѣтилъ, какое у него было взволнованное лицо. Особенно его поразили Васькины глаза—красные и влажные.

— Тятенька!—повторилъ Васька:—вотъ деньги, а въ вечеру и гробъ будетъ... Затѣмъ и прибѣгъ, чтобы сказать.

— Что такое?—спросилъ Викентій, не понявъ.

— Будетъ гробъ, а одежду пускай сейчасъ купитъ.

Digitized by Google

— Да откуда? отъ кого?

— Хозяйская дочь... У насъ всѣ заснули, а я къ ей пошелъ, а она ко мнѣ добрая... А я, какъ огородница пришла, да просила хозяина... Мнѣ жалко стало. Вотъ я при ней плакать сталъ... а она спрашиваетъ, я ей все разсказалъ... Она и пожалостилась... Она добрая... И у ней семь рублей съ мелочью. Она говоритъ: неси, бѣгомъ, говоритъ, неси, а въ вечеру, какъ тятенька уйдетъ въ портерную, я мастерамъ прикажу тихимъ манеромъ гробъ снести... вотъ и деньги...

Огородница поднялась и внимательно посмотрѣла на Васькины руки, какъ бы не вѣря, что у него настоящія деньги, а Васька тыкалъ ей рубли.

— Бери, Марья, коли такъ!—молвилъ Викентій.—Видно, добрая душа у хозяйской дочки. Не въ отца, значитъ.

— Охъ, Господи! Царица Небесная!—воскликнула огородница, принимая деньги.—Есть-таки добрыя души на свѣтѣ! А кто же она? Такъ себѣ, дѣвица? При родителяхъ?

— Танцорка!—сказалъ Викентій.—Мнѣ жаловался Нилъ Назаровичъ: по балаганамъ, говоритъ, пляшетъ.

— Спаси ты ее, Царица Небесная! пошли ты ей счастье,—молилась огородница.—Хоть она и пляшетъ, а добрая у ней душа! Вотъ куплю моему голубчику послѣднюю рубашку.

— А гробъ въ вечеру принесутъ!—сказалъ Васька.—Ужъ она сказала, такъ и сдѣлаетъ. А я побѣгу, а то, не дай Богъ, хозяинъ проснется.

И Васька, перекрестившись еще разъ, выскочилъ во дворъ и быстро помчался въ обратный путь.

Когда онъ пришелъ въ мастерскую, мастера уже потягивались и скоро затѣмъ началась работа. Онъ не посмѣлъ зайти къ Маринѣ, потому что боялся хозяина, хоть ему очень хотѣлось разсказать ей, какъ все вышло.

Но часовъ въ шесть Нилъ Назаровичъ собрался, по обыкновенію, въ портерную, и Васька, къ удивленію

Digitized by Google

мастеровъ, тотчасъ же пробрался въ маленькую дверь и прошмыгнулъ къ Маринѣ.

— Хозяинъ ушодши!—доложилъ онъ и при этомъ наскоро разсказалъ ей, какъ онъ передалъ ея деньги, что сказала огородница и Викентій.

— Ну, ладно!—отвѣтила Марина,—я сейчасъ приду въ мастерскую! А ты иди впередъ.

Васька вернулся.

— Ты гдѣ тамъ шляешься?—спросилъ его одинъ изъ мастеровъ.

— Я... я воды попить ходилъ!—совралъ Васька.

Вошла Марина. Мастера встали и почтительно поклонились ей. Они никакъ не ожидали, что хозяйская дочка заговоритъ съ ними, она ихъ этимъ не баловала. Между тѣмъ, Марина обратилась прямо къ нимъ:

— Слушайте, Ерофей, и вы, Петръ, сдѣлайте мнѣ одно одолженіе!

— Вы только приказать извольте, Марина Ниловна!—почти въ одинъ голосъ отвѣтили мастера.

— Только надо такъ сдѣлать, чтобъ отецъ не зналъ. Значитъ, теперь, пока его нѣтъ... Тутъ одинъ бѣднякъ умеръ, огородникъ. Вотъ что жена его приходила и просила гробъ, да отецъ отказалъ... Она очень бѣдная. А у насъ гробовъ много... Взять бы одинъ, да и снести... только сейчасъ снести. У меня въ комнатѣ можно взять. Отецъ и не замѣтитъ,—онъ никогда ко мнѣ не входитъ. А если замѣтитъ, тогда можно сказать, что продали, а я деньги дамъ.

Мастера переглянулись, молча совѣтуясь между собою взглядомъ.

— Не увидалъ бы только,—нерѣшительно сказалъ Петръ, тотъ самый, что такъ искусно изображалъ покойника, которому Нилъ Назаровичъ снималъ мѣрку.

— Теперь они не скоро придутъ!—сказалъ Ерофей, который очень хотѣлъ услужить хорошенькой хозяйской дочкѣ. Впрочемъ, оба они были тайно влюблены въ Марину.

Digitized by Google

— Ну, такъ сдѣлайте же, только поскорѣе!—промолвила Марина, и въ ея голосѣ слышалась настойчивость.

— Сдѣлаемъ, Марина Ниловна, для васъ сдѣлаемъ!

— Вотъ спасибо. И дѣло будетъ доброе!

— Дѣло дѣйствительно доброе. Ужъ какъ убивалась старуха, какъ молила!... Нилъ Назаровичъ крѣпкій человѣкъ... А какой ростъ? Великъ ли гробъ надобенъ?

— Вася, какого онъ роста?—спросила Марина, и мастера съ новымъ изумленіемъ взглянули на Ваську; они не знали, что Васька въ большой дружбѣ съ хозяйскою дочерью.

— Высокій. Вытянуло его. Страсть какъ вытянуло; а изъ себя тонкій,—болѣзнь его высушила.

— Ну, ладно, будетъ сдѣлано, Марина Ниловна!—еще разъ подтвердили мастера.

Ероѳей тотчасъ же отправился въ кладовую, выбралъ тамъ самый длинный не обитый гробъ, подобралъ къ нему крышку и вынесъ въ мастерскую.

— Только нести опасно! Еще встрѣтишься... Развѣ свезти?... Далеко?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не очень,—сказалъ Васька.—Можно дрожки взять.

— Ну, а я всѣ деньги туда отослала!—замѣтила Марина.

— Да у меня сыщется копеекъ съ тридцать!—сказалъ Петръ.

— А я свезу,—вызвался Васька.

— Вотъ и дѣло!

Ероѳей побѣжалъ на улицу, договорилъ извозчика и они вынесли гробъ. Все это дѣлалось чрезвычайно быстро.

Были темныя сумерки. Васька сѣлъ въ дрожки и, придерживая обѣими руками гробъ, поѣхалъ. Несмотря на близкое сосѣдство гроба, онъ вовсе теперь не чувствовалъ того тяжелаго ощущенія, какое производила на него обстановка мастерской. Теперь онъ думалъ не о гробѣ, а объ огородникѣ и его нуждѣ.

Digitized by Google

— Спасибо вамъ, Петръ и Ероѳей!—промолвила Марина и протянула свою маленькую ручку тому и другому.

Мастера съ чувствомъ благоговѣнія осторожно пожали ея руку и были въ восторгѣ.

А Васька привезъ гробъ, побѣжалъ къ отцу, вызвалъ его, Викентій стащилъ гробъ въ жилище огородника, и Васька вошелъ туда.

Огородникъ лежалъ уже въ чистой рубахѣ. Гробъ устроили на трехъ табуретахъ, появилось нѣсколько восковыхъ свѣчекъ, запахло даже ладономъ.

Вообще, несмотря на крайне невзрачное помѣщеніе, въ которомъ, вмѣсто кровати, лежала куча соломы, прикрытая какими-то тряпками, появилась обстановка порядочнаго мертвеца.

Благодаря этому и старуха уже не злобствовала, а имѣла какой то строго-печальный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умиленный видъ. Она часто крестилась и призывала Царицу Небесную.

Явились три старухи со двора, такія же обтрепанныя, какъ и огородница. Покойника положили въ гробъ.

Васька не могъ долго оставаться здѣсь. Въ мастерской обыкновенно работали до возвращенія хозяина изъ портерной, а если былъ экстренный заказъ, то и дольше. Васька побѣжалъ въ мастерскую.

Мастера сидѣли надъ обычною работой. Тутъ же былъ и Андрей, который продолжалъ очень усердно обучаться наслѣдственному ремеслу. Когда Васька вошелъ, Петръ выразительно взглянулъ на него и какимъ-то особеннымъ, внушительнымъ тономъ спросилъ:

— Ну, что? Провѣдалъ тятеньку?

Васька моментально сообразилъ, въ чемъ дѣло. Очевидно, Андрей, у котораго уже начали появляться наклонности будущаго хозяина, замѣтилъ его отсутствіе и спросилъ о немъ, и ему сказали, что у Васьки заболѣлъ отецъ и онъ побѣжалъ провѣдать его.

— Провѣдалъ! — отвѣтилъ Васька, стараясь, одна-

Digitized by Google

кожъ, никому не глядѣть въ глаза; онъ еще не умѣлъ хорошо лгать.

— Лучше твоему отцу? — съ нѣкоторымъ участіемъ спросилъ Андрей.

— Получше. Завтра, надо полагать, встанетъ!—уже болѣе твердо отвѣтилъ Васька.

— А что у него?—продолжалъ Андрей.

— Такъ, болѣзнь... Не знаю.

И затѣмъ въ мастерской продолжалась работа. Черезъ полчаса появилась Марина, на этотъ разъ въ шляпкѣ и накидкѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ. Мастера встали передъ нею, а она имъ улыбнулась и прошла на улицу. Эта улыбка была для нихъ уже большимъ пріобрѣтеніемъ.

VIII.

Марина продолжала танцовать въ театрѣ и въ то же время брала уроки у Луизы Антиповны. Уроки эти не могли принести ей большой пользы. У нея была непобѣдимая склонность къ балетному искусству и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ большія способности, какъ увѣряла Луиза Антиповна, но сама же она прибавляла, что этому искусству необходимо учиться въ малолѣтствѣ. Марина могла только слабо подражать своей учительницѣ и съ завистью смотрѣть на ея ноги, которыя такъ свободно описывали невѣроятные круги и другія геометрическія фигуры въ воздухѣ и на полу, какъ будто были на пружинахъ.

Въ театрѣ она занимала самое скромное амплуа и выступала только въ тѣхъ сценахъ, гдѣ надо было оставаться на мѣстѣ или плавно двигаться изъ стороны въ сторону,—однимъ словомъ, служить украшеніемъ труппы. Но и это уже былъ огромный шагъ для Марины, что она изъ балагана перешла въ театръ. То, что она видѣла здѣсь, совсѣмъ не походило на тѣ грубыя представленія, въ которыхъ она прежде сама участвовала. И когда она стояла за кулисами и слушала музыку и пѣ-

Digitized by Google

ніе и смотрѣла на то, что разыгрывалось на сценѣ, то испытывала какое-то очарованіе.

Всѣмъ этимъ она была обязана исключительно Луизѣ Антиповнѣ и поэтому старалась всячески угодить ей и сдѣлать пріятное.

И вотъ однажды Луиза Антиповна, придя къ ней на урокъ, прямо заявила:

— Какъ себѣ хотите, душечка, а сегодня вы должны быть у меня. Непремѣнно, непремѣнно. И никакихъ отговорокъ! И слышать ничего не хочу! Будетъ много народу! Трое военныхъ будетъ. Одинъ красавецъ, такъ сейчасъ и влюбитесь. Только не дѣлайте этой глупости! Не стоитъ, потому что всѣ мужчины—дураки и негодяи. Пускай они влюбляются въ насъ, сколько хотятъ, а мы въ нихъ не должны. Мы должны ихъ водить за носъ, какъ индюковъ. И Безлобовъ будетъ и много еще другихъ. И дамы будутъ. Непремѣнно приходите!

— Но, Луиза Антиповна... — начала было Марина, но учительница не дала ей говорить.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, и слушать не хочу... Должны, должны, должны!

— Мнѣ не во что одѣться, Луиза Антиповна! У меня слишкомъ простое платье, а другого нѣтъ!—попыталась возразить Марина.

— Вамъ не для чего одѣваться! Вы такая хорошенькая, что во всякой тряпкѣ будете лучше всѣхъ. Это, знаете, даже еще лучше, когда вы скромно одѣты и всѣ на васъ будутъ обращать вниманіе. Ахъ, я никогда пышно не одѣвалась и никакихъ бриллiантовъ не носила, потому что у меня ихъ не было! Мнѣ когда кто-нибудь хотѣлъ подарокъ сдѣлать, такъ я всегда спрашивала: а сколько вы хотите истратить на него? Столько-то. Ну, такъ давайте лучше деньгами... А то, душечка, онъ купитъ штучку за полтораста рублей, а скажетъ, что пятьсотъ заплатилъ, для важности... Они всѣ такіе негодяи!... Да, такъ я никогда очень не одѣвалась, а мужчины около меня жужжали, какъ мухи...

Digitized by Google

— Но, Луиза Антиповна, у васъ будутъ все благородные гости, а я мѣщанка, я ничего даже сказать не умѣю.

— Благородные? Ха, ха, ха! Ахъ, какая вы смѣшная!... Они всѣ благородные, а что имъ отъ насъ нужно, извѣстно что! И благороднымъ и неблагороднымъ одно и то же надо отъ женщины. И повѣрьте, что вы ни скажите, все будетъ хорошо, все равно будутъ въ восторгѣ. Они даже любятъ, когда женщина говоритъ глупости. Вы думаете, мужчины слушаютъ, когда хорошенькая женщина говоритъ? Нѣтъ, они только глазами ее пожираютъ... Ну, такъ я васъ жду... И знаете, душечка, вы не можете не придти, потому что я всѣмъ сказала: сегодня у меня будетъ одна такая особа, что вы всѣ пальчики оближете.

— Ахъ, Луиза Антиповна, что вы?—краснѣя, возражала Марина.

— Ну, да, я Луиза Антиповна и говорю правду. Ну, душечка, давайте скорѣе учиться, а то я тороплюсь. Мнѣ надо еще заѣхать къ двумъ дамочкамъ, ихъ пригласить, да еще закусокъ и пива накупить. Вина я не покупаю. У меня законъ: каждый гость, конечно мужчина, приноситъ съ собою бутылку вина и сластей. И знаете, всегда приноситъ хорошее, потому что неловко передъ другими... Каждый старается получше принести. Ну, становитесь, начните прямо съ эшапе! Такъ, хорошо. Вы сегодня въ ударѣ! Ассамбле! Великолѣпно! Ронжанъ!... Такъ, такъ, теперь ронжанчикъ по полу, на воздухѣ, прелесть!...

На этотъ разъ урокъ шелъ необыкновенно успѣшно. Едва ли Марина въ это утро достигла въ самомъ дѣлѣ такого совершенства, по крайней мѣрѣ, она сама этого не находила. Но Луиза Антиповна торопилась, ей самой продѣлывать все не хотѣлось, поэтому она была снисходительна.

— Смотрите же, ангелъ мой, вы меня прямо зарѣжете, если не придете!—сказала она уходя.

Digitized by Google

Марина не могла отвергнуть это предложеніе. Обидѣть Луизу Антиповну—объ этомъ она не могла даже и подумать, но ей пришлось долго ломать голову надъ вопросомъ, въ чемъ она появится на этомъ блестящемъ вечерѣ.

Въ театрѣ она встрѣчала много хорошо одѣтыхъ людей. Мужчины, тершіеся за кулисами, обыкновенно носили блестящія своей бѣлизной рубашки. Сюртуки и мундиры сидѣли на нихъ какъ отлитые. Отъ нихъ пахло духами. Усы были искусно подвиты, а бороды прекрасно расчесаны. Она же всегда являлась на сценѣ въ театральномъ костюмѣ, за который не могла нести отвѣтственность. Когда же она была не занята, и ей хотѣлось остаться въ театрѣ, то она забиралась въ какую-нибудь глухую кулису, чтобы никому не попадаться на глаза, и оттуда смотрѣла на сцену.

Съ подругами она вела знакомство и бывала у нихъ, но онѣ были такъ же бѣдны, какъ и она, и ютились въ тѣсныхъ меблированныхъ комнатахъ. Къ себѣ она ихъ никогда не звала, изъ опасенія, чтобъ онѣ не испугались ея мрачной обстановки, а въ особенности тѣхъ маленькихъ гробиковъ, которые были выставлены въ окнахъ мастерской.

Но то общество, которое будетъ у Луизы Антиповны, представлялось ей блестящимъ, разодѣтымъ и важнымъ, и она не знала, какъ ей быть. Но время шло и надо было рѣшать. Она сняла съ себя свою единственную юбку и стала подбирать къ ней по цвѣту кофточку, которыхъ у нея былъ нѣкоторый запасъ. Затѣмъ отыскала ленты и приложила къ шеѣ одну, другую, третью. Коекакъ подобрала она нѣчто, показавшееся ей приличнымъ, и принялась перешивать.

Она работала усердно, и только когда стемнѣло ея бальный нарядъ былъ готовъ. Она быстро облеклась въ него, торопливо надѣла свою накидку и шляпку и вышла на улицу, такъ какъ было уже около девяти часовъ. Потомъ она взяла извозчика и поѣхала на Лиговку.

Digitized by Google

Квартира Луизы Антиповны была ей знакома. Она заходила сюда иногда днемъ. Случалось, что Луиза Антиповна звала ее къ себѣ, чтобы дать урокъ, но это бывало очень рѣдко. У нея было тѣсно и она дорожила неприкосновенностью своего обиталища. Поэтому она предпочитала сама таскаться, не останавливаясь даже передъ разстояніемъ, на Петербургскую Сторону.

Луиза Антиповна жила, повидимому, одна. По крайней мѣрѣ, все у нея въ квартирѣ было только для одного. Она занимала одну комнату съ перегородкой для спальни. Тутъ стояло старое піанино, круглый столъ былъ накрытъ пестрой вышитой гарусомъ скатертью, на мягкихъ стульяхъ были чехлы, а на нихъ, на спинкахъ, какія-то тряпочки съ вышитыми узорами. На трюмо стояли дешевыя фарфоровыя фигурки. На піанино—ноты вальсовъ и качучей и нѣсколько романсовъ для пѣнія. На стѣнѣ, надъ диваномъ, были густо повѣшены, одна около другой, фотографическія карточки ея многочисленныхъ знакомыхъ, но между ними преобладали изображенія Луизы Антиповны въ различныхъ балетныхъ позахъ. Во всей обстановкѣ былъ нѣсколько нѣмецкій духъ. Комната была довольно большая, въ два окна, на улицу, въ четвертомъ этажѣ.

Когда Марина подымалась по лѣстницѣ, у нея усиленно билось сердце. Она трусила. Ей никогда не приходилось бывать въ большомъ обществѣ.

Она подошла къ двери и остановилась. За дверью былъ слышенъ говоръ, шумъ и смѣхъ. Она позвонила, ей отперли очень скоро, и это была сама Луиза Антиповна.

— Душечка, а я васъ жду! Ужъ боялась, что вы не придете.

И она звонко поцѣловала Марину въ губы.

— Ну, снимайте накидку и шляпку. Давайте я вамъ помогу! Ахъ, какъ это мило, эта ленточка! Какъ она вамъ идетъ! У васъ ужасно много вкуса! Постойте, постойте, я сію минуту...

Digitized by Google

Она впорхнула въ свою спальню и въ ту же минуту выпорхнула обратно, неся въ рукахъ пышную розу, которую ей сегодня преподнесли.

— Давайте, я вамъ воткну эту розу въ волосы! Вамъ пойдетъ. Ахъ, какая прелесть! Вы совсѣмъ, совсѣмъ... весна! Вотъ увидите, какой будетъ успѣхъ. Идемъ!

Марина, страшно смущенная, уже не разсуждала, а подчинилась Луизѣ Антиповнѣ. Хозяйка ввела ее.

На Марину пахнуло густымъ табачнымъ дымомъ. Въ комнатѣ было безбожно накурено. Она видѣла, что вокругъ стола сидятъ люди, но никого не могла различить.

— Господа, позвольте обратить ваше вниманіе: моя ученица, Марина Ниловна Акулова. Талантъ!—а ужъ какая она душка, это вы сами хорошо видите.

Мужчины поднялись. Луиза Антиповна познакомила Марину съ каждымъ. Ихъ было восемь, между ними три военныхъ мундира.

Марина не замѣтила ихъ фамилій. Но вотъ ей представили послѣдняго:

— Безлобовъ!—сказала Луиза Антиповна.

Марина невольно вглядѣлась въ него: такъ это и есть самъ Безлобовъ, знатокъ женщинъ, мнѣніе котораго такъ цѣнится. Онъ былъ высокаго роста, съ толстыми бритыми щеками и рѣденькими бѣлесоватыми усиками. Голова его блестѣла, волосы были только на вискахъ и то немного. А когда онъ улыбнулся, чтобы показать Маринѣ свою благосклонность, то оказалось, что у него не достаетъ верхнихъ зубовъ.

«Боже, какой онъ некрасивый, даже противный!— подумала Марина. — Почему же его такъ любятъ женщины?»

Среди присутствующихъ дамъ Марина увидѣла Сноскову, свою товарку по театру, и почувствовала, что въ ней найдетъ свое спасеніе. Она тотчасъ же подсѣла къ ней и онѣ начали болтать.

Пили чай, на столѣ стояла бутылка коньяку и еще

Digitized by Google

какой-то напитокъ. Луиза Антиповна суетливо наливала чай, предлагала Маринѣ варенье, печенье и лимонъ. Марина все брала, но не оттого, что ей всего хотѣлось, а просто отъ смущенья.

Отъ волненія она еще до сихъ поръ не могла разглядѣть всѣхъ гостей. Она старалась безъумолку говорить съ своей товаркой, боясь, чтобы кто-нибудь другой не вступилъ съ ней въ разговоръ. Но вотъ она почувствовала, что съ лѣвой стороны ей что-то говорятъ. Она повернулась и только теперь узнала, что у нея есть сосѣдъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ около дивана. Это былъ молодой человѣкъ съ незначительнымъ, но довольно пріятнымъ смуглымъ лицомъ, темными глазами, черными усиками. Онъ вѣжливо улыбался и держалъ въ рукѣ бутылку, наклоненную такимъ образомъ, чтобъ наливать изъ нея, и говорилъ ей:

— А вамъ не угодно коньяку?

— Нѣтъ, я не пью!—отвѣтила Марина и чувствовала, что покраснѣла.

— Отчего? Это, знаете, хорошо съ чаемъ... Это пріятно оживляетъ нервы... Для молодой дѣвицы это въ особенности полезно.

Марина чувствовала, что ей надо было что-то отвѣтить на это, и у нея въ головѣ даже мелькали какія-то возраженія на счетъ молодой дѣвицы и коньяку. Но мысли ея не успѣли принять надлежащей формы; кромѣ того, она боялась говорить въ этомъ обществѣ. Ей все казалось, что она не сумѣетъ сказать какъ надо.

Она повторила: «нѣтъ, я не пью!»—и опять заговорила съ своей товаркой.

— Бѣдный Ступидинъ! Его постигла неудача! — воскликнулъ кто-то за столомъ.

Марина не понимала, о чемъ идетъ рѣчь, но разговоръ весь доходилъ до ея слуха.

— Первая неудача — признакъ вѣрнаго успѣха въ будущемъ!—отозвался кто-то другой.

Digitized by Google

— Господа,—сказала Луиза Антиповна,— успѣхъ у хорошенькой женщины надо заслужить.

— О, онъ заслужитъ, онъ заслужитъ!—воскликнулъ Безлобовъ и почему-то запѣлъ: — «Онъ подростетъ, онъ подростетъ, подростетъ,—на то испанецъ онъ!»

— Я постараюсь!—отвѣтилъ Ступидинъ.

— Что? Подрости? Это вамъ не мѣшаетъ! — замѣтилъ офицеръ очень высокаго роста, очевидно намекая на не особенно большой ростъ Ступидина.

— А вы, кажется, измѣряете достоинства человѣка аршиномъ! — промолвилъ, слегка обидѣвшись, Ступидинъ. — Но я не особенно завидую вашимъ тремъ аршинамъ.

— Господа, не ссорьтесь!—мирила ихъ Луиза Антиповна. — Клянусь вамъ, что для женщины ростъ не имѣетъ никакого значенія.

— А что же имѣетъ значеніе?

Луиза Антиповна помедлила отвѣтомъ, но вмѣсто нея отвѣтилъ Безлобовъ.

— Бумажникъ!—промолвилъ онъ съ громкимъ смѣхомъ, но никого не разсмѣшилъ.

— Неправда, доброе сердце!—сказала Луиза Антиповна и при этомъ страннымъ образомъ подмигнула.

— А, вотъ чѣмъ объясняется мой неотразимый успѣхъ у женщинъ!—комически возразилъ Безлобовъ.

— Въ прошломъ!—сказалъ кто-то, — лѣтъ сорокъ тому назадъ.

— Не скажите этого! —замѣтила хозяйка. — Безлобовъ и теперь трогаетъ сердце нѣкоторыхъ женщинъ... напримѣръ, мое. А вѣдь я—женщина, господа, ей-Богу!

Раздался общій смѣхъ.

— Послушайте,—сказалъ Безлобовъ, обращаясь къ Луизѣ Антиповнѣ, — надо расшевелить вашу ученицу. Всѣ мы слишкомъ много теряемъ отъ того, что ея прекрасные глазки смотрятъ не на насъ, а на Сноскову.

— Это правда, мы теряемъ!—отозвались другіе,— мы требуемъ вашихъ взглядовъ!

Digitized by Google

Марина понимала, что рѣчь идетъ о ней, и, совершенно сконфуженная, растерянно глядѣла на Луизу Антиповну, какъ бы ожидая отъ нея помощи.

— Душечка, Марина Ниловна, развеселитесь! — молвила Луиза Антиповна. — Вы видите, что все общество отъ васъ въ восторгѣ. Безлобовъ уже сошелъ съ ума отъ вашихъ глазокъ.

— Это... это неправда!—нерѣшительно, дрожащимъ голосомъ сказала Марина.

— Клянусь вамъ честью! — воскликнулъ Безлобовъ и приложилъ руку къ сердцу.

— Душечка,—сказала Луиза Антиповна, —знаете ли что? выпейте коньяку, а то, можетъ быть, хотите ликеру? Это оживитъ васъ и вы сразу со всѣми познакомитесь. Да, это такъ дѣйствуетъ.

— Но я совсѣмъ не пью, Луиза Антиповна.

— Боже, какая невинность! — сказалъ кто-то негромко.

— Господа, мы рѣшимъ это по большинству голосовъ!—предложилъ Безлобовъ.—Должна ли Марина Ниловна выпить коньяку или нѣтъ? Кто *за*, подымите руки!

— За, за, за!—послышались голоса, и всѣ подняли руки.

— Рѣшено!—сказалъ Безлобовъ.—Теперь вы должны подчиниться, Марина Ниловна!—и, взявъ бутылку съ коньякомъ, налилъ всѣмъ рюмки, потомъ поднялъ свою и проговорилъ:—Милостивыя государыни и милостивые государи! Я пью за чудный блескъ пары звѣздочекъ, впервые сегодня засіявшихъ на нашемъ небосклонѣ! Пью за дивные глазки Марины Ниловны! Ура!

— Ура!—дружно раздалось за столомъ, къ Маринѣ потянулись руки съ рюмками, она еще больше растерялась, машинально взяла свою, чокнулась со всѣми и потомъ залпомъ выпила. Коньякъ былъ очень крѣпокъ, огонь охватилъ ея горло и голову. Но это имѣло большой успѣхъ, всѣ одобрительно шумѣли и апплодировали.

Digitized by Google

— А отъ меня не захотѣли! —укоризненно сказалъ ей Ступидинъ, но такъ тихо, что слышала только она.

— Но, право, я... я никогда не пила.

— Однако, выпили! Нѣтъ, теперь вы должны выпить со мной другую!

— Что же это будетъ?—съ нѣкоторымъ испугомъ возразила Марина.

— Да ничего не будетъ. Вамъ станетъ только весело, вотъ и все.

И онъ налилъ ей и себѣ и чокнулся съ нею рюмкой. Марина просто не знала, какъ ей быть. Выходило въ самомъ дѣлѣ, что она какъ бы оказываетъ предпочтеніе Безлобову передъ Ступидинымъ. Но Безлобовъ былъ ей совершенно противенъ, тогда какъ Ступидинъ по внѣшности ей даже нравился. У него были густые курчавые волосы. Она любила такіе волосы. Она взяла рюмку и выпила сперва глотокъ, а потомъ и все.

— Браво, браво! — раздалось за столомъ, и всѣ поздравляли Ступидина съ успѣхомъ.

А у Марины уже слегка закружилась голова, и, въ самомъ дѣлѣ, все стало представляться въ иномъ свѣтѣ. Она замѣтила, что всѣ мужчины заглядываются на нее, каждый старается заговорить съ ней, предложить ей что-нибудь и что вообще она сразу покорила всѣхъ. И это уже нисколько не смущало ее, а, напротивъ, доставляло удовольствіе. Уже ни малѣйшей робости она не чувствовала передъ этимъ обществомъ. «Всѣ они дураки и негодяи!»—вспоминала она изреченіе Луизы Антиповны и совершенно свободно откликалась на всѣ вопросы и обращенія.

Кто-то предложилъ ей еще коньяку и просилъ выпить съ нимъ, но Ступидинъ шепнулъ ей на ухо:

— Не пейте больше, голова будетъ болѣть съ непривычки!

И это ей понравилось, что онъ заботится о ней и предостерегаетъ ее. Она отказалась пить.

Начали по одиночкѣ вставать изъ-за стола и размѣ-

Digitized by Google

щаться по разнымъ угламъ комнаты. Иные пошли въ спальню Луизы Антиповны, и оттуда слышался смѣхъ; кто-то сидѣлъ за разбитымъ піанино, наигрывалъ аккорды и хриплымъ голосомъ напѣвалъ цыганскій романсъ.

Марина не обратила вниманія на то, что за столомъ они остались вдвоемъ со Ступидинымъ, и не замѣтила, какъ онъ пересѣлъ на диванъ рядомъ съ ней. У нихъ шелъ оживленный разговоръ.

— Давно ли вы танцуете?—спрашивалъ Ступидинъ.— Я никогда не видалъ васъ на сценѣ.

— О, это ничего не значитъ, — просто отвѣчала Марина,—меня легко не замѣтить, вѣдь я обыкновенно въ самомъ дальнемъ углу стою. Какая же я танцорка!

— Но какъ же Луиза Антиповна такъ долго скрывала отъ насъ такое сокровище? Я непремѣнно завтра же приду посмотрѣть, какъ вы танцуете.

— Ахъ, лучше и не приходите; я совсѣмъ плохо танцую

— Ну, это, знаете, все равно, это не важно. Я танцы даже не особенно и люблю. Я люблю красивыхъ женщинъ на сценѣ...

Въ то же время изъ спальни слышался разговоръ:

— Гдѣ вы открыли такую драгоцѣнность?—спрашивалъ Безлобовъ.

— Изъ-подъ земли вырыла! — со смѣхомъ отвѣчала Луиза Антиповна.

Горничная ставила на столъ закуски и вина. Скоро опять всѣ стали собираться около стола. Луиза Антиповна увлекла Марину въ спальню и усадила на свою кровать.

— Ну, что? Развѣ я вамъ не говорила? — болтала она.—Какой успѣхъ! Безлобовъ сказалъ, что такихъ хорошенькихъ глазокъ никогда еще въ жизни не видалъ... А насчетъ Ступидина я вамъ скажу, что онъ богачъ. И теперь, когда всѣ стали говорить о васъ, ужъ онъ непремѣнно влюбится... Онъ такой. Онъ живетъ теперь съ Поркиной, но она ему надоѣла... Безлобовъ сказалъ,

Digitized by Google

что теперь каждый день будетъ ѣздить къ намъ въ театръ; вотъ такъ успѣхъ! Но и правда, вы сегодня такая дуся!

Она съ большимъ чувствомъ поцѣловала Марину. Вообще она относилась къ ней совсѣмъ по-матерински.

— Идемте ужинать, душечка!—прибавила она.

За ужиномъ Ступидинъ опять сидѣлъ около нея и подливалъ ей вино, а самъ пилъ вдвое. Марина была осторожна. Почувствовавъ легкое головокруженіе отъ коньяка, она благоразумно остановилась и только чуть прихлебывала изъ стакана. Опять подымались мужчины, протягивали впередъ стаканы и говорили тосты и все за ея глаза. Она чувствовала себя героиней.

Ужинъ затянулся до двухъ часовъ. Когда она узнала объ этомъ, то стала торопиться.

— Мнѣ надо ѣхать, Луиза Антиповна, — сказала она,—мнѣ далеко.

— Погодите, душечка, вѣдь не одна же вы поѣдете, васъ проводятъ.

И она при этомъ выразительно посмотрѣла на Ступидина.

— Безъ сомнѣнія, вы мнѣ въ этомъ не откажете?— сказалъ Ступидинъ.

Марина вдругъ пришла въ ужасъ, вспомнивъ о томъ, гдѣ она живетъ и какія мрачныя вещи стоятъ на окнахъ мастерской.

— Ахъ, нѣтъ, благодарю васъ! Я одна поѣду!— поспѣшно возразила она.

— Но какъ же можно? Почему?

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста...

— Но почему, почему?—приставалъ Ступидинъ.—Гдѣ вы живете?

— А я вамъ этого не скажу! — кокетливо сказала Марина.

— Значитъ, это тайна?

— Да, тайна. И я хочу, чтобъ это и оставалось тайной.

— Въ такомъ случаѣ я хоть подвезу васъ.

Digitized by Google

Марина подумала. Это предложеніе можно было принять, и она согласилась. Она стала прощаться. Всѣ при этомъ выражали желаніе проводить ее.

— Э, господа, — сказала имъ Луиза Антиповна,— вотъ вы и прозѣвали, а Ступидинъ не зѣвалъ.

— Я говорилъ, что первая неудача—признакъ вѣрнаго успѣха въ будущемъ,—замѣтилъ одинъ изъ военныхъ.

Луиза Антиповна на прощанье съ жаромъ расцѣловала Марину, а Ступидину сказала:

— Ну, вамъ сегодня везетъ, Ступидинъ!

Они сошли внизъ. У Ступидина оказался наемный лихачъ. Онъ усадилъ Марину, самъ сѣлъ рядомъ и обнялъ ее за талію, какъ бы для того, чтобы поддерживать.

— Куда?—спросилъ онъ.

— На Петербургскую Сторону.

— Отлично. Теперь хорошо прокатиться

Рысакъ помчалъ. Свѣжій воздухъ при быстрой ѣздѣ странно подѣйствовалъ на Марину. Вмѣсто того, чтобъ освѣжить ея голову, онъ какъ будто сразу вызвалъ въ ней силу всѣхъ тѣхъ напитковъ, которые она выпила. Она выпила немного, но безъ привычки ея голова оказалась слабой, и Марина почувствовала, что вѣки ея какъ бы отяжелѣли и въ вискахъ жаръ. И ей вдругъ стало очень весело. Ее смѣшилъ лихачъ своей широкой спиной, искры, вылетавшія изъ-подъ лошадиныхъ ногъ, быстрая ѣзда и самъ Ступидинъ.

Больше всего смѣшилъ ее Ступидинъ. Онъ выпилъ гораздо больше, чѣмъ она, и въ его словахъ замѣчалось какъ бы недостаточно связности. Онъ говорилъ разумно, но какъ-то безъ видимой причины затрогивалъ разные предметы и все перескакивалъ съ одного на другой. Онъ словно исповѣдывался передъ нею, перечисляя безъ всякаго порядка факты изъ своей жизни.

— Я люблю, когда вѣтеръ дуетъ въ лицо! — говорилъ онъ:—мой отецъ помѣщикъ Орловской губерніи, у

Digitized by Google

него три имѣнія...—Я служу въ министерствѣ... Чортъ,—надоѣла служба... Терпѣть не могу... Отецъ желаетъ... У меня есть свое отъ бабушки... Только мало, всего девяносто тысячъ... Проценты—грошъ!... Я капиталъ трачу... Потомъ отъ отца получу... Безъ женщинъ никакъ не проживешь,—это моя слабость... Если полюблю, такъ все отдамъ... Безлобовъ, онъ — дуракъ... Онъ воображаетъ о себѣ... Вы знаете, онъ считаетъ, что всякая женщина въ него влюблена. Онъ нахалъ... У него было состояніе, онъ его просадилъ на женщинъ... Онъ въ женщинахъ понимаетъ... Да что тутъ понимать? Всякій понимаетъ въ женщинахъ... Васъ увидѣть, такъ и слѣпой скажетъ, что вы красота... Почему вы такъ въ сторону? Вы еще вышадете изъ дрожекъ.

И онъ все крѣпче и крѣпче охватывалъ ея талію. Маринѣ это было неловко; она слушала его и ей хотѣлось разсмѣяться.

Они уже проѣхали Литейный мостъ и покатили мимо академическихъ зданій, по набережной. Ступидинъ продолжалъ:—Я живу съ Поркиной .. Вы знаете Поркину? Она тоже танцовщица... Надоѣла... Она злая и неряха... Ну ее къ чорту. Я за васъ все отдалъ бы... Вы знаете... Я влюбленъ. . Какъ только увидѣлъ, такъ и врѣзался сразу... Я такъ влюбленъ, такъ влюбленъ... Я еще никогда такъ не влюблялся.

Марина хохотала и думала словами Луизы Антиповны: «Всѣ мужчины дураки, ахъ, какіе дураки!—Ну, много ли нужно, чтобы они заговорили всякій вздоръ? Ахъ, какіе они дураки, вотъ дураки!»

Она чувствовала, что Ступидинъ у ея ногъ, что она покорила его своими глазками. Но вотъ они проѣхали Сампсоніевскій мостъ. Марина толкнула извозчика зонтикомъ въ спину и сказала ему:—Стой! Извозчикъ остановился.

— Я здѣсь сойду!

— Какъ? что вы? зачѣмъ?

— Такъ, я дойду пѣшкомъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ довезу.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста.

— Я васъ не пущу... вотъ не пущу!

И онъ вдругъ совсѣмъ близко прижалъ ее къ себѣ и звонко поцѣловалъ въ щеку. Марина этого не ожидала, вскипѣла и, рванувшись изо всѣхъ силъ, выскочила на мостовую.

— Подите!—нѣсколько грубовато крикнула онаему,—убирайтесь!

— А я за вами поѣду!—съ замѣтно возрастающимъ нахальствомъ говорилъ Ступидинъ.

— Поѣзжайте, только ужъ тогда больше не встрѣчайтесь со мной!

— Но гдѣ же вы живете?

— Не скажу.

— Такъ это въ самомъ дѣлѣ тайна?

— Тайна.

— Гм... А потомъ скажете?

— Посмотримъ.—Марина отошла на порядочное разстояніе отъ него.—Ну, поворачивайте обратно,—сказала она ему.

— А гдѣ увидимся?—спросилъ Ступидинъ.

— Я танцую въ театрѣ.

— Хорошо, я васъ послушаю... только...

— Ну, только и есть, что послушаете, и больше ничего.

— Ого, это мы посмотримъ!

— Посмотримъ!—откликнулась Марина.

— Поворачивай назадъ! — скомандовалъ Ступидинъ. Извозчикъ повернулъ опять на мостъ.—До свиданья, очаровательная Марина! — крикнулъ Ступидинъ и укатилъ.

IX.

Марина быстро шла домой. Въ головѣ ея еще больше бродили остатки хмѣля. Въ сущности ей было пріятно катить на лихачѣ; пріятно было, что Ступидинъ,

Digitized by Google

который былъ ей симпатиченъ, такъ видимо увлеченъ ею. Ничего не имѣла она и противъ того, что онъ довольно крѣпко держалъ ее за талію. Никакихъ опредѣленныхъ намѣреній и разсчетовъ по отношенію къ нему у нея не было. Но въ тотъ моментъ, когда онъ прижалъ ее и поцѣловалъ, какой-то инстинктъ подсказалъ ей, что не слѣдуетъ такъ много позволять ему, что она не должна доставлять ему такую легкую побѣду, и она вырвалась.

Теперь ей было скучно. Вотъ уже близко мастерская. Сейчасъ покажутся на окнахъ маленькіе гробы, а потомъ душная кладовая, гдѣ тоже все гробы и гробы. Объ этомъ было такъ тоскливо думать послѣ веселаго вечера у Луизы Антиповны и послѣ такого блестящаго успѣха.

Вотъ и мастерская. Однако, какъ это странно. Почему въ квартирѣ черезъ открытую въ мастерскую маленькую дверь виденъ свѣтъ? Уже больше трехъ часовъ ночи. Въ это время у нихъ обыкновенно всѣ спятъ и въ домѣ темно. Марина никакъ не могла понять этого.

А вотъ въ мастерскую кто-то вошелъ со свѣчой въ рукѣ. Она вглядѣлась. Это былъ Нилъ Назаровичъ. Въ бѣльѣ. Онъ что-то искалъ. Она хотѣла переждать, пока онъ скроется, чтобы такъ поздно не попасться ему на глаза, но любопытство узнать, въ чемъ дѣло, превозмогло, и она открыла дверь и вошла.

— Что это вы не спите, тятенька? — не особенно смѣло спросила она.

— Да, не сплю,—мрачно отвѣтилъ Нилъ Назаровичъ.—Ты вотъ шляешься по ночамъ, а въ домѣ несчастье.

— Какое? Съ кѣмъ?

— Глашутка съ вечера занемогла. Кричитъ, не спитъ... Докторъ былъ... Такъ даже рукой махнулъ... Это, говоритъ, мозговое... И дѣло плохо... Корчитъ ее.

У Марины сердце сильно забилось. Она всмотрѣлась въ лицо Нила Назаровича: какъ онъ опустился въ эту ночь! Она не думала, что онъ такъ любилъ Глашутку.

Digitized by Google

Сама она питала нѣжность къ маленькой сестренкѣ, но рѣдко ее видѣла, а потому и не привыкла. Но ей было жалко малютку.

— Ахъ ты, Боже мой!—воскликнула она и быстро побѣжала въ свою комнату, наскоро переодѣлась и пошла въ спальню.

Анна Степановна стояла надъ люлькой и плакала. Дѣвочка кричала. Ее часто схватывали конвульсіи.

— О, Господи!—всхлипывая говорила Анна Степановна, — за что наказалъ? — Одна по ночамъ шляется, пляшетъ, а другую отнимаешь. За что наказываешь?

— Маменька, — попыталась утѣшить Марина,—да, можетъ, ей полегчаетъ.

— Гдѣ тамъ ужъ! Я три часа на колѣняхъ стояла передъ угольникомъ и поклоны била, ничего не помогло.

Андрей стоялъ на порогѣ босой, растрепанный, съ заспанными глазами. Онъ страшно спать хотѣлъ и, кажется, не испытывалъ другихъ ощущеній.

«Господи,—думала про себя Марина,—это, можетъ, изъ-за меня. Можетъ, оттого, что я такъ живу... Вотъ въ компаніи бываю, вино пью и со Ступидинымъ разъѣзжаю... А можетъ, и за танцы мои... Вѣдь это, сказываютъ, грѣхъ... Господи, ты Боже мой! Такъ не могу же я всю жизнь просидѣть среди гробовъ въ своей комнатѣ!»

Всю ночь была въ домѣ тревога, къ утру Глашутка утихла. А можетъ быть болѣзнь до того истомила ее, что она уже не могла кричать. Приходилъ докторъ, посмотрѣлъ и ничего опредѣленнаго не сказалъ. Обѣщалъ прійти въ полдень.

Пришли мастера, но за работу не садились. Когда они обратились къ Нилу Назаровичу, онъ махнулъ рукой.—Ничего я не знаю! Какая ужъ тутъ работа!

И они сидѣли, въ качествѣ хорошихъ мастеровъ, выражая на лицахъ печаль по поводу хозяйскаго горя. Пришелъ и Васька и, такъ какъ дѣлать было нечего, все пытался заглянуть въ кладовую и поговорить съ

Digitized by Google

Мариной. Кладовая Марины была для него мѣстомъ отдохновенія. Здѣсь онъ находилъ живую душу съ живымъ сочувствіемъ. Здѣсь нѣжно гладили его по свѣтлымъ волосамъ, выслушивали его мысли, любили и ему высказывать кое-что. Иногда онъ заходилъ даже въ отсутствіе Марины и просто сидѣлъ на ея постели. Однажды Марина, придя къ себѣ, увидѣла на стѣнкѣ нарисованныя углемъ странныя фигуры. Приглядѣвшись, она узнала мастеровъ Ерофея и Петра, они сидѣли за работой. Лица были очень похожи, но въ то же время въ нихъ было что-то смѣшное. У Васьки несомнѣнно были къ этому способности.

Но теперь Марина помогала матери ухаживать за Глашуткой. Когда послѣ полудня пришелъ докторъ, то на лицѣ его нельзя было прочитать ничего утѣшительнаго, а вечеромъ еще меньше. Наступило время для Марины ѣхать въ театръ; когда она вспомнила объ этомъ, то сразу рѣшила, что не поѣдетъ. Луиза Антиповна объяснитъ тѣмъ, что она вчера устала, а на сценѣ она такая незначительная величина, что безъ нея легко обойдутся,— и она осталась.

Всю ночь провозилась съ Глашуткой. Дѣвочка страшно страдала. Къ восьми часамъ утра опять собрались мастера и Васька пришелъ, и едва они только сѣли за доски и взяли въ руки пилки и молотки, какъ вошелъ изъ спальни Нилъ Назаровичъ и вошелъ какъ-то особенно, тяжело шагая,—подошелъ къ рабочему столу, на которомъ обыкновенно происходила кройка, т. е. распиливали доски по мѣркѣ, снятой съ покойника, грузно опустился на столъ локтями, спряталъ руки въ голову и зарыдалъ.

— Отошла... отошла Глашутка! Нѣту больше Глашутки!—тоненькимъ голосомъ сквозь рыданія говорилъ онъ и громко плакалъ.

Мастера поднялись съ чрезвычайно подавленными лицами. Васька смотрѣлъ на Нила Назаровича, и его вдругъ охватила жалость. Никогда онъ не видалъ Глашутки; по

Digitized by Google

временамъ онъ только слышалъ ея плачъ или веселый дѣтскій смѣхъ и никогда о ней не думалъ. А теперь онъ вдругъ представилъ ее себѣ маленькимъ, слабенькимъ хорошенькимъ существомъ съ веселыми глазками, такими, какъ у Марины. И какъ это маленькое существо, должно быть, хотѣло жить, и, вѣдь, она совсѣмъ не жила, а только едва увидѣла свѣтъ! И такъ жалко ему стало Глашутку, и слезы полились у него изъ глазъ. Онъ глядѣлъ на Нила Назаровича и ему было жаль его.

Мастера занялись своимъ дѣломъ. Уже Нила Назаровича они не тревожили. Ероѳей отправился въ спальню и снялъ мѣрку съ Глашутки. Она была совсѣмъ маленькая и худенькая. Анна Степановна и Марина стояли надъ люлькой и плакали,—Анна Степановна громко причитала, Марина молча вытирала слезы. Глашутка была похожа на нее и обѣщала быть красоткой. Андрей не пошелъ въ школу. У него было огорченное лицо, но онъ не плакалъ. У этого мальчика былъ большой характеръ.

Мастера принялись дѣлать гробъ. Они приложили все свое искусство и стараніе. Къ полудню онъ былъ готовъ.

Это былъ маленькій изящный гробикъ, обитый бѣлымъ серебристымъ глазетомъ, по краямъ обтянутый золотистымъ галуномъ. Невинное тѣльце Глашутки должно было почивать въ веселомъ гробикѣ, и внутри его обивка была веселая. И хорошо сдѣлали ее мастера, нисколько не хуже, чѣмъ сдѣлалъ бы самъ Нилъ Назаровичъ.

Изъ мастерской унесли въ коридоръ всѣ доски и инструменты, убрали всѣ гробы, даже окна очистили, и это было, можетъ быть, въ первый разъ за двадцать лѣтъ, что эта большая комната походила на обыкновенное человѣческое жилище, и въ ней не было никакихъ признаковъ гробовщицкаго ремесла. Это случилось именно тогда, когда въ домѣ появился покойникъ.

Сюда внесли столъ, на него положили Глашутку и прикрыли ее серебряною парчей; зажгли толстыя восковыя свѣчи, нанесли цвѣтовъ и накадили ладономъ.

Digitized by Google

Какъ разъ во время этихъ приготовленій, когда Глашутка была еще въ спальнѣ, съ улицы отворилась дверь и вошелъ человѣкъ мѣщанскаго вида, но съ признаками достатка, и въ первую минуту какъ бы растерялся. Ероѳей возился съ установкой стола. Васька помогалъ ему.

— Развѣ тутъ не гробовщикъ живетъ?—спросилъ вошедшій.

— Гробовщикъ,—отвѣтилъ Ероѳей.

— Мнѣ нужно гробъ заказать.

— Пожалуйте-съ... Только я не знаю... Видите, у самихъ несчастье...

— А!—сказалъ заказчикъ, понявъ въ чемъ дѣло.

— Видите,— объяснялъ Ероѳей,— малютка скончалась, хозяйская дочка... А вамъ собственно какой гробъ надо?

— Я заказать хотѣлъ бы...

— Заказать, извините, нельзя... Сегодня у насъ похороны... Можетъ, готовый возьмете?

— А у васъ найдется?

— Сколько угодно... Для мужчины или для дамы?

— Для мужчины. Братъ у меня померъ. Мы торгуемъ тутъ на Симбирской улицѣ, овощная у насъ.

— Такъ. А какой собственно гробъ желаете?

— Хотѣлъ бы дубовый.

— Это можно... Васька, потяни парчу внизъ съ угла!.. Дубовый можно.

— А какая у васъ цѣна?

— Цѣна разная-съ, по отдѣлкѣ... Дубовые больше идутъ безъ отдѣлки... отъ тридцати рублей и до двухъ сотъ и даже больше доходитъ.

— Это дорогонько.

— Возьмите ольховый-съ. Подешевле будетъ... даже съ отдѣлкой можно за пятнадцать-двадцать рубликовъ, и красивый гробъ будетъ... Такой гробъ будетъ, что на заказъ меньше какъ за тридцать не достанете.

— Посмотрѣть бы...

Ероѳей замялся.

Digitized by Google

— Ужъ не знаю какъ... Пожалуйте сюда... Хозяинъ теперича въ скорби, а безъ него... однако, пожалуйте.

Онъ повелъ его въ кладовую, гдѣ обитала Марина; тамъ заказчикъ выбралъ гробъ по своему росту, заявивъ, что братъ его такого же роста, какъ и онъ, и они опять вышли въ мастерскую.

— Какая этому гробу цѣна?—спросилъ заказчикъ.

— Сорокъ рублей.

— Нѣтъ, это дорого. Сорокъ, это дорого за такой гробъ.

— Я этого не могу знать,—сказалъ Ерофей.—Цѣна назначенная. Ежели бы хозяинъ, можетъ быть и уступилъ бы... Я попытаюсь.

Ерофей прошелъ въ спальню. Нилъ Назаровичъ стоялъ у окна и безутѣшно плакалъ. Ерофей подошелъ къ нему.

— Нилъ Назаровичъ,—чрезвычайно тихимъ голосомъ сказалъ онъ,—заказчикъ пришелъ, гробъ выбралъ... готовый...

Нилъ Назаровичъ поднялъ голову и вытеръ слезы.

— Продай ужъ самъ какъ-нибудь! — сказалъ онъ, безнадежно махнувъ рукой.

— Никакъ не соглашается. Гробъ-то дубовый, тотъ самый, что на верхней полкѣ у Марины Ниловны стоитъ, который осенью сдѣлали... Сорокъ рублей за него назначено, а онъ говоритъ: дорого.

— За такой гробъ меньше нельзя! — тихо сказалъ Нилъ Назаровичъ,—и нигдѣ онъ дешевле не достанетъ... Пущай поищетъ.

И слезы на это время у него совсѣмъ прекратились.

— Не дастъ, Нилъ Назаровичъ!—выразительнымъ шепотомъ говорилъ Ерофей.—Вы бы сами къ нему вышли.

— Куда же мнѣ?—возразилъ было Нилъ Назаровичъ, но тутъ ему пришло на мысль, что на дубовые гробы не часто случается заказчикъ, и онъ рѣшилъ побороть свою скорбь и выйти. Онъ еще разъ вытеръ слѣды слезъ и вошелъ въ мастерскую.

Digitized by Google

— Здравствуйте, мы вѣдь знакомы!—сказалъ онъ заказчику и протянулъ ему руку.—Видите, горе какое,—младенца моего Богъ прибралъ. Гробикъ желаете?... У васъ что же, не братецъ ли померъ?

— Да, братъ... Я выбралъ уже. Только это дорого.

— Никакъ нельзя уступить. Для васъ, сами знаете, я сбавилъ бы, когда была бы возможность. Дубъ, онъ очень ужъ дорого обходится, да и работа у насъ чистая,—никакъ невозможно...

— Я тридцать дамъ!—сказалъ заказчикъ.

— Что это вы? Развѣ возможно? Это ужъ прямо въ убытокъ... Тамъ дерева одного на тридцать рублей будетъ, а работа же чего-нибудь стоитъ, да надо же и заработать...

— Сорокъ рублей не могу!—рѣшилъ заказчикъ.

— Ну, коли угодно, такъ ужъ, что такое мое положеніе... За тридцать шесть рублей, а меньше, хоть повѣсьте меня, не могу.

Заказчикъ подумалъ и согласился. Онъ заплатилъ деньги и сказалъ, что пришлетъ за гробомъ. Нилъ Назаровичъ посчиталъ деньги, положилъ ихъ въ карманъ и отправился въ спальню. Здѣсь онъ, увидѣвъ, какъ Глашутку собирались переносить въ мастерскую, чтобы положить ее на столъ, опять расплакался.

X.

Марина продолжала посѣщать театръ; сезонъ въ немъ подходилъ къ концу. Теперь за кулисами произошли нѣкоторыя перемѣны: почти каждый день появлялись тамъ Безлобовъ, офицеры и приводили съ собой новыхъ, и всѣ ухаживали за Мариной. Ей приносили конфекты и цвѣты. Она все это раздаривала товаркамъ, потому что неудобно было нести домой. Изрѣдка она рѣшалась принести домой двѣ-три розы и помѣщала ихъ на окнѣ въ стаканѣ съ водой. Раза два приносила она конфекты и кормила ими Ваську. Васька оказался большимъ охотни-

Digitized by Google

комъ до сластей. Онъ и самъ этого не зналъ и только у Марины сдѣлалъ это открытіе. Раньше онъ ничѣмъ не лакомился, кромѣ развѣ сахару.

Ступидинъ ухаживалъ за нею больше всѣхъ. Въ трезвомъ видѣ это былъ чрезвычайно скромный человѣкъ. Онъ дѣйствительно влюбился въ Марину и смотрѣлъ на нее съ обожаніемъ. Въ ея присутствіи онъ становился робокъ и, стараясь быть поближе къ ней, больше молчалъ. Однажды онъ принесъ съ собой и, когда за кулисами никого не было, передалъ Маринѣ маленькій ювелирный ящичекъ.

— Что это?—спросила Марина.

— Это подарокъ. Пожалуйста, примите.

— Но за что же?

— Такъ, ни за что.

Марина открыла ящикъ. Заблистали брилліантики, а посреди нихъ, какъ пролитая капля крови, рельефно выступалъ рубинъ. У Марины въ глазахъ выразилось восхищеніе вмѣстѣ съ колебаніемъ. Ступидинъ замѣтилъ это и началъ умолять:

— Пожалуйста, возьмите! Если не возьмете, такъ обидите, такъ обидите!—и у него было такое умоляющее лицо.

— Ну, спасибо! — сказала Марина и подала ему руку; онъ схватилъ и поцѣловалъ, и глаза его сдѣлались радостными.

Въ другой разъ онъ принесъ ей кольцо, и тамъ сіялъ большой брилліантъ. На этотъ разъ Марина ужъ просто поблагодарила его. Она показала свои дары Луизѣ Антиповнѣ, та философски замѣтила:

— Душечка, и хорошо сдѣлали, что взяли! Только вы не очень-то разсыпайтесь въ благодарностяхъ. Мужчины должны это дѣлать, это ихъ обязанность—дарить брилліанты хорошенькимъ женщинамъ. А знаете, онъ славный малый, этотъ Ступидинъ, имъ стоитъ заняться... А главное—онъ совсѣмъ млѣетъ передъ вами, совсѣмъ таетъ, какъ масло на сковородкѣ. А вы умница, я вижу,

Digitized by Google

что вы умница. Вы держите его въ строгости, такъ и слѣдуетъ... Они это больше цѣнятъ... Вы знаете, онъ уже разошелся съ этою Поркиной и... не даромъ онъ вамъ сталъ брилліанты носить.

— Луиза Антиповна, я на это не пойду!—сказала Марина.

— Душечка, какія вы глупости говорите! Если человѣкъ влюбленъ, такъ вы можете съ нимъ дѣлать все, что угодно... Тутъ ничего нѣтъ дурного... Это не то, что какой-нибудь противный старикашка,—это по любви, душечка... А съ какой стати вамъ молодость губить въ вашемъ склепѣ? Чего вы тамъ дождетесь? Нѣтъ, нѣтъ, не говорите мнѣ глупостей; вы созданы совсѣмъ для другой жизни, ангелъ мой!

Но когда случалось, что Ступидинъ былъ подъ вліяніемъ коньяка, тогда онъ совсѣмъ мѣнялся, дѣлался смѣлъ, даже отчасти нахаленъ. И если они были вдвоемъ, довольно рѣшительно обнималъ Марину и старался поцѣловать ее. Марина за это наказывала его, цѣлую недѣлю избѣгала его, не разговаривала съ нимъ, и онъ мучился. Все это она дѣлала безсознательно, вовсе не задаваясь какими-нибудь планами, но Ступидинъ отъ этого горѣлъ, какъ уголь.

Онъ почти всегда провожалъ ее домой. Но она не позволяла ему ѣхать до самаго дома и всегда уходила пѣшкомъ за Сампсоніевскимъ мостомъ. Однажды онъ передъ концомъ спектакля, повидимому, на что-то рѣшившись, зашелъ въ буфетъ и хватилъ залпомъ нѣсколько рюмокъ коньяку. Марина не знала этого и поѣхала съ нимъ. А онъ сдѣлалъ это для храбрости, и она очень удивилась, когда во время ѣзды онъ оказался довольно разговорчивымъ и храбрымъ. Однако коньякъ подѣйствовалъ на него только слегка.

— Позвольте мнѣ поговорить съ вами, Марина Ниловна,—началъ онъ свою рѣчь.

— Да мы всегда говоримъ съ вами,—отвѣтила Марина, смѣясь.

Digitized by Google

— Нѣтъ, я хочу говорить серьезно... Вотъ вы скрываете отъ меня вашу квартиру, а почему? Вы, можетъ быть, думаете, что я стыжусь бѣдности, что вы изъ бѣднаго или тамъ мѣщанскаго семейства? Вы ошибаетесь, это для меня все равно. Я такъ влюбленъ въ васъ, что мнѣ все равно. Конечно, я не могу на васъ жениться, Марина Ниловна, потому что у меня родня и отецъ, потому что я долженъ отъ него получить наслѣдство. Но развѣ не все равно? Вы будете совсѣмъ какъ жена. Я вамъ скажу, что я могу. Я могу снять квартиру комнатъ въ пять и обстановку... Я отлично обставлю. Я устрою васъ, какъ въ бонбоньеркѣ... И у васъ будетъ все, рѣшительно все... И вамъ лично буду давать... конечно, я не могу слишкомъ много... Но полтораста рублей въ мѣсяцъ буду давать. Я говорю прямо,—что могу, то и даю... Потому что я влюбленъ въ васъ по уши!

— Какъ же вы это можете мнѣ говорить?—сказала Марина, но сказала это страннымъ голосомъ, въ которомъ вовсе не было достаточной твердости.

Она слушала его и думала о томъ, что говорила ей Луиза Антиповна. Она рисовала себѣ ту жизнь, какую сулилъ ей Ступидинъ, и тутъ же представляла свое мрачное жилище, обставленное гробами. Но если она теперь не рѣшится, то ей никогда не выбраться изъ этого кладбища, такъ она тамъ и замретъ. Не выходить же ей замужъ за портерщика. Да теперь портерщикъ и не взялъ бы ее. Уже всѣ знаютъ, что она танцорка, что за нею ухаживаютъ кавалеры, провожаютъ ее, и она приходитъ домой передъ утромъ. Нѣтъ, тамъ уже все кончено, изъ того міра никто уже не признаетъ ее.

Въ то время, какъ она это думала, Ступидинъ возражалъ ей:

— Но почему же? Я дѣлаю вамъ честное предложеніе, Марина Ниловна. Можетъ быть, вы думаете, что я потомъ возьму да и брошу васъ? Ошибаетесь, я честный человѣкъ. И вотъ, хотите, я завтра же пойду въ банкъ и внесу на ваше имя десять тысячъ и принесу вамъ

Digitized by Google

бумагу, и эти деньги будутъ вашими, и вы можете распоряжаться ими, какъ хотите. Вѣдь я васъ люблю, Марина Ниловна, понимаете, люблю!

Извозчикъ остановился. Онъ уже привыкъ самъ останавливаться за Сампсоніевскимъ мостомъ. Марина встала.

— Прощайте!—сказала она.

— Что же вы мнѣ ничего и не скажете?

— Послѣ!—отвѣтила Марина.

— Послѣ? Хорошо. Завтра. Я дольше не могу терпѣть. А сегодня позвольте проводить васъ до дому.

Марина хотѣла сказать: нѣтъ! Но вдругъ ей пришла странная мысль: пусть проводитъ! Она посмотритъ, насколько онъ ее любитъ. Пусть онъ увидитъ, гдѣ она живетъ, пусть полюбуется на гробики, выставленные на окнахъ. И вотъ, если завтра онъ ей скажетъ то же, что и сегодня, то значитъ—любитъ.

— Проводите, пожалуй, только пѣшкомъ!—сказала она.—Вдвоемъ.

Ступидинъ тотчасъ же соскочилъ съ пролетки и взялъ ее подъ руку.

— Ты постой здѣсь,—сказалъ онъ кучеру.

Они пошли. Это было недалеко. Минутъ черезъ пять они уже были на той улицѣ, гдѣ жила Марина.

— Вотъ наша улица,—сказала Марина.—А вы не испугаетесь?

— Чего я могу испугаться?

— Сами увидите.

— Мнѣ кажется, что я не трусъ.

— Да васъ никто бить не будетъ.

И вотъ они поровнялись съ окнами мастерской. Марина остановилась и сказала:

— Вотъ гдѣ я живу, смотрите.

Ступидинъ взглянулъ въ окна, освѣщенныя фонаремъ. Свѣтъ блестящими искрами переливался въ серебрѣ и золотѣ глазета, которымъ были обиты выставленные въ окнахъ гробы. Съ вывѣски на него смотрѣлъ мрачный гробъ изъ-подъ балдахина.

Digitized by Google

— А что?—сказала Марина.—Вы не ожидали?

Ступидинъ поблѣднѣлъ. Его охватила нервная дрожь. Видъ гробовъ ночью представлялъ непріятное зрѣлище.

— Это неправда!—проговорилъ онъ.—Вы здѣсь не живете...

И въ голосѣ его слышалось что-то вродѣ страха.

— Ей-Богу правда. Мой отецъ гробовщикъ. Я дочь гробовщика.

— Неправда, неправда, вы шутите! Вы нарочно хотите меня испытать!

Марина разсмѣялась.

— Но какъ же неправда? Вотъ ключъ! — она вынула изъ кармана и показала ему большой ключъ отъ двери.—Хотите, я сейчасъ при васъ открою и войду.

— Нѣтъ, постойте, вы не прощались...

— А прочтите то, что написано на вывѣскѣ!— предложила Марина.

Ступидинъ взглянулъ и прочиталъ: «Гробовщикъ Нилъ Акуловъ» и еще больше поблѣднѣлъ.

— Ну,—сказала Марина,—теперь ужъ вы со мной совсѣмъ попрощаетесь. Не очень-то пріятно съ гробовщиками имѣть дѣло. Я вижу, вы боитесь гробовщиковъ!—сказала она холоднымъ насмѣшливымъ тономъ и хотѣла уйти. Но онъ схватилъ ея руки и не пустилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, умоляю васъ!... Умоляю васъ сейчасъ же рѣшайтесь... Какъ можно, чтобы вы продолжали здѣсь жить? Вы задохнетесь. Я васъ люблю, понимаете? Я серьезно люблю васъ. Ѣдемте со мной, ѣдемъ сейчасъ. Ужъ если рѣшаться, такъ рѣшаться...

Онъ тащилъ ее обратно и въ то же время цѣловалъ ея руки. Странное чувство овладѣло Мариной! Ей доставляло наслажденіе сознаніе, что вотъ есть человѣкъ, который хочетъ вытащить ее изъ склепа, человѣкъ до того преданный, что не остановился, узнавъ гдѣ она живетъ, и въ какомъ близкомъ сосѣдствѣ съ ней находятся гробы, — и сердце ея забилось сильнѣе, и Ступидинъ казался ей теперь милѣе, и ей было такъ

Digitized by Google

пріятно, что онъ цѣлуетъ ея руки и не пускаетъ домой. А въ голову лѣзли мысли о томъ, что скажетъ и что сдѣлаетъ Нилъ Назаровичъ, если узнаетъ объ этомъ, что будетъ съ матерью и вообще что изъ всего этого выйдетъ. Все это представлялось ей ужаснымъ.

Но она невольно подчинилась Ступидину и его мольбамъ; она шла за нимъ, и они дошли до извозчика. Увидѣвъ ихъ, извозчикъ подкатилъ.

— Ѣдемъ!—сказалъ Ступидинъ.

— Стойте!—тутъ ею овладѣла какая-то рѣшимость.— Посмотрите-ка мнѣ въ глаза. Вы говорите, что любите меня?

— Безъ ума.

— И вы меня не обидите?

— Клянусь вамъ Богомъ, что я задушу того, кто обидитъ васъ!

— Ну, такъ...

Она протянула ему обѣ руки, а онъ схватилъ ее и посадилъ въ пролетку.

Въ эту ночь Марина не вернулась домой.

XI.

На другой день было воскресенье. Мастера не пришли, и въ мастерской было пусто. Она не была заперта и на окнахъ стояло все, какъ всегда, но работа пріостановилась. Въ восемь часовъ Нилъ Назаровичъ одѣлся въ длинный сюртукъ, напомадилъ и причесалъ голову, надѣлъ новые сапоги и отправился съ сыномъ въ церковь.

Проходя мимо двери, которая вела въ кладовку, Нилъ Назаровичъ не особенно громко проворчалъ:

— Вотъ, люди къ обѣднѣ идутъ, а она дрыхнетъ. Прямо грѣхъ, да и только. Да оно и понятно: въ два-три часа ночи изъ своего представленія возвращается. Охъ, кажись, я таки приберу ее къ рукамъ!

Но это была напрасная похвальба. Нилъ Назаровичъ

Digitized by Google

очень хорошо зналъ, что Марину ему прибирать къ рукамъ не удастся. Пробовалъ онъ, да ничего не вышло. Это было сказано больше для очищенія собственной совѣсти.

Съ обѣдни пришли около полудня и сѣли за обѣдъ. Въ это время явился Ероѳей. По воскресеньямъ мастера приходили по очереди. Но не работали, а оставались въ мастерской до вечера, на случай экстреннаго заказа.

— Садись и ты съ нами, Ероѳей,—пригласилъ его Нилъ Назаровичъ,—нынче праздникъ!

И всѣ сѣли за обѣдъ.

Ни для кого не было удивительнымъ отсутствіе Марины за столомъ. Она часто просыпала обѣдъ, а нерѣдко просто не выходила. Не любила она видѣть укоризненные взгляды, направленные на нее.

Вчера Нилъ Назаровичъ не слышалъ, когда она пришла. Но это ничего не значило. Онъ спалъ крѣпко, вотъ и все. Но уже нѣсколько страннымъ показалось, что Марина до двухъ часовъ не появилась.

— Да, можетъ, она ушла?—спросилъ Нилъ Назаровичъ.

— Когда же?—промолвила Анна Степановна.— Не невидимка же она!

— Сбѣгай-ка, Андрей, погляди.

Андрей сбѣгалъ и вернулся съ докладомъ о томъ, что Марины вовсе нѣтъ дома.

— Ну, значитъ, куда-нибудь упорхнула, а мы и не замѣтили,—высказалъ Нилъ Назаровичъ.

Это было очень правдоподобно. Анна Степановна во время обѣдни оставалась одна, возилась все время въ кухнѣ и легко могла прозѣвать, какъ вышла Марина. И ужъ, конечно, вечеромъ она не могла придти, а придетъ поздно ночью. Все это было въ порядкѣ вещей, и Нилъ Назаровичъ не безпокоился.

Но странное безпокойство явилось у Анны Степановны. Вообще женщина сдержанная, ровная, ограниченная, она какъ-то тупо относилась къ жизни, копалась

Digitized by Google

въ своемъ хозяйствѣ и ничѣмъ, что было внѣ его, не интересовалась. Склонности и вкусы Марины были всегда ей противны; она считала, что женщина должна рожать дѣтей, кормить и обмывать ихъ, угождать мужу и варить обѣдъ. Въ этомъ, по ея мнѣнію, заключались всѣ обязанности женщины. Когда вопросъ касался того, позволить или запретить что-нибудь дѣтямъ, то это было дѣло мужа, который есть глава. Въ свое время Нилъ Назаровичъ достаточно нападалъ на Марину за ея склонности, а потомъ махнулъ рукой, и то же самое вслѣдъ за нимъ сдѣлала и Анна Степановна. Она была во всемъ отголоскомъ своего мужа.

Но теперь, повидимому безъ достаточной причины, у нея явилось безпокойство, котораго она никакъ не могла осилить. Сердце ея ныло, и ей все казалось, что съ Мариной случилась какая-то бѣда.

— Да что же такое можетъ быть?—говорилъ разсудительно Нилъ Назаровичъ.—Впервой ей, что ли, по цѣлымъ днямъ носа домой не казать? Или ты еще къ этому непривычна?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Нилъ Назаровичъ, не то... А что-то у меня сердце болитъ. Болитъ у меня сердце за Марину.

— Эхъ, а у меня, думаешь, не болитъ? День и ночь о ней думаю. Можетъ, больше твоего думаю. Большую ошибку сдѣлалъ я тогда, что позволилъ ей этимъ плясомъ заниматься...

Наступилъ часъ ложиться спать. Въ этотъ часъ Марина никогда не возвращалась домой, а всегда гораздо позже, но, несмотря на это, Анна Степановна все вздыхала и высказывала самыя тревожныя мысли. Должно быть, это передалось и Нилу Назарычу, и онъ все никакъ не могъ заснуть. Вотъ и два часа, и три, и четыре. Вотъ забрезжило уже утро, а онъ не слышалъ, чтобы кто-нибудь отпиралъ дверь съ улицы и входилъ. А вотъ ужъ и совсѣмъ разсвѣло. «Да что же это такое значитъ?—тревожно думалъ Нилъ Назаровичъ.—Можетъ, и вправду она и вчера дома не ночевала?»

Digitized by Google

И Нилъ Назаровичъ вскочилъ съ постели. Анна Степановна открыла глаза. Она тоже напрасно старалась заснуть, какъ слѣдуетъ.

— Не приходила?—спросила она.

— Можетъ, я какъ-нибудь вздремнулъ и не слышалъ!—отвѣтилъ Нилъ Назаровичъ.—Пойду взгляну.

Онъ пошелъ въ кладовую. Тамъ было темно. Онъ зажегъ спичку; куча обойныхъ остатковъ горкой лежала въ углу, постели на ней не было. Нилъ Назаровичъ подошелъ ближе, присмотрѣлся и окончательно понялъ, что Марины дома нѣтъ. Онъ уронилъ спичку на полъ, она погасла, и онъ въ темнотѣ ощупью вернулся въ спальню.

— Нѣту!—сказалъ онъ, и въ голосѣ его слышалась дрожь.

— Охъ ты Господи! охъ ты Го-о-спо-о-ди! — воскликнула Анна Степановна и начала плакать.—Что же съ ней сдѣлали? Что сдѣлали съ моею Маринкой?

Напрасно Нилъ Назаровичъ успокоивалъ ее. Это не могло помочь уже потому, что онъ самъ далеко не былъ спокоенъ. И у него, какъ и у Анны Степановны, въ головѣ рисовались страшныя картины. Марина шла одна позднею ночью. Гдѣ-нибудь въ глухомъ переулкѣ на нее напали злодѣи, убили и ограбили, а тѣло бросили въ рѣку подъ ледъ. Что же еще могло быть?

Такъ думалъ Нилъ Назаровичъ про себя, но не высказалъ этого Аннѣ Степановнѣ, а она между тѣмъ думала то же самое.

— Иди, Нилъ Назаровичъ, иди, ищи ее. Что же это? За что же это Богъ такъ меня наказываетъ? Глашутку отнялъ, чуть только увидала свѣтъ, и теперь Маринку, Мари-и-и-нку-у! За что, Господи, за что?

— Да ты не реви, Анюта. Что ревѣть-то? Можетъ, она гдѣ-нибудь у товарки заночевала, либо у своей учительки.

— Нѣтъ, нѣтъ, чувствуетъ мое материнское сердце! Никогда этого не бывало. Сколько лѣтъ она этимъ про-

Digitized by Google

клятымъ плясомъ занимается, а все домой приходила всякій вечеръ. Иди, Нилъ Назаровичъ. Бѣги, ищи.

Нилъ Назаровичъ даже не ожидалъ отъ Анны Степановны такой энергіи. Онъ привыкъ видѣть ее спокойной и разсудительной. Но онъ самъ въ душѣ порядочно растерялся.

Было больше семи часовъ, когда онъ наскоро одѣлся и вышелъ въ мастерскую. Ероѳей и Петръ уже пришли и принялись за работу. Васька сонными глазами посмотрѣлъ на хозяина. Они слышали плачъ Анны Степановны, но не знали, въ чемъ дѣло. Нилъ Назаровичъ посмотрѣлъ на нихъ изподлобья, но ничего не объяснилъ. Стыдно ему было говорить мастерамъ, что дочка его двѣ ночи не ночевала дома.

Онъ вышелъ на улицу, но не зналъ, куда идти. Не искать же въ самомъ дѣлѣ Марину по закоулкамъ. Русскій человѣкъ, когда очень растеряется, прежде всего идетъ въ участокъ. Такъ поступилъ и Нилъ Назаровичъ.

Въ участкѣ встрѣтилъ его знакомый помощникъ пристава и обратился къ нему очень весело.

— А, Акуловъ! Что это вы къ намъ пожаловали? У насъ никто не умеръ и умирать не собирается. Дѣло есть?

— Да... Есть, какъ бы сказать, дѣльце...

И тутъ Нилъ Назаровичъ ясно сообразилъ, что у него въ сущности дѣла нѣтъ. Какъ онъ скажетъ въ участкѣ, что у него пропала дочь? Развѣ онъ увѣренъ, что ее убили? Вѣдь это только глупыя мысли Анны Степановны. Да еслибъ онъ былъ увѣренъ въ этомъ, такъ развѣ онъ могъ бы такъ спокойно ходить, говорить, соображать? Хотя она и непослушная дочь, хотя она и занимается Богъ знаетъ чѣмъ и живетъ по-своему, а все-таки она дочь, кровь его. И что же, онъ будетъ говорить въ участкѣ о томъ, что она не вернулась домой, не ночевала дома вторую ночь? Что о ней подумаютъ? Что скажутъ? И вѣдь потомъ изъ участка это разнесется по всей Петербургской Сторонѣ.

Digitized by Google

— Такъ присядьте, Акуловъ, — сказалъ помощникъ пристава.—Въ чемъ дѣло?

Нилъ Назаровичъ нерѣшительно присѣлъ на дырявый стулъ.

— Да я собственно... какъ бы сказать, не по своему собственному дѣлу...

— А по чьему же?

— Да такъ, по наслышкѣ...

— Какъ это по наслышкѣ?

— Такъ... собственно... слухъ дошелъ. А правда ли, не знаю. Ужъ извините... Рѣшился зайти и спросить... Будто въ прошлую ночь у насъ на Петербургской не того... не благополучно.

— Что такое неблагополучно?—слегка подозрительно спросилъ помощникъ пристава, замѣтивъ, что Акуловъ, человѣкъ вообще твердый въ мысляхъ, какъ бы путается.

— Такъ, то-есть будто разбой былъ.

— Разбой? Гдѣ? Въ какомъ мѣстѣ?

— Не могу сказать... А будто въ какомъ-то проулкѣ.

— Разбой? Ничего не слышалъ. Я полагаю, что еслибы что было, такъ я зналъ бы.

— Такъ ничего такого?

— Право, это даже странно, — сказалъ помощникъ пристава,—съ чего вы это взяли?

— Такъ, болтаютъ.

— Странно, странно. Мало ли что болтаютъ? Но какъ же вы идете въ участокъ и безпокоите служащихъ изъ-за такихъ пустяковъ? Еслибы всякій, кто услышитъ какой-нибудь слухъ, сейчасъ бѣжалъ въ участокъ, то, согласитесь, это было бы невозможно.

— Извините... очень ужъ напуганъ былъ.

Нилъ Назаровичъ всталъ и прибавилъ:

— Слава Богу, что ничего нѣтъ такого.

— Да я ничего вамъ не говорю,—промолвилъ помощникъ пристава, не желая очень обижать такого почтеннаго человѣка, — откуда такой слухъ? Есть люди, кото.

Digitized by Google

рымъ нравится выдумывать разныя глупости. У насъ никакихъ разбоевъ не бываетъ; можетъ быть, въ какомъ-нибудь другомъ участкѣ, а у насъ нѣтъ.

— Извините!—Нилъ Назаровичъ сталъ ретироваться и все кланялся, а помощникъ пристава смотрѣлъ на него подозрительно, какъ смотрятъ на помѣшаннаго. Нилъ Назаровичъ вышелъ

«Такъ никакого, говоритъ, разбоя не было! — размышлялъ онъ,—а можетъ, не на Петербургской, а въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ участкѣ, говоритъ... Богъ ее знаетъ, въ какомъ она участкѣ шляется, Марина-то. Охъ, ты Господи! Должно быть, очень ужъ большой я грѣшникъ, коли столько наказаній для меня Онъ посылаетъ».

И неизвѣстно почему тутъ Нилъ Назаровичъ вспомнилъ старуху огородницу, которая приходила просить у него гробъ въ долгъ. Вдругъ представилась она ему, какъ живая, и какъ она плакала и говорила, что у нея двухъ копеекъ нѣтъ, и какъ онъ объяснялъ ей, что не можетъ работать себѣ въ убытокъ. «Это, должно быть, за нее мнѣ,—думалъ онъ:—не слѣдовало такъ, не слѣдовало». Онъ съ растерянным видомъ шелъ домой.

Нилъ Назаровичъ уже подходилъ къ своей мастерской, когда съ нимъ поровнялся почтальонъ и, почтительно приподнявъ фуражку, сказалъ:

— Кажись, вамъ письмецо есть.

— Письмецо?

— Кажись, что есть,— и почтальонъ полѣзъ въ сумку, досталъ оттуда съ десятокъ писемъ, пересмотрѣлъ ихъ и, выбравъ довольно крупный конвертъ, подалъ Нилу Назаровичу и тотчасъ убѣжалъ дальше. Нилъ Назаровичъ повертѣлъ конвертъ въ рукахъ и вглядѣлся въ почеркъ. Буквы были большія, неправильныя, наклоненныя въ разныя стороны, почеркъ растянутый, строчки шли наискось снизу вверхъ, но были обозначены полностью его имя, отчество и фамилія и еще передъ ними стояла прибавка: «Милостивому Государю».

Digitized by Google

«Заказъ, должно быть, какой-нибудь»,—сказалъ себѣ Нилъ Назаровичъ и, положивъ письмо въ карманъ, вошелъ въ домъ.

Онъ опять молча прошелъ черезъ мастерскую и плотно затворилъ за собою дверцу, которая вела въ жилыя комнаты. Анна Степановна оставалась въ спальнѣ, въ прежней позѣ, сидя на кровати, полураздѣтая, съ безпомощнымъ видомъ, и плакала. Андрей уже умылся, одѣлся и собирался въ школу.

— Ну, чего плакать-то?—сказалъ ей Нилъ Назаровичъ уже болѣе увѣреннымъ голосомъ,—помощникъ пристава сказалъ, что никакого разбоя не было. Даже и слуха никакого не было.

— Да куда же она дѣвалась? Куда?

— Да я же тебѣ говорю, можетъ, у товарки заночевала, вотъ и все. И скоро придетъ, вотъ и все... Либо опять же у учительки.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ,—твердила Анна Степановна,—чувствуетъ мое сердце что-то недоброе.

— Э, ну, твое сердце! — грубовато сказалъ Нилъ Назаровичъ:—мало ли что оно чувствуетъ! Вотъ увидишь, что сейчасъ и Марина явится...

Говоря это, Нилъ Назаровичъ вовсе не былъ увѣренъ въ томъ, что сейчасъ Марина явится, что все такъ обстоитъ благополучно. Но передъ плачущею Анной Степановной онъ не хотѣлъ быть бабой и выдавать свои страхи.

— Погоди-ка, тутъ заказъ, должно быть... Надо прочитать!—сказалъ онъ и, взявъ съ окна очки, надѣлъ и сталъ распечатывать конвертъ.

Но когда онъ развернулъ бумагу и прочиталъ первыя слова, то у него зарябило въ глазахъ. Тамъ большими, внятными буквами было написано: «Милые тятенька и маменька!» Нилъ Назаровичъ понялъ, что это отъ Марины, и сердце начало страшно биться. Но у Нила Назаровича былъ большой характеръ. Въ эту минуту онъ далъ себѣ слово, что бы ни было въ письмѣ, оставить

Digitized by Google

это при себѣ и сперва досконально обсудить и разслѣдовать дѣло. Что толку въ томъ, если онъ бабѣ скажетъ? Баба и не пойметъ и только больше разрюмится.

Онъ поправилъ очки и прочиталъ все до конца. Марина писала:

«Милые тятенька и маменька! извѣщаю васъ, что я со вчерашняго дня живу на своей квартирѣ, и прошу васъ, не обижайтесь. Сами знаете, какая моя была жизнь и въ какомъ трущобномъ углу я прожила всѣ свои молодые годы, съ самаго малолѣтства. И какъ вамъ извѣстно, что я собственнымъ искусствомъ могу себѣ средства свои зарабатывать, то и въ правѣ я собственную жизнь лучше устроить. Можете увѣриться, что никакихъ расходовъ я вамъ не буду стоить, потому моихъ заработанныхъ денегъ мнѣ довольно хватитъ. А живу я въ Гороховой улицѣ, въ домѣ 27 нумеръ, въ меблированныхъ комнатахъ. Не могла я вамъ объяснить этого раньше, опасалась вашей строгости и что вы меня не отпустите. Прошу васъ, не безпокойтесь обо мнѣ. Ваша любящая дочь Марина Акулова».

Нилъ Назаровичъ, совершенно блѣдный, медленно свернулъ письмо, положилъ его въ карманъ и сказалъ съ усиліемъ:

— Заказъ... Я схожу... А ты брось ревѣть...

Тутъ онъ всталъ, медленно переодѣлся въ пиджакъ, опять надѣлъ пальто, взялъ палку и вышелъ.

Когда онъ вышелъ на улицу, то только здѣсь мысли его какъ бы получили свободу. «Изъ родительскаго дома, да на отдѣльную квартиру выбралась! Это чтобы посвободнѣе было! Это чтобы всѣ говорили, что моя дочь въ неблированныхъ комнатахъ живетъ... Ну, такъ я покажу тебѣ, что такое есть родительская власть. Я на тебѣ вотъ эту палку изломаю и за косы тебя домой приволоку».

Такъ думалъ Нилъ Назаровичъ, садясь на извозчика, котораго порядилъ въ Гороховую.

Digitized by Google

XII.

Богъ знаетъ, что такъ повліяло на Марину, что она сразу довѣрилась Ступидину. То ли, что онъ не испугался ея гробовой обстановки и, узнавъ о ея мрачномъ происхожденіи, не взялъ обратно своихъ словъ и обѣщаній? Или ужъ такъ много искренности было въ его голосѣ и глазахъ, когда онъ уговаривалъ ее оставить родной домъ? Но съ той минуты, какъ онъ посадилъ ее въ пролетку, она предоставила ему полную власть надъ собой.

Ступидинъ крѣпко держалъ ее въ объятіяхъ и совершенно опьянѣлъ отъ счастья. Онъ цѣловалъ ея руки, прижималъ ихъ къ сердцу, говорилъ невѣроятныя глупости, кричалъ кучеру, чтобъ ѣхалъ скорѣе. Онъ привезъ ее въ меблированныя комнаты, гдѣ жилъ самъ, но не повелъ ее къ себѣ, а велѣлъ отвести ей отдѣльную комнату, гдѣ она и поселилась.

— Это пока, пока,—говорилъ онъ заплетающимся отъ счастья языкомъ.—Завтра я буду искать квартиру. Ты увидишь, какъ я тебя устрою. Ты будешь жить, какъ королева.

Марина какъ то сразу отрѣшилась отъ страха передъ отцомъ. Ее не тянуло уже назадъ. Шагъ былъ сдѣланъ, все равно возврата нѣтъ. Безумное увлеченіе Ступидина было заразительно. Она видѣла передъ собой раба, который все для нея сдѣлаетъ, и наградила его за такую привязанность лаской. Разсчетливость и холодное выжиданіе въ сущности не были въ ея натурѣ. Ее тѣшило новое положеніе, новая обстановка. Все это было безмѣрно лучше прежняго. И она всецѣло отдалась всему этому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Ступидину.

На утро Ступидинъ, сіяющій отъ счастья, ушелъ изъ дому, когда она еще спала. Посмотрѣлъ нѣсколько квартиръ, но не выбралъ ни одной. Это была не главная его цѣль. Онъ очень хорошо помнилъ всѣ свои вчерашнія обѣщанія, и ему хотѣлось поскорѣе выполнить

Digitized by Google

главное изъ нихъ. Ему такъ хотѣлось увѣрить Марину въ своей любви, чтобъ она видѣла ясно, что это не какая-нибудь пустая блажь, а нѣчто серьезное.

Онъ зашелъ въ банкъ, гдѣ лежало его бабушкино наслѣдство, и, потребовавъ десять тысячъ, тутъ же вложилъ ихъ на имя Марины. Онъ вернулся домой къ завтраку. Марина только что встала. Ступидинъ съ нетерпѣніемъ ходилъ взадъ и впередъ по коридору, ожидая, когда она его впуститъ.

Наконецъ, она была готова, онъ вошелъ, обнялъ ее и поднесъ ей бумагу.

— Что это?—спросила Марина, въ самомъ дѣлѣ не понявъ значенія этой бумаги.

— Вчерашнее обѣщаніе!—отвѣтилъ Ступидинъ.

Марина взглянула, и ей бросились въ глаза слова и цифры, которыя означали десять тысячъ. Она была владѣлицей этой суммы. И ей вдругъ показалось, что жизнь, это—чудная волшебная сказка. Она такъ хорошо чувствовала себя въ это утро и такъ искренно обняла Ступидина.

Но тутъ въ голову ея пришли серьезныя мысли. Какъ же быть съ родными?

Она задала этотъ вопросъ Ступидину.

— Очень просто,—разрѣшилъ Ступидинъ.—Напиши имъ, что ты рѣшила жить отдѣльно. Вѣдь ты сама зарабатываешь средства. Вотъ и все... Они могутъ придти и посмотрѣть. Ты живешь одна,—что-жъ тутъ такого? А мы условимся эти дни, пока ты здѣсь, а не въ своей квартирѣ, я не буду входить къ тебѣ, а только ты заходи ко мнѣ. Ну, и тамъ у прислуги я сдѣлаю распоряженіе. Пусть приходятъ.

Марина нашла это правдоподобнымъ и написала домой свое письмо.

Между тѣмъ Ступидинъ оповѣстилъ Луизу Антиповну о важной перемѣнѣ. Онъ хотѣлъ подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своимъ счастьемъ, которое переполняло его. Онъ написалъ ей: «Дорогая Лулу, если захотите дать урокъ

Digitized by Google

вашей лучшей и прекраснѣйшей ученицѣ, то не ходите въ склепъ, что на Петербургской Сторонѣ, а пріѣзжайте на Гороховую. Жемчужина извлечена оттуда и будетъ окружена достойной оправой. Ждемъ васъ оба, какъ благодѣтельницу, такъ какъ вы насъ познакомили».

Луиза Антиповна, получивъ письмо, разумѣется, радостно заволновалась и тотчасъ же поѣхала на Гороховую. Она попала къ нимъ на обѣдъ.

— Душечка,—молвила она, заключая Марину въ объятія,—какъ это вы умно сдѣлали, что переселились сюда. Милая, право умно, ей Богу умно! Вамъ-ли жить среди тѣхъ мрачныхъ стѣнъ и гробовъ? Да вы тамъ скоро покрылись бы плѣсенью. А онъ,—прибавила она, мигнувъ глазомъ въ сторону Ступидина,—правда, онъ славный малый, онъ будетъ васъ любить, я знаю. Да и какъ же васъ не любить, когда вы такое сокровище?

А Ступидинъ, глуповато улыбаясь отъ счастья, благодарно цѣловалъ Луизѣ Антиповнѣ ручки.

Они весело пообѣдали, а потомъ поѣхали всѣ въ театръ. Послѣ театра Марина легла въ постель съ тревожнымъ чувствомъ. Правда, она знала, что ея отсутствіе сперва даже не замѣтятъ; она пріучила ихъ, чтобъ на нее не обращали вниманія. Но если даже и такъ, то завтра утромъ придетъ письмо. Что это будетъ? Что это будетъ? Отецъ, конечно, разсвирѣпѣетъ и прибѣжитъ сюда. Какъ она вынесетъ все это?

И она тревожно спала ночь, мысленно приготовляясь къ событію. Она, разумѣется, не ожидала мирнаго объясненія. Она знала, что для Нила Назаровича это страшная обида. Вѣдь всѣ будутъ спрашивать: гдѣ ваша дочь? Это для него позоръ. Но она рѣшилась быть твердой и не давать себя въ обиду. Она умѣла говорить съ отцомъ; не разъ уже онъ кричалъ на нее и подымалъ руку. Но она охлаждала его.

Но во время этихъ размышленій черезъ ея голову вдругъ промелькнула мысль, которая показалась ей необыкновенной. Нилъ Назаровичъ думалъ, что его завѣт-

Digitized by Google

ная мечта такъ глубоко спрятана въ его головѣ, что никто не можетъ проникнуть туда. Между тѣмъ у Марины очень давно было подозрѣніе. Она знала, что отецъ уже лѣтъ двадцать копилъ деньги и накопилъ нѣсколько тысячъ, и что ему недоставало немногимъ менѣе половины. Какъ узнала Марина эту тайну, трудно сказать. Да она и не знала ее навѣрно, а только была у нея догадка. Помнитъ она, какъ однажды (когда она еще не танцовала на сценѣ и больше сидѣла дома) за обѣдомъ шелъ разговоръ о похоронномъ дѣлѣ. Нилъ Назаровичъ выпилъ три рюмки и немного увлекся.

— Эхъ, — сказалъ онъ, — что такое эти процессіи? Развѣ такъ дѣлаютъ процессіи? Да еслибъ у меня была контора, то я такія бы похороны устраивалъ, что прохожіе на улицѣ при встрѣчѣ плакали бы! Э, да что!..

И онъ махнулъ рукой и задумался. Вотъ тутъ-то Марина видѣла, какъ мечтательно горѣли его глаза, когда онъ говорилъ о процессіяхъ, еслибъ у него была контора. Другіе этого не замѣтили, ни мать, ни Андрей, ни мастера, которые по случаю праздника обѣдали съ ними, а она замѣтила. И тогда у нея явилось подозрѣніе. Но вѣдь это было такъ естественно, что гробовщикъ мечтаетъ о конторѣ съ процессіями; о чемъ же ему больше и мечтать? А о томъ, что у него припасено нѣсколько тысячъ, Нилъ Назаровичъ передъ семьей и не скрывалъ, но онъ говорилъ, что это на черный день.

И вотъ Марина подумала о своихъ тысячахъ, которыя ей поднесъ Ступидинъ, и въ головѣ ея часть этихъ тысячъ какъ-то мысленно отошла къ тѣмъ, что скололилъ Нилъ Назаровичъ, но на это она смотрѣла какъ на послѣднее средство.

И вотъ наступило утро. Она встала съ волненіемъ. Ступидинъ въ этотъ день не долженъ былъ вовсе заходить къ ней. Она одѣлась, прибрала все въ комнатѣ и ждала.

Пробило десять часовъ. Внизу происходилъ какой-то разговоръ, ей показалось, что она слышитъ голосъ Нила

Digitized by Google

Назаровича и какъ будто упоминалось ея имя. Потомъ шаги по лѣстницѣ и въ коридорѣ, и вотъ дверь отворилась.

Но даже Марина отступила, когда увидѣла, какимъ пришелъ къ ней отецъ. Лицо у него было какое-то бурое. Брови совсѣмъ нависли надъ глазами, а глаза блестѣли, какъ ледъ.

— Здравствуйте, тятенька!—сказала Марина, и голосъ замѣтно измѣнилъ ей,—въ немъ слышалась нервная хрипота.

Нилъ Назаровичъ какъ-то нехорошо усмѣхнулся и промолвилъ сквозь зубы:

— Что-жъ, ты думаешь, что я къ тебѣ въ гости пришелъ, что-ли?

Но у него дрожали ноги, и онъ поспѣшно отыскалъ стулъ и сѣлъ. Потомъ онъ поднялъ голову и осмотрѣлъ комнату. Она была довольно просторна, въ два окна на улицу. На окнахъ висѣли бѣлыя занавѣски, расходившіяся въ обѣ стороны. А надъ ними, собранныя въ красивыя сборки, плюшевыя драпри цвѣта бордо. Диванъ, нѣсколько креселъ и стульевъ были обиты тѣмъ же плюшемъ. Красивая ширма закрывала кровать. Мраморный умывальникъ угломъ выглядывалъ изъ-за нея. На полу подъ овальнымъ столомъ и вокругъ него былъ постланъ пестрый коверъ.

Нилъ Назаровичъ видѣлъ такую обстановку только въ чужихъ домахъ, когда ходилъ для переговоровъ по поводу заказовъ или снимать мѣрку, но чтобы его дочь, Марина могла жить въ такой обстановкѣ, этого его голова не могла переварить. Это было до такой степени несообразно, что онъ былъ готовъ не довѣрять своимъ глазамъ.

— Угу!—прежнимъ тономъ сказалъ онъ,—комната, какъ слѣдуетъ быть... вполнѣ! Барская, можно сказать. Что же это за комната такая?

— Меблированная, тятенька...

— Вижу. А по какому же это случаю?

— Я наняла, тятенька.

Digitized by Google

— Да на какія же деньги? Что ты, графиней стала, или какъ?

— Да это не очень дорого стоитъ, всего двадцать два рубля въ мѣсяцъ.

— Мм!.. Да вѣдь ихъ надо же гдѣ-нибудь взять...

— Я зарабатываю.

— Чѣмъ такимъ?

Марина пожала плечами. Вѣдь онъ знаетъ, что она танцуетъ, что же тутъ объяснять? Она такъ и не объяснила.

Нилъ Назаровичъ оперся локтями на столъ и, положивъ голову на руки, тяжелымъ тономъ заговорилъ:

— Скажи ты мнѣ, Марина, съ чего ты вздумала позорить своихъ родителей?

— Зачѣмъ же позорить, тятенька? — спросила Марина.

— Да ты постой,—перебилъ ее Нилъ Назаровичъ,— ты дай мнѣ говорить. Я знаю, что вы востра на языкъ. Ты дай-ка мнѣ говорить! Что тебя — били дома, или морили голодомъ, или какъ?

— Нѣтъ, тятенька, никто меня не билъ.

— Такъ, можетъ, твою свободу стѣсняли дома? Насильно замужъ хотѣли тебя выдать или работой тебя душили, шить, печки топить заставляли, а? Тиранствовали надъ тобой? Такъ, что ли?

— Нѣтъ, тятенька.

— Постой, ты молчи, я и безъ тебя знаю, что нѣтъ. А ежели нѣтъ, то по какому случаю ты можешь оставлять родительскій домъ? По какому случаю ты можешь отцу и матери позоръ наносить?

— Тятенька, вѣдь я на свои собственныя средства живу.

— Молчи, тебѣ говорятъ! — надорваннымъ голосомъ гаркнулъ Нилъ Назаровичъ и изо всей силы хватилъ кулакомъ по столу.—Отецъ съ тобой разговариваетъ, а не кто другой.

Марина подозрительно посмотрѣла на дверь; ей по-

Digitized by Google

слышалось, что въ коридорѣ кто-то ходитъ, и представилось, что жильцы меблированныхъ комнатъ собираются на крикъ къ двери ея комнаты. Это было плодомъ ея взволнованнаго воображенія. Она еще никогда не видала Нила Назаровича такимъ и не думала, чтобъ онъ могъ такъ кричать.

— Тятенька,—сказала она,—вы не кричите, потому это выходитъ скандалъ.

— Ахъ, не кричать? Ха, не кричать? Скандалъ? Ну, такъ что-жъ, и пусть скандалъ, и долженъ быть скандалъ. И хочу, чтобъ былъ скандалъ. Скажите, пожалуйста, какая барыня нашлась! Тебѣ ли съ твоимъ неумытымъ носомъ на бархатной небели сидѣть да по коврамъ ходить? Родилась ты въ ремесленномъ домѣ и должна жить въ немъ, а коли тебѣ не нравится, замужъ выходи. Хорошій человѣкъ сватался, не вышла, а? А на вольной квартирѣ лучше... Э, да что съ тобой разговаривать...

Онъ круто поднялся и крѣпко схватилъ рукой свою палку.

— Одѣвайся сію минуту и маршъ со мной домой. Слышала?

— Я не поѣду домой, тятенька, — сказала Марина, и въ голосѣ ея начала уже звучать нѣкоторая твердость. Она боялась жалкихъ словъ, которыхъ Нилъ Назаровичъ могъ наговорить пропасть, но чтобъ ее заставили что-нибудь сдѣлать насильно, этого она не боялась.

— Не поѣдешь?—воскликнулъ Нилъ Назаровичъ.— А если я на тебѣ вотъ эту палку искрошу?

И Нилъ Назаровичъ потрясъ въ воздухѣ палкой.

— Этого вы не можете сдѣлать, тятенька!—все съ большей и большей твердостью говорила Марина.—Я не собака, чтобы меня палкой бить...

— Ты хуже собаки! Ты позоришь своихъ родителей. Слышишь, Марина, не доводи меня, одѣвайся!

— Тятенька, я вамъ сказала, что не поѣду, и не поѣду. Что такое, въ самомъ дѣлѣ? Не дѣвчонка я какая-нибудь десятилѣтняя...

Digitized by Google

— Такъ ты хочешь, чтобъ я тебя за волосы поволокъ?

— Вотъ еще новости! Кто вамъ это позволитъ? Нѣту такого закона...

— Закона? А ты и законы знаешь? А есть законъ, чтобъ изъ родительскаго честнаго дома бѣгать да по неблированнымъ комнатамъ шляться, а? Такъ ты мнѣ закономъ тычешь? Ты смѣешь такъ отцу отвѣчать? Такъ вотъ же я тебѣ законъ покажу, коли ты меня до этого доводишь,—вотъ же...

И Нилъ Назаровичъ, съ налитыми кровью глазами, весь дрожа, поднялъ палку. Марина однимъ прыжкомъ бросилась къ нему, схватила палку и вырвала у него изъ рукъ. Онъ не ожидалъ такой смѣлости и отступилъ.

— Стыдитесь, тятенька! Вы, должно быть, не въ своемъ умѣ. Сядьте, вамъ спокой нуженъ... Что вы отъ меня хотите?—говорила Марина.—Я же не виновата, что у васъ такое ремесло, что меня отъ него тоска беретъ... Всю свою жизнь я прожила въ темномъ чуланѣ, среди гробовъ... Мнѣ по ночамъ снилось, что меня въ этихъ гробахъ въ землю зарываютъ... Развѣ я не человѣкъ? Мнѣ тоже жить хочется. И что я отъ васъ требовала? Ничего. Стоила я вамъ хоть одинъ грошъ? Все сама себѣ на свои заработанныя деньги дѣлала, а вы съ палкой и за волосы... Стыдитесь, тятенька.

Нилъ Назаровичъ, какъ бы сраженный этими рѣчами, машинально сѣлъ и тупо смотрѣлъ передъ собой. Эта смѣлость, съ которой Марина бросилась къ нему и вырвала у него палку, казалась ему верхомъ дерзости. Кромѣ того ему, не привыкшему къ сильнымъ ощущеніямъ, было не подъ силу такое волненіе, какое онъ испыталъ, и онъ видимо присмирѣлъ и говорилъ уже тихимъ, почти просящимъ голосомъ:

— Марина, поѣдемъ домой!

— Я не поѣду, тятенька. Я не могу больше жить тамъ.

— Марина, вѣдь мать плачетъ...

Digitized by Google

— Маменька должна радоваться, что я хорошо живу, а не плакать. Что же тутъ плакать?

— Слушай, Марина, я вотъ хотѣлъ тебя палкой бить и за волосы таскать... Конечно, все это глупости... Нехорошо это и характера у меня никогда такого не было... Это я отъ боли, что моя собственная дочь покинула мой домъ. А только послушай же ты меня... поѣдемъ домой... Ну, ты говоришь, что тяжело тебѣ жить при моемъ ремеслѣ. Это я могу понять... Не всякій можетъ это вынести... Это я всегда говорилъ... Такъ я тебѣ хорошую комнату устрою... Изъ этой самой кладовки, гдѣ ты спишь, устрою, и ходъ тебѣ отдѣльный сдѣлаю. И не будешь видѣть ты ничего такого... И небель тебѣ куплю дорогую, такую вотъ, какъ здѣсь... Я человѣкъ не бѣдный. Только, Марина, поѣдемъ, поѣдемъ со мной! Говорю тебѣ, мать убивается. Мы думали, что тебя зарѣзали, либо задушили. Поѣдемъ, Марина. Мать успокоишь... Вѣдь мать родная, надо ей уваженіе сдѣлать. Вѣдь она тебя родила, страдала, мучилась...

Вотъ эти рѣчи уже были опасны для Марины. Когда отецъ началъ говорить жалобно, просительно, сердце у нея сжималось отъ боли.

— Тятенька,—отвѣтила она какимъ-то страннымъ, прерывающимся голосомъ,—такъ не могу же я, говорю вамъ, не могу. Уже я теперь не могу домой поѣхать...

— Что же такое значитъ—теперь? Какая такая причина?

— Причина, тятенька... Я не могу вамъ причину объяснить...

— Ты меня туманишь, Марина... прямо туманишь! Какъ же можно, сама ты посуди, честной дѣвицѣ, дочери честныхъ родителей, одной въ какой-то комнатѣ жить? Тутъ всякій живетъ, въ этихъ комнатахъ, и дѣвушкѣ непристойно, Марина...

— Тятенька...

Digitized by Google

У Марины задрожалъ голосъ и глаза наполнились слезами.

— Тятенька, возьмите эту палку и лучше ужъ убейте меня. Убейте меня, тятенька!

Марина вдругъ упала на колѣни, судорожно прижала голову къ его ногамъ и зарыдала. Палка выскользнула изъ ея рукъ и съ шумомъ упала на землю. Нилъ Назаровичъ былъ совсѣмъ обезоруженъ и не понималъ.

— Что же это такое? Что за причина?—недоумѣвающе спрашивалъ онъ.

— Не спрашивайте, не спрашивайте, тятенька!—сквозь рыданія говорила Марина.—Осудите меня, я недостойная дочь! Убейте меня, убейте!

— Такъ ты, значитъ...

Нилу Назаровичу показалось, что онъ что-то понимаетъ, и что-то ужасное. Онъ оттолкнулъ отъ себя Марину, всталъ и отошелъ отъ нея. Она придвинулась на колѣняхъ къ стулу и, положивъ на него голову, закрыла лицо руками.

— Тятенька... Онъ... онъ хорошій человѣкъ. Онъ не какъ-нибудь, а по любви. Онъ во мнѣ души не чаетъ... Такое наше дѣло. У насъ всѣ такъ. Всякая съ кѣмъ-нибудь... А я такая, какъ всѣ... Татенька...

Она вдругъ рѣшительно поднялась, вытерла рукавомъ слезы и повернулась къ нему.

— Тятенька,—заговорила она быстро,—я знаю... У васъ такое желаніе есть, чтобы контору свою съ процессіями открыть... И деньги собраны, только мало... И вамъ еще много лѣтъ трудиться надо... Такъ я вамъ, тятенька, помогу. Я пять тысячъ вамъ хоть сейчасъ могу дать, тятенька. У меня своихъ десять тысячъ есть... А коли надо, такъ и всѣ десять возьмите. Ей-Богу, тятенька, возьмите...

Нилъ Назаровичъ смотрѣлъ на нее какъ бы остолбенѣвшими глазами. Слова, которыя она говорила, были всѣ понятны, и онъ все-таки не понималъ. Конечно, это съ его стороны было наивно, это было слѣдствіемъ пол-

Digitized by Google

наго незнанія жизни, выходящей за предѣлы его ремесла... Но когда обнаружилось, что Марина двѣ ночи не была дома, и потомъ онъ узналъ, что она поселилась въ меблированныхъ комнатахъ, ему и въ голову не пришло истинное значеніе этой перемѣны. Въ его глазахъ—покинуть родительскій домъ и жить на отдѣльной квартирѣ было непозволительнымъ, позорнымъ поступкомъ. Но то, о чемъ онъ сейчасъ узналъ отъ Марины, это было чрезмѣрно. Если за первое онъ считалъ себя въ правѣ искрошить на ней палку и поволочь ее за волосы, то отъ этого у него опустились руки и исчезли всѣ слова. Въ головѣ у него все спуталось. Это изумительное признаніе, эти слезы и просьба убить ее и потомъ предложеніе денегъ, да какихъ денегъ! Пять тысячъ, десять тысячъ! Все это вмѣстѣ походило на отвратительный сонъ. А, между тѣмъ, это не былъ сонъ. Марина стояла передъ нимъ живая, съ заплаканными глазами, съ взволнованнымъ, перекосившимся лицомъ и говорила эти слова и божилась, и клялась, что деньги ей не нужны и она всѣ ему отдастъ. Какія деньги? Какія десять тысячъ? Почему онѣ у Марины? Десять тысячъ! Это цѣлый капиталъ. Это такая сумма, которую онъ, обладатель большой мастерской, пользующейся рѣдкой удачей, едва могъ бы сколотить за тридцать лѣтъ, а у Марины она появилась вдругъ,—у его дочери, у той самой Марины, которая прожила свой вѣкъ въ темной кладовкѣ, среди темныхъ гробовъ, спала на остаткахъ обойныхъ матерій и постоянно перешивала одно и то же платье... Что же это такое? У него мутилось въ головѣ, туманъ застилалъ ему глаза, онъ пошатнулся.

— Сядьте, тятенька!

Марина поддержала и усадила его въ кресло. Сама она тоже была взволнована, какъ даже не ожидала отъ себя. Она знала, что объясненіе будетъ бурное, и ждала, его съ трепетомъ. Но она хотѣла выдержать характеръ, вступиться за себя, устранить всякую претензію на власть надъ нею. И ужъ никакъ не ожидала она отъ себя, что разрыдается, что на нее найдетъ раскаяніе; не вообра-

Digitized by Google

жала она, что вдругъ съ ней можетъ такое случиться: она возьметъ и скажетъ отцу всю правду. Это не входило въ ея разсчеты, но это случилось, и ужъ вернуть было нельзя.

Нилъ Назаровичъ сидѣлъ безпомощно. Теперь онъ совсѣмъ не походилъ на того грознаго отца, который еще двѣ минуты тому назадъ кричалъ и грозилъ палкой. Голова его опустилась на грудь, губы вздрагивали. Маринѣ стало нестерпимо жалко его, можетъ быть первый разъ въ жизни. Къ своимъ родителямъ она не питала нѣжныхъ чувствъ, но все же было что-то такое, что связывало ее съ ними. И теперь она почувствовала, какое это большое горе для Нила Назаровича. Какимъ опозореннымъ, униженнымъ онъ долженъ себя чувствовать! И хотѣлось ей помочь бѣдѣ, облегчить, утѣшить, но на это у нея не было средствъ. Она въ душѣ казнила себя за то, что такъ неосторожно и неожиданно открылась передъ нимъ. Но ей нужно было что-нибудь сказать, потому что молчаніе было слишкомъ тяжело.

— Тятенька, Богъ мнѣ проститъ!—сказала она, сама не зная, зачѣмъ говоритъ это.—Богъ мнѣ проститъ, тятенька...

Нилъ Назаровичъ покачалъ головой.

— А мнѣ-то не проститъ за то, что я выростилъ такую дочку; мнѣ не проститъ... А матери что я скажу?

— Не говорите маменькѣ,—пусть маменька никогда не узнаетъ.

— Гм... не говорить! А ежели кто другой скажетъ? Такъ это хуже.

— А я, тятенька, вамъ въ вашемъ дѣлѣ помогу и всегда, сколько въ силахъ, помогать буду.

— Не надо мнѣ твоей помощи. Пропади онѣ, эти деньги. Никогда онѣ въ прокъ не пойдутъ ни тебѣ, ни кому другому.

— Зачѣмъ же такъ, тятенька? Онъ хорошій человѣкъ...

— Онъ-то, можетъ, и хорошъ, не знаю я его и

Digitized by Google

знать не хочу. А ты...—онъ махнулъ рукой,—пропащій ты человѣкъ, пропащая ты душа... Уйду я отъ тебя, и чтобы никогда я тебя не видалъ и не слышалъ о тебѣ. Уйду...—и онъ всталъ.

— Тятенька, ради Бога, имѣйте ко мнѣ снисхожденіе!—молвила Марина.

— Уйду!—повторилъ Нилъ Назаровичъ и направился къ двери.

Марина сдѣлала шагъ къ нему и молитвенно сложила руки:

— Тятенька, не говорите маменькѣ...

— Ни тятеньки, ни маменьки у тебя нѣту! Захотѣла жить своимъ глупымъ умомъ, такъ и живи ужъ, Богъ съ тобой... А насъ съ матерью, по крайности, не позорь... Такъ ужъ мы и будемъ думать, что была у насъ дочь, да будто умерла, все одно какъ Глашутка... Вотъ тебѣ весь мой сказъ.

Онъ отворилъ дверь, вышелъ и прошелъ по коридору, а потомъ внизъ по лѣстницѣ.

— Тятенька!—попробовала было крикнуть Марина, но отвѣта не было. Она подошла къ кровати, упала лицомъ въ подушку и глухо зарыдала. Минуты черезъ двѣ прибѣжалъ Ступидинъ и сталъ утѣшать ее.

XIII.

Когда Нилъ Назаровичъ вернулся домой, Анна Степановна уже не плакала. Она была одѣта и возилась на кухнѣ. Это не значило, что ея опасеніе и горе уменьшились. Но съ ея душой срослись обязанности хозяйки и, когда наступилъ часъ, онѣ потребовали ее къ себѣ. Рабочій человѣкъ умѣетъ горевать и за работой. Къ полудню долженъ быть готовъ обѣдъ. Мастера трудятся, они имѣютъ право и сытыми быть.

Нилъ Назаровичъ, войдя въ мастерскую, посмотрѣлъ на мастеровъ какъ-то жалобно.

Digitized by Google

— Работаете?—спросилъ онъ такимъ голосомъ, какъ будто его истомила долгая болѣзнь.

— Работаемъ, Нилъ Назаровичъ!—отвѣтили ему мастера.

— Ну, ладно! — И онъ прошелъ дальше. Онъ сказалъ это для того, чтобъ они не обратили вниманія на его горе. Никому не хотѣлъ онъ показывать свое горе.

Онъ зашелъ въ спальню, переодѣлся, какъ всегда. Лицо его было блѣдно и какъ будто даже постарѣло; потомъ онъ явился въ кухню и принялъ видъ человѣка нѣсколько озабоченнаго, но не больше.

— Ну, вотъ, я и Марину видалъ! — сказалъ онъ, садясь на лавку.

— Видалъ? — съ живостью спросила Анна Степановна.

— Видалъ. Дѣвка окончательно дуритъ... Оно конечно, и то надо взять, что съ гробами жить не весело. Не всякій это вынести можетъ.

— Да гдѣ же она? Гдѣ видалъ-то?

— Повстрѣчалъ... Домой шла... Ей выгодная квартира съ товаркой вышла, ну, она и стала жить... Просила, чтобъ ты не безпокоилась. Мнѣ, говоритъ, хорошо будетъ. Я, извѣстно, пожурилъ ее, внушилъ... Какъ же, говорю, ты родительскій домъ покидаешь? а она говоритъ: не въ моготу мнѣ, говоритъ, при гробовщицкомъ дѣлѣ. Ну, что же ты плачешь? Чего тутъ?

— Лучше бы ее мнѣ мертвой на столѣ видѣть... Погибель это ей будетъ!—воскликнула Анна Степановна плача.

— Да ужъ о томъ надо было раньше думать... Попустили мы ей очень, вотъ что. Не ремесленницкое это дѣло—по театрамъ плясать, вотъ оно что! Ну, а между прочимъ, плакать зря тоже не къ чему. Хотѣла къ тебѣ придти, да ужъ я сказалъ: въ другой разъ, говорю. Мать, говорю, въ большомъ разстройствѣ.

Эту исторію Нилъ Назаровичъ выдумалъ, когда еще ѣхалъ домой. Онъ рѣшилъ самъ вынести весь позоръ,

Digitized by Google

который причинила ему Марина. Пусть живетъ, какъ хочетъ, а Петербургская Сторона не должна того знать. И большого труда стоило ему разыграть спокойствіе. Голосъ его измѣннически дрожалъ, и когда онъ кончилъ свое сообщеніе, то почувствовалъ, что не можетъ оставаться въ кухнѣ. Больно ему было смотрѣть на жену, которую онъ обманулъ.

— Ну, у меня тамъ одно дѣльце есть! — сказалъ онъ,—такъ я пойду.

Его потянуло на улицу, куда-нибудь подальше отъ дому. Ему казалось, что когда онъ молчитъ, то всѣ подозрѣваютъ его чувства. Онъ вышелъ и пошелъ безцѣльно бродить. Его размѣренная правильная жизнь порядочнаго мастера и хозяина была нарушена, и оттого ему было еще тяжелѣе.

Мастера, конечно, замѣтили, что въ домѣ произошла перемѣна. Прекратились ежедневные визиты Луизы Антиповны. Это былъ первый и очень важный признакъ. А затѣмъ было замѣчено, что и Марина не появляется. И они смекнули, что она уже не живетъ дома. Хозяина они не смѣли спросить, хозяйку тѣмъ больше.

Однажды Ероѳей спросилъ Андрея:—Что это, Андрей Ниловичъ, нынче Марины Ниловны не видать?

— А почемъ я знаю? — отвѣтилъ Андрей, который былъ совершенно равнодушенъ къ сестрѣ.—Мнѣ не почему знать этого!

Такъ для нихъ ничего и не разъяснилось. Но ни для кого не было тайной, что Нилъ Назаровичъ круто перемѣнился. Хозяинъ онъ былъ строгій, требовательный, но больше по принципу, въ характерѣ же его было довольно и доброты, и мягкости. Онъ любилъ и поболтать съ мастерами, и пошутить. Теперь все это кончилось. Говорилъ онъ мало, сквозь зубы и только о самыхъ необходимыхъ вещахъ, но о шуткахъ уже и помину не было. Мастера и сами подчинились этому настроенію и работали большею частью молча. Не слышно было ни пѣсенъ, ни насвистыванія, даже смѣхъ исчезъ изъ ма-

Digitized by Google

стерской, и теперь она въ самомъ дѣлѣ походила на странный склепъ, въ которомъ молчаливые мертвецы двигались, стучали молотками, рѣзали пилами.

На другой день послѣ того, какъ выяснилось исчезновеніе Марины, Васька въ обычный послѣобѣденный часъ, когда всѣ въ домѣ снали, пробрался въ кладовку, отворилъ дверь и заглянулъ туда. Марины не было. Это его удивило. Онъ съ утра былъ въ мастерской и не видалъ, чтобъ она вышла. Онъ вошелъ и осмотрѣлся. Все было такъ, какъ всегда, всѣ вещи занимали свои обычныя мѣста. Кофточки висѣли на вѣшалкѣ, старые башмаки стояли внизу. Въ углу—куча тряпья. На полкахъ гробы. На подоконникѣ зеркало и множество туалетныхъ стклянокъ и коробокъ, а Марины нѣтъ.

Васькѣ сдѣлалось скучно; подумалъ онъ, не вышла-ли она въ кухню, и ждалъ. Нашелъ онъ на полу заструганный уголекъ, которымъ и прежде баловался, и началъ отъ нечего дѣлать чертить собаку, бѣгущую по улицѣ съ задраннымъ кверху хвостомъ. Но время шло, а Марина не являлась.

Между тѣмъ у Васьки была страшная потребность посидѣть съ нею и поговорить о какихъ-нибудь пустякахъ. Всю тяжесть, какая накипала въ его душѣ отъ постояннаго пребыванія среди гробовъ, приносилъ онъ сюда и выкладывалъ передъ Мариной. Это была странная дружба двухъ существъ, столь различныхъ, но которыя понимали другъ друга. Для Васьки не было высшаго удовольствія, какъ то, когда Марина внимательно слушала его болтовню и иногда гладила его по головѣ.

И ему вдругъ стало тоскливо, какъ будто онъ навсегда потерялъ что-то очень дорогое. Уголекъ выпалъ изъ его руки, онъ стеръ ладонью свое рисованье и медленно вышелъ. Было уже время, когда Ероѳей и Петръ должны были проснуться.

На другой день Васька опять заходилъ въ кладовую и, конечно, опять не нашелъ Марины. Такъ было нѣсколько разъ. Наконецъ, Васька понялъ, что ея ужъ

Digitized by Google

нѣтъ въ домѣ, и его охватило ощущеніе полнаго страшнаго одиночества.

Васькѣ жилось отвратительно. Дѣла Викентія шли все хуже и хуже. Работы окончательно не было. Онъ сталъ запивать и тогда дѣлался грубъ и жестокъ. Онъ любилъ Ваську, но это не мѣшало ему раздражаться изъ пустяковъ и подъ пьяную руку надрать ему уши или дать затрещину. Васька тоже любилъ своего отца; онъ помнилъ, что Викентій когда-то былъ добръ и ласковъ. Это—когда его дѣла шли сносно. И онъ терпѣлъ.

Но въ душѣ его накипала горечь и какое-то ощущеніе глубокаго несчастья. Жизнь не давала ему рѣшительно ничего пріятнаго. Прежде онъ отдыхалъ въ кладовкѣ съ ласковою Мариной, а теперь и отдохнуть ему было негдѣ.

Однажды Викентій встрѣтилъ Нила Назаровича въ портерной и спросилъ его объ успѣхахъ Васьки.

— Мало я на него надѣюсь, — сказалъ Нилъ Назаровичъ,—не показываетъ онъ старанія.

Викентій огорчился и по этому случаю выпилъ лишнее, а придя домой, жестоко побилъ Ваську.

— Еле-еле тебя къ хорошему дѣлу пристроилъ, а ты вонъ какъ! Такъ-то ты родителя утѣшаешь?

Васька и на это не сказалъ ни слова. Всякій разъ, когда отецъ его билъ, онъ выносилъ это молча. Ему было больно, и онъ тихонько плакалъ. И замѣтилъ онъ, что самъ Викентій, видя его слезы, потомъ смущался и жалѣлъ. Онъ начиналъ разговаривать самъ съ собой, и въ его словахъ слышалось какъ бы желаніе оправдаться.— Что-жъ,—говорилъ онъ,—я не извергъ какой-нибудь, а только какъ же не учить? Ежели не учить, такъ и толку не будетъ... Выростетъ мальчишка безъ ремесла и съ голоду помретъ... Безъ ремесла трудно; никакъ не проживешь безъ ремесла.

Викентій забывалъ, что самъ онъ пропадалъ и съ ремесломъ. Но на этотъ разъ Васька не заплакалъ, а только поблѣднѣлъ и крѣпко стиснулъ зубы, затаивъ

Digitized by Google

боль. А Викентій, не видя его слезъ, и не раскаивался. Можетъ быть, онъ думалъ, что если мальчикъ не плачетъ, то значитъ—ему и не больно. Викентій былъ плохой психологъ, онъ не зналъ, что можетъ быть какъ разъ и наоборотъ, какъ это и было въ дѣйствительности. Васька оттого не плакалъ, что слишкомъ ему уже было больно. Ему было больно вдвойнѣ, потому что болѣли и побитое тѣло и душа. Душа еще больше болѣла, чѣмъ тѣло. Видѣлъ онъ, что отецъ становится къ нему немилосердъ. Знаетъ же онъ, что у Васьки слабое здоровье, знаетъ и то, что Васька не лѣнтяй, и что ремесло Акулова противно его душѣ. А бьетъ, и жестоко бьетъ. Горе и вино, котораго онъ теперь много пилъ съ горя, совсѣмъ затуманили у Викентія и разумъ, и чувство. Уже онъ не соразмѣрялъ свои удары съ слабостью Васьки, а со всего размаха опускалъ на его хрупкую спину свою тяжелую гигантскую руку. У Васьки послѣ этого все тѣло болѣло. И когда онъ явился въ мастерскую, у него было странное лицо,—лицо старика на дѣтскомъ хрупкомъ тѣлѣ.

Случился такой день, что Нилъ Назаровичъ былъ занятъ, а Петръ отправился на Волково кладбище,—тамъ нужно было ему получить обратно парчу, которой закрывали покойника. Парча эта бралась на прокатъ, и когда гробъ опускали въ могилу, ее возвращали. А Андрей былъ еще въ школѣ. Въ мастерской оставался одинъ Ерофей да Васька. Пришелъ заказчикъ и просилъ какъ можно скорѣе сдѣлать гробъ. Ерофею пришлось идти за мѣркой. Въ это время вошелъ Нилъ Назаровичъ и, увидя Ваську, сидѣвшаго на лавкѣ безъ дѣла, сказалъ:

— Ты, Ерофей, и мальчугана съ собой взялъ бы.

Васька съ изумленіемъ посмотрѣлъ на хозяина. Куда его взять хотятъ? Зачѣмъ?

— Что это ты такою казанскою сиротою смотришь?—насмѣшливо обратился къ нему Нилъ Назаровичъ,—тебѣ, братецъ, надо уже къ дѣлу пріучаться Третьяго дни твоего тятеньку встрѣтилъ... Нехорошъ онъ

Digitized by Google

сталъ, твой тятенька, вину предается, опустился... Правда, не везетъ ему; съ горя это онъ, съ неудачи; а все же... Такъ спрашивалъ про твой успѣхъ, а что я ему скажу? Какой у тебя успѣхъ?—никакого! А ужъ цѣлую зиму при дѣлѣ. Какъ же такъ? Надо пріучаться... Мнѣ Викентія жалко. Я его давно знаю... Хорошій мастеръ былъ... Ну, такъ возьми его съ собою, Ероѳей, пускай пріучается къ дѣлу...

И съ этими словами Нилъ Назаровичъ ушелъ къ себѣ.

— Пойдемъ, Васька,—сказалъ Ероѳей.

— Куда?

— А вотъ мѣрку снимемъ.

— Мѣрку? съ кого?—съ недоумѣвающимъ взглядомъ спрашивалъ Васька.

— Ну, съ кого! извѣстно съ кого: съ покойника.

Васька вздрогнулъ. Никогда еще его не снаряжали на такое дѣло. Положимъ, это привлеченіе его къ мѣркѣ означаетъ, что его какъ бы уже причисляютъ къ дѣйствительнымъ мастерамъ дѣла. Но если ему тяжело жилось среди гробовъ, то это порученіе представлялось ему чѣмъ-то страшнымъ. Андрей уже нѣсколько разъ самъ вызывался ходить на мѣрку и ходилъ то съ Ниломъ Назаровичемъ, то съ однимъ изъ мастеровъ. И онъ любилъ это дѣло. Ему нравилось побывать въ незнакомыхъ домахъ, посмотрѣть невиданную мебель, потереться между хорошихъ господъ. Когда онъ возвращался, то весело разсказывалъ обо всемъ, что видѣлъ. А ужъ мѣрку снимать онъ научился прекрасно. Вообще, у Андрея былъ гробовщицкій талантъ, и это очень радовало сердце Нила Назаровича. Онъ теперь былъ спокоенъ; онъ зналъ навѣрное, что у него будетъ достойный преемникъ. Васька, наоборотъ, былъ круглою бездарностью. Нилъ Назаровичъ это видѣлъ, но разъ онъ взялся за выучку, ему хотѣлось все-таки, чтобъ изъ мальчика вышелъ мастеръ,—какой ни на есть, хоть плохонькій. Все же, какъ-никакъ, онъ сможетъ зарабатывать хлѣбъ.

— Ну, что-жъ сидишь? пойдемъ!—сказалъ Ероѳей.

Digitized by Google

Васька соскочилъ съ лавки ногами на полъ и взялъ фуражку. Черезъ минуту они вышли.

На улицѣ грѣло весеннее солнце. На крышахъ уже совсѣмъ стаялъ снѣгъ, но на мостовой еще лежалъ полурастаявшій грязный ледъ, и было мокро и грязно.

Они направились черезъ Александровскій садъ и скоро пришли къ заказчику. Это былъ небольшой одноэтажный каменный домикъ съ окнами надъ самымъ тротуаромъ. Они вошли во дворъ. Здѣсь было нѣкоторое движеніе; съ десятокъ, повидимому, постороннихъ лицъ то входили въ домъ, то выходили. Они тоже вошли.

Въ комнатахъ были низкіе потолки, стояла старинная тяжелая мебель. На длинномъ столѣ, прикрытый до груди бѣлымъ покрываломъ, лежалъ отошедшій въ вѣчность торговецъ овсомъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, бородатый, очень тучный. Въ сосѣдней комнатѣ медленно двигались какія-то фигуры, какая-то женщина часто подносила платокъ къ глазамъ. Другая пожилая женщина стояла тутъ, у самаго стола, и громко плакала. Должно быть, это была жена покойника. У Васьки дрожь пробѣжала по спинѣ, и на лбу выступили капли холоднаго пота.

Плачущая женщина съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣла на нихъ.

— Мѣрочку снять позвольте!—осторожно, съ нѣкоторою даже нѣжностью сказалъ Ероѳей, обращаясь къ ней.—Это отъ гробовщика.

— Сними, голубчикъ, сними, родной!—съ ласковою печалью отвѣтила женщина и, какъ бы получивъ новый сюжетъ для своей скорби, начала громче прежняго плакать и причитать.—Вотъ ужъ съ тебя, голубчика моего, мѣрку снимаютъ, а скоро и въ гробъ положатъ и упрячутъ въ землю сырую.

Васька, весь дрожа, смотрѣлъ то на нее, то на покойника. А Ероѳей осторожно, очень твердою рукой, какъ человѣкъ привычный къ своему дѣлу, откинулъ бѣлое покрывало, вынулъ изъ кармана сантиметръ, бу-

Digitized by Google

мажку и карандашъ и спокойно, методически протягивалъ свой сантиметръ отъ макушки до пятокъ, въ бокахъ, отъ локтя до локтя, и записывалъ цифры на бумажку. Для удобства ему надо было приподнять лѣвую руку у покойника. Онъ это сдѣлалъ и затѣмъ сказалъ Васькѣ:

— Подержи-ка, я получше смѣряю отъ локтя.

Васька посмотрѣлъ на него какимъ-то мертвеннымъ взглядомъ и не двигался съ мѣста.

— Ну, что-жъ стоишь? подержи, говорю!—съ нѣкоторою строгостью внушилъ ему Ерофей.

Васька, машинально подчиняясь приказанію старшаго мастера, взялъ руку овсяного торговца и вдругъ почувствовалъ, что сердце у него стало такое же холодное, какъ эта рука. Никогда потомъ онъ не могъ забыть этого ощущенія.

— Ну, будетъ, положи!—сказалъ Ерофей.

Васька положилъ руку.

— Теперь ладно,—промолвилъ Ерофей, — пойдемъ. Часу въ шестомъ извольте прислать; будетъ готово!—сказалъ онъ, обращаясь къ плачущей женщинѣ.—Пойдемъ.

Они вышли.

— Гм...—говорилъ по дорогѣ Ерофей.—Плачетъ! А вѣдь я его зналъ, овсянника. Пилъ здорово водку и лупилъ ее, свою жену, какъ собаку... А вѣдь плачетъ,—поди, тоже жалко... Все-жъ-таки мужъ. Женщина никакъ не можетъ безъ мужа, вотъ оно что. А гробъ будетъ широкій, дерева много нойдетъ. Какъ бы не прогадали въ цѣнѣ! Дубовый, вѣдь... А ты, Васька, чудакъ; ты боишься покойниковъ, а?

— Жу-утко!—отвѣтилъ Васька. У него дрожали челюсти и зубъ на зубъ не попадалъ.

— Чего-жъ тебѣ жутко? А ты ночаще ходи мѣрку снимать... Насмотришься и не будетъ жутко.

— Я больше не пойду!—какъ-то особенно выразительно сказалъ Васька.

— Какъ такъ не пойдешь?

Digitized by Google

— Не пойду.

— А ежели хозяинъ пошлетъ?

— Не пойду!—съ необыкновенною твердостью повторилъ Васька.

— Гм... Вотъ ты какъ! Ну, какой же изъ тебя гробовщикъ выйдетъ, когда ты гробовъ и покойниковъ боишься? И чего тутъ бояться, скажи на милость? Покойниковъ вовсе даже не надо бояться. Покойникъ, я тебѣ скажу, самый безвредный человѣкъ. Живого человѣка надо бояться. Живой человѣкъ можетъ всякій вредъ тебѣ сдѣлать. А покойникъ, онъ что? Лежитъ себѣ и ужъ про него хоть трава не рости. Самый что ни на есть безвредный человѣкъ—покойникъ. Примѣрно, я хозяина побаиваюсь и не смѣю я подойти къ нему и, ну, скажемъ, пощекотать его. А ежели бы онъ,—чего Боже сохрани,—на столѣ лежалъ и я бы, примѣрно, съ него мѣрку снималъ, такъ ужъ я бы съ нимъ что хотѣлъ дѣлалъ. Фу, ты, какой ты! На тебѣ лица нѣтъ. Васька, эй, Васька, слышь, знаешь что я тебѣ скажу? Брось ты гробовщицкое дѣло,—оно тебѣ не понутру! Слышишь?

Васька молчалъ и шибко сѣменилъ ногами, стараясь идти въ рядъ съ Ероѳеемъ. Они пришли домой. Ероѳей сейчасъ же началъ кроить и выпиливать доски для дубоваго гроба.

XIV.

Въ это время у Марины произошли нѣкоторыя перемѣны. Театральный сезонъ кончился; она уже не танцовала. Луиза Антиповна бывала у нихъ часто, но уроковъ не давала. Это было отложено до переѣзда на свою квартиру.

— Ужъ это вы намъ подарите, Лулу,—сказалъ ей Ступидинъ.—Мы хотимъ хорошенько погулять въ нашъ медовый мѣсяцъ.

— Ну, еще бы! вѣдь, я знаю! до того ли вамъ! ужъ это само собою! до уроковъ ли вамъ? у васъ совсѣмъ дру-

Digitized by Google

гая наука!—весело говорила Луиза Антиповна и при этомъ страннымъ образомъ подмигивала обоими глазами.

И они проводили свой «медовый мѣсяцъ», какъ самые нѣжные голубки. Ступидинъ съ каждымъ днемъ все больше и больше влюблялся въ Марину. Она, если бы хотѣла, могла бы сдѣлать съ нимъ все, что угодно.

— О,—говорилъ онъ,—какъ я хотѣлъ бы жениться на тебѣ! Да нельзя... А хочешь,—прибавлялъ онъ въ любовномъ экстазѣ,—я женюсь? Хочешь, обвѣнчаемся?

Но Марина отвергала это предложеніе. Зачѣмъ? Она знала, къ какимъ это поведетъ для него послѣдствіямъ. Изъ девяносто тысячъ, оставленныхъ ему бабушкой, у него было теперь немного больше половины. Женитьба привела бы, навѣрное, къ разрыву съ родными, и онъ лишился бы большого наслѣдства. Она не могла допустить, чтобъ онъ испыталъ такое лишеніе изъ-за нея. Ему будетъ предоставлено обладать капиталомъ тысячъ въ триста. Это—не шутка.

Марина, конечно, была бы довольна и тою скромною долей, какую предоставило бы ей бабушкино наслѣдство Ступидина. И это въ сравненіи съ ея прежнею жизнью было бы блаженствомъ. Кромѣ того, законное замужество съ такимъ человѣкомъ, какъ Ступидинъ, было бы настоящимъ торжествомъ передъ Ниломъ Назаровичемъ, родными и всею Петербургскою Стороной. Но она не хотѣла портить жизнь ему, Ступидину. Онъ и такъ слишкомъ много для нея сдѣлалъ. Да и зачѣмъ? Развѣ имъ такъ живется плохо? Самое главное затрудненіе прошло. Нилъ Назаровичъ такъ или иначе узналъ и вынесъ. Это было единственное, чего Марина боялась. И теперь это миновало.

Но все же у нея было постоянное безпокойство; она не знала, что думаетъ мать. Она догадывалась, что Нилъ Назаровичъ не сказалъ правды. Она знала его скрытный характеръ, особенно въ неудачахъ. Но она не могла знать этого навѣрное, и ей хотѣлось какъ-нибудь завернуть домой, чтобы встрѣтиться съ матерью и сказать, что ей хорошо живется.

Digitized by Google

И она послѣ долгихъ колебаній рѣшилась написать отцу. Письмо ея было очень коротко. Сохраняя прежнюю почтительность, она писала: «Милый папенька, очень безпокоюсь я насчетъ маменьки. Можетъ, будетъ ваша милость, и вы оповѣстите меня. Ваша любящая дочь Марина Акулова». И вотъ однажды она пережила сильное волненіе. Почтальонъ принесъ письмо. На конвертѣ она тотчасъ же узнала почеркъ Нила Назаровича. У нея сильно забилось сердце, она распечатала и прочитала: «Мать не знаетъ»,—и больше ни слова. Даже подписи не было. Марина задумалась. Что хотѣлъ сказать этимъ Нилъ Назаровичъ? Если онъ не сказалъ матери, почему онъ не написалъ ей объ этомъ тотчасъ? вѣдь, могла быть случайная встрѣча, и она могла проговориться; и у нея явилась странная мысль, что онъ, можетъ быть, самъ хотѣлъ бы повидать ее, да написать объ этомъ ему неловко. Была у нея и другая мысль: не соблазнился ли онъ, наконецъ, ея предложеніемъ насчетъ денегъ? «Что-жъ,—разсуждала она,—сперва это его обидѣло, а потомъ подумалъ и нашелъ, что это хорошо». Марина нисколько не удивилась бы, если бы Нилъ Назаровичъ прямо сказалъ ей: ну, хорошо, я возьму у тебя деньги и открою контору. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ письмѣ Марина увидѣла лазейку, чтобъ ей побывать на Петербургской Сторонѣ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Двадцать лѣтъ жизни въ одномъ и томъ же углу не проходятъ даромъ. Какъ ни плохо тамъ ей жилось, а все же душа ея срослась съ этимъ мѣстомъ, ее тянуло туда хоть на минуту.

И она рѣшила опять написать отцу. Она знала, что отецъ не читаетъ своихъ писемъ Аннѣ Степановнѣ и вообще умѣетъ скрывать, что надо. И она написала: «Милый тятенька, какъ вы удостоили меня отвѣтомъ, за что я вамъ несказанно благодарна, и какъ вы пишите, что дорогая маменька не знаетъ, то должна я ее навѣстить, и для того на этихъ дняхъ пріѣду. Ваша любящая дочь Марина Акулова».

На это письмо отвѣта не было получено, изъ чего

Digitized by Google

Марина заключила, что Нилъ Назаровичъ допускаетъ ея пріѣздъ.

Между тѣмъ въ это время, наконецъ, Ступидинъ нашелъ подходящую квартиру. Кое-какую обстановку они уже раньше купили; квартира была неустроена, но двѣ комнаты можно было отдѣлать тотчасъ и переѣхать. Нѣсколько дней Марина посвятила этому важному дѣлу и на время позабыла о Петербургской Сторонѣ. Но вотъ она переѣхала, Ступидинъ еще оставался въ меблированныхъ комнатахъ. Квартира была взята на имя Марины, а Ступидинъ считался какъ-бы ея жильцомъ. Это была предосторожность на случай пріѣзда его родныхъ, которыхъ онъ слегка побаивался.

Когда Марина оглядѣлась въ своей квартирѣ, гдѣ все было по ея вкусу, она вспомнила о родныхъ и рѣшилась посѣтить ихъ. Въ послѣднее время она замѣтила у себя еще новое странное чувство.

— А знаешь,—сказала она Ступидину,—по комъ я больше всѣхъ скучаю?

— Нѣтъ, не знаю!—отвѣтилъ Ступидинъ.

— По Васькѣ.

— Это что-же такое? Котъ, должно быть?

— Ха, ха, ха! Нѣтъ, не котъ, а мальчикъ. Славный мальчикъ, Васька, онъ учится у насъ въ мастерской, но бѣдняга боится гробовъ и постоянно дрожитъ оттого, что видитъ ихъ вокругъ себя. Онъ такой несчастный, я за то его и полюбила, что онъ такой несчастный. Отецъ у него слесарь и безъ работы, запиваетъ и бьетъ его съ горя, а онъ такой нѣжный, ласковый и такой умный. Ахъ, я такъ хотѣла-бы что-нибудь для него сдѣлать!

— Что же мы можемъ для него сдѣлать?—нѣсколько небрежно спросилъ Ступидинъ.

— Я сама не знаю. Тамъ онъ ничему не научится. И такой чувствительный, такое у него доброе сердце!

Марина при этомъ разсказала Ступидину случай съ огородницей,—какъ Васька плакалъ по чужому горю.

Digitized by Google

— Да, видно, что онъ хорошій мальчикъ, сердечный!—призналъ Ступидинъ,—но, все-таки, я не понимаю, что мы могли-бы для него сдѣлать.

— А знаешь, какъ онъ хорошо рисуетъ!

— Рисуетъ?—уже заинтересовавшись, спросилъ Ступидинъ.

— Ну, да, конечно, шуткой. Онъ углемъ рисуетъ на стѣнѣ. Разъ мастеровъ нарисовалъ,—очень похоже, а въ другой разъ тятеньку—какъ онъ мѣрку съ мертвецовъ снимаетъ, ха, ха, ха! Ужасно похоже!

— Гм... Такъ у него талантъ? Это мѣняетъ дѣло.

— Правда?

— Я думаю. Если у него талантъ, такъ тогда надо его учить.

— Какъ-же его учить, кто будетъ учить?—наивно спросила Марина.

— Какъ кто? Есть такія школы.

— Развѣ? Ахъ, какъ-бы это хорошо было! Онъ такой несчастный и такъ ему тамъ трудно.

— Ну, мы объ этомъ подумаемъ.

Конечно, Марина нѣсколько поздно вспомнила о Васькѣ, о своемъ нѣжномъ другѣ, который своей болтовней разгонялъ ея тоску въ мрачной кладовкѣ; но все-же вспомнила и при томъ съ искренней симпатіей, и теперь она почувствовала, что положительно скучаетъ по Васькѣ. Новое счастье, разумѣется, наполняло ея жизнь, но, сказать правду, ее занимала больше внѣшняя сторона перемѣны. Въ то время какъ Ступидинъ весь отдавался своему обожанію, ей больше всего нравилась эта веселая жизнь, эта свобода, милая обстановка и то, что у нея есть человѣкъ, который обожаетъ ее. Ступидинъ ей нравился, но не увлекалъ ее. Она относилась къ нему тепло, но больше потому, что онъ на каждомъ шагу старался показать ей свою преданность. И вспомнивъ о Васькѣ, она заскучала по немъ серьезно.

Устроившись въ двухъ комнатахъ, тогда какъ остальныя четыре нуждались еще въ разнаго рода пере-

Digitized by Google

дѣлкахъ, Марина рѣшила съѣздить на Петербургскую Сторону.

— Но ты хорошо подумала-ли, Марина? Не сдѣлаютъ ли тамъ тебѣ чего-нибудь вреднаго?—предостерегалъ ее Ступидинъ.

— О, что ты! Никогда!—увѣренно отвѣтила Марина.

Но Ступидинъ безпокоился.

— Знаешь что?—предложилъ онъ,—поѣдемъ вмѣстѣ! Я, конечно, не пойду съ тобой, но я буду ждать вблизи. Нѣтъ-ли тамъ какого-нибудь трактира по близости?

— Есть. Какъ разъ напротивъ.

— Ну, вотъ и отлично. Должно быть, дрянь какая-нибудь, ужъ навѣрно дрянь, но на это наплевать, я сяду у окна и буду глядѣть.

— Хорошо. Только я встану раньше и пройду пѣшкомъ.

— Ага, это какъ тогда, когда я за тобой ухаживалъ и ты не хотѣла показать мнѣ свою квартиру. Думала, что испугаюсь гробовъ, а я не испугался. Да развѣ не все равно, гдѣ живетъ такое золото?—прибавилъ онъ, любовно обнимая ее.—Да я тебя не только что изъ гробовой мастерской, а изъ самаго гроба вытащилъ бы.

И они стали собираться. Марина придумывала себѣ туалетъ.

— Надо одѣться какъ можно хуже... Ахъ, вотъ хорошо, что я не выбросила свое старое платье, въ которомъ ты меня похитилъ, я его и надѣну. Къ нимъ надо явиться въ бѣдномъ видѣ. А то всѣ такъ и окатятъ взглядами, какъ кипяткомъ.

Марина надѣла свое старое платье и показалась себѣ въ немъ очень смѣшной. За эти двѣ недѣли она успѣла сдѣлать себѣ нѣсколько прекрасныхъ туалетовъ. И какъ она такъ долго могла носить его и перешивать!

— Знаешь, сколько разъ я его перешивала?—весело спрашивала она,—семнадцать разъ.

— О, такъ его надо сохранить, какъ драгоцѣнный памятникъ.

Digitized by Google

Потомъ они вышли на улицу и взяли извозчика.

— Только, пожалуйста, бери простого и чтобы верхъ былъ поднять!—потребовала Марина,—а то, вѣдь, меня знаетъ вся Петербургская Сторона. Не дай Богъ, увидятъ съ господиномъ...

Ступидинъ согласился. Рысакъ поджидалъ его, но онъ подозвалъ простого Ваньку. Они поѣхали.

Когда переѣхали Троицкій мостъ, Марина начала прятаться въ глубинѣ экипажа. Не доѣзжая до дома, она сошла и пошла пѣшкомъ. Ступидинъ подождалъ съ минуту, потомъ поѣхалъ и остановился около трактира. Трактиръ, дѣйствительно, былъ скверный; Ступидинъ въ такомъ даже никогда не бывалъ. Но что дѣлать, онъ выбралъ столъ у самаго окна и взглянулъ на улицу. Вся мастерская Акулова была передъ нимъ, какъ на ладони. На окнахъ красовались гробики, надъ дверью вывѣска. Такъ какъ Ступидинъ пріѣхалъ раньше, то видѣлъ, какъ Марина входила въ мастерскую. Онъ потребовалъ себѣ чай и началъ внимательно смотрѣть въ окно.

Между тѣмъ Марина, по мѣрѣ того какъ приближалась къ мастерской, невольно замедляла шаги. Какъ-то ее примутъ здѣсь? Что она найдетъ? Какъ посмотрятъ на нее мастера? Какъ они понимаютъ ея отсутствіе? Что дѣлаетъ Васька? Какимъ взглядомъ онъ ее встрѣтитъ? Должно быть, онъ посмотритъ на нее съ укоромъ за то, что она оставила его одного и забыла его. А мать? А отецъ? Всѣ эти мысли волновали ее, и сердце у нея страшно стучало.

Но вотъ уже и окна, такъ хорошо знакомыя ей. Вотъ и дверь. У нея въ старомъ платьѣ остался даже ключъ отъ этой двери, которымъ она ночью отпирала ее, но онъ теперь не нуженъ. Она спустилась по ступенькамъ, нажала ручку двери, задребезжалъ звонокъ, она вошла.

Но ее сразу поразила странная картина, которую она нашла въ мастерской. Съ перваго взгляда она ничего не могла понять. Почему мастера такъ суетятся? Почему здѣсь присутствуетъ не только Нилъ Назаровичъ, но и

Digitized by Google

Анна Степановна, у которой при томъ такое испуганное лицо? Почему, наконецъ, здѣсь Викентій, который сидитъ на лавкѣ съ опущенною головой, съ видомъ какого-то мертваго отчаянія? И что это лежитъ тамъ на лавкѣ, около чего возятся оба мастера, и имъ какъ-то пугливо помогаетъ Анна Степановна? Почему у всѣхъ такія странныя, не то испуганныя, не то изумленныя лица? Всѣ блѣдны, печальны, молчаливы. Что такое могло случиться здѣсь? Почему они всѣ говорятъ между собою шепотомъ и главное, главное,— почему здѣсь нѣтъ Васьки? Онъ всегда былъ въ мастерской. Это былъ часъ, когда мастера уже выспались послѣ обѣда, и онъ всегда торопился къ нимъ. А теперь, когда даже Викентій здѣсь, его нѣтъ. И когда она вошла, ея появленіе не произвело того впечатлѣнія, какого она ожидала. Точно въ немъ ничего не было удивительнаго,—только Нилъ Назаровичъ замѣтилъ ее и сдѣлалъ ей знакъ, чтобъ она входила тише.

Она обвела всѣхъ вопросительнымъ взглядомъ, потомъ подошла къ Аннѣ Степановнѣ и тихонько сказала ей:

— Здравствуйте, маменька!

— Охъ, Господи, Господи милостивый! — отвѣтила ей Анна Степановна, столько же изумляясь ея приходу, какъ и чему-то другому. И это уже показалось Маринѣ совсѣмъ непонятнымъ.

— Что у васъ здѣсь?—спросила она у Ероѳея.—Гдѣ же Васька? Васьки я не вижу.

Ероѳей махнулъ рукой.

— Вонъ онъ! — шепнулъ онъ, указавъ глазами на лавку. Марина взглянула туда. Да, это былъ Васька,— но какое у него было лицо! Онъ былъ до безконечности худъ и блѣденъ, глаза его были закрыты, руки какъ-то безпомощно свѣсились съ лавки, онъ слабо дышалъ и казался умирающимъ.

— Что же съ нимъ?—спросила Марина.

Ероѳей онять махнулъ рукой.

— Сейчасъ только съ петли сняли!

Digitized by Google

Марина на мгновеніе застыла въ ужасѣ и изумленіи, а потомъ рванулась впередъ и бросилась къ Васькѣ.

— Васька, что ты сдѣлалъ? Васька, Васька! — воскликнула она, теребя его за руку.

Васька при этихъ словахъ какъ-то странно вздрогнулъ, встрепенулся весь и съ величайшимъ усиліемъ открылъ глаза.

— Васька, милый мальчикъ!—это я, Марина, Марина Ниловна!

Васька вдругъ протянулъ кверху свои тонкія, худенькія рученки и обнялъ ими шею Марины. На его блѣдныхъ губахъ появилось что-то похожее на улыбку, на глазахъ выступили крупныя слезы.

— Узналъ, узналъ, голубчикъ ты мой! Бѣдняга!— говорила Марина, прижимая его голову къ своей груди. Но руки его скоро ослабѣли и голова упала на подушку. Глаза вновь закрылись, и губы начали шептать какія-то странныя слова безъ смысла.

— У него все тѣло горитъ!—промолвила Марина,— у него горячка, должно быть!

— Охъ, ты Господи, Царица небесная!—воскликнула, всплеснувъ руками, Анна Степановна.

Марина слегка поднялась и повернула голову.

— Тятенька и маменька!—сказала она,—у васъ тутъ дѣло рабочее, гдѣ вамъ возиться съ нимъ? Дозвольте мнѣ взять его къ себѣ! У меня ему хорошо будетъ.

— Это дѣло Викентіево! — отвѣтилъ Нилъ Назаровичъ,—пущай онъ рѣшаетъ.

Марина повернула лицо въ сторону Викентія и слегка даже отодвинулась отъ удивленія. Большая косматая голова наклонилась къ ней, гигантъ припалъ губами къ ея платью и цѣловалъ его.

— Матушка моя, родная моя, золотая душа! — хриплымъ, надорваннымъ голосомъ говорилъ Викентій.

Марина встала.

— Такъ ужъ я повезу его!—сказала она, обращаясь къ Нилу Назаровичу и Аннѣ Степановнѣ:—дѣло такое,

Digitized by Google

нетерпящее! Мы въ другой разъ, маменька, повидаемся! Видите, жива и здорова! Ероѳей, позовите извозчика.

Ероѳей съ живостью мальчика сорвался съ мѣста и кинулся на улицу.

— Надо закутать мальчика, маменька!

Но Анна Степановна уже сама побѣжала въ спальню и, пошаривъ тамъ, вынесла оттуда свою праздничную шаль.

— Вотъ,— сказала она,— закутай получше, нынче свѣжо.

И сама стала помогать Маринѣ закутывать Ваську.

— Теперь снести бы его.

Петръ приблизился съ явною готовностью взять Ваську и снести его на улицу; но въ это время выросла громоздкая фигура Викентія и замотала головой.

— Нѣтъ, я самъ, я самъ его!—сказалъ Викентій и тутъ же бережно взялъ на руки закутаннаго Ваську и осторожно понесъ его на улицу.

Извозчикъ стоялъ уже здѣсь въ ожиданіи. Викентій усадилъ Ваську и поддерживалъ его.

— Прощайте, маменька! — сказала Марина и нагнулась, чтобы поцѣловать ей руку. Анна Степановна, въ какомъ-то странномъ женскомъ порывѣ умиленія, вдругъ обняла ее и горячо прижала къ себѣ.—Храни тебя Создатель, Марина! помоги тебѣ Царица Небесная!

— Прощайте, тятенька!—сказала Марина, взглянувъ на Нила Назаровича.

Нилъ Назаровичъ кивнулъ ей головой, но не сдвинулся съ мѣста. Можетъ быть, ему и хотѣлось обнять дочь, но что-то помѣшало. Марина ласково кивнула головой Ероѳею и Петру и вышла; а мастера оба почтительно проводили ее на улицу. Викентій терпѣливо поддерживалъ Ваську.

— Садитесь и вы, Викентій, вмѣстѣ повеземъ его!— сказала Марина.

— А можно? — какъ бы не вѣря ея словамъ, спросилъ Викентій.

Digitized by Google

— Садитесь же, а его положимъ на руки, поперекъ, вотъ такъ... Ты, извозчикъ, подними верхъ... Вотъ этакъ... Садитесь!..

Викентій сѣлъ и взялъ на руки больного мальчика. Марина помѣстилась рядомъ съ нимъ.

— Прощайте! — сказала Марина, еще разъ кивнувъ головой мастерамъ. Дрожки двинулись, они поѣхали.

Ступидинъ, наблюдая въ окно, видѣлъ, что близъ мастерской происходятъ странныя вещи. Сперва быстро выбѣжалъ какой-то парень и крикнулъ извозчика. Уже тогда Ступидинъ началъ наскоро расплачиваться. Затѣмъ вышелъ косматый человѣкъ, неся на рукахъ что-то завернутое въ платокъ. Ступидинъ вообразилъ почему-то, что это вынесли Марину. Это было невѣроятно, но ничего другого онъ не могъ предположить. Въ головѣ его явились самыя глупыя соображенія. Онъ подумалъ, что Марину били и она упала въ обморокъ, потомъ ее избили до того, что она лишилась чувствъ. Онъ схватилъ шляпу, выбѣжалъ изъ трактира и быстро сбѣжалъ по лѣстницѣ. Но когда онъ спустился внизъ и показался на улицѣ, вышла Марина цѣла и невредима, въ сопровожденіи мастеровыхъ. Тутъ онъ остановился и смотрѣлъ, какъ садился косматый мужчина безъ шапки, а рядомъ съ нимъ Марина, какъ они укладывали къ себѣ на руки нѣчто, завернутое въ платокъ, подняли верхъ экипажа и поѣхали.

Черезъ нѣсколько минутъ и онъ взялъ извозчика и поѣхалъ за ними. У Троицкаго моста онъ обогналъ ихъ и заглянулъ въ экипажъ.

— Поѣзжай впередъ, какъ можно скорѣй!—крикнула ему Марина, высунувъ голову изъ экипажа:—и сыщи доктора

— Что тамъ у васъ?—спросилъ Ступидинъ.

— Это Васька. Онъ больной. Послѣ разскажу. Поѣзжай скорѣе!

Ступидинъ переѣхалъ мостъ, а тутъ сошелъ съ дрожекъ и взялъ другого, болѣе быстраго извозчика, на

Digitized by Google

резинахъ, и помчался домой, исполняя приказаніе Марины.

Викентій сидѣлъ рядомъ съ нею и бережно поддерживалъ ноги Васьки, а голова мальчика была у нея на колѣняхъ. Викентій глубоко вздыхалъ и отъ времени до времени повторялъ:—то моя вина, то моя вина... Я его шибко билъ, нещадно билъ. И въ науку эту насильно отдалъ.

— Да, ему было тяжело!—сказала Марина.

— Охъ, тяжело, тяжело! Всѣмъ тяжело.

— Мы его поправимъ.

— Пошли вамъ Богъ счастья, добрая душа!

— Я его очень люблю, вашего Ваську; онъ славный мальчикъ!—промолвила Марина.

— Славный! Всегда, бывало, молчитъ, когда ударишь его; никогда ни слова не скажетъ... А я отъ горя, извѣстно... Горе человѣка въ грѣхъ вводитъ... Охъ, когда бы только его на ноги поставить!

— Поставимъ, Викентій, поставимъ. Ему у меня хорошо будетъ.

— Дай вамъ Господи, дай вамъ Господи.

Васька въ дорогѣ не приходилъ въ сознаніе; онъ бредилъ и все чего-то пугался. Но вотъ они пріѣхали. Викентій снесъ его въ третій этажъ.

—Ступайте сюда!—говорила Марина, указывая ему путь.

Викентій былъ пораженъ этими высокими, хотя еще пустыми комнатами. А она привела его въ спальню и велѣла положить Ваську на свою кровать. Ваську раздѣли и уложили подъ одѣяло; ему было мягко и тепло. Викентій тихо на цыпочкахъ вышелъ изъ спальни и ждалъ въ кухнѣ. А Марина сѣла у изголовья и смотрѣла на измученное лицо мальчика, въ ожиданіи доктора. Она все надѣялась, не узнаетъ-ли онъ ее, не придетъ-ли въ чувство. Но Васька ни разу больше не узналъ ее.

Пришелъ докторъ, осмотрѣлъ мальчика, разспросилъ и опредѣлилъ нервную горячку.

Digitized by Google

— Вы находите его опаснымъ, докторъ?—спросилъ Ступидинъ, видя, какъ дорожитъ жизнью этого мальчика Марина.

— Я ничего еще не могу сказать. Подождемъ!—отвѣтилъ докторъ.—Организмъ слабый... Но все же я надѣюсь, что онъ выдержитъ.

XV.

Въ квартирѣ Марины неожиданно для нея самой началось нѣчто новое. Сама Марина превратилась въ сидѣлку. Она проводила дни и ночи въ спальнѣ, у изголовья больного мальчика. Ваську одѣли въ новое чистое бѣлье, которое для него купили. Докторъ являлся два раза въ день. Ступидинъ входилъ сюда на цыпочкахъ. Когда приходила Луиза Антиповна, ей закрывали ротъ, чтобъ она не болтала, такъ какъ ей это доставалось довольно трудно. Въ комнатѣ была глубокая тишина. Только черезъ плотно затворенную дверь слабо доносился осторожный стукъ изъ третьей комнаты. Тамъ неуклюжая громоздкая фигура съ косматою головой возилась съ дверными ручками и окнами, прилаживая и устраивая все съ необыкновеннымъ стараніемъ. Для Викентія нашлась работа. Онъ здѣсь и ночевалъ и рѣшительно никуда не выходилъ. Когда показывалась Марина, онъ смотрѣлъ на нее съ благоговѣніемъ, молча, и только взглядъ его спрашивалъ о томъ, какъ идетъ болѣзнь.

Марина сообщала ему все болѣе и болѣе утѣшительныя вещи, но самъ Викентій въ спальню не ходилъ. Все это время Васька никого не узнавалъ. Но вотъ однажды мальчикъ уснулъ крѣпкимъ сномъ. Марина сидѣла около кровати, не спуская съ него глазъ. Онъ исхудалъ до неузнаваемости. Черты лица его сдѣлались еще острѣе прежняго, лицо вытянулось. Вотъ онъ пошевельнулся и открылъ глаза. Глубокое недоумѣніе выразилось въ его взглядѣ.

Digitized by Google

— Вася!—тихо сказала Марина:—ты еще не узнаешь меня?

Васька усмѣхнулся глазами.

— Я узналъ!—сказалъ онъ.—Это вы, Марина Ниловна.

Марина съ восторгомъ осторожно приложила руку къ его головѣ и погладила его свѣтлые волосы.

— Какъ же это такъ?—спросилъ Васька и попытался поднять голову. Но она показалась ему страшно тяжелой.

— Ты заболѣлъ, — объясняла ему Марина,—а я привезла тебя къ себѣ, вотъ и все! Теперь тебѣ лучше, ты будешь выздоравливать и встанешь.

— А то?—страннымъ голосомъ спросилъ Васька, и въ глазахъ его выразилась мука.

— То уже прошло, Васька, и никогда не вернется.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Васька! Но ты молчи, тебѣ вредно разговаривать, докторъ запретилъ.

Васька помолчалъ, но ему ужасно хотѣлось говорить.

— Гдѣ же это я?—спросилъ онъ.

— Ты у меня.

— У васъ? какъ хорошо!.. А тогда, какъ вы ушли...—началъ было Васька, но Марина закрыла ему ротъ рукой.

— Нѣтъ, нѣтъ, Васька, не разговаривай, это очень, очень вредно. Лежи смирно, а я буду сидѣть около тебя.

— Сидите,—сказалъ Васька и покорно замолчалъ. Въ теплой постели, среди милой обстановки, близъ Марины, онъ испытывалъ блаженство.

Потомъ онъ закрылъ глаза и опять заснулъ. И съ губъ его не сходило выраженіе покоя и счастья. Въ эту минуту дверь тихо отворилась и въ нее просунулась косматая голова Викентія; онъ чутко относился къ малѣйшему звуку, раздававшемуся въ спальнѣ, и ему показалось, что онъ слышитъ тамъ разговоръ. Онъ прислушался и, когда разговоръ замолкъ, ему неудержимо захотѣлось узнать, что это значитъ. Онъ вошелъ. Марина оглянулась и поманила его рукой.

Digitized by Google

— Идите сюда, Викентій! Смотрите, какъ онъ хорошо спитъ. Уже болѣзнь прошла, онъ узналъ меня и разговаривалъ.

Викентій долго, долго смотрѣлъ на Ваську и не промолвилъ ни слова.

— Ну, теперь идите!—сказала ему Марина.—Когда будетъ можно, я васъ позову.

Викентій вышелъ. На другой день Васька еще больше оживился. Жаръ совсѣмъ отпалъ, бреда больше не было. Васька разспрашивалъ обо всемъ, что видѣлъ вокругъ себя; Марина старалась все объяснить ему. Пришелъ Ступидинъ.

— А, такъ онъ уже разговариваетъ,—весело воскликнулъ онъ.—Молодчина! Ну, не даромъ я на него надѣялся,—я зналъ, что онъ выдержитъ.

Васька, однако, при немъ не произнесъ ни слова, а когда онъ ушелъ, спросилъ у Марины:

— А это кто?

— Это мой мужъ!—сказала Марина.

— Такъ вы замужъ вышли?

— Да.

— То-то вы тогда ушли. А я думалъ, что уже никогда не увижу васъ.

Марина старалась всегда держать его умъ на постороннихъ предметахъ, чтобъ онъ не вспоминалъ о мрачномъ прошломъ, но къ ея удивленію Васька однажды вспомнилъ обо всемъ и отнесся такъ просто, какъ будто въ этомъ не было ничего ужаснаго.

— Это я съ тоски! — сказалъ онъ. — Такая тоска была, такая тоска...

И когда Марина рѣшилась спросить его, какъ это было, Васька разсказалъ.

— Какъ тогда вы ушли, а я не зналъ и пошелъ въ вашу комнату, какъ всегда, когда мастера спали... Смотрю, васъ нѣтъ. Я въ другой разъ,—нѣтъ, а потомъ все нѣтъ, да нѣтъ... И вижу, васъ совсѣмъ въ домѣ нѣтъ... Думалъ, придете, а вы не приходили, и

Digitized by Google

такъ мнѣ горько стало... А тутъ бѣда случилась. Тятька встрѣтилъ хозяина, и хозяинъ ему сказалъ, что изъ меня толку мало; тятька напился съ горя и побилъ меня такъ больно, какъ никогда еще не билъ. Тутъ уже тоска меня взяла совсѣмъ. Когда бы вы были, пошелъ бы къ вамъ, да разсказалъ бы,—легче бы стало. А васъ нѣтъ, не къ кому пойти. Еще тогда у меня были скверныя мысли. Шелъ разъ мимо церкви да на колокольню посмотрѣлъ... Высоко... И вдругъ подумалъ: полѣзу-ка наверхъ, да оттуда внизъ головой... Да не впустили. А тутъ хозяинъ послалъ меня съ Ероѳеемъ мѣрку снимать... Фу, не дай Богъ никому!.. Ероѳей еще далъ мнѣ руку подержать ..

— Какую руку?—спросила Марина.

— Покойника! Холодная... Брр... Даже до сихъ поръ не могу... И такое со мной сдѣлалось, что я мѣста не находилъ. Сердце такъ стиснуло, какъ щипцами... Дома страшно: тятька все пить сталъ и сердитый такой... Въ мастерской жутко... А эта рука, какъ вспомню, просто не могу... И пошелъ я въ вашу комнату... Тамъ все такъ, какъ было при васъ,—и башмаки, и кофточки, и зеркало, и коробочки. Сѣлъ на стулѣ, сижу и думаю: хорошо тутъ было, да больше ужъ не будетъ... И вдругъ вижу,—эта палка, съ которой вы танцовать учились, а на вѣшалкѣ полотенце виситъ. И ужъ не знаю, какъ это вышло... На этой самой палкѣ... Должно быть, случай привелъ кого-нибудь въ кладовку,—меня сняли... А я помню,—прибавилъ онъ съ улыбкой,—какъ вы тогда пришли и сказали: Васька!

— Помнишь?

— Помню! Мнѣ тогда хорошо сдѣлалось. А гдѣ мой тятя?—прибавилъ онъ.

— Твой тятя здѣсь; онъ работаетъ у насъ. Ему нашлась работа; онъ такъ жалѣетъ и кается и теперь ничего не пьетъ... Онъ такъ хотѣлъ тебя видѣть...

— Да гдѣ же онъ?

Digitized by Google

Марина позвала Викентія. Викентій подошелъ, наклонился и поцѣловалъ Ваську въ лобъ.

— Должны мы съ тобой, Вася, всю жизнь Господа Бога молить за Марину Ниловну!—сказалъ онъ и глаза его наполнились слезами.—И тебя спасла, и меня выручила. Теперь, можетъ, я опять человѣкомъ стану... А передъ тобой я, Васька, страсть какъ виновенъ, страсть!

Съ этого дня Васька быстро пошелъ на поправку. Дней черезъ пять онъ уже могъ вставать. Онъ подходилъ къ окну, садился въ кресло и наслаждался солнцемъ, которое ударяло прямо въ окно. Здѣсь, въ этой комнатѣ, такъ мило обставленной, среди тишины, въ присутствіи своего друга, который ласково говорилъ съ нимъ обо всѣхъ пустякахъ, какіе приходили ему въ голову, онъ чувствовалъ неизъяснимое счастье.

Ступидинъ проводилъ теперь съ ними цѣлые дни. Онъ относился къ мальчику ласково и дружелюбно. Васька порядочно мѣшалъ ему, потому что Марина слишкомъ много занималась съ нимъ и у нея оставалось мало вниманія для Ступидина. Но тѣмъ благосклоннѣе былъ Ступидинъ къ Васькѣ, что онъ выздоравливалъ уже и значитъ скоро долженъ былъ освободить Марину.

— Я слышалъ, что ты большой мастеръ рисовать!—сказалъ однажды Ступидинъ.

— Я только углемъ!—отвѣтилъ Васька.

— А ну-ка, нарисуй меня.

— Не смогу!—сказалъ Васька, почему-то воображая, что онъ смогъ бы нарисовать такихъ простыхъ людей, какъ Нилъ Назаровичъ, Ерофеей и Петръ, но ни въ какомъ случаѣ—казавшагося ему такимъ важнымъ—господина, какъ Ступидинъ.

— А ты попробуй!

— На чемъ же? Тутъ стѣнку нельзя портить!

— Ну, это мы устроимъ.

Васькѣ принесли какую-то бѣлую доску и уголь. Онъ заострилъ уголекъ и началъ выводить очень усердно профиль Ступидина.

Digitized by Google

Марина подошла и заглянула:

— А знаешь, выходитъ! — съ восторгомъ сказала она. — Смѣшно, но похоже.

— Нѣтъ, не похоже!—скромно сказалъ Васька.

Ступидинъ всталъ, посмотрѣлъ и разсмѣялся. Это было каррикатурно и угловато, но характерныя черты были удивительно правильно уловлены.

— Рѣшительно,—воскликнулъ Ступидинъ,—у этого мальчика есть талантъ; онъ будетъ художникомъ. Хочешь учиться этому?—спросилъ онъ у Васьки.

— Ничего такъ не хотѣлъ бы!—отвѣтилъ Васька.

— Ну, вотъ и ладно. Лѣто мы проживемъ въ Царскомъ Селѣ, на дачѣ; ты тамъ поправишься, а зимой станешь ходить въ школу.

Васька былъ въ восторгѣ, но еще больше восторгалась Марина. Она была такъ рада, что ей удастся сдѣлать несчастнаго Ваську человѣкомъ.

Но, можетъ быть, покажется страннымъ, что болѣе всѣхъ эта мысль заняла Ступидина. Казалось бы, ему не могло быть особеннаго дѣла до Васьки, который такимъ неожиданнымъ образомъ появился въ его жизни и пока только мѣшалъ ему вполнѣ наслаждаться счастьемъ. Между тѣмъ онъ ухватился за Васькинъ талантъ и всюду носился съ нимъ.

Въ домѣ у нихъ, послѣ того какъ всѣ комнаты были устроены, стали появляться знакомые. Во главѣ ихъ, конечно, была Луиза Антиповна. Она узнала въ Васькѣ того блѣднаго мальчика, котораго видѣла въ мастерской. Потомъ явились другіе, большею частью изъ того общества, которое было на вечерѣ у Луизы Антиповны. Даже Безлобовъ сдѣлалъ честь своимъ посѣщеніемъ. И Ступидинъ всѣмъ прежде всего сообщалъ о Васькѣ.

— Знаете, я открылъ талантъ!—говорилъ онъ.—Я готовъ биться объ закладъ, что изъ него выйдетъ замѣчательный художникъ. Вы только вообразите: мальчикъ никогда ни у кого не учился, не имѣетъ понятія

Digitized by Google

о правилахъ, рисуетъ углемъ и выходитъ похоже. Вотъ взгляните!

И онъ торжественно вытаскивалъ бѣлую доску, на которой Васька изобразилъ его черты. Всѣ находили большое сходство и удивлялись. Ступидину это-то и нравилось. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, у которыхъ нѣтъ никакого своего дѣла и поэтому они любовно возятся съ чужимъ. Въ особенности они любятъ открывать таланты, выводить въ люди и затѣмъ чувствовать себя ихъ творцами. Въ этомъ, правда, есть своего рода наслажденіе. Такимъ сознаніемъ можно доставить себѣ извѣстное торжество. Самъ Ступидинъ не обладалъ никакими талантами, но у него была особенная склонность ко всему художественному, эстетическому, какъ это обыкновенно бываетъ у людей, не занятыхъ и не связанныхъ никакимъ практическимъ дѣломъ. И онъ уже гордился Васькой, какъ своимъ открытіемъ, а въ будущемъ — своимъ созданіемъ. И это привязывало его къ мальчику.

Но Васька не появлялся, когда приходили гости; онъ не привыкъ еще къ такому обществу, и Марина не принуждала его. У него теперь была своя небольшая комнатка, въ которой онъ наслаждался жизнью. Ступидинъ иногда посвящалъ ему часъ-другой, стараясь улучшить его грамотность, и Васька, въ благодарность ему за это и за все остальное, старался и дѣлалъ успѣхи. Его внѣшній видъ перемѣнился. Послѣ болѣзни онъ видимо поправился и похорошѣлъ. У него порядочно отросли волосы, и это ему шло. Онъ нѣсколько выросъ и смотрѣлъ старше. На немъ была теперь приличная одежда, сшитая по мѣркѣ, и вообще весь туалетъ его былъ въ исправности. И жизнь казалась ему чѣмъ-то новымъ и пріятнымъ.

Когда въ квартирѣ совсѣмъ кончился ремонтъ и услуги Викентія были уже не нужны, ему сейчасъ же нашли работу у кого-то изъ знакомыхъ. Кромѣ того, Безлобовъ, узнавъ, что онъ хорошій слесарь и, въ то

Digitized by Google

же время, отецъ Васьки, о которомъ такъ много говорили, предложилъ ему какую-то сложную работу на все лѣто у себя въ Царскомъ. Это окончательно устроило Викентія, и онъ больше не возвращался къ своимъ дурнымъ привычкамъ, усвоеннымъ въ послѣдніе годы во время крайней нужды. Онъ оставилъ свою квартиру на Выборгской Сторонѣ и нанялъ себѣ конуру по близости къ Гороховой и началъ уже мечтать о возвращеніи прежняго счастья, которое заключалось въ маленькой своей мастерской. Васька часто приходилъ къ нему. Отецъ былъ съ нимъ ласковъ и мягокъ, и это напоминало Васькѣ былое давнее время, когда дѣла Викентія шли хорошо.

— Есть добрые люди на свѣтѣ, есть!—часто говорилъ теперь Викентій и поучалъ Ваську, какъ онъ долженъ уважать и почитать Марину Ниловну. Но Васькѣ эти поученія были не нужны, потому что онъ любилъ Марину тою горячею любовью, какой могъ бы любить только мать, еслибъ она у него была.

XVI.

Между тѣмъ, наступилъ конецъ мая. За это время Марина ни разу не собралась на Петербургскую Сторону, ее туда не тянуло, тѣмъ больше, что отецъ ни разу не вздумалъ навѣстить ее, несмотря на то, что тамъ, конечно, интересовались судьбой Васьки. Но во время Васькиной болѣзни она послала туда нѣсколько краткихъ писемъ, въ которыхъ сообщала, что Васька выздоравливаетъ и, наконецъ, что онъ здоровъ.

Въ концѣ мая Ступидинъ снялъ въ Царскомъ дачу, и они собирались переѣзжать. Тутъ Марина подумала, что ей никакъ не избѣжать визита на Петербургскую Сторону. Вѣдь въ сущности она тамъ ни разу не побывала какъ слѣдуетъ. Тогда она только появилась въ мастерской, а съ матерью не успѣла и поговорить. Хотя она была почти равнодушна къ обитателямъ подвальнаго

Digitized by Google

этажа, и не было у нея ни одного пріятнаго воспоминанія о времени, проведенномъ тамъ, но она не хотѣла обижать стариковъ, въ особенности мать, которая такъ трогательно отпустила ее въ послѣдній разъ.

И она собралась. Пришлось опять ей облачиться въ свое старое платье. Теперь она рѣшилась ѣхать одна, выбравъ праздничный день, утромъ, въ тайномъ разсчетѣ, что застанетъ мать одну. Съ Ниломъ Назаровичемъ ей было тяжело встрѣчаться. Она никакъ не могла забыть, какъ холодно кивнулъ онъ ей головой, когда она увозила Ваську. Она догадывалась, что онъ таитъ къ ней недобрыя чувства, что онъ никогда не проститъ ей ея жизни.

И вотъ однажды въ воскресенье, часовъ въ десять утра, она поѣхала. Разсчетъ ея былъ вѣренъ,—она застала Анну Степановну одну на кухнѣ. Нилъ Назаровичъ и Андрей ушли, по обыкновенію, въ церковь, а мастеровъ еще не было.

— Охъ, какъ же я рада, что тебя вижу, дочка!—сказала Анна Степановна.—Сердце мое изболѣлось.

— Зачѣмъ же, маменька, ему болѣть?

— Какъ зачѣмъ? Глашутку Богъ взялъ, ты сама оторвалась отъ семьи. Богъ съ тобой, Марина, я тебя не сужу... Ты находишь, что такъ лучше, ты себѣ счастлива, и хорошо. Живи только честно, Марина... А трудно это, трудно на сторонѣ отъ семьи. Да я про это ужъ и не думаю... А тяжело мнѣ жить одной женщинѣ въ домѣ Женщина только съ женщиной душевное облегченіе находитъ. А мужчины что?—Только о своихъ дѣлахъ думаютъ, а до насъ имъ и дѣла мало. Нилъ Назаровичъ тяжелый сталъ, трудный. Все-то онъ молчитъ, все о чемъ-то думаетъ, а никогда не скажетъ. А спросить я не смѣю. Такъ мы и живемъ съ нимъ молча. И что съ нимъ сдѣлалось, сама не могу понять. Можетъ, это ремесло такъ на него дѣйствуетъ. Тоже вѣдь всю жизнь съ гробами, да съ покойниками,—не легко это. Можетъ и тоску нагнать... Охъ, я никогда не забуду,

Digitized by Google

какъ это случилось съ Васькой! Не забуду я этого мальчика... А что онъ?

— Онъ теперь совсѣмъ здоровъ... Онъ у меня живетъ. И знаете, маменька, Васька большимъ человѣкомъ будетъ.

— Какимъ такимъ?

— У него большой талантъ. Онъ рисуетъ, онъ художникомъ будетъ. Съ будущаго года станетъ въ школѣ учиться... Есть такія школы.

— Такъ онъ, значитъ, живописецъ будетъ? Это который вывѣски пишетъ?

— Ахъ, нѣтъ, маменька, это не то, это повыше. Картины будетъ писать, портреты, виды разные. За это большія деньги платятъ, ежели есть талантъ... Мнѣ разсказывали, что нынче изъ простого народа много такихъ вышло и барами живутъ, тысячи имѣютъ.

— Дай ему Богъ!—съ недовѣріемъ произнесла Анна Степановна.—А Викентій? Онъ что-то больше сюда не заглядывалъ.

— Что ему тутъ пріятнаго, маменька? Сами знаете, каково ему чувствовать здѣсь послѣ того, что съ Васькой было. У него теперь много работы. Знакомые дали ему работу, и ужъ онъ больше не пьетъ.

— Ну, и слава Богу!—сказала Анна Степановна.— А только я не могу забыть этого мальчика. Какъ онъ тогда... Вѣдь это я его застала. Что-то мнѣ понадобилось въ твоей комнаткѣ; вхожу, гляжу, на этой твоей палкѣ пристроилъ полотенце и виситъ... Я такъ и обомлѣла, да какъ закричу... Прибѣжалъ Ероѳей и снялъ его. Думали, погибъ, да нѣтъ, отошелъ. Послали за Викентіемъ, а тутъ и тебя Богъ принесъ... И знаешь, Марина, очень я на тебя сердилась до того, а какъ ты пришла въ такую минуту и какъ все это сдѣлалось, такъ у меня и отлегло отъ сердца, и все я тебѣ простила. Что-жъ, думаю, каждый по-своему живетъ; рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ — гдѣ лучше. Вонъ Ваську заставляли насильно гробамъ учиться, а ему это было не по душѣ,

Digitized by Google

онъ взялъ да и сдѣлалъ это надъ собой, и ужъ не знаю, съ чего это, а послѣ того Васькинаго случая и со мной что-то сдѣлалось. Прежде я этихъ гробовъ даже и не замѣчала... А теперь они отовсюду такъ на меня и смотрятъ, и жуткость какая-то беретъ, и даже страшно въ квартирѣ, когда одна остаюсь. Темноты стала бояться. Въ темной комнатѣ ежели, холодный потъ выступаетъ и по спинѣ дрожь проходитъ, и все послѣ того случая.

— А я, маменька, на дачу ѣду!—сказала Марина,— въ Царское... Только я все же навѣщать васъ буду... Тятенька на меня сердится, Богъ съ нимъ; а вамъ спасибо, маменька, за то, что вы простили. А теперь я пойду. Кланяйтесь тятенькѣ и Андрею. И мастерамъ Ероѳею съ Петромъ кланяйтесь. И скажите тятенькѣ, чтобъ онъ подумалъ объ одномъ дѣлѣ... Ужъ онъ знаетъ о какомъ. Прощайте, маменька.

Марина поцѣловала у Анны Степановны руку и хотѣла было уже уйти, но ей пришла мысль заглянуть въ свою кладовую и посмотрѣть на свое многолѣтнее жилище.

Она прошла въ темный коридоръ и опытною рукой нащупала дверь. Едва она отворила дверь, какъ на нее пахнуло густымъ запахомъ сырости. Затхлый, промозглый воздухъ наполнялъ комнату. А вѣдь она тогда сжилась съ этимъ воздухомъ и не замѣчала его. Въ комнатѣ былъ полумракъ. И къ нему она, должно быть, тогда приглядѣлась, глаза ея привыкли къ тьмѣ и видѣли въ ней, а теперь она должна была сдѣлать большое усиліе, чтобъ увидѣть что-нибудь.

Тутъ были уже нѣкоторыя перемѣны. Кучу тряпья перенесли въ другой уголъ, вѣшалку совсѣмъ унесли, а весь полъ былъ заставленъ новыми гробами, свидѣтельствовавшими о плодотворной дѣятельности мастерской. Съ подоконника было унесено зеркало, а оставались только стклянки и коробки. Изъ прежняго на-лицо была только лакированная палка, при помощи которой Марина училась танцамъ, и ея истрепанные башмаки.

Digitized by Google

— Кофточки я убрала въ комодъ,— сказала Анна Степановна,—можетъ, когда-нибудь тебѣ и пригодятся.

На это Марина чуть-чуть усмѣхнулась. Едва ли ей можетъ пригодиться эта рвань.

— А зеркало твое я отдала Андрею,—продолжала Анна Степановна.—Оно у него надъ кроватью виситъ, въ кухнѣ. Ужъ это я своей властью распорядилась. Ужъ извини.

— Нѣтъ, маменька, мнѣ оно не нужно, у меня есть другое.

— А эту палку, можетъ, возьмешь? она тутъ безъ надобности.

— Ахъ, нѣтъ...

Марина вглядѣлась въ палку и вдругъ вспомнила, что на ней висѣлъ Васька, и отвела отъ нея глаза. Боже сохрани, чтобъ она взяла къ себѣ эту ужасную палку.

— Нѣтъ, маменька, я ее не возьму, лучше ее въ печкѣ спалите, Богъ съ нею... Ну, такъ прощайте, маменька, и скажите тятенькѣ, чтобъ подумалъ о дѣлѣ.

— Объ какомъ это дѣлѣ, Марина? Неужто и ты отъ меня будешь скрываться?

— Ахъ, нѣтъ, маменька, зачѣмъ же? я вамъ могу сказать! — въ смущеніи отвѣтила Марина и въ первую минуту не знала, какъ вывернуться. Она, конечно, поступила неосторожно, поручая Аннѣ Степановнѣ это. Въ самомъ дѣлѣ, матери должно быть обидно, что отъ нея что-то скрываютъ мужъ и дочь. Но вдругъ ей пришла счастливая мысль.

— Я вамъ скажу, маменька, только тятенькѣ не говорите, что знаете.

— Не скажу я ему!—знаю я его скрытность!

— Тятенька давно желалъ открыть контору.

— Какую контору?

— Контору процессій, маменька, чтобъ большое дѣло вести и чтобы заработокъ былъ больше... Только онъ отъ всѣхъ скрывалъ. А сами знаете, денежки онъ копилъ и нѣсколько тысячъ ужъ у него собралось.

Digitized by Google

— Знаю, знаю, что-то побольше пяти тысячъ уже. Много это ему стоило труда; сколько лѣтъ собирался!

— А все-таки это мало. И хотя онъ это скрывалъ, а я догадалась. И хотѣлось мнѣ, маменька, своему родительскому дому добро сдѣлать... А есть тамъ одинъ господинъ денежный... И хотѣлъ бы онъ тоже свои деньги въ выгодное дѣло пристроить. И онъ готовъ на это дѣло дать деньги, чтобы, значитъ, въ компаніи быть. Я тятенькѣ сказала, а онъ... онъ боится.

— Такъ, такъ, я понимаю... Что-жъ, онъ бы лучше взялъ... Коли дѣло хорошее да вѣрное. Отчего бы и нѣтъ?

— Такъ вы ему напомните, маменька, только намекомъ... Говорила, молъ, Марина, чтобъ подумалъ...

Тутъ она случайно подняла голову и увидѣла въ углу маленькую икону, которой она каждый день втеченіе многихъ лѣтъ молилась.

— Маменька, позвольте мнѣ снять иконку и взять съ собой! Это моя иконка.

— Да Господи! сдѣлай милость, возьми, душа моя, возьми! — съ готовностью отвѣтила Анна Степановна и, подставивъ стоявшій здѣсь табуретъ, влѣзла на него и взяла икону.—Ну, постой же, я тебя поблагословлю!—прибавила она и въ самомъ дѣлѣ благословила Марину иконой.—Будь счастлива, Марина, пускай тебѣ Богъ во всемъ помогаетъ; только помни: береги себя, береги...

Марина завернула икону въ чистую бумагу, потомъ еще разъ поцѣловала руку Анны Степановны и ушла.

Теплый воздухъ майскаго дня пріятно освѣжилъ ея голову, и она тотчасъ же почувствовала, какъ ужасно жить въ этомъ мрачномъ подвалѣ—сыромъ, темномъ, заставленномъ гробами. Ей стало жаль Анну Степановну, которая всю свою долгую жизнь провела въ этомъ подвалѣ. И что въ сущности она была? Прислуга своего мужа, кухарка своихъ дѣтей и мастеровъ. Нилъ Назаровичъ заботился о ней, но смотрѣлъ на нее свысока; онъ говорилъ съ ней только о пустякахъ, а о важныхъ дѣлахъ

Digitized by Google

думалъ одинъ. Грустная была эта жизнь. Подумала Марина и о себѣ, и ей стало жаль и себя въ прошломъ, жаль своего дѣтства, своей первой молодости, которая протекла тоже тамъ. И новая радость оживила ея сердце, и отъ этого весенняго солнца, и отъ сознанія своей свободы и довольства, и отъ здоровья и молодости. Была у нея мысль о ея теперешней жизни, о грѣхѣ, что она живетъ съ человѣкомъ, не обвѣнчавшись съ нимъ, но и тутъ взяло верхъ жизнерадостное весеннее настроеніе.

«Богъ проститъ мнѣ это!—думала она:—только и жизни, пока есть молодость, а какъ пройдутъ молодые годы, зачѣмъ тогда и вольность, и деньги? Тогда хоть и опять въ подвальный этажъ!»

И она съ веселымъ лицомъ, съ румяными щеками, съ радостнымъ взоромъ сѣла на извозчика и покатила домой.

Когда Нилъ Назаровичъ съ Андреемъ вернулись изъ церкви, Анна Степановна прежде всего сообщила:

— А у насъ Марина была. Съ часокъ посидѣла... Свою иконку взяла... Она теперь на дачу ѣдетъ.

Нилъ Назаровичъ посмотрѣлъ на нее испытующимъ взглядомъ и замѣтилъ, что она говоритъ о Маринѣ съ нѣкоторымъ пріятнымъ чувствомъ.

«Ну, и слава тебѣ Господи,—подумалъ онъ,—Марина, значитъ, ловко наврала ей. Что-жъ, пусть такъ и будетъ».

Когда Нилъ Назаровичъ переодѣвался въ спальнѣ, а Андрей былъ въ кухнѣ, Анна Степановна, слегка понизивъ голосъ, прибавила:

— Сказывала Марина тебѣ напомнить, чтобы ты, Нилъ Назаровичъ, хорошенько подумалъ о какомъ-то дѣлѣ.

— Объ какомъ такомъ дѣлѣ?

— А ужъ того не знаю. Не объяснила она мнѣ. А только говоритъ: скажите тятенькѣ, чтобъ еще разъ подумалъ. Дѣло, говоритъ, хорошее.

— Гм... Не знаю я, объ какомъ такомъ дѣлѣ она

Digitized by Google

тебѣ говорила!—сказалъ Нилъ Назаровичъ, но на этотъ разъ уже не столь твердымъ и яснымъ голосомъ, и Анна Степановна замѣтила, что брови его сдвинулись. Значитъ, понялъ, но желаетъ скрыть. Пусть. И она тихонько вздохнула. Богъ знаетъ, почему послѣ случая съ Васькой она стала иначе относиться къ своей женской долѣ. Прежде она жила изо дня въ день и ни на что не претендовала, а теперь нѣтъ-нѣтъ да и замѣтитъ, что Нилъ Назаровичъ съ нею скрытенъ, что жизнь ея тяжела, и вздохнетъ.

А Нилъ Назаровичъ дѣйствительно понялъ. И нахмурился онъ не оттого только, что ему напомнили о позорномъ дѣлѣ Марины, а и отъ другихъ обстоятельствъ. Не такъ давно онъ встрѣтилъ случайно двухъ гробовщиковъ. Товарищи по ремеслу сообщили ему свѣжую новость: умеръ Струповъ, владѣлецъ конторы подъ названіемъ «Вѣчное упокоеніе». А наслѣдница, его жена, не хочетъ продолжать дѣла и хочетъ сбыть его. Услышалъ онъ про это, и сердце его тоскливо заныло. «Вѣчное упокоеніе» была хорошая фирма и стояла она на выгодномъ мѣстѣ; вотъ случай, думалъ онъ, осуществить свою завѣтную мечту. Онъ, конечно, не выказалъ гробовщикамъ своихъ мыслей, а только спросилъ:

— А сколько же она желаетъ заработать?

— Навѣрно знать не могу, а только слышно—меньше двѣнадцати тысячъ не возьметъ.

— Ого! — откликнулся Нилъ Назаровичъ,— деньги хорошія.

— Да и дѣло хорошее, Нилъ Назаровичъ,—съ видимымъ увлеченіемъ заговорилъ другой.—Я вамъ скажу, что такое наше гробовщицкое дѣло. Съ каждымъ годомъ хорошій заказчикъ отъ насъ уходитъ! Который побогаче, норовитъ въ контору пойти... А намъ остается одна бѣднота. На что это сойдетъ? Я вамъ такъ скажу, Нилъ Назаровичъ, конечно, у васъ особая статья. Ваше дѣло широкое. Вы на Петербургской Сторонѣ, можно сказать, одни царите, а все же надо принять въ разсчетъ, что

Digitized by Google

и съ Петербургской Стороны многіе въ конторы обращаются. И такъ я полагаю, что черезъ пятнадцать-двадцать лѣтъ конторы все загребутъ себѣ, и гробовщикамъ останется хоть волкомъ выть. Такъ я полагаю.

— Ну, далеко еще до этого!—не совсѣмъ искренно отозвался Нилъ Назаровичъ.

— Нѣтъ, не далеко,—съ убѣжденіемъ сказалъ гробовщикъ.—И ежели бы у меня были денежки, такъ я бы сію минуту пошелъ къ Струповой, да и отсчиталъ бы двѣнадцать тысячъ, какъ одну копейку. Вотъ что я вамъ скажу.

Разговоръ этотъ запалъ глубоко въ сердце Нила Назаровича. Въ словахъ товарища было много правды. Такихъ счастливыхъ гробовщиковъ, какъ онъ, было уже не много въ столицѣ. А большинство перебивалось жалкими заказами бѣдняковъ да работали на тѣ же конторы, которыя платили имъ гроши. Но, вѣдь, и его счастье можетъ миноваться. Чѣмъ онъ можетъ поручиться, что на той же самой улицѣ, гдѣ помѣщается его мастерская, не откроется какая-нибудь большая контора. И тогда все пропало. И теперь, когда Анна Степановна напомнила ему о предложеніи Марины, мысли его сдѣлались еще тяжелѣе. Это такъ просто и въ то же время такъ невозможно. Маринины деньги! Вѣдь, онъ же знаетъ, какъ онѣ ей достались. Такъ неужто же онъ, родной отецъ, воспользуется этими деньгами для своего коммерческаго дѣла? Какое же отъ этого будетъ ей поученіе? И вотъ эта-то простота съ соединеніемъ съ невозможностью больше всего обременяла его душу. И зачѣмъ Марина сказала ему объ этихъ деньгахъ? Вѣдь, съ одной стороны, онѣ все равно что въ карманѣ у него. А между тѣмъ ихъ нѣтъ и быть не можетъ. Двѣнадцать тысячъ! Но, положимъ, онъ поторговался бы и навѣрное ему уступили бы за одиннадцать и даже за десять. Вѣдь чистыя денежки. Вынулъ изъ кармана и отсчиталъ. Это по нынѣшнимъ временамъ не всякій сдѣлать можетъ. Народъ больше норовитъ черезъ банки, посредствомъ заклада пріобрѣтать. Чистыхъ денегъ нигдѣ нѣтъ, особенно у

Digitized by Google

рабочаго человѣка. И отдадутъ за десять тысячъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. А у него накопилось за тридцать лѣтъ шесть тысячъ съ лишнимъ. Положимъ, онъ могъ бы тоже черезъ банкъ дѣйствовать, такъ это же значитъ нажить хлопотъ, запутаться, а онъ этого не любитъ да и не умѣетъ. Самъ онъ никогда не работалъ въ кредитъ да и кредитомъ не пользовался. А кромѣ того нужны будутъ деньги и для самого дѣла. И разсчитывалъ онъ, что тысячъ двѣнадцать понадобится ему всего.

Старался онъ не думать объ этомъ, хотѣлъ забыть, а мысли сами лѣзли въ голову. Вѣдь только промедли, и дѣло тотчасъ уплыветъ изъ-подъ носа, и кто-нибудь другой сядетъ на хорошемъ мѣстѣ; тогда опять лямку тянуть. И это же большая разница: получить готовое или заводить свое. На свое вдвое больше денегъ надо.

И на другой день, какъ только проснулся Нилъ Назаровичъ, вчерашнія мысли опять овладѣли имъ.

«А, можетъ, они зря, такъ себѣ наболтали!—думалъ онъ себѣ въ утѣшеніе.—Можетъ, Струповъ вовсе и не умеръ, а живетъ себѣ пришѣваючи; можетъ, это однѣ только сказки? Надо узнать. Что зря-то мысли тратить?»

И онъ рѣшилъ сегодня же побывать въ одномъ такомъ мѣстечкѣ, гдѣ можно навѣрное узнать всѣ новости по гробовщицкому цеху. Но онъ не торопился. Онъ вышелъ въ мастерскую, посидѣлъ съ мастерами и сдѣлалъ кое-какія указанія въ работѣ. Потомъ попросилъ у Анны Степановны что-нибудь закусить. Въ томъ мѣстѣ, куда онъ собирался, можно было найти народъ не раньше десяти часовъ.

Наконецъ, онъ вышелъ и взялъ извозчика на Волково кладбище. У него собственно не было никакого дѣла на кладбищѣ, а нужно ему было остановиться не доѣзжая.

Но когда онъ доѣхалъ уже до половины дороги, его вниманіе обратило на себя одно, съ точки зрѣнія гробовщика чрезвычайно важное, обстоятельство. Путь былъ

Digitized by Google

прегражденъ толпой и кучей экипажей. Впереди видны были жандармы и головы ихъ лошадей. Что это? Нилъ Назаровичъ почуялъ, что это должно быть похороны и притомъ очень важныя. И очень скоро явились къ тому доказательства. Медленно потянулись фонари, длинный рядъ пѣвчихъ въ траурныхъ парадныхъ формахъ, множество духовныхъ лицъ, и надо всѣмъ возвышался бѣлый катафалкъ съ блестящими серебряными кистями, а на немъ бѣлый посеребренный гробъ, прикрытый серебряною парчей, со множествомъ вѣнковъ. Позади шла несмѣтная толпа.

«О,—подумалъ Нилъ Назаровичъ,—это очень дорогія похороны. Отъ кого же это?»

Конечно, естественно, чтобы, при видѣ похоронъ, прежде всего пришелъ въ голову вопросъ: кого хоронятъ? Но Нилъ Назаровичъ былъ гробовщикъ и потому онъ прежде всего подумалъ о томъ, какой конторѣ выпало счастье устроить такія дорогія похороны. Онъ прикинулъ въ умѣ и легко сдѣлалъ выводъ, что эти похороны тысячи на полторы. Потомъ онъ сталъ присматриваться къ людямъ и скоро догадался, что это отъ большой конторы не такъ давно утвержденнаго «новаго товарищества на акціяхъ». Затѣмъ онъ разглядѣлъ шедшаго неподалеку отъ катафалка, нѣсколько сбоку, невысокаго, плотнаго, широкаго въ плечахъ господина, съ блестящей лысинкой, съ толстымъ крючковатымъ носомъ, съ маленькими бачками. Господинъ былъ во фракѣ и несъ въ рукѣ цилиндръ. На лѣвомъ рукавѣ фрака у него была траурная креповая перевязь, а на груди серебряный значокъ. Тутъ Нилъ Назаровичъ окончательно понялъ, что эти похороны—отъ «новаго товарищества». Этого господина онъ немного зналъ. Это былъ представитель товарищества, по фамиліи Фуксъ. Лѣтъ пять тому назадъ, когда товарищество учредилось, этотъ самый Фуксъ ходилъ по гробовщикамъ и предлагалъ имъ работать на контору. Многіе, нуждаясь въ работѣ, согласились, но Нилъ Назаровичъ отвергъ.

Digitized by Google

«Везетъ этому товариществу,—подумалъ Нилъ Назаровичъ.—Особенно этотъ Фуксъ, большой мастеръ этого дѣла, прямо изъ души вырветъ хорошій заказъ. И жуликъ же, не приведи Богъ».

И только теперь Нилъ Назаровичъ спросилъ у какого-то прохожаго изъ толпы, кого это хоронятъ? Ему назвали фамилію, которой онъ не зналъ.

«Но видно,—подумалъ онъ,—что очень важный господинъ».

По направленію процессіи онъ догадался, что кортежъ идетъ на Волково кладбище, и рѣшилъ, что потомъ узнаетъ подробнѣе. Онъ велѣлъ своему извозчику свернуть въ переулокъ и поѣхалъ обходными путями.

Это, разумѣется, не было цѣлью его путешествія. Онъ ѣхалъ совсѣмъ за другимъ, но всю дорогу онъ живо интересовался узнать поскорѣе, кого это такъ пышно хоронятъ.

«Должно быть, богачъ какой-нибудь,—думалъ онъ.—Только не военный, да и не чиновный. Когда бы чиновный, ордена бы несли, а ужъ военнаго, извѣстно, съ музыкой. А то нѣтъ, народъ все штатскій за нимъ идетъ. А какая толпа! Такой я еще никогда не видалъ. Хорошій кушъ, должно быть, заграбастало новое товарищество,—ужъ Фуксъ не пропуститъ, Фуксъ дошлый».

Послѣ многихъ поворотовъ онъ, наконецъ, въѣхалъ въ Разстанную улицу. Пошли небольшіе загородные дома, между ними все чаще и чаще попадались магазины надгробныхъ памятниковъ и вѣнковъ. Были и трактиры. Нилъ Назаровичъ увидалъ направо большой трактиръ, занимавшій оба этажа деревяннаго дома. На красной вывѣскѣ было объяснено, что трактиръ называется «Отрада». Онъ сказалъ извозчику: «къ этой самой «Отрадѣ» и подъѣзжай».

Извозчикъ повернулъ направо и остановился около «Отрады». Отсюда уже видны были ворота кладбища. Мимо трактира тихимъ ходомъ шла процессія чрезвычайно скромнаго вида. Впереди двигалось всего только

Digitized by Google

два факельщика, нѣсколько фонарей. Затѣмъ шелъ поблекшій, побурѣвшій отъ времени черный катафалкъ, запряженный парой сомнительныхъ лошадей, какой-то куцый, несуразный, нелѣпый. На немъ стоялъ гробъ, обтянутый дешевымъ полинявшимъ глазетомъ. Батюшка ѣхалъ на извозчикѣ, а за гробомъ шло человѣкъ двѣнадцать провожатыхъ.

«Вотъ-те и разница,—подумалъ Нилъ Назаровичъ.—Тамъ пышность, а здѣсь скудость. То-то, что значатъ деньги! Ужъ это сейчасъ видно, что нашъ братъ простой гробовщикъ дѣлалъ».

— Мое почтеніе, Нилъ Назаровичъ!—сказалъ ему кто-то сбоку тоненькимъ голосомъ.

Онъ оглянулся и увидѣлъ высокаго человѣка въ очень короткомъ, точно на смѣхъ, пиджакѣ, съ чахоточнымъ лицомъ, сутуловатаго, длинноногаго. Предлинная рука уже была протянута по направленію къ Нилу Назаровичу.

— Э, Пятницынъ!—воскликнулъ Нилъ Назаровичъ, протягивая ему и свою руку,—вы что же тутъ, при дѣлѣ?

Пятницынъ прищурилъ лѣвый глазъ и мотнулъ головой по направленію къ скромной процессіи, которая проходила мимо.

— Моя!—пояснилъ онъ.

— Ага, значитъ, коломенскій.

— Само собой. Изъ Коломны... Чиновничекъ себѣ... Только этимъ и пробиваемся, Нилъ Назаровичъ.

— Много взяли?

— Что ужъ! Даже и сказать стыдно. Развѣ нашъ братъ можетъ много взять? Я вамъ скажу—съ гробомъ, съ факелами, даже съ катафалкой, однимъ словомъ, весь прикладъ. И всего шестьдесятъ пять рублей... Хорошъ заработокъ? Много тутъ въ карманъ пойдетъ?

— Да, немного,—отвѣтилъ Нилъ Назаровичъ, быстро прикинувъ въ умѣ стоимость процессіи. Впрочемъ, принявъ во вниманіе извѣстное ему качество Пятницына

Digitized by Google

класть гнилое дерево для гробовъ, онъ тутъ же подумалъ:—А все же ты двѣ красненькихъ чистыхъ въ карманъ положилъ.

— А ваша еще въ пути?—спросилъ Пятницынъ.

— Нѣтъ, я такъ, безъ дѣла. Давно, знаете, не былъ тутъ. Когда работа случалась, своихъ мастеровъ посылалъ. А нынче вздумалъ: съѣзжу, своихъ повидаю, что говорятъ—послушаю. Что новенькаго, Акимъ Акимовичъ?

Пятницынъ махнулъ рукой.

— Да у насъ въ Коломнѣ ничего не слышно, до насъ не доходитъ. Зайдемте, Нилъ Назаровичъ, въ «Отраду», хоть по рюмочкѣ пропустимъ; у меня съ утра ни крохи во рту не было.

— Съ васъ слѣдуетъ!—шутя сказалъ Нилъ Назаровичъ,—потому вы при дѣлѣ, съ заработкомъ.

— Да я что-жъ? Дѣло оно небольшое, а все же я порядокъ знаю.

Они поднялись по грязной деревянной лѣстницѣ наверхъ. Тамъ было чище, чѣмъ внизу. Внизу пили чай большею частью извозчики, отвозившіе публику на кладбище и ожидавшіе обратнаго ѣздока. А наверху была публика получше.

Народу оказалось очень мало. Только три стола были заняты. За ними сидѣло нѣсколько группъ, тихо, но чрезвычайно оживленно бесѣдовавшихъ. Они тоже заняли столикъ.

— Все нашъ братъ—гробовщикъ!—сказалъ Пятницынъ, указывая взоромъ на занятые столы.

— Да, я вижу и знакомыхъ... Это, кажись, Скорбутовъ съ Васильевскаго?

— Онъ и есть.

— А съ нимъ не Падалкинъ? Онъ, кажись, свою мастерскую уже пропилъ?

— Давно. Теперь главнымъ мастеромъ въ «новомъ товариществѣ» состоитъ.

— Ага. Такъ, такъ. А кого же это нынче «новое

Digitized by Google

товарищество» провожаетъ? Сейчасъ встрѣтилъ процессію... богатая...

— Слыхалъ я, да не знаю кого.

Между тѣмъ и Скорбутовъ и Падалкинъ узнали Нила Назаровича, встали, почтительно подошли къ ихъ столику и поздоровались.

— Присаживайтесь,—сказалъ Нилъ Назаровичъ.— Кого это ваше товарищество хоронитъ?—обратился онъ къ Падалкину, небольшому человѣчку съ косымъ взглядомъ и полинявшей, нѣкогда рыжей, а теперь какого-то кирпичнаго цвѣта растительностью на лицѣ и головѣ.

— Художникъ какой-то. Должно быть, важный, а только не могу сказать, какъ прозывается.

— Художникъ? Скажите пожалуйста! Какъ его пышно хоронятъ!

— Да, дорогія похороны.

— А сколько взято?

— Не могу объяснить. Въ эти дѣла я не путаюсь.

— Ну, ужъ надо полагать — не шестьдесятъ пять рублей!—сострилъ на свой счетъ чахоточный Пятницынъ.

— Навѣрное, что нѣтъ. У насъ за такія дѣла не берутся!—съ нѣкоторой гордостью за свою фирму сказалъ Падалкинъ.

— Вашему товариществу везетъ.

— Да, шибко дѣла дѣлаетъ. Въ прошломъ годѣ одной давиденды по девяносто рублей на штуку выдано.

— А правда, что я слыхалъ, будто Струповъ Богу душу отдалъ?—сказалъ Нилъ Назаровичъ.

— Да какъ же! Такъ оно и есть, уже недѣли съ двѣ будетъ.

— Вотъ оно что! Значитъ, теперь дѣло поведетъ вдова?

— Надо полагать.

Нилъ Назаровичъ нашелъ подтвержденіе одной части занимавшей его новости, но относительно второй части эти люди, очевидно, были не освѣдомлены.

Въ это время явились еще двое и тоже сейчасъ же

Digitized by Google

присоединились къ обществу, да и тѣ, что сидѣли за двумя другими столами, оказались знакомыми и пересѣли поближе. Все это были гробовщики изъ разныхъ концовъ столицы. Они толкались здѣсь съ утра до полудня. Кто кого-нибудь хоронилъ, кто пришелъ такъ, кой-кого встрѣтить, кой-что разузнать, какъ ходятъ въ клубъ. Пошли гробовщицкіе разговоры, жаловались на то, что дерево поднялось въ цѣнѣ, что глазетъ теперь стали поддѣлывать, и онъ очень скоро линяетъ и теряетъ цвѣтъ, что рабочій вздорожалъ, а заработки плохи. Но больше всего высказывали огорченіе по поводу размножившихся конторъ и всякихъ бюро, которыя сбивали цѣну и рѣшительно отбивали хлѣбъ у гробовщиковъ.

— И что же это пошло нынче!— говорилъ толстый, плечистый, чрезвычайно благообразный человѣкъ въ длинномъ мѣщанскомъ кафтанѣ.—Въ прежнее время гробовщикъ зналъ свое дѣло—гробы дѣлать и, ежели кому надо, поставлять. А нынче эти конторы, — чтобъ имъ всѣмъ въ одинъ день сгорѣть, — всякую штуку у себя завели: у него и кареты, и лакеи, онъ и духовныхъ лицъ сговариваетъ. Онъ и мѣсто на кладбищѣ беретъ, иные такъ даже похоронные обѣды имъ заказываютъ. Оно и понятно,—къ нимъ лѣзутъ.

— Ха! скоро они и докторовъ на откупъ возьмутъ, чтобъ похуже лѣчили!—сострилъ кто-то.

— Глядите, вонъ и процессія показалась!

Всѣ устремились къ окнамъ и смотрѣли на пышный кортежъ съ бѣлымъ катафалкомъ.

— Народу-то сколько! Жандармовъ больше двухъ десятковъ. Должно быть, слупилъ Фуксъ.

— Фуксъ своего не прозѣваетъ! — замѣтилъ Падалкинъ, который гордился также и Фуксомъ.

— А вонъ и онъ самъ. Глядите, какъ важно выпятилъ грудь, словно генералъ какой; и что это у него за бляха такая?

— А это значокъ! — объяснилъ Падалкинъ. — На

Digitized by Google

этомъ самомъ значкѣ объяснено, что онъ отъ товарищества, значитъ, представителемъ.

— Чего еще выдумали!

— А, вѣдь, онъ сюда идетъ. Вонъ отдѣлился и направо взялъ, должно быть проголодался.

И дѣйствительно, минуты черезъ двѣ въ комнату верхняго этажа быстрымъ шагомъ вбѣжалъ Фуксъ. Онъ уже держался не такъ важно и не выпячивалъ грудь; онъ вошелъ и оживленно, по-домашнему, обратился не то къ стоявшему за стойкой половому, не то къ пившему чай обществу.

— Ой, золотые мои, дайте выпить что-нибудь. Вся внутренность пересохла! Съ семи часовъ на ногахъ.

— Пожалуйте къ намъ, Милъ Миличъ,—заговорили гробовщики.

— Э, да тутъ все свои! Эй, Иванъ Дмитріевъ, тащи сельтерской воды и рюмку той самой дряни, которую ты называешь коньякомъ! Здравствуйте!

Фуксъ дружески протягивалъ руку всѣмъ гробовщикамъ. Собственно знакомыхъ у него было человѣка три, но все равно онъ со всѣми обращался, какъ со старыми пріятелями. Онъ вынулъ платокъ и вытеръ имъ потъ съ лица и съ своего толстаго затылка. Потомъ онъ сѣлъ и началъ жадно пить сельтерскую воду съ коньякомъ.

— Вотъ, золотые мои, помпочку устроили,—сказалъ онъ: — заглядѣнье!... Такихъ похоронъ въ Петербургѣ никогда еще не видали. Да и покойничекъ, можно сказать, единственный... Когда бы его упустилъ, такъ, ей-Богу, повѣсился бы.

— Кто-же онъ такой?

— Пф!... — произнесъ Фуксъ, оттопыривъ и губы, и руки: — извѣстнѣйшій художникъ Амраевъ. За одинъ патретецъ по двѣ тысячи рублей бралъ! Я вамъ доложу, у него похороны—прямо графскія, а жилъ одинъ, никакой родни не имѣлъ.

— Слупили же вы, должно быть, Милъ Миличъ.

Digitized by Google

Фуксъ чрезвычайно хитрымъ взглядомъ посмотрѣлъ на собесѣдниковъ.

— То-есть какъ это? — съ напускной строгостью спросилъ онъ: — мы не лупимъ!... Мы этого не можемъ. Мы благороднымъ образомъ смѣточку представляемъ и потомъ свои денежки получаемъ! Хе-хе-хе!

Онъ хитро засмѣялся и показалъ свои челюсти съ полусгнившими зубами.

— Золотые мои, вотъ я вамъ разскажу штуку! — заговорилъ онъ какъ-то особенно по-пріятельски, какъ говорятъ въ своемъ кругу. — Потѣха у меня была съ этимъ заказомъ.

Гробовщики пододвинулись и приготовились слушать, а Фуксъ очень любилъ разсказывать; съ одной стороны онъ смотрѣлъ на это какъ на рекламу конторѣ «новаго товарищества». Чѣмъ больше будешь о ней говорить, хотя бы это былъ всякій вздоръ, тѣмъ больше ее будуть знать. Съ другой стороны, онъ любилъ и успѣхъ, такъ какъ считалъ себя хорошимъ разсказчикомъ. Онъ началъ:

— Надобно вамъ имѣть въ виду, что покойничекъ былъ бережливъ. Родни своей знать не хотѣлъ. А жилъ, такъ сказать, въ свою собственную утробу, и вслѣдствіе того, какъ померъ онъ, своихъ ни одной души около него не оказалось. И взялись за это дѣло, чтобъ его похоронить, люди посторонніе. А это, золотые мои, нашему брату не всегда бываетъ съ руки, потому сродственникъ, онъ—скорбитъ, а когда человѣкъ въ скорби, то ему не до того, чтобы счетъ провѣрять и разное другое, и оттого съ него въ такомъ случаѣ слупить очень удобно, сколько душѣ пожелается. А посторонній—ему что? Онъ себѣ спокоенъ и можетъ обсудить.

— Это правильно!—отозвался кто-то.

— Да ужъ если я говорю, такъ правильно! Скажу я вамъ, что еще наканунѣ я уже зналъ, что онъ помретъ. У меня, знаете, нюхъ, какъ у гончей собаки. Я ежели ѣду мимо дома, гдѣ есть больной и завтра по-

Digitized by Google

мереть долженъ, сейчасъ это носомъ чувствую и ужъ непремѣнно съ задняго хода забѣгу разнюхать.

— Дока!—не выдержалъ и сказалъ Скорбутовъ.

— Разумѣется, дока. Во всякомъ дѣлѣ надобно докой быть. А ежели ты не дока, такъ другая дока придетъ и у тебя изъ-подъ носа вытащитъ. Ну-съ, и только это онъ съ Божьею помощью духъ изъ себя испустилъ, я сейчасъ надѣлъ фракъ, пристегнулъ значокъ и къ душеприказчикамъ: честь имѣю, молъ, рекомендоваться—представитель «новаго товарищества» Фуксъ. Могу большую помпочку устроить. Извольте посмотрѣть наши рисунки и все такое. Наговорилъ имъ, огорошилъ и плѣнилъ. Составьте, говорятъ, смѣту, чтобы похороны были первѣйшій сортъ. Да ужъ, я говорю, такой будетъ сортъ, какого въ Петербургѣ еще не видано. Пошелъ я себѣ для виду въ ресторанчикъ, потребовалъ рюмочку коньячку и просидѣлъ тамъ часикъ. А смѣта у меня въ карманѣ лежала еще со вчерашняго дня. Еще онъ, покойничекъ-то, духовное завѣщаніе диктовалъ, а я уже въ то время смѣту ему составлялъ. Ну, отправился и предъявилъ. Вотъ тутъ-то самая суть и начинается.

Гробовщики, сильно заинтересованные разсказомъ, такъ какъ Фуксъ дошелъ до самаго главнаго пункта смѣты, еще тѣснѣе придвинулись къ нему. А Фуксъ продолжалъ:

— Такъ я и представилъ. И закатилъ я имъ, золотые вы мои, шесть тысячъ двѣсти пятьдесятъ рубликовъ!

— О-о! Сумма!—откликнулись разомъ нѣсколько голосовъ, и у всѣхъ въ глазахъ появилось волненіе. — Это сумма!

— Слушайте, что вышло. Я себѣ такъ разсуждалъ: помпочка дѣйствительно большая. У насъ контора надняхъ только новый снарядъ сдѣлала. Вотъ мы его почтеннѣйшей публикѣ и покажемъ. И притомъ все до малѣйшей мелочи, все наше. Это первое. А второе, что, вѣдь, они не наслѣдники, а слѣдственно деньги не ихнія

Digitized by Google

и имъ денегъ не жаль. А при всемъ томъ и понятія они въ нашемъ дѣлѣ имѣть не могутъ. Но... вышло совсѣмъ другое. Тутъ, я вамъ скажу, наскочила коса на камень. Одинъ-то изъ нихъ оказался дока. Посмотрѣлъ онъ эго мою смѣточку, повертѣлъ ее въ рукахъ и говоритъ. — Видите, господинъ Фуксъ, я въ этомъ дѣлѣ немного понимаю толкъ. И скажу вамъ, что смѣта ваша никуда не годится Вы ее можете уменьшить вчетверо. Какъ, говорю, вчетверо? А самъ вижу уже, что онъ дѣйствительно дѣло понимаетъ. — А видите, говоритъ, господинъ Фуксъ, я мѣсяцъ тому назадъ свою собственную тетку похоронилъ и тоже похоронами распоряжался, понимаете? Я говорю, понимаю, только тамъ, говорю, должно быть совсѣмъ другое дѣло было.—Это, говоритъ, правда, что похороны были попроще, но зато онѣ и обошлись въ семьсотъ рублей; подумайте объ этомъ. Что-жъ, я говорю, конечно, можно скинуть двѣсти пятьдесятъ рублей, а больше, говорю, будетъ въ убытокъ. А онъ усмѣхается. Вы, говоритъ, думаете, что на дурака напали. Вѣдь я, говоритъ, покойнику не родственникъ, а чужой человѣкъ. Ежели бы я родственникъ былъ, такъ мнѣ было бы не до разсчетовъ. А какъ я чужой человѣкъ, то могу спокойно разсуждать и къ тому же обязанъ чужія деньги беречь и отчетъ представить. Я его всячески начинаю убѣждать.—Помилуйте, говорю, вы желаете, чтобы большущая помпа была! Вѣдь это же дѣло серьезное. Вы возьмите: жандармская часть,— вѣдь не двѣ пары жандармовъ будетъ, а больше двухъ десятковъ будетъ. Вы вникните, говорю, какія это похороны! Вѣдь мы одного духовенства въ шести ландахъ повеземъ! Это, когда не видя, оно кажется, будто просто. А вотъ сами изволите увидѣть, какую мы вамъ балдахину закатимъ! Такую балдахину, какой еще не видано! По бѣлизнѣ,—прямо слоновая кость, да и только! То-есть, я вамъ говорю, ужъ я такъ распинался, что даже насквозь пропотѣлъ. А онъ, золотые вы мои, сидитъ какъ какая-нибудь скульптура, смотритъ на меня

Digitized by Google

и усмѣхается. Такъ вы, говоритъ, господинъ Фуксъ, не хотите сбавить какъ слѣдуетъ?—Я говорю: еслибъ возможно, а то въ убытокъ, сами посудите.—Ну, хорошо, говоритъ, у насъ похороны послѣ завтра, дѣло не къ спѣху; вы говорите, что это будетъ вамъ въ убытокъ; можетъ быть, это и такъ, вы лучше это дѣло знаете, не смѣю и спорить. А мы вотъ что: мы запросимъ цѣны въ другихъ конторахъ. Между прочимъ къ Шумилову обратимся... Какъ сказалъ онъ, золотые мои, эти слова, такъ я и сѣлъ. И даже, я вамъ скажу, умственно свистнулъ по своимъ шести тысячамъ, вѣчную память имъ прошѣлъ. И началъ я тутъ вертѣться. Нѣтъ, говорю, зачѣмъ же такъ? Это намъ будетъ обидно. Извольте, говорю, вмѣстѣ со мной въ подробности смѣточку разсмотримъ; можетъ быть, оно и само собой что-нибудь сбавится. Хорошо, говоритъ, разсмотримъ, и стали мы разсматривать. И что-жъ вы думаете? До чего довели смѣту? На тысячу восемьсотъ съѣхали.

— Съ шести-то тысячъ?

— Н-да, съ шести тысячъ. Вотъ что значитъ на доку наскочить.

— Да и то много, и то пятьсотъ рубликовъ въ карманъ положили.

— Много? Да ты видалъ,—балдахиня-то, балдахиня-то какая! Слоновая кость! И что такое пятьсотъ рублей?.. Развѣ это деньги? Я считаю, что ежели съ такихъ похоронъ пятьсотъ рублей заработать, такъ это все равно, что убытокъ. Вѣдь покойничекъ какой, покойничекъ! Рѣдкостный! Да ежели съ такого покойничка не нажить, такъ съ кого же? Но тутъ то важно, что никакая другая контора, а мы хоронили его. Спросятъ: кто хоронилъ Амраева? «Новое товарищество». Вотъ что важно! Не деньги, золотые мои, важны, человѣчество... Ну, однако, я замѣшкался; я, вѣдь, только на минутку. Мнѣ тамъ надо распорядиться, а то безъ меня, того и гляди, въ чужую яму гробъ опустятъ. Сколько тебѣ?—обратился онъ къ буфетчику.

Digitized by Google

Тотъ подошелъ и получилъ. Фуксъ всталъ и поправилъ свой значокъ. Это была изящная серебряная вещица овальной формы. Внизу былъ вычеканенъ гробикъ, надъ нимъ балдахинъ, по бокамъ горящіе факелы, сверху лавровый вѣнокъ, а надъ вѣнкомъ надпись полукругомъ славянскими буквами, сдѣланными эмалью: представитель похороннаго бюро «Новое товарищество».

Когда Фуксъ поднялся, Нилъ Назаровичъ вспомнилъ, что ничего не узналъ по своему дѣлу. Хотя онъ и мало былъ знакомъ съ Фуксомъ, но въ виду его торопливости прямо спросилъ:

— А кто теперь Струповское дѣло поведетъ?

— Струповское дѣло? Гм... А мы его приторговываемъ.

— Товарищество?

— Само собою. Дѣло Струповское хорошее, бойкое. Струповъ, хотя у него и маленькая лавочка была, большую намъ конкуренцію дѣлалъ. Только его мадамъ дорого хочетъ.

— Небойсь, запрашиваетъ?—въ видѣ реплики сказалъ Нилъ Назаровичъ, желая добыть отъ Фукса свѣдѣніе.

— М-да, двѣнадцать тысячъ требуетъ. А мы даемъ семь. Ну, она посидитъ, посидитъ, да и отдастъ. А намъ торопиться некуда. Зачѣмъ же платить двѣнадцать, когда мы можемъ ее скушать за семь? Ну, золотые мои, прощайте.

Онъ кое-кому наскоро пожалъ руки и умчался.

— Вотъ чортъ!—говорили про него гробовщики.— И гдѣ только такой уродился?

— Нѣмецъ,—сказалъ кто-то.

— Какой онъ нѣмецъ? Никогда нѣмецкой земли не видалъ. Кажись, выкрестъ.

— Это будетъ вѣрнѣе. А какъ языкомъ ловко ворочаетъ!

— Да, ужъ кого заговоритъ. Мертваго убѣдить можетъ.

Digitized by Google

Нилъ Назаровичъ въ этихъ отголоскахъ уже не принималъ участія. Свѣдѣнія, которыя онъ случайно получилъ отъ Фукса, были чрезвычайно важны.

Фуксъ несомнѣнно былъ замѣчательный человѣкъ въ своей спеціальности. «Новому товариществу» онъ приносилъ огромную пользу своимъ необыкновеннымъ нюхомъ по части выгодныхъ покойниковъ и своимъ умѣніемъ навязаться съ услугами. Иногда онъ дѣйствительно производилъ чудеса. Его смѣты бывали безподобны. Войдя въ домъ, онъ обнюхивалъ все и сейчасъ постигалъ, сколько можно содрать. Его цѣны сообразовались не съ дѣйствительными расходами на похороны, а съ чисто-психологическими обстоятельствами. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ кассу товарищества поступали такія суммы, которыя часто удивляли даже господъ пайщиковъ. Конечно и ему случалось ошибаться, какъ было при похоронахъ Амраева, но эти случаи были рѣдки. И «Новое товарищество» очень дорожило своимъ представителемъ. Но у Фукса былъ большой недостатокъ—болтливость. Любилъ онъ поражать слушателей разсказами объ успѣхахъ своихъ и товарищества и подчасъ говорилъ лишнее. Въ данномъ случаѣ ему, напримѣръ, не слѣдовало выдавать разговоровъ товарищества со вдовой Струпова о покупкѣ конторы. А онъ не выдержалъ и прихвастнулъ. Онъ, конечно, не подозрѣвалъ, что среди слушателей найдется человѣкъ, тоже мѣтящій на эту контору.

Нилъ Назаровичъ простился съ товарищами и вышелъ на улицу. Лицо у него было чрезвычайно озабоченное. Въ сущности онъ хорошо зналъ, что у него нѣтъ столько денегъ, чтобы купить контору, и тѣмъ не менѣе его туда потянуло. Онъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ гробовщиковъ попался ему навстрѣчу и замѣтилъ, куда онъ идетъ. Поэтому прошелъ пѣшкомъ изрядное разстояніе, а затѣмъ взялъ извозчика, но не до самаго мѣста, а только до Невскаго, чтобъ отсюда пройти пѣшкомъ.

Это было нѣсколько глупо — заходить къ лю-

Digitized by Google

дямъ, говорить о цѣнѣ, не имѣя надежды купить. Это походило на то, какъ будто дѣйствовалъ не солидный, аккуратный и серьезный человѣкъ, какимъ былъ и всѣми признавался гробовщикъ Акуловъ, а какой-нибудь мальчишка. Все это такъ, но, несмотря на это, Нилъ Назаровичъ ѣхалъ именно туда. Онъ говорилъ себѣ: отчего же не зайти и не узнать, въ чемъ дѣло? Ноги у меня не купленныя, языкъ не чужой. Отъ этого мнѣ ничего не сдѣлается. Но въ то же время онъ чувствовалъ, что если не зайдетъ, то потеряетъ доброе расположеніе духа, а, можетъ быть, и ѣсть и спать перестанетъ.

До Невскаго онъ доѣхалъ благополучно, то-есть не встрѣтилъ ни одного гробовщика. Тутъ онъ разсчиталъ извозчика и пошелъ пѣшкомъ. И ноги его двигались быстро, какъ будто онъ шелъ не изъ простого любопытства, а по спѣшному и неотложному дѣлу, какъ будто онъ боялся, что въ это время Фуксъ успѣетъ продѣлать всѣ свои операціи на кладбищѣ, забѣжитъ къ вдовѣ Струповой и покончитъ съ покупкой.

Ну, вотъ и большое зданіе, надъ вторымъ этажомъ его вывѣска: Погребальное бюро—«Вѣчное упокоеніе». Нилъ Назаровичъ почему-то оглядѣлся вокругъ и, только убѣдившись, что по близости нѣтъ ни одной души знакомой, вошелъ въ подъѣздъ. Онъ съ легкостью мальчика поднялся во второй этажъ и проскользнулъ въ самую контору. Онъ бывалъ здѣсь раза два по дѣлу. Но управляющій конторой, дальній родственникъ Струпова, старикъ Макѣевъ, былъ ему порядочно знакомъ. Онъ не былъ гробовщикомъ, но хорошо понималъ въ дѣлѣ. Вѣдь и Фуксъ никогда гробовщикомъ не былъ, а отлично умѣлъ хоронить. «Видно, тутъ совсѣмъ другое умѣнье нужно»,—думалъ по этому поводу Нилъ Назаровичъ.

Помѣщеніе конторы было скромно. Оно не выдерживало никакого сравненія съ пышными залами «Новаго товарищества», гдѣ подъ огромными цѣльными стеклами шкафовъ красовались лавровые и серебряные вѣнки, а

Digitized by Google

на стѣнахъ висѣли трехаршинныя картины въ траурныхъ рамахъ, съ изображеніемъ похоронныхъ процессій масляными красками. Тамъ все било на роскошь, на эффектъ, все кричало, зазывало. Тамъ и обои на стѣнахъ, и панели, и багеты къ нимъ были подобраны такъ, что походило на трауръ. Здѣсь ничего этого не было. Это была простая скромная лавочка, походившая на любую контору гостиницы, гдѣ за высокою конторкой сидѣлъ приказчикъ или самъ Макѣевъ, гдѣ можно было сговориться насчетъ похоронъ того или другого разряда, смотря по суммѣ, какую хотѣли издержать. Если бы не пара зеленыхъ вѣнковъ, лежавшихъ на окнѣ, да не надпись на двери, сообщавшая о спеціальности конторы, то не по чемъ было бы догадаться.

Теперь за конторкой сидѣлъ молодой человѣкъ, котораго Нилъ Назаровичъ прежде здѣсь не видалъ. У него была курчавая голова и чрезвычайно приличный видъ. Акуловъ догадался, что это, должно быть, хозяйскій сынъ или племянникъ, или кто-нибудь изъ наслѣдниковъ.

— А позвольте спросить, — сказалъ онъ, — развѣ господина Макѣева, старика, уже нѣту здѣсь?

— Есть. А вамъ его надо?

— Да, мнѣ бы съ нимъ поговорить надо.

— Такъ вы пройдите вонъ въ ту дверцу! Онъ тамъ.

Дверца была направо, низенькая, матовая. На ней не было никакой надписи, и Нилъ Назаровичъ припомнилъ, что въ бюро товарищества тоже изъ перваго зала есть дверь съ матовыми стеклами, но на ней была торжественная надпись: «Кабинетъ директора. Просятъ посторонникъ лицъ не входить».

Онъ нажалъ ручку двери и вошелъ. Здѣсь была довольно большая комната съ письменнымъ столомъ, на которомъ лежали куча бумагъ, конторскія книги и счеты. Старикъ Макѣевъ, высокій, съ густою сѣдою бородой, въ длинномъ черномъ сюртукѣ, сидѣлъ за столомъ, щелкалъ на счетахъ и что-то записывалъ. Онъ поднялъ голову и тотчасъ узналъ Нила Назаровича.

Digitized by Google

— А, Акуловъ! Милости просимъ! Садитесь! По дѣлу?

— Да, такъ вродѣ какъ бы по дѣлу, Антонъ Петровичъ!—отвѣтилъ Акуловъ.

Тотъ подалъ ему руку и потомъ указалъ на стулъ.

— Занимаетесь?—спросилъ Нилъ Назаровичъ.

— Да, вотъ, какъ видите. Балансы сводимъ. Наслѣдникамъ отчетъ отдаемъ. Всякое дѣло имѣетъ свой конецъ, господинъ Акуловъ! — съ оттѣнкомъ грусти прибавилъ Макѣевъ.

— Такъ, такъ. Слышалъ, слышалъ. Скончался Евтихій Григорьевичъ! — со вздохомъ сказалъ Нилъ Назаровичъ.—И съ чего бы это?

— Да ни съ чего. Такъ вотъ взялъ и скончался. Вчерась мы съ нимъ вмѣстѣ чай попивали, а сегодня прихожу въ контору и узнаю: нѣтъ его.

— Такъ теперь, значитъ, и дѣлу конецъ?

— По всей видимости, долженъ быть конецъ.

— Что-жъ такъ? Какая причина? Дѣло-то хорошее, Антонъ Петровичъ.

— Еще бы не хорошее. Покойникъ на этомъ самомъ дѣлѣ состояніе нажилъ, домъ построилъ на Офицерской улицѣ. Такъ покойникъ былъ изъ нашего мѣщанскаго званія, изъ простыхъ людей, а вдова его изъ благородныхъ. Вотъ она и говоритъ: не могу я этимъ кладбищенскимъ дѣломъ заниматься, это противно душѣ моей. Онъ ее, изволите видѣть, — говорилъ Макѣевъ, сильно понизивъ голосъ, и въ словахъ его слышалась изрядная досада:—онъ ее изъ послѣдней бѣдности взялъ и этимъ самымъ кладбищенскимъ дѣломъ счастливой и богатой сдѣлалъ, а она не можетъ, ея благородной душѣ противно. Вотъ все и идетъ прахомъ.

— Это именно такъ!—подтвердилъ Акуловъ: — оно дѣйствительно благороднымъ наше дѣло не подъстать.

— Для чего же не подъстать? Развѣ ей самой придется дѣло устраивать? Кажись, и безъ нея можно бы. Покойный Евтихій Григорьевичъ послѣдніе годы совсѣмъ до конторы не касался, все было на моихъ рукахъ и

Digitized by Google

отъ этого хуже не стало. А новое товарищество? Вы знаете, кто такіе тамъ есть пайщики? Подбирскій—дѣйствительный статскій совѣтникъ. Труворовъ—инженеръ. И даже одинъ протопопъ есть. Кажись, тоже изъ благородныхъ, а это не мѣшаетъ имъ за сто рублей получать сто девяносто! Э, да что, одно скажу: я это дѣло съ пеленокъ знаю, оно на моихъ рукахъ родилось,—ну, мнѣ и жаль и больше ничего.

— А что бы вамъ, Антонъ Петровичъ, за него взяться?

— Мнѣ? Кабы я умный былъ, такъ, можетъ, у меня теперь и былъ бы капиталъ тысячъ въ двадцать пять, а какъ я былъ всегда дуракомъ, то получалъ себѣ жалованья по сто рублей въ мѣсяцъ и кормилъ свое большое семейство, а капитала никакого не пріобрѣлъ. Покойный Евтихій Григорьевичъ все, бывало, по плечу меня трепалъ и говорилъ: ты, говоритъ, не опасайся, Антонъ Петровичъ, я тебя никогда не обижу. Анъ теперь вотъ что выходитъ.

— И что-жъ, имѣете покупщика? — спросилъ Нилъ Назаровичъ.

— Какъ сказать... Ежели за безцѣнокъ, то хоть сейчасъ; вонъ новое товарищество девять тысячъ даетъ.

— Девять?—съ сомнѣніемъ спросилъ Нилъ Назаровичъ.

— А что, развѣ слышали?

— Такъ, доходило...

— Да, девять тысячъ даетъ... А по-моему и за двѣнадцать и то все равно—что даромъ...

— Ну, двѣнадцать-то тысячъ сумма хорошая! Это что и говорить,—возразилъ Нилъ Назаровичъ.—А мнѣ сказали, будто товарищество только семь даетъ.

— Гм... да оно не прочь бы и за пять купить, ежели-бъ отдали. Можетъ, оно и даромъ взяло бы... Семь тысячъ. Да это было бы на смѣхъ!

— Не знаю... А только такъ слыхать...

Для Макѣева, конечно, не было тайной, зачѣмъ соб-

Digitized by Google

ственно пришелъ Акуловъ, а Нилъ Назаровичъ тоже понималъ, что для Макѣева это не тайна. Не даромъ же онъ прибавилъ къ цѣнѣ товарищества цѣлыхъ двѣ тысячи. Два дипломата сидѣли другъ противъ друга и прямо смотрѣли другъ другу въ глаза. Одно только было неясно для Нила Назаровича: почему въ самомъ дѣлѣ Макѣевъ самъ не купитъ предпріятіе и не поведетъ дѣло? Его жалоба на то, что за долголѣтнюю службу онъ ничего не пріобрѣлъ, Нила Назаровича ни на іоту не вводила въ заблужденіе. Онъ зналъ навѣрное, что Макѣевъ велъ дѣло тонко, и особенно въ послѣдніе годы, когда покойный Струповъ женился на старости лѣтъ на молоденькой дворянкѣ и предоставилъ ему все дѣло, онъ хорошо поживился.

— А вы, Акуловъ, собственно по какому же дѣлу?— спросилъ, наконецъ, Макѣевъ.

— Я, собственно, Антонъ Петровичъ, по этому самому дѣлу,—отвѣтилъ Нилъ Назаровичъ.

— То есть насчетъ покупки?

— Какъ вамъ сказать!? Конечно, оно не то, чтобъ ужъ рѣшительно, а только имѣю въ мысляхъ...

— Ну, это другое дѣло... Коли вы съ такимъ намѣреніемъ, такъ и говорить надо на чистоту.

— Какая же собственно цѣна?

— Цѣна, господинъ Акуловъ, какъ бы сказать, послѣдняя, то есть со всѣмъ инвентаремъ и съ фирмой, и съ лошадьми, и каретами и прочее. двѣнадцать тысячъ.

— Дорого!

— Это дорого? Да будь у меня эти деньги, я сію минуту отсчиталъ бы и еще госпожѣ Струповой ручку поцѣловалъ бы за подарочекъ.

— Нѣтъ, дорого, Антонъ Петровичъ. По нынѣшнимъ временамъ, дорого.

— А что же такое нынѣшнія времена?

— Денегъ ни у кого нѣтъ. Всѣ норовятъ купить у васъ въ кредитъ, да въ разсрочку. Вотъ объявите—въ раз-

Digitized by Google

срочку, такъ къ вамъ завтра два десятка покупщиковъ явится.

— Мало ли что! Пускай явятся, да мы не продадимъ. У насъ дѣлежка идетъ,—какая тутъ разсрочка!

— Я то самое и говорю. Въ кредитъ—это одно, для этого должна быть одна цѣна, а на наличныя денежки—это другая статья и цѣна другая. А ужъ я бы, ежели бы купилъ, то всѣ деньги до послѣдняго рубля живыми бы принесъ. Вотъ какъ!

— А на какую же вы сумму пошли бы?

— Сумму? Я такъ вамъ скажу, Антонъ Петровичъ, что десять тысячъ за глаза довольно.

— Это не пойдетъ!

— Жаль. А больно не сходно. Вѣдь какъ тамъ себѣ хотите, а дѣло для меня оно новое, надобно и на расходы класть...

— Нѣтъ, не пойдетъ!—рѣшительно сказалъ Макѣевъ.—Можетъ быть, и была бы какая-нибудь сбавка, только ужъ это много.

— А я вамъ такъ скажу, Антонъ Петровичъ, видѣлъ я господина Фукса, отъ «Новаго товарищества», такъ онъ прямо сказалъ: семь, говоритъ, дадимъ, а какъ они дорожатся, такъ пускай посидятъ, все одно, говоритъ, потомъ сами придутъ и просить будутъ: возьмите за семь!

— Ну, этого, положимъ, они не дождутся. А мнѣ бы хотѣлось, Акуловъ, чтобы дѣло къ вамъ перешло. По крайности, вы мастеръ, дѣло это вамъ знакомо.

— Ужъ какъ знакомо! Эхъ, право, Антонъ Петровичъ, похлопочите. Десять тысячъ готовъ чистоганомъ отсчитать. И такъ я вамъ скажу: окромѣ того, какъ бы въ благодарность, пять сотенныхъ израсходую...

Макѣевъ и глазомъ не мигнулъ, какъ будто и не замѣтилъ этого тонкаго оборота рѣчи, обѣщавшаго ему лично въ благодарность пятьсотъ рублей.

— Я вамъ отвѣчу, Акуловъ, что эта канитель съ продажей опротивѣла мнѣ и по мнѣ чѣмъ скорѣе, тѣмъ

Digitized by Google

лучше, а, кромѣ того, хотѣлось бы носъ утереть «Новому товариществу»; больно зазнаются ужъ они; а только я же не хозяинъ, сами знаете. Я доложу наслѣдникамъ, а вы зайдите завтра.

— Ужъ похлопочите, Антонъ Петровичъ,—сказалъ Нилъ Назаровичъ вставая.

— Для васъ, господинъ Акуловъ, все сдѣлаю, потому вы мастеръ, у васъ дѣло не пропадетъ, а я люблю это дѣло, потому оно отъ моихъ рукъ...

— Покорно васъ благодарю, Антонъ Петровичъ! Такъ я ужъ завтра забѣгу. А только одно: ужъ это дѣло надобно въ секретѣ держать...

— Ну еще бы! Это само собой.

— Особливо отъ товарищества.

— Положитесь на меня, Акуловъ.

Нилъ Назаровичъ съ чувствомъ пожалъ руку Макѣева, который отвѣтилъ ему довольно жаркимъ рукопожатіемъ.

Когда Нилъ Назаровичъ вышелъ на улицу и припомнилъ все, что тотчасъ говорилъ, то ему сдѣлалось даже немного страшно. Какъ же это онъ такъ рѣшается поступить? Развѣ у него деньги уже въ карманѣ? Вѣдь у него всего только шесть тысячъ съ лишнимъ и достать негдѣ. Откуда же взялись эти слова? Онъ торговался, обѣщалъ благодарность, совершенно такъ, какъ будто могъ сейчасъ вынуть изъ кармана десять тысячъ пятьсотъ рублей и передать ихъ Макѣеву, и завтра обѣщалъ зайти. Нѣтъ, рѣшительно съ нимъ твоится что-то странное. Въ порядкѣ ли у него голова? Во всякомъ случаѣ она была у него не въ полномъ порядкѣ. Въ вискахъ стучало, а въ затылкѣ каждую секунду пробѣгала какая-то холодная струйка.

Онъ остановился и еще разъ посмотрѣлъ на домъ, гдѣ помѣщалась контора «Вѣчное упокоеніе», и сердце его наполнилось жаждой пріобрѣсти эту контору, стать ея хозяиномъ и повести широкое дѣло. Вотъ она мечта! Какъ близко ея осуществленіе, какъ легко, дѣло уже у него въ рукахъ, совсѣмъ въ рукахъ...

Digitized by Google

Нилъ Назаровичъ хорошо зналъ людей своего круга и понималъ, какое впечатлѣніе могло произвести на Макѣева брошенное вскользь обѣщаніе благодарности въ пятьсотъ рублей. Онъ могъ съ увѣренностью сказать, что эту благодарность Макѣевъ не упуститъ и постарается обработать дѣло. Ему теперь стало ясно и то, почему самъ Макѣевъ не покупалъ предпріятія. Вѣдь онъ слылъ за честнаго управляющаго, и по всей вѣроятности среди наслѣдниковъ въ этомъ явилось сомнѣніе. Можетъ быть, сомнѣніе это и было высказано, и для него купить предпріятіе значило бы показать, что онъ на службѣ у Струпова скопилъ изрядный капиталецъ, что, конечно, и было въ дѣйствительности.

Было около двухъ часовъ, обѣденное время миновало, и Нилъ Назаровичъ не ощущалъ ни малѣйшаго аппетита. Онъ все время находился въ непрерывной ажитаціи, какой никогда еще не испытывалъ. Всѣ поступки его въ этотъ день могли показаться непослѣдовательными и совершались какъ бы помимо его воли, хотя въ сущности они какъ нельзя лучше вели къ затаенной цѣли.

Когда онъ увидѣлъ, что скоро два часа, у него въ головѣ промелькнуло такое соображеніе: «что же, обѣдъ я прозѣвалъ, да и ѣсть не хочется. Это я съ Пятницынымъ въ «Отрадѣ» перебилъ себѣ голодъ. Домой идти что-то не охота... Не сидится мнѣ что-то дома... Не провѣдать ли дочку? Давно я ее не видалъ. Она хоть и непокорная, а все же кровь»... Такъ думалъ Нилъ Назаровичъ и, хотя мысли его имѣли вопросительную форму, тѣмъ не менѣе онъ шагалъ прямо по направленію къ Гороховой улицѣ.

И не казалось ему страннымъ, что послѣ недавней суровости у него вдругъ явилось желаніе увидѣть Марину. Конечно, онъ шелъ съ намѣреніемъ разговаривать съ нею строго, можетъ быть, еще разъ попробовать внушить ей здравыя и нравственныя мысли, но прежде онъ совсѣмъ было махнулъ на нее рукой, и это желаніе никогда у него не являлось. По отношенію къ Маринѣ онъ

Digitized by Google

чувствовалъ какую-то брезгливость, какъ къ существу нечистому, грѣховному, пропащему и опозорившему его чистое имя. А теперь онъ шелъ прямо къ ней, и у него сейчасъ же явилась извинительная причина: «Вчерась она пришла повидаться съ матерью; все же, значитъ, сердце у нея есть, значитъ—тянетъ ее къ своимъ... Надо и ей снисхожденіе оказать... Все-таки, дочь».

И вотъ онъ дошелъ до Гороховой, повернулъ въ переулокъ, гдѣ Ступидинъ нанялъ квартиру для Марины и откуда онъ получалъ письма во время Васькиной болѣзни, и остановился у подъѣзда, найдя соотвѣтствующій номеръ.

Тутъ стоялъ швейцаръ.

— А что, здѣсь квартира Марины Ниловны Акуловой?—спросилъ онъ у швейцара.

— Квартира здѣсь!—отвѣтилъ тотъ.

— А что же, дома она?

— Марина Ниловна? Нѣтъ-съ, онѣ сегодня утромъ переѣхали.

— Какъ, куда?

— На дачу, въ Царское Село.

— Въ Царское Село? На дачу?

И Нилъ Назаровичъ стоялъ передъ швейцаромъ какъ бы огорошенный, а швейцаръ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, не понимая, что онъ нашелъ тутъ особеннаго. Всѣ господа переѣзжаютъ на дачу, это въ порядкѣ вещей. Онъ не зналъ, какую путаницу это извѣстіе произвело въ душѣ Нила Назаровича.

Онъ хотѣлъ навѣстить дочь,—ну, да, просто навѣстить, потому что давно не видалъ ее и потому что она навѣстила мать, а теперь, теперь... не ѣхать же ему на дачу... Это было бы ужъ черезчуръ... Что она подумаетъ? Она подумаетъ, что онъ, Нилъ Назаровичъ, нуждается въ ней, заискиваетъ,—и это послѣ тѣхъ словъ, какія онъ ей сказалъ...

— Желаете получить адресъ? — спросилъ, между тѣмъ, швейцаръ.

Digitized by Google

— Адресъ? Зачѣмъ адресъ? — разсѣянно промолвилъ Нилъ Назаровичъ.

— Такъ, можетъ, дѣло имѣете.

— Дѣло? Гм... Дѣло...

А швейцаръ, между тѣмъ, досталъ изъ ящика бумажку съ адресомъ и вручилъ ему.

«Не поѣду я къ ней. Съ какой стати я къ ней поѣду? Не засталъ,—значитъ, не судьба; хотѣлъ уваженіе ей сдѣлать, анъ не вышло .. Гм... А она вчерась сказала Анютѣ, что ѣдетъ на дачу, какъ же я, дуракъ, забылъ объ этомъ?.. Разумѣется, не поѣду... Нѣтъ, ужъ это жирно будетъ, когда бы я еще на дачу къ ней ѣздилъ»...

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ. У панели на мостовой стоялъ рядъ извозчиковъ, онъ остановился около дрожекъ, вынулъ изъ кармана свои серебряные часы и посмотрѣлъ. Была половина третьяго.

«Въ три, пожалуй, буду дома... засну малость... а тамъ что-нибудь промыслю»— и обратился къ извозчику:

— Слышишь ты, вези меня...

— Куда прикажете, господинъ?

— Вези ты меня...

Онъ занесъ одну ногу въ дрожки, лицо его выражало крайнее напряженіе мысли. И еслибъ онъ промедлилъ еще минуту, то и извозчикъ, какъ швейцаръ, принялъ бы его за чудака или за сумасшедшаго. Но онъ докончилъ:

— Вези ты меня... эхъ, да вези на Царскосельскій вокзалъ!

Онъ грузно сѣлъ въ дрожки, извозчикъ покатилъ.

Еслибы, когда извозчикъ привезъ Нила Назаровича на вокзалъ, до отхода поѣзда оставался часъ-другой, то, можетъ быть, Нилъ Назаровичъ раздумалъ бы, хотя по нѣкоторымъ основаніямъ въ этомъ можно сомнѣваться.

Digitized by Google

Но оказалось, что поѣздъ идетъ черезъ какихъ-нибудь десять минутъ. Нилъ Назаровичъ поспѣшилъ въ кассу и взялъ билетъ, а когда билетъ въ карманѣ, то это все равно, что пройдено полпути.

Онъ занялъ мѣсто въ вагонѣ и ждалъ. Какъ только поѣздъ двинулся, онъ началъ смотрѣть въ окно, и его чрезвычайно заняло то, что онъ видѣлъ. За пятьдесятъ лѣтъ своей жизни, которая протекла въ Петербургѣ, онъ ни разу не выѣзжалъ изъ города. Самыми далекими путешествіями его были кладбища, куда онъ иногда провожалъ своихъ кліентовъ. И онъ совсѣмъ не имѣлъ представленія о свободныхъ пространствахъ земли, на которыхъ не настроено домовъ, а растутъ трава и лѣсъ. Снѣгъ уже повсюду стаялъ и поля покрылись зеленою травой. Кое-какія нетерпѣливыя деревья развернули уже молодые, нѣжно-зеленые листья.

«А хорошо это!—думалъ Нилъ Назаровичъ, съ пріятнымъ волненіемъ окидывая взоромъ пространство.—Лучше, чѣмъ въ городѣ, ей-Богу лучше».

И то напряженное состояніе, въ которомъ онъ находился съ самаго утра, значительно подалось, и онъ чувствовалъ себя какъ будто спокойнѣе.

«Вотъ ѣду къ дочкѣ,—слегка иронизировалъ онъ надъ собой,—а отчего же мнѣ и не поѣхать къ дочкѣ? Нельзя же весь вѣкъ дуться. Вѣдь сколько я ни дуйся, а она все же живетъ и будетъ жить по-своему. Что-жъ хорошаго? Можетъ, на нее иной разъ отчай находитъ, что родитель отъ нея отказался. Или, скажемъ, въ несчастье она впадетъ,—къ кому обратиться, ежели собственная кровь отъ нея отвернулась? Извѣстно, я ее по головкѣ гладить не буду, а скажу: Марина, остепенись, подумай о душѣ. Извѣстное дѣло, не похвалю. А только для чего же этакъ-то отъ своего дитяти рыло воротить?»

Трудно сказать, позабылъ ли Нилъ Назаровичъ въ это время о Струповской конторѣ или просто его умъ былъ утомленъ этимъ предметомъ, но за всю дорогу онъ совсѣмъ о ней не думалъ и подъ конецъ своего путеше-

Digitized by Google

ствія, когда поѣздъ сталъ подходить къ Царскому, онъ тоже не вспомнилъ объ этомъ.

Только въ Царскомъ онъ посмотрѣлъ на бумажку, гдѣ былъ записанъ адресъ Марины, спросилъ городового, какъ пройти, и узнавъ, что это недалеко, отправился пѣшкомъ. Онъ остановился передъ хорошенькой дачкой, окруженной высокими деревьями, и, поймавъ какую-то фигуру, вродѣ дворника, спросилъ:

— Тутъ нынче переѣхали?

— Какъ же-съ, переѣхали! — отвѣтила фигура.— Вотъ сейчасъ только устраиваются.

— А ты, любезный, будешь дворникъ?

— Дворникъ и есть.

— Такъ сходи ты, сдѣлай милость, къ госпожѣ и скажи, что пріѣхалъ Нилъ Назаровичъ, такъ и скажи: Нилъ Назаровичъ, а ужъ она знаетъ... и хочетъ повидать ее.

— Я схожу,— отвѣтилъ дворникъ,— мнѣ что-жъ, сходить не трудно, только сейчасъ они не примутъ, потому вовсе еще не устроены.

— А ничего. Ты только вотъ такъ скажи.

Дворникъ ушелъ съ видомъ человѣка, не надѣющагося на успѣхъ. Въ это время Марина, Ступидинъ и Васька самымъ дѣятельнымъ образомъ приводили въ порядокъ внутренность дачи. Надо было совершенно перемѣнить разстановку мебели; кромѣ того, кое-что привезли изъ Петербурга, надо было размѣстить.

— Что тебѣ?—спросилъ Ступидинъ, увидѣвъ вошедшаго и мявшаго свою шапку дворника.

— Тамъ спрашиваютъ барыню.

— Барыню? Кто же такой спрашиваетъ барыню?

— Какой-то человѣкъ. Повидать, говоритъ, желаю.

— А ты бы спросилъ его, кто онъ такой. Надо всегда спрашивать, какъ зовутъ! — поучительно сказалъ Ступидинъ.

— Онъ сказалъ. Объясни, говоритъ, барынѣ, что желаетъ ее повидать Нилъ Назаровичъ.

Digitized by Google

— Нилъ Назаровичъ? — Марина уронила молотокъ, которымъ прибивала какую-то картину, а у Васьки задрожали руки.—Что же это значитъ?—воскликнула Марина.—Это что-нибудь особенное, это не спроста!

— Я уйду!—сказалъ Васька и, не дожидаясь дальнѣйшаго, ушелъ въ самую отдаленную комнату. Нилъ Назаровичъ для него былъ представителемъ всего его прошлаго. Онъ напоминалъ ему о гробахъ, объ ужасной зимѣ, проведенной въ подвальномъ этажѣ, и о страшномъ концѣ его обученія.

— Надо его принять, Марина,—сказалъ Ступидинъ.

— Само собою... Я... я поговорю съ нимъ!—растерянно говорила Марина.

— Но это что-то особенное! Ужъ онъ не даромъ пріѣхалъ.

— Да, не даромъ,—сказала Марина.

— Ну, чего же ты поблѣднѣла? Я думаю, онъ ничего дурного тебѣ не можетъ сдѣлать.

— Ахъ, ты этого не можешь понять. Я всегда блѣднѣю, когда его вижу.

— Попроси сюда этого господина!—сказалъ Ступидинъ дворнику. — Скажи, что Марина Ниловна проситъ его.

Дворникъ ушелъ, а Ступидинъ отправился въ сосѣднюю комнату и притворилъ дверь. Онъ еще недовѣрчиво относился къ посѣщеніямъ Нила Назаровича и рѣшилъ быть насторожѣ.

Странное лицо было у Нила Назаровича, когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ была Марина. Оно было очень серьезно, но въ то же время въ немъ выражалась какая-то нерѣшительность, неувѣренность, и какъ-то тяжело и смѣшно переваливался онъ съ ноги на ногу.

— Здравствуй, Марина! — сказалъ онъ, и Марина тотчасъ разслышала, что въ его намѣреніяхъ нѣтъ ничего ни грознаго, ни вреднаго для нея.

Она поцѣловала у него руку и промолвила:

— Мнѣ такъ пріятно, тятенька, что вы пріѣхали.

Digitized by Google

Я вчера была дома, да васъ не застала. Садитесь, тятенька.

— Да вотъ то-то и оно, что не застала, а кажись бы, отца можно бы и подождать.

— Садитесь, тятенька! — повторила Марина,—я не могла знать, что это вамъ будетъ пріятно.

— Что-жъ... Зачѣмъ же?... не чужая ты мнѣ, а дочь.

Нилъ Назаровичъ посмотрѣлъ на предложенное ему кресло и сѣлъ.

— Извѣстно, не чужая, тятенька. А я какъ увидала, даже перепугалась, думала, не случилось ли что съ маменькой.

— Нѣтъ, ничего... Слава Богу... Кланяется тебѣ... А дачка хорошая. Надо полагать, и денегъ хорошихъ стоитъ, а?

Марина съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣла на него: удивительно, какъ это онъ такъ мирно разговариваетъ.

— Она, тятенька, четыреста рублей стоитъ за лѣто.

— Ого, не дешево!

— Дешевле нельзя.

— А гдѣ же Викентіевъ сынъ? — спросилъ Нилъ Назаровичъ.—Онъ, вѣдь, у тебя живетъ.

— У меня, тятенька... Онъ... его сейчасъ дома нѣтъ... Онъ поправляется послѣ своей болѣзни, а осенью учиться въ школѣ начнетъ.

— Какой же это наукѣ?

— Художеству, тятенька. У него талантъ къ художеству. Картины рисовать будетъ.

— Вотъ оно что! Ну, что-жъ, дай Богъ. Къ нашему ремеслу онъ не приспособленъ. Наше ремесло трудное, не всякому дается.

— Да, тятенька, я дивлюсь, какъ вы можете всю жизнь... Тяжелое ваше ремесло.

— А ты думаешь нѣтъ? Извѣстно тяжелое. Да что-жъ... Лишь бы оно честное было... .

Digitized by Google

Марина опустила взоры, принявъ это замѣчаніе на свой счетъ. Она молчала. Замолкъ и Нилъ Назаровичъ. Кажется, весь матеріалъ для мирныхъ разговоровъ между ними былъ исчерпанъ. Нилъ Назаровичъ какъ-то странно посопѣлъ носомъ, побарабанилъ пальцами по столу, еще разъ оглядѣлъ комнату и, ужъ окончательно не зная что еще сказать, повторилъ:

— Н-да... Дачка, дѣйствительно, хороша.

И опять замолкъ.

«Для чего онъ пріѣхалъ?—думала Марина, — чтобы такъ, безъ всякой цѣли, этого не можетъ быть».

Тутъ Нилъ Назаровичъ вспомнилъ, что онъ до сихъ поръ еще никакого поученія дочкѣ не сдѣлалъ, и подумалъ, что это необходимо. Да кстати и говорить было не о чемъ. Онъ сказалъ:

— А ты, Марина, не раздумала?

— Насчетъ чего, тятенька?

— Насчетъ твоей жизни. Что-жъ, ты думаешь, какъ я пріѣхалъ навѣстить тебя, такъ и по головкѣ буду тебя гладить?

Марина посмотрѣла на него, но не нашла въ его лицѣ никакой суровости. Слова эти говорились какимъ-то безразличнымъ, безхарактернымъ тономъ.

— Я, тятенька, и не надѣюсь на это, а только жизнь свою перемѣнить не могу!—отвѣтила Марина.

— Гм... Такъ, такъ... Значитъ, своимъ умомъ окончательно! Такъ!..

И онъ опять замолкъ и забарабанилъ пальцами по столу. Маринѣ стало тяжело. Она теперь уже не сомнѣвалась, что Нилъ Назаровичъ пріѣхалъ не для того, чтобы сказать ей это маленькое поученіе и справиться о Васькѣ; она чувствовала, что должна что-то такое сдѣлать, чтобы разрядить это неопредѣленное отношеніе, установившееся между ними. И вдругъ у нея въ головѣ явилась мысль, которая, впрочемъ, никогда не покидала ее, но на этотъ разъ она проснулась какъ-то поздно.

Послѣ долгаго молчанія, Марина чрезвычайно осто-

Digitized by Google

рожно, какъ бы боясь, чтобы не обидѣть его своимъ вопросомъ, сказала:

— А вы, тятенька, не передумали?

— Это насчетъ чего же?—въ свою очередь спросилъ Нилъ Назаровичъ.

— Насчетъ моихъ словъ, тятенька.

— Словъ твоихъ было не мало... Да все больше глупости,—слишкомъ ужъ снисходительнымъ тономъ отвѣтилъ Нилъ Назаровичъ.

— Я говорю, тятенька, касательно денежнаго предложенія.

У Нила Назаровича какъ-то неспокойно забѣгали глаза, но онъ сдѣлалъ надъ собой большое усиліе и промолвилъ:

— Гм... Хорошо предложеніе, нечего сказать! Ты бы стыдилась и поминать-то о немъ...

Но Марина слышала, что въ голосѣ его совсѣмъ-совсѣмъ не было той твердости, съ которой онъ отрицалъ ея деньги въ свой первый визитъ. «Что такое съ нимъ?—думала она,—нѣтъ, тутъ что-то скрывается».

— Что-жъ, тятенька, — сказала она,—я только о томъ и мечтаю, чтобъ искупить свою вину. И когда-бъ я увидѣла, что вы на хорошемъ дѣлѣ успокоили вашу старость...

— Хорошее дѣло есть, есть! — съ нѣкоторой живостью заговорилъ Нилъ Назаровичъ, — вотъ Струповъ скончался, а вдова его контору продаетъ, и выгодно, да, выгодно... Такое дѣло, что на него можно рубль на рубль нажить... И ужъ подлинно успокоить старость... Да, дѣло хорошее... Только денежки твои нехорошія... Вотъ что!

— Чѣмъ же онѣ нехорошія, тятенька? Чѣмъ же деньги виноваты? Это я виновата, а деньги что-жъ, онѣ, какъ и всякія... Возьмите, тятенька.

Нилъ Назаровичъ молча отрицательно покачалъ головой.

— Невозможно мнѣ это.

Digitized by Google

— А мнѣ это, тятенька, очень обидно! — сказала Марина.

— Что-жъ дѣлать!

И ужъ теперь между ними воцарилось какое-то безнадежное молчаніе. Марина ужъ подумала, что ошиблась, что Нилъ Назаровичъ въ самомъ дѣлѣ не возьметъ ея денегъ, и стала мысленно искать другой причины его пріѣзда.

А Нилъ Назаровичъ сидѣлъ въ какомъ-то тупомъ состояніи. Онъ видѣлъ, что поступалъ правильно, и въ то же время чувствовалъ, что съ каждымъ словомъ что-то теряетъ, что-то важное выпускаетъ изъ рукъ. Рѣшительно тутъ требовалась какая-нибудь посторонняя сила, чтобы вывести ихъ изъ этого положенія.

И посторонняя сила явилась; она явилась неожиданно для Марины и чрезвычайно изумила Нила Назаровича. Изъ сосѣдней комнаты пріотворилась дверь, и вошелъ Ступидинъ.

— Извините, если я вмѣшиваюсь!—сказалъ онъ, необыкновенно вѣжливо осклабляясь.

Нилъ Назаровичъ всталъ и растерянно смотрѣлъ на Марину, какъ бы ожидая отъ нея объясненія столь страннаго поступка. Но Марина сама была смущена не меньше его и съ изумленіемъ смотрѣла на Ступидина. Ужъ не подумалъ ли онъ, что отецъ угрожаетъ ей, и вышелъ на защиту.

— Извините, — повторилъ Ступидинъ,—я тутъ человѣкъ посторонній и въ ваше родственное дѣло, конечно, не имѣю права вмѣшиваться... Присядьте, пожалуйста! Я только хочу подать свой голосъ.

Нилъ Назаровичъ молча сѣлъ. На него импонировало уже то, что Ступидинъ былъ очень приличнаго вида господинъ, а онъ, въ качествѣ ремесленника, привыкъ все-таки почтительно обращаться съ такими господами, которые являлись передъ нимъ большею частью въ видѣ заказчиковъ.

Digitized by Google

Но Ступидинъ не сѣлъ, а началъ ходить по комнатѣ, какъ бы обдумывая свои слова.

— Я, видите ли, случайно услышалъ, — говорилъ онъ,—рѣчь идетъ у васъ о предметѣ, который можетъ дать сто процентовъ. Вѣдь рубль на рубль, изволили вы сказать?

— Точно! — отвѣтилъ Нилъ Назаровичъ, — только это мы съ дочерью разговаривали промежъ себя.

— Да, но... Я видѣлъ ваше затрудненіе... Насколько я понимаю, вы не хотите взять деньги у Марины Ниловны, находя, что эти деньги... ну, однимъ словомъ... это до меня не касается, это ваше дѣло... Можетъ быть, вы и правы... Но это можно согласить.

— Согласія тутъ не можетъ быть!—изрядно нахмуривъ брови, отвѣтилъ Нилъ Назаровичъ.

— Позвольте! Вамъ неудобно принять отъ нея деньги, это я понимаю. Но этого и не надо. Зачѣмъ же? Это можно устроить иначе: на началахъ обоюдной выгоды.

— Это то есть какъ же?—уже съ замѣтнымъ любопытствомъ спросилъ Нилъ Назаровичъ.

— Очень просто. Если вы говорите, что это дѣло такое выгодное, то вы просто можете взять Марину Ниловны въ компаньоны. Она вкладываетъ свои деньги въ предпріятіе, довѣряетъ вамъ веденіе дѣла и получаетъ свою долю... Такимъ образомъ вы нисколько не обязываетесь передъ нею и въ то же время не упускаете выгоднаго дѣла.

Нилъ Назаровичъ съ живостью задвигался на своемъ креслѣ.

— Это надобно обсудить!—сказалъ онъ.

— Это очень хорошо, тятенька!—замѣтила Марина.

— Да помилуйте, это такъ легко,—съ жаромъ продолжалъ Ступидинъ,—вы будете полнымъ распорядителемъ, но контора будетъ собственно не ваша, она будетъ называться: «Товарищество Акуловъ и Компанія».

— Акуловъ и Компанія!—какъ эхо, повторилъ Нилъ Назаровичъ.—Гм...

Digitized by Google

— И позвольте,—продолжалъ Ступидинъ,—я, конечно, не имѣю права... и вы можете это отвергнуть... Но я, напримѣръ, лично въ такое предпріятіе съ удовольствіемъ помѣстилъ бы свои деньги. Это стоитъ, право. Тогда вы могли бы поставить дѣло на широкую ногу и убить всякую конкуренцію... Признаться, я давно ищу выгодное дѣло, а это... чего же лучше?

— Тятенька, ей-Богу, это отлично...

— Да это, знаете... какъ-то ужъ очень... не думалъ я объ этомъ!—протяжно молвилъ Нилъ Назаровичъ.

— Да помилуйте, это же ясно, какъ день...

И Ступидинъ, уже увлекаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что и онъ можетъ часть бабушкинаго наслѣдства пристроить на сто процентовъ, началъ краснорѣчиво, по пальцамъ, перечислять всѣ выгоды такого товарищества. Ни онъ, ни Марина не будутъ вмѣшиваться въ дѣло, они даже никогда не заглянутъ въ контору. Нилъ Назаровичъ—полный хозяинъ и можетъ на общій капиталъ развивать дѣло какъ хочетъ. Товарищество будетъ на паяхъ, и каждый пай будетъ приносить свою долю прибыли. Впослѣдствіи, когда дѣло разовьется, Нилъ Назаровичъ, если захочетъ, можетъ выкупить его и стать единственнымъ хозяиномъ. Все это будетъ оговорено въ условіи, которое они завтра же составятъ у нотаріуса.

— Оно заманчиво!—промолвилъ Нилъ Назаровичъ, внимательно выслушавъ всѣ доводы Ступидина.

Въ это время Марина какъ-то незамѣтно упорхнула изъ комнаты, и между Акуловымъ и Ступидинымъ завязался чрезвычайно оживленный, чисто-дѣловой разговоръ. Ступидинъ освѣдомился, сколько у него имѣется денегъ въ наличности, прикинулъ, сообразилъ; Нилъ Назаровичъ высказывалъ свои соображенія, появились бумага и карандашъ, посыпались цифры, и какъ-то само собой выработался выводъ, что на первое время будетъ достаточно восемнадцати тысячъ, и такимъ образомъ всѣ участники предпріятія могутъ внести поровну.

— И при этомъ,—говорилъ Ступидинъ,—главное,

Digitized by Google

что вы никому не обязываетесь, даже напротивъ—и я, и Марина Ниловна должны будемъ васъ благодарить за то, что вы дали намъ случай такъ выгодно пристроить наши деньги.

— Да оно такъ, оно такъ,—говорилъ Нилъ Назаровичъ,—это дѣйствительно... Такой оборотъ дѣлу данъ...

А въ груди у него все трепетало отъ радости, что завтра онъ дастъ Макѣеву задатокъ и затѣмъ чуть ли не завтра же сдѣлается хозяиномъ конторы. И радость эта отражалась у него въ глазахъ и щеки у него горѣли румянцемъ.

Часа черезъ два Нилъ Назаровичъ, Ступидинъ и Марина прощались и пожимали другъ другу руки, какъ уважающіе другъ друга компаніоны по выгодному предпріятію, причемъ Нилъ Назаровичъ имѣлъ важное преимущество передъ двумя остальными, какъ будущій директоръ и полный распорядитель.

А послѣ этого Марина бросилась къ Ступидину и сжала его въ своихъ объятіяхъ съ такимъ искреннимъ чувствомъ, какъ никогда еще съ нею не случалось.

— Какой ты умный!—восклицала она,—какъ это хорошо ты все устроилъ!

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого событія на одной изъ петербургскихъ улицъ, гдѣ прежде была вывѣска, гласившая о томъ, что контора «Вѣчное упокоеніе» принадлежитъ Струпову, красовалась другая вывѣска, совсѣмъ новая и подлиннѣе прежней, и на ней, на черномъ фонѣ серебряными буквами, была надпись: «Контора погребальныхъ процессій «Вѣчное упокоеніе» товарищества Акуловъ и К°».

При этомъ всѣ легко могли замѣтить, что контора значительно расширилась. Подъ нею теперь была половина этажа. Пять оконъ съ цѣльными стеклами были украшены блестящими вѣнками съ бѣлоснѣжными лентами, а на шестомъ, приходившемся какъ разъ посрединѣ, стоялъ чудный оловянный высеребренный гробъ, выписанный изъ-за границы. Все было заново отдѣлано, а за

Digitized by Google

высокою конторкой всегда можно было найти Нила Назаровича Акулова въ свѣжемъ воротничкѣ, въ длинномъ черномъ сюртукѣ. Втеченіе двухъ предшествовавшихъ недѣль помѣщеніе расширялось и видоизмѣнялось, причемъ всѣ слесарныя работы были произведены искусною рукой слесаря Викентія.

Этажомъ выше, въ небольшой квартирѣ о четырехъ комнатахъ, помѣщалось семейство Нила Назаровича. Въ самой конторѣ часто можно было видѣть Андрея. Онъ подросъ, одѣлся въ пиджачокъ и свѣтлыя брюки, завелъ себѣ крахмальные воротнички и манжеты и старательно пріучался къ дѣлу, состоя помощникомъ Нила Назаровича.

Ни Ступидинъ, ни Марина никогда не появлялись въ конторѣ. Но съ первыхъ же недѣль они убѣдились, что деньги ихъ пристроены какъ нельзя лучше. Марина довольно часто появлялась у подъѣзда, но, подымаясь по лѣстницѣ, проходила мимо конторы. Она навѣщала Анну Степановну, съ которой у нея установились самыя дружескія отношенія. Анна Степановна говорила про себя, что она теперь «на покоѣ». Подъ ея вѣдѣніемъ была кухарка, которой она, по старой привычкѣ возиться въ кухнѣ, только дѣлала указанія.

Весь гробовщицкій міръ былъ изумленъ совершившеюся перемѣной. Но когда узналъ о ней талантливый, можетъ быть даже въ своемъ родѣ геніальный, но въ то же время легкомысленный, Фуксъ, то ударилъ себя ладонью по лбу и воскликнулъ:

— Ахъ, чортъ этакій! Такъ это онъ тогда въ «Отрадѣ» не спроста разспрашивалъ, а на усъ моталъ! Гм... Значитъ, нашелся человѣкъ, который, золотые мои, даже такого мошенника, какъ Фуксъ, обошелъ.

Сообщили объ этомъ и Луизѣ Антиповнѣ. Можетъ быть первый разъ въ жизни она съ завистью посмотрѣла на Марину.

— Эхъ,—сказала она,—еслибъ у меня были деньги, такъ и я бы ихъ пристроила туда. Да только у меня

Digitized by Google

никогда больше десяти рублей въ карманѣ не бываетъ. Ужъ такъ бьюсь, такъ бьюсь...

А Марина при этомъ подумала о несправедливости судьбы, которая ее, едва смыслящую въ искусствѣ, такъ отлично устроила, а бѣдную Луизу Антиповну, солидную танцорку, прекрасно знающую свое дѣло, заставляетъ всю жизнь бѣгать по урокамъ и вѣчно нуждаться. И за что?— за то, что у нея, Марины, красивая мордашка, а Луизѣ Антиповнѣ перевалило за сорокъ.

Съ наступленіемъ осени Васька сталъ ходить въ рисовальную школу, и тамъ на первыхъ же порахъ признали, что у него есть способности. Онъ былъ безконечно доволенъ своею судьбой, вѣчно сидѣлъ съ бумагой и карандашомъ и обожалъ Марину.

Но не слѣдуетъ думать, что, съ пріобрѣтеніемъ обширной конторы, Нилъ Назаровичъ совершенно покинулъ подвальный этажъ на Петербургской Сторонѣ. Тамъ осталась у него мастерская. Она тоже расширилась, занявъ и тѣ комнаты, которыя прежде были подъ жильемъ. Только въ спальнѣ, гдѣ Нилъ Назаровичъ и Анна Степановна провели почти весь свой супружескій вѣкъ, теперь поселился Ероѳей, который сдѣлался главнымъ мастеромъ. Петръ выдѣлился и открылъ свою маленькую мастерскую на Выборгской Сторонѣ. Появились новые рабочіе, которые никогда не оставались безъ дѣла. Мастерская поставляла товаръ въ контору, но не отказывалась и отъ нѣкоторыхъ небольшихъ заказовъ для небогатыхъ покойниковъ Петербургской Стороны.

Перемѣна ея судьбы состояла только въ томъ, что теперь она уже принадлежала не Нилу Назаровичу Акулову, а «Товариществу похоронныхъ процессій «Вѣчное упокоеніе» подъ фирмой Акуловъ и К°», о чемъ и была сдѣлана соотвѣтствующая надпись на большой вывѣскѣ, помѣщавшейся надъ входомъ въ подвальный этажъ.

Digitized by Google

МИШУРИСЪ.

(Изъ жизни маленькихъ людей).

I.

Сегодня въ головѣ Ицека такое множество мыслей, что даже непостижимо, какъ онѣ всѣ тамъ помѣщаются. И вѣдь голова-то у него совсѣмъ маленькая, до того маленькая, что, когда онъ покупаетъ себѣ на базарѣ картузъ изъ чернаго плиса, что случается въ семь лѣтъ одинъ разъ, то приходится сдѣлать на немъ складку, — до того онъ широкъ, а меньше ужъ нѣтъ во всемъ городѣ.

Ицекъ и самъ удивляется, какъ это голова можетъ выдержать такой сильный напоръ. Мысли перекатываются въ ней изъ конца въ конецъ, цѣпляются другъ за дружку, шуршатъ и жужжатъ, какъ маленькіе жучки.

Такой день выпалъ. Милліонъ заботъ и все надо устроить съ такимъ же совершенствомъ, какъ Ицекъ всегда устраивалъ, всегда, т. е. всю жизнь. А его короткая, широкая, очень густая борода, почти совсѣмъ уже бѣлая, значитъ, жизнь имѣла достаточно времени, чтобы показать ему себя. Еслибъ Ицекъ считалъ годы, то навѣрно насчиталъ бы ихъ болѣе шестидесяти. Но онъ предпочелъ бы считать деньги, а денегъ у него не было, поэтому онъ ничего не считалъ.

Да, много важныхъ дѣлъ предстоитъ сегодня Ицеку, но онъ этого не боится. Онъ не боится и Бороха, съ

Digitized by Google

которымъ вчера вышла такая непріятная исторія. Онъ боится только господина Френкеля. Френкель—хозяинъ гостиницы и потому можетъ сдѣлать, что захочетъ. А вчера вечеромъ онъ разсердился и сказалъ: «Я этого не позволю. Я васъ обоихъ вышвырну за дверь». И очень легко можетъ вышвырнуть. Для этого надо только, чтобы онъ захотѣлъ.

Виноватъ былъ, разумѣется, Борохъ,—Ицекъ совсѣмъ не былъ виноватъ. Странный человѣкъ этотъ Борохъ! Кажется, ужъ столько лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, что надо бы сдѣлаться умнымъ, а онъ все дуракъ. Отъ этого у него и практика плохая. А онъ, вмѣсто того, чтобы стараться, мечтаетъ, т. е. думаетъ не о томъ, что есть и что возможно, а о томъ, чего нѣтъ и никогда не будетъ. Сруль (этотъ ужасный Сруль, ужасный тѣмъ, что онъ очень уменъ и ловокъ, что въ ихнемъ дѣлѣ, гдѣ все достигается умомъ и ловкостью, опасно)—Сруль у него изъ подъ носа вытаскиваетъ такія дѣла, которыя, можно сказать, были уже у него, у Бороха, въ карманѣ. Вчера офицеръ, который остановился въ 23 номерѣ, пожелалъ купить тысячу папиросъ, чтобъ они были хороши и дешевы. Это всегда легко сдѣлать, и на этой тысячѣ Борохъ могъ бы нажить, по крайней мѣрѣ, 60 копѣекъ, Борохъ—при его небольшомъ умѣ, а человѣкъ съ такимъ большимъ умомъ, какъ у Сруля, и больше. Сруль это доказалъ. Борохъ сбѣгалъ въ лавку и принесъ оттуда папиросы, подъ названіемъ «губернаторскія», а офицеръ ихъ не принялъ, потому что онъ могъ это сдѣлать и безъ Бороха: пошелъ въ лавку и купилъ. А Сруль тутъ какъ тутъ, принесъ папиросы безъ всякаго названія и безъ... ну, да зачѣмъ говорить? и заработалъ цѣлый карбованецъ,—однимъ словомъ—умный человѣкъ.

Вчерашняя исторія съ Борохомъ вышла изъ-за такого предмета, что даже странно сказать: изъ-за полковницы Стыдовской. Какъ будто полковница—какая-нибудь пара старыхъ сапогъ, которую можно продать или промѣнять на трубку. Ицекъ уже много лѣтъ практикуетъ

Digitized by Google

у полковницы. Ну, онъ не говоритъ, что это невыгодно, онъ прямо всѣмъ говоритъ: выгодно. Полковница пріѣзжаетъ въ городъ раза два въ мѣсяцъ, и ужъ Ицекъ всякій разъ отъ нея наживаетъ не меньше, какъ три рубля, и это ужъ самое малое, но случается и четыре, и пять, и шесть. За два дня—это очень хорошо. Правда, въ эти два дня онъ никакой другой практики имѣть не можетъ, потому что надо бѣгать для полковницы съ утра до поздней ночи. За эти два дня полковница выжметъ изъ него всѣ соки, но зато вѣрный заработокъ, потому что она платитъ благородно.

И Борохъ присталъ къ нему. Онъ сказалъ:

— Ицекъ, уступи мнѣ полковницу.

Ицекъ посмотрѣлъ на него, какъ на сумасшедшаго. Сперва онъ принялъ это за шутку, но потомъ увидѣлъ, что Борохъ говоритъ серьезно. Онъ возразилъ:

— Это мнѣ нравится! Почему же ты не говоришь, чтобъ я уступилъ тебѣ свой кафтанъ? а?

— Нѣтъ, Ицекъ, кафтанъ у меня есть, а полковница... это другое дѣло. Ты уже довольно отъ нея поживился, надо и другому...

— Да ты, Борохъ, и въ самомъ дѣлѣ съ ума сошелъ. Съ какой стати я откажусь отъ своего счастья? Этого ни одинъ человѣкъ, если только онъ не дуракъ, не сдѣлаетъ...

— Я не хочу даромъ,—сказалъ Борохъ,—я заплачу тебѣ отступного. Я дамъ тебѣ пять рублей и даже могу сейчасъ достать деньги...

— Отстань отъ меня, Борохъ, съ этими глупостями.

Но Борохъ не отставалъ. На другой день онъ прибавилъ рубль, только съ условіемъ, что Ицекъ сейчасъ получитъ пять, а остальной рубль черезъ недѣлю. А вчера, узнавши, что утромъ должна пріѣхать полковница, Борохъ началъ просто изъ себя выходить. Онъ уже давалъ семь рублей и былъ очень взволнованъ. Конечно, всякому пріятно имѣть такой вѣрный заработокъ. Онъ плакалъ, говорилъ, что у него 11 душъ дѣтей и ихъ кормить

Digitized by Google

нечѣмъ (и это правда), и, наконецъ, началъ кричать и ругаться и дошелъ до того, что пообѣщалъ убить Ицека.

Ицекъ не зналъ, что ему дѣлать. Все это происходило вечеромъ въ полутемномъ коридорѣ гостиницы, гдѣ они, сидя на длинномъ сундукѣ съ горбатой крышкой, проводили свою жизнь, въ ожиданіи порученій отъ пріѣзжихъ господъ. Они кричали и бранились на своемъ странномъ языкѣ, на которомъ, конечно, не говорили ни Авраамъ, ни Исаакъ, ни Іаковъ и никто другой изъ праотцевъ, и это было ужасно, потому что многіе изъ постороннихъ уже легли спать. Какой-то чахоточный чиновникъ, пріѣхавшій изъ Кіева для какой-то ревизіи, выскочилъ изъ своего номера въ туфляхъ и въ бѣльѣ, крайне раздраженный, стрѣлой побѣжалъ въ контору и заявилъ, что онъ коллежскій ассесоръ и пожалуется губернатору, что такъ нельзя обращаться съ публикой, что это не гостиница, а кабакъ.

Вотъ тогда-то господинъ Френкель и разсердился, выбѣжалъ въ коридоръ съ красной рожей и съ раздувшимися ноздрями и объявилъ, что онъ этого не позволитъ и вышвырнетъ ихъ обоихъ за дверь. При этомъ онъ извинился передъ коллежскимъ ассесоромъ, указывая на Ицека и Бороха, что виноватъ не онъ, а «вотъ эти паршивыя дряни». Борохъ понялъ, разумѣется, что ему грозитъ опасность потерять мѣсто на длинномъ сундукѣ съ горбатой крышкой,—а вѣдь тутъ вся его жизнь,—и замолчалъ. Но Френкель очень разсердился и даже не захотѣлъ разговаривать съ Ицекомъ, когда тотъ пытался объяснить ему, что виноватъ не онъ, а Борохъ.

Впрочемъ, Френкель отходчивъ и, должно быть, сегодня уже все забылъ. А полковница пріѣдетъ по желѣзной дорогѣ въ 8 часовъ. Ицекъ знаетъ это навѣрно. Онъ вчера встрѣтилъ на конскомъ базарѣ приказчика изъ имѣнія полковницы и тотъ сказалъ ему.

Это хорошо, что онъ узналъ заранѣе. Полковница любитъ, чтобъ все было готово. Онъ зайдетъ въ гостиницу и попроситъ приготовить номеръ. Кстати 8-й но-

Digitized by Google

меръ, въ которомъ почему-то любитъ останавливаться полковница,—хотя у Френкеля всѣ номера одинаково грязны,—свободенъ. Потомъ онъ возьметъ коляску, которая будетъ ждать на вокзалѣ, и, когда полковница появится, кучеръ скажетъ:

— Пожалуйте, ваше превосходительство.

Это все надо предусмотрѣть. Въ томъ и ремесло.

Теперь семь часовъ. Славное утро. Тихо, прохладно, хотя черезъ полчаса начнется іюльская жара и будетъ душно. На базарѣ толкотня. Хохлы, пріѣхавшіе изъ деревень, успѣли уже продать свои продукты: молоко, творогъ, масло, капусту, лукъ, выпили магарычъ и теперь, подвыпивши, говорятъ вдвое громче, размахиваютъ руками и всячески шумятъ. Евреи въ длинныхъ полыхъ кафтанахъ (ихъ много въ городѣ) снуютъ между возами и подъ шумокъ дѣлаютъ свои маленькіе, но ужасно хитрые гешефты. Хозяйки и кухарки съ корзинами покупаютъ провизію и торгуются громко, на весь базаръ. Нищіе обходятъ торговокъ и вымаливаютъ свой завтракъ.

Все это на Ицека производитъ подбадривающее дѣйствіе. Онъ любитъ движеніе. Онъ самъ всю жизнь былъ въ движеніи, и видъ оживленнаго базара, гдѣ люди такъ или иначе зарабатываютъ свой хлѣбъ, пріятно волнуетъ, даже вдохновляетъ его.

Онъ идетъ въ гостиницу и думаетъ: «ну, что Борохъ? пришелъ ли онъ уже? сидитъ ли на сундукѣ съ горбатой крышкой, или боится еще Френкеля». Въ сущности ему жаль Бороха, потому что онъ — несчастный человѣкъ. Онъ потому несчастный человѣкъ, что взялся не за свое дѣло. Какой же онъ мишурисъ? У мишуриса долженъ быть тонкій умъ, это прежде всего. Кромѣ того, мишурисъ долженъ знать все: и гдѣ что купить подешевле, и гдѣ что продать подороже. Онъ долженъ также понимать человѣка, онъ долженъ тонко понимать человѣка: иному можно предложить, что угодно, все возьметъ, лишь бы подешевле. А бываютъ такіе господа, что принесешь ему табакъ въ газетной бумагѣ, онъ сейчасъ

Digitized by Google

возьметъ, да и отвезетъ околоточному. Настоящій мишурисъ, мишурисъ съ врожденными способностями къ своему дѣлу, никогда не попадется. Онъ только взглянетъ въ лицо человѣку и сейчасъ же видитъ, что за господинъ. А Борохъ, бѣдный, глупый Борохъ, сколько разъ онъ попадался!

Но это далеко не всѣ мысли, какія были въ головѣ у Ицека, и это даже были не главныя мысли. Онъ поставилъ ихъ на первый планъ потому, что ихъ нужно было привести въ исполненіе раньше другихъ. Но главныя мысли были семейныя. Къ его третьей дочери (двѣ уже были замужемъ) присватался женихъ... Впрочемъ, объ этомъ онъ будетъ думать основательно послѣ того, какъ уѣдетъ полковница, потому что много зависитъ отъ того, сколько она дастъ ему заработать. Дорогой женихъ, очень дорогой. Хочетъ сорокъ рублей деньгами. Это надо достать. Конечно, изъ того, что онъ пообѣщаетъ, еще не слѣдуетъ, что онъ непремѣнно дастъ эту сумму. Дать можно половину или, для круглаго счета, 25 карбованцевъ, но пообѣщать надо всѣ 40, иначе онъ не женится. А это очень важно—выдать дочь замужъ. Уже двѣ младшія подросли и тоже жениховъ требуютъ. Выдастъ Ривку, надо искать для Сарры, а потомъ и для Хаи. Женихъ у Ривки неважный, даже просто скверный женихъ. Молодой человѣкъ, а спереди уже зубовъ нѣтъ,—куда онъ ихъ дѣвалъ? Ицеку больше 60-ти, а зубы, какъ у крысы. Да, прежде люди дѣлались крѣпче. Что изъ него будетъ черезъ 10—20 лѣтъ, изъ этого Хилкиса (такъ его зовутъ)? Онъ мѣдникъ и жестянщикъ, должно быть, это отъ ремесла. Всѣ мѣдники и жестянщики такіе. Зарабатываетъ мало. 40 рублей ему нужны, чтобы открыть свою мастерскую. Гм... мастерская! Это гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ сядетъ и будетъ запаивать кастрюли и лудить самовары, которые принесутъ кухарки. Копѣекъ тридцать въ день заработаетъ. Да, плохо жить бѣдному еврею, такъ же плохо, какъ богатому хорошо. Вотъ Френкелю хорошо жить. А вѣдь началъ съ того, что былъ мишу-

Digitized by Google

рисомъ при этой самой гостиницѣ. Хозяинъ умеръ, а хозяйка въ него влюбилась, онъ женился и сдѣлался хозяиномъ. Теперь хозяйка у него и пикнуть не смѣетъ. Вотъ какой характеръ! И оттого, должно быть, Френкель такъ презрительно смотритъ на мишурисовъ и такъ обидно съ ними разговариваетъ: повернется бокомъ и говоритъ, а въ глаза никогда не посмотритъ. Оттого, что самъ прежде былъ мишурисомъ. Это всегда такъ бываетъ. Еще какимъ мишурисомъ былъ Френкель! Его главныя дѣла были по женской части... Тьфу!.. Ицекъ этого не любитъ. Онъ, конечно, исполняетъ всякія порученія, потому что мишурисъ долженъ все дѣлать, на то онъ и мишурисъ. Если бы кто-нибудь захотѣлъ проѣздиться на немъ верхомъ, то пришлось бы подставить спину. Съ этого живешь. Но это противно, то-есть то, чѣмъ особенно занимался Френкель. Да, а теперь какой важный господинъ! Сидитъ въ конторѣ и командуетъ. На немъ открытый жакетъ и бѣлая жилетка, а на толстомъ животѣ тяжелая золотая цѣпь съ золотыми часами. На пальцахъ перстни съ брилліантами и изумрудами. Борода у него клиномъ, усы кверху, волосы стрижетъ низко, а прежде пейсы носилъ и длинный кафтанъ, какъ всѣ порядочные евреи въ городѣ. Деньги портятъ человѣка.

— Вотъ и гостиница. Гм... странно! Борохъ ходитъ по улицѣ взадъ и впередъ. Не впустили его, что ли? Вотъ это хорошо! Можетъ быть, и его, Ицека, не впустятъ? Что-жъ тогда будетъ?

— Добрый день, Борохъ,—говоритъ Ицекъ на томъ языкѣ, котораго не знали праотцы.

Борохъ не только не отвѣчаетъ, но даже не смотритъ на него. Однако, онъ, значитъ, не на шутку разсердился.

— Почему-жъ ты молчишь, Борохъ? Развѣ я тебѣ сдѣлалъ какое-нибудь зло? можетъ быть, ты думаешь, что это черезъ меня тебя не пускаютъ? Ты думаешь, что я просилъ Френкеля объ этомъ? И не думалъ. Я

Digitized by Google

всегда желаю тебѣ хорошихъ заработковъ, Борохъ, только я же не виноватъ, что у тебя нѣтъ такого тонкаго ума, который нуженъ для мишуриса...

Но Борохъ не пожелалъ слушать, онъ надменно заложилъ руки за спину и горделиво пошелъ въ другую сторону.

Да, подумалъ Ицекъ,—это правда, что деньги портятъ человѣка, но и нужда тоже портитъ. Вотъ у Бороха дѣла плохи, очень плохи. Я это знаю. И онъ мнѣ позавидовалъ. Теперь врагами будемъ. А сколько лѣтъ сидѣли на одномъ сундукѣ и курили скверный табакъ изъ одной трубки!

Онъ больше не тревожилъ Бороха и пошелъ въ гостиницу. Его впустили. Привратникъ даже не подумалъ остановить его и привѣтливо сказалъ на томъ же языкѣ: «Здравствуй, Ицекъ».

— Сегодня будетъ полковница! — отвѣтилъ Ицекъ вмѣсто привѣтствія, потому что это было лучше всякаго привѣтствія. Отъ полковницы всѣмъ хорошо перепадало.— А Бороха не впускаютъ?

— Не велѣлъ. Вчера очень напугалъ его чиновникъ...

— Ай-ай-ай, жалко Бороха. Что онъ будетъ ѣсть?

— Онъ дуракъ,—отвѣтилъ привратникъ.—Не умѣетъ вести свои дѣла. А ты скажи хозяину, что полковница будетъ, онъ тогда станетъ добрѣе и проститъ Бороха.

— Я скажу.

Френкель сидѣлъ уже въ конторѣ и ѣлъ какое-то очень сложное кушанье, составленное изъ овощей, селедки и маслинъ съ большимъ количествомъ лука и перца. Передъ нимъ стояла водка, настоянная на лимонныхъ коркахъ, и пиво въ бутылкѣ. Онъ наслаждался, это было видно по его лицу. Глаза его горѣли и ноздри слегка раздувались. Онъ былъ въ томъ состояніи, когда человѣкъ не способенъ обидѣть ближняго, хотя бы этотъ ближній былъ даже мишурисъ.

Digitized by Google

— Добрый день, господинъ Френкель! — сказалъ Ицекъ.—Я пришелъ объявить вамъ, что сегодня будетъ полковница Стыдовская. Сейчасъ я привезу ее съ желѣзной дороги.

Френкель улыбнулся.

— А ты, Ицекъ, должно быть, депешу отъ нея получилъ?—пошутилъ онъ.

— Вродѣ того, — отвѣтилъ шуткой Ицекъ.—Такъ надо 8-й номеръ приготовить...

— Вели номерному, пусть приготовитъ.

— Господинъ Френкель,—промолвилъ Ицекъ, помолчавъ немного: — а бѣдный Борохъ по улицѣ ходитъ... Его не впускаютъ...

— Ну, да, я хотѣлъ проучить его... Этотъ Борохъ никуда не годится. Мишурисъ? какой онъ мишурисъ? Ему изъ подъ курицъ вынимать яйца и торговать ими, а не мишурить. Пускай его впустятъ.

Ицекъ быстро спустился по деревянной лѣстницѣ и вышелъ на улицу.

— Борохъ, — кликнулъ онъ. — Иди, Френкель простилъ тебя. Ну, иди же.

Но Борохъ продолжалъ ходить, заложивъ руки за спину, какъ будто и не слышалъ.

— Онъ, кажется, помѣшался, этотъ Борохъ,—сказалъ Ицекъ, обратившись къ привратнику.

— Нѣтъ, это онъ гордость показываетъ. Онъ потомъ войдетъ, когда ты уйдешь.

Ицекъ пожалъ плечами. Какая у мишуриса можетъ быть гордость? Онъ сбѣгалъ наверхъ, распорядился, чтобъ приготовили 8-й номеръ, и затѣмъ пустилъ свои тонкія, длинныя ноги скорымъ маршемъ, держа путь на вокзалъ.

Когда Ицекъ скрылся, Борохъ дѣйствительно вошелъ въ гостиницу и занялъ свое мѣсто на сундукѣ съ горбатой крышкой, ожидая, когда проснется кто-нибудь изъ жильцовъ и дастъ ему какое-нибудь грошевое порученіе.

Digitized by Google

II.

Ицекъ, весь мокрый, пришелъ къ вокзалу, когда осталось минутъ пять до прихода поѣзда. Онъ ужасно спѣшилъ. А у него еще было дѣло. Надо было выбрать коляску получше. Слѣдуетъ, впрочемъ, сказать, что въ скверномъ губернскомъ городѣ извозчичьи коляски были превосходны. Трудно понять, почему это такъ: чѣмъ хуже городъ, тѣмъ лучше коляски. Но зато возницы были одѣты нищими, и когда они, съ кнутами въ рукахъ, обступали пріѣзжаго, предлагая ему свои услуги, то онъ могъ принять это за нападеніе разбойниковъ.

Ицекъ выбралъ такого, у котораго были сапоги, и сказалъ ему:

— Ты стой тутъ и жди. Ты повезешь полковницу. Хорошая госпожа. Она тебѣ отлично заплатитъ...

Черезъ минуту онъ уже былъ на платформѣ и съ волненіемъ смотрѣлъ по полотну желѣзной дороги въ ту сторону, откуда долженъ былъ показаться поѣздъ. Когда онъ увидѣлъ вдали дымокъ, то старательно оправилъ свой кафтанъ, надвинулъ на затылокъ плисовый картузъ и осторожно пригладилъ волосы на вискахъ.

Поѣздъ пришелъ. Ицекъ побѣжалъ къ единственному вагону 1-го класса и, не давъ даже поѣзду остановиться какъ слѣдуетъ, вихремъ влетѣлъ туда. Вагонъ былъ пустъ. Только два дивана были завалены подушками и узлами, при видѣ которыхъ сердце Ицека начало усиленно биться, какъ будто все это принадлежало его дорогимъ родственникамъ. Онъ узналъ вещи полковницы и сейчасъ же снялъ картузъ и сдѣлался ниже ростомъ.

Полковница была не одна, а съ взрослой дочерью и 9-ти-лѣтнимъ племянникомъ.

— Ицекъ?—съ изумленіемъ воскликнули они всѣ разомъ:—Ицекъ? Онъ тутъ.

— О, Ицекъ будетъ вездѣ, гдѣ только надо, чтобъ онъ былъ для полковницы.

Этой фразой Ицекъ началъ свою службу мишуриса

Digitized by Google

и очень хорошо началъ. Онъ низко поклонился и прибавилъ:

— Не угодно ли пожаловать! Вещи всѣ будутъ въ исправности! Коляска готова...

— Ахъ, Ицекъ, Ицекъ! Какое же ты золото!—воскликнула полковница:—но какъ же ты узналъ, что мы пріѣдемъ?

— О, мнѣ приснилось это!—почтительно шутилъ Ицекъ, съ удивительнымъ искусствомъ забирая своими длинными, цѣпкими руками десятки вещицъ, которыя, какъ казалось, занимали такъ много мѣста.—И даже номеръ готовъ, 8-й номеръ, любимый номеръ полковницы.

Полковница была тронута этой заботливостью. Уже за полчаса до остановки ее начала мучить мысль о томъ, что надо звать носильщика, смотрѣть за узлами, чтобы они не растерялись, потомъ искать извозчика, а они всѣ такіе разбойники... Но съ той минуты, какъ она увидѣла передъ собой длинную, хотя и нѣсколько наклоненную, фигуру Ицека, она вдругъ почувствовала, что съ души ея упало бремя. Ицекъ здѣсь, значитъ, все сдѣлано. Никакихъ хлопотъ, ничего не растеряешь, ничѣмъ не огорчишься.

Ицекъ шелъ впереди, весь обвѣшанный узлами, подушками и сумками, которые, казалось, сами цѣплялись за него, какъ будто живые, а полковница съ дочкой и племянникомъ слѣдовали за нимъ. Онъ ежеминутно оглядывался и повторялъ:

— Пожалуйте за мной, сюда, сюда! Я самую лучшую коляску взялъ, какая только есть въ городѣ. У губернатора такой нѣтъ. Вотъ вы увидите.

Коляска, разумѣется, оказалась самой обыкновенной. Ицекъ посадилъ въ нее полковницу съ дѣвицей и мальчикомъ, а самъ съ узлами сѣлъ въ простую бричку, которая стоила дешевле. Минутъ черезъ 20 они были въ гостиницѣ.

Хотя полковница занимала всего только одинъ номеръ о 2-хъ комнатахъ, но Ицекъ наполнилъ полковни-

Digitized by Google

цею всю гостиницу. Онъ стрѣлой мчался изъ 8-го номера въ контору, въ кухню, во дворъ, таскалъ полотенца, воду, мыло, посуду. Онъ спотыкался и путался въ фалдахъ своего кафтана, но, казалось, не замѣчалъ этого. Во всѣхъ концахъ раздавались его возгласы:

— Полковницѣ то-то! Неси въ 8-й номеръ! Полковница требуетъ того-то...

Весь міръ въ эти минуты для него олицетворялся въ полковницѣ, и онъ совершенно забылъ, что въ гостиницѣ есть другіе постояльцы. Онъ предоставилъ ихъ Бороху и Срулю. Полковница была его добыча.

Когда въ 8-мъ номерѣ всѣ вымылись и переодѣлись и полковница съ своими родственниками, по разсчету Ицека, засѣла за столъ съ самоваромъ, Ицекъ сталъ у двери въ коридорѣ и терпѣливо ждалъ, пока его позовутъ для приказаній. Сруль въ это время обрабатывалъ дѣла въ двухъ коридорахъ одновременно, успѣвая дѣлать разомъ десять дѣлъ, въ чемъ помогалъ ему его тонкій умъ, а Борохъ сидѣлъ на сундукѣ съ мрачнымъ видомъ и исподлобья смотрѣлъ на счастливаго товарища.

Онъ рѣшительно не одобрялъ Ицека. Къ чему эта суетливость? И развѣ это дѣло мишуриса—носить воду и посуду, бѣгать въ кухню и тащить самоваръ? Для этого есть номерной. Мишурисъ долженъ обрабатывать болѣе тонкія дѣла. Размышляя такимъ образомъ, Борохъ не сознавалъ, что въ немъ говоритъ зависть и что еслибъ ему какимъ-нибудь чудомъ досталась полковница, то онъ чистилъ бы ей башмаки, если нужно—заплеталъ бы ей косу и дѣлалъ парикмахерскую прическу и, ужъ конечно, не отходилъ бы отъ двери ни на шагъ. Но у Бороха сегодня не было еще никакого заработка, а дома онъ не оставилъ ни гроша, поэтому онъ не могъ быть справедливымъ.

Ицекъ, въ свою очередь, смотрѣлъ на него и думалъ о томъ, какой онъ несчастный. Вѣдь вотъ, поди, хитроумный Сруль уже за это время заработалъ не одинъ гривенникъ, а онъ, Борохъ, сидитъ у моря и ждетъ по-

Digitized by Google

годы. Сруль не ждетъ, Сруль самъ себѣ отыскиваетъ практику. Онъ зорко слѣдитъ за каждой изъ дверей, выходящихъ въ оба коридора гостиницы, и прислушивается къ каждому шороху за этими дверями. Слухъ у него тонкій, какъ у зайца, и когда раздался легкій скрипъ кровати, онъ по неуловимому оттѣнку чувствуетъ, повернулся ли постоялецъ просто на другой бокъ, чтобы опять заснуть, или у него есть намѣреніе встать. Въ первомъ случаѣ онъ не безпокоитъ. Зачѣмъ? Это вѣрный способъ только разсердить господина и быть отосланнымъ къ чорту. А это совсѣмъ не въ его интересахъ. Нѣтъ, онъ подождетъ, пока господинъ совсѣмъ проснется; тогда онъ осторожно надавливаетъ ручку двери и пробуетъ—отперта ли дверь? Если нѣтъ, онъ ждетъ, когда позовутъ лакея, и входитъ вслѣдъ за лакеемъ. Если же дверь отперта, онъ чуть-чуть пріотворяетъ ее и, устроивъ себѣ щелочку, наблюдаетъ, дѣйствительно ли господинъ проснулся. Если это была ошибка, дверь съ такою же осторожностью затворяется, и Сруль терпѣливо ждетъ дальнѣйшихъ примѣтъ, подходя въ это время къ другимъ дверямъ и прислушиваясь къ нимъ.

Но вотъ совершенно очевидно, что господинъ проснулся. Сруль пріотворяетъ дверь нѣсколько больше и старается скрипнуть ею; если же этого не выходитъ, кашляетъ, прикрывъ ротъ рукою. Господинъ приподымается на постели и поворачиваетъ голову.

— Кто тамъ?

Но на первый окликъ отвѣта не получается; вмѣсто него въ дверяхъ появляется какой-то острый рыжій клинъ,—это срулева борода, а изъ за улыбающихся губъ выглядываютъ крупные желтые зубы.

— Кто такой?—повторяется вопросъ уже съ оттѣнкомъ изумленія.

— Это я, господинъ,—тихо, таинственно заявляетъ Сруль:—это только я.

Послѣ этого дверь пріотворяется больше и въ нее

Digitized by Google

просовывается уже половина Сруля, т. е. голова, правое плечо, рука, правый бокъ, нога.

— Что тебѣ надо?—сурово спрашиваетъ постоялецъ, оглядывая съ ногъ до головы странную фигуру.

— Мнѣ ничего... А, можетъ, господину что-нибудь надо? Я все могу достать...

Въ это время Сруль незамѣтно просовываетъ свою особу въ дверь больше и больше и, наконецъ, оказывается весь въ комнатѣ и тотчасъ притворяетъ за собою дверь. Когда ему это удалось, онъ уже считаетъ себя до извѣстной степени побѣдителемъ. По крайней мѣрѣ, онъ знаетъ навѣрное, что его не такъ-то легко выслать за дверь. Онъ не теряетъ времени и сейчасъ же, пока постоялецъ не освоился съ положеніемъ, начинаетъ перечислять прелести, которыми онъ думаетъ плѣнить господина.

— Можетъ быть, надо мыла, настоящаго заграничнаго мыла, или духовъ, которые пахнутъ, какъ розы... или табакъ, пастоящій турецкій табакъ, и совсѣмъ за безцѣнокъ; а если господинъ любитъ сигары, то я могу предоставить такія, что пс... (при этомъ Сруль цѣлуетъ собственные пальцы). Прямо изъ самой Вѣны привезены и такъ дешево, такъ дешево, какъ даромъ... Если господину нужно, чтобъ я сбѣгалъ и купилъ что-нибудь, такъ ужъ я куплю самое лучшее, что только есть на свѣтѣ... А то, можетъ быть, что-нибудь продать. Я и это могу, какъ никто не можетъ сдѣлать; а если господинъ (онъ оглядывается и сильно понижаетъ голосъ)....

— Пошелъ вонъ отсюда!—гнѣвно кричитъ господинъ, цѣломудріе котораго возмущено послѣднимъ предложеніемъ. Но Сруль, разумѣется, и не думаетъ уходить. Онъ продолжаетъ стоять у дверей и только извиняется, простирая къ гнѣвному господину обѣ руки.

— Ну, извините, господинъ... Я же не знаю, что кому надо. Ну, если не нужно, такъ и не нужно... Я могу и по всякой другой части... Зачѣмъ же обижаться, добрый господинъ? Одному нужно то, а другому это...

— Ахъ, негодяй! Скажите пожалуйста, что онъ

Digitized by Google

предлагаетъ!—возмущается постоялецъ:—да я тебя за это въ полицію, я тебя...

Онъ встаетъ съ постели, обнаруживая намѣреніе надѣть сапоги, какъ бы затѣмъ, чтобы вести Сруля въ полицію и обвинить въ оскорбленіи общественной нравственности. Сруль со всѣхъ ногъ бросается подъ кровать, достаетъ оттуда сапогъ и, любовно стеревъ съ него пыль рукавомъ собственнаго кафтана, подставляетъ господину такимъ образомъ, что тому остается только впихнуть туда ногу.

— Это что такое?—спрашиваетъ тотъ, по всей вѣроятности чувствуя, какъ его обезоруживаютъ.

— Такъ вамъ будетъ удобнѣе, господинъ. Право, такъ удобнѣе будетъ.

— Оставь, не надо...

Но гнѣвъ уже исчезъ. Какъ можно сердиться на человѣка, который подаетъ вамъ сапоги въ то время, когда вы грозите предать его въ руки полиціи?

Сруль ставитъ сапогъ, но весьма неохотно. Очевидно, это ему доставило огорченіе. Какъ бы для того, чтобъ хоть сколько-нибудь утѣшить себя, онъ достаетъ изъ подъ кровати другой сапогъ, точно также стираетъ съ него пыль рукавомъ кафтана и ставитъ его рядомъ съ первымъ.

— И много васъ тутъ такихъ негодяевъ?—спрашиваетъ господинъ, натягивая сапоги на ноги.

Сруль осклабляется, придавая этому значеніе шутки.

— Насъ много,—говоритъ онъ, подавая господину жилетъ и брюки съ такимъ привычнымъ видомъ, словно онъ подавалъ все это ему впродолженіе многихъ лѣтъ.—Насъ много, да не всякій съумѣетъ, какъ слѣдуетъ, обдѣлать дѣло. Это надо имѣть умъ.

— Ишь ты!

— Да, надо имѣть много ума, чтобы всякому угодить. Вотъ господинъ хотѣлъ выгнать меня и въ полицію отдать, а между прочимъ, я съумѣлъ расположить... И, можетъ, для какого-нибудь дѣла послужу...

Digitized by Google

— Такъ, такъ. А ну-ка, слей мнѣ воды на руки... Мыло-то какое отчаянное...

— Такъ у меня же есть мыло... Хмм... какое мыло? Прямо отъ французской королевы. Я сейчасъ.

И Сруль, чувствуя, что онъ уже начинаетъ быть полезенъ, а скоро станетъ необходимъ, мчится за мыломъ отъ французской королевы, потомъ сливаетъ воду на руки господину, затѣмъ угощаетъ папиросой, навязываетъ ему табакъ, потомъ провожаетъ пріѣзжаго при осмотрѣ города и вообще не даетъ ему сдѣлать ни одного шага безъ его помощи. Если это человѣкъ дѣловой, онъ впутывается въ его дѣла; если это человѣкъ, ищущій развлеченій, онъ приноситъ ему билеты, однимъ словомъ, работаетъ надъ нимъ безъ устали. И за это ему въ концѣ концовъ даютъ какую-нибудь мелочь, да на мылѣ и табакѣ онъ что-нибудь заработаетъ, и живетъ себѣ Сруль на свѣтѣ.

Борохъ этого не умѣетъ дѣлать. Онъ тоже пріотворяетъ дверь и тоже просовываетъ бороду, но когда ему скажутъ: «пошелъ вонъ» (а съ этого начинается довольно часто), то онъ тотчасъ же скрывается и опять занимаетъ свое мѣсто на сундукѣ.

И у Сруля есть постоянные кліенты, вродѣ полковницы у Ицека, это ближайшіе помѣщики, имѣющіе постоянныя дѣла въ городѣ; но, разумѣется, такихъ доходныхъ, какъ полковница,—нѣтъ. Только Борохъ, несчастный Борохъ, лишенный тонкаго ума, не съумѣлъ пріобрѣсти себѣ ничего прочнаго, а между тѣмъ для него это было крайне необходимо, потому что оскудѣніе доходовъ совпало съ особеннымъ случаемъ, когда они всего нужнѣе. Въ то время, какъ у Ицека выросла дочь, которая была одна изъ девяти, у Бороха подросъ сынъ, который былъ одинъ изъ одиннадцати. Борохъ находилъ, что онъ славный мальчикъ и отличный стекольщикъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что онъ дѣлалъ стекло; нѣтъ, онъ только рѣзалъ его алмазомъ и вставлялъ въ рамы при помощи замазки. Но это все равно,—все-таки онъ

Digitized by Google

былъ отличный стекольщикъ и во всѣхъ отношеніяхъ нравился Бороху, и Борохъ хотѣлъ доставить ему высшее счастье, какого только можетъ достигнуть человѣкъ на землѣ: женить его. Онъ держался мнѣнія, что человѣкъ, пока онъ не женился, въ сущности, еще не человѣкъ, и вотъ онъ хотѣлъ сдѣлать своего сына человѣкомъ.

Женить сына, въ особенности, если онъ отличный стекольщикъ, гораздо легче, чѣмъ выдать замужъ дочь,— это не подлежитъ сомнѣнію. Но все же этого никакъ нельзя сдѣлать, если въ домѣ нѣтъ ни одного гроша, а домъ Бороха именно былъ въ такомъ положеніи: населеніе его было неисчислимо, а денегъ вовсе не было. Вотъ почему Борохъ смотрѣлъ такъ мрачно, и вотъ почему онъ уже за нѣсколько дней передъ этимъ обнаруживалъ крайнее волненіе, и умъ его, и безъ того не отличавшійся тонкостью, помрачился до того, что онъ началъ мечтать о невозможномъ и даже неестественномъ,—чтобъ Ицекъ, ни съ того, ни съ сего, отказался отъ своего блага и уступилъ это благо ему. Конечно, человѣку съ непомраченнымъ умомъ никогда бы это не пришло въ голову.

Но сказать, что Борохъ былъ мраченъ, это мало. Въ то время, какъ Ицекъ стоялъ у двери восьмого номера, оправляя кафтанъ и прихорашивая волосы на вискахъ, онъ кидалъ на него такіе острые взгляды, какъ будто думалъ, что это стрѣлы, которые пронзятъ Ицека въ самое сердце.

Кажется, что Борохъ что-то замышляетъ. Рѣшительно, у него что-то такое сидитъ въ головѣ.

III.

Ицекъ долго стоялъ у двери восьмого номера и, наконецъ, ему показалось, что о немъ просто забыли. Тогда онъ тихонько постучалъ въ дверь.

— Кто тамъ?—послышался голосъ полковницы.

Digitized by Google

— Это я... Ицекъ.

— А, Ицекъ? Ну, такъ войди же.

Ицекъ вошелъ. Всякій другой на его мѣстѣ, увидѣвъ то, что онъ увидѣлъ, тотчасъ ушелъ бы или по крайней мѣрѣ повернулся бы лицомъ къ двери. Но Ицеку это даже въ голову не пришло. Онъ нашелъ, что это въ порядкѣ вещей. Всякій дѣлаетъ то, что ему надо. Ему надо получить отъ полковницы какія-нибудь порученія, потому что онъ отъ этого что-нибудь заработаетъ, а полковницѣ надо кончать туалетъ—это ея дѣло.

Полковница же, которая въ свое время училась въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и знала подробно всѣ правила приличія, разсуждала такъ: Ицекъ? Развѣ онъ мужчина? Ицекъ — мишурисъ и только. Поэтому она, когда вошелъ Ицекъ, осталась передъ зеркаломъ въ одной бѣлой юбкѣ и въ тонкой рубашкѣ, которая совсѣмъ сползла съ одного плеча, а она въ это время заплетала косу.

Полковница была дама лѣтъ за сорокъ, очень моложавая и недурна лицомъ. Она давно уже овдовѣла и замужъ не собиралась, но любила еще красиво наряжаться и кокетничать съ мужчинами, преимущественно военными, обладающими чиномъ не ниже полковничьяго. Она къ Ицеку не обернулась, да въ этомъ и не было надобности, потому что онъ весь отражался въ зеркалѣ, въ которое и она глядѣлась, и онъ видѣлъ ее всю въ томъ же зеркалѣ. Дочь и племянникъ сидѣли за столомъ на диванѣ и пили чай. И они тоже, очевидно, находили, что Ицекъ не мужчина, а только мишурисъ, и что его нельзя стѣсняться.

— Ицекъ,—сказала полковница,—можешь ты мнѣ найти модный журналъ, самый послѣдній?

— Моду?—спросилъ Ицекъ: — чтобы Ицекъ не нашелъ? да онъ найдетъ вамъ такую отличную моду, какой и у губернаторши нѣтъ...

— Нѣтъ, ты насчетъ моды не безпокойся, Ицекъ,

Digitized by Google

потому что ты въ ней ничего не понимаешь, а ты мнѣ найди журналъ.

Ицекъ пожалъ плечами.

— Ицекъ не понимаетъ? Ицекъ все понимаетъ!— проворчалъ онъ, и это было его глубокое убѣжденіе: всѣми признано, что Ицекъ хорошій мишурисъ. Въ этомъ давно уже никто не сомнѣвается, а въ такомъ случаѣ— какъ же онъ можетъ что-нибудь не понимать?

— Журналъ?—спросилъ онъ.—Послѣдній журналъ?

— Да, послѣдній модный журналъ. Въ этомъ дрянномъ городѣ ничего порядочнаго не достанешь. Только у одного портного, у Мовши Капсуля, и есть. Остальные шьютъ по своей фантазіи.

— Мовша Капсуль? Я знаю Мовшу Капсуля. Я могу къ нему сбѣгать, я могу сію минуту сбѣгать. Это тутъ два шага... Онъ для полковницы дастъ.

И Ицекъ уже повернулся, чтобъ сейчасъ же исполнить порученіе.

— Нѣтъ, нѣтъ... это нельзя. Прошлый разъ, когда я пріѣзжала, этотъ негодяй испортилъ мнѣ лифъ, и я его прогнала. Теперь, конечно, онъ не дастъ. Вѣдь онъ гордый... Первый портной! Скажите, пожалуйста!..

— Не дастъ!—съ сожалѣніемъ промолвилъ Ицекъ.

— Не дастъ. Нѣтъ, ты это сдѣлай какъ-нибудь отъ себя... Ну, ужъ это тамъ твое дѣло, Ицекъ, а ты долженъ достать мнѣ послѣдній журналъ.

— И я думаю, долженъ... Ицекъ все долженъ достать и достанетъ!—отвѣтилъ Ицекъ съ напускной увѣренностью. Онъ еще не зналъ, какимъ образомъ ему удастся провести Мовшу Капсуля, перваго портного.

— Ну вотъ. Такъ ты этимъ и займись. Ступай же.

— И больше ничего? — съ удивленіемъ спросилъ Ицекъ.

— Тамъ увидимъ. Мнѣ журналъ нуженъ.

— Хорошо, я достану журналъ.

Ицекъ сталъ пятиться, но въ его движеніяхъ видна была явная неохота. Не любилъ онъ такихъ порученій.

Digitized by Google

Что можно нажить на этомъ журналѣ? Ровно ничего. И что такое этотъ журналъ? Картинка какая-нибудь? Онъ любилъ что-нибудь купить или продать. Тутъ ужъ непремѣнно что-нибудь наживешь. А журналъ... ну, а все-таки его надо достать.

Когда Ицекъ вышелъ въ коридоръ, мимо его съ чрезвычайно дѣловитымъ видомъ пробѣжалъ Сруль, выбѣжавъ изъ одного номера и прошмыгнувъ въ другой. Очевидно, онъ, пользуясь тѣмъ, что Ицекъ сосредоточился на полковницѣ, захватилъ всю гостиницу, а Борохъ въ это время сидѣлъ на сундукѣ и въ лицѣ его было столько мрачнаго страданія, что Ицеку сдѣлалось жаль его; онъ подождалъ, когда изъ номера вышелъ Сруль, и, отведя его въ сторону, тихо сказалъ:

— Слушай, Сруль, у тебя большая практика? а?

— Есть!—самодовольно отвѣтилъ Сруль. — Такъ у тебя же полковница, это получше всякой практики.

— Ну, да, я ничего и не говорю, а я говорю: ты далъ бы что-нибудь Бороху... Ну, что-нибудь тамъ пустое... А то онъ, бѣдный, чуть не плачетъ, ему не везетъ... я не могу дать, потому что у меня полковница.

— Ну, — воскликнулъ Сруль: — что мнѣ за дѣло? Развѣ это я его сдѣлалъ такимъ дуракомъ... Онъ совсѣмъ глупъ, этотъ Борохъ... Я же не виноватъ, что онъ глупъ...

И Сруль убѣжалъ. «Онъ безсердечный, этотъ Сруль. Охъ, какой жохъ!» подумалъ Ицекъ, и ему еще больше сдѣлалось жаль Бороха. Онъ былъ бы готовъ раздѣлить полковницу на части и одну часть, конечно, меньшую, отдать Бороху. Но это было невозможно.

Онъ вышелъ на улицу и сталъ обдумывать планъ предстоящихъ дѣйствій. Журналъ, журналъ! Вѣдь вотъ же, оказывается, есть такія вещи на свѣтѣ, которыхъ не знаетъ мишурисъ. Можетъ быть, это выкройка? Или матерія такая? Кого бы разспросить? Конечно, въ городѣ, среди его знакомыхъ, есть люди, которые хорошо зна-

Digitized by Google

ютъ, что такое журналъ, потому что у Ицека есть знакомство среди образованныхъ людей; но развѣ онъ можетъ тратить столько времени на разысканіе этихъ людей, когда онъ долженъ не терять ни минуты? Вѣдь полковница проживетъ въ городѣ какихъ-нибудь два-три дня, и ему нужно изъ каждой минуты извлечь хоть маленькую пользу.

А Капсуль дѣйствительно жилъ въ двухъ шагахъ. Его мастерская помѣщалась на главной улицѣ, на самомъ чистомъ мѣстѣ, какое только было въ городѣ. На этой же улицѣ были сосредоточены всѣ лучшія учрежденія, какъ-то: лучшая аптека, лучшій ресторанъ, дворянскій клубъ и лучшіе магазины. И мостовая на этой улицѣ была такого рода, что по ней можно было ѣздить, рискуя только здоровьемъ, а не жизнью, чего нельзя было сказать про другія улицы. Въ хорошую погоду здѣсь толпились горожане, заглядывая въ окна магазиновъ и передавая другъ другу городскія сплетни. Словомъ, улица эта замѣняла и бульваръ, и клубъ. Очень естественно, что на ней помѣстился и главный портной. Надъ дверью была большая вывѣска золотыми буквами: «дамскій портной изъ Кіева Мовша Капсуль». А по обѣ стороны входной двери красовались длинныя и широкія доски, на которыхъ были изображены сцены изъ жизни Мовши Капсуля, указывающія и на его спеціальность. Съ правой стороны была нарисована дама съ чрезвычайно длинной шеей и короткими руками; лицо у нея было совершенно бѣлое. На ней было платье со шлейфомъ такой невѣроятной длины, что для него на вывѣскѣ не хватало мѣста, и онъ, очевидно, не доведенный до конца, внезапно прекращался. Мовша Капсуль (по всей вѣроятности, это былъ онъ) стоялъ передъ нею на колѣняхъ и снималъ мѣрку сантиметромъ. Съ лѣвой стороны сцена изображала эпизодъ изъ внутренней жизни мастерской главнаго портного. Тотъ же самый Мовша стоялъ надъ столомъ съ большими ножницами въ рукахъ; передъ нимъ пышными складками стелилась голу-

Digitized by Google

бая матерія неопредѣленнаго качества, а онъ, очевидно, что-то изъ нея выкраивалъ.

Ицекъ постоялъ съ минуту передъ окнами, любуясь сидѣвшими въ мастерской и усердно работавшими иголками подмастерьями въ однихъ жилетахъ, и подумалъ: «должно быть, Мовша Капсуль зарабатываетъ больше, чѣмъ мишурисъ. Вишь, сколько у него работы. Хорошо быть портнымъ, а въ особенности первымъ портнымъ».

Въ это время одинъ изъ подмастерьевъ повернулся къ окну и, увидѣвъ Ицека, привѣтливо кивнулъ ему головой. Ицекъ сперва не узналъ его, но, приглядѣвшись, понялъ, что это Лейба Безикъ, который приходился ему даже родственникомъ. «Какъ же это я забылъ,—подумалъ онъ,—что Безикъ шьетъ у Капсуля? Развѣ это не то, что мнѣ нужно? Безикъ непремѣнно сдѣлаетъ мнѣ это. Онъ троюродный племянникъ Анны, тетки моей жены, онъ долженъ мнѣ это сдѣлать». И съ этой мыслью Ицекъ вошелъ въ мастерскую перваго портного.

Капсуль былъ тутъ, въ первой комнатѣ, гдѣ принимали посѣтителей. Онъ стоялъ за стойкой и отмѣривалъ матерію отъ штуки. Онъ, конечно, сейчасъ же узналъ Ицека, котораго всѣ въ городѣ знали. Ицекъ былъ такой давній мишурисъ при гостиницѣ, что, когда встрѣчались съ нимъ, тотчасъ непремѣнно думали о гостиницѣ. Это все равно, что увидѣть издали колокольню: сейчасъ же всякій догадается, что тутъ должна быть и церковь, и непремѣнно объ этомъ подумаетъ. И Капсуль, увидѣвъ Ицека, сказалъ:

— А, мишурисъ! Здравствуй. Ну, что, какъ у васъ тамъ въ гостиницѣ? А? Господинъ Френкель еще не лопнулъ отъ жира?

— Нѣтъ, онъ не лопнулъ. Добрый вамъ день, господинъ Капсуль. Господинъ Френкель никогда не лопнетъ. Господину Френкелю хорошо.

— Я думаю, хозяиномъ гостиницы быть лучше, чѣмъ факторомъ.

— Я тоже думаю такъ, господинъ Капсуль.

Digitized by Google

— Ну, а ты, Ицекъ, пришелъ заказать платье для своей дочки?—снисходительно пошутилъ Капсуль.

Ицекъ усмѣхнулся. — Нѣтъ, — сказалъ онъ, — моя дочка изъ Парижа выписываетъ себѣ платья. Вамъ не угодить ей, господинъ Капсуль. Она у меня капризная.

И онъ самъ разсмѣялся надъ своей выдумкой, которая развеселила и Капсуля. Это уже было хорошо, потому что, когда человѣку весело, онъ бываетъ добрѣе. Ицекъ хорошо зналъ человѣка. Это входило въ кругъ обязанностей мишуриса. Вѣдь вся должность его была построена на знаніи человѣческихъ слабостей. Онъ прибавилъ:

— Я хотѣлъ бы сказать два слова Безику.

— Безику! Развѣ онъ тебѣ пріятель?

— Онъ мнѣ даже родственникъ, господинъ Капсуль.

— А! Я не зналъ. Ну, а скажи, твоя полковница еще не пріѣзжала?

— Какая же она моя полковница? Она не моя!— сказалъ Ицекъ. — Сегодня я ей практикую, а завтра Сруль, а тамъ Борохъ, ей все равно... Нѣтъ, не пріѣзжала, господинъ Капсуль. Еслибъ пріѣхала, такъ ужъ непремѣнно къ вамъ бы съ заказомъ пришла... Ужъ безъ этого полковница не можетъ обойтись.

— Ну, нѣтъ, она не придетъ. Ужъ это я вѣрно знаю, что полковница ко мнѣ не придетъ.

— Какъ? почему же она не придетъ?—спросилъ Ицекъ и при этомъ очень искусно принялъ видъ человѣка, который ничего не знаетъ о трагической исторіи, происшедшей между Капсулемъ и полковницей по поводу испорченнаго лифа.

— О, ужъ это такъ. Полковница никогда ко мнѣ не заглянетъ, потому что мы съ ней поссорились. А я вотъ посмотрю, кто ей сошьетъ платье. Я это посмотрю. Она вздорная.

— Да, это есть немного...

— Ну, вотъ и ты замѣтилъ... Такъ пройди туда. Безикъ тамъ... Я не зналъ, что онъ тебѣ родственникъ.

Digitized by Google

— Да, онъ родственникъ моей жены, — сказалъ Ицекъ и прошелъ въ сосѣднюю комнату, притворивъ для осторожности дверь за собою. Тутъ сидѣло человѣкъ шесть рабочихъ, всѣ безъ сюртуковъ, а только въ жилетахъ, всѣ съ иголками и съ шитьемъ. На столѣ, вокругъ котораго они всѣ расположились, на проволочной подставкѣ стоялъ утюгъ, отъ котораго вѣяло теплomъ.

Ицекъ отозвалъ родственника въ сторону и сказалъ такъ тихо, какъ только могъ:

— Лейба, окажи мнѣ услугу...

— Ну?—промолвилъ Безикъ.

— Я тебѣ потомъ объясню. Только мнѣ нуженъ послѣдній журналъ...

— На что онъ тебѣ?

— Такъ, нуженъ. Я потомъ объясню. И всего только на полчаса! Понимаешь? И ты не думай, Безикъ, что это какъ-нибудь такъ... Я тебѣ заработать дамъ... Ну, тамъ немного, много я не могу, я самъ бѣдный, ты же знаешь, но все-жъ-таки не даромъ... Ужъ ты такъ это, для родственника сдѣлай... Анни тебѣ кланяется, я ее видѣлъ сегодня, и Сарра тоже... И Ривка спрашивала, какъ онъ поживаетъ, Безикъ, и отчего не заходитъ? Такъ ты сдѣлай это, Лейба.

— Гм... А ты думаешь, это легко, Ицекъ?—задумчиво спросилъ Безикъ.—Это очень трудно. Столько глазъ смотритъ, а самые большіе глаза у Капсуля. Ты же знаешь! Журналъ это его секретъ. Онъ въ строгомъ секретѣ держитъ его.

— Ну, какъ-нибудь, Лейба! Мнѣ безъ этого нельзя. Ты знаешь, я мишурисъ,—мишурису нельзя, чтобъ онъ чего-нибудь не досталъ. Это скандалъ.

— Я знаю. Ну, я постараюсь для тебя, Ицекъ; я не говорю, что сдѣлаю, а только хорошо постараюсь. Ты же знаешь, я для тебя готовъ. Но не сейчасъ, а такъ черезъ полчаса. Я пойду домой кушать, а ты заходи ко мнѣ. Если удастся, ты получишь. Только не

Digitized by Google

понимаю, Ицекъ, зачѣмъ тебѣ журналъ... Можетъ быть, для Ривкиной свадьбы платье будешь шить? а?

— О! Вотъ сказалъ! Развѣ я могу? Развѣ я такой богачъ? Нѣтъ, это другое... Я потомъ объясню тебѣ. Такъ я зайду, Лейба.

Проходя черезъ первую комнату, Ицекъ скромно поклонился Капсулю и сказалъ:

— Желаю вамъ здоровья, господинъ Капсуль, прощайте.

— Ну что, поговорилъ съ Безикомъ? — спросилъ Капсуль.—Я никогда не мѣшаю. Я не препятствую. Когда есть дѣло, отчего не поговорить?

— Э, тамъ пустяки, пустой разговоръ...

И онъ вышелъ на улицу. Черезъ три минуты Ицекъ былъ уже въ гостиницѣ. Когда онъ вошелъ въ коридоръ, то первымъ дѣломъ увидѣлъ, разумѣется, Бороха. Но странно, что Борохъ, остававшійся и на этотъ разъ, повидимому, безъ дѣла, не сидѣлъ на сундукѣ, а съ волненіемъ ходилъ взадъ и впередъ, выбравъ для этой прогулки очень маленькое пространство въ коридорѣ. А при его появленіи онъ быстро подошелъ къ большому окну, выходившему въ грязный гостиничный дворъ, и сталъ глядѣть въ него, повернувшись спиной къ Ицеку.

Ицекъ, однако, не придалъ этому значенія. Онъ подумалъ, что Бороху просто надоѣло сидѣть на сундукѣ съ горбатой крышкой, и вотъ онъ сталъ ходить, а потомъ ходить надоѣло, такъ онъ сталъ глядѣть въ окно. Что-жъ дѣлать, когда человѣку не везетъ и если онъ не за свое дѣло взялся?.. И Ицекъ увѣренной рукой, какъ человѣкъ, уже исполнившій дѣло, которое для всякаго другого было неисполнимо, постучалъ въ дверь 8-го номера.

— Это я, это Ицекъ!—сказалъ онъ успокоительнымъ тономъ, имѣя въ виду то обстоятельство, что если дамы не совсѣмъ въ порядкѣ, то, узнавъ, что это Ицекъ, онѣ не станутъ безпокоиться.

Digitized by Google

Онъ стоялъ въ ожиданіи, держась за ручку двери, и до его чуткаго слуха долетѣлъ такой разговоръ:

— Это Ицекъ стучитъ, тетя. Что ему сказать?— спросилъ племянникъ, очевидно, изъ первой комнаты.

— Да его просто прогнать слѣдуетъ, этого негодяя,—отвѣтила полковница изъ другой комнаты.

Ицекъ вытянулся и глаза его сдѣлались такими большими, какими никогда не были; «что такое?—мысленно воскликнулъ онъ:—Ицека прогнать? Ицекъ негодяй? Ицекъ?»

— Нѣтъ, мама, какъ же можно? Надо сперва разобрать дѣло,—возразила дочь.

— А, что... стану я еще разбирать. Этотъ пародъ... отъ него всего ожидать можно...

— Что такое? что такое?—думалъ Ицекъ, просто отказываясь вѣрить тому, что у него есть уши и что онъ дѣйствительно слышитъ ими все это. «Дѣло? какое дѣло? сейчасъ только разговоръ былъ... любезность и все, какъ слѣдуетъ, и послѣдній журналъ, и вдругъ... Это просто чудо какое-то».

— Нѣтъ, все же...—промолвила дочь:—такъ нельзя. Можетъ быть, это и неправда.

— Ну, ладно... Позови его. Позови, Митя!

— Ицекъ, войди!—крикнулъ племянникъ.

Ицекъ вошелъ, но въ головѣ его въ это время стоялъ какой-то туманъ, а по спинѣ пробѣгала струя холода. Онъ ничего не понималъ. Это походило на скверный сонъ. Только во снѣ, въ скверномъ снѣ можетъ показаться, что полковница, съ которой у него столько было дѣлъ, которая такъ довѣряла ему, можетъ говорить о немъ такимъ образомъ. Развѣ не полчаса тому назадъ она поручила ему достать послѣдній журналъ? Развѣ это не такъ? Или, можетъ быть, всего этого не было? Можетъ быть, онъ еще не вставалъ сегодня съ постели. Онъ спитъ еще и ему все это кажется? Можетъ быть, онъ вовсе и не мишурисъ, и не Ицекъ? Тутъ все можетъ быть, потому что это сверхъестественно.

Digitized by Google

Совершенно подавленный, Ицекъ даже забылъ о послѣднемъ журналѣ и о своемъ блестящемъ дѣлѣ у Капсуля, онъ просто перезабылъ въ эту минуту все, что когда-нибудь зналъ, и стоялъ у двери молча, съ необыкновенно глупымъ видомъ.

— Эй, послушай ты! Ты какъ это смѣешь разсказывать про меня такія гадости?—грозно набросилась на него полковница, выйдя изъ спальни.—Безстыдникъ ты старый!

Ицекъ захлопалъ вѣками.—Я?.. про васъ... я про госпожу полковницу, про ваше превосходительство?.. Гадость?.. О, это что-то небывалое... Развѣ я дуракъ или сумасшедшій, чтобъ про такую личность говорить?..— съ большимъ чувствомъ промолвилъ Ицекъ.

— Ну, да, разсказывай. Ты отлично умѣешь прикидываться святымъ; тебя допускаютъ такъ близко, тебѣ довѣряютъ, передъ тобой не стѣсняются, а ты гадости сочиняешь, будто у полковницы плохое бѣлье.

— У полковницы плохое бѣлье?—съ ужасомъ воскликнулъ Ицекъ.—Ай-ай-ай! Этого даже дуракъ не можетъ подумать.

— Какъ? Ты не разсказывалъ, что видѣлъ на моей рубашкѣ заплаты и что чулки у меня въ дыркахъ?

— Чулки?.. въ дыркахъ?..

Ицекъ поднялъ плечи и развелъ руками, и вся его фигура выразила глубочайшее недоумѣніе и непониманіе. Если бы онъ былъ не въ столь трагическомъ положеніи, то былъ бы очень смѣшонъ.

— Ты не разсказывалъ этого Бороху?

— Бороху? Это Борохъ сказалъ?

— Да, Борохъ сказалъ это.

— Борохъ!

Ицекъ поблѣднѣлъ, потому что понялъ все. Ужъ онъ болѣе не выражалъ недоумѣнія, его тонкая фигура не корчилась и не принимала смѣшныхъ формъ. Лицо его было серьезно и печально. Онъ произнесъ дрожащимъ голосомъ, съ чувствомъ глубокой жалости:

Digitized by Google

— Борохъ—несчастный человѣкъ... Онъ только несчастный...

IV.

Да, Ицекъ понялъ все и почти точно представилъ себѣ все, какъ было.

Борохъ задумалъ это дѣло еще утромъ, а, можетъ быть, даже вчера, послѣ того, какъ Ицекъ наотрѣзъ отказался продать ему полковницу, а затѣмъ Френкель, вслѣдствіе его бурнаго поведенія, которое обезпокоило пріѣзжаго коллежскаго ассесора, выгналъ его вонъ. У несчастнаго старика, которому такъ страшно не везло, въ сущности, потому, что онъ пристроился не къ своему дѣлу, злоба давно уже накипала въ сердцѣ. Всѣмъ бѣднымъ людямъ скверно живется на свѣтѣ. Но когда у человѣка есть умъ, то все же онъ какъ-нибудь изворачивается. И Ицеку скверно живется, и Срулю неважно. Развѣ это хорошо, если человѣкъ, чтобъ добыть пропитаніе на сегодня, долженъ быть и лошадью, и осломъ, и собакой, и кошкой, и даже соловьемъ, а иной разъ и тѣмъ долженъ быть, что даже и назвать неловко? Нѣтъ, это не значитъ хорошо. Человѣку надо быть человѣкомъ, а не всякой дрянью. Но, по крайней мѣрѣ, у Ицека и у Сруля отъ этого какой-нибудь заработокъ есть. А у Бороха ничего нѣтъ, или такъ мало, что все равно, что ничего. А Борохъ старикъ, да еще взялъ и для чего-то размножился непомѣрно. Ну, положимъ, это не отъ него—это отъ Бога. Человѣкъ можетъ долго терпѣть. Ни одно животное не можетъ терпѣть такъ долго, какъ человѣкъ. Но наконецъ и онъ не выдерживаетъ и озлобляется.

Борохъ озлобился и его небольшой умъ померкнулъ. Это видно было давно, а вчера совсѣмъ обнаружилось. Онъ потерялся и сталъ, должно быть, считать Ицека причиной всѣхъ своихъ бѣдствій. А тутъ еще вышло такое дѣло, что Ицекъ долженъ былъ отказать ему въ

Digitized by Google

его сумасшедшемъ требованіи—продать полковницу за семь рублей... Вотъ Борохъ и рѣшилъ своимъ помраченнымъ умомъ: «если я наговорю на Ицека какую-нибудь скверность, то полковница прогонитъ его и дастъ мнѣ практику».

Борохъ долго думалъ надъ тѣмъ, что сказать на Ицека. Не даромъ онъ безъ дѣла сидѣлъ на горбатомъ сундукѣ. Свободнаго времени у него было много. Къ тому же и злоба, она всегда помогаетъ человѣку придумать дурное. Онъ и придумалъ. И какъ только Ицекъ вышелъ отъ полковницы и отправился искать послѣдній журналъ, Борохъ постучался въ 8-й номеръ и его впустили. Мишуриса всегда впускаютъ.

— Что ты скажешь, Борохъ?—спросила полковница, которая, хотя никогда не давала порученій Бороху, тѣмъ не менѣе знала его очень хорошо.

Борохъ смотрѣлъ исподлобья и голосъ у него былъ какой-то сухой и неровный.

— Имѣю къ вамъ особенное дѣло!—сказалъ онъ.

— Вотъ какъ? особенное?

— Особенное!—подтвердилъ Борохъ.—Имѣю дѣло на Ицека.

— Что такое на Ицека?

— Ицекъ нехорошій человѣкъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да, у Ицека языкъ нехорошій... Онъ, какъ приближенное лицо, можетъ видѣть, а потомъ разсказывать...

— Что-о? Что же такое разсказываетъ Ицекъ?

— Даже сказать обидно... Нехорошо разсказываетъ...

— Ну, ничего, ничего... началъ, такъ говори все...

— Насчетъ бѣлья говорилъ... Будто въ заплатахъ... такъ и сказалъ: полковница только сверху, напоказъ, дорого одѣвается, а на рубашкѣ заплаты...

— Онъ съ ума сошелъ!

— Должно быть, сошелъ... А чулки всѣ въ дыркахъ...

Digitized by Google

— Какой негодяй!—воскликнула полковница, сверкая глазами.—И это Ицекъ, Ицекъ, которому я всегда довѣряла... Вотъ какіе вы всѣ мерзавцы...

— Мы не всѣ; только Ицекъ такой.

— Ну, какъ же! И ты такой же!..

— Нѣтъ, я могу честно служить...

— Ахъ, негодяй Ицекъ! а? Какъ вамъ понравится? У меня бѣлье въ заплатахъ, чулки въ дырьяхъ? Ну, спасибо, что сказалъ! Можешь убираться.

— Я могу честно служить!—повторилъ Борохъ свою фразу, которая собственно и была цѣлью всего предпріятія.

— Ахъ, да мнѣ же ничего не надо. Какой ты надоѣдливый, Борохъ! Уходи, пожалуйста.

— Я могу все исполнить, госпожа полковница,—пролепеталъ Борохъ голосомъ, въ которомъ уже слышалось отчаяніе.

— Да убирайся ты къ чорту!—наконецъ не выдержала и выругалась полковница.

Борохъ посмотрѣлъ на нее сверкающими глазами и вышелъ. Съ этой минуты онъ, не останавливаясь, ходилъ по коридору, переживая муки человѣка, который сдѣлалъ безполезную подлость.

Ицекъ произнесъ свою фразу о Борохѣ дрожащимъ голосомъ, съ чувствомъ глубокой жалости, но полковница этого не замѣтила. Можетъ быть, она и замѣтила, но не придала этому значенія, подумавъ: «знаемъ мы эти штуки». Поэтому она сказала:

— Нѣтъ, нечего вилять теперь! Ай, какой ты подлый, Ицекъ! Я никогда отъ тебя не ожидала.

— Ицекъ подлый? Нѣтъ, Ицекъ никогда не былъ подлымъ,—съ горячимъ убѣжденіемъ промолвилъ Ицекъ.

— Такъ значитъ Борохъ подлый? Кто-нибудь изъ двухъ...

— Нѣтъ, и Борохъ не подлый! Борохъ несчастный...

— Да что ты свои глупости зарядилъ: несчастный да несчастный? Ужъ что-нибудь да было. Ужъ что-ни-

Digitized by Google

будь такое ты разсказывалъ. Не могъ же это онъ все выдумать.

— Какъ же не могъ, когда онъ выдумалъ?

— И ты ничего подобнаго не говорилъ?

— Пускай я буду не Ицекъ, а самая паршивая собака, если я говорилъ.

— И ты при Борохѣ скажешь это?

— При милліонѣ тысячъ Бороховъ.

— Хорошо!—Полковница отворила дверь въ коридоръ и крикнула:—иди сюда, Борохъ.

Борохъ вошелъ не спѣшно и безшумно и остановился у самой двери, плотно прижавшись къ ней спиной, какъ будто хотѣлъ занять какъ можно меньше пространства въ комнатѣ. Онъ не смотрѣлъ ни на полковницу, ни на Ицека, а, какъ казалось, внимательно разсматривалъ солнечное пятно, дрожавшее на полу. Лицо его было блѣдно, въ глазахъ игралъ неровный, неспокойный блескъ.

— Борохъ,—сказала полковница,—ты можешь повторить то, что говорилъ про Ицека?

— Могу повторить!—глухо произнесъ Борохъ.

— Ну, вотъ!

— Что же ты знаешь про Ицека? — спросилъ самъ Ицекъ, съ глубокой жалостью глядя на печальную фигуру товарища.

Борохъ не взглянулъ на него, а все продолжалъ разсматривать солнечное пятно.

— Что я сказалъ!.. То самое.. —отвѣтилъ Борохъ.

— Нѣтъ,—возразила полковница:—ты скажи ясно: Ицекъ говорилъ, что у меня бѣлье въ заплатахъ и чулки въ дырьяхъ?

— Говорилъ...—еще болѣе глухо и неясно произнесъ Борохъ.

— Ну, вотъ видишь? И ты еще будешь отпираться, а?

Но Ицекъ даже не взглянулъ на полковницу, онъ выразительно покачалъ головой и промолвилъ съ безконечнымъ укоромъ:

Digitized by Google

— Борохъ, Борохъ! И тебѣ не стыдно, Борохъ?!. Тебѣ не стыдно такъ говорить на Ицека? Что же я тебѣ сдѣлалъ, Борохъ? а?

У Бороха вздрогнули плечи и зашаталась голова. Онъ низко опустилъ голову и молчалъ, а Ицекъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Ай-ай-ай, Борохъ, что такое съ тобой сдѣлалось? Развѣ мы не товарищи? Развѣ ты не знаешь меня, а я тебя съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ? Развѣ мы не тридцать лѣтъ практикуемъ съ тобой въ этой гостиницѣ и все сидимъ на одномъ сундукѣ? Сколько хозяевъ перемѣнилось, а мы все тутъ, все сидимъ на томъ же мѣстѣ. И ты же знаешь, Борохъ,— я такой же бѣдный человѣкъ, какъ ты,—ну, мнѣ немного лучше, у меня практики больше, а все же я бѣдный и мнѣ скверно, и оба мы—вотъ уже старики—сгибаемъ спины, какъ кошки, и бѣгаемъ, какъ собаки, чтобъ заработать какой-нибудь злотъ. И ты же знаешь, Борохъ, какъ это трудно достается, и что мишурисъ не король. О, совсѣмъ не король, а самый послѣдній человѣкъ на свѣтѣ. Онъ самый послѣдній человѣкъ потому, что всякій можетъ заставить его дѣлать то, что ему хочется, хотя бы самую глупую глупость, а онъ никого не можетъ заставить... Его никто не послушаетъ, потому что онъ маленькій человѣкъ, потому что онъ мишурисъ. Ай, нѣтъ, Борохъ, ты несчастный, у тебя умъ помрачился, а то бы ты не могъ... И зачѣмъ ты такое выдумалъ? Ну, сказалъ бы тамъ что-нибудь: что Ицекъ воръ или разбойникъ тамъ... что-нибудь. Ну, Ицекъ убилъ человѣка. Пускай! Но чтобы Ицекъ могъ говорить такую пакость про госпожу полковницу, которая всегда даетъ ему заработать,— это уже хуже всего... И для чего? Ты же самъ и скажешь, ну, вотъ сейчасъ скажешь, что этого никогда не было... а?

Но Борохъ ничего не сказалъ. Вдругъ глаза его наполнились слезами, ротъ искривился въ плачевную мину и все лицо сдѣлалось жалкимъ, а самъ онъ весь какъ-то согнулся и съежился. Онъ молча повер-

Digitized by Google

нулся къ двери, нажалъ ручку и совсѣмъ-совсѣмъ тихо исчезъ.

Полковница отвернулась. Вся эта сцена произвела на нее тяжелое впечатлѣніе. А, можетъ быть, ей было немного стыдно передъ Ицекомъ за то, что она такъ скоро повѣрила такой небылицѣ про него,—про него, который такъ усердно служилъ ей много лѣтъ.

— Вотъ видите, мама,—сказала дочь,—я говорила, что надо разобрать дѣло...

— Удивительно!—воскликнула полковница,—не могу только понять, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

— Я вамъ скажу,—вмѣшался Ицекъ.—Онъ несчастный, этотъ Борохъ. У него нѣтъ ума для мишуриса. Развѣ это простое дѣло мишурисомъ быть? О, трудное дѣло! Ну, и у него никакой практики нѣтъ... а семейство большое. 11 дѣтей, и сынъ—стекольщикъ, жениться хочетъ. Вотъ горе его и помрачило. Вотъ для чего онъ и сдѣлалъ это. Думалъ, ему тогда лучше будетъ, и ошибся. Только и всего. Я же говорю вамъ, что Борохъ несчастный.

Ицекъ, однако, не рѣшился разсказать о томъ, какъ Борохъ хотѣлъ купить у него полковницу за семь рублей. Съ него достаточно было того, что онъ разсѣялъ всякое сомнѣніе въ своей честности и возстановилъ довѣріе къ нему полковницы. Онъ перешелъ къ дѣлу.

— А я таки досталъ послѣдній журналъ,—съ нѣкоторымъ выраженіемъ хвастовства заявилъ онъ.

— Неужели? у кого?

— У самого Капсуля... Онъ даже спросилъ: не пріѣзжала ли полковница? А я не дуракъ, я сказалъ: нѣтъ, не пріѣзжала; я же знаю, что надо сказать. Ицекъ всегда скажетъ то, что надо. Онъ лишняго не скажетъ. А Капсуль на васъ обиженъ.

— Ну, и чортъ съ нимъ. А гдѣ же журналъ?

— А вотъ сейчасъ... Надо еще сходить за нимъ и только на полчаса. Больше нельзя. А то Капсуль узнаетъ и скушаетъ меня. Капсуль даже и не думаетъ, что у

Digitized by Google

него журналъ уйдетъ изъ квартиры. Онъ себѣ будетъ кроить, а журналъ въ это время придетъ къ полковницѣ. Вотъ какъ тонко Ицекъ ведетъ дѣла. Но только ужъ вы, пожалуйста, госпожа полковница, если когда-нибудь съ Капсулемъ помиритесь, а ужъ вы съ нимъ непремѣнно помиритесь, потому что никто вамъ не можетъ такъ платья шить, какъ Капсуль... Такъ если помиритесь, не говорите ему про журналъ.

— Хорошо, хорошо... а ты вотъ что, Ицекъ: сбѣгай къ Фудиму,—знаешь, портной?

— Фудимъ? Онъ мой своякъ.

— Ну, вотъ и отлично, пусть придетъ ко мнѣ, я ему дамъ работу... Только смотри, ты ему скажи, чтобъ хорошо сдѣлалъ.

— О, онъ сдѣлаетъ! Для полковницы онъ сдѣлаетъ! Это—честь.

— Потомъ зайди на Сѣнную и понюхай тамъ, какъ цѣна на сѣно... Подымется ли? Понимаешь? У меня двѣ скирды сѣна стоятъ... Только это надо сдѣлать ловко... Ну, ты это умѣешь... Не мнѣ учить тебя, Ицекъ. А затѣмъ вотъ тебѣ деньги, зайди въ рыбную лавку и закажи мнѣ балыкъ, фунтовъ въ пятнадцать... Да смотри, чтобъ балыкъ былъ хорошъ, сочный и какъ слѣдуетъ прокопченый... Ты вѣдь знаешь, какой я люблю. Впрочемъ, тебя не надуешь... А потомъ ты мнѣ будешь нуженъ.

Ицекъ повеселѣлъ. Какая практика! А главное — покупка на наличныя деньги. Тутъ ужъ непремѣнно заработаешь. Пятнадцать фунтовъ, можно по три копѣйки съ фунта, сорокъ пять копѣекъ—это деньги.

— О,—воскликнулъ онъ почти восторженно,—я для полковницы такой балыкъ куплю, какого не бываетъ даже и у губернатора.—Вообще губернаторъ у Ицека существовалъ какъ бы исключительно для обозначенія самаго лучшаго и совершеннаго, что только есть въ природѣ.

Онъ взялъ кредитку, спряталъ ее подъ кафтанъ, за рубашку, у самаго сердца, и вышелъ.

Digitized by Google

Борохъ сидѣлъ на сундукѣ, совсѣмъ согнувшись и закрывъ лицо обѣими руками. У него былъ видъ человѣка, глубоко подавленнаго, даже изломъ шеи и наклонъ головы выражали отчаяніе. Ицеку стало ужасно жаль его. Когда просидишь съ человѣкомъ рядомъ бокъ-о-бокъ на одномъ сундукѣ съ горбатой крышкой 30 лѣтъ, когда выкуришь съ нимъ изъ одной трубки пуда три сквернаго табаку, то начинаешь чувствовать къ нему родство.

Ицекъ подошелъ къ Бороху и сказалъ:

— Э, что тамъ, Борохъ! Зачѣмъ думать? Ну, это уже прошло!

Борохъ приподнялся и открылъ лицо.

— Ицекъ! я теперь самый послѣдній человѣкъ въ свѣтѣ. Я самый послѣдній человѣкъ!—повторилъ онъ, ударивъ себя кулакомъ въ грудь:—я хуже собаки. Я противъ своего пошелъ...

— Ну, да, мишурисъ противъ мишуриса!—мягко сказалъ Ицекъ,—это плохо... Только ты, Борохъ, отъ горя... Я же знаю... Ну, я и не сержусь... Слушай, Борохъ, я тебѣ дамъ маленькую практику.

— Ицекъ!—воскликнулъ Борохъ, пораженный великодушіемъ товарища.

— Дамъ практику... Ну, тамъ пустой заработокъ, а все-таки что-нибудь! Сходи ты на Сѣнную и тихонько разузнай, какъ цѣна на сѣно... Не подымется ли? У тебя есть кто-нибудь на Сѣнной?

— А какъ же? мой шуринъ тамъ работаетъ приказчикомъ.

— Такъ это хорошо... Вотъ ты и ступай.

— Ахъ, Ицекъ!—голосомъ, вырвавшимся откуда-то изъ глубины груди, промолвилъ Борохъ, совершенно потрясенный, и не нашелъ словъ, чтобъ поблагодарить его. Глаза его опять сдѣлались влажны и вѣки начали вздрагивать. Онъ махнулъ рукой, надвинулъ свой старый засаленный картузъ на затылокъ и пошелъ внизъ.

Ицекъ оглянулся и увидѣлъ у окна Сруля, который, повидимому, слышалъ ихъ разговоръ. Сруль неодобри-

Digitized by Google

тельно покачалъ головой. Какъ очень ловкій мишурисъ, обладающій тонкимъ умомъ, чего не отрицалъ рѣшительно никто, онъ, весьма оживленно занимаясь практикой, обладалъ способностью въ это же время какимъ-то образомъ знать все, что бы ни случилось въ гостиницѣ, и ему была уже доподлинно извѣстна вся исторія, происшедшая въ 8-мъ номерѣ.

— Я бы такъ не сдѣлалъ съ нимъ, — сказалъ Сруль:—онъ поступилъ, какъ самый послѣдній мошенникъ.

— Оставь, Сруль! Ты не можешь понимать это. Я знаю, ты не можешь... оставь,—промолвилъ Ицекъ и, холодно взглянувъ на рыжаго Сруля, тоже пошелъ внизъ. Онъ думалъ: Сруль не можетъ понимать этого. У Сруля маленькое сердце.

Онъ рѣшилъ прежде всего добыть журналъ, потомъ позвать Фудима и затѣмъ уже заняться балыкомъ.

Мы не будемъ разсказывать всѣхъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ Ицековой практики у полковницы; можемъ только сказать, что она была на этотъ разъ въ высшей степени плодотворна. Полковница оставалась въ городѣ цѣлыхъ пять дней, и всѣ эти дни Ицекъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто его опустили въ котелъ съ кипяткомъ и клокочущая вода швыряетъ его изъ стороны въ сторону, то погружая на дно, то выбрасывая на поверхность. У него было по горло дѣла, и когда его о чемъ-нибудь спрашивали или хотѣли дать ему какое-нибудь порученіе со стороны,—онъ на бѣгу за какимъ-нибудь дѣломъ только подымалъ руку и проводилъ ею себѣ поперекъ шеи, желая сказать этимъ, что у него столько дѣла, что хоть зарѣжься. Полковница собиралась не пріѣзжать цѣлый мѣсяцъ.

Но больше всего хлопотъ доставило ему платье. Фудимъ, конечно, старался изо всѣхъ силъ. Мало того, у него даже явились нѣкоторыя заманчивыя мечты. Онъ давно съ завистью посматривалъ на мастерскую Капсуля, въ которую то и дѣло входили и выходили изъ нея луч-

Digitized by Google

шія дамы губернскаго города. Проходя мимо и наблюдая это, онъ мысленно высчитывалъ, сколько Капсуль долженъ имѣть выгоды отъ этихъ дамъ. И хуже всего то, что сколько бы онъ, Фудимъ, ни старался, что если бы онъ сшилъ платье даже геніально, то все равно этого никто бы не замѣтилъ, и такъ это и пропало бы даромъ. Имя, имя прежде всего! У Капсуля было громкое имя, а про Фудима всѣ говорили съ снисходительной усмѣшкой. Капсулю повезло, вотъ и все. Но къ Фудиму не пойдетъ ни одна порядочная дама, и геніально сшитое имъ платье (если бы онъ его сшилъ) было бы безъ пользы для его имени сношено какой-нибудь городской мѣщанкой или чиновницей такъ же точно до послѣдней возможности, какъ спашиваютъ онѣ платья, сшитыя имъ скверно. И вотъ случай. Онъ будетъ шить полковницѣ. Полковница—важная дама, она бываетъ въ большомъ обществѣ. Ицекъ говорилъ, что въ этомъ платьѣ она поѣдетъ на балъ къ предводителю, тамъ будутъ всѣ заказчики Капсуля. И если увидятъ на полковницѣ платье, сшитое имъ, Фудимомъ, сшитое, конечно, превосходно, то всѣ узнаютъ это и сейчасъ же перемѣнятъ мнѣніе о Фудимѣ. Вѣдь съ этого случая, можетъ быть, для Фудима начнется новая жизнь, можетъ быть, въ городѣ будетъ тогда два первыхъ портныхъ, а можетъ быть, и одинъ, но онъ будетъ называться не Капсуль, а Фудимъ. И Фудимъ страшно старался. Но стараніе не прибавило ему искусства. Все-таки онъ былъ плохой портной и до Капсуля ему было такъ же далеко, какъ душѣ грѣшника до неба. Началось съ того, что онъ послѣ долгаго изученія журнала ничего въ немъ не понялъ, потому что онъ всю жизнь шилъ безъ всякихъ журналовъ, а это вѣдь требуетъ практики. Но Фудимъ—и это хуже всего—не зналъ этого. Глядя на журналъ, онъ думалъ, что понимаетъ все отлично, и, придя домой, смѣло, рѣшительно скроилъ платье. Сметавъ его на живую нитку, онъ принесъ полковницѣ для примѣрки, и полковница пришла въ ужасъ. Матерія была испорчена, фасонъ не

Digitized by Google

имѣлъ ничего общаго съ журналомъ и пришлось журналъ доставать вторично. Это было уже для Ицека, а въ особенности для Безика, дѣломъ рискованнымъ. Безикъ былъ вовсе не глупъ и онъ только дѣлалъ видъ, что не понимаетъ, для чего Ицеку нуженъ журналъ; въ особенности, когда Ицекъ попросилъ во второй разъ, онъ совсѣмъ догадался въ чемъ дѣло, а догадавшись, онъ понялъ, что тутъ есть рискъ, а тамъ, гдѣ есть рискъ, есть непремѣнно и выигрышъ, и онъ потребовалъ съ Ицека цѣлый рубль. Безъ сомнѣнія, этотъ рубль заплатила полковница, но Ицеку были большія огорченія. Одно время онъ уже думалъ, что во второй разъ журнала не достанетъ. Безикъ напугалъ его, сказавъ, что Капсуль спряталъ журналъ. Безикъ, конечно, просто хотѣлъ взять съ него побольше. Во второй разъ Фудимъ хотя и отнесся къ журналу серьезнѣе и принялъ во вниманіе нѣкоторыя поясненія полковницы, но фасонъ испортилъ еще больше и его пришлось прогнать.

Полковница была въ отчаяніи. Балъ на носу; что она не будетъ на этомъ балу—это немыслимо; что она поѣдетъ на этотъ балъ въ одномъ изъ старыхъ платьевъ—этого даже вообразить нельзя было. Оставалось одно—такъ или иначе примириться съ Капсулемъ. Тогда у Ицека явилась новая задача, съ перваго взгляда казавшаяся даже неразрѣшимой: онъ долженъ былъ уговорить Капсуля забыть оскорбленіе и придти къ полковницѣ. Не полковницѣ же самой идти къ Капсулю, это было бы слишкомъ. Вотъ тутъ-то Ицекъ пустилъ въ ходъ весь свой тонкій умъ и показалъ, что такое настоящій мишурисъ, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго и который поэтому ни отъ чего не долженъ отказываться. Дѣло было такъ.

Ицекъ вошелъ въ пріемную комнату перваго портного съ необыкновенно серьезнымъ, но въ то же время таинственнымъ видомъ. У Капсуля въ это время сидѣла заказчица, поэтому Ицекъ скромно подошелъ къ нему и тихо сказалъ:

Digitized by Google

— Господинъ Капсуль, я имѣю къ вамъ большое дѣло.

Капсуль посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Какое дѣло, да еще большое, можетъ имѣть къ нему этотъ бѣднякъ? Ицекъ понялъ его недоумѣніе и прибавилъ:

— Это отъ полковницы. Большой интересъ, господинъ Капсуль

— А, такъ она теперь кается? а?

— И я думаю, кается...

— Ты посиди минутку въ мастерской. Ну, поговори съ Безикомъ.

Хотя Капсуль сдѣлалъ видъ, что онъ совершенно равнодушенъ къ этому сообщенію, но голосъ его свидѣтельствовалъ о другомъ. Видно было, что онъ сильно заинтересовался «большимъ дѣломъ», съ которымъ пришелъ Ицекъ.

И Ицеку пришлось не долго сидѣть въ мастерской. Капсуль хотѣлъ сейчасъ же узнать о затрудненіяхъ, въ которыя навѣрно попала полковница. Это была его побѣда. Поэтому онъ поторопился отпустить заказчицу и позвалъ Ицека.

— Ну, такъ что жъ твоя полковница? — спросилъ онъ насмѣшливо.

— Полковница ничего! — отвѣтилъ Ицекъ: — она такъ и осталась полковницей.

— Гм... А, можетъ, ее въ генеральши произвели? сострилъ Капсуль и разсмѣялся своей остротѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Ицекъ,—этого нѣтъ. А только у нея затруднительныя дѣла.

— Ага, это по какой же части?

— По части платья, господинъ Капсуль, по вашей части.

— Это до меня не касается!—гордо сказалъ Капсуль.

— Нѣтъ, касается, господинъ Капсуль. Я вамъ скажу, — такое было дѣло. Полковница прямо, можно сказать, оскандалилась. Я вамъ, господинъ Капсуль, говорю это по совѣсти, потому что я васъ уважаю. Я

Digitized by Google

говорилъ полковницѣ: этого не надо дѣлать, потому что Фудимъ не можетъ угодить такой особѣ...

— Фудимъ?—съ изумленіемъ спросилъ Капсуль.— Она дошла до Фудима?

— Ей нечего было больше дѣлать. Ну, какъ я говорилъ, такъ и сдѣлалось. Фудимъ изрѣзалъ матерію, а платья не сдѣлалъ. Онъ даже и не дѣлалъ его, господинъ Капсуль, онъ просто испугался и даже такъ прямо и сказалъ: это только одинъ господинъ Капсуль можетъ сдѣлать. Видите, даже Фудимъ сказалъ.

— Скажи, пожалуйста, Ицекъ, съ какой стати ты ко мнѣ съ этимъ пришелъ?

— Потому что полковницѣ больше нечего дѣлать. Ей нельзя же безъ платья.

— Я полковницѣ платья не шью. Полковница очень капризная дама, она находитъ, что Капсуль портитъ; а если Капсуль портитъ, такъ пускай ей шьетъ кто-нибудь другой. Капсуль никому еще не портилъ, только полковницѣ. Полковница такая уже важная барыня, что ей даже Капсуль не можетъ сшить.

И онъ презрительно пожалъ плечами.

— Нѣтъ, вы этого не говорите, господинъ Капсуль. Конечно, вы вправѣ это сказать,—только не слѣдуетъ. Я вамъ скажу: вы знаете, у князя Рыльскаго,—онъ предводитель,—такъ у него въ усадьбѣ каждый годъ бываетъ большой балъ. И теперь будетъ; уже вотъ черезъ недѣлю будетъ этотъ балъ. Огромнѣйшій балъ. Много важныхъ господъ пріѣдетъ... Полковницѣ надо дорогое платье шить.

— Ну, ужъ это ей кто-нибудь другой сошьетъ!— гордо сказалъ Капсуль.

— Этого невозможно, господинъ Капсуль: развѣ на такую даму можетъ сшить кто-нибудь другой, кромѣ васъ? Я же вамъ говорю, Фудимъ просто испугался. Самъ Фудимъ сказалъ, что никто, кромѣ Капсуля, не можетъ сшить. И полковница никого не желаетъ, она васъ желаетъ, господинъ Капсуль.

Digitized by Google

— Если она желаетъ, то развѣ она не знаетъ, гдѣ я живу?

— Господинъ Капсуль! Полковница не можетъ придти къ вамъ. Вы же это знаете. Полковница не такая дама, чтобъ сама приходила. Вы всегда прежде къ ней ходили.

— То прежде... а теперь не пойду... У меня тоже есть своя гордость!

— Господинъ Капсуль, гордость это одно, а выгода другое...

— Пф... выгода. У меня, слава Богу, и безъ полковницы много заказовъ...

— Нѣтъ, я не про это .. Я говорю, господинъ Капсуль, что у предводителя большой балъ и много гостей будетъ, ну, и всѣ же, вся губернія знаетъ, что полковницѣ шьетъ первый портной—господинъ Капсуль. Теперь... ну, хорошо, вотъ вы не пошли къ полковницѣ. Платье же ей нужно, она не можетъ на балъ поѣхать безъ платья. И тогда ей уже сошьетъ какой-нибудь тамъ Фудимъ (при этомъ Ицекъ сдѣлалъ брезгливую мину) и скверно сошьетъ, ужъ какъ нельзя хуже. И всякій будетъ смотрѣть и думать: какъ скверно сшилъ полковницѣ платье первый портной Капсуль, и никто даже не подумаетъ, что это Фудимъ, никому и въ голову не придетъ, а всѣ будутъ дурно думать о господинѣ Капсулѣ. Развѣ я не правду говорю? Я же хочу угодить вамъ больше, чѣмъ полковницѣ. Что такое мнѣ полковница? Сегодня она здѣсь, а завтра, можетъ быть, въ Кіевъ укатитъ и у меня съ нею никакой практики не будетъ, а васъ, господинъ Капсуль, я всегда уважалъ, и вотъ говорю: у меня сердце заболитъ, когда такъ дурно подумаютъ о господинѣ Капсулѣ.

Хотя все это было сдѣлано очень наивно, но Капсуль, какъ человѣкъ чувствительный къ вопросу о чести своего портняжнаго имени, сталъ подаваться и въ концѣ концовъ совсѣмъ сдался и пошелъ къ полковницѣ.

Какъ только онъ явился къ ней, тотчасъ же выяснилось, что эта размолвка была простымъ недоразумѣніемъ.

Digitized by Google

Полковница поняла, что она никоимъ образомъ не можетъ обходиться безъ Капсуля, а Капсуль почувствовалъ, что такая заказчица, какъ полковница, почти необходимая принадлежность его мастерской. Они даже не вспомнили о роковомъ лифѣ, который послужилъ поводомъ къ размолвкѣ, и сразу заговорили о платьѣ, которое надо было сшить. Послѣ этого полковница окончательно увѣровала во всемогущество Ицека.

Вообще, этотъ пріѣздъ полковницы былъ для Ицека рядомъ тріумфовъ. Балыкъ, который онъ купилъ для нея въ рыбной лавкѣ, оказался превосходнымъ. Конечно, Ицекъ здѣсь былъ ни причемъ, это была совершенная случайность, что балыки въ этомъ году вышли необыкновенно удачными. Но когда полковница восторженно похвалила покупку, Ицекъ приписалъ ея достоинства себѣ и сказалъ:

— Развѣ же Ицекъ можетъ купить что-нибудь скверное? Ицекъ всегда покупаетъ все самое превосходное.

Повезло Ицеку также и на сѣнѣ. Онъ, конечно, занималъ такое скромное амплуа, что не могъ повліять на повышеніе цѣнъ. Безъ сомнѣнія, это находилось въ зависимости отъ болѣе глубокихъ экономическихъ причинъ. Но такъ или иначе, а сѣно повысилось въ цѣнѣ и такъ хорошо повысилось, что полковница тотчасъ же телеграфировала управляющему приказаніе продать сѣно и продала его очень выгодно.

Сотня мелкихъ порученій была исполнена точно такъ же блестяще. Когда же полковница уѣзжала, то не пожалѣла красной бумажки, а когда Ицекъ посчиталъ еще то, что заработалъ на покупкахъ, то рѣшилъ, что теперь и его семейныя дѣла пойдутъ хорошо.

Онъ пришелъ домой и сказалъ своей женѣ:

— Ну, теперь мы можемъ пообѣщать мѣднику сорокъ рублей... Ты слушай: сорокъ рублей я ему не дамъ. Зачѣмъ ему? будетъ съ него и двадцать пять. Но пообѣщать можно. Когда у человѣка въ карманѣ есть двадцать пять карбованцевъ, то онъ всегда можетъ обѣщать сорокъ.

Digitized by Google

Ривка, услышавъ, что она, наконецъ, достанется мѣдныхъ и жестяныхъ дѣлъ мастеру, была совершенно счастлива.

Мы должны сказать, что и дѣла Бороха съ этого времени пошли лучше. Ицекъ какъ-то сталъ больше обращать на него вниманія и отъ времени до времени давалъ ему порученія. При этомъ онъ, хотя это было нѣсколько поздно, дѣлалъ ему наставленія и старался обучить его ремеслу мишуриса. Борохъ, благодаря этимъ порученіямъ, чаще попадался на глаза постояльцамъ и иногда получалъ отъ нихъ уже самостоятельную практику. Мало-по-малу Ицеку удалось выгнать изъ головы стараго Бороха мечтательность, которая такъ много вредила ему.

— Слушай, Борохъ,—говорилъ онъ своему старому товарищу:—я знаю, ты честный еврей; такъ развѣ жъ я хуже тебя? Развѣ ты знаешь, чтобы я кого-нибудь обокралъ или какъ-нибудь обманулъ? Вѣдь я же не обманулъ ни тебя, ни Сруля, ни Френкеля. Я никого не обманулъ. Но... вотъ что я тебѣ скажу, Борохъ: ты мишурисъ и я мишурисъ. А знаешь ты, что это значитъ? Нѣтъ? не знаешь? Такъ пойди спроси какого-нибудь мальчишку на улицѣ, онъ тебѣ скажетъ, что это значитъ. Онъ скажетъ, что мишурисъ это все равно, что мошенникъ... Ну, понялъ? И теперь спроси ты кого хочешь изъ постояльцевъ, которые пріѣзжаютъ сюда и которымъ мы разную практику дѣлаемъ. Ты думаешь, кто-нибудь не считаетъ тебя мошенникомъ? Всякій такъ на тебя и смотритъ. И когда ты говоришь, что это стоитъ рубль, то уже онъ знаетъ, что ты на десять копѣекъ совралъ. Онъ такъ и думаетъ: онъ мишурисъ, а значитъ мошенникъ. И если уже всѣ тебя считаютъ мошенникомъ, такъ... ну, такъ ты понялъ теперь, Борохъ?

Борохъ кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ понялъ.

Digitized by Google

РѢШИЛСЯ.

(ОЧЕРКЪ).

Человѣческая жизнь полна непостижимыхъ странностей. Конечно, если хорошенько разобрать, то окажется, что на все есть причины и все очень просто и естественно. Но извольте-ка добраться до этихъ причинъ, въ особенности, если вы человѣкъ занятой и у васъ есть свои дѣла.

Взять хоть-бы это: стоитъ большой трехъэтажный домъ, при домѣ обширный дворъ, а среди двора разбитъ маленькій садикъ, въ которомъ есть и одинъ кустъ розы, и одинъ кустъ сирени, и одинъ георгинъ, и три-четыре молодыхъ деревца, и дорожка, усыпанная пескомъ, и двѣ скамейки,—однимъ словомъ — пріятное мѣсто для прогулки. Нижній этажъ дома занятъ машинами, шрифтами и всякаго рода типографскими принадлежностями; въ немъ много жизни и движенія; нѣсколько десятковъ рабочихъ въ парусиновыхъ блузахъ — набираютъ, печатаютъ, складываютъ, брошюруютъ, словомъ, работа въ полномъ ходу. Въ среднемъ этажѣ живетъ Чайкинъ, Иванъ Степановичъ Чайкинъ, котораго знаютъ, если не всѣ, то очень многіе, а верхній отдается жильцамъ, и жильцамъ хорошимъ, которые исправно платятъ за квартиру. Въ типографіи множество заказовъ, дѣло идетъ отлично. А на воротахъ дома двѣ вывѣски, одна большая, на которой написано: «Типографія Чайкина», а другая совсѣмъ маленькая, на которой значится: «домъ И. С. Чайкина».

Digitized by Google

Очевидно, что есть всѣ данныя для того, чтобы и въ нижнемъ, и среднемъ этажѣ люди чувствовали себя хорошо, смотрѣли весело и открыто; въ особенности ужъ нечего, кажется, скорбѣть самому Чайкину, да то же самое можно сказать и про стараго метранпажа Акима Акимовича Глотова. А между тѣмъ...

Но прежде чѣмъ разсказать въ чемъ дѣло, надо познакомиться съ дѣйствующими лицами.

Чайкинъ, Иванъ Степанычъ Чайкинъ... Мы нарочно настаиваемъ на томъ, что онъ Иванъ Степанычъ Чайкинъ, и вовсе не потому, что есть гдѣ-нибудь какой-нибудь другой Чайкинъ и мы боимся, чтобъ ихъ не смѣшали, а совершенно по другимъ причинамъ. Дѣло въ томъ, что этотъ самый Чайкинъ только очень недавно сталъ Иваномъ Степановичемъ, всего года четыре, а былъ онъ всю жизнь просто Ванькой Чайкинымъ, и никто никогда не называлъ его иначе. И вотъ, когда это случилось, то-есть—это превращеніе изъ Ваньки въ Ивана Степановича, то многіе, вполнѣ признавая законность и естественность этого превращенія, никакъ не могли привыкнуть къ концу и часто сбивались, а иной еще и теперь нѣтъ-нѣтъ, да и хватитъ, вмѣсто «а нашъ-то Иванъ Степанычъ», просто: «а нашъ-то Ванька». Вотъ поэтому-то мы и настаиваемъ на томъ, что именно Иванъ Степанычъ Чайкинъ былъ человѣкъ далеко еще не старый. Хотя никто не зналъ навѣрно, сколько Чайкину лѣтъ, но больше 37—38 никакъ нельзя было ему дать. Если онъ въ послѣднее время началъ немного толстѣть, и волосы на макушкѣ у него сильно порѣдѣли, то это просто оттого, что тревожная часть его жизни,—такъ сказать, созидательный періодъ,—кончилась и началось благополучіе—ровное, тихое и никѣмъ не оспариваемое. А извѣстно, что человѣкъ ни отъ чего такъ не толстѣетъ и не лысѣетъ, какъ отъ благополучія. Живетъ Иванъ Степанычъ, какъ мы сказали, во второмъ этажѣ; тамъ же помѣщается и контора. У него есть жена и дѣти, въ квартирѣ висятъ гардины, въ гостиной шел-

Digitized by Google

ковая мебель, въ кабинетѣ массивный письменный столъ и кожаный диванъ; завтракаетъ онъ въ половинѣ перваго, обѣдаетъ въ шесть; носитъ сѣрые штаны съ лампасами и темный широкій пиджакъ, изъ-подъ котораго всегда виднѣются чистые крахмальные воротничокъ и манжеты съ крупными запонками изъ перламутра, отдѣланнаго золотомъ; въ галстукѣ — булавка съ порядочнымъ брильянтомъ, на указательномъ пальцѣ правой руки массивный перстень съ изумрудомъ. Жена его носитъ модныя шляпки и все прочее, при дѣтяхъ имѣется бонна изъ нѣмокъ. Вообще, во всей его жизни и въ обстановкѣ нѣтъ рѣшительно ничего, подтверждающаго, что онъ не всегда былъ Иваномъ Степанычемъ, а былъ также и Ванькой.

Иванъ Степанычъ—человѣкъ добраго и веселаго нрава. Что онъ человѣкъ необыкновеннаго ума, это мы узнаемъ впослѣдствіи и приведемъ тому доказательства, хотя уже и такъ можно навѣрно сказать, что человѣкъ, изъ Ваньки сдѣлавшійся Иваномъ Степанычемъ и пріобрѣвшій право поставить на воротахъ вывѣску, гласящую, что домъ и типографія принадлежатъ Чайкину, непремѣнно долженъ быть умнымъ человѣкомъ. Но однако — пока замѣтимъ только, что онъ добръ и веселонравенъ. Никто изъ наборщиковъ никогда не жаловался на то, чтобъ онъ притѣснялъ, заваливалъ работой или обсчитывалъ. Ничего подобнаго. Если бы онъ не былъ еще такъ молодъ, то безъ сомнѣнія заслужилъ бы уже названіе «отца и благодѣтеля», до такой степени онъ былъ добрымъ и заботливымъ хозяиномъ. А ужъ насчетъ веселости и говорить нечего. Стоитъ ему только войти въ типографію, какъ тотчасъ же посыплется направо и налѣво бойкая рѣчь, уснащенная поговорками, прибаутками, шутками, и всѣмъ дѣлается весело и работается какъ-то бодрѣе. Одна только слабость и есть у Ивана Степаныча, но слабость самая невинная. Любитъ онъ, чтобы передъ нимъ сидящіе вставали и стояли, пока онъ не скажетъ: «садись»; а если съ нимъ встрѣтились на улицѣ, такъ чтобъ

Digitized by Google

шапку снимали и ждали, пока онъ не скажетъ: «не надо, надѣнь». Любилъ онъ вообще видѣть доказательства уваженія къ себѣ и почтительности, и такъ какъ онъ зла никому не дѣлалъ, а дѣлалъ даже добро, то всѣ оказывали ему уваженіе и почтительность.

Не удивительно-ли, послѣ всего этого, что стоило только Ивану Степанычу подойти къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно находился метранпажъ Акимъ Акимычъ Глотовъ, какъ обычное выраженіе привѣтливой веселости сходило съ его лица, и лицо это дѣлалось смущеннымъ, тоскливымъ, сумрачнымъ. Трудно предположить, чтобъ онъ, напримѣръ, боялся Глотова. Это было бы ни съ чѣмъ не сообразно: метранпажъ, безъ сомнѣнія, очень важное лицо въ типографіи, но вѣдь хозяинъ еще важнѣе. Притомъ же, если бы, ну, скажемъ это,—Акимъ Акимычъ вздумалъ сдѣлать Чайкину непріятность и въ одинъ прекрасный день взять да и оставить свой постъ,—что-жъ, вы думаете, Иванъ Степанычъ растерялся бы? Нисколько. Онъ тотчасъ же сталъ бы на его мѣсто и превосходно исполнилъ бы всѣ обязанности метранпажа. Вѣдь онъ всю эту музыку изучилъ до послѣдней точки.

Замѣчено даже, что онъ какъ-то избѣгалъ разговоровъ съ Глотовымъ, а если ужъ безъ этого нельзя было обойтись, то обращался къ нему въ безличной формѣ. Вмѣсто того, чтобы сказать: «такую-то работу сдѣлай къ такому-то сроку», онъ скажетъ: «надо сдѣлать», да при этомъ глядитъ не на Глотова, а куда-то въ сторону, словно и не ему говоритъ. Съ своей стороны и Глотовъ всякій разъ, когда подходитъ къ нему Иванъ Степанычъ, опускаетъ голову и начинаетъ упорно смотрѣть внизъ. И это находится въ полномъ противорѣчіи съ его натурой. Впрочемъ, съ нимъ надо познакомиться поближе.

Это былъ очень небольшой человѣкъ съ впалой грудью и круглой спиной, худой, костлявый и несуразный. Лицо у него было широкое, цвѣтомъ очень напоминавшее свинецъ, изъ котораго дѣлаютъ шрифтъ. Но сѣдая длинная борода придавала ему видъ почтенности, а безпоря-

Digitized by Google

дочно торчавшіе на головѣ тоже сѣдые волосы отлично сохранили всю свою первобытную густоту. Лѣтъ ему было подъ шестьдесятъ, въ типографіи служилъ онъ съ самаго ея основанія, пройдя всѣ немногочисленныя ступени типографской карьеры, похоронилъ двухъ хозяевъ, присутствовалъ при прогораніи одного и, наконецъ, былъ свидѣтелемъ чуднаго превращенія Ваньки Чайкина въ Ивана Степаныча. Примѣры столь долгаго выстаиванія въ типографскомъ дѣлѣ рѣдки. Надо было обладать желѣзнымъ здоровьемъ, и Акимъ Акимычъ обладалъ и имъ когда-то, но тутъ же въ типографіи его израсходовалъ. Это тусклое вечернее освѣщеніе, этотъ вѣчный запахъ гари отъ плохихъ лампъ, заправленныхъ скернымъ керосиномъ, эта невидимая свинцовая пыль, которой вѣчно отравленъ воздухъ, непрерывный надоѣдливый шумъ машинъ,—все это, дружно дѣйствуя на его организмъ втеченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, сдѣлало свое дѣло, и теперь Акимъ Акимычъ былъ уже не тотъ и только вздыхалъ о томъ времени, когда ему, какъ онъ любилъ говорить, «былъ чортъ не братъ». Но все же онъ былъ охотникъ побалагурить, подчасъ даже затянетъ пѣсню и мурлыкаетъ ее себѣ хриплымъ голоскомъ. Наборщики его любили за то, что онъ не умѣлъ какъ слѣдуетъ сердиться. Иной разъ по самому ходу дѣла ему бываетъ просто необходимо разсердиться, и онъ это знаетъ и изо всѣхъ силъ старается, повышая голосъ и употребляя сильныя выраженія, иногда даже стуча кулаками по столу, но никто этому не вѣритъ, а онъ самъ меньше всѣхъ, и первый же не выдержитъ и разсмѣется.

Мѣстомъ своимъ онъ очень дорожилъ, потому что, кромѣ амплуа метранпажа, состоялъ еще отцомъ и дѣдомъ многочисленнаго семейства, которое долженъ былъ во что бы то ни стало кормить. И хоть никто никогда этого мѣста у него не оспаривалъ, но онъ никогда не переставалъ бояться. Не будучи философомъ по природѣ, онъ тѣмъ не менѣе выработалъ себѣ одно незыблемое философское убѣжденіе, что на землѣ прочны только однѣ

Digitized by Google

непріятности, какъ-то нужда, болѣзни, дряхлость, враги,—стоитъ только человѣку нажить ихъ, какъ они ужъ къ нему присосутся, и никакъ отъ нихъ не отдѣлаешься. Что же касается до вещей, могущихъ доставить удовольствіе и счастье, какъ — здоровье, молодость, дружба, а въ особенности хорошее мѣсто, то эти вещи очень хрупки, и когда ими обладаешь, то надо всегда бояться, что потеряешь ихъ. Вотъ онъ и боялся. А потому онъ самымъ искреннимъ и чистосердечнымъ образомъ уважалъ всѣхъ хозяевъ типографіи поочередно, и тѣхъ, что умерли, и того, что прогорѣлъ, и Ивана Степаныча. Какъ только по тѣмъ или другимъ причинамъ исчезалъ прежній хозяинъ и водворялся новый, Акимъ Акимычъ, чтя въ душѣ память прежняго, тотчасъ же начиналъ уважать и почитать новаго, выражая эти чувства въ почтительности и повиновеніи.

Послѣ того, что мы разсказали про Ивана Степаныча Чайкина и про Акима Акимыча Глотова, становится еще менѣе понятнымъ, почему первый изъ нихъ дѣлается сумрачнымъ при встрѣчѣ со вторымъ, а второй опускаетъ глаза и смотритъ внизъ при приближеніи перваго,—не правда-ли? Но дѣло въ томъ, что такого ужъ тонкаго свойства это обстоятельство, и къ нему подойти очень трудно. Но поведемъ нашъ разсказъ дальше, быть можетъ, дѣло какъ-нибудь и выяснится. Мы сдѣлаемъ большой шагъ впередъ, если узнаемъ, что Чайкинъ поступилъ въ типографію мальчишкой въ то время, когда Глотовъ былъ уже тамъ метранпажемъ. Мальчишка этотъ пришелъ съ улицы. Его привела мать и обратилась прямо къ Акиму Акимычу, объявивъ:

— Дѣлайте съ нимъ, что хотите! Я вся измаялась...

Посмотрѣлъ Акимъ Акимычъ на мальчика. Щеки у него были красныя, глаза быстрые и умные, грамоту онъ зналъ порядочно,—метранпажъ и рѣшилъ, что изъ него выйдетъ хорошій наборщикъ, и оставилъ его при типографіи въ качествѣ «мальчика».

Въ этомъ качествѣ новоприбывшій сталъ называться

Digitized by Google

Ванькой Чайкинымъ и съ этимъ названіемъ оставался вплоть до того момента, когда совершилось извѣстное уже намъ чудо превращенія его въ Ивана Степаныча. Акиму Акимычу какъ-то особенно по сердцу пришелся Ванька Чайкинъ,—потому-ли, что онъ оказался расторопнымъ и исполнительнымъ и такимъ образомъ оправдалъ возложенныя на него надежды, или потому, что самъ Ванька своимъ нравомъ сумѣлъ расположить его въ свою пользу. Это былъ мальчикъ разбитной, шутникъ, находчивый на бойкія слова; онъ рѣшительно оживлялъ типографію, въ которой подчасъ, когда много работы и она поздно затянется, и у всѣхъ болятъ ноги, спина и глаза, бываетъ очень мрачно. Скоро онъ сталъ наборщикомъ, и притомъ однимъ изъ лучшихъ. Къ Акиму Акимычу Ванька относился почтительно, какъ къ человѣку, поставившему его на ноги. Глотовъ называлъ его всегда: «ты, Ванька», а когда бывалъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа: «ты, Ваня» и даже «Ванюша», а Чайкинъ обращался къ метранпажу не иначе, какъ: «Вы, Акимъ Акимычъ»,—какъ, впрочемъ, и всѣ къ нему обращались.

Ванька Чайкинъ выросъ въ типографіи, ему ужъ перешло за тридцать лѣтъ, а Акимъ Акимычъ за это время успѣлъ состариться и побѣлѣть. И никто, а тѣмъ болѣе ненаблюдательный Акимъ Акимычъ, не замѣтилъ, какъ Ванька завелъ знакомство съ хозяйской дочкой, и знакомство такое прочное, что они другъ другу поклялись въ вѣчной вѣрности. Хозяйская дочка была дѣвушка простая, и Ванька пришелся ей какъ нельзя болѣе подъ стать. И когда ея отецъ, мѣщанинъ Гвоздевъ, умеръ, въ скорости совершилось и бракосочетаніе. Это и былъ моментъ, когда Ванька Чайкинъ вдругъ превратился въ Ивана Степаныча.

Все это было въ порядкѣ вещей, и вся типографія сразу перешла на новый почтительный тонъ, осталась одна только странность: Акимъ Акимычъ попрежнему говорилъ ему «ты», а Иванъ Степанычъ говорилъ Гло-

Digitized by Google

тову «вы». Это было неестественно, ненормально, но съ двадцатипятилѣтней привычкой надо было считаться. Оно конечно, если бы въ самомъ началѣ вопросъ былъ поставленъ правильно, то это само собой устранилось бы, но въ томъ-то и дѣло, что событіе свалилось на нихъ, какъ снѣгъ на голову, и на радостяхъ никто на это не обратилъ вниманія. Иванъ Степанычъ даже не замѣчалъ, какъ онъ говоритъ Глотову—«ты» или «вы», просто говоритъ, какъ всегда говорилось. Но по мѣрѣ того, какъ новый порядокъ устанавливался, эта неестественность угломъ выступила на фонѣ общей почтительности. Замѣчено это было случайно и замѣчено разомъ обѣими сторонами. Какъ-то въ типографію поступили два новыхъ наборщика. Въ это самое время пришелъ Иванъ Степанычъ и обратился къ Глотову:

— Вы бы, Акимъ Акимычъ, подтянули Семенова... Что это онъ второй ужъ день не является?

— А я же тебѣ докладывалъ, что онъ пьянствовать сталъ, а ты не повѣрилъ,—пачалъ было Глотовъ, но тутъ же остановился. Новые наборщики, не знавшіе мѣстныхъ отношеній, были поражены этими обращеніями. Они выпучили глаза и какъ бы спрашивали: но позвольте, кто же изъ васъ хозяинъ и кого мы больше почитать должны?

Но это было бы ничего. Мало-ли кто чего не знаетъ? Можно объяснить вѣдь. А дѣло въ томъ, что Глотовъ въ это же время замѣтилъ, что на лицѣ Ивана Степаныча легла какая-то сумрачная тѣнь. И какъ только замѣтилъ это старый метранпажъ, такъ у него внутри что-то заныло. Тутъ-то онъ въ первый разъ передъ Иваномъ Степановичемъ опустилъ глаза и сталъ смотрѣть внизъ. А Иванъ Степанычъ съ этого самаго времени началъ избѣгать разговоровъ съ метранпажемъ.

Разумѣется, то, что произошло, было—пустое. Но важно тутъ, что оба они одновременно почувствовали какъ бы темную пропасть между собой. Для Ивана Степаныча стало ясно, что это единственный памятникъ

Digitized by Google

прошлаго, что это «ты» со стороны Глотова, «вы» съ его стороны, живо напоминаютъ то время, когда онъ былъ для всѣхъ, рѣшительно для всѣхъ Ванькой Чайкинымъ. Совершенно понятно, что для человѣка, давно уже ставшаго Иваномъ Степанычемъ и получившаго право обозначить надъ воротами, что и домъ, и типографія принадлежатъ ему, это должно быть обидно. Надо было только одинъ разъ почувствовать это, чтобъ ужъ никогда не забывать.

И казалось бы, что поправить дѣло было чрезвычайно легко: просто прійти однажды и сказать: «Ты, Акимъ Акимычъ»... Ну, тамъ что-нибудь, и ежели Глотову это покажется обиднымъ, сказать ему: «съ Богомъ»; кстати — онъ старъ, и пора ему на покой. Можно, при этомъ, дать ему какую-нибудь тамъ пенсію, зачѣмъ же обижать стараго человѣка?

Но это легко сказать, а сдѣлать трудно. Двадцать пять лѣтъ—не шутка.

И Иванъ Степанычъ слишкомъ хорошо помнилъ то время, когда его привела въ типографію мать и чуть-ли не бросила его тамъ. Вѣдь вся его жизнь, все его невѣроятное счастье, все это зависѣло отъ того момента, когда Глотовъ, взглянувъ на него, сказалъ: «Ну, Ванька Чайкинъ, оставайся, мы тебя пристроимъ къ дѣлу». Не будь этого, быть можетъ, онъ долго еще болтался бы на улицѣ, безъ всякаго дѣла, разлѣнился бы, испортился бы въ конецъ, и вышелъ бы изъ него какой-нибудь жалкій оборванецъ. Такимъ образомъ, только благодаря добротѣ Акима Акимыча, онъ вышелъ въ люди, благодаря ему онъ познакомился съ хозяйской дочкой и вотъ теперь владѣетъ и ею, и ея добромъ. Какъ обидѣть такого человѣка? Вѣдь за это и Богъ на томъ свѣтѣ накажетъ.

А между тѣмъ всякій разъ, когда онъ встрѣчался съ Глотовымъ, внутри его шевелилось какое-то непонятное, необъяснимое чувство, которое заставляло его отворачи-

Digitized by Google

ваться, и, можетъ быть, это было единственное, что нарушало полноту благополучія его жизни.

Акимъ Акимычъ съ своей стороны страдалъ. Послѣ того, какъ онъ въ первый разъ опустилъ глаза и сталъ смотрѣть внизъ въ присутствіи Ивана Степаныча, онъ понялъ, что отношенія ихъ никуда не годятся. Виданое-ли дѣло, чтобы работникъ говорилъ хозяину «ты» и получалъ отъ него «вы»? Нѣтъ, этого Глотовъ никогда не видѣлъ въ жизни. Отсюда вытекали очень непріятные выводы, которые будили въ его душѣ страхъ, присущій этой душѣ, страхъ за обладаніе такимъ существеннымъ благомъ, какъ мѣсто метранпажа. И главное дѣло въ томъ, что Акимъ Акимычъ, съ тѣхъ поръ, какъ Чайкинъ сталъ хозяиномъ, уважалъ и почиталъ его въ той же мѣрѣ, какъ и всѣхъ прежнихъ хозяевъ, и отъ души желалъ постоянно оказывать ему почтительность и повиновеніе. И сколько разъ онъ мысленно давалъ себѣ слово взять да и начать говорить Чайкину «вы»! Но когда подходилъ моментъ, какъ-то ничего не выходило, и онъ тотчасъ же хватался за безличную форму. Проклятая привычка! Она прилипаетъ къ человѣку хуже проказы.

Такимъ образомъ, они уже года два не говорили другъ другу ни «ты», ни «вы», и между ними были какія-то тяжелыя отношенія, постоянно омрачавшія ихъ души. И съ каждой недѣлей это становилось тяжелѣй и тяжелѣй, и, наконецъ, разрѣшилось эпизодомъ, который намъ теперь предстоитъ разсказать и въ которомъ вся суть.

Однажды Иванъ Степанычъ вбѣжалъ въ типографію чрезвычайно оживленный и чѣмъ-то очень довольный. Дѣло скоро выяснилось. Онъ имѣлъ обыкновеніе обо всѣхъ своихъ дѣловыхъ удачахъ сообщать типографіи.

— Вотъ, братцы,—сказалъ онъ:—хорошее я дѣло сдѣлалъ. Съ К-скимъ банкомъ подписалъ условіе, чтобы у насъ печатать ихнія разные таблицы и отчеты. Работы будетъ пропасть, и условіе на цѣлыхъ три года.

Всѣ, разумѣется, выразили удовольствіе, хотя по су-

Digitized by Google

ществу дѣла выигрывалъ только одинъ Иванъ Степанычъ отъ новаго заказа. Но, видно, и въ самомъ дѣлѣ условіе онъ подписалъ очень выгодное, потому что глаза его блестѣли, онъ говорилъ много, шутилъ, смѣялся, подходилъ къ наборщикамъ, заговаривалъ съ каждымъ, каждому говорилъ какую-нибудь прибаутку, и въ типографіи было очень весело.

Только Акимъ Акимычъ, по обыкновенію, установившемуся въ послѣдніе два года, стоялъ за своей работой молча и все старался смотрѣть внизъ. Никогда еще онъ не чувствовалъ на душѣ такую скверность, какъ въ этотъ день. Неизвѣстно почему, ему казалось, что вотъ именно сегодня должно что-то такое разыграться, и что-то непремѣнно гадкое, послѣ чего онъ, Глотовъ, утратитъ благо, за которое держался столько десятковъ лѣтъ. Почему ему такъ казалось, это необъяснимо. Не потому-ли, что Иванъ Степанычъ, ужъ больше часу бывшій въ типографіи и весело бесѣдовавшій съ наборщиками, до сихъ поръ ни разу не дошелъ до него и ни съ однимъ словомъ къ нему не обратился, какъ будто до него, метранпажа, новый заказъ и не касался!

Вотъ и теперь Иванъ Степанычъ въ двухъ шагахъ отъ него, разговариваетъ съ наборщикомъ, а у Акима Акимыча сердце начинаетъ стучать, какъ молотъ. Чувствуетъ онъ, ясно чувствуетъ, что вотъ-вотъ сейчасъ что-то должно случиться,—что такъ не можетъ тянуться дальше. И дѣйствительно—случилось. Случилось то, чего никто не ожидалъ, а менѣе всѣхъ Акимъ Акимычъ,—да думаемъ мы, что и самъ Иванъ Степанычъ за секунду передъ этимъ не могъ бы предсказать того, что произошло.

Онъ прямо отъ наборщика перешелъ къ Глотову и, остановившись передъ нимъ, но, однакожъ, слегка отвернувъ лицо въ сторону, сказалъ:

— Вотъ, Акимъ... Акимъ... слыхалъ? Новый заказъ... И тебѣ, Акимъ... работы прибавится... а? слыхалъ, Акимъ?

Акимъ Акимычъ поднялъ голову и промолвилъ съ

Digitized by Google

глубокой почтительностью и даже съ какой-то лаской въ голосѣ:

— Я завсегда для васъ постараюсь, Иванъ Степанычъ, и ужъ повѣрьте...

Онъ даже не кончилъ, потому что въ это время Иванъ Степанычъ посмотрѣлъ на него такимъ благодарнымъ взглядомъ, отъ котораго у него разлилась по всему тѣлу благодать...

Иванъ Степанычъ подошелъ къ нему, положилъ свою руку на его руку и сказалъ, но на этотъ разъ уже совершенно твердо:—Такъ ты, Акимъ, тово... постарайся!.. И шрифтъ надо имъ подобрать, чтобы былъ крупный и чистый. Можно новый взять!.. Ужъ ты постарайся, Акимъ...

— Для васъ, Иванъ Степанычъ, когда же я не старался?—съ чувствомъ промолвилъ Акимъ Акимычъ.

Иванъ Степанычъ слегка пожалъ его руку и сказалъ:—А я тебѣ съ этого времени... я давно уже объ этомъ думалъ... съ этого самаго времени къ жалованью прибавку по десять рублей въ мѣсяцъ сдѣлаю... Давно объ этомъ думалъ я, Акимъ...

Акимъ Акимычъ былъ въ восторгѣ. Случилось то, чего онъ не ждалъ; разомъ у обоихъ свалилась съ плечъ огромная тяжесть, и они почувствовали себя необыкновенно легко. Вся суть, значитъ, въ томъ, что надо было «рѣшиться», что и сдѣлалъ Иванъ Степанычъ.

Съ тѣхъ поръ между ними установились правильныя отношенія. Глотовъ говорилъ Чайкину «вы» и получалъ жалованье съ прибавкой, а Чайкинъ говорилъ ему «ты, Акимъ», но, помня все прошлое, а въ особенности то, какъ онъ хорошо понялъ его въ тотъ затруднительный моментъ, обращался съ старикомъ мягко и, насколько это позволялъ хозяйскій престижъ, почтительно.

Digitized by Google

ГАСТРОЛЕРЪ.

(ОЧЕРКЪ).

Вы говорите: способности! Хорошо. Безъ способностей, конечно, ничего не сдѣлаешь. Но однѣхъ способностей мало. Можетъ быть, у меня есть такія способности, что я могъ бы быть, ну, напримѣръ, министромъ, а почемъ я это знаю? И вотъ я не министръ, о, даже далеко не министръ. Ну, скажемъ, есть способности, но надо ихъ открыть, — это первое, и это не такъ легко, какъ вы думаете; а затѣмъ надо ихъ разработать, а это такъ и совсѣмъ ужъ трудно. И притомъ — какія способности, то есть къ чему?! Если у васъ есть способность пѣть, напримѣръ, или выпивать за одинъ духъ и не пьянѣя двадцать рюмокъ водки (вѣдь бываютъ и такія способности), такъ это само собой откроется. А нѣтъ, вы представьте такую вотъ способность, какъ, ну, положимъ, съ закрытыми глазами вдѣвать нитку въ иголку (самъ видѣлъ это удивительное искусство), — какъ вы ее откроете? Сидитъ она себѣ тамъ гдѣ-то въ какомъ-нибудь маленькомъ бугоркѣ вашего мозга, а вы и не знаете, что у васъ въ головѣ сидитъ такая драгоцѣнность.

Все это, впрочемъ, говорится такъ себѣ, въ видѣ предисловія. А рѣчь собственно пойдетъ не объ этомъ, а объ Андреѣ Петровичѣ Салотоповѣ. Мы его застаемъ въ тотъ моментъ, когда онъ вышелъ изъ своей квартиры (меблированныя комнаты на Пушкинской, въ третьемъ этажѣ. Содержитъ ихъ госпожа Калчупова), чтобъ идти

Digitized by Google

на вечеръ къ Шербетовымъ. О Шербетовыхъ мы сейчасъ скажемъ, а теперь два слова о Салотоповѣ. Мы отдаемъ ему преимущество, потому что онъ герой не только вечера у Шербетовыхъ, но и нашего разсказа, что гораздо важнѣй.

Салотоповъ — средняго роста, хорошо сложенъ, не толстъ, а скорѣе худощавъ, но въ мѣру. Пальто на немъ не короткое и не длинное, а совершенно, какъ слѣдуетъ. Вообще, одѣваясь прилично, даже элегантно, онъ никогда не слѣдуетъ крайностямъ моды, какъ и всякимъ другимъ крайностямъ. Мы не хотимъ сказать, что онъ придерживается золотой середины, нѣтъ, мы просто говоримъ, что онъ порядочный человѣкъ. Пальто, о которомъ мы упомянули, осеннее, потому что дѣло происходитъ въ октябрѣ. На головѣ—котелокъ, черный, разумѣется, потому что цвѣтные котелки носятъ или хлыщи, или провинціалы. На рукахъ англійскія перчатки кирпичнаго цвѣта, а въ рукѣ палка, но не тросточка какая-нибудь, а именно палка съ кривой ручкой, палка, на которую можно, въ случаѣ надобности, опереться, и также защищаться ею, тоже въ случаѣ надобности. Если хотите знать, можно прибавить, что внутри палки находится довольно острый кинжалъ, который выбимается незамѣтно. Но это секретъ, потому что подобныя палки запрещены полиціей. Кажется, мы все сказали про Салотопова? Ахъ, да, самое-то главное забыли: физіономія. Но, сказать правду, физіономія его рѣшительно ничѣмъ не замѣчательна. Лицо у него небольшое, съ мелкими морщинками около глазъ, хотя онъ не только не старъ, а прямо-таки молодъ, — ему всего тридцать четыре года, — и вообще кожа у него на лицѣ какая-то дряблая, а иногда на ней бываютъ прыщи. Есть бородка, небольшая, не густая, однакожъ, въ два конца, цвѣта, что называется, ни то, ни се; очень скудные усы, а щеки совсѣмъ обнаженныя. Есть брови, но такія блѣдныя, что къ нимъ надо присмотрѣться, чтобъ замѣтить ихъ. Волосъ на головѣ достаточно, они прямые, довольно длинные, онъ

Digitized by Google

ихъ слегка смачиваетъ какой-то благовонной жидкостью (но не помадой, Боже сохрани!) и причесываетъ кверху безъ пробора; цвѣтъ ихъ тоже ни то, ни се. Лобъ, носъ, глаза, ротъ, уши, — все среднее, все такъ себѣ, ни красиво, ни противно. Ну, однимъ словомъ, человѣкъ, какъ человѣкъ. Походка твердая, увѣренная и не спѣшная, какъ у людей, которые знаютъ навѣрно, что ихъ ждутъ и пусть подождутъ. Что еще сказать про Салотопова? Онъ кончилъ университетъ дѣйствительнымъ студентомъ, но единственно потому, что всегда думалъ такъ: «и на кой мнѣ чортъ кандидатство?» А если бы такъ не думалъ, то могъ бы быть и кандидатомъ, а, можетъ быть, и магистромъ. Состоитъ на казенной службѣ, содержанія получаетъ 2,800 рублей въ годъ и никого, кромѣ себя самого, не содержитъ. По службѣ идетъ не шибко, но и не такъ, чтобы ужъ очень тихо: министромъ быть не разсчитываетъ и никогда не будетъ имъ, ну, а въ тайные совѣтники, вѣроятно, когда-нибудь выйдетъ. Теперь все.

Салотоповъ идетъ къ Шербетовымъ. Ему предстоитъ пути минутъ пятнадцать, потому что Шербетовы живутъ на Кирочной, а онъ всегда ходитъ пѣшкомъ. Итакъ, у насъ есть пятнадцать минутъ, чтобы познакомиться съ Шербетовыми.

У нихъ небольшая квартира, въ которой, однакожъ, по пятницамъ собирается много народу. По обстановкѣ, по туалету хозяйки (еще довольно миловидная дама за сорокъ, начавшая толстѣть лѣтъ десять тому назадъ) и хозяйской дочери (вся въ мать), по закускамъ и винамъ, которыя будутъ подаваться къ ужину, можно опредѣлить, что въ этомъ домѣ проживаютъ отъ пяти до шести тысячъ.

Теперь половина десятаго. Въ кабинетѣ стоятъ два ломберные столика, съ приготовленными, но еще не зажженными свѣчами, съ мѣлками и щеточками, словомъ, два мобилизованные столика, въ гостиной одинъ, въ такомъ же состояніи, но есть еще два-три, на всякій случай; они стоятъ въ темной проходной комнатѣ. Ясно,

Digitized by Google

что въ этомъ домѣ по пятницамъ играютъ въ винтъ. Пріѣхали уже: генералъ и генеральша Оттопырины—чистенькая, веселая и пріятная парочка, образецъ вѣчной и неизмѣнной любви и вѣрности, оба страстные винтеры и любятъ играть за однимъ столомъ, причемъ оба играютъ плохо, обладаютъ слабымъ зрѣніемъ, вслѣдствіе чего часто принимаютъ королей за дамъ, но случается, что, сдѣлавъ непростительную ошибку, увѣряютъ, что, по причинѣ плохого зрѣнія, приняли валета за семерку; флота лейтенантъ Курбетъ 2-й, недавно возвратившійся изъ плаванія, но уже скучающій по немъ столько же, сколько во время плаванія скучалъ по сушѣ. Онъ родня Шербетовымъ; два молодые человѣка, повидимому, начинающіе жизненное поприще; одинъ почтительно занимаетъ генерала, другой почтительно занимаетъ генеральшу. Не старая еще вдова интенданта, на которую благосклонно посматриваетъ лейтенантъ, и еще три-четыре персонажа обоего пола. Всѣ стараются говорить, и это удается; но всѣмъ ужасно скучно. Хозяинъ — высокій брюнетъ съ длинными баками, упорно молчитъ и вообще смотритъ мрачно, предлагая всѣмъ папиросы. Онъ предпочитаетъ играть въ клубѣ, потому что онъ человѣкъ серьезный, а *это* допускаетъ только ради жены.

— А не начать-ли намъ, Зоя Викторовна?—говоритъ генералъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

И его тоскующій взоръ направляется къ раскрытымъ ломбернымъ столамъ.

Хозяйка лукаво улыбается, и это та улыбка, которая что-то обѣщаетъ.

— А вы даже не представляете, генералъ, какой я вамъ готовлю сюрпризъ...—говоритъ она таинственно.

— А что-же именно?—спрашиваетъ генералъ.

— Знаете, какого я вамъ партнера пригласила?

— Ну-те?

— Салотопова.

— А-а!

Лицо генерала расцвѣтаетъ, но замѣчательно, что въ

Digitized by Google

то же время расцвѣтаетъ и лицо генеральши, и лица двухъ молодыхъ людей, начинающихъ жизненное поприще, и четырехъ персонажей обоего пола. Только лейтенанта и не старую еще вдову не тронуло это сообщеніе, а хозяинъ слегка презрительно усмѣхнулся.

— А-а!—говоритъ генералъ съ пріятностью въ голосѣ.—Да, это партнеръ! Съ нимъ пріятно играть, удивительно пріятно!..

И другіе, лица которыхъ расцвѣли, сообщаютъ другъ другу, что съ Салотоповымъ удивительно пріятно играть.

— Но гдѣ вы его достали? Вѣдь онъ у васъ, кажется, не бываетъ?—спрашиваетъ генеральша.

— О, я давно уже на него мѣчу. Но, наконецъ, мнѣ его представили у Икуниныхъ. Онъ игралъ тамъ во вторникъ. Ну, я, разумѣется, сейчасъ же и осѣдлала его на пятницу...

— Будетъ-ли? — усомнился генералъ съ нѣкоторой даже тревогой.

— О, будетъ, навѣрно будетъ! Онъ вѣдь такой точный, что касается винта. Онъ вынулъ свою книжку и записалъ: пятница, и адресъ. Онъ всегда и всѣ приглашенія записываетъ въ книжку.

— Ну, еще бы!—замѣтилъ одинъ изъ двухъ молодыхъ людей, начинающихъ жизненное поприще.—У него ихъ столько, этихъ предложеній играть, что ему нельзя не записывать...

И въ тонѣ, какимъ онъ это сказалъ, можно было разслышать легкій оттѣнокъ зависти.

— Да, да, знаете, вѣдь онъ нарасхватъ, рѣшительно нарасхватъ!.. воскликнула хозяйка.

— И я это понимаю,—промолвилъ съ убѣжденіемъ генералъ. — Необыкновенно пріятно играетъ человѣкъ. Чисто, тонко и въ то же время какъ-то благородно, безъ этого, знаете, скареднаго сутяжничества, какъ иные играютъ. Я даже затрудняюсь сказать, что собственно прельщаетъ въ его игрѣ... Вѣдь онъ не безгрѣшенъ, дѣлаетъ ошибки и проигрываетъ. Но что-то есть, что-

Digitized by Google

то такое есть... Я бы сказалъ,—вотъ вы будете смѣяться,—я бы сказалъ, что у него мягкое, пріятное тушэ... Неправда-ли?

Всѣ дружно разсмѣялись, а генералъ больше всѣхъ.

— Ахъ, какъ это мило сказано! Тушэ! Да, да, именно тушэ!—раздалось восклицаніе со всѣхъ сторонъ.— Генералъ всегда что-нибудь мѣткое скажетъ...

— Это потому, что генералъ имѣлъ много дѣла съ пулями, а пуля — мѣткая штука!—мрачно сказалъ хозяинъ.

Всѣ только улыбнулись, но тоже похвалили, и раздалось даже два равнодушные: «браво, браво!»

— Скажите, онъ, кажется, изъ провинціи?—спросилъ генералъ.

— Да, онъ, если не ошибаюсь, тулякъ...

— И такой незамѣтный, а между тѣмъ какая способность!..

— Да, удивительно!..

— Но придетъ-ли онъ?

Какъ разъ въ это время доложили о приходѣ Салотопова. Произошло легкое движеніе. Генералъ такъ обрадовался, что даже поднялся, пошелъ навстрѣчу и протянулъ Андрею Петровичу не одну, а двѣ руки. Хозяйка благодарила его за любезность; затѣмъ его представили еще не старой вдовѣ, объяснивъ, что это тотъ самый Салотоповъ, который удивительно играетъ въ винтъ, и познакомили съ лейтенантомъ, объяснивъ и ему то же самое. Салотоповъ въ обоихъ случаяхъ сказалъ: «о, помилуйте, что вы?..» Но сказалъ тономъ, отнюдь не отрицающимъ приписываемое ему достоинство. Съ остальными онъ былъ знакомъ, съ хозяиномъ тоже встрѣчался. Вообще, съ нимъ обращались, какъ съ какимъ-нибудь итальянскимъ теноромъ, осчастливившимъ своимъ посѣщеніемъ музыкальную гостиную.

— Ну, а теперь revenons à nos moutons!—весело и оживленно сказалъ генералъ и на этотъ разъ не посмотрѣлъ только на столики, а подошелъ къ одному изъ

Digitized by Google

нихъ и даже попытался зажечь спичкой свѣчи, но неудачно.

Было ясно, что съ приходомъ Салотопова всякіе разговоры должны прекратиться, и остается только заниматься дѣломъ. Такъ и сдѣлали. Вся публика распредѣлилась по столикамъ, причемъ главный столъ составляли: генералъ, генеральша, интендантская вдова, у которой неизвѣстно откуда взялся небольшой кожаный сакъ, и Салотоповъ. Хозяйка играла съ молодежью, лейтенантъ стоялъ за плечами у играющихъ, всякій разъ переходя къ тому, у кого карта лучше, что дѣлало ему такую иллюзію, будто онъ приноситъ счастье, а хозяинъ незамѣтно удралъ въ спальню и завалился спать, велѣвъ горничной разбудить его за четверть часа передъ тѣмъ, какъ гостей будутъ звать къ ужину. Тогда онъ, умывшись, войдетъ въ кабинетъ съ такимъ видомъ, будто все время слѣдилъ за игрой въ гостиной, а въ гостиную—какъ будто сидѣлъ въ кабинетѣ,—невинная, но совершенно законная хитрость хозяина, которому скучнѣе, чѣмъ гостямъ.

Сейчасъ вы увидите ту пріятную игру, которой Салотоповъ побѣждалъ даже генераловъ. Но прежде вамъ не мѣшаетъ узнать, какъ Салотоповъ играть научился. Мы это разскажемъ, пока интендантская, еще не старая вдова съ кожанымъ сакомъ будетъ сдавать, такъ какъ это выпало на ея долю.

Мы уже знаемъ, что Салотоповъ тулякъ. Хотя это было высказано въ видѣ предположенія, но это почти такъ, потому почти, что пріѣхалъ онъ не изъ самой Тулы, а изъ одного уѣзднаго города Тульской губерніи. Но мы не назовемъ этого города, такъ какъ... да мало-ли что можетъ случиться? Ну, хотя бы то, что земляки, узнавъ, что изъ ихъ города произошелъ такой удивительный винтеръ, вдругъ вздумаютъ поставить ему монументъ, для чего ассигнуютъ извѣстную сумму изъ городскихъ средствъ, которыхъ въ наличности не окажется. Такъ лучше не вводить ихъ въ расходы.

Digitized by Google

Въ ту эпоху, когда Салотоповъ переѣхалъ изъ своей губерніи въ столицу, чтобъ поступить въ университетъ, въ Тулѣ, конечно, знали, что такое винтъ, и отлично играли въ него. Но въ томъ городѣ, который мы, по извѣстнымъ уже соображеніямъ, не рѣшились назвать, играли еще въ рамсъ и преферансъ, а также въ стуколку, а о винтѣ только слышали, то-есть до города доходила вѣсть, что есть такая необыкновенно умная игра, и именно потому, что она умная, за нее и не принимались.

Такимъ образомъ, Салотоповъ пріѣхалъ въ столицу, не имѣя никакого понятія о винтѣ. Скоро у него завелись знакомства. Обладая нравомъ общительнымъ и привѣтливымъ, онъ покорялъ гостиную за гостиной; но скоро убѣдился, что вездѣ его присутствіе оказывалось умѣстнымъ только часовъ до десяти вечера, а послѣ этого на него переставали обращать вниманіе. Обыкновенно его спрашивали:

— Вы, конечно, играете въ винтъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—я играю въ преферансъ!

Этотъ отвѣтъ вызывалъ улыбку сожалѣнія: «Боже мой, преферансъ! Какая старина!»

— Какъ жаль, какъ жаль!—говорили ему.

Затѣмъ составлялись партіи, и онъ оставался не у дѣлъ. Положеніе было самое глупое. И не было рѣшительно ни одного дома, гдѣ бы дѣло кончалось иначе. Были у него всякія знакомства: инженеры, музыканты, ученые, юристы, доктора, даже литераторы, и между ними одинъ поэтъ. Придетъ часовъ въ восемь,—милые, умные, тонкіе, поучительные разговоры на разныя темы, но вотъ время приближается къ десяти часамъ и, смотришь, всѣ словно вдругъ отупѣли, и нѣтъ уже умныхъ людей, нѣтъ даже поэта, а есть только винтеры, думающіе о ходахъ и взяткахъ.

Надоѣло это Салотопову, и онъ рѣшилъ научиться играть въ винтъ. Обыкновенно это дѣлается такъ: садится человѣкъ не умѣючи, ну, смѣшитъ публику и,

Digitized by Google

конечно, проигрываетъ страшно. Проиграетъ онъ этакъ сотню роберовъ, а тамъ, глядишь, нечаянно кой-чему и выучился. Но такая метода обходится довольно дорого. Салотопову же эта наука стоила всего семьдесятъ пять копеекъ. Онъ купилъ «учебникъ винта», сочиненіе господина Пикова, и самымъ тончайшимъ образомъ изучилъ его. Онъ садился за столъ одинъ у себя въ квартирѣ, сдавалъ карты четыремъ партнерамъ и игралъ за всѣхъ, тщательно вдумываясь въ каждый ходъ, въ каждую карту. Дѣлалъ онъ это удивительно добросовѣстно. И вотъ, однажды, наступилъ моментъ, когда на вопросъ: «Вы, конечно, играете въ винтъ?» онъ могъ отвѣтить: «Да, но очень плохо!» Ну, разумѣется, долгонько онъ хромалъ, но потомъ выровнялся, и съ тѣхъ поръ послѣ десяти часовъ ужъ онъ больше не скучаетъ.

Убѣдившись, что его посадили со слабыми игроками, Салотоповъ сказалъ себѣ мысленно: «покупаю съ тремя взятками на рукахъ». Съ сильными онъ покупаетъ съ четырьмя, съ очень сильными—съ пятью. Но иногда съ нимъ случаются поразительныя вещи. Въ то время, когда противники откровенно переговариваются между собой, ловко объясняя каждую карту другъ другу, Салотоповъ молчитъ, и его давно уже считаютъ окончательно спасовавшимъ; а между тѣмъ онъ и не думалъ пасовать. Онъ только изучалъ карты противниковъ, на основаніи ихъ же словъ, и старался на этомъ же основаніи проникнуть въ прикупъ. И въ то время, когда противникъ собирался уже открыть для себя прикупъ на пяти червяхъ, онъ вдругъ заявляетъ:

— Одну секунду!..—и при этомъ деликатно придерживаетъ руку противника, уже готовую открыть прикупъ.—Одну секунду! Малый шлемъ въ трефахъ!

Всѣ смотрятъ на него и никто не вѣритъ. Интендантская вдова, играющая съ нимъ визави, въ ужасѣ. «Что онъ дѣлаетъ? Онъ съ ума сошелъ». Лейтенантъ быстро передвигается отъ спины генеральши, собиравшейся купить на пять червей, къ его спинѣ, смотритъ

Digitized by Google

въ его карты—и глазамъ не вѣритъ. У него шлемъ на рукахъ! Открываютъ прикупъ—и тамъ тузъ, непремѣнно тузъ или, въ самомъ худшемъ случаѣ, король; онъ назначаетъ шлемъ, дѣлаетъ его съ блескомъ; эффектъ поразительный.

— Извините,—съ тонко-иронической улыбкой обращается Салотоповъ къ интендантской вдовѣ, — я васъ, кажется, напугалъ!

Но она не только простила ему испытанный ужасъ, а просто уже влюблена въ него, и у нея въ головѣ начинаетъ зарождаться мысль о томъ, что надо пригласить его къ себѣ на среды.

Такихъ поразительныхъ штукъ у него множество, поэтому столъ, за которымъ онъ играетъ, всегда собираетъ вокругъ себя любознательную публику. Кромѣ того, въ его игрѣ есть какое-то благородство. Онъ, напримѣръ, охотно позволяетъ перемѣнить ошибочный ходъ, пересматривать не только двѣ послѣднія взятки, а хоть всѣ, переспрашивать у партнера: «вы, кажется, говорили пики», или «виноватъ: вы сказали безъ козыря послѣ паса или сразу?» Онъ никогда не протестовалъ противъ этого.

Случалось даже такъ, что, когда генералъ, бывшій его противникомъ, дѣлалъ какой-нибудь отчаянный ходъ, Салотоновъ бралъ его карту, любезно предлагалъ взять обратно и говорилъ:

— Вы не доглядѣли, генералъ, у васъ старые глаза. Вѣдь вы хотѣли пойти пику, неправда-ли?

— Ахъ, Боже мой! Да, да! Представьте! Я совершенно слѣпъ!—восклицалъ генералъ, и не думавшій идти пику; бралъ обратно карту и выходилъ, какъ слѣдуетъ, а къ Салотопову питалъ благодарное чувство.

А ужъ что касается записей, то въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно незамѣнимъ. Во-первыхъ, онъ помнилъ карты всѣхъ четырехъ партнеровъ: сколько у кого тузовъ, какія коронки, какіе онеры, и это было

Digitized by Google

дѣломъ одной минуты—сосчитать все это, помножить и сказать готовую цифру.

— Запишите 2,400 наверхъ и 320 внизъ!

Это въ особенности нравилось дамамъ, которыя обыкновенно питаютъ отвращеніе къ цифрамъ и говорятъ: «нѣтъ, ужъ отъ счетовъ увольте». И онъ увольнялъ, считая за себя и за всѣхъ.

Но надо видѣть, какъ онъ играетъ собственно съ дамами, не съ такими, какъ генеральша и интендантская вдова, которыя все же кое-что смыслятъ, а съ начинающими и съ такими, которыя хоть и играютъ десятокъ лѣтъ, но никакъ не могутъ усвоить сущность игры, и всякій разъ, когда у нихъ тузъ и дама, становятся втупикъ и пять минутъ думаютъ: рѣзать или нѣтъ, и, благодаря этому, когда онѣ кладутъ даму, всѣмъ ясно, что у нихъ есть еще тузъ, или наоборотъ. Тутъ онъ художественъ. Онъ назначаетъ высокую игру, не имѣя на рукахъ трехъ взятокъ, держитъ пари на шлемъ, на ремизъ безъ трехъ, объявляетъ масть, не заглянувъ въ карты, когда ихъ еще сдаютъ, открываетъ всѣмъ, показываетъ, какіе у него тузы, остритъ,—мило издѣвается надъ дамской игрой,—и за столомъ стоитъ неумолкаемый смѣхъ,—всѣмъ весело, всѣ довольны.

И на этотъ разъ у Шербетовыхъ онъ очаровалъ всѣхъ. Интендантская вдова окончательно дала себѣ слово затащить его къ себѣ въ среду, а лейтенантъ поклялся, что за ужиномъ выпьетъ съ нимъ брудершафтъ. Когда, послѣ сыгранныхъ восьми роберовъ, въ кабинетъ вошла горничная и сообщила, что ужинъ на столѣ, и всѣ встали, вышло какъ-то такъ, что Салотоповъ очутился съ генераломъ въ правомъ углу комнаты, въ отдаленіи отъ всѣхъ.

— Вотъ, ваше превосходительство, вы имѣете случай сдѣлать доброе дѣло!—говорилъ вполголоса Салотоповъ генералу.—У васъ въ министерствѣ навѣрно найдется этакое маленькое мѣстечко рублей на тридцать-сорокъ въ мѣсяцъ... А у меня есть человѣчекъ, прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, но большой неудачникъ ..

Digitized by Google

Генералъ, весь еще находящійся подъ обаяніемъ пріятной игры Салотопова, спѣшитъ отвѣтить и не можетъ иначе отвѣтить:

— Само собою... Радъ служить всей душой! О, навѣрно найдется что-нибудь этакое...

— Не дадите-ли вашу карточку, ваше превосходительство? Все-таки это вѣрнѣй. Съ нею его пропустятъ...

Генералъ лѣзетъ въ боковой карманъ, вынимаетъ карточку и даже что-то пишетъ на ней и вручаетъ Салотопову.

Тутъ къ нему подходитъ интендантская вдова.

— Я надѣюсь видѣть васъ у себя въ среду!—почти молитвенно говоритъ она.

— Въ среду? Я съ наслажденіемъ... Я только, виноватъ, взгляну, не занятъ-ли...

Онъ перелистываетъ свою записную книжку.

— Въ среду, въ среду у насъ четырнадцатое... Я свободенъ... Съ наслажденіемъ... Кстати, ужъ позвольте записать вашъ адресъ... Этакъ часовъ въ десять?

— Ужъ лучше въ девять...

Въ это время онъ думаетъ: «Теперь-ли всучить ей билетъ на концертъ знакомой консерваторки въ залѣ Пѣвческой капеллы, или въ среду? Нѣтъ, лучше въ среду. Теперь можно развѣ пятый рядъ, а тогда я ей навяжу первый, да еще два мѣста».

— А вы и насъ не забывайте!—говоритъ генералъ.— Наши четверги!..

— О, я ихъ отлично помню!—отвѣчаетъ Салотоповъ.

За ужиномъ онъ оказывается сидящимъ рядомъ съ лейтенантомъ. Они выпиваютъ изрядно. Къ пломбиру уже состоялся брудершафтъ, и лейтенантъ, трепля его по плечу, говоритъ:

— Тебя бы на одно плаваніе къ намъ въ каютъ-компанію! Славно бы!..

Вотъ послѣ этого и говорите, что у Салотопова нѣтъ особой драгоцѣнной способности, и что генералъ не правъ, утверждая, что у него мягкое тушэ.

Digitized by Google

ОКТАВА.

(ОЧЕРКЪ).

I.

Исторія эта началась гораздо раньше, чѣмъ можно было думать, и въ то время, когда произошла катастрофа, она прошла уже главную часть своего развитія. Но такъ какъ этого никто не зналъ, то всѣ недоумѣвали, и общее недоумѣніе поддерживалось еще тѣмъ, что главныя дѣйствующія лица, которыя, разумѣется, отлично понимали, въ чемъ суть, упорно дѣлали видъ, что недоумѣвали, какъ и прочіе.

Катастрофа произошла въ самыхъ нѣдрахъ губернскаго архіерейскаго хора. Съ перваго раза можетъ показаться, что едва-ли на такой почвѣ могло произойти что-нибудь значительное и достойное общаго вниманія, но когда мы узнаемъ, что событіе взволновало лучшую часть губернскаго общества, было замѣчено губернаторомъ и дошло до свѣдѣнія самого архіерея, то мнѣніе это само собою исчезнетъ.

Дѣло было въ субботу. Пѣвчіе явились часа въ три дня на спѣвку, были всѣ въ сборѣ и никто ничего не подозрѣвалъ. Наблюдательность ихъ не шла настолько далеко, чтобъ замѣтить, какіе свирѣпые глаза были у регента Вертоградова, когда онъ взялъ въ руки скрипку, засучивъ предварительно рукава парусиноваго пиджака, и, сильно нажимая смычкомъ по струнамъ, началъ подтягивать квинту, которая не доносила. При этомъ ре-

Digitized by Google

гентъ щурилъ лѣвый глазъ, кривилъ ротъ и вообще дѣлалъ такія невѣроятныя гримасы, какъ будто хотѣлъ разсмѣшить весь хоръ. Но онъ, разумѣется, этого не хотѣлъ, и у него на душѣ было совсѣмъ другое.

Скрипка была настроена, пѣвчіе заняли свои мѣста: дисканты и альты сидѣли на скамейкѣ вдоль длиннаго, нѣкогда выкрашеннаго въ черную краску, а нынѣ испещреннаго совершенно непонятными знаками, стола, тенора стояли справа, а басы слѣва, заслонивъ собою часть широкаго окна. Вертоградовъ положилъ передъ собою партитуру, задалъ тонъ, и пѣвчіе затянули довольно стройно. Это было новое, недавно только выписанное изъ столицы «Отче Нашъ», на которое Вертоградовъ возлагалъ большія надежды. Надежды эти были не матеріальнаго, а чисто-художественнаго свойства. Какъ истинный артистъ, Вертоградовъ любилъ оставлять въ слушателяхъ пріятное впечатлѣніе, и по той же причинѣ ему нравилось, когда почтенные посѣтители собора послѣ обѣдни подходили къ нему, пожимали руку и благодарили за умилительное пѣніе. Однимъ словомъ, Вертоградовъ любилъ славу и ради нея находился въ постоянномъ волненіи, придумывая, что бы еще такое разучить новенькое.

Спѣвка была, такъ сказать, генеральная, потому что завтра, во время обѣдни, предполагалось исполнить въ первый разъ новое «Отче Нашъ». И пѣвчіе исполняли свои партіи совершенно правильно, но щепетильному регенту все казалось, что гдѣ-то чего-то недостаетъ, и онъ ежеминутно схватывалъ скрипку и бросался съ нею на помощь то къ тенорамъ, то къ дискантамъ, то къ басамъ. Особенно его почему-то безпокоили басы. Ему все казалось, что они сбиваются, и опять-таки, неизвѣстно почему, ему казалось, что сбивается не кто иной, какъ октавистъ Шакаловъ, и онъ усиленно наигрывалъ надъ его ухомъ, сопровождая свою игру выразительнымъ взглядомъ въ его сторону.

Шакаловъ, будучи по характеру своему человѣкомъ

Digitized by Google

спокойнымъ и терпѣливымъ, долго терпѣлъ, но наконецъ поднялъ руку и закрылъ ладонью лѣвое ухо.

Вертоградовъ вскипѣлъ.

— Что же это вы закрываете уши, когда для васъ играютъ! — крикнулъ онъ, стуча смычкомъ по столу, что весь хоръ понялъ, какъ знакъ остановки, и замолкъ.

— Потому что напрасно играютъ!—пробасилъ Шакаловъ такимъ низкимъ и гремучимъ голосомъ, что, казалось, голосъ этотъ выходилъ изъ-подъ полу.

— Какъ напрасно?—продолжалъ кипятиться регентъ.

— А такъ напрасно!—спокойно и нисколько не повышая голоса, отвѣтилъ Шакаловъ.

— А вотъ мы увидимъ! Пойте дальше!

Хоръ запѣлъ, и никто не слышалъ, чтобы Шакаловъ сбивался, а Вертоградовъ слышалъ и искренно вѣрилъ въ это, хотя, на самомъ дѣлѣ, этого и не было. Впрочемъ, иначе и быть не могло, если принять во вниманіе, что въ душѣ регента было такое чувство противъ октависта, что если бы тотъ сидѣлъ передъ нимъ и молчалъ, то регенту все же казалось бы, что онъ сбивается.

Но все это было пустое въ сравненіи съ главнымъ, а главное-то было въ финалѣ. Допѣли до «отъ лукаваго», которое тянулось очень долго и величественно и вся суть котораго заключалась въ томъ, что въ унисонъ съ басами его тянула октава. Благодаря этому, получалось нѣчто поразительное. И вотъ тутъ-то Вертоградову и показалось, что октава окончательно не дотягиваетъ.

— Вы не доносите!—сказалъ онъ, опять остановивъ пѣніе и обращаясь къ Шакалову.

— Чего вы пристаете ко мнѣ?—вдругъ спросилъ тотъ.

— Не пристаю, а не доносите, говорю вамъ...

— Я не доношу?—съ легкимъ изумленіемъ воскликнулъ Шакаловъ.

— А то кто же, я, что-ли?

— Гм!.. Это удивительно. Въ первый разъ въ жизни слышу, что октава можетъ не доносить! А я такъ думаю, что это у васъ уши не тово... не въ порядкѣ...

Digitized by Google

— Что такое?

— Уши, говорю, не въ порядкѣ...

— А я полагаю, что у васъ голова не въ порядкѣ!— промолвилъ регентъ, сверкнувъ очами.

— Гм... Чего добраго!—повидимому, добродушно замѣтилъ Шакаловъ и даже пощупалъ правой рукой свою голову, какъ бы желая убѣдиться, въ порядкѣ-ли она. Но вслѣдъ за этимъ онъ протянулъ свою длинную руку къ окну, взялъ свою фуражку изъ синяго сукна съ широкимъ прямымъ козырькомъ и направился къ двери.

Регентъ опѣшилъ, очевидно, не ожидая такого рѣшительнаго шага.

— Куда вы?—спросилъ онъ.

— Кто, я?—промолвилъ Шакаловъ, остановившись на полдорогѣ.—Я къ брату съѣзжу, въ Кардановку... Можетъ, тамъ и голову починю!..

— Да вы съ ума сошли!—воскликнулъ Вертоградовъ.—Завтра архіерейское служеніе, а онъ въ деревню ѣдетъ... Ей-Богу, вы съ ума сошли, Шакаловъ...

— А чего добраго! Можетъ, оно такъ и есть! Прощайте, братцы!

Послѣднее восклицаніе онъ произнесъ по адресу всего хора и затѣмъ неторопливо вышелъ изъ пѣвческой, надѣвъ фуражку на свою низко остриженную голову.

Вертоградовъ задумался. Шакаловскій нравъ былъ хорошо ему извѣстенъ. Человѣкъ-то онъ добродушный и мягкій, но бываютъ съ нимъ такіе случаи, что вдругъ взбредетъ въ голову что-нибудь нелѣпое, неосновательное, никуда негодное, онъ возьметъ да и сдѣлаетъ. И на этотъ разъ регентъ былъ совершенно увѣренъ, что Шакаловъ уѣдетъ въ подгородное село, гдѣ братъ его служитъ дьякономъ. А какія отъ этого произойдутъ послѣдствія, даже предвидѣть невозможно, и лучше о нихъ не думать.

И Вертоградовъ вдругъ опомнился. Онъ выскочилъ изъ пѣвческой безъ шапки и со смычкомъ въ рукахъ и

Digitized by Google

крикнулъ вслѣдъ Шакалову, который успѣлъ уже пройти весь дворъ и приближался къ калиткѣ:

— Послушайте, Шакаловъ!.. Ѳедоръ Игнатьичъ! Вернитесь, да вернитесь же! Ну, я извиняюсь! Извините, Ѳедоръ Игнатьичъ! Ну?!

Но Шакаловъ, несмотря на то, что регентъ сдѣлалъ ему такую честь и назвалъ его даже Ѳедоромъ Игнатьичемъ, даже не обернулся, а только какъ-то позади себя махнулъ рукой, отворилъ калитку и скрылся.

Вертоградовъ постоялъ съ минуту, потомъ плюнулъ и возвратился въ пѣвческую.

— Окончательно съ ума спятилъ человѣкъ!—сказалъ онъ со злостью, швырнувъ смычокъ на столъ.—Ну, теперь «Отче Нашъ» надо бросить, потому что безъ октавы ничего не выйдетъ!..

И онъ распустилъ пѣвчихъ по домамъ.

II.

До всенощной оставалось часа два, и Вертоградовъ, даже не зайдя домой перекусить, тотчасъ же сталъ принимать мѣры. Прежде всего онъ зашелъ на квартиру къ Шакалову, но тутъ узналъ, что октавистъ забѣжалъ только на минуту, захватилъ четверку табаку и уѣхалъ. Было ясно, что Шакаловъ рѣшился дѣйствовать безъ послабленій. Вертоградовъ взялъ самаго лучшаго извозчика, какой только былъ въ городѣ, и велѣлъ, что есть мочи, катить въ предмѣстье, гдѣ служилъ братъ октависта. Онъ разсчиталъ, что успѣетъ вернуться ко всенощной, и въ душѣ давалъ клятвы обнаружить передъ Шакаловымъ всю любезность, какая только найдется у него въ сердцѣ. Мало этого. Онъ рѣшился завести рѣчь о томъ, что служило у нихъ причиной раздора, и даже на этомъ пунктѣ готовъ былъ сдѣлать кой-какія уступки. Очевидно, что для него было слишкомъ важно, чтобы сегодня на всенощной и завтра въ обѣднѣ въ хорѣ звучала октава. И дѣйствительно, это было очень важно. Начать съ того,

Digitized by Google

что хоръ безъ октавы напоминалъ бы собою домъ, который построенъ безъ фундамента и стоитъ даже не на пескѣ, а такъ, на воздухѣ. Какъ бы ни былъ жидокъ хоръ, но когда октава зароется въ низы и начинаетъ тамъ мелодически гудѣть, то пѣніе пріобрѣтаетъ полноту и стройность, и всѣ недостатки скрадываются. Это важно, но есть вещи еще поважнѣе.

Дѣло въ томъ, что преосвященный-то очень любитъ октаву вообще и Шакалова, обладателя ея, въ частности. Будучи человѣкомъ малоразговорчивымъ и даже суровымъ, владыко всякій разъ, когда встрѣчаетъ Шакалова, проясняется и непремѣнно вступаетъ въ разговоръ.

— Ну, что, октава? Ревешь, а?—шутливо спроситъ онъ.

А Шакаловъ осклабится и отвѣтитъ:

— Ревемъ, ваше преосвященство!

И при этомъ, чтобы сказать это, соберетъ всѣ свои силы и возьметъ тонъ какъ можно ниже. Преосвященный разсмѣется и потомъ долго остается въ пріятномъ настроеніи. Случалось даже такъ, что, когда онъ очень гнѣвается, а тутъ надо доложить ему какое-нибудь дѣло, такъ Шакалова нарочно подпускали къ нему, и онъ шелъ, когда архіерей гулялъ въ своемъ саду, и дѣлалъ видъ, будто встрѣтился случайно. Происходилъ обычный разговоръ, результатомъ котораго являлось доброе настроеніе,—тогда и дѣло докладывали, и все кончалось благополучно.

Но и это еще не все. Къ Шакалову питалъ благодарность весь соборный причтъ, начиная отъ главнаго протоіерея и кончая послѣднимъ пономаремъ. Вѣдь не кто другой, какъ онъ, по праздникамъ собиралъ полную церковь народа, привлекая богомольцевъ изъ другихъ приходовъ. Это было изслѣдовано достовѣрно. Однажды Ѳедоръ Игнатьевичъ заболѣлъ и пролежалъ мѣсяцъ, и что же? Тотчасъ же было замѣчено, что богомольцевъ въ соборѣ стало меньше. Нѣтъ, что ни говорите, а октава въ хорѣ важная вещь, удивительно важная вещь.

Digitized by Google

Да, наконецъ, и самъ губернаторъ... Впрочемъ, это будетъ видно дальше.

Итакъ, Вертоградовъ, рѣшившись поступиться многимъ, поѣхалъ въ догонку за Шакаловымъ. Времени у него было немного. По разсчету на всѣ переговоры у него оставалось не болѣе четверти часа. И онъ всю дорогу обдумывалъ, какъ бы вѣрнѣе приступить къ нему. Конечно, онъ готовъ былъ пожертвовать многимъ, но не всѣмъ, далеко не всѣмъ. Тутъ, пожалуй, можно коснуться самаго главнаго вопроса и разсказать, что собственно было причиной вражды между двумя столь необходимыми элементами архіерейскаго хора.

Впрочемъ, легко догадаться, что это была женщина.

Да, безъ сомнѣнія, это была женщина, которую звали Маѳой Ильиничной. Это была довольно извѣстная въ городѣ особа, и притомъ весьма почтенная и уважаемая. Покойный мужъ ея, чахоточный мѣщанинъ Арефій Поспѣловъ, владѣлъ бакалейной торговлей, которую и ей оставилъ въ наслѣдство. Она овдовѣла очень рано. Ей теперь было всего 28 лѣтъ, а что она была пригожа и обладала бѣлымъ и полнымъ тѣломъ, въ этомъ были согласны всѣ.

Пристрастіе къ хоровому пѣнію Маѳа Ильинична обнаруживала еще при покойномъ мужѣ. Тотъ не особенно любилъ это, но такъ какъ онъ былъ безъ ума отъ Маѳы Ильиничны, то страсть эту допускалъ и поощрялъ. Послѣ его смерти хоровое пѣніе для Маѳы Ильиничны мало-по-малу стало олицетворяться въ двухъ представителяхъ хора—въ регентѣ Вертоградовѣ и въ октавистѣ Шакаловѣ. Богъ знаетъ, почему она избрала эти двѣ противоположности, — такъ какъ у Вертоградова былъ совсѣмъ тоненькій голосъ, даже и не теноръ, а просто тоненькій голосъ. Должно быть, это вышло роковымъ образомъ.

Но замѣчено было, что Маѳа Ильинична становилась въ церкви очень близко къ клиросу и внимательно смотрѣла то на регента, то на октависта. Необхо-

Digitized by Google

димо пояснить, однако, что это она начала дѣлать не ранѣе, какъ по истеченіи шестинедѣльнаго срока послѣ смерти своего мужа. Затѣмъ регентъ и октавистъ стали бывать у нея, выпивать и закусывать. Сначала они дѣлали это мирно, а потомъ вдругъ поняли, что они враги и стоятъ другъ другу поперекъ дороги къ счастью. Счастье же состояло въ томъ, чтобъ получить руку и сердце Марѳы Ильиничны, а вмѣстѣ съ этимъ и бакалейную торговлю.

Началась глухая вражда. Регентъ придирался къ октависту, гдѣ только могъ, а октавистъ выкидывалъ эксцентричности, зная, что этимъ досадитъ регенту. Возьметъ, и среди какого-нибудь пѣснопѣнія, какъ разъ гдѣ необходима октава, начнетъ лицемѣрно кашлять или сморкаться, а въ хорѣ въ это время получается пробѣлъ. Вертоградовъ это замѣчаетъ и понимаетъ, въ чемъ тутъ штука, но сказать ничего не можетъ, потому что кашлять и сморкаться—законное право всякаго человѣка.

Съ этихъ поръ они и къ Марѳѣ Ильиничнѣ стали ходить врозь: одинъ выходитъ, другой входитъ. И такъ какъ шансы у обоихъ были довольно сильны, то ни одинъ изъ нихъ не рѣшался сдѣлать предложеніе. Сама же Марѳа Ильинична пріятно колебалась между регентомъ и октавистомъ и такъ ласково принимала и того, и другого, что, казалось, не прочь была повѣнчаться съ обоими.

Описанный эпизодъ былъ однимъ изъ моментовъ этой борьбы.

Вотъ Вертоградовъ и обдумывалъ теперь, какъ бы это такъ усмирить Шакалова, не поступившись, однакожъ, ничѣмъ существеннымъ, иными словами, — какъ бы обойти его. Вертоградовъ не особенно былъ стоекъ въ словахъ и позволялъ себѣ иногда пообѣщать такое, чего никогда не имѣлъ въ виду исполнить. И въ настоящемъ случаѣ онъ, отчасти имѣя въ виду нѣкоторую простоватость Шакалова, разсчитывалъ на эту свою драгоцѣнную способность, впрочемъ, рѣшивъ прибѣгнуть къ ней только въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Digitized by Google

Уже городъ остался позади, и видна была церковь предмѣстья. Впереди въ отдаленіи двигалась черная точка, и Вертоградовъ подумалъ, что это и есть Шакаловъ. Хорошо бы догнать его на дорогѣ. Это прибавило бы шансовъ уговорить его. Пріѣдетъ къ брату, разговорится, разлѣнится, трудно будетъ вытащить. Поэтому онъ велѣлъ возницѣ гнать лошадей.

И, въ самомъ дѣлѣ, при въѣздѣ въ предмѣстье, онъ чуть было не догналъ Шакалова, но какъ разъ въ узкомъ проѣздѣ балки встрѣтились три мужицкіе воза; пришлось разъѣзжаться шагомъ, а октавистъ въ это время успѣлъ пріѣхать къ брату.

III.

Въ предмѣстьи въ это время прозвонили уже къ вечернѣ, дьякона не было дома, и въ то время, когда бричка, на которой пріѣхалъ Вертоградовъ, подкатила къ воротамъ дьяконскаго дома, Шакаловъ успѣлъ представиться невѣсткѣ, стряхнуть съ себя пыль и теперь сидѣлъ уже на крылечкѣ за круглымъ столикомъ и благодушно попивалъ квасъ. Вечернее солнце спряталось за пригоркомъ, но его лучи чувствовались въ воздухѣ. Отъ рѣки вѣяло легкой прохладой. Ѳедоръ Игнатьевичъ разстегнулъ пуговицы пиджака и жилетки и, меланхолически глядя на розоватое облачко, мирно плывшее по небу, скручивалъ толстую папиросу, а свѣжая, только что начатая четверка табаку лежала передъ нимъ.

Когда бричка остановилась у воротъ, Шакаловъ повернулъ голову къ воротамъ.

— О!—густо пробасилъ онъ. —Еще гость! Кто бы это могъ быть? Святитель Николай Угодникъ!—воскликнулъ онъ затѣмъ, разглядѣвъ Вертоградова, который переходилъ уже черезъ дворъ и приближался къ крыльцу. —Да это Вертоградовъ! Какими судьбами, Антонъ Михайлычъ? Какъ же это вы? Даже всепощное бдѣніе рѣшились прекратить? Вотъ такъ чудеса!

Digitized by Google

Само собою разумѣется, что Шакаловъ, несмотря на свое простодушіе, очень хорошо понималъ, зачѣмъ пріѣхалъ Вертоградовъ. Не даромъ же онъ, послѣ только что происшедшей ссоры, принялъ шутливый, любезный тонъ. Это объяснялось отчасти и тѣмъ, что здѣсь онъ чувствовалъ себя немного хозяиномъ и любезность считалъ долгомъ гостепріимства. Вертоградовъ подошелъ къ столику и укоризненно покачалъ головой.

— И не стыдно вамъ, и не грѣшно, Ѳедоръ Игнатьевичъ! Ну, можно-ли такъ безбожно казнить человѣка? Ай-ай-ай!

— Какъ казнить? Зачѣмъ казнить?—съ лицемѣрнымъ удивленіемъ спросилъ Шакаловъ.

— Да какъ же? Вы не знаете, что безъ васъ хоръ, все равно, что—фу, вотъ что такое онъ безъ васъ! И вдругъ передъ самой всенощной уѣзжаете... Развѣ это не казнь?

Тутъ Вертоградовъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду слегка польстить октависту. Шакаловъ пододвинулъ ему стулъ и любезно сказалъ:

— Садитесь, Антонъ Михайловичъ. Да не хотите-ли квасу? Дайте-ка намъ стаканчикъ, Дарья Гавриловна! Вѣдь вы знаете мою невѣстку, супругу моего брата, отца Амвросія? А вотъ и она.

При появленіи маленькой смуглолицей женщины, Вертоградовъ выпрямился, а потомъ поклонился ей и сказалъ:

— Какъ же, мы знакомы!—А потомъ сѣлъ на предложенный стулъ и продолжалъ: — А за квасъ спасибо. Некогда. Времени очень мало имѣю...

Хозяйка поздоровалась и тотчасъ опять скрылась хлопотать по хозяйству.

— Ну, какъ же, Ѳедоръ Игнатьичъ,—продолжалъ Вертоградовъ,—ѣдемъ со мной!

— Какъ ѣдемъ? Да зачѣмъ же я пріѣхалъ? Я отдохнуть хочу... И притомъ насчетъ головы, какъ вы сами сказали, Антонъ Михайлычъ...

Digitized by Google

— Э, полноте, я погорячился... Это со всякимъ бываетъ, и съ вами можетъ случиться... Ей-Богу же ѣдемъ, Ѳедоръ Игнатьевичъ... Сами посудите, всенощная, что преосвященный скажетъ? Вѣдь вамъ ничего, вы что-нибудь взболтнете, а мнѣ какой нагоняй будетъ!.. И за что вы такъ, право, на меня? Ахъ, Боже мой, Боже мой!..

Шакаловъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, ужъ я тутъ останусь... Что мнѣ! Вы какъ-нибудь обойдетесь, а зато по другимъ дѣламъ безъ меня лучше успѣете, право!

Это было сказано съ такимъ ехидствомъ, какого отъ Шакалова даже трудно было ожидать. Вертоградовъ, разумѣется, понялъ, о какихъ такихъ «другихъ дѣлахъ» онъ говоритъ, и нашелъ, что это и есть моментъ для того, чтобы «поступиться».

— Послушайте!—заговорилъ онъ съ сердечной ноткой въ голосѣ.—Зачѣмъ вы это говорите? Ни въ какихъ другихъ дѣлахъ я успѣвать не намѣренъ. И я вамъ по совѣсти вотъ что скажу, Ѳедоръ Игнатьевичъ: никогда я на нее, то есть на Марѳу Ильиничну, серьезныхъ намѣреній не имѣлъ и не имѣю... Это я вамъ прямо говорю, по чистѣйшей совѣсти... И даже такъ вамъ скажу (тутъ Вертоградовъ подумалъ: «коли врать, такъ врать»), скажу я вамъ, что у меня совсѣмъ другой предметъ имѣется...

— Ой-ли?—съ глубокимъ недовѣріемъ спросилъ Шакаловъ.

— Пусть я не буду больше регентомъ архіерейскаго хора, если это не такъ.

Тутъ Вертоградовъ помыслилъ: «регентомъ-то я все равно останусь, потому больше некому».

— О-го!—пробасилъ Шакаловъ.

— Увѣряю васъ, Ѳедоръ Игнатьевичъ! И дѣлайте вы, что хотите, со своей Марѳой Ильиничной. Совсѣмъ она мнѣ даже не по вкусу!.. Толстая очень, и носъ большой...

— Ну, это вы врете!—съ достоинствомъ вступился Шакаловъ.—Совсѣмъ она не толстая, а какъ слѣдуетъ,

Digitized by Google

и насчетъ носа тоже неправильно: носъ у нея даже очень пріятный...

— Какъ вамъ угодно! А только ѣдемъ, ѣдемъ, Ѳедоръ Игнатьевичъ! Время не терпитъ! Черезъ сорокъ минутъ ко всенощной заблаговѣстятъ...

— А я все-таки не поѣду...

— Ѳедоръ Игнатьевичъ!—умоляющимъ голосомъ воскликнулъ Вертоградовъ.

— Нѣтъ, не поѣду! По правдѣ сказать, мнѣ-таки надо подышать свѣжимъ воздухомъ. Это и для октавы полезно. Это мнѣ одинъ докторъ говорилъ...

— Ну, что вамъ стоитъ?

— Не поѣду я, Антонъ Михайловичъ. Я вотъ посижу здѣсь вечерокъ и подумаю. Можетъ, и придумаю завтра къ обѣднѣ пріѣхать!.. А сегодня даже и не просите!..

Вертоградовъ чуть не плакалъ. А межъ тѣмъ времени у него больше не оставалось ни одной минуты. Осталось ровно столько, чтобы поспѣть ко всенощной. Онъ всталъ.

— Жестокій вы человѣкъ, Ѳедоръ Игнатьевичъ! Вполнѣ жестокій и безчеловѣчный!

Тутъ онъ махнулъ рукой, сѣлъ въ бричку и уѣхалъ.

По дорогѣ онъ разсуждалъ съ досадой: «Даромъ только порохъ потратилъ, и притомъ за извозчика восемь гривенъ придется заплатить. Вотъ чортъ! Вотъ скимень рыкающій, ужъ поистинѣ рыкающій... Хоть бы его надоумило къ обѣднѣ пріѣхать, все-таки легче. Сегодня, если преосвященный спроситъ, скажу, что заболѣлъ простудой!.. Ну, нѣтъ, однако, шалишь, Марѳы Ильиничны я тебѣ не уступлю! Тоже захотѣлъ! Главное тутъ бакалейная лавка... Дѣло хорошее! Можно будетъ и регентство бросить, и на всѣхъ Шакаловыхъ наплевать. Еще съ соборнымъ старостой сговорюсь, чтобъ забиралъ у меня деревянное масло для лампадокъ, непремѣнно сговорюсь. Нѣтъ, тутъ есть изъ-за чего потягаться!..»

Когда онъ подъѣзжалъ къ собору, раздался первый ударъ праздничнаго благовѣста. «Охъ, многіе богомольцы

Digitized by Google

будутъ сегодня недовольны!—со вздохомъ подумалъ онъ.—Оно и дѣйствительно: хоръ безъ октавы—такъ себѣ, ни то, ни сё, сухо какъ-то выходитъ. Все равно, что каша безъ масла»...

Съ этими мыслями онъ вошелъ въ соборъ, гдѣ пѣвчіе уже были въ сборѣ.

IV.

Какъ только раздалось пѣніе перваго возгласа, Вертоградовъ первый покрутилъ носомъ: «Не то, не то», мысленно проговорилъ онъ; а по мѣрѣ того, какъ шла вечерня, въ прихожанахъ замѣчалось безпокойство. Они сперва и сами не понимали, чего собственно имъ недостаетъ, но всѣ вмѣстѣ съ Вертоградовымъ чувствовали, что «не то, не то».

Неподалеку отъ клироса по обыкновенію стояла Марѳа Ильинична. Вертоградовъ посматривалъ на нее искоса, однимъ только лѣвымъ глазомъ, и замѣчалъ, что лицо ея выражаетъ какъ бы легкій испугъ. Можетъ быть, во всей церкви никто не былъ такъ огорченъ отсутствіемъ октавы, какъ эта почтенная женщина. И это вовсе не значило, чтобъ она ужс рѣшила предпочесть Шакалова Вертоградову, о, нѣтъ, но для того, чтобы душа ея могла какъ слѣдуетъ умилиться, необходимо было, чтобъ въ хорѣ присутствовали они оба, чтобъ Вертоградовъ задавалъ тонъ и сдержанно махалъ рукой, а шакаловская октава тихо гудѣла, пронизывая и сдабривая всѣ голоса, придавая имъ мягкость, полноту, звучность. И она была смущена и не могла молиться такъ, какъ ей хотѣлось бы. Ея взоры то и дѣло направлялись въ то мѣсто клироса, гдѣ обыкновенно стоялъ Ѳедоръ Игнатьевичъ, словно она думала, что Вертоградовъ нарочно изъ ревности пряталъ его среди дискантовъ, и будто она не теряла надежды, что вотъ-вотъ среди могучихъ спинъ остальныхъ басовъ вырисуется прямая и стройная спина Шакалова. Но нѣтъ: вечерня шла своимъ порядкомъ, а Шакаловъ не появлялся.

Digitized by Google

Рѣшительно встревожились прихожане. Незамѣтно для самихъ себя, они всѣ перешли на правую сторону, гдѣ стоялъ хоръ, и съ недоумѣніемъ прислушивались. Но, наконецъ, вся церковь поняла, чего именно недостаетъ хору,—октавы. Въ особенности это стало ясно, когда запѣли тихое, таинственное «Слава въ вышнихъ Богу». Тутъ октава была совершенно необходима. Она должна была затягивать концы стиховъ и долго-долго отдаваться подъ глубокими сводами церкви.

Тревога начала выражаться активно. Первымъ всполошился церковный староста, толстый, почтенный владѣлецъ многихъ хлѣбныхъ баржъ на мѣстной рѣкѣ, тотъ самый, съ которымъ Вертоградовъ имѣлъ въ виду сговориться насчетъ деревяннаго масла для лампадъ. Онъ прислалъ на клиросъ церковнаго сторожа узнать, что такое случилось съ октавой.

— Скажи, что октава боленъ... Боленъ, скажи!— нетвердымъ голосомъ отвѣтилъ Вертоградовъ, и при этомъ всѣ пѣвчіе двусмысленно переглянулись.

— А какою болѣзнью, велѣно узнать? — спросилъ сторожъ.

— Болѣзнь? Гм!.. Простудная болѣзнь... Сквознымъ вѣтромъ прохватило...— съимпровизировалъ регентъ, и сторожъ понесъ эту печальную вѣсть церковному старостѣ.

Многіе изъ почтенныхъ прихожанъ подходили къ клиросу, тихонько толкали кого-нибудь изъ пѣвчихъ и шопотомъ освѣдомлялись о томъ, куда дѣвалась октава. Ихъ успокаивали тѣмъ, что повторяли слова Вертоградова про простудную болѣзнь. Но вотъ кто-то толкнулъ самого Вертоградова. Онъ оглянулся съ досадой, потому что это начинало надоѣдать и мѣшало пѣть. Но каково было его изумленіе, когда оказалось, что это самъ губернаторъ. Онъ всегда посѣщалъ службу въ соборѣ и очень цѣнилъ талантъ Шакалова. Вертоградовъ почтительно перегнулся черезъ рѣшетку такимъ образомъ, что его ухо пришлось у самаго губернаторскаго рта.

Digitized by Google

— Почему же сегодня господина октависта вашего нѣтъ?—огорченнымъ тономъ спросилъ губернаторъ.

— Онъ хвораетъ, ваше высокопревосходительство!— отвѣтилъ Вертоградовъ, подумавъ при этомъ: «коли врать, такъ ужъ и губернатору врать».

— Гм!.. И что же, серьезно хвораетъ?

— Нѣтъ, не то чтобы, а такъ, ваше высокопревосходительство...

— Гм!.. Какъ жаль, какъ жаль!.. У него такой пріятный голосъ... И это, знаете, придаетъ, такъ сказать, благолѣпіе... Вотъ что: я попрошу своего доктора зайти къ нему... Онъ гдѣ живетъ?

Вертоградовъ прикусилъ языкъ. Обычная находчивость измѣнила ему, и онъ не зналъ, что сказать. Но вдругъ его осѣнила мысль:

— Ваше высокопревосходительство, это не поможетъ... Онъ просто, какъ бы сказать, съ похмелья, что называется...

— А онъ развѣ пьетъ?

— Случается, ваше высоконревосходительство.

— Какъ жаль, какъ жаль!..

Губернаторъ отошелъ, а Вертоградовъ, поднявшись, почувствовалъ, что у него все лицо мокро отъ пота и красно. Тутъ онъ мысленно проклялъ Шакалова за всѣ огорченія, какія ему сегодня пришлось испытать изъ-за октавы. Но это было еще не все. Въ скорости послѣ разговора съ губернаторомъ, его потребовали въ алтарь къ самому архіерею. Тутъ его спросили строго,—почему нѣтъ Шакалова. Но Вертоградовъ въ такой степени уже привыкъ къ своей собственной выдумкѣ, что почти вѣрилъ ей, и онъ отвѣтилъ архіерею безъ запинки и притомъ голосомъ, въ которомъ слышалось соболѣзнованіе:

— Не такъ-то здоровъ, ваше преосвященство!

Архіерей, не слишкомъ довѣрявшій словамъ регента и цѣнившій въ немъ только музыкальныя свѣдѣнія, пытливо посмотрѣлъ на него, но въ виду того, что время было молитвенное, не разспрашивалъ и отпустилъ его.

Digitized by Google

Это объясненіе такъ легко досталось Вертоградову, что онъ даже не вспотѣлъ и вышелъ изъ алтаря съ легкимъ сердцемъ. И думалось ему, что всѣ главныя лица удовлетворены по части октавы, а между тѣмъ его ждало еще настоящее огорченіе.

Послѣ всенощной, когда онъ уже сошелъ съ возвышенія и направился къ выходу, имѣя въ виду догнать въ церковной оградѣ Марѳу Ильиничну и, безъ конкуренціи, проводить ее до дому и попить у нея чайку,—къ нему подошелъ почтенный мужчина купеческаго вида, въ которомъ онъ тотчасъ узналъ торговца сѣномъ и соломой, Онучкина.

— Я имѣю къ вамъ дѣльце, господинъ Вертоградовъ!—сказалъ Онучкинъ, отводя его въ сторону, гдѣ меньше было народу.—Завтрашній день, вечеромъ, моя дочь имѣетъ вѣнчаться съ купеческимъ сыномъ Вьюшкинымъ, знаете, который на Рыбной держитъ торговлю вяленой и сушеной рыбой... Такъ этотъ самый... Желательно, чтобы архіерейскіе пѣвчіе пѣли.

— Что же,— отвѣтилъ Вертоградовъ,— мы съ полнымъ удовольствіемъ...

— А какая будетъ цѣна?—спросилъ Онучкинъ.

— Цѣна обыкновенная: ежели съ двумя полными концертами, кромѣ «Гряди, гряди», которое и такъ полагается, то пятьдесятъ рублей... А ежели безъ концертовъ, а съ однимъ «Гряди», то сорокъ...

— Такъ мы за этимъ не постоимъ. Мы желаемъ на пятьдесятъ, чтобъ все было какъ слѣдуетъ. Только условіе...

— Какое же собственно?

— А то, чтобы непремѣнно октава была... Потому безъ октавы и вѣнчанье какъ бы не полное...

— Гм... Вы желаете октаву?..

— Обязательно. А ежели безъ октавы, то больше двадцати пяти рублей никакъ не могу дать, потому никакой полноты нѣтъ... Какъ, напримѣръ, сегодня. Притомъ же октава должна апостола выносить... За это, само

Digitized by Google

собою, будетъ особая плата... Такъ по рукамъ, господинъ Вертоградовъ?

— Гм!.. Да... По рукамъ, по рукамъ!.. Само собою!..—пробормоталъ Вертоградовъ, а самъ въ это время думалъ: «Октава, октава! А гдѣ я тебѣ возьму октаву, если этотъ быкъ упрется и завтра! Вотъ напасть! Хорошо еще, что онъ не знаетъ, что за него лишнихъ двадцать пять рублей даютъ. Тогда бы окончательно съ нимъ не сладить...» Такъ былъ огорченъ Вертоградовъ, что, несмотря на рѣдкій случай отсутствія конкуренціи, не пошелъ даже чай пить къ Марѳѣ Ильиничнѣ.

Ночь онъ спалъ плохо. Ужъ онъ всячески раскидывалъ умомъ, придумывая средство умилостивить Шакалова, но ничего не могъ придумать. Такъ и на обѣдню онъ пошелъ съ повѣшеннымъ носомъ.

Но какова же была его радость, когда въ тотъ самый моментъ, когда протодіаконъ вышелъ изъ алтаря, чтобъ начать службу, позади клироса послышался густой сочный кашель; весь хоръ оглянулся, и всѣ увидѣли Шакалова, шествовавшаго на клросъ. Ѳедоръ Игнатьевичъ смиловался и пріѣхалъ.

Отлично пѣли въ этотъ день обѣдню архіерейскіе пѣвчіе. Шакаловская октава звучала какъ-то особенно густо и вкусно, очевидно, укрѣпившись на свѣжемъ воздухѣ предмѣстья. Прихожане перестали тревожиться, а ободренный Вертоградовъ думалъ: «Ну, и пріударю же я теперь за Марѳой Ильиничной! Вдвойнѣ! И бакалея будетъ-таки моя!»

А Марѳа Ильинична стояла неподалеку отъ клироса и молилась съ совершенно успокоеннымъ сердцемъ.

Digitized by Google

ТЫСЯЧА ТАЛАНТОВЪ

(этюдъ).

— Да, батюшка, талантовъ у меня великое множество, а толку изъ этого не выходитъ никакого. Это такъ-съ. Это совершенно вѣрно-съ!...

— Ну, что вы говорите? Полноте!...

— Да какъ—полноте? Это именно такъ и есть, это истинная правда-съ!...

— Но какъ же такъ? И почему?

— Почему? А это вопросъ... Это, дѣйствительно, вопросъ!

Человѣкъ, у котораго было превеликое множество талантовъ, сидѣлъ въ мягкомъ развалистомъ креслѣ, облокотившись всѣмъ корпусомъ на широкую, отлогую спинку его. Онъ обладалъ удивительно счастливой наружностью. Онъ не былъ ни красивъ, ни статенъ, ни изященъ, ни блестящъ, нѣтъ, его наружность нельзя опредѣлить другимъ словомъ, какъ это: счастливая. На лицѣ его было даже съ полдюжины рябинокъ,—слѣды давней оспы, носъ—сперва прямой и ровный, на концѣ какъ-то неожиданно вздергивался кверху, въ русыхъ усахъ и бородѣ не было никакого порядка, лобъ казался слишкомъ великимъ, притомъ же онъ почему-то былъ бѣлый, какъ молоко, тогда какъ все лицо носило оттѣнокъ мѣди. Наконецъ и глаза—обыкновенные сѣрые глаза, были совсѣмъ заурядны, но все это вмѣстѣ, все лицо его дышало ясной, открытой сердечностью. Бываютъ такія лица: посмотришь на нихъ и хочешь быть откровеннымъ, по-

Digitized by Google

вѣрить какую-нибудь тайну, открыть душу. И сложенъ онъ былъ угловато, и движенія у него были мѣшковатыя, и голосъ немного рѣзкій, но и это въ немъ было симпатично. Однимъ словомъ—счастливая наружность. Звали его Николаемъ Петровичемъ Бобровымъ.

Его собесѣдникъ былъ просто солидный человѣкъ—адвокатъ по серьезнымъ гражданскимъ дѣламъ, обладатель большой квартиры и, между прочимъ, кабинета, въ которомъ они сидѣли, съ тяжелой мягкой мебелью, съ помѣстительными шкафами, заполненными множествомъ умныхъ и поучительныхъ книгъ. Это—Куражевъ, Сергѣй Алексѣевичъ, лицо извѣстное въ городѣ и почитаемое. Съ Бобровымъ онъ познакомился недавно, видѣлся съ нимъ раза три, но уже былъ во власти его наружности. Сегодня Бобровъ пришелъ къ нему въ первый разъ, и завязалась бесѣда. Куражевъ кромѣ практики занимался еще и «общими вопросами», какъ онъ это называлъ; а означало это,—что онъ вообще былъ человѣкъ живой и отзывчивый, интересовался жизнью и людьми и любилъ «попсихоложничать», т. е. порыться въ душѣ человѣческой.

— А вотъ почему, потому что я русскій человѣкъ! Да-съ, именно поэтому,—сказалъ Бобровъ, уже безъ вопроса со стороны хозяина.

— Это непонятно. Надо объясниться!—замѣтилъ хозяинъ и взглянулъ на него съ такимъ любопытствомъ заправскаго психолога, будто сбирался взять ножъ и разрѣзать его грудь и посмотрѣть, что тамъ въ душѣ его дѣлается.

— Объясниться? Что-жъ, мнѣ объясниться не трудно-съ. Я могу и готовъ объясниться, только это придется начать издалека...

— Это ничего. Я готовъ слѣдовать за вами въ глубь временъ.

— Ну, въ глубь, не въ глубь, а все-же моего покойнаго родителя вспомнить придется, а чего добраго и бабушку.

Digitized by Google

— Хоть прадѣдушку, мнѣ все равно. Вы меня заинтересовали своимъ страннымъ положеніемъ...

— Положеніе мое не такъ странно, ежели къ нему приглядѣться. Я утверждаю именно это,—что русскій человѣкъ страдаетъ отъ своей талантливости. Да-съ, именно-съ. Это не порядокъ-съ. У него всегда бываетъ превеликое множество талантовъ, и отъ этого изъ него никогда ничего путнаго не выходитъ. Да-съ, позвольте-съ, возражать будете потомъ, а теперь дайте ужъ мнѣ... Я напалъ на хорошую линію, могу говорить ясно и толково. Это тоже не всегда удается. Возьмите самый простой примѣръ. Была у меня кухарка,—впрочемъ, она и теперь существуетъ, и былъ у нея мужъ—онъ тоже къ вашимъ услугамъ, а зовутъ его Иваномъ. Впрочемъ, объ этомъ можно было догадаться à priori, что у всѣхъ кухарокъ мужья—Иваны. И скажу я вамъ, какъ удивилъ меня этотъ Иванъ, просто втупикъ поставилъ, да-съ! Жена его пришла одна, а онъ къ ней—черезъ недѣлю. Посидѣлъ, пощелкалъ сѣмячекъ и ушелъ. Благородно.

Дня черезъ три опять явился, но уже съ утра. Завтракъ подъѣдалъ, посуду мылъ, обѣдалъ, все какъ слѣдуетъ. Уже онъ намъ приглядѣлся, зачѣмъ-то послали его, въ аптеку кажется,—мигомъ сбѣгалъ. Ну, однимъ словомъ, коротко говоря, недѣли черезъ двѣ онъ уже поселился въ кухнѣ, и это имѣло у него такой простой и ясный видъ, что намъ даже и въ голову не приходило усомниться въ его правахъ на это и прогнать его. Остается онъ и по сей день, но не въ этомъ дѣло. Замѣчено было, что онъ никуда на работу не ходитъ, а все въ кухнѣ сидитъ, тарелки моетъ, сапоги чиститъ, въ лавочку бѣгаетъ, ѣстъ и спитъ. Однажды я спросилъ его:

— Послушай, Иванъ! Ты что же—какое-нибудь ремесло знаешь?

— Я всякое ремесло могу!—съ большой увѣренностью отвѣтилъ онъ мнѣ

— Какъ такъ? Неужели всякое?

Digitized by Google

— Всякое, Николай Петровичъ!—онъ иначе не называлъ меня, какъ Николаемъ Петровичемъ.

— Почему-жъ ты, въ такомъ случаѣ, ничего не дѣлаешь?

— Да такъ, работа не попадается... Не выходитъ, значитъ...

И можете представить,—онъ не лгалъ, онъ дѣйствительно «всякое ремесло знаетъ». Столъ у меня обѣденный расклеился, я велѣлъ позвать столяра.

— Зачѣмъ вамъ, Николай Петровичъ, столяръ? я вамъ это въ самомъ лучшемъ видѣ сдѣлаю!...—объявилъ онъ мнѣ, и дѣйствительно, повозился онъ со столомъ часа три и возвратилъ его къ жизни. Правда, работа была грубоватая. Клей присохъ сосульками на видныхъ мѣстахъ, головки гвоздей какъ-то бокомъ впивались въ дерево: но зато было прочно. Дѣтскую ванночку жена хотѣла починить, онъ схватилъ ее, выровнялъ бока, какимъ-то образомъ запаялъ, да вдобавокъ еще выкрасилъ изнутри и снаружи бѣлой краской. Ну, разумѣется, все это не Богъ знаетъ какъ чисто, но ничего, можно пользоваться. Потребовалось въ одной комнатѣ перемѣнить обои, онъ и тутъ мастеромъ оказался, въ одномъ только углу руло вверхъ ногами повѣсилъ. Наконецъ, съ наступленіемъ весны, онъ исчезъ и три дня не являлся. Пришелъ, весь въ глинѣ и въ известкѣ.

— Гдѣ былъ?

— Я-съ? Каменную работу дѣлалъ...

— Какую такую каменную работу?

— Очень просто: домъ строилъ...

— Какъ? Ты и каменщикъ?

— А очень просто, и каменщикъ... Я всякое ремесло могу!...

Чтобы покончить съ Иваномъ, скажу вамъ, что онъ оказался еще портнымъ и собственноручно сшилъ себѣ пальто. Конечно, это было прескверное пальто, но носимое. Кончилъ онъ тѣмъ, что оказался пьяницей и билъ свою жену. Этотъ Иванъ—русскій человѣкъ, да-съ. Его

Digitized by Google

несчастье въ томъ, что у него много способностей, и ко многому есть влеченіе. Благодаря этому, онъ научился многому, но ничему толкомъ, и ни на чемъ не можетъ онъ остановиться, сосредоточиться, усовершенствоваться. Займется онъ красильнымъ дѣломъ, а въ немъ уже пробудился каменщикъ; займется каменной работой, его тянетъ къ портняжному искусству, и т. д. Неудивительно, что человѣкъ этотъ всю жизнь мучится, разрывается на части, и отъ времени до времени, для проведенія итоговъ, запиваетъ и бьетъ свою жену. Итакъ, вамъ ясно, что несчастье русскаго человѣка заключается въ его многосторонней талантливости. Иное дѣло—другія націи. Возьмите нѣмца. Нѣмецъ, онъ, конечно, не глупъ, но талантовъ никакихъ у него нѣтъ; у него есть одинъ только талантъ—терпѣніе, и посмотрите, какія чудеса онъ дѣлаетъ съ этимъ скромнымъ товарищемъ. Однимъ только терпѣніемъ онъ достигаетъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности такихъ результатовъ, что мы съ своими талантами только руками разводимъ отъ удивленія. И все потому, что у него одинъ только этотъ талантъ и есть. Знаетъ онъ это и уже съ самыхъ пеленокъ начинаетъ разрабатывать его. Я слышалъ, что нѣмецкіе младенцы вообще очень рѣдко плачутъ. Это именно оттого, что они привыкаютъ къ терпѣнію. Теперь англичанинъ. Безспорно, это умная нація, но талантъ-то у нея все-таки одинъ, это—эгоизмъ въ широчайшемъ значеніи этого слова, т. е. самоуваженіе, самообожаніе, презрѣніе ко всему не-англійскому и эксплоатація его въ свою пользу. Этотъ талантъ, проводимый съ строгою послѣдовательностью черезъ все—отъ самаго мелкаго до грандіознаго,—даетъ имъ возможность первенствовать во всемъ мірѣ. Вотъ-съ.

— Однако, мы немножко уклонились. Вы хотѣли говорить о себѣ!—деликатно перебилъ его адвокатъ.

— Нѣтъ, я не уклонился. Я только началъ для того, чтобы прійти именно къ себѣ. Теперь я и перейду къ этому достойному вниманія предмету. Надо вамъ знать,

Digitized by Google

что отецъ мой былъ человѣкъ не высокаго рода, однако—дворянинъ, но изъ сильно захудалыхъ. Онъ былъ управляющимъ въ имѣніи одного графа. Образованія не получилъ никакого, но много видѣлъ и слышалъ и имѣлъ практически развитой умъ. Восьми лѣтъ отъ роду я почувствовалъ влеченіе къ скрипкѣ. Да-съ, къ скрипкѣ. Это былъ не капризъ избалованнаго ребенка, а именно влеченіе. Я помню, какъ билось у меня сердце при мысли о томъ, что отецъ купитъ мнѣ скрипку. И вотъ ее купили. Церковный регентъ научилъ меня первымъ пріемамъ, показалъ, какъ надо держать смычекъ и пальцы, и я началъ рѣзать. Рѣзалъ прескверно, но что-то такое выходило. Лѣтъ десяти меня свезли въ городъ и отдали въ гимназію. Здѣсь у меня былъ уже учитель патентованный, у котораго скрипка стоила триста рублей, если только онъ не вралъ. Отецъ платилъ ему за меня натурой: то творогу привезетъ, то сельдей боченокъ, то огурцовъ для солки. Научился я у него дѣлать первые правильные шаги, и что-жъ, вы думаете, изъ этого вышло? Ничего. Многіе слушали меня и восклицали: «ахъ, какой талантъ!» И дѣйствительно, былъ талантъ. Но вы понимаете, что мнѣ надо было играть до-ре-ми-фа-соль—и больше ни-ни, а тутъ пріѣхала тетка:

— Сыграй, миланчикъ, что-нибудь, я тебѣ за это рубль серебряный подарю.

Я сыгралъ ей до-ре-ми-фа-соль.

— Ну, что-жъ это такое? Это даже совсѣмъ не интересно! А мнѣ сказали, что у тебя талантъ есть. Какой же это талантъ? Вотъ ежели-бъ ты сыгралъ что-нибудь этакое, чтобъ за душу ухватило, это я понимаю. Нѣтъ, наврядъ у тебя есть талантъ!.. «Какъ? У меня нѣтъ таланта? Тетушка полагаетъ это? Постойте-жъ, я докажу вамъ!» И тихонько отъ учителя я выучиваю «Выхожу одинъ я на дорогу», играю теткѣ, выходитъ чувствительно, она вытираетъ слезы и говоритъ:—вотъ это другое дѣло, теперь я вижу, что у тебя есть талантъ!..

Digitized by Google

Тогда я выучилъ еще «Гусаръ, на саблю опираясь», «Подъ вечеръ осенью ненастной» и, наконецъ, батенька мой, кадриль изъ «Прекрасной Елены». Поѣхалъ потомъ въ деревню, всѣ въ восторгѣ. Мой репертуаръ пришелся по вкусу. Чуть кто пріѣдетъ или придетъ къ намъ, сейчасъ отецъ хвастается:

— А вы знаете, какъ онъ у меня на скрипкѣ играетъ! Ну-ка, Коленька, сыграй «Гусара»!..

Я становлюсь въ позицію и играю «Гусара», а тамъ до «Прекрасной Елены» добираюсь. Такимъ манеромъ я давалъ концерты все лѣто, перезабылъ все, чему научился у учителя, а главное—сталъ презирать до-ре-ми-фа-соль, потому что они не давали никакой славы. Такъ я и застрялъ, батенька, на Прекрасной Еленѣ, да-съ. А тутъ вдругъ страсть къ стихотворству обуяла. Влеченіе, что подѣлаете! Сталъ я стихи писать «стоя, лежа, сидя, ходя» Сначала скрывалъ, ибо поэзія, это та же любовь, она ищетъ тайны и уединенія. Но проклятое тщеславіе и тутъ взяло верхъ. Стихи у меня выходили недурные, показалъ товарищу-другому, подхватили, разнесли, сдѣлался я присяжнымъ гимназическимъ поэтомъ. И директоръ узналъ, потребовалъ тетрадку, одобрилъ: у тебя, говоритъ, есть даръ божій. Чуть торжественный случай, сейчасъ ко мнѣ: Бобровъ, приготовь стихотвореніе! Бобровъ готовитъ и торжественно декламируетъ. Вы понимаете, къ чему это привело. А къ тому, что сталъ Бобровъ ломаться, писать высокопарно, чтобъ походило на Державина, и его младенческая поэзія выродилась въ плоскость. Слѣдовательно, ничего не вышло. Между тѣмъ я уже былъ въ 7-мъ классѣ, грудь начала наполняться восторгами иного рода. Поэзію я бросилъ, потянуло къ книжкѣ—серьезной, умной. Сначала упивался Бѣлинскимъ, потомъ Добролюбовымъ, потомъ и Писаревъ попалъ къ намъ... Окончаніе курса, университетъ...

Бобровъ остановился, поднялся съ мѣста и сталъ ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Да, университетъ! Способности у меня были бле-

Digitized by Google

стящія, а что изъ этого вышло? Знаете что? Чортъ знаетъ что!.. Влекло меня къ наукѣ, хотѣлось узнать и исторію человѣчества, и его творенія, я сдѣлался филологомъ и сталъ глотать книгу за книгой. Уже профессоръ одинъ обратилъ на меня вниманіе, отмѣтилъ, но тутъ оказалось, что моя родина въ такой наукѣ не нуждается; и вотъ—кружокъ, изученіе Смита, Милля, Маркса... Смотришь, черезъ годъ я уже—юристъ... Да-съ! Юристъ. И скажу вамъ, что въ Смитѣ-Миллѣ-Марксѣ я также оказалъ способности. Откуда взялось краснорѣчіе, неукротимая логика и пр. У Милля ошибки находилъ, такъ прямо и говорилъ: Тутъ, молъ, г. Милль ошибается, да-съ! Оно и понятно, авторитетовъ мы никакихъ не признавали, кромѣ своего собственнаго. Милль для насъ былъ не источникъ мудрости, а поводъ показать глубину своей эрудиціи передъ дамами нашего кружка. Изъ дамъ были хорошенькія; это я вамъ по совѣсти говорю. И удивляться надо, какъ я не женился тогда! Ей-Богу-съ, удивительно. Потому что почти всѣ, можно сказать, тогда спаровались, и вы не думайте—какъ нибудь,—законнымъ бракомъ. Потомъ половина разъѣхалась съ женами, это понятно. Вѣдь сошлись на почвѣ Милля, а жизнь не Милль, это всякому извѣстно. Да-съ. И такъ, я уцѣлѣлъ. Надо полагать, произошло это оттого, что я опоздалъ. Почтенные сочлены разобрали всѣхъ хорошенькихъ, остались такъ себѣ, ну, а у меня все-таки былъ эстетическій вкусъ. Однако, Милля мы очень скоро скомкали, именно скомкали. Вдругъ стало очевидно, какъ день, что онъ никуда не годится, ибо спасеніе отечества заключается совсѣмъ не въ политической экономіи, а въ анатоміи и физіологіи. А отечество спасти надо было во что бы то ни стало. Не дай Богъ, еслибъ его спасъ кто-нибудь другой, это была-бы для насъ кровная обида.

Вы догадываетесь, что результатомъ этого былъ мой переходъ на отдѣленіе естественныхъ наукъ. Представьте себѣ, что и тутъ я оказался на высотѣ своего призванія. Я прилипъ къ стулу, а микроскопъ прилипъ къ моему

Digitized by Google

носу. Я сидѣлъ дни и ночи, изучалъ, анализировалъ, и не думайте, что безплодно. Напрасно-съ! Я даже открытіе сдѣлалъ, какое-то особенное свойство кровяного шарика обнаружилъ, изучилъ и описалъ, да-съ. Ужъ не помню теперь, что это было за свойство, но произвело впечатлѣніе, и мое описаніе даже гдѣ-то въ какомъ-то журнальчикѣ напечатали. Но въ то самое время, какъ я раздѣлывалъ кровяной шарикъ, во мнѣ уже созрѣвало новое стремленіе. Еще одинъ талантъ, чортъ возьми! Природа вгнѣздила въ меня ихъ, сколько влѣзло, и каждый хотѣлъ чѣмъ-нибудь проявиться, одинъ не хотѣлъ уступить другому. Отъ времени до времени меня тянуло къ бумагѣ Сядешь этакъ въ ночной тишинѣ, при керосинной лампѣ, и набросаешь сценку. Иной разъ дурно, въ другой разъ очень даже недурно. Да-съ. Кое-кто прочиталъ. Эге! Да у тебя литературный талантъ, пиши! Ну, сейчасъ стали носиться передъ глазами образы успѣха, извѣстности, даже славы, чортъ возьми! Слава! Кого она не лишитъ головы! Какое дѣло не заставитъ она швырнуть къ чорту! И вотъ, я уже больше не сижу надъ микроскопомъ, а провожу ночи напролетъ надъ созданіемъ литературно-художественныхъ образовъ. Это повлекло меня изъ провинціи въ Петербургъ; я умчался туда и началъ искать славы. Первый опытъ—удача. Напечатали, похвалили и записали въ разрядъ «много-обѣщающихъ». Я спѣшилъ, ужасно спѣшилъ, я хотѣлъ сразу заграбастать всю славу и, разумѣется, комкалъ и портилъ. Дальнѣйшія мои работы уже похвалы не вызывали, а были почтены снисходительнымъ молчаніемъ. Я бѣсился, сталъ еще больше налегать, еще сильнѣе спѣшить и еще основательнѣе комкать и портить. Мелькнетъ идея, и я, вмѣсто того, чтобы положить ее въ укромный уголокъ моей души, пережить и перечувствовать ее, моментально сажусь и начинаю обработывать ее на бумагѣ. Выходитъ то, да не то. Выходитъ нѣчто блѣдное, преждевременно рожденное. Да-съ. Печатаютъ, но такъ—больше для балласта. А талантъ есть, дѣйстви-

Digitized by Google

тельно есть, это всѣ признали. Но какой-то недодѣланный, какъ недоговоренная фраза, недорисованная картина, неполированная и не покрытая лакомъ мебель.

Наконецъ, еще одно стремленіе! Старая способность къ музыкѣ проснулась, и я ринулся въ музыкальную школу. Я—будущій композиторъ, я изучаю гармонію, контрапункты, и тутъ опять-же всѣ находятъ, что у меня есть способности. Міръ звуковъ меня поглощаетъ. Мнѣ хочется создавать, творить, и я, не дойдя и до фуги, пишу уже романсы и издаю ихъ... Ахъ, и тутъ я не дошелъ до конца. Мои два романса имѣли успѣхъ, ихъ пѣли въ концертахъ, да-съ, и я рѣшилъ, что могу писать оперу. Къ чему ученье, если есть талантъ? Это чисто русское разсужденіе...

И знаете-ли теперь, что я такое? Я человѣкъ—безъ опредѣленной спеціальности. Я—русскій человѣкъ, у котораго—тысяча талантовъ, и который ни къ какому опредѣленному дѣлу не способенъ. Я умѣю играть на скрипкѣ кадриль изъ «Прекрасной Елены», я могу написать сонетъ, я могу разсуждать о русской литературѣ, объ исторіи, я знаю кое-что о Смитѣ, Миллѣ, Марксѣ, я смыслю въ кровяномъ шарикѣ, обладаю литературнымъ слогомъ, могу сочинить романсъ, и въ результатѣ—я занимаю мѣсто столоначальника въ одной канцеляріи, по протекціи, разумѣется. Развѣ это не тотъ же Иванъ? Мы оба—русскіе люди. И онъ, и я можемъ все и ни къ чему не пригодны; и у него, и у меня—по тысячѣ талантовъ у каждаго. И что же? Онъ—мужъ моей кухарки, а я—столоначальникъ! Позиціи разныя, но смыслъ одинъ и тотъ же... Да-съ!

Тутъ Бобровъ скрутилъ толстую папиросу, сильно задымилъ, взялъ шапку и раскланялся съ хозяиномъ.

Digitized by Google

КРЕЩЕНСКІЕ ДНИ.

(Изъ деревенскихъ воспоминаній).

Ну, денечекъ!

Въ моей комнатѣ ставни плотно закрыты. Въ нихъ есть довольно широкія щели, сквозь которыя лѣтомъ смѣло пробивается яркій солнечный лучъ, и тогда въ комнатѣ становится почти такъ же свѣтло, какъ и на дворѣ, и ужъ разъ открывшіеся глаза ни за что не сомкнутся, потому что тянетъ къ свѣту, къ свѣжему лѣтнему утру, къ птицамъ, уже щебечущимъ подъ окнами, къ сочнымъ сливкамъ и сдобному хлѣбу съ масломъ. Но теперь солнца нѣтъ, оно—за тучами. Я проснулся, глаза мои полуоткрылись, я не сплю, но и не бодрствую. Случайно, какъ въ грезѣ, я соображаю, что сегодня—канунъ Крещенья, и слегка вздрагиваю, когда въ головѣ моей мелькаютъ слова: «голодная кутья».

«Голодная кутья», это не—фраза, не звукъ пустой, не условное названіе. Не даромъ же въ этотъ день въ домѣ всѣ стараются спать какъ можно подольше. Это дѣлается съ той цѣлью, чтобы сократить день. Инымъ это легко, а другимъ достается съ большимъ трудомъ. Я знаю, что сестренка Лиза сладостно потягивается въ своей постелькѣ и говоритъ себѣ: «сегодня голодная кутья, буду спать, спать, спать», и это ей ничего не стоитъ, она смыкаетъ глазки и спитъ и видитъ продолженіе прежняго сна. Но мать раскрыла глаза, и милліоны дневныхъ заботъ вмѣстѣ съ нею проснулись въ ея головѣ, и ужъ ей больше не уснуть.

Digitized by Google

Я чувствую, что на дворѣ пасмурно. Снѣгъ большими мохнатыми хлопьями падаетъ на землю, въ воздухѣ тихо. Не знаю почему, но въ этотъ день всегда падаетъ снѣгъ и именно какой-то мохнатый. По улицамъ и во дворахъ всѣ ходятъ бѣлые, хлопья снѣга лѣзутъ въ ротъ, въ глаза и уши. Кучеръ Антипъ, въ видѣ мраморнаго изваянія, стоитъ посреди двора съ метлой въ рукѣ и только и дѣлаетъ, что подметаетъ дворъ. Все дѣло въ томъ, что господа встанутъ и имъ будетъ непріятно, если дворъ будетъ занесенъ снѣгомъ. Подъ «господами» тутъ въ сильной степени разумѣюсь я, потому что никто другой въ такой степени не пользуется дворомъ, какъ я, каждое утро обѣгающій всѣ его закоулки. Но напрасно Антипъ такъ упорно борется съ природой. Снѣгъ все падаетъ и густымъ слоемъ ложится на подметенныя мѣста. Такой ужъ день. Да, всѣ стараются подольше оставаться въ постеляхъ. Это понятно. Въ обычные дни всякій, одѣвшись и умывшись, выходитъ въ столовую и находитъ тамъ шипящій и дымящійся паромъ самоваръ, окруженный всѣми благами деревенской природы. Воспользовавшись этими благами, каждый занимается своимъ дѣломъ (я, напримѣръ, надѣваю большіе теплые сапоги, подвязываю къ нимъ коньки, ѣду на рѣчку и усердно скольжу во всѣхъ направленіяхъ), а къ двѣнадцати часамъ всѣ уже опять въ столовой, гдѣ готовъ сытный и вкусный завтракъ. Но сегодня ничего этого нѣтъ. Сегодня строгій день, и если кто хочетъ сохранить доброе расположеніе духа, то ему лучше и не заглядывать въ столовую. Нѣтъ ничего болѣе удручающаго, какъ видъ столовой съ утра «голодной кутьи». Столъ даже не покрытъ скатертью, а блеститъ своей холодной клеенкой сѣро-стальнаго цвѣта, стулья чинно стоятъ, буфетъ запертъ,—настоящая пустыня. Въ двѣнадцать часовъ тоже ничего не будетъ,—все такъ же будетъ блестѣть клеенка, все въ томъ же безподобномъ порядкѣ будутъ стоять стулья у стѣнъ, и никакого движенія. Только часамъ къ двумъ, когда съ церковной ограды, у бочекъ, наполненныхъ во-

Digitized by Google

дой, начнется церковная служба, только тогда въ столовой послышится пріятное, чуть-чуть сдержанное, слегка таинственное щекотанье тарелокъ, блюдъ, стакановъ, рюмокъ. Это приготовленіе къ «голодной кутьѣ», которая, впрочемъ, окажется довольно сытной.

Но у меня лично есть еще другая причина морщить лицо при мысли, что насталъ этотъ день. Вѣдь я—школьникъ. Я пріѣхалъ въ деревню только на двѣ недѣли. Ну, что-жъ, завтра—Крещенье, а послѣ-завтра подадутъ къ крыльцу простыя сани, запряженныя тройкой, возьмутъ меня вмѣстѣ съ моими книгами, въ которыя я за всѣ праздники ни разу не заглянулъ, и увезутъ подъ мрачные своды гимназическаго пансіона. Что тутъ хорошаго? Разстаться съ теплымъ, уютнымъ, роднымъ гнѣздышкомъ, разстаться съ ласковыми взглядами родныхъ, съ этимъ невиннымъ баловствомъ, которое расточается мнѣ со всѣхъ сторонъ, съ этой рѣкой, съ ея высокимъ камышемъ, съ садомъ, деревья котораго отъ верхушекъ до низу покрыты бѣлоснѣжнымъ серебромъ, разстаться со всѣмъ этимъ хотя бы и ради науки,—тяжело вѣдь, право тяжело!..

Однако-жъ, часовъ въ десять я подымаюсь съ постели. Не могу я больше валяться. Притомъ же меня подымаетъ голодъ, и я кое-что на этотъ счетъ знаю.

Я знаю, напримѣръ, что моя мать теперь въ кладовой. Она выдаетъ кухаркѣ провизію, а это очень много значитъ. Я знаю, что въ кладовой есть не мало вкусныхъ вещей и притомъ—постныхъ, совершенно постныхъ. Я знаю, что когда я явлюсь туда, то добрая моя матушка прочитаетъ на моемъ лицѣ страданіе. Можетъ быть, я безсознательно слукавлю и усилю это выраженіе жалостной миной. Можетъ быть, даже мой голосъ будетъ дрожать. И въ головѣ моей доброй матушки начнется рядъ материнскихъ компромиссовъ. Вотъ они: «Бѣдный мальчикъ совсѣмъ голоденъ, онъ блѣденъ и похудѣлъ даже... Какъ же можно такъ мучить бѣднаго мальчика? Пріѣхалъ домой на нѣсколько дней, и его заставляютъ

Digitized by Google

голодать... Притомъ же онъ совсѣмъ не такой здоровый, какъ мы. Его и въ пансіонѣ держатъ на діэтѣ. Ну, чтожъ тутъ такого, если онъ съѣстъ что-нибудь до свяченой воды!.. Неужели Богъ не проститъ мальчику этого грѣха?.. Какой блѣдненькій... Ай, это ужасно!.. Это просто—жестоко».

И въ то время, какъ эти разсужденія будутъ въ головѣ матушки подходить къ концу, преступленіе уже само собою совершено и—смотришь—я стою надъ какой-нибудь кадушечкой или жестяной коробкой и скромно жую что-нибудь, безусловно, однако же, постное...

Однимъ словомъ, я подымаюсь въ десять часовъ, т. е. именно послѣ того, какъ кукушка, высунувшаяся изъ часовъ, висящихъ въ столовой, прокуковала десять разъ. Оказывается, что встала уже не только мать, но и сестра Лиза. Объ отцѣ я и не говорю: онъ съ шести часовъ на ногахъ и въ дѣлахъ. Лиза въ какомъ-то странномъ узенькомъ капотикѣ, который дѣлаетъ ее такой маленькой, словно она не семнадцатилѣтняя дѣвица, а какая-нибудь дѣвченка. При моемъ появленіи она улыбается, и это кажется мнѣ подозрительнымъ. Мнѣ, маленькому гурману, представляется рѣшительно невозможнымъ, чтобы человѣкъ, съ утра до трехъ часовъ дня осужденный на голодъ, былъ въ хорошемъ настроеніи и улыбался другому человѣку, точно также осужденному на голодъ. Я подозрѣваю, что произошелъ какой-нибудь обходъ обычая, что сестренка что-нибудь перехватила, но оказывается, что я заблуждаюсь, какъ самый дурной эгоистъ. Сестренка манитъ меня пальцемъ, подходитъ къ шкафу, открываетъ его, беретъ оттуда кофейникъ и наливаетъ мнѣ чашку кофе, сопровождая ее свѣжимъ бубликомъ. «Только пей здѣсь, чтобы никто не видѣлъ, а то вѣдь—соблазнительно. Это папа разрѣшилъ тебѣ»...—говоритъ сестра.

Мой отецъ собственно и есть виновникъ такой строгости въ нашемъ домѣ. Послѣ я узнаю, что когда я еще спалъ, произошелъ краткій семейный совѣтъ, на кото-

Digitized by Google

ромъ мать представила отцу самыя серьезныя доказательства необходимости разрѣшить мнѣ чашку кофе съ бубликомъ, ссылаясь на мое слабое здоровье (хотя, видитъ Богъ, я всегда былъ удивительно здоровъ!), а также и на то, что довольно напощусь еще въ пансіонѣ. Отецъ посмотрѣлъ на это строго; мать сказала, что готова взять весь этотъ грѣхъ исключительно на свою душу. Тогда отецъ, не желая обременять душу моей матери столь тяжкимъ грѣхомъ, согласился и только прибавилъ: «но безъ сливокъ и безъ масла!» И такимъ образомъ грѣхъ былъ раздѣленъ между ними пополамъ.

Снѣгъ валитъ хлопьями; Антипъ уже махнулъ рукой и отнесъ метлу въ сарай, сообразивъ, наконецъ, что этотъ сизифовъ трудъ ни къ чему не приведетъ. Но я не обращаю вниманія на стихіи, надѣваю свои «ботфорты» и отправляюсь на рѣчку. Тутъ я убѣждаюсь, что не я одинъ иду наперекоръ стихіямъ. Душъ десять парней и мальчишекъ,—первые въ овчинныхъ полушубкахъ, вторые въ фланелевыхъ кофтахъ своихъ матерей,—давно уже расчистили снѣгъ своими большими «чоботами» и оживленно «сколзаются» по льду. У каждаго изъ нихъ на правой ногѣ подъ широчайшей подошвой пристроена кость,—простое, обыкновенное ребро отъ какого-нибудь домашняго животнаго—и на этомъ ребрѣ онъ катитъ такъ же исправно, какъ если бы это былъ какой-нибудь англійскій конекъ. Катитъ онъ собственно на одной ногѣ, а другой подталкиваетъ. Нельзя сказать, чтобы это выходило граціозно, но цѣль достигается, и деревенскіе спортсмены, при помощи ребра, отломаннаго отъ какого-нибудь конскаго скелета, валяющагося въ полѣ, получаютъ высокое наслажденіе.

Мое появленіе на льду производитъ фуроръ. Я важно и величественно качу мимо парней и мальчишекъ на своихъ тонкихъ, изящныхъ конькахъ, причемъ стараюсь выдѣлывать замысловатыя фигуры, внезапныя остановки и крутые повороты. На меня глядятъ, мною любуются, видимо, отдавая должное моему искусству, и я очень доволенъ.

Digitized by Google

Морозъ не крѣпокъ, и я провожу на льду нѣсколько часовъ, не замѣчая, какъ они идутъ. Но вотъ я вижу, что къ берегу рѣки приблизилась какая-то нелѣпая фигура, и узнаю въ ней кухарку Федосью, надѣвшую на себя все, что у ней было теплаго, и оттого потолстѣвшую втрое. Она машетъ мнѣ рукой и кричитъ во весь голосъ:

— Панычу, панычу! Пожалуйте до церкви ѣхать!

Наконецъ-то! Значитъ, уже около двухъ часовъ, и правда — со стороны церкви доносится благовѣстъ, и можно видѣть, какъ въ церковную ограду сходится народъ. Всѣ спѣшатъ на церковный звонъ, вся деревня проголодалась, ни у кого не было во рту ни крохи.

Я тороплюсь, снимаю коньки, и вотъ уже передо мною среди двора стоятъ широкія сани, запряженныя тройкой, въ нихъ сидятъ отецъ, мать и сестра, меня подсаживаютъ, и я сажусь какъ-то всѣмъ разомъ на колѣни; Антипъ натянулъ возжи и пустилъ лошадей. Мы мчимся по бѣлому снѣжному пути. Встрѣчный воздухъ охватываетъ мое лицо крѣпкимъ холодомъ; это пріятно, отъ этого духъ захватываетъ.

Вотъ и церковная ограда. Народъ толпится здѣсь. Въ церковь никто не идетъ, потому что служба будетъ на открытомъ воздухѣ. Три кадушки съ водой; передъ ними столикъ, накрытый парчевой скатертью, на столикѣ Евангеліе, крестъ и кропило. Народъ молча разступается и даетъ намъ мѣсто. Мы проходимъ къ самому столику, а я отдаляюсь отъ своихъ, подхожу къ кадушкамъ и заглядываю въ каждую изъ нихъ поочередно, хотя отлично знаю, что тамъ нѣтъ ничего, кромѣ воды.

Изъ церкви выходитъ батюшка въ свѣтлой праздничной ризѣ и дьякъ Антонъ Евсеевичъ. Начинается служба. Я все время смотрю въ затылокъ Антону Евсеевичу и никакъ не могу понять, зачѣмъ онъ заплетаетъ свои скудные волосы въ тончайшую косичку; ихъ такъ мало, они такъ коротки, что косичка даже не лежитъ на затылкѣ, а торчитъ кверху и очень напоми-

Digitized by Google

наетъ крысиный хвостикъ. Антонъ Евсеевичъ наводитъ меня и на другія мысли, но это потомъ.

Служба подходитъ къ концу, и въ толпѣ начинается какое-то странное движеніе. Бабы вытаскиваютъ изъ-подъ кофтъ бутылочки, ковши, даже горшки и напираютъ другъ на дружку, толпясь къ кадушкамъ съ освященной водой. Батюшка ушелъ въ церковь, а дьякъ Антонъ Евсеевичъ занялъ боевую позицію у кадушекъ.

— Погоди, бабы, не напирай! Всю воду расхлюпаете! Всѣмъ хватитъ, всѣмъ! — кричитъ онъ сильно охриплымъ отъ праздничныхъ трудовъ голосомъ. — Эй, Марфа, ты что дѣлаешь? Зачѣмъ тебѣ цѣлое ведро? Ахъ, жадная!.. Надо и другимъ оставить.

А Марфа дѣйствительно жадничаетъ и пытается зачерпнуть воды полный кувшинъ, вмѣстимостью въ доброе ведро. Но я понимаю, почему она это дѣлаетъ. Марфѣ надо много воды. Она принесетъ ее домой и спрячетъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы она не испортилась. Марфа заговариваетъ зубы, и не въ какомъ-нибудь тамъ переносномъ смыслѣ, а въ самомъ прямомъ: когда у кого-нибудь изъ деревенскихъ обывателей болятъ зубы, то ему нѣтъ другого исхода, какъ пойти къ Марфѣ. Но надо тутъ же сказать, что эта почтенная женщина не имѣетъ никакихъ сношеній съ нечистой силой. Напротивъ, она знаетъ и произноситъ слова божественныя и даетъ пить больному крещенскую воду. Теперь понятно, почему Марфѣ надо такъ много воды.

Уже вечеретъ, когда мы на нашихъ саняхъ возвращаемся домой. Въ моей головѣ—самыя веселыя мысли, самыя пріятныя предчувствія. И эти предчувствія какъ нельзя лучше сбываются. Мы входимъ въ столовую. Она теперь нисколько не напоминаетъ пустыню. На столѣ горятъ толстыя восковыя свѣчи, а весь столъ уставленъ блюдами съ пирогами, рыбой во всевозможныхъ видахъ, взваромъ и кутьей, и все это — щепетильно постное. Начинается трапеза — чинная, тихая. Всѣ почему-то молчатъ и будто священнодѣйствуютъ.

Digitized by Google

Если бы кто-нибудь въ это время прошелъ по деревнѣ, то онъ встрѣтилъ бы на улицѣ только собакъ, свиней и телятъ, но ни одной человѣческой души. Вся деревня въ это время ѣстъ и пьетъ основательно послѣ цѣлодневнаго добровольнаго голода. Во всѣхъ окнахъ свѣтятся огоньки, во всѣхъ хатахъ торжественное молчаніе, и если бы вы вздумали увѣрять кого-нибудь изъ селянъ, что онъ просто ѣстъ, потому что голоденъ, а не совершаетъ богоугодное дѣло, то васъ сочли бы за еретика.

Послѣ трапезы я знаю, что мнѣ надо дѣлать. Мнѣ предстоятъ большія хлопоты. На дворѣ уже ночь. Снѣгъ пересталъ падать, тучи разсѣялись, загорѣлись яркія звѣзды; тихо въ воздухѣ. Стоитъ крѣпкій морозъ, но я одѣтъ тепло и не боюсь холода.

Я начинаю съ того, что иду въ кухню отыскивать Антипа. Это единственный человѣкъ, при помощи котораго я могу достигнуть своей цѣли. Антипъ сидитъ на лавкѣ и полудремлетъ. Въ кухнѣ, вѣдь, также была трапеза и не менѣе торжественная, чѣмъ въ столовой, и потому Антипъ отяжелѣлъ. Но, завидѣвъ меня, онъ подымаетъ голову и лицо его оживляется улыбкой.

— А что, панычику?—спрашиваетъ онъ, дѣлая видъ, что даже и не подозрѣваетъ, зачѣмъ я пришелъ. Но онъ, разумѣется, отлично это знаетъ.

— Пойдемъ, Антипъ!—говорю я.

— Да не пустятъ васъ... Гдѣ-жъ таки? Ночь!

— Пустятъ... Пойдешь?

— А что дадите? А? Какъ повезу васъ въ городъ, въ школу значитъ, такъ вы мнѣ подарите осьмушку табаку?

Само собою разумѣется, что я охотно обѣщаю ему осьмушку табаку, которой, впрочемъ, онъ съ меня и не потребуетъ. Это Антипова шутка.

— Ну, проситесь же у мамаши...

А мать знаетъ, въ чемъ дѣло. Ей извѣстно мое непобѣдимое стремленіе къ таинственному, и потому она

Digitized by Google

только принимаетъ мѣры, чтобы я не замерзъ. На сапоги натягиваются валенки, на руки—теплѣйшія рукавицы поверхъ моихъ обычныхъ перчатокъ, шею окутываютъ гарусным платкомъ, словомъ, я дѣлаюсь совершенно недоступенъ какимъ бы то ни было внѣшнимъ впечатлѣніямъ.

Антипъ натянулъ свой полушубокъ, взялъ фонарь на всякій случай, палку съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, и мы идемъ по льду рѣки. Путь нашъ лежитъ въ ту сторону, гдѣ на возвышеніи стоитъ церковь. Уже издали, несмотря на темноту, я вижу, какъ на бѣломъ фонѣ рѣки, какъ разъ противъ церкви, чернѣется какая-то группа, движущаяся, живая.

— Уже почали!—говоритъ Антипъ, и мы ускоряемъ шаги. Вотъ мы пришли. Мы находимъ здѣсь душъ двадцать парней. Всѣ они вооружены,—тотъ ломомъ, этотъ топоромъ, тотъ лопатой. Двое держатъ въ рукахъ какія-то посудины съ жидкостью. Ломы и топоры стучатъ по льду, лопаты выгребаютъ разбитый ледъ. Работа идетъ дружно, и вотъ мало-по-малу на льду рѣки выступаетъ опредѣленная фигура—огромный крестъ, высѣченный на льду. Онъ готовъ совсѣмъ и сдѣланъ замѣчательно искусно и правильно. Тогда парни, держащіе въ рукахъ посудины, подходятъ къ кресту и выливаютъ въ него буракозый (свекольный) квасъ, и вся фигура дѣлается красной, словно облитой кровью. На меня вся эта процедура производитъ какое-то захватывающее дѣйствіе, въ особенности въ тотъ моментъ, когда льютъ квасъ... Признаюсь, я и до сихъ поръ не знаю, зачѣмъ собственно это дѣлаютъ, и сомнѣваюсь, чтобы и парни знали это навѣрное.

Такимъ образомъ—Іордань готова, завтра утромъ ее слегка подновятъ и сюда придутъ молебствовать батюшка съ Антономъ Евсеевичемъ и вся деревня.

Дома я застаю свою матушку за необыкновенно сложнымъ занятіемъ: она стоитъ въ своей спальнѣ на высокомъ табуретѣ, держа высоко надъ головою пылающую восковую свѣчу, и старается копотью отъ этой свѣчи на-

Digitized by Google

чертать на бѣломъ потолкѣ черный крестъ. Этотъ крестъ будетъ охранять ее отъ дурныхъ мыслей и будетъ красоваться до тѣхъ поръ, пока не станутъ бѣлить потолки къ Пасхѣ. Такіе кресты выжигаются въ этотъ вечеръ во всѣхъ хатахъ деревни.

День Крещенія отличается для меня отъ предыдущаго прежде всего тѣмъ, что меня въ восемь часовъ подымаютъ съ постели. Сани уже стоятъ у крыльца, я едва успѣваю одѣться, и мы мчимся къ обѣднѣ. Церковь полна народа; полушубки, кафтаны и кофты соперничаютъ въ пестротѣ. Голосъ Антона Евсеевича звучитъ убійственно-хрипло. Вчера, на своемъ командирскомъ посту, онъ окончательно прокричалъ его. Но ему подпѣваютъ писарь, обладающій тонкимъ горловымъ теноркомъ, и любитель изъ мужиковъ, по имени Власъ, поющій не голосомъ, а какимъ-то громомъ, и благодаря этому дѣло идетъ недурно.

Послѣ обѣдни, съ батюшкой во главѣ, вся деревня отправляется на рѣку, гдѣ красуется красный крестъ, такъ таинственно высѣченный вчера парнями. Батюшка высоко поднялъ серебряный крестъ и торжественно несетъ его, прижимая ко лбу. Общее настроеніе повышенное. Поютъ тропарь, и когда раздаются слова: «и Духъ въ видѣ голубинѣ», вся толпа невольно поднимаетъ головы и всѣмъ кажется, что и теперь, въ эту минуту, «Духъ въ видѣ голубинѣ» спускается надъ Іорданью. А на берегу заряжаются ружья и начинается пальба. Звуки ружейныхъ выстрѣловъ зычно раздаются въ морозномъ воздухѣ. Меня всего охватываетъ торжественное настроеніе, какъ будто какой-нибудь вихрь приподнялъ меня и несетъ надъ землею быстро, быстро, невѣдомо куда... Такія минуты мы переживаемъ только въ дѣтствѣ; когда же дѣлаемся взрослыми, то ежеминутно чувствуемъ, что ходимъ по землѣ. И дорого дали бы мы за одинъ порывъ такого вихря...

Часовъ въ одиннадцать у насъ въ домѣ раздается тропарь. Батюшка и Антонъ Евсеевичъ пришли «съ кре-

Digitized by Google

стомъ». Ихъ угощаютъ, а послѣ угощенія Антонъ Евсеевичъ продѣлываетъ нѣкоторое чудо искусства, которое всегда меня изумляло. Онъ беретъ въ правую руку мѣлъ и однимъ взмахомъ рисуетъ на дверяхъ большой крестъ, да такъ ловко, что внизу креста, у подножія, оказывается и Адамова голова, и еще какія-то кости, лежащія одна поперекъ другой. Объ этомъ именно я и думалъ, когда въ церковной оградѣ смотрѣлъ въ затылокъ Антона Евсеевича.

А на другой день, увы! къ крыльцу подъѣхалъ Антипъ, меня усадили въ сани и увезли въ пансіонъ...

Digitized by Google

ПОСТНАЯ КОЛБАСА.

(Рождественскій разсказъ).

— Ну, вотъ, слава Богу, и разговѣлись!—промолвилъ Кирило Гарночубъ, вставая изъ-за стола и крестясь по направленію къ образамъ, занимавшимъ весь уголъ. Образа эти были своего рода археологическая рѣдкость, такъ какъ достались Кирилу отъ прадѣда, знавшаго кое-что и про запорожцевъ, и отъ времени совершенно выцвѣли, вслѣдствіе чего Кирило только по преданію зналъ, что молится святой Троицѣ и Николаю чудотворцу, но уже рѣшительно не могъ опредѣлить, гдѣ именно святая Троица, а гдѣ Николай чудотворецъ.

Лицо Кирила говорило то же самое, что и уста его, именно,—что онъ, слава Богу, разговѣлся. Оно было красно, влажно и лоснилось, какъ «чоботъ», только что вымазанный саломъ; на густыхъ сѣдоватыхъ усахъ бѣлѣли запутавшіяся крошки хлѣба, которыя съумѣли притаиться тамъ, несмотря на то, что Кирило во весь размахъ своей богатырской руки провелъ по нимъ рукавомъ своей бѣлой сорочки. Глаза прищурились и нисколько не скрывали, что Кирило на этотъ разъ ради праздника выпилъ немножко больше, чѣмъ слѣдуетъ. Рѣчь свою Кирило говорилъ жинкѣ Одаркѣ, худощавой бабѣ въ голубомъ «очипкѣ» на головѣ, дочкѣ Марьянѣ—здоровой «кровь съ молокомъ» дѣвкѣ, которая уже нетерпѣливо выглядывала куда-то въ окно, и сыну Митькѣ-подростку, котораго уже и слѣдъ давно простылъ, такъ какъ онъ вовсе не былъ домосѣдомъ и кромѣ того считалъ своимъ

Digitized by Google

долгомъ вмѣстѣ съ другими ребятишками «со звѣздою путешествовать».

Кончивъ моленье, Кирило повернулся лицомъ прямо къ печкѣ, но, прежде чѣмъ взобраться на печку, сдѣлалъ необходимое распоряженіе.

— Ты смотри, Одарка, когда попы покажутся у сосѣда, придешь сказать мнѣ! Я спать не буду, я такъ только .. Да приготовь колбасу и сала кусокъ... Тамъ еще штуки четыре осталось... Слава Богу, разговѣлись, надо и попамъ отдѣлить.

На столѣ красовались остатки хлѣба, колбасы и сала, которые единодушно подтверждали, что здѣсь только что разговѣлись. Полуштофъ былъ совершенно пустъ, а это обстоятельство какъ бы подчеркивало предыдущее. Кирило пошелъ къ печкѣ, но мимоходомъ взглянулъ въ окно. Вся улица, а за нею и замерзшій ставокъ, а тамъ и поля безконечныя, все это казалось закутаннымъ въ гигантскій бѣлый покровъ, а въ воздухѣ висѣла густая движущаяся сѣтка падающаго хлопьями снѣга. Кирило постоялъ съ минуту.

— Благодать! сколько снѣгу нападало! По крайности для озимей хорошо!—промолвилъ онъ и полѣзъ на печку.

На этой печкѣ было столько тепла, что хватило бы не только согрѣть Кирила, но, если бы понадобилось, и испечь его. Но Кирило не хотѣлъ быть испеченнымъ и поэтому подмостилъ подъ себя два овчинныхъ тулупа, отъ которыхъ несло запахомъ кошары, а подъ голову—подушку, и на этомъ почти царскомъ ложѣ водрузилъ себя лицомъ вверхъ. Глаза его сосредоточились на окнѣ, которое помѣщалось какъ разъ напротивъ печки; движущаяся снѣговая сѣтка съ каждой минутой густѣла; а Кирило никакъ не могъ отвязаться отъ мысли, что это очень хорошо для озимей. Эта мысль безраздѣльно заняла всю его голову и, какъ это всегда бываетъ послѣ хорошаго разговѣнья, вовсе не думала заниматься логическимъ саморазвитіемъ, а только сама себя варьировала или, такъ сказать, переодѣвалась изъ сорочки въ тулупъ, изъ

Digitized by Google

тулупа въ чекмень, изъ чекменя въ свитку, и обратно. «Это очень хорошо для озимей»,—переходило въ «славные будутъ нынче озими», а это послѣднее перерождалось въ—«ничего не надо лучше для озимей, какъ хорошій снѣгъ» и т. д. Однимъ словомъ, озими наполняли всю голову Кирила Гарночуба, и тутъ не было ничего удивительнаго, потому что Кирило Гарночубъ былъ хорошій заботливый хозяинъ. Но удивительно вотъ что: несмотря на декабрьскій морозъ, несмотря на то, что снѣгъ падалъ хлопьями, несмотря, наконецъ, на то, что это былъ день рождественскаго разговѣнья, несмотря на все это—озими вдругъ взошли и созрѣли, да не только озими, а и все, что было на поляхъ и въ садахъ, все созрѣло.

Да, все созрѣло. Какъ это случилось, нѣтъ никакой возможности объяснить, а только это дѣйствительно случилось. Безконечное поле окрашено въ золотистый цвѣтъ; кое-гдѣ еще мелькаютъ зеленыя полосы, это—просо, видите-ли, оно вѣдь всегда запаздываетъ. Солнце палитъ совершенно по-іюльски, жаворонки щебечутъ, заливаются, вороны галдятъ, робкіе зайцы дрожатъ и прячутся въ шелестящей соломѣ, ставокъ блеститъ, какъ пятиверстное зеркало, отражая въ себѣ голубое небо съ граціозными клочками сѣдыхъ серебряныхъ облачковъ и съ цѣлой кучей сноповъ яркихъ солнечныхъ лучей. Утомленный отъ зноя, скотъ залѣзъ по горло въ ставокъ, и изъ подъ воды торчатъ только задумчивыя рогатыя головы; спутанные кони выстроились на пригоркахъ и, потерявъ вслѣдствіе жары всякій аппетитъ, не обращаютъ вниманія на траву; отбиваясь отъ надоѣдливыхъ мухъ, они неистово машутъ головами и хвостами и разрываютъ землю копытами. Кирило стоитъ посреди поля съ косой въ рукахъ и осматриваетъ окрестность; жинка его идетъ позади и вяжетъ снопы, дѣвка складываетъ ихъ въ копны, подростокъ фабрикуетъ «перевясла». Словомъ, страда въ полномъ разгарѣ. «Ну, и уродило же», думаетъ Кирило: «никогда еще такой благодати не было. Вѣдь это не то, что на

Digitized by Google

зиму, а прямо на три года хватитъ!» И онъ нагибается, чтобъ сдѣлать размахъ косой.

Но вдругъ коса выпадаетъ изъ рукъ его и онъ останавливается какъ вкопаный. Что за чудеса! Можетъ быть, это ему померещилось! Да нѣтъ же, такъ и есть! Ну, ужъ это совсѣмъ небывалыя вещи! И это не къ добру, навѣрно не къ добру! Виданное-ли дѣло, чтобы... Да нѣтъ, постой-ка, надо протереть глаза, можетъ, ихъ пылью запорошило, оттого такое и кажется несуразное. Протираетъ глаза Кирило, и что жъ, только виднѣе стало. Нѣтъ, уже такъ оно, должно быть, и есть. Вотъ пшеница,—колосъ пшеничный; а на этомъ колосѣ на мѣсто зерна... Ей Богу, даже сказать странно, потому что никто этому не повѣритъ. А между тѣмъ это вѣрно. На мѣсто зерна—колбасы, настоящія рождественскія колбасы. Висятъ себѣ, ну вотъ же висятъ, какъ будто имъ и въ самомъ дѣлѣ тутъ мѣсто. Да какая гущина! Тутъ, пожалуй, на одной десятинѣ ихъ четвертей сотни двѣ будетъ; тьфу! гдѣ же это видано, чтобы колбасы четвертями мѣрили!

Да это что! посмотрите вы, что такое съ житомъ сдѣлалось! Жито не жито, а на мѣсто зерна на колосьяхъ... сало свиное, настоящее свиное сало виситъ и покачивается... Ха, ха, ха! Такъ-таки и покачивается, словно настоящее зерно. Да что это такое, Господи ты Боже мой! Можно-ли, чтобъ это было къ добру!? А въ саду вишня поспѣла, только опять же это не вишня, а полуштофы съ водкой. Какъ же это будетъ? Гм!.. Вотъ ужъ, можно сказать, большія перемѣны произошли на землѣ. Не даромъ тогда, какъ онъ разговѣлся и полѣзъ на печку, такой сильный снѣгъ пошелъ. Однако, надо спросить у писаря. Онъ человѣкъ свѣдущій, можетъ, у него на этотъ счетъ и бумага какая есть. А писарь тутъ какъ тутъ, уже шевелитъ своими рыжими усиками, а маленькіе глазки такъ и забѣгали, глядя на колбасы.

— Господинъ писарь! Арефа Парамоновичъ! Что же это такое? Какъ же это теперь будетъ?

Digitized by Google

— То есть почему же это такой вопросъ?—недоумѣваетъ писарь.

— Позвольте, господинъ писарь! Вѣдь это колбаса! Мужикъ долженъ ее круглый годъ жевать. Это очень хорошо, положимъ. А какъ же, примѣромъ говоря, ежели великій постъ, либо Филипповка?

Писарь ухмыляется.—А такъ и будетъ, и въ постъ колбасу жевать будешь, потому она колбаса постная!

— Постная! Вотъ оно что! Ну, ежели она постная!.. Такъ! А позвольте еще, господинъ писарь, какъ же ею, колбасою, то есть, подати платить?

— Подати? И подати колбасой заплатишь!

— Да какъ же?! Вѣдь подать—она на генераловъ идетъ, а развѣ генералъ возьметъ колбасу? Это даже неловко!

— Дуракъ ты, какъ погляжу я, вотъ что. Какой же генералъ отъ колбасы откажется? Генералъ любитъ колбасу, очень даже любитъ!

«Ну и отлично»,—думаетъ Кирило.—«Ежели колбаса постная и подати ею платить можно,—значитъ бояться нечего. Надо косить!»

И онъ принялся косить. Скосилъ, свозилъ, смолотилъ, ссыпалъ въ засѣку и подати заплатилъ, чего же лучше! А главное—колбасы этой самой еще на три года осталось.

Вотъ ужъ и Филипповъ постъ; ужъ и снѣгъ выпалъ. Пошелъ онъ въ волость, глядитъ—тамъ старшина, сотскіе и писарь. Посреди двора мужикъ лежитъ и оретъ благимъ матомъ. Кирило смотритъ не безъ удовольствія и думаетъ: «ну, а я подати колбасой заплатилъ, такъ меня ужъ, братъ, шалишь, не высѣчешь!.. А хорошо, ей Богу, хорошо, когда мужикъ подати заплатилъ!» Только это покончили съ мужикомъ, идутъ къ нему.

— Ну, теперь ты, Кирило, скидавай!

— По какому случаю? Какъ? — протестуетъ Кирило:—я же подати колбасами заплатилъ!

— Это, братъ, вѣрно, что заплатилъ; а все-таки—скидавай!

Digitized by Google

— Да вы ошалѣли, что-ли, окаянные! Съ чего это я буду скидавать?

— Подати,—это вѣрно, а недоимки забылъ?

«Вотъ тебѣ и разъ. А недоимки забылъ!» Нечего дѣлать, надо скидавать. Больно же сѣкли его, охъ какъ больно! Словно бы огнемъ жгло, такъ сѣкли. А когда отпустили, то Филипповъ постъ уже прошелъ, недоимокъ за нимъ уже не было, а въ засѣкѣ ни одной колбасы не осталось. «Вотъ-те и разъ!» думаетъ Кирило: «колбасой-то и поживиться не пришлось. Не даромъ писарь тогда говорилъ, что она постная... Да, нельзя сказать, чтобы сытная была!» Что это? Ужъ и Рождество подоспѣло. Вотъ онъ стоитъ въ церкви и слышитъ, какъ дьячки поютъ: «Дѣ-э-э-э-э-ва, дѣва днесь пресуществе-э-э-ннаго»... А у пономаря голосъ-то совсѣмъ захрипъ, должно быть, на кутьѣ вчера изрядно хватилъ...

— Кирило! Кирило!—кто-то толкаетъ его въ бокъ. О, да это Одарка.

— Кирило! Попы пришли! Вставай!..

Кирило встаетъ и первымъ дѣломъ хватается за то мѣсто, по которому сѣкли его въ волости, и тутъ же убѣждается, что это его отъ печки прижгло, да такъ, что, кажется, и пузырь есть. Однако, онъ соскакиваетъ съ печи и крестится, хотя еще не вполнѣ понимаетъ, въ чемъ дѣло, а въ то же время тихонько спрашиваетъ Одарку: «колбасу приготовила? Да гляди, чтобы скоромная была!» И только тогда, когда Одарка вылупила на него глаза, онъ понялъ, что колбасы постной не бываетъ и быть не можетъ, что все это ему примерещилось оттого, что онъ слишкомъ усердно разговѣлся, да вдобавокъ еще выпилъ. Однимъ словомъ, онъ окончательно проснулся и принялъ батюшку и весь причтъ церковный такъ, какъ подобаетъ настоящему хозяину, а когда провожалъ ихъ со двора, то положилъ имъ на повозку колбасу, настоящую скоромную колбасу, и кусокъ сала.

Digitized by Google

ДВѢНАДЦАТЫЙ.

(Очеркъ).

Бываютъ, знаете, такіе случаи, когда человѣкъ не знаетъ, что собственно надлежитъ ему сдѣлать: поднять-ли высоко и горделиво голову, или сконфузиться. Я вамъ скажу даже, что такіе случаи бывали съ цѣлыми народами. Да вотъ, недалеко и ходить: взять хотя бы нѣмцевъ. Говорятъ, когда они побили французовъ и получили свои пять милліардовъ, то прямо-таки не знали, куда отъ стыда дѣваться. Ужасно, говорятъ, были переконфужены; а между тѣмъ народная гордость требовала, чтобы носъ держать кверху. Ну, вотъ они и принялись кричать: «hoch».

Впрочемъ, это къ дѣлу совсѣмъ не относится. Я только говорю, что ежели и съ народами это случается, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что подобная исторія случилась съ Павломъ Омельяновичемъ Курдюкомъ. Нужно вамъ замѣтить, что Курдюкъ — самый обыкновенный мужикъ, такой точно, какихъ въ нашей деревнѣ есть сотни двѣ. Изъ этого уже вы заключаете, что въ нашей деревнѣ всѣ мужики степенные и умные. Ему уже лѣтъ за пятьдесятъ, но борода у него черная, усы—тоже, это уже порода такая. Всѣ Курдюки были черные, иные изъ нихъ доживали до восьмидесяти лѣтъ, а все были черные и даже понятія не имѣли о томъ, что такое сѣдой волосъ. Жинка Курдюка,—по нашему Курдючиха — была баба тоже почтенная, а звали ее

Digitized by Google

Ганной. Все это очень хорошо, но дѣло еще далеко не въ этомъ.

А въ чемъ же дѣло?

Какъ бы вамъ разсказать это получше?! Обратите, пожалуйста, вниманіе вонъ на ту старуху, что идетъ деревенской улицей по направленію къ церкви. Она немножко нагнулась впередъ, лицо ея покрыто невѣроятнымъ количествомъ морщинъ, такъ что кажется, будто оно составлено изъ кусочковъ. Это все отъ времени, которое сильно помяло старуху, но я могу васъ увѣрить, что она еще очень крѣпка. Обратите вниманіе на то, что она несетъ. Въ одной рукѣ она держитъ хлѣбъ, обыкновенный житный хлѣбъ съ огромнымъ кускомъ соли на верхушкѣ; въ другой—пѣтуха, живого пѣтуха съ желтымъ хвостомъ и большимъ краснымъ гребнемъ на головѣ, чрезвычайно горделиваго вида; ноги у него связаны тесемкой, а крылья подрѣзаны. Старуха, какъ я сказалъ, идетъ по направленію къ церкви, но въ церкви ей дѣлать нечего, такъ какъ теперь полдень, когда церковь у насъ бываетъ заперта. Она повернула къ церковному дому; ясное дѣло, что она идетъ къ батюшкѣ.

Батюшка сидитъ на крыльцѣ передъ маленькимъ столикомъ, на которомъ стоитъ гигантская кружка квасу со льдомъ. По случаю нестерпимой жары, батюшка снялъ съ себя всѣ атрибуты своего достоинства. Не будь у него на затылкѣ тоненькой, коротенькой косички, которая какъ-то даже почти кокетливо торчитъ кверху, никто бы и не сказалъ, что онъ батюшка. На немъ широкія серпянковыя шаровары съ галошами, упрятанными въ высокія голенища сапогъ, бѣлая холщевая рубаха съ разстегнутымъ воротомъ, вслѣдствіе чего открытъ свободный доступъ къ его густо-волосатой груди какъ прохладительному вѣтерку, такъ и постороннему глазу. Концы рубахи втиснуты въ шаровары. Батюшкѣ на видъ лѣтъ шестьдесятъ, онъ довольно плотнаго сложенія и ужасно страдаетъ отъ жары. Завидѣвъ приближающуюся старуху, онъ уже издали кричитъ ей:

Digitized by Google

— Здравствуй, Голубыха! Э, да у тебя, видно, урожай нынче. Ну, съ чѣмъ же ты, съ пѣтухомъ или съ курицей?

— Съ пѣтушкомъ, батюшка, съ пѣтушкомъ!

Голубыха кладетъ хлѣбъ на столъ, а пѣтуха передаетъ батюшкѣ, который принимаетъ его въ лѣвую руку, а правой благословляетъ Голубыху.

— А отъ кого?—спрашиваетъ батюшка.

— Отъ Курдючихи, батюшка!

— Ну?

— А ей-Богу!.. Сама дивлюсь, а такъ... Отъ нея, батюшка... Повѣрите, даже удивительно... Можно даже сказать—неловко...

— Гм... ну, что же!.. Ежели Богъ даетъ... А который?

— Двѣнадцатый, батюшка, ей-Богу—двѣнадцатый...

— Ой?!

— Истинно, двѣнадцатый... Такъ-таки счетомъ... Сама считала... И всѣ, батюшка, живехоньки... Даже и не знаешь, какъ то-есть насчетъ чувствъ... Радоваться или печаловаться... Легко сказать—двѣнадцатый!.. И собственно даже спросить у васъ желала... насчетъ то-есть чувствъ...

— Надлежитъ радоваться... Обязательно радоваться!—рѣшилъ батюшка:—Сарра въ глубокой старости удостоилась, опять же Елизавета... Какъ же ты этого не знаешь? Ты вѣдь баба умная, тертая...

— Извѣстно, батюшка, тертая... Ужъ это дѣйствительно, что тертая, потому вотъ уже пятьдесятъ шесть лѣтъ по землѣ слоняюсь... А какъ звать его будемъ?..

— А это какъ Богъ дастъ... Эй, попадья! Марья Артамоновна! Подай-ка мнѣ святцы и очки! Голубыха пришла.

Послышался нѣжный шелестъ туфель, и на крыльцѣ показалась матушка. Это была вполнѣ форменная матушка: высокая, дородная, съ величественной осанкой. Она положила передъ батюшкой большую книгу и очки.

Digitized by Google

Голубыха тотчасъ же приложилась къ ея рукѣ и начала съ сокрушеніемъ въ голосѣ объяснять обстоятельства своей миссіи.

— Э, ничего,—сказала матушка, отбирая у батюшки пѣтуха: — это не порокъ. У меня было четырнадцать!..

— Ну, вотъ тебѣ, баба, выбирай: либо Ксавіанъ, либо Элевферій... Только и есть сегодня...—сказалъ батюшка, справившись въ святцахъ.

— Ой-ой-ой! Батюшка, будьте милостивы! Я этого и не выговорю, да и никто этого не выговоритъ... Такое вмѣсто этого наплетутъ, что даже и на христіанское не похоже... Еще Касьянъ похоже на людское...

— Ксавіанъ!—поправилъ батюшка.

— Ну, вотъ уже и наврала... А потомъ Елеверъ этотъ...

— Вижу, что ты все врешь... Развѣ вчерашняго тебѣ... Севастіана хочешь?

— А это не все одно, что Иванъ?

— Дура!... Какъ-же можно все равно? То Иванъ, а то Севастьянъ... Нѣтъ, вижу—и это тебѣ не годится. Ну, вотъ послѣзавтра будетъ Иліи... Возьми Илію.

— Ой, батюшка, у него есть Илія, второй сынъ—Илія.

— Ну, ужъ извини, чѣмъ-же я виноватъ, что у него ихъ дюжина и онъ уже всѣ имена забралъ... Иванъ у него старшій, это я самъ знаю, Гришка—младшій... Постой, постой, Луки у него нѣтъ?

— Луки? Луки, кажется, нѣтъ... Лукьянъ есть... Это не одно?

— Нѣтъ, не одно. Такъ пускай будетъ Лука, черезъ часъ я приду и дамъ молитву. Ну, я думаю, и царю такъ долго имени не отыскиваютъ!..

Голубыха поблагословилась у батюшки, поцѣловала руку матушки и пошла обратно къ Курдюкамъ.

У Курдюковъ торжество было въ самомъ разгарѣ. Довольно большая хата была полна бабъ, сидѣвшихъ за

Digitized by Google

длиннымъ столомъ, уставленнымъ пирогами, кусками поросятины, жареными курами, штофами съ водкой и стаканчиками. Мужиковъ вовсе не было, такъ какъ «родины», какъ извѣстно—чисто дамскій праздникъ, на который кавалеры допускаются неохотно. Тѣмъ не менѣе здѣсь сидѣлъ дьякъ, единственный мужчина, впущенный сюда, вѣроятно, ради его духовнаго сана. Дѣло въ томъ, что въ этой-же хатѣ за ситцевой драпировкой лежала «породиля» съ ребенкомъ. Вслѣдствіе этого присутствіе здѣсь грубаго пола считалось какъ-бы неприличнымъ.

Надо, однако, сказать, что хотя уже было выпито изрядное количество водки и у бабъ языки сильно заплетались, тѣмъ не менѣе торжество еще не вступило въ свой главный фазисъ. И если-бы даже была выпита вся водка и бабьи языки заплелись окончательно, то для признанія торжества вполнѣ состоявшимся все-таки недоставало-бы очень многаго и именно—самаго главнаго. И все это потому, что отсутствовала Голубыха. Она была «бабой», а «баба» на родинахъ главный предметъ, и когда баба отсутствуетъ, то это похоже на то, словно родился не ребенокъ, а теленокъ.

Пришла Голубыха. Прежде всего она перекрестилась на образа, степенно поклонилась всей честной компаніи, а дьяку въ особенности, и сейчасъ-же скрылась за драпировкой. Тамъ она посидѣла минутъ пять, а выйдя оттуда, довольно торжественно объявила:

— Честныхъ гостей съ Лукой поздравляю!

Изъ этого всѣ поняли, что новорожденный нареченъ Лукой. Тогда Голубыха взяла большой подносъ, поставила на него штофъ и нѣсколько стаканчиковъ и стала обносить гостей. Прежде всего, разумѣется, она подошла къ дьяку, который сидѣлъ на покути. Она поклонилась ему въ поясъ и промолвила:

— Какъ вы, Семенъ Степанычъ, близко около Бога стоите, такъ вамъ и начинать годится.

Семенъ Степанычъ не безъ достоинства оправилъ свою жиденькую сѣдую бородку, потому что это привѣтствіе

Digitized by Google

ему понравилось. Такъ какъ онъ хорошо зналъ не только уставъ церковный, но и прочіе порядки, то, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ, онъ незамѣтно вытащилъ изъ бездоннаго кармана своего кафтана плетеный кошелекъ и вынулъ изъ него монету. Потомъ онъ взялъ стаканчикъ и сказалъ: «Такъ, значитъ,—Лука? Ну, нехай же онъ выростетъ такой, какъ наша церковная колокольня!» Привѣтствіе это въ устахъ Семена Степаныча слѣдуетъ считать весьма доброжелательнымъ, такъ какъ совершенно естественно, что ему колокольня казалась самымъ величественнымъ предметомъ въ свѣтѣ. Осушивши стаканчикъ, онъ крякнулъ, согласно обычаю, и положилъ на подносъ монету двадцатикопѣечнаго достоинства. Голубыха тогда вручила ему маленькій букетецъ изъ листьевъ мяты и, отвѣсивъ еще разъ поклонъ, начала обносить другихъ гостей; когда она обошла весь кругъ, то на подносѣ образовалась порядочная кучка мѣдяковъ. Это была ея часть.

Павелъ Омельяновичъ Курдюкъ сидѣлъ во дворѣ на заваленкѣ. Онъ свѣсилъ голову книзу и предался философіи. Вообще, Павелъ Омельяновичъ обладалъ умомъ практическимъ и мало былъ склоненъ къ философіи. Но когда человѣку Богъ пошлетъ двѣнадцатое дѣтище и когда онъ по этому поводу приметъ поздравленіе отъ дюжины добропорядочныхъ сосѣдей и при этомъ съ каждымъ выпьетъ по стаканчику водки, то онъ поневолѣ дѣлается философомъ.

Итакъ, Павелъ Омельяновичъ предавался философіи. Онъ сидѣлъ безъ шапки. Іюльское солнце изо всей мочи жгло его густоволосую голову. Потъ валилъ съ него градомъ, но онъ на это не претендовалъ, ему это нравилось. «И какъ это устроено на свѣтѣ, Господи ты Боже мой! Иной бьется, бьется, и ничего нѣтъ, а другому всѣ двѣнадцать! Дивны дѣла Твои»... Эта мысль была центромъ, вокругъ котораго группировались другія, столь же глубокія мысли.

— Здравствуйте, тату!—вдругъ раздалось надъ самымъ

Digitized by Google

его ухомъ въ тотъ моментъ, когда онъ, повидимому, съ головой окунулся въ потокъ своихъ мыслей. Онъ поднялъ голову, и лицо его просіяло.

— Здорово, зятекъ! Здорова, дочка! Э, да вы и внучатъ привели! Славно, славно! Небойсь, съ хутора пѣшкомъ пришли? Молодцы!

Павелъ Омельяновичъ смачно цѣловался съ дочкой, съ зятемъ и съ внучатами-подростками.

— А то какъ же? Пѣшкомъ! Прослышали, что вамъ съ мамкою Богъ далъ сынка, вотъ и пришли поздравить!

— Ага!.. Ну... Спасибо... Спасибо...

Послѣднія слова Павелъ Омельяновичъ произнесъ какъ-то неувѣренно. Онъ даже слегка сконфузился и опустилъ глаза. «Вѣдь вотъ, думалъ онъ, внучата у меня вонъ какіе бѣгаютъ... А тутъ съ сынкомъ поздравляютъ!.. Гм... Оно даже какъ будто и неловко!.. Э, да вѣдь это отъ Бога, все отъ Бога»...

— Идите-жъ въ хату, тамъ закусите съ дороги!.. прибавилъ онъ вслухъ.

Оставшись одинъ, онъ опять, было, предался философіи, но въ это время его вниманіе отвлекла входившая на дворъ группа. Онъ опять просіялъ и опять принялся цѣловаться.

— Да это вы что же? Изъ самой Севериновки? Ай, да сыночекъ! Ай, да невѣстка! И внучатъ притащили! Ишь ты!..

— Пришли поздравить васъ, тату, съ сыномъ...

— Ага!.. Такъ, такъ... Спасибо, спасибо... Идите же въ хату, закусите съ дороги...

«Охъ, срамота, прямо срамота! И вѣдь знаешь же, что у всѣхъ такъ бываетъ, и грѣха тутъ никакого нѣтъ, а все стыдно!... Гдѣ-жъ таки! На старости лѣтъ!»..

— Эге, тату, а мы думали, что у васъ больше уже не будетъ!.. Вотъ мы уже третій годъ молимъ Бога, а все не даетъ; счастье вамъ, тату, ей Богу, счастье!

Это опять сынъ — женатый. Да когда же они всѣ пройдутъ? И какъ подумаешь, что все вѣдь это отъ

Digitized by Google

одного корня пошло, отъ него, Павла Омельяновича Курдюка! Сколько ихъ, Господи милостивый!? Лукьянъ, а у Лукьяна трое, Иванъ, а у Ивана двое, Марфутка, у нея тоже двое, Гришка, Марина, Федотъ... А ей-Богу же, ихъ цѣлая пропасть, за разъ всѣхъ и не вспомнишь. И все это пошло отъ него съ Ганной. Сказываютъ, что ежели у кого двѣнадцать сыновей и всѣ на-лицо, тому медаль даютъ. Вотъ у него какъ разъ теперь двѣнадцать, да только между ними дочки замѣшались. Ежели бы не дочки, вотъ и онъ медаль получилъ бы... Да, чѣмъ кого Господь взыщетъ!...

Еще дочка идетъ... Ну, эта еще дѣвочка, эту еще замужъ отдавать надо. А что, ежели Богъ ему еще пошлетъ? Ну, нѣтъ, на это онъ уже прямо-таки не согласенъ. Нѣтъ, ни за что не согласенъ. Первое дѣло—что онъ съ ними будетъ дѣлать? Онъ уже старикъ, Ганна тоже старуха, въ люди ихъ вывести они не успѣютъ, помрутъ раньше, чѣмъ они выростутъ, а второе—надо же, чтобъ когда-нибудь конецъ былъ, пора и честь знать!.. Онъ всталъ и направился въ хату. Онъ вошелъ тихонько; гости, занятые бесѣдой, не замѣтили, какъ онъ изъ двери пробрался за ситцевую занавѣску. Здѣсь онъ сѣлъ на кровать и взглянулъ въ блѣдное лицо Ганны. Лицо это было морщинистое, обрюзглое, старческое.

— Ну, что, старуха моя, это уже послѣднее? А?—спросилъ онъ.

— Послѣднее, ахъ послѣднее!—слабымъ голосомъ промолвила Ганна.

— То-то, и я такъ думаю! Даже и грѣхъ уже, я полагаю!..

Павелъ Омельяновичъ поднялся и вышелъ къ гостямъ. Онъ не совсѣмъ твердо держался на ногахъ, но до окончательнаго сложенія оружія еще было далеко. На этотъ счетъ онъ былъ довольно крѣпокъ. Онъ сѣлъ за столъ. Голубыха поднесла ему стаканчикъ. Онъ выпилъ его съ большимъ чувствомъ, крякнулъ такъ, словно у него внутри бомбу разорвало, посмотрѣлъ на Голубыху такимъ

Digitized by Google

лукавымъ взглядомъ, какъ будто бы зналъ про нее самую коварную исторію, и сказалъ:

— Ну, нѣтъ, баба, шалишь... Больше ты у меня не поживишься!... Потому, это послѣднее!...

Гости почувствовали такой огромный порывъ веселья, что хата моментально огласилась неистовымъ хохотомъ. Немедленно всѣ чокнулись съ Павломъ Омельяновичемъ и съ особеннымъ удовольствіемъ выпили «за послѣднее».

Digitized by Google

ПИСЬМО.

(Этюдъ).

I.

Это сдѣлано, это кончено.

Пять минутъ тому назадъ захлопнулась дверь, за которой скрылся посыльный. Я приказалъ ему спрятать письмо въ самый отдаленный изъ его кармановъ. Мнѣ казалось, что если онъ будетъ нести его въ рукахъ, то всѣ пѣшеходы будутъ впиваться глазами въ это письмо и дѣлать сумасшедшія попытки, чтобы проникнуть въ его смыслъ. И я тысячу разъ повторялъ посыльному:—«Подальше, подальше!..»

Съ той самой минуты, когда онъ ушелъ, я сижу въ креслѣ противъ камина, изъ котораго поднимаются кверху и улетаютъ, Богъ знаетъ куда, огненные языки самыхъ капризныхъ, самыхъ невѣроятныхъ формъ. Я склонилъ голову на грудь и тяжело дышу. Мое состояніе можно сравнить съ тѣмъ, какъ если бы вы только что пришли изъ сосѣдней комнаты, гдѣ совершили убійство... Вы уже раскаиваетесь, вы уже понимаете всю силу вашего безумія и съ минуты на минуту ждете, что вотъ-вотъ придутъ и уличатъ васъ. Но это сдѣлано, но это кончено...

Я не совершилъ убійства. Боже сохрани! Я человѣкъ мирный, я скромный студентъ второго курса, я застѣнчивъ до глупости, словомъ—я молодъ, молодъ до наив-

Digitized by Google

ности, я преступно-молодъ... И я не совершилъ убійства, я только послалъ письмо. Но нужно знать, что это было за письмо.

II.

Это случилось совершенно невѣроятнымъ образомъ. Я былъ представленъ ей всего восемь дней тому назадъ. Это было въ театрѣ. Меня ввели къ ней въ ложу и сказали Ой, что я подаю надежды быть великимъ математикомъ. Она протянула мнѣ руку, что-то такое говорила и улыбаясь мнѣ, а я краснѣлъ, краснѣлъ до того, что зарево моей застѣнчивости, кажется, отражалось на стоячемъ воротникѣ моего студенческаго мундира, озаряя его радужнымъ свѣтомъ. Что за чудное лицо! Глаза, брови, губы, носъ, подбородокъ, золотистые волосы, очаровательная улыбка, жемчужные зубы. Въ тотъ же моментъ я влюбился въ нее, да, именно въ тотъ же самый моментъ, влюбился до такой степени глупо, какъ только можетъ сдѣлать это двадцатидвухлѣтній математикъ, подающій надежды (которыя, кстати сказать, не осуществились!) сдѣлаться великимъ. Само собою разумѣется, что по этой причинѣ я велъ себя совершеннымъ дуракомъ, отвѣчалъ невпопадъ, ронялъ предметы, попадавшіеся мнѣ подъ руку, и даже дошло до того, что, когда она спросила меня о здоровьѣ моей тетушки, я ничего не могъ сказать, потому что въ этотъ моментъ совсѣмъ позабылъ, что у меня есть тетушка.

Втеченіе недѣли я только и дѣлалъ, что искалъ случая повидать ее, и съ этою цѣлью побывалъ на двухъ концертахъ, которые добросовѣстно выслушалъ отъ начала до конца, хотя, признаюсь откровенно, ничего не понимаю въ музыкѣ и терпѣть ее не могу, отстоялъ всенощную и двѣ обѣдни, и провожалъ на кладбище прахъ одного стараго чиновника, до души котораго мнѣ не было рѣшительно никакого дѣла. При каждомъ изъ этихъ случаевъ я сказалъ съ нею по два слова и испортилъ

Digitized by Google

себѣ по два фунта крови, досадуя и бѣсясь на то, что отъ волненія никакъ не могу почувствовать себя умнымъ и все краснѣю и краснѣю...

Но для моего чувства это было все равно. Оно все росло и росло и наконецъ, т. е. къ концу недѣли, выросло до того, что я не вытерпѣлъ и... и написалъ письмо. Всякій видитъ, что это глупо, и, дѣйствительно, это классически глупо. Я это понимаю, но тогда... Ахъ, Боже мой!.. До того-ли мнѣ было тогда?..

Мнѣ двадцать два года, ей тридцать четыре; у нея есть мужъ—умный, образованный, красивый, обладатель чудныхъ усовъ и роскошныхъ каменноугольныхъ копей. И я не имѣлъ никакихъ основаній думать, что она его не любитъ. Но что до этого? Я былъ влюбленъ до слѣпоты, и я послалъ ей письмо.

Я послалъ ей письмо единственно потому, что не могъ дольше носить въ груди своей тайну. О, это ужасная вещь—тайная, невысказанная любовь!

Итакъ—это сдѣлано, это кончено, возврата нѣтъ.

III.

Посыльный быстро шагаетъ теперь по Владимірскому проспекту; вотъ онъ перешелъ Невскій, идетъ по Литейному. Я, сидя около камина, чувствую каждый его шагъ, мнѣ кажется, что я слышу, какъ стучатъ о холодную мерзлую панель его большіе тяжелые сапоги... Онъ торопливо идетъ по Литейному проспекту,—вѣдь, я хорошо заплатилъ ему... Вдали виднѣется Сергіевская церковь, онъ дошелъ до нея и повернулъ направо... Первый домъ слѣва, второй, третій, четвертый, пятый... Подъѣздъ... Онъ звонитъ. Суровый швейцаръ смотритъ на него непривѣтливо и требуетъ, чтобы онъ передалъ ему письмо. Рѣшительно, рѣшительно я слышу ихъ разговоръ,—этотъ презрительный тонъ швейцара, служащаго въ богатомъ домѣ и свысока смотрящаго на весь остальной міръ, и скромно-настойчивый голосъ посыльнаго, желающаго, во

Digitized by Google

что бы то ни стало, добросовѣстно исполнить порученіе господина, щедро заплатившаго. Вѣдь онъ чувствуетъ, что у него на груди, то-есть въ его карманѣ, лежитъ тайна, онъ непремѣнно чувствуетъ это. И вотъ его настойчивость побѣдила величіе подлѣстничнаго олимпійца, его впускаютъ въ квартиру, онъ спрашиваетъ барыню, ему непремѣнно надо видѣть ее лично... И она къ нему выходитъ и беретъ письмо. Онъ прибавляетъ, многозначительно понизивъ голосъ: «Приказали непремѣнно въ ваши собственныя руки отдать». Въ сущности—онъ негодяй и, навѣрное, думаетъ о ней дурно...

Ну, вотъ... Все это уже совершилось. Она взяла письмо... Что-жъ дальше? Что-жъ дальше?..

Она идетъ въ гостиную или въ столовую. У нихъ вѣдь въ это время садятся за столъ. Мужъ сидитъ въ креслѣ. Можетъ быть, кто-нибудь изъ знакомыхъ... Она подходитъ къ лампѣ и начинаетъ читать... Сердце у меня стучитъ, какъ молотки въ кузницѣ, когда два молодца съ двухъ сторонъ распластываютъ кусокъ раскаленнаго желѣза... Я подымаю голову и какъ бы къ чему-то прислушиваюсь... Я явственно слышу шопотъ, отчеканивающій надъ моимъ ухомъ слова моего письма. Вотъ они, эти слова:

«Вы будете удивлены... Быть можетъ, эти строчки внушатъ вамъ негодованіе... Но умоляю васъ, не подумайте обо мнѣ дурно. Я не въ силахъ больше прятать свое чувство. Всякій имѣетъ право поклоняться своему божеству... и я прошу у васъ только одного этого права—поклоняться вамъ и приносить къ ногамъ вашимъ мой чистый восторгъ. Высочайшимъ блаженствомъ для меня было бы положить за васъ свою жизнь. Безконечно преданный вамъ»... И тутъ стояло полностью мое имя.

Вдругъ я схватился за голову и вскочилъ съ мѣста. Мое воображеніе, которое неистово работало въ это время, нарисовало мнѣ всю картину. Вѣдь это непремѣнно такъ должно быть, это иначе быть не можетъ... Она

Digitized by Google

едва смогла дочитать письмо до конца, ей помѣшалъ неудержимый смѣхъ. Въ особенности, когда она прочла мое имя...

— Этотъ юноша, который постоянно краснѣетъ! Этотъ математикъ, обѣщающій сдѣлаться великимъ?!

Она смѣется до истерики, къ ней подбѣгаетъ мужъ.

— Въ чемъ дѣло?

Она въ состояніи только передать ему письмо. Онъ тоже читаетъ и тоже смѣется, и знакомый, если онъ здѣсь есть, читаетъ и смѣется, имъ становится очень весело, и они садятся за столъ, продолжая смѣяться.

Они непремѣнно должны смѣяться. Я теперь вижу это ясно. Вѣдь это такъ смѣшно, въ самомъ дѣлѣ,— этотъ краснѣющій юноша, обѣщающій сдѣлаться великимъ и не успѣвшій въ ея присутствіи сказать ни одной—не то что умной, а просто связной—фразы, но пылкій, очевидно, даже слишкомъ пылкій, потому что за восемь дней знакомства успѣлъ влюбиться и довести дѣло до рокового момента.

Эти преслѣдованія въ концертахъ и на похоронахъ, и, наконецъ, это глупое письмо. Да, глупое, совершенно глупое! Прежде всего—зачѣмъ оно послано? «Прошу у васъ права—поклоняться вамъ»... Да сдѣлай милость, поклоняйся, для этого не надо никакого разрѣшенія... «и приносить къ ногамъ вашимъ мой чистый восторгъ»... Боже, что за фраза! Такъ пишутъ только поэты да военные писаря И еще что? «Положить за васъ свою жизнь»... Превосходно! Положите, если это вамъ нравится! Но къ чему же собственно письмо? Да, наконецъ, надо же было имѣть для этого хоть какой-нибудь поводъ. Хорошо, она теперь смѣется, и мужъ смѣется. Но потомъ они перестанутъ смѣяться и спросятъ: какое онъ имѣетъ право надоѣдать вполнѣ порядочной женщинѣ своими непрошенными объясненіями? Пожалуй, объ этомъ и меня спросятъ...

А вѣдь когда я приступалъ къ писанью этого несчастнаго письма, мнѣ казалось, что я совершаю что-то

Digitized by Google

торжественное, священное. Моя душа была полна восторга, и я думалъ, что эти восторженныя строки тронутъ ее и передадутъ ей мое чувство. О, это правда, что молодость—преступленіе!

IV.

И что это за чувство? Съ какой стати? Откуда? Что такое эта женщина? Что я знаю о ней? Что она живетъ широко, потому что у ея мужа большія средства; что она каждый день ѣздитъ въ Гостиный дворъ покупать дорогія тряпки, а вечера проводитъ въ театрахъ и въ концертныхъ залахъ; что у нея множество поклонниковъ, которые, навѣрно, не писали ей наивныхъ писемъ и потому не были смѣшными, а просто цѣлуютъ ей ручки въ тѣхъ случаяхъ, когда это считается принятымъ, но цѣлуютъ, можетъ быть, съ нѣкоторымъ удареніемъ. Что она великолѣпно одѣвается, что она безподобно красива

Но развѣ о такой женщинѣ мечталъ я въ часы одинокаго досуга, какъ мечтаетъ всякій юноша, у котораго въ груди бьется настоящее сердце, когда имъ овладѣваютъ какія-то непонятныя, неопредѣленныя ощущенія, похожія и на тоску, и на восторгъ, и на отчаянье, и на ожиданіе?.. Нѣтъ, нѣтъ, то было существо почти неземное, надѣленное всѣми достоинствами красоты, ума, добродѣтели, какія только можетъ придумать пылкое воображеніе юноши, которому жадно хочется нѣжнаго сочувствія и ласки,—достоинствами, которыя на землѣ встрѣчаются такъ же рѣдко, какъ крупные алмазы, украшающіе короны царей... Не оттого-ли мы часто такъ глубоко падаемъ, что въ нашихъ мечтахъ паримъ слишкомъ высоко надъ землей? Напрасно мы жаднымъ взоромъ ищемъ существо, которое воплотило бы въ себѣ наши чистыя мечты... Такихъ существъ нѣтъ на землѣ,

Digitized by Google

потому что на ней обитаютъ люди. И мы падаемъ отъ отчаянья...

Какъ загнанный звѣрь, чующій со всѣхъ сторонъ облаву, я мечусь изъ угла въ уголъ, крѣпко сдавливая ладонями свои виски, какъ бы силясь выжать изъ моей головы какую-нибудь спасительную мысль,—но что можно придумать, когда уже все сдѣлано?

Все сдѣлано. Я сталъ смѣшонъ. Про мой дурацкій подвигъ завтра узнаютъ всѣ знакомые, вся моя многочисленная родня, и всѣ будутъ подмигивать другъ другу при встрѣчѣ со мной. Моя репутація серьезнаго, занимающагося наукой молодого человѣка, отъ котораго даже что-то такое ждали въ будущемъ, вдругъ замѣнится позорной репутаціей обожателя недоступныхъ женщинъ, вздыхателя и сочинителя восторженныхъ посланій... Я не буду въ состояніи показать носа въ то общество, гдѣ еще вчера всѣ относились ко мнѣ съ уваженіемъ, а ее я долженъ буду обходить за три версты.

Быть смѣшнымъ въ обществѣ, которое на половину состоитъ изъ ничтожностей и пошляковъ,—какое это унизительное чувство! Вѣдь они, всѣ эти ничтожности и пошляки, никогда не могли простить мнѣ то, что я подаю какія-то надежды, потому что они сами никакихъ надеждъ не подавали... И это ихъ приведетъ въ восторгъ!

Я оскорбленъ, я самъ себя самого оскорбилъ! Я отдалъ бы цѣлый годъ жизни человѣку, который сказалъ бы мнѣ и доказалъ бы, что этого нѣтъ, что я не писалъ и не посылалъ этого письма, что я не бѣгалъ по концертамъ и похоронамъ, чтобы уловить взглядъ этой красавицы, что я не краснѣлъ, какъ дуракъ, при каждомъ ея словѣ, что ей я не былъ вовсе представленъ, никогда не подавалъ никакихъ надеждъ сдѣлаться великимъ математикомъ (повторяю: я имъ не сдѣлался!), что я, наконецъ, вовсе не рождался на свѣтъ, меня нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ...

Digitized by Google

Но это сдѣлано, это кончено, это непоправимо... И я опять въ изнеможеніи опускаюсь въ кресло и безпомощно смотрю на синеватые огоньки, вылетающіе изъ обуглившихся полѣньевъ.

V.

Звонокъ въ передней. Я вскакиваю, вылетаю изъ комнаты и съ неимовѣрной энергіей поворачиваю ключъ въ замкѣ и затѣмъ отступаю, изумленный, потрясенный... Посыльный... Это онъ, тотъ же самый... Онъ стоитъ передо мной и шаритъ у себя въ карманѣ, запустивъ руку подъ пальто. Что тамъ можетъ быть? О, все, все, что угодно, только самое скверное: презрительная отповѣдь, покорнѣйшая просьба никогда не показываться на порогъ дома, вызовъ на дуэль...

— Отвѣтъ?—спрашиваю я посыльнаго, и у меня дрожатъ голосъ, ноги, руки, губы, вся голова, и весь я дрожу въ лихорадкѣ.

Наконецъ, онъ вынимаетъ и протягиваетъ мнѣ письмо, мое письмо, то самое, которое я послалъ ей. «Вернули нераспечатаннымъ», мелькаетъ у меня въ головѣ, и ко всѣмъ моимъ отвратительнымъ ощущеніямъ прибавляется еще стыдъ передъ посыльнымъ, который былъ свидѣтелемъ моего позора.

— Что же? Что это значитъ?—бормочу я, чувствуя, что мое собственное письмо жжетъ мои пальцы.

— Ихъ нѣту дома-съ!—почтительно объясняетъ посыльный.—Онѣ еще изъ Гостинаго не изволили вернуться... Прикажете отнести позже?

Посыльный былъ свидѣтелемъ совершенно необыкновеннаго явленія. Я радостно поднялъ руки кверху, помчался изъ передней въ комнату и началъ прыгать, какъ восторженный теленокъ. Затѣмъ я подбѣжалъ къ нему, обнялъ его и расцѣловалъ почти любовно. Но ужъ онъ

Digitized by Google

окончательно убѣдился въ томъ, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ, когда я вынулъ кошелекъ и далъ ему рубль, потомъ другой, потомъ третій,—мнѣ все казалось, что мое счастье недостаточно оплачено,—четвертый, пятый, и оказался совсѣмъ разореннымъ, такъ какъ въ моемъ кошелькѣ больше ничего не осталось.

Съ тѣхъ поръ прошло около двухъ десятковъ лѣтъ. Я не написалъ больше ни одного любовнаго письма.

Digitized by Google

ПОЭЗІЯ.

(Пасхальный разсказъ).

Мой внѣшній видъ гораздо торжественнѣе моего настроенія. Мой мундиръ чистъ, блестящъ, на шеѣ красуется орденъ, щеки говорятъ о добросовѣстной работѣ бритвы, отъ щепетильно-ровнаго пробора и негустыхъ волосъ, гладко причесанныхъ справа налѣво, вѣетъ миромъ и довольствомъ.

Но крылатая шинель, накинутая лакеемъ на мои плечи въ передней, разомъ прячетъ въ своихъ тяжелыхъ складкахъ меня всего, вмѣстѣ съ моимъ мундиромъ и орденомъ, приподнятый воротникъ закрываетъ мои щеки, а моя прическа безслѣдно исчезаетъ подъ треуголкой.

Я спускаюсь съ лѣстницы. Швейцаръ снялъ шапку и распахиваетъ передо мной дверь, и я вижу, что въ душѣ его уже играютъ праздничныя чувства и ему нестерпимо хочется поздравить меня, но онъ еще не смѣетъ. Я на улицѣ.

По землѣ низко стелется сырой туманъ и окутываетъ лошадей, карету и кучера. Швейцаръ нащупываетъ дверцу, открываетъ ее и почтительно препровождаетъ меня внутрь. Карета двинулась по гранитной мостовой, и колеса застучали долгую, непрерывную, однообразную мелодію. Я прижимаюсь въ уголъ, закрываю глаза и дѣлаю видъ, что не существую.

Но я существую. Я существую такъ скверно, какъ

Digitized by Google

только можетъ человѣкъ, привыкшій ложиться спать въ половинѣ двѣнадцатаго, и котораго, тѣмъ не менѣе, въ полночь посадили въ карету, предварительно нарядивъ его въ мундиръ съ орденомъ и въ треуголку. Поэтому, развѣ я былъ виноватъ, когда, за полчаса передъ этимъ, тиранилъ моего лакея за то, что мундиръ мой не блестѣлъ какъ солнце, а бѣлоснѣжныя перчатки, при свѣтѣ лампы съ зеленымъ абажуромъ, отливали въ сирень?

У каждаго человѣка есть печень, а петербургскому чиновнику природа, какъ бы въ награду за его государственные труды, дала большую...

Потомъ эта возня въ кухнѣ, съ постояннымъ бѣганьемъ въ столовую къ буфету, наполняющій квартиру запахъ тѣста, корицы, шафрана и жареныхъ птицъ, ужасное выраженіе лица экономки, какъ будто она совершила преступленіе и ищетъ способа бѣжать и скрыться отъ правосудія... и, наконецъ, тревожное движеніе въ дамскихъ комнатахъ, гдѣ жена и дочь тиранятъ горничную, стягиваютъ свои корсеты, грѣютъ щипцы на спирту, жгутъ себѣ волосы и дѣлаютъ исторію по поводу каждой пуговицы и булавки. Онѣ три раза присылаютъ ко мнѣ узнать, гдѣ я слушаю обѣдню, какъ будто я могу сдѣлать это гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, кромѣ церкви своего министерства. Я имъ отвѣчаю, но онѣ, такъ какъ головы ихъ наполнены шпильками, забываютъ и опять спрашиваютъ и, кромѣ того, сообщаютъ, что онѣ ѣдутъ туда-то, въ такую-то домовую церковь, хотя, право же, мнѣ это все равно...

Къ этому надо прибавить еще то, что мнѣ предстоитъ два съ половиной часа духоты и толкотни, и не той простой наивной толкотни, что бываетъ въ церквахъ, наполненныхъ народомъ съ улицы, гдѣ каждый хочетъ протискаться поближе къ алтарю, чтобъ слышать молитвы и пѣніе, или бьетъ поклоны, не замѣчая, что̀ вокругъ него происходитъ,—а толкотни фешенебельной, почтительной, благовоспитанной, когда, наступая вамъ на мозоль, изысканно улыбаются и просятъ у васъ извиненія.

Digitized by Google

А кругомъ туманъ; блѣдныя точки фонарей будто висятъ въ воздухѣ и мелькаютъ, какъ блуждающіе огни. Извозчичьи пролетки сталкиваются и налетаютъ другъ на дружку, возницы бранятся, съ тротуаровъ доносится говоръ густой толпы пѣшеходовъ,—ихъ только слышно, но не видно; а колеса гудятъ все настойчивѣе, откликаясь не только въ ушахъ, но и въ мозгу. Я плотнѣе прижимаюсь въ уголъ кареты и съ силой стискиваю вѣки.

Слава Богу, я ничего не вижу. Вотъ и гулъ колесъ становится какъ бы отдаленнымъ, словно уходитъ подъ землю, опускаясь все ниже и ниже, а узкая коробка, въ которой я сижу, расширяется во всѣ стороны,—стѣны ея уходятъ отъ меня все дальше и дальше и, наконецъ, исчезаютъ. Ихъ нѣтъ, я свободенъ...

Я слышу только отдаленный звонъ колокола и узнаю его. Мнѣ удивительно знакомъ этотъ звонъ. Когда вѣтеръ дуетъ съ запада и я сижу въ нашемъ старомъ обширномъ домѣ, въ нашей Паслёновкѣ, у раскрытаго окна, то кажется, будто приходскій пономарь изъ села Тихій-Ставъ, отстоящаго отъ насъ въ пяти верстахъ, вмѣстѣ съ церковной колокольней перенесся въ Паслёновку, въ помѣщичій домъ, и звонитъ надъ самымъ моимъ ухомъ. Когда же вѣтеръ дуетъ въ обратную сторону, то высокій и тонкій тихоставскій пономарь уноситъ свою колокольню куда-то въ подземелье, и оттуда слышится не самый звонъ, а только ощущеніе его, тонкое, какъ струйка холоднаго воздуха, проникающаго въ душную комнату сквозь оконную щель...

Да, я слышу этотъ звонъ, и я знаю, что онъ означаетъ. Онъ означаетъ, что я молодъ, безумно молодъ. Мнѣ всего двадцать три года. Какое это счастье—имѣть всего только двадцать три года, быть на послѣднемъ курсѣ университета, обладать здоровьемъ, прекраснымъ расположеніемъ духа и впереди—цѣлою жизнью.

Недѣлю тому назадъ я пріѣхалъ изъ Кіева, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ Копьевымъ. Вся Малороссія уже

Digitized by Google

въ зелени, а подъ нашими окнами, въ палисадникѣ, расцвѣла сирень и нѣжно щекочетъ нервы своимъ тонкимъ ароматомъ.

Всю недѣлю нашъ домъ былъ въ движеніи: онъ чистился, мылся, подкрашивался, бѣлился, подрумянивался, готовясь къ празднику. То же самое дѣлало и село. Мужицкія хаты преобразились,— онѣ побѣлѣли и весело смотрѣли на деревенскую улицу начисто протертыми стеклами своихъ оконъ, кокетливо подведенныхъ синькой. Бабы ходили съ подоткнутыми юбками, съ высоко засученными рукавами, съ красными руками отъ воды, въ которой онѣ все время что-нибудь полоскали.

Но все это кончилось вчера, а сегодня весь день былъ посвященъ изготовленію тѣхъ удивительныхъ чудесъ искусства, которыя уже въ эту ночь будутъ выставлены на длинномъ столѣ въ нашей огромной залѣ и останутся на немъ три дня, привлекая общее вниманіе и возбуждая аппетитъ. Сколько увлеченія, сколько благородной страсти вложено въ дѣло! Мы съ Копьевымъ цѣлый день любовались лицами повара, ключницы, горничной и всѣхъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ; рѣшительно, по выраженію ихъ лицъ, то мягкому и нѣжному, то строгому и неумолимому, то какому-то расплывчатому и неопредѣленному—мы могли угадывать, какая птица или какой звѣрь въ тотъ или другой моментъ посаженъ въ печку. Когда у всѣхъ были торжественныя лица и всѣ ходили на цыпочкахъ, стараясь тихо, неслышно притворять за собою двери, а глаза мечтательно смотрѣли въ неопредѣленное пространство, развѣ мы могли сомнѣваться въ томъ, что какъ разъ теперь въ печи сидятъ папушники (бабы) и что они пока благополучно поднимаются кверху, но еще неизвѣстно, чѣмъ это кончится? Когда вдругъ подымалась тревога и всѣ начинали бѣгать изъ угла въ уголъ съ такимъ видомъ, какъ будто потеряли разсудокъ, не понимая другъ друга, хватаясь за соль, когда надо было достать сахаръ, и наливая воды туда, куда необходимо было всыпать перцу, а въ общемъ

Digitized by Google

напоминая строителей Вавилонской башни въ тотъ моментъ, когда Богъ смѣшалъ ихъ языки,—развѣ для насъ не было ясно, что въ кухонной печи разыгралась трагедія,—подгорѣла индюшка, или «сѣли» папушники?

Но въ тотъ часъ, когда на тихоставской колокольнѣ раздался звонъ колокола, призывавшій къ пасхальной заутренѣ, вся эта возня была кончена. Всѣ наряжались, готовясь ѣхать въ церковь. Каждый надѣвалъ на себя лучшее, что у него было. Кучеръ Власъ вычистилъ лошадей и даже собственнымъ искусствомъ подновилъ имъ хомуты и сѣделки. Они были въ полной исправности, но Власъ ни за что не хотѣлъ, чтобъ лошади сегодня были одѣты, какъ вчера. Въ душѣ его былъ праздникъ, и онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что и лошади, съ которыми онъ провелъ всю свою жизнь, понимаютъ и раздѣляютъ его чувства.

И вотъ въ это самое время злой демонъ попытался не безъ нѣкотораго успѣха сыграть надъ нами штуку. Онъ наблюдалъ за нами и подстерегъ наши добрыя, свѣтлыя, братскія чувства. Мы съ Копьевымъ были старые друзья, но, когда стали собираться въ Тихій-Ставъ, мнѣ показалось, что у него какъ-то очень нетерпѣливо горятъ глаза и что ему слишкомъ хочется поскорѣе туда поѣхать. Онъ былъ нервенъ, то безъ причины смѣялся, то погружался во мракъ, часто выходилъ во дворъ, прислушивался къ звону и справлялся, скоро-ли подадутъ экипажъ.

Я нѣсколько разъ пронзительно взглядывалъ на него, и мнѣ показалось, что онъ тогда краснѣлъ и потуплялъ взоры, и скверное подозрѣніе омрачило мою душу, я нахмурилъ брови, легъ на диванъ, свирѣпо протянулъ ноги и тономъ смертнаго приговора объявилъ, что не поѣду въ Тихій-Ставъ.

Я тогда не понималъ, что для Копьева это было дѣйствительно чѣмъ-то вродѣ смертнаго приговора. Онъ поблѣднѣлъ.

— Какъ? Почему? Совсѣмъ собрался и вдругъ... Это

Digitized by Google

непонятно, невозможно; наконецъ, это не по-товарищески...

«Гм!.. не по-товарищески!» злобно думалъ я, лежа на диванѣ съ вытянутыми ногами,—«а онъ поступаетъ по-товарищески! Прекрасно! пусть такъ! Ничто не прочно на землѣ! Ни дружба, ни... ни»...

Я, впрочемъ, не докончилъ своей мысли, потому что въ сущности она была ни на чемъ не основана. Въ эту минуту я былъ слѣпъ и жестокъ, какъ только можетъ быть слѣпымъ и жестокимъ ревнующій юноша.

Все разстроилось. Дѣло въ томъ, что наши старики не ѣхали съ нами. Они прилегли уснуть и въ церковь собирались попозже, прямо къ обѣднѣ. Мы должны были ѣхать втроемъ: я, Копьевъ и моя сестра, семнадцатилѣтняя блондинка съ льняными локонами, съ веселымъ голоскомъ, со свѣжимъ хорошенькимъ личикомъ. А старики были строги и держались своихъ старинныхъ правилъ. Конечно, сестренку они не отпустятъ съ Копьевымъ безъ меня, и въ этомъ былъ весь ужасъ.

Копьевъ сдѣлался мраченъ, какъ человѣкъ, неожиданно повергнутый въ настоящее горе. Напрасно онъ умолялъ меня,—я даже не отвѣчалъ на его мольбы и молчалъ презрительно. На минуту онъ исчезъ, отыскалъ сестру и сказалъ ей о моемъ странномъ рѣшеніи, и тутъ произошла сцена, которая могла не тронуть только влюбленнаго и ревнующаго эгоиста, какимъ я былъ въ ту минуту.

Сестра прибѣжала ко мнѣ въ свѣтломъ, воздушномъ платьѣ, такая стройная, тонкая, изящная, такая миленькая, что надо было вскочить, расцѣловать ее и тотчасъ же исполнить все, чего она потребуетъ. Вся дрожащая отъ огорченія, съ глазками полными слезъ, она умоляла меня ѣхать въ Тихій-Ставъ. Голосъ ея прерывался, она жала мои руки и готова была упасть на колѣни. Но я лежалъ на диванѣ, какъ толстое бревно, и на ея мольбы отвѣтилъ холодно и твердо:

— Напрасно... я не поѣду!

Digitized by Google

Она разрыдалась и ушла, глубоко потрясенная и несчастная. А мнѣ не стало ни жалко, ни стыдно...

Между тѣмъ со двора донесся грохотъ экипажа и стукъ конскихъ копытъ. Очевидно, Власъ подкатилъ къ крыльцу, а въ раскрытое окно вливалось благоуханіе сирени и мѣрный звонъ колокола, который напѣвалъ мнѣ о счастьи, облитомъ ядомъ.

Да, счастье! Я такъ же легко повѣрилъ въ него, какъ и въ то, что потерялъ его. Но мнѣ кажется, что я имѣлъ право вѣрить въ него. Съ помѣщичьимъ домомъ въ Тихомъ-Ставѣ мы были знакомы еще съ дѣтства. Онъ былъ окруженъ высокими, стройными тополями, а фасадомъ выходилъ на широкій ставокъ, который назывался тихимъ. Среди этихъ тополей, на берегу ставка, подъ длинными вѣтвями серебристыхъ вербъ, мы, дѣти, проводили безконечные лѣтніе дни, и солнце дружелюбно грѣло насъ своими золотыми лучами. Я всегда былъ друженъ съ тоненькой, черноглазой Таней. Мы любили бѣгать съ нею, взявшись за руки, или пугать другъ друга невинными дѣтскими страхами, чтобы потомъ, разоблачивъ шутку, вмѣстѣ смѣяться надъ ней. Когда же мы выросли, то встрѣчались рѣдко и всегда почему-то краснѣли и какъ-то не умѣли поддерживать разговоръ. Дѣтская дружба перерождалась во что-то болѣе нѣжное, и вотъ теперь, въ этотъ мой пріѣздъ, наши взгляды разсказали намъ то, чего мы не умѣли разсказать другъ другу словами. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось.

Но всего этого было недостаточно. Чувство только тогда созрѣваетъ вполнѣ, когда оно высказано словами. Я искалъ повода, и это было очень глупо, потому что для этого не надо никакого повода.

Это было на-дняхъ, кажется, въ четвергъ. Мы съ Копьевымъ были въ Тихомъ-Ставѣ; Таня была съ нами. Мы сидѣли на скамейкѣ, на берегу ставка. Вербы осѣняли насъ своими вѣтвями, уже опушенными молодыми листьями. Мы шутя болтали о томъ, что скоро будемъ христосоваться. Копьевъ спросилъ Таню, позволитъ-ли

Digitized by Google

она ему похристосоваться съ нею. Таня отвѣтила не шуткой. Лицо ея сдѣлалось серьезно, большіе темные глаза не смотрѣли на насъ, а куда-то вдаль, по ту сторону ставка, гдѣ зеленѣлъ камышъ.

— Можетъ быть, это предразсудокъ,—вдумчиво произнесла она,—но я вѣрю въ это.

— Во что вы вѣрите, Таня?—спросилъ я.

— Тотъ, кто первый со мной похристосуется, будетъ имѣть роковое значеніе въ моей жизни.

— И вы не откажетесь, кто бы онъ ни былъ?—спросилъ Копьевъ.

— Съ первымъ не откажусь, кто бы онъ ни былъ.

Развѣ это не былъ вызовъ? Она посмотрѣла на меня не тотчасъ, но ея взглядъ несомнѣнно относился къ этому. Я это понялъ, самъ не зная изъ чего.

И вотъ я стремился въ Тихій-Ставъ; я считалъ минуты, начавъ считать ихъ слишкомъ рано, — съ самаго утра. По мѣрѣ приближенія полуночи, когда долженъ былъ раздаться первый звонъ, я все глубже и глубже чувствовалъ смыслъ этихъ словъ: «роковое значеніе». Значитъ, тогда уже слова будутъ не нужны. И я ни на минуту не сомнѣвался, что счастье принадлежитъ мнѣ.

Но у Копьева тоже глаза горятъ нетерпѣніемъ. Быть можетъ, и онъ тоже не сомнѣвается, что счастье принадлежитъ ему? И, быть можетъ, у него для этого гораздо больше основаній, чѣмъ у меня? Какія у меня основанія? Дѣтская дружба, нѣмые взгляды? О, они могутъ означать, что угодно... А что если, въ то время, какъ на мою долю выпали только нѣмые взгляды, ему достались опредѣленныя слова... Почемъ я знаю? Почемъ я знаю?..

А Копьевъ сидѣлъ за столомъ, положивъ на него обѣ руки и опустивъ на нихъ голову съ видомъ отчаянія. Что-то мрачное висѣло надъ нашей старой дружбой, и неумолчно раздававшійся звонъ колокола казался мнѣ похоронным звономъ.

Но вдругъ тихіе, однообразные удары колокола за-

Digitized by Google

молкли и послѣ минутнаго перерыва раздался стройный, торжественный трезвонъ. Копьевъ вскочилъ съ мѣста и съ пылающими глазами подбѣжалъ ко мнѣ.

— Послушай, — какимъ-то глубокимъ, сердечнымъ голосомъ промолвилъ онъ, — ради Бога... выслушай... ну, можетъ быть, я виноватъ, что не былъ съ тобою откровененъ. Но вѣдь это такая вещь... такое чувство... Хорошо, я скажу тебѣ... Я, конечно... я гораздо хуже ея, я не стою ея, она слишкомъ... слишкомъ... она совершенство... Но она... мнѣ показалось это... платитъ мнѣ сочувствіемъ... и мнѣ мучительно хочется провести съ нею вмѣстѣ этотъ праздникъ... Пойми, что безъ тебя ее не отпустятъ...

Съ каждымъ его словомъ я все больше и больше понималъ истину и, наконецъ, понявъ ее совсѣмъ, я вскочилъ, разсмѣялся и, совершенно излѣченный отъ своей ревности, началъ горячо пожимать ему руки.

— Такъ ты влюбленъ въ сестру?

— О, да! безумно!

— Милый! Я отъ души желаю вамъ счастья. Ѣдемъ, ѣдемъ скорѣе!

— Но что же ты думалъ?—тревожно спросилъ Копьевъ.

— Ахъ, дикую глупость! Помнишь, насчетъ перваго христосованія?

— Таня?

— Ну, да...

Копьевъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ укоромъ, что мнѣ стало стыдно. Какъ я могъ подумать!

Черезъ минуту сестра радостно выпорхнула въ легкой накидкѣ, мы сѣли въ экипажъ и мчались уже по широкой степной дорогѣ. Трезвонъ все еще продолжался. Я понукалъ Власа, а онъ лошадей. Въ душѣ моей возсталъ страхъ, что тамъ, въ церкви, до нашего пріѣзда наступитъ моментъ, когда запоютъ «Христосъ Воскресе».

Ночь была дивная. На темно-синемъ небѣ звѣзды разсыпались часто, такъ близко одна около другой, и

Digitized by Google

каждая горѣла своимъ особеннымъ свѣтомъ. Мнѣ казалось, что каждая звѣзда—это мысль, и гдѣ-то въ глубинѣ сердца я въ тотъ моментъ понималъ всякую звѣзду, я понималъ всѣ ихъ мысли, потому что всѣ онѣ, казалось, думали объ одномъ, онѣ горѣли одной думой — о любви. Это оттого, что я былъ молодъ и любилъ. Противъ меня сидѣли Копьевъ и сестра и молча наслаждались близостью. Ихъ одежды соприкасались, и отъ одного этого у обоихъ трепетно замирало сердце.

А я все глядѣлъ на далекія звѣзды, и мною овладѣвало странное ощущеніе, какъ будто грудь моя расширялась и въ ней выростало мое сердце, и въ этомъ сердцѣ было столько любви, что мнѣ хотѣлось обнять всѣхъ людей, весь міръ. А звѣзды какъ бы оживали и превращались въ ангеловъ. Вотъ раздвигается небесный сводъ и, осѣненные дивнымъ свѣтомъ, ангелы тихо взмахиваютъ своими прозрачными крыльями и хвалятъ Бога и призываютъ на землю миръ и поютъ пѣсню любви...

Кони мчатся. Звонъ колоколовъ все ближе, ближе. Передъ нами Тихій-Ставъ. Церковь вся залита яркимъ красноватымъ свѣтомъ. За оградой пылаютъ смоляныя бочки, освѣщая густую толпу народа, наполняющаго церковную ограду и площадь, бабъ, сидящихъ надъ своими узелками съ съѣстнымъ, которое онѣ принесли для освященія, причтъ, совершающій крестный ходъ вокругъ церкви, рядъ крестьянскихъ повозокъ, расположившихся вдали, и около нихъ распряженныхъ лошадей, мирно жующихъ сѣно,—и все это отражается въ розовомъ зеркалѣ ставка.

У меня сильно бьется сердце. Экипажъ остановился. Я слышу пѣніе: «Христосъ воскресе»... Я соскакиваю на землю и, забывъ о моихъ спутникахъ, лечу въ ограду и ищу въ толпѣ бѣлое платье и длинную густую косу Тани. Я не нахожу ея, и въ моей груди подымается отчаяніе. Мнѣ хочется упасть на землю и рыдать. Но вотъ я споткнулся о камень. Это церковная паперть; я подымаю глаза и на мгновеніе замираю. Она стоитъ въ

Digitized by Google

дверяхъ, прислонившись къ косяку. Лицо ея блѣдно; глаза устремлены вдаль. Я взбѣгаю по ступенькамъ. Сердце стучитъ, какъ церковные колокола. Я подбѣгаю къ ней и останавливаюсь.

— Христосъ воскресъ, Таня!—говорю я задыхающимся голосомъ.

Она вздрогнула, и вдругъ лицо ея просіяло, и она какъ будто сдѣлалась вся прозрачная.

— Воистину воскресъ!—отвѣчаетъ она мнѣ, и мы трижды цѣлуемся, а наши руки уже безъ нашего вѣдома крѣпко пожимаютъ другъ дружку.

— Я первый?—спрашиваю я, ни на минуту не сомнѣваясь въ этомъ.

— Первый и... единственный!—молвитъ она тихимъ шопотомъ, и взгляды наши встрѣчаются такъ, что намъ ужъ не въ чемъ объясняться.

Скоро насъ отыскали Копьевъ и сестра. Оба они сіяли такъ же, какъ и мы. Мы всѣ перехристосовались.

Я не знаю, были ли мы всѣ четверо во всю жизнь когда-нибудь счастливы такъ, какъ въ эту дивную ночь.

...Колеса все еще стучатъ о гранитъ мостовой. Я раскрываю глаза. Нѣтъ, я не спалъ, я просто сидѣлъ въ углу съ крѣпко сомкнутыми глазами. Такія вещи не снятся, онѣ только грезятся. Я придвигаюсь ближе къ окну кареты. Странное дѣло! Туманъ разсѣялся, темное безоблачное небо усѣяно яркими звѣздами, праздничная толпа наполняетъ улицы и тротуары, но ведетъ себя чинно, съ какою-то торжественною сдержанностью. Веселый звонъ колоколовъ, несущійся отъ всѣхъ церквей разомъ, звучитъ радостнымъ хоромъ, и въ немъ слышится что-то неземное, безтѣлесное, петлѣнное. Я весело откидываю воротникъ моей шинели, мнѣ хочется смотрѣть на улицу, заглянуть въ церкви, гдѣ горятъ тысячи свѣчей, и раздается бодрящее молитвенное пѣніе, мнѣ хочется христосоваться со всѣми, съ первымъ встрѣчнымъ, съ моимъ кучеромъ, съ швейцаромъ, съ моимъ лакеемъ,

Digitized by Google

который еще полчаса назадъ раздражалъ меня однимъ фактомъ своего существованія.

Вотъ карета остановилась. Я вошелъ въ церковь и занялъ свое мѣсто. Въ церкви свѣтло и тепло; искренняя радость свѣтится на лицахъ у всѣхъ. Никто меня не раздражаетъ, никто не наступаетъ мнѣ на мозоль. Я отстоялъ утреню и обѣдню и ни разу не пришла мнѣ въ голову мысль о снѣ. Я усердно молился.

Я тороплюсь домой. Вѣдь Таня съ дочерью ужъ навѣрно вернулись. Конечно, я застаю ихъ дома, и мы христосуемся. Я дѣлаю лукавый видъ и спрашиваю:

— Я первый, Таня?

Она сперва не понимаетъ, но потомъ лицо ея расцвѣтаетъ радостнымъ сіяніемъ, и она отвѣчаетъ мнѣ точь въ точь тѣмъ же тономъ, какъ и тогда: «Первый и... единственный!»

Мы сидимъ за столомъ. У насъ есть гость — молоденькій студентикъ. Только онъ въ мундирѣ, а мы не носили мундира. Я смотрю на Таню, на мою дочь, на студента. Да, конечно, я уже далеко не тотъ. Вѣдь съ тѣхъ поръ прошло двадцать четыре года. У меня порѣдѣли волосы, въ усы забралась сѣдина, явились привычки аккуратности и постоянства. Бываютъ приступы ревматизма и другихъ болѣзней. Я уже дѣйствительный статскій совѣтникъ. И Таня измѣнилась. Свою стройную фигуру она отдала времени. Растолстѣла, хотя не слишкомъ. Кое-гдѣ на лицѣ появились морщинки... Но, Боже мой! У всякаго возраста есть своя поэзія. Развѣ воспоминаніе о прошломъ не поэзія? Вотъ сегодня у насъ навѣрно будетъ Копьевъ съ моей сестрой (они, разумѣется, поженились. Онъ служитъ въ другомъ министерствѣ и ему немножко не повезло: онъ всего только статскій совѣтникъ, но это ничего,—онъ наверстаетъ), и я заведу разговоръ о прошломъ, и мы съ упоеніемъ проведемъ весь вечеръ въ воспоминаніяхъ.

А моя дочь? Вѣдь это повтореніе Тани. Она такъ же стройна и тонка, и такая же у нея роскошная коса, и

Digitized by Google

такіе же глубокіе большіе темные глаза. А этотъ юный студентъ,—почемъ я знаю, что сегодня онъ не первый похристосовался съ нею?

Да, у всякаго возраста есть своя поэзія. Если надъ вами нависаютъ годы, и на васъ нападаетъ унынie, если воздухъ, которымъ вамъ надо дышать, пропитанъ туманомъ, а небо кажется темнымъ, безпросвѣтнымъ, оглянитесь назадъ и думайте о вашей молодой любви, о первомъ трепетномъ біеніи вашего сердца,—и вы увидите, какъ разсѣевается туманъ и зажигаются яркія звѣзды, какъ раздвигается небесный сводъ и, осѣненные дивнымъ свѣтомъ, ангелы тихо взмахиваютъ своими прозрачными крыльями и хвалятъ Бога и призываютъ на землю миръ и поютъ пѣсню любви.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1897** ГОДЪ

НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ОБРАЗОВАНІЕ“

Журналъ выходитъ съ 1896 г. подъ новой редакціей по значительно расширенной программѣ и въ увеличенномъ объемѣ (около 15 листовъ).

СОДЕРЖАНІЕ № 12: Изъ исторіи женскаго образованія въ Россіи. В. Бинштока.—2. **Наши воскресники.** Очерки Е. Остапенко.—3. **Мишель Монтэнь и его „Essais“.** И. Гриневской. — 4. **Характеръ и нравственное воспитаніе** Ф. Кейера, пер. съ франц.—5. **„Бѣдность не порокъ“ на деревенской сценѣ.** Е. Лавровой.— 6. **Критика и библіографія** (около 20 рецензій З. Венгеровой, П. Морозова, А. Кизеветтера, В. Сторожева, Д. Коропчевскаго и др. Журнальное обозрѣніе В. Поссе).—7. **Мозгъ и душа** проф. П. Флексига, пер. съ нѣм. (съ раскрашен. таблицей). — 8. **Общественно-воспитательное значеніе суда.** М. Плотникова.—9. **Людвигъ Берне.** З. Венгеровой.— 10. **Изъ исторіи права и обычая.** Проф. Гильденбрандта, пер. съ нѣм.—11. **Н. А. Добролюбовъ** (къ 35-лѣтію со дня его смерти). П. Морозова.—12. **Изъ области знаній** (Научныя бесѣды). „Соціальная эволюція“ Бенжамена Кидда.—Н. Каспійскаго.—13. **Письма изъ провинціи.** Изъ Тамбовской губ. Народная библіотека въ деревнѣ. Н. Тулинова.—Изъ Нижняго-Новгорода.—Вопросы о народномъ образованіи на уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ. Отрадные факты. К. Позернъ †.—А. Тиханова.—14. **Изъ жизни и литературы на западѣ.** Педагогическіе музеи и библіотеки. Открытіе Парижскаго университета. Вильямъ Моррисъ. Гигантское развитіе почтоваго дѣла въ Англіи. — 15. **Хроника.** Народное образованіе и электричество.—Наши просвѣтители.— Еще одинъ ужасный фактъ.— Народная школа и оспопрививаніе.—Новый типъ благодѣянія.—Оригинальные взгляды. — 16. **Статистика образованія.** Перепись дѣтей школьнаго возраста въ Тверскомъ уѣздѣ. Ф. Ольденбурга. **Начальное образованіе** въ Рижскомъ учебномъ округѣ въ 1895 г. А. Страннолюбскаго. — 17. **Разныя извѣстія и сообщенія.** — 18. Объявленія.

Въ 1896 году къ журналу были даны два приложенія:

Исторія первобытнаго человѣчества. М. Гернеса, пер. съ нѣм. съ примѣч. и предисл. Н. Березина, съ 45 рис.

Исторія человѣческой культуры. І. Гонеггера, пер. съ нѣм. М. Чепинской.

Въ 1897 году будутъ введены новые отдѣлы: **новости литературы и науки заграницей и обзоръ иностранныхъ журналовъ.**

ЦѢНА за годъ съ прилож. **5** руб. съ пересылкой.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Спб., Басковъ пер., 22.

Редакторъ-издатель **Александръ Острогорскій.**

Digitized by Google

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

И. Н. ПОТАПЕНКО

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
„Центральная“ Типо-Литогр. М. Я. Минкова, 3 Рождественская, 7
1899.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Уставъ 1

Двѣ полосы 106

Мужицкая канитель 210

Сфинксъ 266

Digitized by Google

Digitized by Google

УСТАВЪ.

(Повѣсть).

I.

Въ губернскомъ городѣ наступила весна. Три дня тому назадъ надъ городомъ пронеслась туча и изъ нея ворчливо пророкоталъ громъ, затѣмъ впродолженіе десяти минутъ на землю падали крупныя, частыя капли дождя, которыя омыли запыленныя крыши домовъ, освѣжили туго распускавшуюся зелень, выгнали изъ-подъ земли свѣжую травку, а нынче въ маленькихъ полисадничкахъ, примыкавшихъ къ домамъ, даже зацвѣла сирень.

По случаю начавшейся весны, въ городскомъ саду, именовавшемся бульваромъ, въ воскресенье подъ понедѣльникъ, съ дозволенія начальства, зажгли керосиновые фонари и заиграла музыка. Это былъ оркестръ мѣстнаго полка, помѣщавшійся посреди площадки, на возвышенномъ мѣстѣ, которое обыватели называли бесѣдкой, хотя мѣсто не было ни огорожено, ни прикрыто отъ дождя. Однако, площадка эта имѣла свою исторію. Еще въ тѣ времена, когда насаждался бульваръ, ее умышленно оставили свободной отъ деревьевъ на тотъ случай, что современемъ городъ можетъ выдѣлить изъ себя какого-нибудь героя, которому придется поставить па-

Digitized by Google

мятникъ. Но такъ какъ городское населеніе до настоящаго времени ни одного героя не произвело, то площадка оставалась ничѣмъ не занятой; только по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ съ нея раздавались оглушительные трубные звуки, производимые музыкантами мѣстнаго полка. Публика въ это время колесила по единственной алеѣ вокругъ площадки, подымая облака пыли, и находила, что это очень весело, и ничего лучшаго не хотѣла.

Это была невзыскательная публика, не то чтобы низшаго класса, а такъ чуть пониже средняго. Изъ торговаго класса сюда входили младшіе приказчики, изъ чиновнаго— писаря и архиваріусы, изъ военнаго — юнкера и очень рѣдко попадавшіеся прапорщики, и то единственно затѣмъ, чтобы заставить юнкеровъ сдѣлать имъ честь и повеличаться этимъ передъ обывателемъ. Гимназисты и гимназистки попадались здѣсь въ большомъ числѣ, громко обсуждали теорію происхожденія видовъ и естественный подборъ и заводили невинные романы, которые кончались съ полученіемъ атестата зрѣлости.

Солидная публика посѣщала особую часть сада, отгороженную отъ общаго бульвара деревянной рѣшеткой, выкрашенной въ цвѣтъ садовой мебели, и съ давнихъ поръ носившую названіе «вертограда».

Отличіе этой части сада отъ бульвара заключалось въ томъ, что здѣсь были разставлены столики, за которыми можно было выпить и закусить, что солидная публика и дѣлала отъ времени до времени. Къ вертограду былъ пристроенъ большой деревянный сарай, въ которомъ помѣщались буфетъ, кухня и было еще свободное пространство для перенесенія сюда столиковъ изъ сада, въ случаѣ дождя. Если къ этому прибавить, что въ вертоградѣ игралъ особый струнный оркестръ, который изображали шестеро еврейскихъ музыкантовъ, считая въ томъ числѣ и барабанщика, который въ свободныя минуты дулъ въ какую-то невѣроятно большую трубу,—то будетъ сказано все о вертоградѣ.

Digitized by Google

И вотъ именно въ то время, когда струнный оркестръ игралъ свой лучшій нумеръ—«Попури изъ цыганскихъ пѣсенъ», а со стараго бульвара доносились трубные звуки военнаго оркестра, въ вертоградѣ у одного изъ столиковъ встрѣтились два господина.

— Андрей Петровичъ! Батюшка! Я уже два часа ищу васъ!

— Максимъ Сергѣичъ! Матушка! Да я ровно столько же времени васъ разыскиваю!

— Да ну-те? А вѣдь и Иванъ Авдѣичъ здѣсь, и Егоръ Константинычъ, и Михаилъ Степанычъ! И всѣ васъ ищутъ... Они тамъ, въ буфетѣ, а меня послали на розыски! Ну, что новаго? Что хорошаго?

— Хорошаго покуда ничего... Отъ Студенцова письмо получилъ. Пишетъ, что налаживается, а когда наладится, чортъ его знаетъ...

— Голубчикъ мой, да вѣдь оно съ самаго Рождества налаживается!.. Что же это будетъ? Фундаментъ выведенъ, матеріалъ лежитъ, дождь его мочитъ. А главное капиталъ затраченъ и больше чѣмъ полгода ничего не приноситъ... Эй, ты, Степаномъ тебя зовутъ, что-ли? Сходи въ буфетъ и скажи тамъ Ивану Авдѣичу и прочимъ, что мы съ Андреемъ Петровичемъ здѣсь. Понялъ? И водку, и закуску сюда принеси. Да не забудь, тамъ мои рачьи шейки съ провансалемъ... Понялъ? Присядемте, Андрей Петровичъ! Я говорю, что же это будетъ? Теперь самое время для постройки, а ты не смѣй камушка на камушекъ положить.

Они сѣли. Максимъ Сергѣичъ былъ громоздкаго сложенія, носилъ длинную бороду, въ которой было сѣдыхъ волосъ лѣтъ этакъ на пятьдесятъ. На лицѣ у него было все крупное, точно по заказу—и носъ, и ротъ, и глаза, и лобъ, и зубы. Голосъ былъ басистый, густой, но сиплый и не звучный. Андрей Петровичъ ростомъ не уступалъ ему, но былъ тонокъ и худъ, а въ манерахъ и движеніяхъ имѣлъ

Digitized by Google

что-то мягкое и благородное. Смуглое лицо его было еще молодо. Черная курчавая бородка и усы содержались въ большомъ порядкѣ. Умные, темные глаза блестѣли и въ нихъ постоянно свѣтилась безпокойная мысль предпріимчиваго человѣка.

Очень скоро явились сюда Иванъ Авдѣичъ, Егоръ Константинычъ и Михаилъ Степанычъ,—всѣ люди чрезвычайно почтенные, хотя не одинаковой солидности. Иванъ Авдѣичъ, напримѣръ, былъ толстякъ, съ большой лысиной и занималъ мѣсто члена уѣздной управы по просвѣтительной и санитарной частямъ, при чемъ смотрѣлъ на это дѣло, какъ на средство удержать свой организмъ отъ чрезмѣрнаго ожиренія, такъ какъ по должности приходилось постоянно рыскать по уѣзду. Егоръ Константинычъ былъ, напротивъ, человѣкъ маленькій, щупленькій, съ наклонностью къ кашлю и занималъ амплуа директора страхового агенства, а Михаилъ Степанычъ былъ человѣкъ умѣренныхъ статей, носилъ парусиновую фуражку съ широкимъ перпендикулярнымъ къ его лбу козырькомъ, парусиновый же сюртукъ, похожій на кафтанъ, и высокіе сапоги. Занимался онъ «хлѣбомъ», т.-е. покупалъ зерно дешево, а продавалъ дорого, и, такимъ образомъ, принадлежа къ простому званію, онъ до извѣстной степени гордился панибратствомъ съ образованными людьми и въ его обращеніи съ ними замѣтна была особая почтительность.

Перенесли въ вертоградъ водку и закуску, а также и рачьи шейки съ соусомъ провансаль. Еврейскій оркестръ все еще игралъ попури изъ цыганскихъ пѣсенъ, а со стороны бульвара въ то же время явственно долетали трубные звуки, изображавшіе «Скобелевскій маршъ».

— Вотъ Андрей Петровичъ опять получилъ письмо отъ Студенцова! —сказалъ Максимъ Сергѣевичъ, какъ бы объясняя этимъ призваніе ихъ изъ буфета сюда.

— Ага! Ну, что-жъ? Есть что-нибудь?—съ замѣтнымъ участіемъ спросили всѣ.

Digitized by Google

— Ничего существеннаго! — отвѣтилъ Андрей Петровичъ: — налаживается, говоритъ...

— Опять налаживается!... Что же это за штука такая, которая налаживается, да никакъ не можетъ наладиться!...

— Я полагаю, господа, что этого самаго Студенцова надо къ чорту! — заявилъ Михаилъ Степановичъ.

— Какъ-же къ чорту? Тогда и дѣло къ чорту? Студенцовъ — сила...

— Какая тамъ онъ сила? Ежели-бъ былъ сила, то не налаживалъ-бы, а прямо сдѣлалъ да и шабашъ. Тутъ надо что-нибудь выдумать...

— Выдумайте-ка, Андрей Петровичъ! Вы дѣло затѣяли, такъ вы и выдумать должны. — сказалъ сиплымъ голосомъ, слегка покашливая, язвительный Егоръ Константинычъ.

— Надо ѣхать въ Петербургъ, другого ничего не вижу...

— Хе, въ Петербургъ! Уже ѣздили въ Петербургъ, двѣ недѣли проѣздили, уйму денегъ потратили ..

— Позвольте, Егоръ Константиновичъ, вы заговариваетесь! — промолвилъ обидѣвшійся Андрей Петровичъ: — я взялъ компанейскія деньги только за проѣздъ, а остальные расходы принялъ на свой счетъ.

— Хе, а проѣздъ-то ничего не стоитъ? Въ первомъ классѣ-то?

— Господа, господа, не ссорьтесь! Экій вы драчунъ, Егоръ Константиновичъ, ей-богу, — воскликнулъ всепримиряющій Максимъ Сергѣевичъ. — Вотъ лучше выпейте англійской горькой и закусите рачьими шейками. И давайте думать и думать!..

— Да что думать! — продолжалъ раздражительный Егоръ Константиновичъ: — Я говорилъ тогда: прежде уставъ надо выхлопотать, а потомъ уже деньги тратить. А вы: нѣтъ, уставъ, молъ, дѣло плевое, Студенцову, молъ, только стоитъ свистнуть... И все Андрей Петровичъ! У него тамъ какія-то связи, а изъ этихъ связей никакого чорта не выходитъ..

Digitized by Google

— Егоръ Константиновичъ, полноте! Съѣшьте рачью шейку, она нервы успокаиваетъ...

— Не въ нервахъ дѣло-съ, а въ томъ, что нельзя-же этакъ легкомысленно подводить... Я, можетъ, свои послѣднія сбереженія вложилъ въ этотъ вашъ пивной заводъ, они лежали въ банкѣ и проценты мнѣ приносили, а теперь въ фундаментѣ лежатъ уже всю зиму, да въ кирпичѣ, да въ лѣсѣ...

— А вы погодите, дивидендъ все вернетъ, въ два года вернетъ...

— Дивидендъ! До этого дивиденда такъ-же еще далеко, какъ до луны!..

Неизвѣстно, во что разыгрался-бы этотъ непредвидѣнный инцидентъ въ вертоградѣ. Очень можетъ быть, что, благодаря излишней нервозности болѣзненнаго Егора Константиновича, пайщики еще несуществующаго пивного завода, перваго завода въ губерніи, въ этотъ вечеръ окончательно разругались-бы, потомъ разобрали свои паи и пивной заводъ никогда не былъ-бы построенъ. По крайней мѣрѣ, Андрей Петровичъ, который былъ душою дѣла и сотовился стать директоромъ предпріятія, уже обидѣлся по-настоящему и приготовился отвѣчать несносному Егору Константиновичу рѣзкимъ предложеніемъ получить сполна свой гай и выйти изъ дѣла. Но раньше, чѣмъ онъ сказалъ первое слово, въ вертоградѣ появилась новая фигура, которая обратила на себя вниманіе всѣхъ пайщиковъ.

Это былъ небольшого роста и чрезвычайно плюгаваго вида мужчина въ очень коротенькомъ пиджачишкѣ, въ сѣрой блинообразной фуражкѣ. Онъ ходилъ между столиковъ и вовсе не имѣлъ вида человѣка прогуливающагося; во всѣхъ его движеніяхъ и походкѣ была видна неувѣренность, какъ у человѣка, попавшаго не въ свое мѣсто. При этомъ онъ очень внимательно заглядывалъ въ лица всѣхъ сидѣвшихъ за столиками и шедшихъ ему на встрѣчу.

— Андрей Петровичъ,—воскликнулъ Максимъ Сергѣе-

Digitized by Google

вичъ, указывая на плюгаваго мужчину,—а вѣдь это вашъ Степанъ между столовъ ходитъ и васъ разыскиваетъ!..

— Гдѣ? Что вы? А въ самомъ дѣлѣ! Степанъ, эй Степанъ! Сюда!

Степанъ услышалъ знакомый окликъ и, какъ собака, почти подбѣжалъ къ столу и снялъ шапку.

— Ты чего тутъ бродишь? —спросилъ Андрей Петровичъ.

— Я васъ ищу... Барыня послала отыскивать васъ.

— А что такое? Зачѣмъ?

— Да вотъ они записку прислали...

Степанъ подалъ незапечатанную записку, на клочкѣ бумаги, безъ конверта. Андрей Петровичъ прочиталъ: «Дорогой Андъ! Сейчасъ получила письмо отъ тети Вали. Новость: кузина Прися выходитъ замужъ за Стебловскаго, племянника какого-то важнаго чиновника, а какого, не разберу. Ты знаешь, я въ этомъ ничего не понимаю. Но тетя пишетъ, что я должна быть на свадьбѣ, иначе кровно обижу. Разумѣется, я не поѣду. Я не могу оставить Коку и тебя на такой долгій срокъ. Но свадьба черезъ три дня. Надо послать поздравленіе, чтобъ оно во-время пришло. Приходи сегодня домой пораньше, чтобъ сочинить его и завтра утромъ послать. Твоя Мурмура».

— Экія глупости!—смѣясь сказалъ Андрей Петровичъ и затѣмъ прибавилъ, обращаясь къ Степану:—скажи Марьѣ Александровнѣ, что хорошо.

Степанъ ушелъ; компаньоны стали приставать къ Андрею Петровичу съ распросами. Онъ объяснилъ:

— Есть въ Петербургѣ у моей жены кузина. Онѣ вмѣстѣ были въ институтѣ и тогда у нихъ была дружба. Теперь кузина выходитъ замужъ и требуетъ, чтобъ моя жена ѣхала къ ней на свадьбу. Согласитесь, что это глупо!

— За семь верстъ киселя хлебать, выходитъ!—сказалъ хлѣбопромышленникъ Михаилъ Степановичъ.

Digitized by Google

— А за кого выходитъ эта кузина? — спросилъ толстый и потому основательный членъ уѣздной управы, Иванъ Авдѣичъ.

— За какого-то Стебловскаго... Знакомая фамилія!..

— Стебловскій? Можетъ родственникъ этого, какъ его... Ну, вотъ директора департамента, отъ котораго зависитъ...

— Стебловскій... Стебловскій! —воскликнулъ Андрей Петровичъ, ударивъ себя ладонью по лбу:—въ самомъ дѣлѣ! Какъ же это я не сообразилъ? Жена пишетъ, что онъ племянникъ важнаго чиновника... Ну, да, это и есть нашъ департаментъ! Такъ это очень важно!

— Я думаю! Еще бы не важно!.. — промолвили нѣсколько пайщиковъ вмѣстѣ.—Тогда у васъ, Андрей Петровичъ, дѣйствительно будетъ рука. И что же, Марья Александровна поѣдетъ на свадьбу-то?

— Гдѣ же ей поѣхать? Какъ же она можетъ оставить ребенка? Притомъ вообще мы еще ни разу не разлучались... И какъ это я ее пущу одну въ такую даль... Да она и не согласится...

— А важно бы, очень важно! Знаете, такой случай— свадьба, на свадьбѣ познакомились, ну тамъ вальсъ танцовали вмѣстѣ и прочее... А ужъ послѣ этого ежели женщина попроситъ, такъ и отказать невозможно!..

— Да видите ли,—неувѣренно говорилъ Андрей Петровичъ,—я и самъ понимаю, что для дѣла это дѣйствительно было бы великолѣпно, но... жена ни за что не поѣдетъ... Ни за что...

— А мы ее просить будемъ! Мы ей въ ножки поклонимся!.. Господа, пойдемте сейчасъ всѣ, въ полномъ нашемъ составѣ, къ Марьѣ Александровнѣ и будемъ неотступно умолять... На колѣни падемъ, жертву принесемъ!..

Всѣ согласились. Среди пайщиковъ явилось небывалое оживленіе. Очень быстро они расплатились и всѣ гурьбой отправились къ Андрею Петровичу.

Было часовъ десять вечера. Марья Александровна, толь-

Digitized by Google

ко что присутствовавшая при укладываніи въ постель своего четырехлѣтняго сына, слегка устала, вышла на балконъ, усѣлась въ развалистое кресло, и отдыхала. Высокая, стройная, хорошенькая, она никогда, даже когда оставалась дома одна и никого, кромѣ мужа, не ждала, не переставала заботиться о своей наружности и потому на ней былъ теперь изящный свѣтлый капотъ, обшитый кружевами а ея русые, слегка вьющіеся волосы были убраны, пышная челка и кудрявыя завитушки на вискахъ были въ порядкѣ.

Марья Александровна съ балкона увидала приближающуюся группу мужчинъ подъ предводительствомъ, какъ ей казалось, ея мужа, чечунчовую пару катораго и желтую соломенную шляпу она могла отличить въ тысячной толпѣ. Этихъ людей она видала такъ часто вмѣстѣ, съ тѣхъ поръ, какъ учредилось это общество для постройки пивоваренаго завода.

«Пайщики!»—подумала про себя Марья Александровна и ей сдѣлалось скучно.—«И къ чему это Андъ ведетъ ихъ съ собой? Боже, съ какими скучными людьми онъ возится!»

Но когда гости вошли въ домъ, она встрѣтила ихъ съ необыкновенной и, какъ казалось, непринужденной привѣтливостью, сейчасъ же распорядилась о самоварѣ, выпивкѣ и закускѣ и вообще всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій показала, что очень рада имъ. Она помнила слова, которыя не разъ говорилъ ей мужъ: «помни, Мурмура, что все это очень нужные люди».

— А мы къ вамъ съ всенижайшей просьбой, Марья Александровна!—заявилъ отъ лица всѣхъ Максимъ Сергѣевичъ.

— Прямо, можно сказать, пришли просить у васъ жертвы!—прибавилъ хлѣбный промышленникъ Михаилъ Степановичъ.

Марья Александровна сдѣлала безконечно-вопросительные глаза и посмотрѣла на мужа. Но Андрей Петровичъ, вмѣсто разъясненія, просилъ ее показать письмо, которое она получила отъ тети Вали, изъ Петербурга.

Digitized by Google

Онъ внимательно прочиталъ письмо и сказалъ:

— Да, господа, это тотъ самый Стебловскій, который намъ нуженъ... Но дѣло въ томъ, что это... это невозможно!

— Что такое? Что невозможно? Стебловскій и невозможно! Ничего не могу понять!—говорила Марья Александровна.

Всѣ наперерывъ начали объяснять ей, въ чемъ дѣло. Она старалась вникнуть, но, послѣ долгихъ усилій, поняла наконецъ только то, что ее хотятъ отправить въ Петербургъ, и не столько для свадьбы кузины Приси, сколько для какихъ-то дѣлъ, о которыхъ она должна хлопотать.

— Вы поймите,—говорили ей,—что вся наша судьба въ вашихъ рукахъ... Вы двинете наше дѣло, которое безъ этого заглохнетъ... И Андрею Петровичу это такъ же важно, какъ и намъ...

— Господа! Вы съ ума сошли! Вы думаете, что я могу оставить мужа и сына? Да никогда въ жизни! Никогда этого не будетъ! Никогда!

Пайщики, которымъ дали уже и водки, и закуски, и чаю, принялись сначала убѣждать ее, а Марья Александровна на все отвѣчала: нѣтъ, никогда!

— Ну, а ты, Андъ, ты тоже хочешь, чтобы я ѣхала?— вдругъ неожиданно поставила она вопросъ мужу.

— Видишь ли,—какъ-то не особено твердо отвѣтилъ Андрей Петровичъ,—я не могу сказать, чтобы я этого хотѣлъ... Но что касается дѣла, то они правы... Тамъ, при той обстановкѣ, одно твое слово, сказанное во время, можетъ сдѣлать то, чего мы не можемъ добиться вотъ ужъ около года...

— Такъ ты хочешь... Ты хочешь, чтобы я... одна... Андъ! Андъ!

И Марья Александровна вдругъ, неожиданно для пайщиковъ, расплакалась, Произошло замѣшательство. Пайщики сконфузились и начали говорить, что они этого никакъ не ожидали, что, конечно, разъ для Марьи Александровны это

Digitized by Google

такъ тяжело, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, и они берутъ назадъ всѣ свои слова.

Однимъ словомъ, дѣло свелось на нѣтъ. Андрей Петровичъ увелъ жену въ другую комнату и тамъ кое-какъ успокоилъ ее. Но къ гостямъ вышелъ уже только онъ одинъ.

Поговорили о томъ, о семъ и стали расходиться.

— Такъ, значитъ, Андрей Петровичъ, дѣло это не выгоритъ?—спросилъ на прощанье хлѣбопромышленникъ.

— Господа! Я ничего вамъ не обѣщаю, но мнѣ кажется... я думаю... словомъ, завтра ждите отъ меня извѣстій...

Такимъ образомъ гости ушли по домамъ съ нѣкоторой надеждой.

Въ настоящую минуту намъ еще неизвѣстно, какія средства пустилъ въ ходъ Андрей Петровичъ, чтобъ въ одну ночь перемѣнить столь рѣшительно высказанное мнѣніе своей жены. Но извѣстенъ тотъ фактъ, что утромъ всѣ пайщики получили отъ него по запискѣ и въ тѣхъ запискахъ значилось слѣдующее:

«Не будете ли такъ добры и не пріѣдете ли сегодня на вокзалъ къ курьерскому поѣзду, который отходитъ по направленію въ Петербургъ въ три часа дня, чѣмъ доставите искреннее удовольствіе мнѣ и уѣзжающей Марьѣ Александровнѣ».

II.

Пайщики явились въ полномъ составѣ и, такъ какъ всѣ они пріѣхали изъ своихъ квартиръ и не сговорились, то каждый явился съ букетомъ, и у Марьи Александровны въ рукахъ оказалось четыре совершенно одинаковыхъ букета, взятыхъ изъ единственнаго въ губернскомъ городѣ цвѣточнаго магазина. Только Андрей Петровичъ догадался купить ей конфектъ.

Пайщики пріѣхали раньше, за полчаса до отхода поѣзда, и заняли въ буфетѣ столъ, ибо въ губернскомъ го-

Digitized by Google

родѣ ни одинъ поступокъ не обходился безъ выпивки и закуски, а такъ какъ случай былъ торжественный, то велѣли прохладить бутылку шампанскаго. И въ тотъ моментъ, когда появились Андрей Петровичъ и Марья Александровна въ сопровожденіи Степана, нагруженнаго чемоданами и картонками, няни, которая вела за руку четырехлѣтняго мальчугана,—громко хлопнула пробка, въ бокалахъ заискрилось вино, пайщики поднялись съ мѣстъ и понесли бокалы навстрѣчу прибывшимъ.

Максимъ Сергѣевичъ сказалъ маленькую рѣчь. Онъ говорилъ краснорѣчиво, что Марья Александровна «подъяла на свои нѣжныя рамена» ихъ общее дѣло и что поэтому они чувствуютъ себя обязанными ей сердечной благодарностью. Онъ упомянулъ даже о томъ, что женщина всегда играла благотворную роль въ жизни народовъ, и Марья Александровна, очевидно, призвана доказать это въ милліонъ первый разъ. Въ заключеніе онъ провозгласилъ тостъ «за нашего очаровательнаго ходока, за пріятное путешествіе и за счастливый исходъ общаго дѣла».

Когда тостъ былъ выпитъ, хлѣбопромышленникъ почтительно поцѣловалъ у Марьи Александровны руку и прибавилъ:

— А что касается расходовъ, то не извольте стѣсняться. Чуть что,—вы намъ только телеграмму тисните, и мы не замедлимъ. Потому дѣло стоитъ и капиталъ, можно сказать, вянетъ... Ежели, примѣрно, кому обѣдецъ либо завтракъ закатить для дѣла пользительно будетъ,—не сумлѣвайтесь, отвѣчаемъ!

Марья Александровна принимала всѣ эти комплименты и полномочія съ какимъ-то смутнымъ лицомъ. Глаза у нея были красны отъ слезъ, щеки блѣдны. Въ глазахъ было выраженіе какъ бы испуганности. Четырехлѣтній Кока держался за ея юбку и собирался плакать; сама она готова была сдѣлать то же самое, но удерживалась изъ приличія и гордости.

Digitized by Google

Андрей Петровичъ съ виноватымъ видомъ суетливо бѣгалъ по вокзалу, устраивая для жены купэ, входя съ кѣмъ-то въ переговоры съ этою цѣлью, и внутренно молилъ Бога только объ одномъ, чтобы скорѣе раздавались звонки и кончались проводы.

Наконецъ, сталъ подходить поѣздъ, всѣ выбѣжали на дебаркадеръ, впереди шелъ Степанъ, весь задрапированный картонками и узелками, публика толпилась, звонокъ звенѣлъ. Кока ревѣлъ во все горло, начали отыскивать купэ, Марья Александровна въ это время обнимала сына и прощалась съ мужемъ.

— Съ каждой большой станціи пиши, а по пріѣздѣ телеграфируй!—говорилъ женѣ Андрей Петровичъ, втискивая ее въ вагонъ и дѣлая въ то же время знакъ нянькѣ, чтобъ унесла подальше Коку.

— А въ случаѣ чего, не сумлѣвайтесь! Поддержимъ!— поощрялъ съ своей стороны хлѣбный торговецъ.

Пробилъ третій звонокъ. Поѣздъ началъ тихо отходить. Пайщики махали шляпами и платками. Но вотъ все скрылось. Марья Александровна очутилась одна въ купэ, вдругъ почувствовала слабость, опустилась на диванъ и закрыла лицо руками. — «Боже! Неужели я поѣхала? Неужели я рѣшилась оставить Коку, моего славнаго нѣжнаго мальчика, и Анда, съ которымъ вотъ уже пять лѣтъ, со дня замужества, не разлучалась? Неужели, неужели?»

Но несомнѣнно, что это былъ реальный фактъ. Поѣздъ шелъ уже полнымъ ходомъ. Въ окнѣ мелькали телеграфные столбы, а дальше раскинулась ровная степь. Колеса гудятъ и стучатъ, вагонъ шатается и подпрыгиваетъ. Дверное зеркало отражаетъ ея блѣдное лицо и заплаканные глаза, изъ которыхъ теперь, когда кругомъ нѣтъ никого, свободно льются слезы, и она чувствуетъ себя такъ, какъ будто ее насильно вытолкнули изъ дому и пустили одну толкаться по свѣту. — Что же это такое? Какъ же это вышло?

Digitized by Google

Вчера еще это казалось невозможнымъ. И вѣдь она же такъ рѣшительно заявила объ этомъ и Анду, и всѣмъ пайщикамъ... И вдругъ — вотъ она ѣдетъ. Куда? Въ Петербургъ, за тысячу верстъ, одна, безъ мужа, безъ Коки. Какъ же будетъ Кока? Какъ будутъ сегодня укладывать его спать? Бѣдный мальчикъ не захочетъ ложиться, онъ будетъ ревѣть, требовать маму, онъ всю ночь не будетъ спать, потомъ другую, третью... И зачѣмъ это няня увела его раньше третьяго звонка? Но главное,—какъ это случилось? Какъ это случилось? Надо разобраться.

Вошелъ кондукторъ. Она хотѣла показать ему билетъ, онъ сказалъ: «Не извольте безпокоиться!» Онъ подчеркнулъ, что она будетъ въ купэ одна, и намекнулъ на то, что ему это будетъ сдѣлать нелегко, а потому надо заплатить. Она тоже намекомъ отвѣтила, чтобы онъ не безпокоился, и, въ видѣ задатка, дала ему рубль.

Она опять одна. И опять въ голову лѣзетъ вопросъ: какъ это случилось? Все это сдѣлалъ Андъ. О, какой онъ хитрый, этотъ Андъ! Онъ сдѣлалъ это такъ ловко, какъ будто и не онъ сдѣлалъ, а она сама захотѣла ѣхать. Да, Андъ хитрый, а она этого не знала. Вотъ уже пять лѣтъ они мужъ и жена, а она не подозрѣвала, что Андъ такой хитрый. Не было случая, а теперь явился случай.

Когда человѣкъ разстроенъ, да вдобавокъ еще одинокъ, когда у него много времени, ему припоминается вся жизнь. Марья Александровна никогда не думала о своей жизни, она терпѣть не могла заниматься прошлымъ, сличать, сопоставлять, дѣлать выводы. Въ институтѣ она не дѣлала этого по глупости (такъ она думаетъ теперь), а когда, тотчасъ послѣ института, вышла замужъ, ей было некогда. Первый годъ она была въ чаду любви, а вмѣстѣ съ тѣмъ готовилась произвести на свѣтъ Коку. Потомъ — маленькій Кока, маленькія заботы по дому, маленькое хозяйство. Да и зачѣмъ думать, когда живется хорошо?

Digitized by Google

Институтъ, въ которомъ она училась — въ Петербургѣ, но она смутно представляетъ себѣ этотъ городъ. Зимой — стѣны института и институтскій садъ, иногда прогулки въ каретѣ, иногда сутки у тети Вали, куда ихъ отпускали съ кузиной Присей. Лѣтомъ — въ деревнѣ у своихъ. А когда она кончила институтъ, Андъ не далъ ей даже опомниться. Онъ когда-то былъ ихъ сосѣдомъ по деревнѣ, и она помнила, правда, очень смутно, смуглолицаго мальчика, который игралъ съ нею въ жмурки. Но они, родные Анда, давно продали имѣніе, кажется, разорились, и теперь онъ явился передъ нею уже не смуглолицымъ, неуклюжимъ мальчуганомъ въ гимназическомъ мундирѣ, а стройнымъ молодымъ человѣкомъ съ живыми, уже влюбленными глазами, съ дипломомъ кандидата естественныхъ наукъ, съ большими свѣдѣніями по химіи, съ мечтами о какомъ-то заводѣ, который, впрочемъ, не удался, но это ничего. Къ зимѣ она уже была молоденькой дамой и носила фамилію — Дергуниной.

Андрей Петровичъ не захотѣлъ селиться въ столицѣ. Онъ доказалъ ей, что въ провинціи онъ лучше можетъ примѣнить свои знанія. До сихъ поръ онъ еще не примѣнилъ ихъ и они проживали понемножку свои средства, которыя на три четверти были средствами Марьи Александровны. Но это тоже ничего. Андрей Петровичъ былъ человѣкъ серьезный, основательный. Онъ внимательно высматривалъ, онъ изучалъ условія края, желая заняться именно такимъ дѣломъ, которое нужнѣе всего и принесетъ наибольшую выгоду. А пока онъ безвозмездно слегка участвовалъ въ земскихъ дѣлахъ, беря на себя обязанности то школьнаго, то санитарнаго попечителя, и этимъ заслужилъ уже общее довѣріе и уваженіе.

Придуманный имъ пивоваренный заводъ былъ далеко еще не то, что онъ для себя готовилъ. Это былъ только, какъ говорилъ Андъ, «пробный шаръ». Дѣйствительно, въ тѣхъ мѣстахъ пива еще не варили и поставляла его Москва, за что брала,

Digitized by Google

конечно, большой барышъ. Варить пиво на мѣстѣ и продавать его чуть не вдвое дешевле,—несомнѣнно, выгодная афера. Но это только съ одной стороны, а съ другой—неизвѣстно, какъ пойдетъ дѣло. Провинціальный житель страшно консервативенъ, въ особенности въ напиткахъ: онъ привыкъ, чтобы его спаивали столицы. Поэтому-то Андъ и дѣйствовалъ такъ осторожно. Пробный шаръ онъ не захотѣлъ пускать на свой собственный страхъ, а соблазнилъ четырехъ знакомыхъ, которые и стали пайщиками, самъ же Андъ готовился сдѣлаться директоромъ завода. Но они сдѣлали ошибку. Они довѣрились какому-то проводителю дѣлъ Студенцову, который обнадежилъ ихъ; затратили суммы на матеріалъ, даже начали постройку, а Студенцовъ между тѣмъ до сихъ поръ никакъ не можетъ провести имъ «уставъ товарищества на паяхъ для постройки и эксплоатаціи пивоваренаго завода».

И уже на Анда, который выдумалъ заводъ и самого Студенцова, пайщики начали роптать. И вотъ письмо тети Вали вдругъ все перевернуло.

Она ѣдетъ въ Петербургъ. Зачѣмъ? На свадьбу кузины Приси? О, какія глупости! Съ Присей она была дружна, это правда, но вѣдь это было въ институтѣ, это было давно. А потомъ, потомъ... Онѣ переписывались и нѣкоторое время оставалась между ними горячность. Но затѣмъ какъ-то вдругъ не стало о чемъ писать. Сядешь за письменный столъ, возьмешь листикъ изящной бумаги и начнешь: «Дорогая моя Прися!» А дальше думаешь: что же написать? И нечего. И письмо наполняется ненужными описаніями «нашей квартиры», первой улыбки Коки, неинтересныхъ знакомыхъ; Прися тоже описываетъ погоду, новую моду, анекдотъ, разсказанный ей троюроднымъ братомъ-кадетомъ. И письма стали съ обоихъ сторонъ рѣже. Въ нихъ часто повторялись институтскія слова: «моя дорогая, мой единственный другъ, моя киса, мамуся» и т. д. Но слова эти уже ничего не

Digitized by Google

обозначали. А въ два послѣдніе года онѣ уже совсѣмъ не переписывались.

Но теплое чувство къ родственницѣ и подругѣ у нея осталось и теперь въ особенности шевельнулось, при извѣстіи, что она выходитъ замужъ. Однакожъ это ни въ какомъ случаѣ не могло бы подвинуть ее на такую далекую поѣздку. Остаться одной на цѣлую недѣлю, можетъ-быть, даже на больше, безъ Коки, безъ мужа, ей, которая привыкла всегда чувствовать себя подъ его защитой,—это ужасно. И какъ можетъ думать Андъ, что она способна будетъ устроить тамъ какое-то дѣло? Она будетъ рыдать, убиваться, ночей не спать, она растеряется и перезабудетъ все, что ей поручили...

Да, хитрый Андъ, хитрый! Какъ онъ искусно говоритъ! Онъ не только не убѣждаетъ ее ѣхать, но, напротивъ, все время называлъ это безуміемъ! О, какой онъ хитрый!

Когда она расплакалась при пайщикахъ и ушла къ себѣ, онъ прямо сказалъ ей:

— Ты не поняла меня, Мурмура, ты поняла какъ разъ наоборотъ. Я не только не совѣтую тебѣ ѣхать, но, если бы даже ты сама хотѣла, я всѣми силами удерживалъ бы тебя. Но пойми, что при нихъ, при пайщикахъ, я не могъ такъ говорить... Тогда они будутъ обвинять меня въ томъ, что я самъ торможу дѣло... А вѣдь ты должна понимать, что я несу предъ ними нравственную отвѣтственность. Я вѣдь иниціаторъ...

Это ее успокоило, но въ то же время заронило въ душу зерно чего-то такого, что она потомъ всю ночь не могла уснуть. Что-то ее тревожило. «Я несу нравственную отвѣтственность». Андъ несетъ отвѣтственность и, значитъ, она своимъ отказомъ ставитъ его въ неловкое положеніе передъ ними...

Еще только начало свѣтать, и она ужъ разбудила его.

Digitized by Google

— Андъ, я не могу уснуть. Я до сихъ поръ не спала... Ты сказалъ, что несешь передъ ними нравственную отвѣтственность...

— Ахъ, ты все объ этомъ, Мурмура! — открывъ глаза, промолвилъ Андрей Петровичъ. — Перестань объ этомъ думать!

— Не могу, Андъ! Я не хочу думать, а думается... Почему именно ты?.. Вѣдь вы всѣ пайщики!

— Да просто потому, мой дружокъ, что я это придумалъ, составилъ планъ, подбилъ ихъ...

— Ты подбивалъ ихъ, Андъ?

— Ну, да, назови это, какъ хочешь... Я соблазнилъ ихъ выгодностью этого дѣла. Они мнѣ повѣрили. Да еще я имѣлъ неосторожность понадѣяться на Студенцова и ихъ убѣдить въ этомъ...

— Видишь, Андъ, какъ ты неосторожень!..

— Да вѣдь я самъ обманулся. Я вѣрилъ въ Студенцова. Я зналъ, что онъ такія дѣла легко обдѣлывалъ... Потомъ, зимой, помнишь, я самъ даже ѣздилъ въ Петербургъ, хлопоталъ, и мнѣ обѣщали, но изъ этого ничего не вышло.

— Значитъ, они, эти твои пайщики, отъ этого теряютъ?

— Еще бы! Каждый день дорогъ, мой другъ, каждый день... Теперь какъ разъ время для постройки. Къ осени заводъ могъ бы быть конченъ. зиму мы работали бы, а къ веснѣ получили бы барыши... И мы съ тобой получили бы, Мурмура .. А это для нашего бюджета имѣетъ значеніе.

— Развѣ наши дѣла, Андъ, не такъ хороши, чтобы обойтись безъ этого?.. — съ нѣкоторымъ опасеніемъ спросила Марья Александровна у мужа.

— Видишь ли, мой дружокъ, я не могу сказать, чтобъ наши дѣла были такъ ужъ плохи. Но...

— Но что же, Андъ?

— Но все же поправить ихъ не мѣшало бы... Вѣдь я пока ничего не зарабатываю.

Digitized by Google

— Но наше имѣніе даетъ доходъ!.. — сказала Марья Александровна, разумѣя имѣніе, которое досталось ей въ видѣ приданаго.

— Конечно, но приходится платить проценты въ банкъ... Вѣдь оно заложено!..

— Заложено?

— А ты забыла? Вѣдь это было съ твоего согласія. Помнишь, когда мы покупали обстановку?

— Да, да, я забыла... А заводъ можетъ поправить наши дѣла?

— Еще бы! Вѣдь это будетъ единственный заводъ на три губерніи. Разумѣется, если дѣло не затянется и кто-нибудь не перехватитъ мысль и не построитъ раньше...

Тутъ Марья Александровна задумалась, а Андъ въ это время повернулся на бокъ и опять вздремнулъ. А она задумалась надъ словами мужа, которыя онъ бросилъ какъ будто вскользь, даже при этомъ позѣвывая. Ужъ нечего и говорить о томъ, что Андъ неосторожно взялъ на себя отвѣтственность. Это было очень важно, потому что личность Анда, ея благороднаго, умнаго Анда (такъ о немъ говорили всѣ), была для нея священна. Но тутъ явилось нѣчто новое: ихъ собственныя дѣла плохи и скорая постройка пивного завода можетъ поправить ихъ. Значитъ, если она не поѣдетъ и не сдѣлаетъ тамъ что-то, — она не знаетъ что, но Андъ это знаетъ и научитъ, — то завода не будетъ и она окажется виновницей, можетъ быть, ихъ разоренія... о, Боже!

— Слушай, Андъ...

Андрей Петровичъ опять проснулся и открылъ глаза.

— А? Что тебѣ, Мурмура?

— Слушай, Андъ! Если-бы... Ну, если-бы я поѣхала, что я могла бы сдѣлать?

— Ахъ, какія ты глупости говоришь!—слегка даже

Digitized by Google

разсердился Андрей Петровичъ. — Ну, развѣ это можно, чтобы я тебя отпустилъ?..

— Андъ, ты не сердись... Я мѣшаю тебѣ спать! Я не собираюсь ѣхать, но я только спрашиваю; если-бы, положимъ, я поѣхала... Вообрази это! Что я могла бы сдѣлать?

— Могла бы сдѣлать все, что захотѣла бы...

— Но какъ? Объясни, какъ. Мнѣ просто любопытно.

— Да очень просто, мой дружокъ. Ты представь, что я поѣхалъ бы или Максимъ Сергѣевичъ, или кто-нибудь еще... Ну, вотъ я пріѣзжаю въ Петербургъ и начинаю лазать по канцеляріямъ. Сперва къ одному чиновнику, тотъ направляетъ къ другому, другой къ третьему, всѣ ломаются, кобенятся, и я долженъ пройти по всей административной лѣстницѣ... Ты знаешь, что такое административная лѣстница? Это штука головоломная. На ней, говорятъ, самъ дьяволъ ногу сломалъ, когда вздумалъ хлопотать о какомъ-то дѣлѣ въ петербургскихъ департаментахъ. Она построена не такъ, какъ строятся обыкновенно лѣстницы, а зигзагами, то наверхъ, то внизъ, то, смотришь, дошелъ уже почти до неба, то опять спустился въ тартарары. Ты добрался до тайнаго совѣтника и думаешь: ну, теперь конецъ, дѣло въ шляпѣ, а вдругъ тайный совѣтникъ посылаетъ тебя къ какому-нибудь коллежскому регистратору «за справкой...» И такъ безъ конца. Теперь вообрази, что ты пріѣхала въ Петербургъ и остановилась... Нѣтъ, нѣтъ, у гети Вали нельзя останавливаться, потому что теперь у нея въ домѣ хлопоты, разные родственники и родственницы жениха. Они, конечно, будутъ говорить, что обижены, но это такъ, для приличія, а въ душѣ будутъ очень рады, что ты остановилась въ гостинницѣ...

— Ты говоришь такъ, Андъ, какъ будто рѣшено, что я ѣду..

— Ахъ, нѣтъ, что ты? Я говорю: вообрази! Ну, свадьба. Ты уже со всѣми перезнакомилась, и съ этимъ Стеблов-

Digitized by Google

скимъ, который держитъ въ рукахъ нашъ уставъ. Онъ, конечно, за тобой ухаживаетъ, сдѣлалъ тебѣ визитъ, прислалъ букетъ и проч. Ну, понятно, если когда нибудь за завтракомъ или за ужиномъ ты à propos скажешь ему... Ну, просто бросишь небрежно два слова объ ускореніи нашего дѣла, то онъ изъ простого рыцарства сейчасъ же распорядится и въ два дня все будетъ сдѣлано...

— Такъ просто!

— Да вѣдь тутъ и дѣлать нечего. Надо только написать: «утверждаю» и дѣлу конецъ...

— И тогда будетъ и заводъ, и доходъ?

— Обязательно. Намъ только это и нужно. Все остальное у насъ готово...

Марья Александровна опять задумалась, но на этотъ разъ Андъ не успѣлъ заснуть. Она вдругъ рѣшительно встала и промолвила.

— Андъ, я ѣду!

— Ха, ха, ха! Ты съ ума сошла! Съ какой стати ты поѣдешь? Какъ ты оставишь Коку и меня сиротами?

— Нѣтъ, нѣтъ, Андъ, я поѣду, я навѣрно поѣду. Ты будешь глядѣть, чтобы Кокѣ было хорошо. Няня у насъ надежная... Я тоже хочу быть полезной въ нашихъ дѣлахъ... Я, конечно, не для пайщиковъ твоихъ поѣду, а для тебя и для себя... для насъ.

И ужъ тутъ Андъ, который все еще старался отговорить ее, ничего не могъ подѣлать, ее охватилъ вихрь рѣшимости и энергіи. Она сейчасъ же одѣлась, разбудила горничную и Степана, началось спѣшное приготовленіе платьевъ, шляпокъ, кофточекъ. Въ домѣ поднялась суматоха.

Андрей Петровичъ, наконецъ, примирился, а главное, увѣровалъ въ то, что она дѣйствительно поѣдетъ и сказалъ ей:

— Ну, смотри же, Мурмура, я пишу пайщикамъ.

— Пиши. Это рѣшено,—отвѣтила она.

Тогда и Андъ принялъ участіе въ приготовленіяхъ. Онъ

Digitized by Google

подробно растолковалъ ей, въ чемъ дѣло, научилъ какъ-надо говорить, но голова ея рѣшительно не могла удержать въ себѣ всѣхъ этихъ скучныхъ подробностей насчетъ устава, плановъ, какихъ-то еще тамъ градусовъ... Андъ бился съ нею больше часу и, наконецъ, сказалъ:

— Ну, вотъ что, я запишу тебѣ все это въ записную книжку.

— Да у меня нѣтъ никакой книжки. Не могу же я взять съ собой тетрадь, въ которой записываю расходы и бѣлье.

Андрей Петровичъ поѣхалъ въ лучшій магазинъ губернскаго города, купилъ самую изящную записную книжку, какая только нашлась, и, вписавъ въ нее все, что было нужно, подарилъ ее женѣ, написавъ на первой страницѣ: «на память отъ сироты Анда—покидающей его Мурмурѣ».

Остальное совершилось такъ, какъ совершилось. И вотъ она въ поѣздѣ, мчится въ Петербургъ хлопотать объ уставѣ, бѣдный Кока навѣрное надрывается тамъ дома, а Андъ, чего добраго, и въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что онъ—сирота и что она его покинула...

О, хитрый Андъ! Она и не подозрѣвала, что онъ такой хитрый.

Большая станція. Поѣздъ стоитъ четверть часа. Андъ сказалъ, что на этой станціи замѣчательныя свѣжія щи и какіе-то удивительные пирожки... А у нея кстати, несмотря на огорченіе, огромный аппетитъ. Надо выйти и поѣсть щей и пирожковъ.

III.

До Петербурга осталось всего какихъ-нибудь три часа. Въ Москвѣ Марьѣ Александровнѣ удалось устроиться одной въ спальномъ купэ. Обыкновенно это никому не удается безъ большихъ денежныхъ жертвъ, но ей видимо везло. Къ ней почему-то особенно благосклонно относились кондукторы, контролеры и всякіе желѣзнодорожные чины.

Digitized by Google

Сердце забилось у нея сильнѣе, когда она узнала, что близокъ Петербургъ. Странный городъ; въ странныхъ отношеніяхъ она была къ этому городу. Она провела въ немъ всѣ институтскіе годы, но совсѣмъ не знала его. И еслибы ей пришлось идти одной, то она заблудилась - бы на десятомъ шагу. И вотъ она одна ѣдетъ въ этотъ городъ. Андъ пустилъ ее. Ахъ, какъ это нехорошо, что Андъ пустилъ ее.

А между тѣмъ, вмѣстѣ съ огорченіемъ, она чувствовала и что-то пріятное. Что-то новое, шумное и блестящее ожидало ее и въ ней просыпались давно уснувшія институтскія мысли, когда жизнь представлялась ей именно чѣмъ-то шумнымъ, блестящимъ, разнообразнымъ. Въ дѣйствительности жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ, оказывалась чѣмъ-то скромнымъ и однообразнымъ, чѣмъ - то полнымъ маленькихъ заботъ и столь-же маленькихъ удовольствій. Она не жалуется, о, нѣтъ, — она въ восторгѣ отъ своего Анда, умнаго, благороднаго Анда, и обожаетъ своего Коку. Это только такъ, мысли:..

Ну, вотъ и Петербургъ. Пока—ничего, кромѣ вокзальной сутолоки. Носильщики тащатъ ея кардонки, вырываютъ у нея изъ рукъ квитанцію, получаютъ багажъ. Она отправила Анду телеграмму о благополучномъ прибытіи. Какіе-то люди предлагаютъ гостинницы, но она помнитъ, что сказалъ ей Андъ:— «Надо остановиться въ Европейской. Тебѣ будутъ дѣлать визиты, неловко... Возьми номеръ рублей въ десять. Не стѣсняйся, это на компанейскій счетъ». И она поѣхала въ Европейскую гостинницу.

Свадьба кузины Приси назначена на завтра, значитъ, у нея есть еще время оріентироваться.

Она пріѣхала утромъ и тотчасъ-же принялась приводить въ порядокъ свой гардеробъ.

Огромный сундукъ занималъ половину салона, а кардонки едва размѣстились въ спальнѣ. Горничная отеля тотчасъ-же поступила въ распоряженіе пріѣзжей дамы. Мно-

Digitized by Google

гоэтажный сундукъ превосходно сберегъ уложенныя въ немъ платья, но все-же многое надо было подправить, прогладить и подшить. Была экстренно взята портниха, которая уже черезъ часъ послѣ пріѣзда Марьи Александровны дѣятельно ковыряла иглой.

Погода стояла прелестная. Марья Александровна даже не ожидала, что въ Петербургѣ можетъ быть такая погода. Безоблачное небо, яркое солнце, тепло, но безъ духоты. Въ городѣ стоялъ какой-то непрерывный гулъ отъ ѣзды по мостовымъ, отъ людского говора, отъ всѣхъ дневныхъ дѣлъ. Онъ долеталъ и въ номеръ, и отъ него у Марьи Александровны кружилась голова и чувствовалось легкое сердцебіеніе. Петербургскій обыватель привыкъ къ этому гулу и не замѣчаетъ его. Напротивъ, если-бы движеніе вдругъ прекратилось и не стало этого гула, онъ былъ-бы потрясенъ.

Марья Александровна отдохнула, привела себя въ порядокъ, надѣла визитное платье и велѣла взять ей хорошаго извозчика. Ей предложили экипажъ отеля. Она приказала везти ее на Кирочную. У тети Вали здѣсь былъ не очень большой трехъэтажный домъ. Второй этажъ она занимала сама. Марья Александровна съ давнихъ временъ помнила, что этотъ домъ выступалъ изъ ряда другихъ глубокимъ закрытымъ балкономъ и былъ выкращенъ въ коричневую краску.

Онъ такимъ и остался, и когда экипажъ остановился у подъѣзда, Марья Александровна вдругъ вспомнила институтскіе годы, и то время встало въ ея памяти такъ свѣжо и ясно, какъ-будто только вчера она пріѣзжала сюда изъ института. Это была единственная улица, которую она знала.

Она велѣла кучеру дожидаться и вошла въ подъѣздъ. Старый швейцаръ уже сегодня былъ въ парадной ливреѣ и въ лицѣ у него было что-то праздничное.

— Здравствуйте, Осипъ!—совсѣмъ по дѣтски сказала Марья Александровна,—небойсь, не узнали меня?..

Digitized by Google

Швейцаръ внимательно всмотрѣлся въ ея лицо и вдругъ просіялъ.

— Батюшки! Какъ не узнать! Да это вы, барышня, Марья Александровна! Сколько лѣтъ не бывали у насъ!

— Давно уже барыня, Осипъ!—весело говорила Марья Александровна, въ то время, какъ швейцаръ суетливо звонилъ, чтобъ наверху отперли дверь. Тамъ уже щелкнулъ ключъ. Марья Александроввна быстро поднималась. Незнакомая горничная строгимъ, но въ то же время холодно-почтительнымъ взглядомъ посмотрѣла на нее.

— Дома?

— Дома-съ!—отвѣтила горничная, нерѣшительно давая ей дорогу.

— Гдѣ онѣ?

— Какъ прикажете доложить?

— Ахъ, никакъ! Просто скажите, гдѣ онѣ!—сказала Марья Александровна, швыряя куда-то накидку.

Въ это время въ большой гостиной появилась солидная женская фигура. Марья Александровна побѣжала туда. Объятья, поцѣлуи.—Тетя Валя!—Ахъ, Мэри! Неужели это ты? Неужели ты пріѣхала? Какая дуся! Ахъ, Боже мой!—И опять объятія и поцѣлуи и восклицанія.

Бѣдная тетя Валя, какъ она постарѣла! Вѣдь еще пять лѣтъ тому назадъ она была красавица и сколько еще у ней было поклонниковъ! Теперь голова ея совсѣмъ побѣлѣла, хотя всетаки—какая это еще красивая голова. Крупныя черты ея лица какъ-то погрубѣли, и явились морщины, множество морщинъ около глазъ и надъ губами. И нѣтъ уже прежней стройности, которой тетя Валя славилась. Спина стала сутуловата. Вся она развилась въ ширь и больше уже не затягивается. А бывало, прямо съ постели она влѣзала въ корсетъ и не снимала его до поздней ночи. Она не признавала широкихъ одеждъ, она говорила, что «они выдуманы для калѣкъ, чтобъ скрывать ихъ недостатки», а

Digitized by Google

теперь она встрѣтила ее въ какомъ-то необыкновенно сложномъ кружевномъ капотѣ. Значитъ, время взяло свою силу и надъ тетей Валей.

— А Прися? Она дома? — спросила Марья Александровна.

— Прися одѣвается, ей сейчасъ скажутъ и она не выдержитъ, прибѣжитъ сюда. Такъ ты пріѣхала! Вотъ чудо! Право, это настоящее чудо!

— Но, тетя Валя, вѣдь вы меня звали, вы писали, что это было бы оскорбленіемъ, еслибъ я не пріѣхала! А вы какъ будто и не ждали меня!

— Другъ мой, мы тебя ждали и страшно рады тебѣ, но согласись, что это съ твоей стороны подвигъ, и тѣмъ больше мы должны цѣнить это! Вѣдь ты оставила мужа и ребенка!..

— Да, тетя Валя! — со вздохомъ подтвердила Марья Александровна.

— Но гдѣ же твои вещи? Что же я ихъ не вижу.

— Тетя Валя, я знала, что у васъ полонъ домъ хлопотъ, и не рѣшилась затруднять васъ. Я остановилась въ «Европейской гостинницѣ».

Тетя Валя всплеснула руками и на лицѣ ея выразился ужасъ. Но Марьѣ Александровнѣ показалось, что глаза ея при этомъ сохраняли то самое выраженіе веселой радости, съ которымъ она ее встрѣтила.

— Въ гостинницѣ! Какъ тебѣ не стыдно! Какъ ты могла рѣшиться!—воскликнула тетя Валя.—Развѣ ты не знаешь, что мой домъ всегда, во всякое время къ твоимъ услугамъ?..

— Тетя Валя, я въ этомъ не сомнѣвалась, но теперь такое время...

— Нѣтъ такого времени, мой другъ, и ты меня этимъ обижаешь... Наконецъ, какъ же ты рѣшилась, въ гостинницѣ и одна...

Digitized by Google

— Но, тетя Валя, вы забываете, что я уже не институтка! Я дама, я мать семейства...

— Ха, ха, ха! Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Я такъ привыкла видѣть тебя дѣвчонкой въ короткомъ платьицѣ... Ха, ха, ха! Ну, разскажи же что нибудь про твоего мужа, про Коку... Андрей Петровичъ, кажется, по земству служитъ, а?

Тетя Валя больше не обижалась по поводу того, что Марья Александровна остановилась въ гостинницѣ. Марья Александровна вспомнила то, что говорилъ ей по этому поводу Андрей Петровичъ, и подумала: «Какъ онъ хорошо знаетъ свѣтъ, мой Андъ!» Она удовлетворила любопытство тети Вали по поводу мужа и сына.

Прися, однако, не торопилась и не бѣжала, хотя горничную уже давно послали къ ней сказать, что пріѣхала кузина Муся.

— Какъ долго одѣвается Прися!— съ огорченіемъ сказала Марья Александровна.—Я такъ хочу ее видѣть!

— Ахъ, видишь ли, ангелъ мой, сейчасъ, должно быть, пріѣдетъ Сергѣй Ивановичъ, такъ она ужъ хочетъ быть готовой...—объяснила тетя Валя.

— Кто это Сергѣй Ивановичъ?

— Сергѣй Ивановичъ Стебловскій, который завтра сдѣлается моимъ зятемъ. Чудный человѣкъ! Ты сейчасъ увидишь. Онъ у насъ завтракаетъ. Я влюблена въ него по уши...

— А Прися?

— Ну, Прися такъ себѣ. Ты знаешь, она вѣдь холодышка... Ее Аѳанасій Львовичъ называетъ «полярной звѣздой, которая видна, но далека, свѣтла и холодна»... Онъ даже музыку написалъ на слова въ этомъ родѣ. Начинается какъ-то такъ. «Неспящихъ солнце, грустная звѣзда»... Для голоса и віолончели. Онъ вѣдь отличный композиторъ, только забросилъ... Сергѣй Ивановичъ играетъ на віолончели, а Аѳанасій Львовичъ сочиняетъ и поетъ. Чудный человѣкъ! Я въ него тоже влюблена!..

Digitized by Google

«Тетя Валя стала влюбчива»,—подумала Марья Александровна.

— А Аѳанасій Львовичъ кто?—спросила она.

— Аѳанасій Львовичъ Стебловскій, извѣстнѣйшая личность въ Петербургѣ и въ Россіи, сильный человѣкъ въ министерствѣ, вліятельный; министръ безъ него ничего не дѣлаетъ... Это дядя Сергѣя Ивановича.

— Ахъ, такъ это тотъ самый!..—невольно вырвалось у Марьи Александровны.

— Что значитъ—тотъ самый? Развѣ ты его знаешь, встрѣчала?

— Нѣтъ, но мнѣ Андъ говорилъ, что это очень важный человѣкъ...

— А, ну, да! Значитъ—тотъ самый! Только ты его берегись...

— Какъ—берегись? Почему?

Тетя Валя разсмѣялась.

— Да, да, берегись, онъ опасенъ. Онъ еще не старъ, не лишенъ своего рода красоты и даже обаянія, и любитъ ухаживать за молодыми дамами, въ особенности, если онѣ пріѣхали безъ мужей...

И тетя Валя опять засмѣялась. Марья Александровна ничѣмъ не отозвалась на ея милую шутку.

— Значитъ, Прися дѣлаетъ блестящую партію?—спросила она.

— Надѣюсь! Сергѣй Ивановичъ и теперь уже, благодаря своимъ достоинствамъ, занимаетъ въ департаментѣ видное положеніе, а такой сильный человѣкъ, какъ Аѳанасій Львовичъ, конечно, возведетъ его на высокую ступень административной лѣстницы...

«Но административная лѣстница построена зигзагами,—мысленно цитировала Анда Марья Александровна,—то дошелъ до неба, то спустился въ тартарары»...

— Ахъ, вотъ и Сергѣй Ивановичъ! Вы рѣшительно легки

Digitized by Google

на поминѣ!—воскликнула тетя Валя, такъ какъ въ это время въ гостиную вошла высокая фигура въ длинномъ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ цилиндромъ въ рукѣ.

«Какъ? Этотъ? Неужели?» — подумала Марья Александровна, и у нея отъ изумленія даже слегка зарябило въ глазахъ. Но въ это время тетя Валя уже представляла ей Сергѣя Ивановича Стебловскаго, «нашего будущаго милѣйшаго родственника».

Стебловскій выпрямился, потомъ наклонилъ голову и затѣмъ уже взялъ протянутую ему руку Марьи Александровны. Высокаго роста, сухощавый, длиннорукій и длинноногій, онъ заключалъ въ себѣ всѣ признаки изрядной поношенности и отнюдь не походилъ на романическаго героя, какимъ представляла себѣ Марья Александровна жениха хорошенькой и кокетливой Приси. На видъ ему можно было смѣло дать больше сорока, пожалуй, и всѣ сорокъ пять, а изрядная лысина, которую онъ, очевидно, старался скрасить тѣмъ, что ночти сбривалъ остальные волосы на головѣ, была уже какъ бы придаткомъ къ этимъ годамъ. Длинные выцвѣтшіе усы съ подусниками, бритый подбородокъ и маленькія бачки придавали ему видъ довольно важной департаментской особы.

«Да, я понимаю, почему онъ и *теперь уже* занимаетъ довольно видное положеніе!» — подумала Марья Александровна и невольно вспомнила, какимъ былъ Андъ, когда явился къ ней въ качествѣ жениха. Отъ него такъ и вѣяло молодостью и силой. Такъ, значитъ, Прися выходитъ замужъ безъ романа! Ну да, конечно, какой же можетъ быть романъ съ этой длинноногой цаплей?

— Вотъ, Сергѣй Ивановичъ, вы должны съ благодарностью пасть на колѣни передъ родственницей, которая пріѣхала за тысячу верстъ на вашу свадьбу!—сказала тетя Валя.

— Прежде всего за то, что въ лицѣ Маріи Александровны

Digitized by Google

наше общество хотя на-время пріобрѣтаетъ такое чудное украшеніе, — сквозь зубы процѣдилъ Сергѣй Ивановичъ.

«Какая у него противная манера говорить!» — подумала Марья Александровна и затѣмъ вдругъ быстро поднялась и пошла на встрѣчу Приси, которая появилась въ эту минуту.

Она догадалась, что это Прися, потому что никто другой не могъ войти въ такомъ торжественномъ нарядѣ. Но какъ она измѣнилась! Она выросла, пополнѣла, расцвѣла, но какимъ-то блѣднымъ цвѣтомъ. Увидѣвъ потомъ свои розовыя щеки въ зеркалѣ и сравнивъ ихъ съ полными, но безкровными щеками Приси, Марья Александровна нашла свой провинціальный цвѣтъ лица неприличнымъ.

Онѣ горячо и, кажется, съ обѣихъ сторонъ искренно обнялись и расцѣловались. Потомъ раздались обычныя восклицанія удивленія и восторга. Но затѣмъ Прися какъ-то вдругъ успокоилась и стала почти холодно разспрашивать подругу о ея житьѣ-бытьѣ.

— Представь, Прися, наша Мэри до того обособилась, что остановилась не у насъ, а въ гостинницѣ,—сказала тетя Валя.

— Неужели? — съ большими глазами воскликнула Прися. — Ахъ, безсовѣстная Мэри! Ну, что-жъ, вы покончили съ вашимъ отпускомъ?—спросила она затѣмъ, обратившись къ Сергѣю Ивановичу.

— О, да! Наконецъ-то! Но вы понимаете, что паспортъ заграничный я не могу взять раньше, чѣмъ послѣзавтра!.. отвѣтилъ Сергѣй Ивановичъ.

— Почему же?

— Да видите ли, — процѣдилъ женихъ: — въ Россіи есть законъ, по которому невѣсту нельзя вписать въ паспортъ мужчины, отправляющагося заграницу!..

Тетя Валя разсмѣялась, а Прися только чуть-чуть улыбнулась, очевидно не находя это остроумнымъ.

Марья Александровна смотрѣла то на свою подругу, то на ея жениха и переживала странное ощущеніе. Ей ка-

Digitized by Google

залось дикой мысль, что эти два столь разнородныя существа завтра будутъ мужъ и жена, будутъ составлять семью, нѣчто цѣльное, нераздѣльное. Ей представлялось даже невозможной простая близость Приси съ этимъ господиномъ. Но вдругъ она ловила себя на томъ, что въ этотъ моментъ она представляла себѣ Присю не такой, какой она сидѣла передъ нею. Институтскія впечатлѣнія, глубоко засѣвшія въ ея душѣ, минутами какъ бы брали въ ней перевѣсъ надъ дѣйствительностью. И рисовалась ей Прися, не эта, не теперешняя, а та,—тоненькая, живая, безконечно подвижная, нервная, впечатлительная, отзывчивая. И лицо у нея было другое,—оно каждую секунду мѣняло свое выраженіе, а въ глазахъ постоянно свѣтилось любопытство, желаніе все узнать, все понять. Тогда жизнь еще была для нея загадкой... И той Присѣ было бы не къ лицу стать близко къ этому человѣку, съ лицомъ изъ булыжника, холоднымъ, ничего не выражающимъ, кромѣ глубокаго холоднаго довольства своей особой.

Но вдругъ воображеніе уступало мѣсто дѣйствительности, и она видѣла передъ собой настоящую, дѣйствительную Присю. Она смотрѣла ей въ глаза и ей казалось, что въ нихъ есть что-то похожее на то выраженіе, какое она видѣла въ глазахъ Сергѣя Ивановича — та же легкая усталость, то же успокоеніе и то же довольство собой. И тогда она начинала думать, что они не только подходятъ другъ къ другу, но созданы другъ для друга. О, какъ измѣнило ее время. «Неужели и меня также?» подумала Марья Александровна.

— А ты совсѣмъ не измѣнилась, Мэри! — вдругъ какъ разъ во время этихъ мыслей сказала Прися.

— Да? въ самомъ дѣлѣ? — съ какимъ-то неожиданнымъ участіемъ спросила Марья Александровна.

— Нисколько. Чуточку стала походить на даму. Но такъ вообще... Еслибъ тебя одѣть въ институтское платье,

Digitized by Google

то никто не усомнился бы въ томъ, что ты институтка. А я? какъ ты находишь?

— Ты? Ты... немного измѣнилась!..—промолвила Марья Александровна слегка дрогнувшимъ голосомъ.

— Немного! — съ скептической усмѣшкой вымолвила Прися:—нѣтъ, я измѣнилась очень!.. я это знаю!..

— Надѣюсь, Прасковья Орестовна, къ лучшему!—сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

— Нѣтъ, къ худшему... О, гораздо!

— Въ такомъ случаѣ я имѣю право чувствовать себя обокраденнымъ!..

Тетя Валя опять разсмѣялась, хотя, какъ показалось Марьѣ Александровнѣ, нѣсколько принужденно. Въ это время доложили о поданномъ завтракѣ.

— Ну, ты, Мэри, у насъ завтракаешь и обѣдаешь... По крайней мѣрѣ хоть это!—сказала тетя Валя.

— Еще бы она отказалась!—воскликнула Прися, подошла къ подругѣ, обняла ее за талію и онѣ вмѣстѣ пошли въ столовую.

Послѣ завтрака Сергѣй Ивановичъ посидѣлъ съ полчаса, за кофеемъ попросилъ у дамъ позволенія выкурить маленькую сигару, которую вынулъ изъ изящнаго кожанаго портсигара и выкурилъ.

— Ты зайдешь ко мнѣ, Муся?—промолвила Прися, когда Сергѣй Ивановичъ ушелъ,—мама вѣдь пойдетъ по дѣламъ. У нея еще куча дѣлъ!

— О, да,—сказала тетя Валя,—у меня ихъ куча. Главное всегда оставляется на послѣдній день...

Прися позвала Марью Александровну въ свою половину. У нея было три комнаты. Марья Александровна узнала ихъ. Въ нихъ немногое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ Прися, выйдя изъ института, поселилась здѣсь; гораздо меньше, чѣмъ въ самой Присѣ.

— Все это перемѣнится,—сказала Прися.— Мы послѣ-

Digitized by Google

завтра уѣзжаемъ заграницу съ Сергѣемъ Ивановичемъ, а здѣсь во всемъ этажѣ все будетъ сдѣлано новое. Вѣдь мы съ мужемъ поселимся здѣсь. Мама меня не хочетъ отпустить...

— И тебѣ не жаль?—спросила Марья Александровна.

— Чего это?

— Этой обстановки. Она напоминаетъ такъ много хорошаго...

— Мнѣ ничего не жаль, мой другъ! Хорошаго? Развѣ есть на свѣтѣ что-нибудь хорошее?

— Прися, и это ты такъ думаешь въ самомъ дѣлѣ?— съ огорченіемъ въ голосѣ спросила Марья Александровна.

— Въ самомъ дѣлѣ, Муся, въ самомъ дѣлѣ. А если ты думаешь иначе, то ты наивна...

— Когда-то и ты думала иначе...

— Потому что была наивна... Но что же, что же есть хорошаго на свѣтѣ?

— О, много, Прися, много... Прежде всего, есть хорошіе люди...

— Люди? Хорошіе люди? Другъ мой, ты очень счастлива, если встрѣчала ихъ...

— Но, милая Прися, ты выходишь замужъ, у тебя есть женихъ, который завтра сдѣлается твоимъ мужемъ...

— Вотъ это-то и есть самое ужасное...

— Прися, Прися! Что ты говоришь?

Марья Александровна даже привстала отъ изумленія.

— Ты, значитъ... Ты не любишь его?

Прися подняла плечи и брови:

— Однако, ты очень плохого мнѣнія обо мнѣ, если допускаешь мысль, что я могу любить эту прилично выстроганную деревяшку... Боже, какое у тебя трагическое лицо! Ахъ, Муся, ты все еще такая же институточка, какая была шесть, семь лѣтъ тому назадъ. Ну, садись... И давай болтать о чемъ-нибудь другомъ. Замужество, это такой скучный предметъ!

Digitized by Google

— Но развѣ необходимо выходить замужъ, если...

— Если нѣтъ интересныхъ, симпатичныхъ жениховъ? Такіе люди не женятся, потому что жениться уже почти не принято...

— Но выходить замужъ...

— А выходить замужъ принято... Въ этомъ весь трагизмъ... Ну, полно дѣлать печальные глаза... Это не такъ ужъ серьезно. Въ жизни нѣтъ ничего серьезнаго, мой другъ.. Садись, поболтаемъ!

Она взяла Марью Александровну за обѣ руки и посадила около себя.

IV.

Подруги болтали и разговоръ ихъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ видъ болтовни. Прися была въ веселомъ настроеніи, много смѣялась, иногда заливалась смѣхомъ. Но когда потомъ Марья Александровна подвела итогъ всему тому, что услышала, то сказала себѣ:

— Какъ все это ужасно!

Она узнала исторію о томъ, какъ горячее, живое, склонное къ искреннему порыву сердце Приси постепенно холодѣло и дошло до того состоянія, когда ему стало все равно.

Прися разсказала ей всѣ свои романы, а ихъ было много. Но главныхъ было два. Тотчасъ послѣ института ея героемъ былъ молодой красивый пажъ, всего только два года какъ покинувшій школьную скамью. Это былъ настоящій романъ. Прися тогда еще была мечтательной душой, искавшей въ своемъ возлюбленномъ героя. И онъ казался такимъ и его чувство казалось ей горячимъ, и она отдала ему свою душу. И однажды она узнала, что онъ платитъ большія деньги шансонетной пѣвицѣ-француженкѣ, и что это у него уже давно, чуть ли не на школьной скамьѣ началось, когда у него еще не росли усы. Это

Digitized by Google

былъ ударъ мечтательной душѣ. Тогда она была способна глубоко чувствовать и потому серьезно заболѣла, думали даже, что умретъ. Теперь ей это только смѣшно. Этотъ молодой человѣкъ черезъ годъ послѣ того женился на ея знакомой, даже пріятельницѣ, насколько можетъ быть пріятельство въ ихъ обществѣ... А шансонетной пѣвицѣ онъ только увеличилъ содержаніе...

Другой былъ солидный человѣкъ, лѣтъ подъ сорокъ. Въ обществѣ его не любили, потому что онъ былъ умнѣе всѣхъ и еще потому, что въ общество онъ ворвался силой, происходя изъ другого круга. Талантливый, обаятельный, умный, онъ дѣлалъ блестящую карьеру собственными силами, безъ связей, безъ состоянія. Она его за это и отличила. Но тогда ужъ она не умѣла отдавать свою душу по первому влеченію. Она научилась быть осторожной. Былъ моментъ, когда могъ быть сдѣланъ безповоротный шагъ. Собирались объявить его женихомъ. Но тутъ обнаружилось, — какъ, это долго разсказывать, — что у него есть старая связь съ квартирной хозяйкой и четверо дѣтей. Женитьба нужна была ему для карьеры, а впрочемъ.... можетъ быть, онъ и любилъ. Но этотъ хвостъ въ видѣ старой подруги съ четырьмя дѣтьми, эти грозящіе съ ея стороны скандалы!..

А потомъ были лишь шутки. Попадались недурные люди, но они не думали жениться, а она слишкомъ горда, чтобы выходить за перваго встрѣчнаго. Сергѣй Ивановичъ по крайней мѣрѣ человѣкъ осторожный. Если у него были связи (а онѣ, конечно, были), то онъ успѣлъ замести слѣдъ отъ нихъ. Мама все это навѣрно знаетъ. Карьера ему обезпечена, репутація безъ пятенъ, ну, значитъ — партія. Присѣ 23 года. Въ свѣтѣ не любятъ старыхъ дѣвъ, да и она сама не имѣетъ ни малѣйшаго желанія пополнять собой ихъ ряды.

— Ахъ, мой другъ, Мэри, — сказала Прися, — большинство дѣвушекъ выходятъ замужъ единственно, чтобы

Digitized by Google

не попасть въ старыя дѣвы. Немногія по разсчету и самая малость по любви. Послѣднія, конечно, самыя несчастныя, потому что любви теперь не существуетъ. Прежде, кажется, была, а теперь нѣтъ.

Въ половинѣ пятаго онѣ сѣли въ коляску и поѣхали вдвоемъ на стрѣлку. Тетя Валя все еще хлопотала. Марья Александровна нашла прогулку очаровательной. Новыя впечатлѣнія, которыя были такъ обыкновенны для Приси, до того завладѣли ею, что она только раза два мелькомъ вспомнила про Анда и Коку.

День былъ исключительно удачный для острововъ. Множество экипажей, блестящіе туалеты, непрерывный гулъ отъ говора. Присѣ на каждомъ шагу кланялись, она едва наклоняла голову и формально улыбалась.

Вдругъ на поворотѣ коляска остановилась и въ то же время остановилась другая, изъ которой кто-то быстрымъ прыжкомъ соскочилъ на землю и побѣжалъ къ нимъ. Черезъ двѣ секунды онъ уже стоялъ на ступенькѣ экипажа и, снявъ шляпу, цѣловалъ руку у Приси.

Марья Александровна разглядывала его. Средняго роста, сухощавый, онъ, можетъ быть, красилъ свои усы и хорошо сохранившіеся волосы на головѣ, но у него не было ни одной сѣдины. Красивое открытое лицо, большой серьезный лобъ и глаза, полные ума и энергіи.

— Вотъ, Мэри, нашъ будущій родственникъ, Аѳанасій Львовичъ Стебловскій,—сказала Прися.

— Такъ это онъ! Неужели онъ такъ молодъ?— онъ совсѣмъ не похожъ на своего племянника!— подумала Марья Александровна и подала ему руку. Прися назвала и ее и прибавила, что это ея лучшій другъ.

— Ну, ужъ какъ тамъ себѣ хотите, а я пользуюсь правами родственника и сажусь противъ васъ! — сказалъ Стебловскій,—мнѣ надоѣло одиночество и эти острова надоѣли!

Digitized by Google

И онъ, не дожидаясь разрѣшенія, сѣлъ на скамейкѣ противъ нихъ, а своему кучеру велѣлъ ѣхать за ними.

— Вамъ извѣстно, что я сегодня у васъ обѣдаю?— спросилъ онъ, обратившись къ Присѣ.

— Еще-бы! Мама ждетъ васъ! Она даже обѣщала васъ Мэри, какъ приманку!

— О, значитъ, мои шансы стоятъ высоко! Ну, милая Прися не разсердится, если я начну съ того, что буду говорить вамъ комплименты! — прибавилъ онъ, обращаясь прямо къ Марьѣ Александровнѣ. — Во-первыхъ, отрадно видѣть весну на вашихъ щекахъ, вы ее привезли изъ провинціи! А во-вторыхъ, я завидую провинціи, которая умѣетъ еще ростить на своихъ нивахъ такія открытыя лица...

— Это оттого, что они тамъ еще всѣ наивны!—сказала съ полуулыбкой Прися, а Марья Александровна слегка покраснѣла.

— Я давно хотѣлъ посмотрѣть поближе провинціальную женщину! — сказалъ Стебловскій,—но меня вотъ уже четырнадцать лѣтъ не выпускаетъ изъ своихъ когтей департаментъ...

— Но вы каждое лѣто совершаете путешествіе по провинціи!—возразила Прися.

— О, даже тріумфально! Но я никого не вижу, кромѣ городскихъ головъ, губернаторовъ, предсѣдателей управъ, всякихъ членовъ разныхъ учрежденій, да еще осетровъ и индюшекъ, которыми они угощаютъ на торжественныхъ обѣдахъ. Ну, разскажите-же мнѣ что-нибудь про провинцію, про вашъ городъ. Можно тамъ жить?

— Мы живемъ!—сказала Марья Александровна.

— И довольны?

— Вполнѣ!

— Это жаль. Значитъ, мы, петербуржцы, не представимъ для васъ особеннаго интереса. Вы, пожалуй, еще станете скучать по вашей провинціи?

Digitized by Google

— Еще бы! У меня тамъ мужъ и ребенокъ.

— Ну, по ребенку мы вамъ отъ времени до времени поскучать позволимъ, а по мужу—нѣтъ, это выкиньте изъ головы! Мужъ, это—хроническая болѣзнь, она все равно рано или поздно возвратится...

Они еще разъ проѣхали къ стрѣлкѣ, потомъ вернулись въ городъ и поѣхали домой. Было половина седьмого, когда они всѣ трое поднялись во-второй этажъ. Тетя Валя уже покончила со всѣми дѣлами и встрѣтила ихъ не въ капотѣ, а въ нарядномъ тяжеломъ платьѣ, которое еще разъ заставило Марью Александровну поразмыслить о пагубномъ вліяніи времени. Это платье предательски оттѣняло всѣ недостатки ея фигуры, которая въ прежнее время была безукоризненна.

Аѳанасій Львовичъ произвелъ на Марью Александровну самое пріятное впечатлѣніе. Онъ все время ухаживалъ за нею, но дѣлалъ это въ шутливой, изящной формѣ, которая вызывала только улыбку. За обѣдомъ онъ смѣшно разсказывалъ о своихъ ежегодныхъ лѣтнихъ путешествіяхъ по провинціальнымъ городамъ и смѣшилъ всѣхъ до упаду.

— Вѣдь вотъ удивительный человѣкъ этотъ Аѳанасій Львовичъ,— говорила тетя Валя, обращаясь къ Марьѣ Александровнѣ,— ты, Мэри, пожалуй, примешь его за какого-нибудь бонвивана, жизнь котораго проходитъ въ удовольствіяхъ и веселыхъ анекдотахъ. А вѣдь онъ работаетъ по четырнадцати часовъ въ сутки!

— По четырнадцати часовъ!—изумилась Марья Александровна.

— Да, въ нормальное время, но случается и по шестнадцати!—подвердилъ Аѳанасій Львовичъ.

— Но какъ же вы успѣваете?

— И очень даже! Представьте, что это вовсе не трудно и у меня на все хватаетъ времени и никогда я не устаю до изнеможенія. Цѣлый часъ у меня идетъ на зав-

Digitized by Google

тракъ; полтора часа я гуляю передъ обѣдомъ, полтора часа обѣдъ и маленькій отдыхъ, итого—18 часовъ. У меня остается еще цѣлыхъ шесть часовъ на сонъ, а этого очень достаточно...

— А театръ?

— Въ театрѣ я бываю обязательно разъ въ недѣлю и въ эти дни сплю меньше. Но вѣдь вы видите, какъ я здоровъ! Если вы позволите мнѣ поухаживать за вами, то убѣдитесь, что во всемъ Петербургѣ нѣтъ другого такого исполнительнаго рыцаря, готоваго по одному вашему слову въ огонь и въ воду!

Около восьми часовъ Стебловскій началъ торопиться въ какую-то коммиссію, которая безъ него не могла состояться. Марья Александровна тоже вспомнила, что и ей пора, наконецъ, домой. Она почувствовала усталость.

— Вотъ и отлично! Вы не откажете мнѣ въ чести довезти васъ до дому. Вы гдѣ?

— Въ Европейской!

— По дорогѣ, по дорогѣ! Впрочемъ, мнѣ все по дорогѣ!

— У меня есть экипажъ! — сказала Марья Александровна.

— Извозчичій! А у меня свой. А у насъ даже по полицейскимъ правиламъ извозчичьи экипажи на улицѣ уступаютъ дорогу собственнымъ! Нѣтъ, ужь вы мнѣ въ этомъ не откажете!

Марья Александровна согласилась. Хотя она не собиралась сейчасъ же заговорить съ нимъ объ уставѣ и пивоваренномъ заводѣ, но мысль объ этихъ предметахъ все время носилась у нея въ головѣ. И ей казалось, что всякая любезность, какую она окажетъ Стебловскому, послужитъ на пользу дѣлу Анда и пайщиковъ.

Тетя Валя и Прися сдѣлали попытку удержать ее, но не настолько энергично, чтобъ она захотѣла остаться. Было условлено, что она завтра съ утра пріѣдетъ къ нимъ и

Digitized by Google

привезетъ свой туалетъ, который она, конечно, захватила изъ дому.

Стебловскій довезъ ее до гостинницы и, разставаясь, сказалъ:

— Надѣюсь, что вы не запретите бѣдному старику сдѣлать вамъ визитъ, — не завтра, конечно, а потомъ... послѣ грѣхопаденія... Прошлаго, конечно.

— Я буду очень рада видѣть васъ у себя! — отвѣтила Марья Александровна и въ это время опять подумала объ уставѣ пивоваренаго завода и пайщикахъ.

Придя домой и переодѣвшись въ капотъ, она отыскала бумагу, сѣла за столъ и начала писать домой.

Она писала: «Милый Андъ, думаешь ли ты обо мнѣ? Я о тебѣ думаю каждую секунду».

Она написала это и остановилась. Развѣ это правда? Все время, что она провела у тети Вали, она раза три вспоминала объ Андѣ, Кокѣ, уставѣ, пивоваренномъ заводѣ и пайщикахъ и притомъ почему-то обо всѣхъ вмѣстѣ, хотя, напримѣръ, Кока не имѣлъ ничего общаго съ уставомъ и пивовареннымъ заводомъ. Почему-жъ она такъ написала? Потому что такъ должно бы быть. Почему же такъ не было? Должно быть, новыя впечатлѣнія такъ завладѣли ею. Во всякомъ случаѣ это очень, очень дурно съ ея стороны! Зачеркнуть? Или взять другой листъ бумаги и начать съизнова? Но ей нравится это начало. И въ сущности это вѣдь не ложь. Она ни на минуту не забывала объ Андѣ и Кокѣ! О, конечно, они все время наполняли ея сердце, но они сидѣли тамъ молча, притаившись и уступивъ свое право на вниманіе петербургскимъ впечатлѣніямъ.

Она рѣшила продолжать «Милый Андъ, думаешь ли ты обо мнѣ? Я о тебѣ думаю каждую секунду. Ты уже получилъ отъ меня телеграмму о благополучномъ прибытіи. Да, прибыла я благополучно, но въ дорогѣ была очень несчастлива. Не думай, что я испытывала какія-нибудь не-

Digitized by Google

удобства пути. Нѣтъ, до Москвы кондукторъ, съ которымъ ты говорилъ, оберегалъ меня, я ему дала три рубля—довольно ли, какъ ты думаешь? А изъ Москвы я ѣхала въ отдѣльномъ спальномъ купэ тоже за небольшую прибавку. Такимъ образомъ нѣжное тѣло твоей Мурмуры не испытало никакихъ лишеній, но душа, душа страдала. Я не могла простить себѣ того, что поѣхала, оставивъ тебя и Коку, да и тебѣ, тебѣ, Андъ, я неохотно прощаю твою хитрость... да, да, хитрость, съ которой ты заставилъ меня рѣшиться на это! Подумай и ты поймешь, если только не понималъ уже тогда!

«Перехожу къ дѣлу. Я остановилась въ Европейской гостинницѣ и поѣхала къ тетѣ Валѣ. Какъ ты былъ правъ, Андъ! И тетя и Прися слегка удивились, что я не у нихъ остановилась, но, видимо, были довольны. Правда, у нихъ теперь хлопотливое время. Но какъ онѣ перемѣнились! Какъ все перемѣнилось! Тетя Валя—больше не красавица, а старуха; Прися... въ ней не осталось ничего прежняго. Я это опишу тебѣ, когда увидимся. Но что дѣлаетъ съ людьми Петербургъ! Какой ужасный городъ!

«Жениху Приси сорокъ пять лѣтъ, онъ лысый и полинялый. Она его вовсе не любитъ. Впрочемъ, все это тебя мало интересуетъ. Познакомилась съ Стебловскимъ, тѣмъ самымъ, который и твоимъ пайщикамъ такъ нуженъ. Онъ простой, умный и любезный старикъ, съ виду моложе своего племянника. Наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ и проводилъ меня отъ тети домой. Но я, разумѣется, ни слова не сказала объ уставѣ, потому что неловко же вдругъ, съ первой встрѣчи. Завтра тоже едва ли скажу, потому что завтра вѣнчанье Приси, а послѣ-завтра онъ сдѣлаетъ мнѣ визитъ, — онъ просилъ позволенія, вотъ тогда и скажу. Прощай, цѣлую мое любимое родимое пятнышко на правомъ плечѣ. Цѣлую милаго Коку всего, съ ногъ до головы. Бѣдный мальчикъ! Онъ, должно быть, до сихъ поръ пла-

Digitized by Google

четъ безутѣшно, покинутый своей мамой. Вся твоя Мурмура».

Отправивъ письмо, Марья Александровна почувствовала вдругъ, что день, проведенный у родственниковъ, утомилъ ее больше, чѣмъ двухсуточная дорога. И хотя она всей душой хотѣла быть полезной при сборахъ Приси къ вѣнчанью, но съ ужасомъ думала о томъ, что завтра придется забраться туда съ утра.

Тѣмъ не менѣе она не могла отказаться отъ этого и, съ вечера приготовивъ свое платье и уложивъ его въ длинную картонку, она велѣла горничной утромъ отвезти его на Кирочную, а сама пораньше легла спать.

На другой день утромъ ей подали письмо, которое въ первую минуту обрадовало ее, но потомъ страннымъ образомъ огорчило. Письмо было изъ провинціи, отъ Анда — она тотчасъ же узнала его адресъ.

«Какой заботливый Андъ!» — подумала она: — «знаетъ, что я безпокоюсь, и въ тотъ же день написалъ».

Она распечатала письмо и прочитала: «Дорогая Мурмура! Пишу вечеромъ въ день твоего отъѣзда, потому что по своей обычной разсѣянности забылъ сказать тебѣ, можетъ быть, самое главное. Видишь ли, очень можетъ случиться, что ходатайство наше объ уставѣ»...

Вотъ тутъ-то и появилось огорченіе. Значитъ, «самое главное» относится не къ ней, а къ уставу! Значитъ, если бы Андъ по разсѣянности не забылъ сказать мнѣ это «самое главное», то заботливости и письма не было бы...

Но, огорченная, она читала дальше: «...Очень можетъ случиться, что ходатайство наше объ уставѣ еще не попало въ сферу вѣдѣнія Стебловскаго, и въ этомъ случаѣ онъ можетъ отвѣтить тебѣ, что ничего не знаетъ о немъ. Помнишь, что я тебѣ говорилъ объ административной лѣстницѣ? Вотъ именно по этой-то лѣстницѣ ходатайство и путешествуетъ. И если бы онъ отозвался незнаніемъ, ты намекни ему, что

Digitized by Google

онъ можетъ потребовать дѣло къ себѣ и разрѣшить его помимо всѣхъ зигзаговъ и инстанцій. Поняла?»

— Нѣтъ, не поняла, и не хочу понимать! — мысленно, съ величайшей досадой сказала Марья Александровна. — Это безсовѣстно поручать мнѣ такія скучныя вещи! Точно я подъячій какой-то!

И въ досадѣ на Анда, она отложила въ сторону письмо и стала ходить по комнатѣ. И вотъ письмо! Уже написана страница, а до сихъ поръ ни слова о ней, а все объ уставѣ, о ходатайствѣ... Хотя бы изъ приличія, изъ деликатности спросилъ о ея здоровьѣ! Досаднѣе всего было то, что она сразу слишкомъ довѣрчиво обрадовалась. Теперь ей какъ бы жаль было этой напрасно потраченной радости.

Но сдѣлавъ съ десятокъ туровъ по комнатѣ, она успокоилась и опять принялась за письмо. «Главное, усвой себѣ хорошенько, моя Мурмура, что нельзя придавать никакого значенія обѣщаніямъ, вродѣ: «хорошо, это будетъ устроено! Можете спать спокойно!—или: дѣло близится къ концу!» и т. п. Эти милыя слова они расточаютъ въ несмѣтномъ множествѣ, но черезъ пять минутъ обо всемъ забываютъ. Необходимо, чтобы онъ устроилъ дѣло, т. е. утвердилъ уставъ, пока ты въ Петербургѣ, только этому можно довѣриться. Помни, что ему это ничего не стоитъ, кромѣ простого желанія. Держись, Мурмура, ибо на тебя возложили надежды четыре пайщика и твой мужъ, твой Андъ.

«Очень безпокоюсь, хорошо ли ты чувствуешь себя съ дороги»...

— Наконецъ-то! Вспомнилъ-таки и обо мнѣ!—вслухъ промолвила Марья Александровна.

«Когда сосредоточился мысленно на всемъ, что такъ быстро произошло, то начинаю думать, не безуміе ли это—ѣхать тебѣ одной въ такую даль? Но все равно, теперь ужъ поздно раскаяваться. Старайся какъ можно скорѣе все кончить и возвращайся. Безъ тебя пусто въ домѣ.

Digitized by Google

«Передай мой почтительный поклонъ тетѣ Валентинѣ Николаевнѣ и пожелай всякаго счастья Прасковьѣ Орестовнѣ. И пиши пожалуйста почаще,—каждый день, два раза въ день. Пиши подробно, какъ относится Стебловскій къ тебѣ вообще и къ дѣлу нашему въ частности.

«Чуть, было, не забылъ написать тебѣ о Кокѣ. Онъ оказался самымъ умнымъ мальчикомъ во всемъ свѣтѣ. На вокзалѣ онъ плакалъ и требовалъ мамусю. Но когда мы ѣхали домой, я заѣхалъ въ игрушечный магазинъ и купилъ ему самаго большого осла, какой только тамъ нашелся. Оселъ въ шерсти, съ великолѣпными ослиными ушами, превосходный оселъ,—и онъ совершенно успокоился. Обнимаемъ тебя—я и Кока—и цѣлуемъ крѣпко. Твой Андъ».

И, несмотря на то, что больше страницы было посвящено ей, опять ею овладѣло уныніе. Она воображала, что Кока безутѣшенъ и еще вчера написала объ этомъ. А Кока, потерявъ мамусю, утѣшался осломъ...

Но эту мысль она отогнала отъ себя. Что за нелѣпое желаніе, чтобы мальчикъ все время рыдалъ по ней? Къ чему ей это? Не лучше ли, если онъ будетъ весело играть съ осломъ!..

Она выпила давно поданный ей и уже простывшій кофе, одѣлась и поѣхала къ тетѣ Валѣ.

V.

Какая странная свадьба! Въ церкви было много разодѣтыхъ дамъ—и не то, чтобы блестящихъ, но все же доброкачественныхъ мужчинъ, затѣмъ на полчаса заѣхали къ тетѣ Валѣ, выпили по бокалу шампанскаго и оттуда на Варшавскій вокзалъ. Тутъ еще по бокалу и—уже второй звонокъ. Осталось двѣ минуты, чтобы поцѣловаться на прощанье, а тамъ—третій звонокъ и поѣздъ отошелъ. Какъ будто собрались вспрыснуть заключеніе какого-нибудь контракта или купчей. Марья Александровна не выдержала и спросила у Приси:

Digitized by Google

— Неужели у тебя не будетъ свадьбы?

— А это что же, по-твоему?—спросила Прися.

— Не знаю что, но... Но только не свадьба. На свадьбѣ бываетъ весело...

— Другъ мой, если ты разумѣешь свадебный вечеръ, то покорно благодарю. Неужели ты думаешь, что мнѣ доставило бы удовольствіе втеченіе цѣлаго вечера торжественно, при яркомъ освѣщеніи, показываться предъ народомъ съ этой деревянной куклой?

— Прися! Но ты проживешь съ нимъ цѣлую жизнь!

— Ну, это совсѣмъ другое дѣло...

На вокзалѣ Марья Александровна вспомнила то, что говорилъ еще Сергѣй Ивановичъ про заграничный паспортъ, и спросила тетю Валю, какъ же они ѣдутъ безъ паспорта, Тетя Валя объяснила.

— Они два дня проведутъ въ Вильно и туда имъ пришлютъ паспортъ.

Вспомнила Марья Александровна, какая веселая свадьба была у нихъ съ Андомъ. Правда, это было въ провинціи, гдѣ не строго придерживаются свѣтскихъ нововведеній. Съѣхались сосѣди изъ трехъ уѣздовъ и веселились пять дней, все никакъ не могли прикончить. Правда и то, что ей не было стыдно «показываться передъ народомъ» съ Андомъ, о, далеко нѣтъ!

Свадьба Приси произвела на нее самое грустное впечатлѣніе. Ей хотѣлось плакать. Въ институтѣ онѣ вмѣстѣ мечтали о блестящихъ рыцаряхъ, которымъ отдадутъ свои сердца, и вотъ, вмѣсто блестящаго рыцаря—«деревянная кукла»! И почему? Прися не дурна собой, умна, богата!.. Почему? «Интересные, симпатичные люди не женятся, потому что жениться теперь почти не принято», вспомнила Марья Александровна то, что говорила ей Прися, когда посвящала ее въ свои тайны. Но что же принято теперь?

Марьѣ Александровнѣ хотѣлось плакать, когда отходилъ

Digitized by Google

поѣздъ, а тетя Валя дѣйствительно плакала, но странно плакала. Въ это время она болтала съ провожавшими знакомыми и часто раздавался ея звонкій смѣхъ. Но иногда она какъ бы вспоминала о томъ, что надо плакать, быстро подносила платокъ къ глазамъ и тамъ уже оказывались слезы, а глаза дѣлались вдругъ красные.

Послѣ проводовъ у тети Вали собрались десятка полтора новыхъ и старыхъ родственниковъ, которымъ она предложила обѣдъ. Марья Александровна была уже знакома со всѣми, но никто не привлекъ ея вниманія. Дамы вообще ее не интересовали. Онѣ были всѣ скучныя. Когда же она мысленно произвела смотръ мужчинамъ, между которыми были и молодые люди, то, къ своему удивленію, нашла, что самый интересный между ними былъ Аѳанасій Львовичъ Стебловскій, которому, по опредѣленію тети Вали, «подступало уже подъ пятьдесятъ».

За столомъ она очутилась между нимъ съ правой стороны и красивымъ блондиномъ въ золотыхъ очкахъ, котораго до сихъ поръ ей еще не представили. Эту обязанность исполнилъ самъ Стебловскій.

— Позвольте вамъ представить, Марья Александровна, чудо природы,— слегка комически сказалъ онъ:—Валентинъ Игнатьевичъ Похожевъ, представляющій не что иное, какъ цѣлый департаментъ...

— Какимъ образомъ?—спросила Марья Александровна.

— Да такъ и есть: цѣлый департаментъ! Нѣтъ такого дѣльца, дѣла и дѣлища, которое обошлось бы безъ него. Его голова, это — огромный шкафъ, въ которомъ хранятся всѣ дѣла. На немъ зиждется все дѣлопроизводство. Онъ у насъ—всему начало и конецъ, онъ—департаментъ...

— А вы?—спросила Марья Александровна.

— Я? О, я только правая рука его, которая подписываетъ бумаги...

— Вы въ самомъ дѣлѣ такой знаменитый человѣкъ? —

Digitized by Google

И Марья Александровна пристально вглядывалась въ него, какъ будто хотѣла разглядѣть, дѣйствительно ли у него на плечахъ не голова, а шкафъ, въ которомъ помѣщаются всѣ департаментскія дѣла. Но она убѣдилась, что тамъ была настоящая голова и притомъ красивая, съ густыми длинными волосами, тонкими, какъ шелкъ, слегка вьющимися, съ большимъ умнымъ лбомъ и очень хитрыми глазами.

— О, что вы! Я не болѣе, какъ скромный исполнитель предначертаній его превосходительства! — отвѣтилъ Похожевъ, однакожъ не льстиво, а скорѣе иронически усмѣхаясь при этомъ.

— Mesdames,—шутливо обратилась тетя Валя къ остальнымъ дамамъ,—я приглашаю васъ къ негодованію и бунту противъ Аѳанасія Львовича, который, будучи самымъ интереснымъ мужчиной, отдаетъ все свое вниманіе не намъ, кореннымъ жительницамъ Петербурга, а пріѣзжей дамѣ...

— Милостивыя государыни!— сказалъ Стебловскій:— если бы даже мой пристрастный образъ дѣйствій не находилъ себѣ оправданія въ положительныхъ достоинствахъ нашей очеровательной провинціальной гостьи, то уже потому, что она гостья, вы должны гостепріимно уступить ей самаго интереснаго мужчину. Поэтому, я, несмотря на высказанный вами протестъ, остаюсь на своемъ посту.

Эта маленькая рѣчь увеличила общую веселость, а такъ какъ въ это время въ бокалахъ заискрилось вино и начались тосты, то веселость уже не ослабѣвала. Стебловскій и Похожевъ наперерывъ другъ передъ другомъ заботились о томъ, чтобы Марья Александровна исправно пила вино, и она чувствовала, что съ каждымъ новымъ бокаломъ щеки ея разгорячались и въ головѣ происходили странныя перемѣны, за которыми она не успѣвала услѣдить.

Началось съ того, что дамы, дѣвицы и мужчины, сидѣвшіе вокругъ стола, стали какъ будто интереснѣй. Они оживились и начали говорить почти уже то, что думали, а

Digitized by Google

не то, что считали приличнымъ сказать, не роняя своего достоинства. За столомъ было столько «разговоровъ», сколько было паръ, а кромѣ того еще и всѣ перебрасывались фразами, которыя имѣли общее значеніе. Пили здоровье Приси и здоровье Сергѣя Ивановича, писали телеграмму, подписывались подъ нею и послали ее въ Вильно. Марья Александровна тоже подписалась, несмотря на то, что тамъ, на-ряду съ «безцѣнной Прасковьей Орестовной», стоялъ «дорогой Сергѣй Ивановичъ», который былъ ей антипатиченъ. Но она подумала: «а можетъ-быть, онъ прекрасный человѣкъ! Бываетъ, что подъ холодной внѣшностью скрывается горячее сердце. Можетъ-быть, онъ обожаетъ Присю и сдѣлаетъ ее счастливой». Она вдругъ сдѣлалась снисходительной.

Подали кофе и ликеры. Похожевъ налилъ ей бенедиктину, а Стебловскій кремъ-де-ваниль. Стебловскій сказалъ:

— Вотъ теперь мы навѣрно узнаемъ вашъ истинный вкусъ!

— Пожалуйста, налейте мнѣ стаканъ содовой воды!— промолвила Марья Александровна и отодвинула отъ себя и то и другое. У нея слегка кружилась голова и видъ ликеровъ почему-то пугалъ ее. Гости уже начали подыматься и распредѣляться маленькими группами по большой квартирѣ тети Вали. Марья Александровна смотрѣла на все, что передъ нею происходило, и все казалось ей необыкновенно веселымъ и забавнымъ. Въ особенности смѣшила ее тетя Валя, которая, взявши подъ руку высокаго кавалериста съ выгнутыми, какъ у рахитиковъ, ногами, ходила съ нимъ по залѣ и о чемъ то горячо спорила. Ей представлялась тетя Валя лѣтъ семь-восемь тому назадъ. Какая она была шикарная, — тонкая, гибкая, изящная. И тогда за нею, еще очень интересной вдовой, ходилъ обыкновенно цѣлый хвостъ поклонниковъ. А теперь только одинъ этотъ кавалеристъ, и тотъ какой-то нелѣпый — долговязый, съ длин-

Digitized by Google

ной шеей, смуглый, какъ мулатъ, съ густыми сросшимися черными бровями и горбатымъ носомъ... О, время!

Между тѣмъ и она была уже не въ столовой, а въ гостиной, въ поэтическомъ уголкѣ, подъ широкими листьями пальмъ. Красивоголовый «департаментъ» съ разгорѣвшимися глазами, блестѣвшими сквозь стекла очковъ, стоялъ передъ нею, опершись объ уголъ мраморнаго камина, и что-то говорилъ безъ умолку. Можетъ быть, онъ объяснялся ей въ любви, а можетъ быть, излагалъ какое-нибудь дѣло, которое досталъ изъ своего «шкафа». Марьѣ Александровнѣ это было рѣшительно все равно. Но ей было смѣшно все, что онъ говорилъ, и то, какъ онъ говорилъ, горячо жестикулируя, какъ бы стараясь въ чемъ-то убѣдить ее, и его золотые очки, и златокудрая голова и поза, и у нея при этомъ явилось странное желаніе привстать и ударить его вѣеромъ по носу; она смѣялась, но желанія своего, разумѣется, не привела въ исполненіе.

Потомъ это желаніе перешло въ другое: вдругъ ей захотѣлось какого-нибудь движенія—мчаться на бурной тройкѣ, на локомотивѣ курьерскаго поѣзда, на воздушномъ шарѣ, да, въ особенности на воздушномъ шарѣ,—подняться на невозможную высоту и оттуда выброситься и летѣть, летѣть, но не падать, а летѣть, какъ птица, и потомъ сѣсть гдѣ-нибудь на вѣткѣ гигантскаго дерева.

Аѳанасій Львовичъ извинился и ушелъ на минуту сказать два слова хозяйкѣ, но тамъ заговорился. Но зато Похожевъ изъ всѣхъ силъ старался, чтобы она не скучала, и все говорилъ, говорилъ... А она смотрѣла на него и ей начало казаться, что на плечахъ у него дѣйствительно не голова, а шкафъ съ стеклянными дверцами и сквозь дверцы видны толстыя запыленныя дѣла. И вдругъ она что-то вспомнила и теченіе ея мыслей приняло странный оборотъ. Тамъ, въ этомъ шкафу, навѣрно лежитъ и это дѣло... какъ оно называется... она забыла... Вотъ никакъ

Digitized by Google

не можетъ припомнить! Ходатайство... Да, ходатайство... Какое странное слово! Какъ оно помѣстилось у нея въ головѣ? Ходатайство объ утвержденіи устава... Вотъ три слова, съ которыми, еслибы они были мужчины, она не просидѣла бы десяти минутъ, а умерла бы отъ скуки! Объ утвержденіи устава товарищества на паяхъ... И еще нѣсколько такихъ словъ... Товарищества на паяхъ для постройки и эксплоатаціи въ городѣ*** пивовареннаго завода...

А вѣдь это правда, что тамъ, въ его шкафу, который у него на плечахъ, лежитъ это дѣло! Непремѣнно лежитъ оно тамъ...

— Слушайте, Валентинъ Игнатьевичъ, вы... Вы слыхали про городъ ***? — вдругъ спросила она его и этимъ перебила бурный потокъ его рѣчей.

— Городъ***?— съ изумленіемъ переспросилъ онъ:— училъ въ географіи и, если не обманываетъ меня память, это губернскій и притомъ прескверный городъ!..

— Неправда! Очень миленькій городокъ! Тамъ есть бульваръ и вертоградъ! Наконецъ, я живу въ этомъ городѣ.

— О, въ такомъ случаѣ это—лучшій изъ городовъ всей вселенной!

— А скажите, въ вашемъ шкафу есть дѣло о...- дѣло...

— Въ шкафу? Въ какомъ шкафу?

— А вотъ въ этомъ!—она указала вѣеромъ на его голову.

— А! Ха, ха, ха! Какое дѣло?

— Дѣло о ходатайствѣ,—промолвила Марья Александровна, стараясь четко выговаривать слова, — о ходатайствѣ объ утвержденіи устава.. Позвольте, позвольте, я сейчасъ выговорю... устава товарищества на паяхъ для постройки и... и эксплоатаціи въ городѣ*** пивовареннаго завода.

Digitized by Google

— Гм... — какъ-то странно промычалъ Похожевъ и вдругъ перемѣнилъ позу, отошелъ нѣсколько въ сторону, взялъ стулъ, принесъ его къ своему прежнему мѣсту, сѣлъ, потомъ вынулъ платокъ и началъ старательно вытирать свое вспотѣвшее лицо.

— Что-жь вы молчите?—спросила Марья Александровна.

— Охота вамъ припоминать такія... гадости?—упавшимъ голосомъ сказалъ Похожевъ.

— Какъ гадости? Я не понимаю!

— Видите ли... Я, конечно, департаментскій чиновникъ, я—правая рука его превосходительства, я держу въ своихъ рукахъ всѣ нити дѣлъ и безъ меня ни одна бумажка изъ департамента не выходитъ... Все это такъ, все это вѣрно, все это не подлежитъ сомнѣнію, но...

Она смотрѣла на него и не понимала, почему онъ вдругъ заговорилъ такимъ унылымъ тономъ и въ глазахъ его, за минуту передъ этимъ дышавшихъ почти вдохновеніемъ, вдругъ появилось выраженіе тоски. Можетъ быть, въ этомъ «ходатайствѣ объ утвержденіи» заключается что-нибудь преступное, а Андъ не предупредилъ ее. Какъ это ужасно со стороны Анда!

А Похожевъ продолжалъ:

— Но... знаете ли вы, чего мнѣ это стоитъ! Представляете ли вы, до какой степени я долженъ былъ сковать свою душу цѣпями и засушить ее для того, чтобы она была въ состояніи слиться во-едино съ этими дѣлами, ходатайствами, бумагами, бумажонками!.. Вся жизнь, каждый день съ утра до вечера, а иногда съ вечера до утра, проходитъ въ изученіи, составленіи, сопоставленіи и ухищреніи—этихъ бумагъ, бумаги наполняютъ мою голову, въ бумаги завернута моя душа... И вотъ выпадаетъ счастливая минута. Благодаря милому обществу, общему настроенію, а въ особенности благодаря вамъ, вашей простотѣ, безъискус-

Digitized by Google

ственности, я подымаюсь выше этой бумажной пачкотни, я вдохновляюсь, я чувствую себя человѣкомъ, членомъ людского общества, общества живыхъ душъ, мыслящихъ, любящихъ, ненавидящихъ,—это все равно, главное—чувствующихъ, я начинаю жить настоящими человѣческими интересами, мои нервы, уже разучившіеся откликаться на простые искренніе призывы души, какъ бы вспоминаютъ свое прежнее и начинаютъ попрежнему нормально работать... Попрежнему, Марья Александровна, когда я былъ не департаментскимъ воротилой съ казеннымъ шкафомъ на плечахъ вмѣсто головы, а молодымъ магистрантомъ, готовившимся занять каѳедру и подававшимъ надежды, но которому доказали—проклятье этимъ языкамъ!— доказали, что выше, благороднѣе, плодотворнѣе государственная дѣятельность на службѣ... О, государственная дѣятельность! Она, конечно, и выше, и благороднѣе! Вонъ Аѳанасій Львовичъ, мой покровитель, онъ—выше бумагъ, бумажекъ и бумаженокъ! Онъ рѣшаетъ дѣла, онъ руководитъ, онъ направляетъ... А надо мной, своей «правой рукой», которой онъ отечески покровительствуетъ, онъ отечески же издѣвается... Да, шкафъ, шкафъ! Нѣтъ головы, нѣтъ мозга, нѣтъ нервныхъ нитей, а только дѣла, отношенія, доклады, циркуляры... Такъ я говорю: вотъ, благодаря обществу и въ особенности вамъ, я поднялся надо всѣмъ этимъ, я почувствовалъ себя человѣкомъ, и вы... вы вдругъ швырнули камешекъ и попали мнѣ въ крылья, и я опять опустился на землю...

— Полноте! Я... я это такъ... Я пошутила... я нечаянно!—молвила Марья Александровна дрожащимъ голосомъ, еще сама хорошенько не понимая, что собственно произошло. Но ей было и досадно, и жаль, что это произошло, потому что Похожевъ, видимо, страдалъ.

Но и Похожевъ, когда оборвали его рѣчь, тоже какъ будто опамятовался. Онъ опять вытеръ платкомъ новый потъ съ лица и усмѣхнулся.

Digitized by Google

— Нѣтъ, пожалуйста, не обращайте вниманія... Это у меня сорвалось! Ахъ, да, я понялъ, что у васъ есть дѣло. Ну-съ, такъ вотъ: ради Бога, пріѣзжайте въ канцелярію, прямо ко мнѣ, идите мимо всѣхъ и прямехонько ко мнѣ... Тамъ я священнодѣйствую. И мы, если что можно, во мгновеніе ока соорудимъ. А теперь давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ и простите, что я своимъ этимъ припадкомъ нагналъ на васъ тоску... Прощаете?

Онъ протянулъ ей руку.

— О, да... Что это вы... Тутъ прощать нечего!...

Она тоже протянула ему руку. Потомъ онъ повернулъ голову вправо, гдѣ проходилъ лакей:

— Послушай, Егоръ! Принеси-ка мнѣ рюмочку бенедиктину и еще кофею! Хочу опять подняться надъ землей! — съ усмѣшкой прибавилъ онъ, обратившись къ Марьѣ Александровнѣ.

Ему принесли ликеръ и кофе. Онъ началъ прихлебывать то и другое. Потомъ, какъ бы вновь воодушевившись, онъ сказалъ прежнимъ тономъ:

— Знаете, что? Дождемся мы, пока всѣ милые гости благополучно разъѣдутся, а тамъ соблазнимъ добрую хозяйку, да моего покровителя и начальника Аѳанасія Львовича и... катнемъ на острова!..

— Поздно будетъ!

— Никогда не поздно! Мы найдемъ какую-нибудь тихую пристань... А, вотъ и его превосходительство...

Въ это время подошелъ Аѳанасій Львовичъ.

— Я просилъ у хозяйки позволенія закурить сигару! — сказалъ онъ, показывая дымящуюся сигару.

— Такъ долго просили? — промолвила Марья Александровна.

— А, я въ восторгѣ, что мое отсутствіе здѣсь чувствовалось.

Похожевъ сообщилъ ему свой проектъ.

Digitized by Google

— Милый мой! Но у меня въ $9^1/_2$ часовъ собраніе свѣдущихъ людей по вопросу объ...

— Собраніе можетъ и разойтись, если... Если предсѣдатель не такъ-то здоровъ...

— Не люблю я этого, вы знаете!..

— Марья Александровна у насъ—гостья, того и гляди—упорхнетъ...

— Пишите записку секретарю!— рѣшительно сказалъ Аѳанасій Львовичъ и прибавилъ: — Марья Александровна, запишите въ своей душѣ, что я это дѣлаю первый разъ за всю мою служебную дѣятельность!

— Я это очень цѣню!—сказала Марья Александровна,—но надо вѣдь уговорить тетю Валю.

— Ну, тетю Валю мы уговоримъ, за это я ручаюсь, а только...

— Что такое?

Онъ какъ-то подозрительно посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ тетя Валя прохаживалась съ длинновязымъ кавалеристомъ.

— Я предпочелъ бы, чтобы было четыре, а не пять... Ну, впрочемъ, въ крайнемъ случаѣ можно и съ этимъ примириться...

Гости мало-по-малу начали расходиться. Только кавалеристъ, повидимому, не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія торопиться.

«Но при чемъ здѣсь этотъ нелѣпый кавалеристъ? И почему тетя Валя съ нимъ такъ исключительно любезна?»— думала Марья Александровна

Черезъ часъ, когда на дворѣ совсѣмъ ужь стемнѣло, къ подъѣзду подкатило помѣстительное ландо, принадлежавшее Аѳанасью Львовичу. Самого Стебловскаго усадили съ дамами, а vis-à-vis сѣли Похожевъ и нелѣпый кавалеристъ, отдѣлаться отъ котораго, какъ сказалъ тихонько Марьѣ Александровнѣ Аѳанасій Львовичъ, «не оказалось никакихъ средствъ».

Digitized by Google

VI.

Мѣста, по которымъ они ѣхали, сперва казались Марьѣ Александровнѣ знакомыми. Отчасти она припоминала кое-что изъ вчерашняго катанья на Стрѣлкѣ. Но потомъ направленіе измѣнилось и пошло уже все незнакомое.

Повидимому, кучеру уже было сдѣлано приказаніе, потому что никто не руководилъ имъ. Онъ ѣхалъ, какъ хотѣлъ. Сперва онъ каталъ ихъ и колесилъ по островнымъ дорогамъ, переѣзжая мосты. Затѣмъ повернулъ обратно и, наконецъ, остановился въ переулкѣ у подъѣзда, ярко освѣщеннаго электрическими огнями.

Похожевъ зашелъ въ кассу и купилъ какіе то билеты. Они вошли въ странное мѣсто, похожее на подземелье. Подъ низкими сводами бродили какія то смуглолицыя женщины въ темныхъ платьяхъ съ позументами и у нихъ былъ такой видъ, будто ихъ заставили ходить здѣсь въ видѣ наказанія. Издалека доносилась музыка.

Потомъ они вышли изъ подземелья на свѣжій воздухъ. Разношерстная публика толпилась и, повидимому, безъ цѣли, ходила по саду взадъ и впередъ. На лицахъ у всѣхъ была скука. Подъ навѣсомъ стояло множество столиковъ, накрытыхъ бѣлыми скатертями. Немногіе изъ нихъ были заняты посѣтителями, пившими кто чай, кто пиво. Все это имѣло видъ плохого трактира.

Налѣво открытая сцена. На ней три одинаково одѣтыхъ дѣвицы пѣли въ унисонъ по-нѣмецки что-то лишенное всякой музыки и при томъ всѣ дѣлали одинаковые жесты, поворачиваясь всѣмъ корпусомъ то вправо, то влѣво.

Публика толпилась у сцены; музыка играла, раздавались крики, аплодисменты. Они тоже хотѣли остановиться у открытой сцены, но въ это время въ саду стали звонить.

Digitized by Google

— Зовутъ въ театръ,—сказалъ Стебловскій и предложилъ Марьѣ Александровнѣ руку.

Тетя Валя уже крѣпко держалась за руку нелѣпаго кавалериста, а Похожевъ куда то исчезъ. Марья Александровна освѣдомилась о немъ.

— Онъ по пищевой части распоряжается,—объяснилъ Стебловскій.

Они пошли въ закрытый театръ, тамъ уже дѣйствіе началось. Они повернули налѣво и сѣли въ ложу близъ сцены.

Здѣсь пѣли француженки. Онѣ выходили въ огромныхъ шляпахъ, въ короткихъ платьяхъ, съ невѣроятными вырѣзами — у нѣкоторыхъ на груди, у другихъ на спинѣ, а у третьихъ на груди и спинѣ.

У нихъ были сильные голоса и онѣ сразу начинали кричать; но у нѣкоторыхъ голосовъ вовсе не было; эти старались посильнѣй размахивать руками и ногами, но пѣли онѣ, какъ казалось Марьѣ Александровнѣ, одно и то же, только разными голосами и словами.

Публика аплодировала, а онѣ пѣли еще разъ. Марья Александровна удивлялась, что на сценѣ вовсе не было мужчинъ, а все женщины.

— Это оттого, —сказалъ Стебловскій,— что здѣсь за все платятъ мужчины, а значитъ все это для мужчинъ. .

Пришелъ Похожевъ и объявилъ, что все устроено.

— Что вы тамъ устраивали?—спросила Марья Александровна.

— Я заказалъ отдѣльный кабинетъ и ужинъ,—отвѣтилъ Похожевъ.

— Неужели кто-нибудь изъ насъ способенъ ужинать!..

— Да вѣдь это только поводъ посидѣть, а ужинать необязательно. Вамъ нравится это?—онъ указалъ на сцену.

— Я думаю, что къ этому надо привыкнуть, чтобъ нравилось. Для меня это просто безобразный крикъ.

Digitized by Google

— Не скажите этого. Вотъ эта креолка не лишена колорита.

— Креольскаго?..

— Можетъ быть.

— Это мнѣ недоступно.

Въ театрѣ кончилось. Въ саду было то же, что и прежде. Только за столиками подъ навѣсомъ прибавилось публики и тамъ началось оживленіе. Вмѣсто пивныхъ бутылокъ кое-гдѣ появились широкія бутылки съ золотыми и бѣлыми горлышками, а на сценѣ пѣли тѣ самыя женщины, которыя раньше ходили въ подземельи.

Они поднялись по лѣстницѣ и очутились въ просторномъ ярко освѣщенномъ кабинетѣ. Длинный столъ представлялъ изъ себя чрезвычайно сложное явленіе. Марья Александровна, въ первую минуту, не поняла, что это, но, приглядѣвшись, увидѣла множество бутылокъ съ водкой разныхъ сортовъ, съ винами, тарелки и блюда съ икрой, паштетами, сырами, селедками и другими закусками.

— Для кого это?—спросила она.

— Для насъ. Это такъ кажется, что вы не хотите ѣсть, а попробуйте—все это такъ устроено, что аппетитъ является самъ собой.

И, къ удивленію провинціальной гостьи, всѣ начали пресерьезно заниматься закуской. Мужчины выпили водки, тетя Валя—маленькую рюмку рябиновки.

Тетя Валя, съ величайшимъ аппетитомъ, ѣла какой-то паштетъ; нелѣпый кавалеристъ потребовалъ луку и сталъ съ жаромъ его поѣдать вмѣстѣ съ селедкой.

Марьѣ Александровнѣ стало скучно смотрѣть на нихъ и она отъ скуки тоже съѣла какой-то сыръ съ дичью. Оказалось нѣчто невѣроятной остроты и пришлось съѣсть что-нибудь помягче. Одно вело за собой другое, и она уже чувствовала аппетитъ и ей не было скучно.

Потомъ закуску убрали и принесли бульонъ, затѣмъ

Digitized by Google

появилась рыба и послѣ маленькія птицы съ предлинными носами, которыхъ Стебловскій назвалъ бекасами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ принесли шампанское. Марья Александровна ѣла совершенно такъ-же какъ и всѣ и, удивляясь этому, она въ то-же время чувствовала неловкость по поводу того, что раньше осудила всѣхъ.

При этомъ ей хотѣлось пить и она осторожно прихлебывала Cremant Rose фирмы Moët et Chandon, которое усердно наливалъ ей сосѣдъ, Похожевъ. У нея сильно кружилась голова. Это уже второй разъ сегодня. Стебловскій провозгласилъ тостъ за самыхъ счастливыхъ людей на свѣтѣ. Всѣ поняли и чокались, но Марья Александровна не поняла и спросила — кто это?

— Какъ кто! Счастливая парочка, которая теперь ѣдетъ въ курьерскомъ поѣздѣ, въ отдѣльномъ купэ, скрытая отъ глазъ всего міра.

Марья Александровна какъ-то непроизвольно поставила бокалъ на столъ.

— Вы не хотите выпить за нихъ?—спросилъ Стебловскій.

Она опомнилась.

— Нѣтъ... Я... я выпью...

А въ это время она думала о Присѣ, которая теперь, можетъ быть, переживаетъ отвращеніе. «О, что они называютъ счастьемъ!»

— Прися счастливая,— говорила тетя Валя, сверкая уже изрядно возбужденными глазами. —Я всегда говорила, что ей везетъ.

— Въ чемъ же это?— спросилъ кавалеристъ.

— Какъ въ чемъ? Ея мужъ... это... Это совершенство. Но, не будь Прися моя дочь, я его не уступила бы ей!

— Рѣшительно вы неукротимы,—сказалъ кавалеристъ и, въ свою очередь, сверкнулъ своими кофейными глазами.

Похожевъ въ это время подлилъ вина своей сосѣдкѣ и умолялъ ее выпить съ нимъ.

Digitized by Google

Марьѣ Александровнѣ вдругъ стало такъ досадно по поводу разговора о новобрачныхъ и особенно по поводу того, что говорила тетя Валя, что она съ досады выпила весь бокалъ до дна и сразу почувствовала, что это ей не по силамъ. Въ головѣ у нея какъ-то все пошатнулось и лица всѣхъ начали казаться смѣшными, какъ въ выпукломъ зеркалѣ.

А тетя Валя, можетъ быть, желая раздразнить нелѣпаго кавалериста, все говорила о совершенствахъ Присинаго мужа и о томъ, какъ счастлива Прися и какъ она ей завидуетъ.

— Тетя Валя, это неправда,—вдругъ выпалила Марья Александровна и этимъ заставила всѣхъ устремить на нее взоры.

— Что такое, душечка моя, неправда?—все еще тономъ шутки, спросила тетя Валя.

— У него нѣтъ никакихъ совершенствъ, онъ просто... просто противный... И Прися его любитъ... не можетъ...

Тетя Валя обвела всѣхъ взглядомъ, какъ бы спрашивая, какъ поступить ей въ этомъ случаѣ. Секунда была ужасная, но только секунда, потому что здѣсь все были люди тонкіе и находчивые и первый нашелся Стебловскій, который вдругъ началъ аплодировать.

— Браво, браво, это великолѣпно, это темпераментъ, это надо цѣпить! Мы цѣнимъ...

Кавалеристъ подхватилъ, Похожевъ тоже. Выходка обратилась въ шутку.

Марья Александровна смотрѣла на всѣхъ непонимающими глазами. Она смутно чувствовала, что сказала что-то такое, чего нельзя было говорить, но совершенно подавленная молчала. А Стебловскій, между тѣмъ, шутливымъ тономъ говорилъ то же, что сказала она. Онъ рѣшительно издѣвался надъ племянникомъ, онъ говорилъ:

— Позвольте! Что это за мужчина? Я понимаю Марью

Digitized by Google

Александровну. Она съ свѣжаго воздуха, изъ провинціи, и она возмущается. У него заранѣе все предусмотрѣно. Онъ знаетъ не только то, что скажетъ завтра, но черезъ два и черезъ три года. У него нѣтъ ни страстей, ни полетовъ, ни увлеченій. И это молодой человѣкъ! Но позвольте, если онъ молодой человѣкъ, то, въ такомъ случаѣ, я младенецъ! Нечего, нечего съ укоромъ кивать на мои сѣдины,—прибавилъ онъ, обращаясь къ тетѣ Валѣ.—Сѣдины ничего не значатъ! А вы бы прислушались, какъ бьется сердце въ этой груди! Господа, давайте-ка угостимъ нашу провинціальную гостью цыганами!

— Цыгане! Отлично! Я обожаю цыганъ!—воскликнула тетя Валя.

— Ну, правая рука, командуйте.

Похожевъ позвонилъ. Вошелъ лакей. Потребовали цыганъ.

Явились смуглолицые дамы и мужчины подъ предводительствомъ какой-то старухи съ огромнымъ животомъ. Началось залихватское пѣніе, подергиваніе плечами, взвизгиваніе.

Принесли еще нѣсколько бутылокъ шампанскаго и пили всѣ: и посѣтители, и цыгане.

Марья Александровна испытывала что-то небывалое, невѣроятное, невозможное. По всему тѣлу ея, по всѣмъ тончайшимъ нервамъ ея разливалась какая-то теплая струя. У нея было такое ощущеніе, какъ будто сейчасъ, послѣ утомительнаго дня, долженъ наступить сладкій сонъ. Голова ея полна была не мыслей, которыя, быть можетъ, были бы тяжелы, а какихъ-то легкихъ грезъ, которыя походили на эфирныя существа, съ тонкими прозрачными крыльями разнообразныхъ цвѣтовъ: то розовыхъ, то бѣлыхъ, то голубыхъ.

Жизнь какъ бы исчезла; обыденная практическая жизнь, съ обыденными интересами, скучными ежедневными заботами, со всѣмъ, что занимало ее прежде: съ уставомъ, съ товариществомъ на паяхъ, даже съ Андомъ.

Да, даже съ Андомъ. И на мѣстѣ всего этого высту-

Digitized by Google

пало что-то невоображаемое, очаровательное и въ то же время дикое.

— Ахъ, какъ хорошо! — непроизвольно воскликнула она, думая, что это не больше какъ мысль, которая промелькнула въ ея головѣ, не замѣчая, что она произноситъ слова.

— Вамъ нравится? — спросилъ ее Похожевъ, оказавшійся ея ближайшимъ сосѣдомъ и подслушивавшій ея мысли.

— Да, да...

— Вы любите цыганъ? — спросилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ, не это, а... а все...

— Все, что не похоже на дѣйствительность, — подхватилъ Похожевъ.

— Да, да. Вы правы...

— О, какъ я васъ понимаю! Дѣйствительность, это что-то грубое, узкое, опредѣленное, а это... какое-то странное состояніе, которое не знаешь гдѣ начинается, гдѣ кончается... Ты въ немъ какъ-то расплываешься весь. Скажите, гдѣ тутъ жизнь, гдѣ тутъ фантазія! Это какой-то міръ необъятныхъ грезъ, неуловимыхъ сочетаній...

Она слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ, а онъ говорилъ съ вдохновенными глазами.

— Какъ странно созданъ человѣкъ: онъ любитъ жизнь, онъ добровольно отдаетъ себя ей въ рабство, онъ дрожитъ надъ нею и трепещетъ при мысли, что ее у него могутъ отнять, ради нея онъ идетъ на компромисы, на подлости. Ради нея онъ жертвуетъ самыми дорогими мечтами, самыми святыми взлелеянными убѣжденіями... И въ то же время, для него, для этого самаго человѣка нѣтъ большаго счастья, какъ на мгновеніе забыться, позабыть о ней, объ этой повседневной жизни и перенестись въ міръ несбыточныхъ грезъ.

«Боже, какъ это вѣрно, какъ уменъ этотъ человѣкъ, какую правду онъ говоритъ», — думала Марья Александровна, а Похожевъ, точно вдохновленный ея сочувствіемъ, говорилъ безъ конца. Говорилъ съ горящими глазами, дрожа-

Digitized by Google

щимъ взволнованнымъ голосомъ и почему-то держалъ ея руку и смотрѣлъ ей въ глаза.

И удивительно было то, что она ничего противъ этого не имѣла; она позволяла держать ея руку ему, человѣку, котораго она сегодня видѣла въ первый разъ и къ которому не питала никакого чувства, могущаго оправдать это. Это было дѣйствіе вина, одного только вина, которое все нивелируетъ.

Цыгане плясали и пѣли, пѣли и плясали и, казалось, этому не будетъ конца.

Случайно Марья Александровна взглянула на тетю Валю. Она сидѣла рядомъ съ кавалеристомъ.

Они, должно быть, забыли оба, что это все-таки не фантазія, а дѣйствительность. Они смотрѣли другъ на друга пожирающими глазами; лица у нихъ были какія-то смутныя, а у тети Вали грудь высоко вздымалась.

«Тетя Валя, тетя Валя, какіе у нея... пошлые вкусы,— мысленно восклицала Марья Александровна.—И отчего это произошло? Прежде было не то... Прежде, когда она была львицей, у ногъ ея не было нелѣпыхъ кавалеристовъ. Суровое время смирило ее и ей приходится довольствоваться тѣмъ. . что Богъ послалъ. А какъ все относительно, Боже мой, Боже мой».

А старикъ Стебловскій сидѣлъ развалившись на диванѣ и съ счастливой улыбкой посматривалъ то на нее, то на тетю Валю, и шутливо грозилъ пальцемъ имъ обѣимъ.

Еще долго пѣли и плясали цыгане. Марья Александровна не помнитъ какъ это вышло, когда они замолкли и ушли. Но это несомнѣнно случилось.

Всѣ стали поспѣшно одѣваться и собираться домой. Она помнитъ, что послѣдовательность событій была такова. Послѣ этого, она, опираясь на руку Похожева (о, она теперь не могла бы идти безъ этой руки), спустилась внизъ по лѣстницѣ.

Рядомъ съ ними шелъ Аѳанасій Львовичъ и говорилъ

Digitized by Google

что-то ужасно смѣшное. И она смѣялась и ея веселый смѣхъ раздавался далеко.

Они опять прошли черезъ подземелье и вышли къ ярко освѣщенному подъѣзду.

Тутъ подкатило ландо Стебловскаго, то самое, въ которомъ они ѣхали сюда. Ее усадили. Рядомъ съ нею сѣлъ Аѳанасій Львовичъ, а напротивъ Похожевъ.

— А гдѣ же тетя Валя?—спросила Марья Александровна, вдругъ только теперь замѣтившая, что тети Вали съ ними нѣтъ.

— Они уѣхали раньше. Вѣдь имъ съ нами не по дорогѣ,—отвѣтилъ Стебловскій.

«Они... Значитъ, она съ этимъ... нелѣпымъ кавалеристомъ»...

— Какой у него глупый носъ,— вдругъ, сама этого не ожидая отъ себя, сказала Марья Александровна и затѣмъ съ глубокимъ вздохомъ воскликнула:—Ахъ, тетя Валя, тетя Валя!

— Да, да, тетя Валя,—какъ-то въ высокой степени тенденціозно повторилъ Стебловскій и вдругъ громко разсмѣялся.

Его приводила въ восторгъ эта непосредственность провинціальной гостьи. Уже начало свѣтать. Утренній воздухъ охватилъ ея разгоряченную голову и освѣжилъ легкія. Все въ ея глазахъ стало проясняться. Грезы, навѣянныя игристымъ виномъ и пѣніемъ цыганъ, стали блѣднѣть, какъ звѣзды на прояснившемся небѣ, и вдругъ она совершенно явственно почувствовала, что была только что въ кабакѣ, что эти цыгане, въ сущности, не пѣли, а выкрикивали какія-то пошлости, и ей, возвращающейся въ отель въ обществѣ двухъ мало знакомыхъ ей мужчинъ, какъ-то стало обидно.

А тетя Валя оставила ее и поторопилась уѣхать съ своимъ нелѣпымъ кавалеристомъ. Уже они переѣхали Троицкій мостъ. У Стебловскаго были сонные глаза. Съ лица

Digitized by Google

Похожева исчезли розы. Они всѣ молчали, изрѣдка перебрасываясь замѣчаніями насчетъ Невы, утренняго холода, встрѣчнаго экипажа, маленькаго парохода, медленно тащившаго три баржи по рѣкѣ.

Тогда и Марьѣ Александровнѣ стало скучно, и она почувствовала себя счастливой, когда экипажъ остановился у подъѣзда Европейской гостинницы.

Оба ея спутника сошли на тротуаръ, помогли и ей сойти и проводили ее до двери, куда ее впустилъ швейцаръ.

Марья Александровна пошла къ себѣ въ номеръ, раздѣлась и сѣла на кровати. Голова ея устала, но она не ложилась. Какія-то тревожныя мысли снова начали стучаться въ ея голову. Сперва она не знала, что это за мысли, потомъ стала различать слова. Время идетъ... Она проводитъ цѣлые дни съ людьми, отъ которыхъ зависитъ ея дѣло. Вѣдь она пріѣхала за тысячу верстъ изъ-за этого дѣла! Не для свадьбы же она сюда пріѣхала, для этой глупой, оскорбительной свадьбы, и она ничего еще не сдѣлала для устава...

А дома Андъ думаетъ, что она только этимъ и занимается. Бѣдный Андъ, бѣдные пайщики!

И ей вдругъ захотѣлось покаяться передъ Андомъ. Она сѣла къ столу и, не зажигая свѣчей, при свѣтѣ ранняго утра, начала писать.

«Прости меня, милый Андъ, я виновата передъ тобой страшно, страшно»...

Въ это время взглядъ ея упалъ на маленькій пакетикъ, лежавшій на столѣ. Она протянула къ нему руку. Что это? Телеграмма? Это принесли безъ нея.

Быстрымъ движеніемъ она схватила пакетъ и распечатала.

«Ради Бога, скорѣй сообщи о ходѣ дѣла. Погода вынуждаетъ приступать къ работамъ. Пайщики заѣдаютъ меня. Отъ тебя никакихъ опредѣленныхъ извѣстій».

Она скомкала телеграмму, потомъ нервнымъ движеніемъ

Digitized by Google

разорвала листъ бумаги, на которомъ начала нѣжное посланіе Анду.

Минутъ черезъ десять она спала тяжелымъ сномъ.

VII.

На другой день Марья Александровна проснулась довольно поздно, послѣ одиннадцати часовъ. Она открыла глаза; въ комнатѣ было совершенно свѣтло. Вчера она забыла опустить шторы.

Она открыла глаза и на лицѣ ея выразилось напряженное вниманіе. Вчера было что-то странное, необычное. Это видно прежде всего изъ того, что голова ея въ странномъ состояніи, въ какомъ никогда не бывала. Да, она пила шампанское, именно пила его. Она начала пить его за обѣдомъ, потомъ продолжала пить гдѣ-то въ загородномъ саду, въ отдѣльномъ кабинетѣ. Съ какой стати? Почему?

Но вѣдь вчера была свадьба Приси. Боже! Свадьба Приси! Какъ это странно звучитъ... И при этой мысли у нея такое ощущеніе, какъ будто Присю, живую, красивую, полную силъ, положили въ гробъ рядомъ съ холоднымъ трупомъ.

Да, была свадба, но какая странная! Самой Приси не было. Ее отправили, чтобы не видѣть, какъ она будетъ счастлива! Еще бы! Это такой ужасъ — это Присино счастье съ господиномъ Стебловскимъ-младшимъ.

Онъ представляется ей молодымъ мужемъ. Онъ говоритъ сквозь зубы: «Моя милая, mon ange! Я очень счастливъ, имѣя васъ своей женой; надѣюсь, и вы также счастливы, имѣя меня своимъ мужемъ!!.» Онъ осторожно обнимаетъ ее, боясь испортить свою прическу, цѣлуетъ, стараясь сохранить завивку усовъ. А Прися въ это время презираетъ его. Это называется — счастьемъ! Они совершаютъ брачное путешествіе... Какой ужасъ и какая гадость!

Digitized by Google

Да, вчера была свадьба. Но, право, это имѣло такой видъ, будто тетю Валю повѣнчали съ нелѣпымъ кавалеристомъ. У нихъ обоихъ такъ горѣли глаза, когда они смотрѣли другъ на друга. А, тетя Валя, поймалась! Лѣтъ пять-шесть назадъ, когда около нея былъ рой поклонниковъ, она казалась недоступной. А теперь—довольствуется этимъ чумазымъ господиномъ болѣе, чѣмъ среднихъ лѣтъ, съ красноватымъ носомъ и выгнутыми ногами...

Почему Прися не вышла за Похожева? Онъ красивый, лѣтъ на пять моложе ея теперяшняго мужа; судя по его отношеніямъ къ старику Стебловскому, онъ тоже на хорошей дорогѣ, но главное — у него есть душа, онъ живой человѣкъ. Какъ онъ горячо говорилъ вчера у камина, когда она неребила его вопросами объ этомъ глупомъ товариществѣ на паяхъ! Да и вообще онъ такой умный, простой, сердечный. Почему Прися выбрала не его, а этого мертвеца?

Однако, вчера что-то такое вышло... Кажется она рѣзко отозвалась о Присиномъ мужѣ и Аѳанасій Львовичъ спасъ ее... Да, это было неосторожно. Но когда тетя Валя стала расхваливать его, она не могла выдержать.

Надо вставать. Вчера было еще что-то... Ахъ, да, телеграмма отъ Анда. Гдѣ она? Марья Александровна взглянула на столъ, потомъ на полъ и разсмѣялась. Телеграмма лежала подъ столомъ въ видѣ комка бумаги. Она вспомнила, какъ вчера швырнула ее подъ столъ.

Еще бы не швырнуть! Въ то время, какъ бѣдная женщина нуждается въ нѣжной поддержкѣ... Почему она нуждается въ поддержкѣ? Развѣ что-нибудь случилось? Ну да, такъ какъ въ комнатѣ нѣтъ никого посторонняго, она одна-одинешенька, то она можетъ это подумать... Похожевъ такъ горячо говоритъ, такъ тепло пожимаетъ руку, такимъ славнымъ, симпатичнымъ огнемъ горятъ его глаза... Разумѣется, не можетъ быть и мысли о чемъ-нибудь такомъ... Ну, такомъ, серьезномъ, вродѣ чувства или измѣны... Это дико

Digitized by Google

было бы подумать. А все-таки нужна поддержка. Похожевъ человѣкъ одинокій, заѣденный канцелярщиной. Какъ-то невольно хочется пожалѣть его. Онъ вѣдь такой талантливый, готовился въ профессора, а попалъ въ канцелярію... А когда женщина жалѣетъ человѣка, мало ли что можетъ случиться! Нельзя до мелочей разсчитать каждый свой шагъ. Тутъ немного меньше, тамъ немного больше... Вотъ тутъ-то и нужна поддержка.

А противный Андъ... Отъ него только и слышишь, что о заводѣ, уставѣ, пайщикахъ... Торопись, торопись!.. А она, вотъ уже третій день, до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлала. Какъ странно! За нею ухаживаютъ люди, въ рукахъ у которыхъ весь этотъ заводъ и уставъ и пайщики, а она все прозѣвала.

Надо что-нибудь дѣлать. Время идетъ. Не сидѣть же ей здѣсь мѣсяцъ! Зачѣмъ? Любоваться счастьемъ тети Вали съ нелѣпымъ кавалеристомъ? Надо дѣйствовать. Вѣдь и деньги тоже идутъ безумно. За номеръ она платитъ пятнадцать рублей въ сутки, это ужасно! Но виноватъ Андъ. Онъ сказалъ, что неприлично остановиться въ другомъ отелѣ. Вотъ она и остановилась здѣсь. А вѣдь это—деньги пайщиковъ, это безсовѣстно. Не перемѣнить ли комнату? Ей предлагали въ 4-мъ этажѣ за семь рублей... Но четвертый этажъ, это такъ неудобно. Кто-нибудь заѣдетъ... Къ ней непремѣнно заѣдутъ и Стебловскій и Похожевъ, да и тетя Валя должна навѣстить ее. Что они подумаютъ объ ихъ средствахъ? Что они подумаютъ объ Андѣ?

Она встала съ постели, позвала горничную и начала мыться и одѣваться. Потомъ пила кофе и около часу была совсѣмъ готова. У нея явилась мысль поѣхать въ городъ и накупить перчатокъ и разной мелочи. Но голова все еще была не въ полномъ порядкѣ и хотѣлось сидѣть въ креслѣ, свободно развалившись.

Digitized by Google

Въ коридорѣ послышались шаги, кто-то постучалъ въ дверь.

— Кто тамъ? Войдите! —отвѣтила она изъ спальни, потомъ поднялась и взглянула въ первую комнату.

— Ахъ! это вы, Аѳанасій Львовичъ? Я только что объ васъ думала!

— Какъ пріятно узнать о столь сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на женскую душу! —промолвилъ Стебловскій, цѣлуя ея руку.—Надѣюсь, разскажете, въ какомъ смыслѣ и—главное—въ какомъ освѣщеніи...

— Да просто думала о вашемъ обѣщаніи побывать у меня...

— Я разочарованъ. Однако, это не обѣщаніе, а сердечное желаніе, которое и сбылось... Какъ ваша буйная головушка?

— Буйная? Это намекъ на мое буйное поведеніе? Я въ немъ каюсь чистосердечно!

— Напрасно! Совершенно напрасно! Мы такъ рѣдко испытываемъ удовольствіе слышать святую и простую правду...

— Правду?

— Истинную правду! И то, что я вчера говорилъ шутя, выручая васъ, я готовъ говорить серьезно. Мой племянникъ принадлежитъ къ той формаціи промежуточныхъ людей, которые сдѣланы изъ пробочнаго дерева. Я искренно люблю Присю и жалѣю ее...

— Зачѣмъ же вы въ этомъ случаѣ не... не помѣшали этому браку?

— Другъ мой, — совсѣмъ по-родственному сказалъ Стебловскій и при этомъ взялъ ея руку и поднесъ къ своимъ губамъ, — развѣ такимъ вещамъ помѣшать можно? Прися не дѣтка. Прися умница и видала людей, и знала, что дѣлала. Ну, вотъ, напримѣръ, вы — милый, очаровательный товарищъ, и я нахожу, что съ вашей стороны — безчеловѣчно по-

Digitized by Google

кинуть насъ и вернуться въ дикую провинцію, и я хотѣлъ бы этому помѣшать. Но развѣ я могу? Все-таки вы, просіявъ на нашемъ темномъ небѣ, укатите туда, къ мужу, къ сыну и тому подобнымъ скучнымъ вещамъ... Скажите, Андрей Петровичъ, вашъ мужъ, кажется, служитъ? Почему бы ему не служить здѣсь? Ну, что за служба въ провинціи?

— Нѣтъ, онъ не служитъ... То-есть въ земствѣ, да, но это такъ себѣ...

И вдругъ въ это время у нея мелькнула мысль объ уставѣ. Лучшаго момента она не найдетъ. И она прибавила:

— Онъ занимается дѣлами... Ахъ, да, между прочимъ одно дѣло отъ васъ зависитъ...

— Отъ меня?

И Стебловскій тихонько оставилъ ея руку, откинулся на спинку кресла и лицо его стало выражать холодное вниманіе.

— Что же это за дѣло?

Марья Александровна почувствовала, что въ этотъ моментъ ихъ теплыя дружескія отношенія какъ бы порвались, и ей стало очень тяжело излагать свое «дѣло». Но пойти назадъ ужъ никакъ нельзя было. Притомъ же надо когда нибудь заговорить объ этомъ.

И она начала объяснять, путаясь и краснѣя.

— Видите ли, мой мужъ... Онъ выдумалъ заводъ... Это называется «товарищество на паяхъ для.... для постройки и.. и, кажется, эксплоатаціи... Ну, да, для эксплоатаціи...» Это такъ называется. Ну, такъ вотъ...

Стебловскій, который сидѣлъ съ скучнымъ лицомъ и съ полузакрытыми глазами и кивалъ головой всякій разъ, когда она запиналась, вдругъ поднялъ голову и звонко разсмѣялся.

— Ха, ха, ха, ха! Ахъ, какъ это мило! Какъ это великолѣпно! Какое это блестящее доказательство того, что прелестныя головки созданы не для скучныхъ дѣлъ!.. Великолѣпно! Очаровательно!

Digitized by Google

Онъ опять взялъ ея руку и поцѣловалъ. Марья Александровна густо покраснѣла.

— Развѣ я не такъ объясняю? — съ смущеніемъ спросила она.

— Нѣтъ, такъ, такъ, лучше, чѣмъ надо, именно такъ, какъ вамъ къ лицу! — воскликнулъ Стебловскій, пользуясь этимъ случаемъ, чтобъ еще нѣсколько разъ поцѣловать ея руку; затѣмъ онъ произнесъ комически, подражая ей: — «товарищество на паяхъ для постройки и, кажется, эксплоатаціи ..» Что за удивительное товарищество, которое строитъ и эксплоатируетъ неизвѣстно что? Ужъ не воздушные ли замки? а?

— Ахъ, такъ я же не кончила! Пивоваренный заводъ! Вотъ что, а вовсе не воздушный замокъ! Ну, и.. и уставъ...

— Уставъ? А-а! Это великолѣпно! Если уставъ, то я рукоплещу! Уставами завѣдуетъ нераздѣлимо мой высокоталантливый товарищъ, моя правая рука, Похожевъ... Ну, вы съ нимъ объ этомъ и разговаривайте. А мы поговоримъ лучше о васъ. Это гораздо веселѣй. А ему вы только прикажите, и онъ вамъ въ ту же минуту сдѣлаетъ! Вѣдь онъ уже влюбленъ въ васъ, какъ только можетъ быть влюбленъ департаментскій вершитель дѣлъ. Но дѣло въ томъ, что и я влюбленъ, а я вѣдь чиномъ поважнѣе буду.. Ну-съ, когда вы думаете покинуть насъ?

— Самое позднее — черезъ два-три дня!

— Ни въ какомъ случаѣ! Ни за что! Вы проведете съ нами всю весну!

— Что вы, Аѳанасій Львовичъ? У меня есть домъ, мужъ, ребенокъ...

— Это все равно! Вы съ ними проведете еще цѣлую жизнь, а съ нами только одну весну! Понимаете, одну весну и такимъ образомъ мою глубокую осень превратите въ прекрасную весну...

Digitized by Google

— Это болѣе, чѣмъ любезно съ вашей стороны, но это невозможно!

— Невозможно? Ну, такъ мы васъ заставимъ! Мы этотъ самый вашъ уставъ спрячемъ подъ двѣнадцать замковъ, какъ кащееву душу. А безъ устава вѣдь вы не можете явиться домой. Товарищество на паяхъ! О, я знаю, что это такое! Эти пайщики — настоящіе голодные волки. Они затратили тамъ по полтора рубля и считаютъ себя въ правѣ отравлять вашу жизнь! Они съѣдятъ и вашего мужа, и васъ... А что, испугались? а?—прибавилъ онъ, замѣтивъ на лицѣ Марьи Александровны что-то похожее на испугъ:—Ну, нѣтъ, я шучу! Это все пустое. А только мы васъ не пустимъ, просто не пустимъ!.. Ой-ой-ой!—вдругъ воскликнулъ онъ, взглянувъ на часы,—третій часъ! Меня въ департаментѣ ждутъ милліоны бумагъ!.. До свиданія! Вечеркомъ—у тети Вали, а?—спросилъ онъ, поднявшись съ кресла.

— По всей вѣроятности!

— Нѣтъ, навѣрно, навѣрно! Ну, до свиданія, красное солнышко!

Онъ еще разъ поцѣловалъ ея руку и ушелъ. Марья Александровна почувствовала, что этотъ визитъ утомилъ ее, и когда она стала думать о причинахъ, то поняла, что такъ подѣйствовалъ на нее разговоръ объ уставѣ. Ахъ, какъ трудно объясняться по этому поводу, какъ трудно проводить дѣла!

И вообще она, очевидно, не выспалась. Вчерашнее приключеніе пришлось ей не по плечу. Голова все еще тяжела. Не отдохнуть ли? Часовъ до четырехъ можно подремать, а тамъ съѣздить къ тетѣ Валѣ.

Но какъ же, однако, быть съ этимъ уставомъ? Вѣдь нужно же хлопотать! Неужели ей придется ѣздить въ департаментъ и разыскивать тамъ чиновника Похожева? «Воображаю, съ какимъ олимпійскомъ видомъ онъ меня при-

Digitized by Google

метъ въ своемъ святилищѣ! Вѣдь онъ—вершитель дѣлъ, какъ сказалъ Аѳанасій Львовичъ! А вотъ что: не посовѣтоваться ли мнѣ объ этомъ съ тетей Валей? Кажется, она ихъ обоихъ держитъ въ повиновеніи!»

Она пошла въ спальню и, не раздѣваясь, не отпустивъ даже корсета, прилегла на кровати Дремота скоро охватила ее, и когда она проснулась, было уже около пяти часовъ.

«Это ужасно! Это безсовѣстно такъ спать!»—подумала она и вспомнила, что до сихъ поръ ничего не отвѣтила Анду на его телеграмму. Но что отвѣтить? Вѣдь она ровно ничего не сдѣлала.

Стукъ въ дверь на этотъ разъ почти испугалъ ее. Кто это можетъ быть? Она разрѣшила войти. Это былъ Похожевъ.

— Какъ? Вы?—почему то удивившись, спросила она.

— Ради Бога, извините, что я являюсь въ такой часъ! Но утромъ спѣшилъ въ департаментъ, а теперь только сейчасъ раздѣлался съ нимъ!..—промолвилъ Похожевъ, пожимая ея руку.

— Ахъ, бѣдный человѣкъ! Все равно, я вамъ и въ этотъ часъ рада!

— Правда?—спросилъ Похожевъ, садясь на указанное мѣсто:—но если это дѣйствительно такъ, то вы не откажетесь исполнить одну мою очень смѣлую, почти дерзкую просьбу...

— Какую просьбу?

— Да, смѣлую, дерзкую!..—говорилъ Похожевъ:—видите, какой чудный день! Сколько солнца! Сидѣть въ такой день въ городскихъ стѣнахъ—мучительно! Поѣдемте за городъ и гдѣ нибудь въ уголкѣ, который съ той минуты сдѣлается счастливымъ уголкомъ, пообѣдаемъ...

— Вдвоемъ?

— Непремѣнно вдвоемъ. А иначе... иначе—не интересно! Ну, вы поскучаете немножко, что вамъ стоитъ?

Digitized by Google

Знаете, какъ у Лермонтова: «Пускай она поплачетъ,—ей ничего не значитъ»...

— Почему вамъ пришла въ голову такая идея?

— Какъ почему? Я думаю, что эта идея родилась вмѣстѣ со мной, только я ее не сознавалъ... Но главное— солнце, солнце! Весна, Марья Александровна! А у петербургскихъ чиновниковъ тоже есть душа...

— И что же изъ этого выйдетъ?— страннымъ тономъ, какого она сама отъ себя не ожидала, спросила Марья Александровна и подумала: «я съ нимъ кокетничаю».

— Ну, что выйдетъ? Вы поскучаете. Если это васъ развлечетъ, я выложу передъ вами сокровенная чиновничьей души. Соглашайтесь!

— А знаете, что сказалъ сегодня Аѳанасій Львовичъ!

— А развѣ онъ былъ у васъ? Ахъ, хитрецъ! Мнѣ ни слова не сказалъ...

— Былъ утромъ. Онъ сказалъ, что вы влюблены въ меня...

— Ну, если само начальство говоритъ это, то смѣю ли я возражать?

— Вы не возражаете?

— Ни въ какомъ случаѣ...

— Значитъ, ѣхать намъ вдвоемъ нельзя...

— Создатель, возражаю всѣми силами моей души! Не влюбленъ ни капельки! И не думалъ. Итакъ, ѣдемъ?

Легкіе шаги и шелестъ женскаго платья въ коридорѣ заставили ихъ обоихъ прислушаться. Чрезъ нѣсколько секундъ въ комнатѣ была тетя Валя.

— Ахъ, какой чудный tête-à-tête!—воскликнула она:— милая, я къ тебѣ на минуту! Тороплюсь, тороплюсь страшно!— прибавила она, поцѣловавъ Марью Александровну и какимъ-то страннымъ взглядомъ посмотрѣвъ на Похожева.

— Что вы, тетя, что вы? посидите и подольше! Я васъ не пущу!—сказала Марья Александровна, усаживая ее на диванъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, тороплюсь ужасно!.. одну минутку посижу... Вѣдь ты у меня обѣдаешь? Ну, вотъ и увидимся... И вы тоже? Непремѣнно, непремѣнно!—обратилась она къ Похожеву, который посматривалъ на нее не очень дружелюбно.

Она подождала еще минуты три и, въ самомъ дѣлѣ, поднялась и стала прощаться. Марья Александровна, видя такую непонятную стремительность, больше не упрашивала ее. Тетя Валя уѣхала.

— Такъ ѣдемъ, Марья Александровна?—съ видимымъ нетерпѣніемъ спросилъ Похожевъ.

— Погодите, я подумаю! «Интересно, какъ онъ будетъ выкладывать свою чиновничью душу и что изъ этого выйдетъ». Такъ думала она, а любопытство, въ самомъ дѣлѣ, тянуло ее за городъ.

«А какъ же Андъ? Надо послать ему телеграмму!.. Ну, потомъ, когда вернусь... Все равно, ничего нѣтъ утѣшительнаго».

— Пожалуй, поѣдемъ, если вы обѣщаете вести себя хорошо!—сказала она.

— Какъ примѣрный гимназистъ съ пятеркой въ поведеніи!—воскликнулъ Похожевъ, восторженно вскочивъ съ мѣста.

Минутъ черезъ пять они катили въ экипажѣ съ поднятымъ верхомъ.

VIII.

— «Я дѣлаю то, чего не должно дѣлать! Я дѣлаю то, чего не должно дѣлать!» тысячу разъ мысленно повторяла Марья Александровна. А кучеръ въ это время старался, рысакъ побѣдоносно разсѣкалъ воздухъ передними ногами, раздувая ноздри и высоко вздымая грудь.

Отъ наплыва свѣжаго, нѣсколько рѣзкаго вечерняго воздуха голова ея, еще не вполнѣ пришедшая въ порядокъ послѣ вчерашняго, слегка кружилась.

Digitized by Google

— О чемъ вы думаете?—спросилъ ее Похожевъ и этимъ вопросомъ засталъ ее врасплохъ. Впрочемъ, она и не видѣла причины лгать ему и просто сказала то, что у нея было въ головѣ.

— Я думаю, что дѣлаю то, чего не должно дѣлать!

— Да? Такъ это великолѣпно! Это очаровательно!— съ искреннимъ восхищеніемъ воскликнулъ Похожевъ.

Она посмотрѣла на него недоумѣвающими глазами.

— Чтожъ тутъ великолѣпнаго?

— Какъ что? Именно то, что вы чувствуете себя немножко виноватой... Чувство виновности, вѣдь это лучшее украшеніе жизни. Ну, вообразите, что вы смотрѣли бы на эту прогулку, какъ на вполнѣ, такъ сказать, закономѣрный поступокъ. Заѣхалъ знакомый, предложилъ пообѣдать на свѣжемъ воздухѣ... Что же, на свѣжемъ воздухѣ обѣдать гигіеничнѣй, чѣмъ въ душной столовой. У васъ есть время, ваша репутація такъ высока, что никто ничего не осмѣлится подумать... Вы расчитали и поѣхали... Я говорю, что еслибъ у васъ было глубокое сознаніе полной нормальности этой поѣздки и вашей безусловной правоты... Вѣдь это была бы буржуазнѣйшая изъ поѣздокъ, а потому и скучнѣйшая. Но вы немножко виноваты, и это придаетъ вашимъ ощущеніямъ легкую тревожность... Такъ, въ видѣ темнаго облачка, появляющагося на ясномъ небѣ. Знаете, я много далъ бы за право чувствовать себя хоть капельку виноватымъ...

— Но это такъ легко!

— Украсть что-нибудь или отъ начала до конца переврать какой-нибудь важный докладъ? Ахъ, это не то, не то. Это виноватость внѣшняя, уголовная, это виноватость, за которую могутъ наказать на основаніи статей закона. Я жажду виноватости внутренней, духовной, за которую казнить можетъ только совѣсть. Этой виноватости я никакъ не могу испытать.

Digitized by Google

— Почему же?

— Потому что у меня нѣтъ никакихъ обязательствъ, внутреннихъ, духовныхъ, понимаете? Жизнь моя вся сложилась изъ внѣшнихъ проявленій. Я занимаю квартиру, плачу за нее деньги, каждый вечеръ ложусь въ постель и засыпаю, утромъ беру ванну, пью чай, забѣгаю къ Доминику перехватить кулебяку или къ Кюба наскоро съѣсть завтракъ, при чемъ успѣваю съ какимъ-нибудь мало знакомымъ мнѣ господиномъ, съ которымъ случайно рядомъ сижу, сыграть въ четъ и нечетъ, въ орла и рѣшку... Потомъ иду на службу, пишу доклады, говорю съ посѣтителями, говорю съ начальствомъ, пишу и говорю, говорю и пишу до тѣхъ поръ, пока изъ головы не испарятся всѣ мысли и останутся только ничѣмъ между собой не связанныя слова... Потомъ иду къ Донону, обѣдаю, затѣмъ часъ отдыхаю; зажигаютъ свѣчи, я пишу экстренный докладъ, иногда иду въ балетъ, въ оперу, въ драму и сижу тамъ безъ малѣйшаго впечатлѣнія; случается, что встрѣтится пріятель, компанія, гдѣ-нибудь ужинаемъ въ дорогомъ кабачкѣ; пріѣзжаю домой, ложусь въ постель, двадцать минутъ читаю статью литературнаго журнала, книгу, романъ, пока глаза не начнутъ слипаться, тогда засыпаю, а завтра опять сначала... Ахъ, да! каждое двадцатое число за всѣ вышеизложенные подвиги получаю хорошее жалованье, которое и проживаю. Ну, гдѣ тутъ найдешь мѣсто для виноватости? Не соверши я что угодно изъ перечисленнаго, совѣсть моя не пошевельнется. Все равно какъ въ машинѣ: испортился винтикъ, засорилась трубка, она остановилась. Ну, чтожъ, винтикъ починили, трубку прочистили, и она опять пошла! И ей все равно — идти или стоять... А, вотъ мы и пріѣхали! Стой!

— Это не тамъ, гдѣ были вчера?

— Нѣтъ, совсѣмъ не тамъ. Тамъ развлекаютъ, а здѣсь только питаются. Впрочемъ, колоритъ одинъ и тотъ же

Digitized by Google

Здѣсь въ садикѣ есть бесѣдочка, мы въ ней и поселимся. Она вся въ зелени, насъ никто не увидитъ, а мы всѣхъ будемъ видѣть.

Они вошли въ миніатюрный садикъ, состоявшій изъ дорожки, посыпанной пескомъ, которая вела къ двухъ-этажному деревянному дому, гдѣ помѣщался ресторанъ, и нѣсколькихъ кустовъ. Двѣ дюжины бритыхъ татарскихъ физіономій вразсыпную ринулись имъ на встрѣчу съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣли арестовать ихъ. Но Похожевъ тотчасъ-же повернулъ въ бесѣдку и изъ двухъ дюжинъ осталось только двое, которые очевидно поступили въ ихъ распоряженіе.

— А, Магометъ, старый знакомый! — сказалъ Похожевъ, обращаясь къ толсторожему татарину во фракѣ: — ну, давай все, что надо и какъ слѣдуетъ. Порядокъ знаешь?

— Какъ не знать? Порядокъ извѣстный! — отвѣтилъ Магометъ и скрылся.

— Вы знаете, мы, петербуржцы, чиновные петербуржцы —потому что здѣсь вѣдь всѣ—служащіе и не служащіе— все равно чиновники,—даже въ ресторанахъ завели порядокъ, такъ что и тутъ ничего не остается для самодѣятельности! — говорилъ Похожевъ, сидя за круглымъ столомъ противъ своей дамы.—Единственное, что намъ придется обсудить, это—свѣжія щи или бискъ, а остальное все—по извѣстному порядку. Эти подлые гастрономическіе психологи знаютъ, когда и кому какое вино подавать, чувствуютъ, когда нужна сельтерская вода...

— Ха, ха, ха!—вдругъ звонко разсмѣялась Марья Александровна, увидѣвъ, что Магометъ явился съ бутылкой сельтерской воды.—Я именно хотѣла выпить стаканъ сельтерской воды!

— Ну, вотъ видите! Послушай, Магометъ, объясни, почему ты принесъ сельтерскую воду?

— А такъ... Самъ не знаю, почему... Такъ, показалось..

Digitized by Google

— Извольте-ка проникнуть въ эту психологію!..

Марья Александровна съ наслажденіемъ выпила стаканъ сельтерской воды и почувствовала, что только теперь начинается ея сознательный день. У нея даже явился аппетитъ.

Магометъ между тѣмъ исполнялъ свое назначеніе. На столѣ появлялись водки и закуски, все такъ, какъ вчера, только въ уменьшенномъ масштабѣ. Похожевъ налилъ себѣ «казенной», а ей рябиновой.

— Неужели вы думаете, что я буду пить водку?— спросила Марья Александровна.

— Но это совершенно необходимо! Спросите объ этомъ тетю Валю!

— Развѣ тетя Валя такъ опытна въ этомъ, что можетъ быть экспертомъ?

— Вполнѣ! Да не только она, а вообще петербургскія дамы ея возраста. Васъ удивитъ, если я скажу, что наши дамы любятъ выпить чуть-чуть поменьше кавалергардовъ. Ничего не подѣлаете... Мы не умѣемъ приготовить себѣ для возраста подъ пятьдесятъ никакихъ интересовъ, которые наполняли бы нашу жизнь, а въ особенности—дамы. У насъ, мужчинъ, есть хоть обязательные интересы службы. Положимъ, въ этомъ возрастѣ мы всѣ уже дѣйствительные статскіе, а то и тайные, такъ что служба сводится главнымъ образомъ къ ежемѣсячному полученію жалованья и къ отправленію въ лѣтнее время на воды для поправленія расшатанныхъ жизнью поясницъ, но все же хоть это... А у дамъ что? Если живъ мужъ, то они другъ другу надоѣли до смерти: періодъ любви, материнства, воспитанія дѣтей, ихъ женитьбы и выдачи замужъ— прошелъ, домъ опустѣлъ, поклонники разбрелись, жизнь становится невыносимо скучна. Что остается дѣлать? Иллюзія! А иллюзія начинается съ рябиновки, потомъ, послѣ супа — мадера, послѣ рыбы—рейнское, а тамъ—искристое, которое пьется незамѣтно въ потрясающемъ количествѣ, среди

Digitized by Google

милой пикантной бесѣды... Повѣрьте, что иная дама изъ общества выпиваетъ всего этого, взятаго вмѣстѣ, столько, сколько не вмѣстить двумъ купеческимъ сынамъ...

— Бѣдная тетя Валя!

— А вы выпейте мадеры! Послѣ супа это полагается... Вообще дѣлайте все, что полагается... Да, бѣдная тетя Валя! Я не былъ знакомъ съ нею въ ея лучшую пору, но издали видѣлъ, какъ она ловко управляла цѣлымъ роемъ поклонниковъ...

— Да, я бывала у нея въ то время! Бѣдная тетя Валя!

— Ну, однако, оставимъ мертвецамъ хоронить мертвыхъ! Давайте говорить о васъ!

— Обо мнѣ? Что же вы можете сказать обо мнѣ? Вы меня знаете со вчерашняго дня!

— О, благодарю небо, что я не знаю васъ давнѣе. Это значило бы, что я встрѣчалъ васъ въ нашемъ петербургскомъ обществѣ, гдѣ всѣ похожи другъ на друга, какъ близнецы...

— Ахъ, да, я хотѣла васъ спросить, почему вы не женились? Вамъ тогда было бы интереснѣй жить...

— Да вотъ по этому самому. Не на комъ...

— Вы слишкомъ горды!

— О, нѣтъ, я готовъ былъ бы пасть къ ногамъ и извиваться, какъ червь... Но дѣло видите ли въ чемъ: я пропустилъ время. Жениться можно въ томъ возрастѣ, когда на людей смотришь сквозь дымку неопытности, а мнѣ уже подъ сорокъ. Марья Александровна, бѣленькаго! Пожалуйста! Вѣдь сейчасъ принесутъ cremant rosé... Глядите, Магометъ уже тащитъ. Онъ вѣдь знаетъ порядокъ...

— Знаете, у меня такое ощущеніе, какъ будто продолжается вчерашній ужинъ...

— Ваше здоровье! За то, чтобы вы навсегда остались такой же простой, непосредственной натурой, такимъ же добрымъ малымъ...

Digitized by Google

Они чокнулись и выпили.

— Говорятъ,— сказала Марья Александровна,—что у каждаго есть такой бокалъ, послѣ котораго онъ утрачиваетъ совѣсть!

— Но зачѣмъ вамъ совѣсть? Вамъ совѣсть не нужна, потому что вы безгрѣшны!

— О, вы очень ошибаетесь! Я страшно грѣшна! Я и сейчасъ, сію минуту грѣшна!..

— Разскажите, разскажите! Это такъ любопытно!

Онъ поднялся, взялъ свой стулъ и пересѣлъ ближе къ ней, очевидно, для того, чтобы лучше слушать ея разсказъ.

— Съ какой стати я стану передъ вами исповѣдываться?—возразила Марья Александровна.

— Не передо мной, а передъ собой,—я только буду посторонній свидѣтель. Только... передъ этимъ одинъ маленькій бокалъ... За очищеніе вашей души отъ грѣховъ!..

— Знаете, у меня это почти входитъ въ привычку. Кажется, я проявляю слишкомъ большія способности...

Она выпила полъ-бокала. Голова ея слишкомъ легко поддавалась дѣйствію вина, и этотъ человѣкъ съ красивымъ лицомъ, съ умными смѣющимися глазами, которые смотрятъ на нее сквозь прозрачныя стекла золотыхъ очковъ, казался ей старымъ знакомымъ, такимъ, съ которымъ они прожили общую жизнь, который знаетъ ея сокровенныя тайны. Она знала, что это не такъ, что ничего этого не было, что она встрѣтилась съ нимъ вчера, и въ то же время чувствовала иначе. И это вовсе не было какое-нибудь роковое влеченіе, сердце ея билось спокойно. И какъ бы въ тонъ ея ощущеніямъ, Похожевъ въ это время сказалъ:

— Объясните мнѣ, ради Бога, почему меня такъ неотразимо влечетъ къ вамъ? Я не влюбленъ въ васъ, клянусь честью, ни капельки... А чувствую такъ, какъ будто сто лѣтъ васъ знаю, будто мы играли вмѣстѣ въ лошадки...

— Представьте, и я точно также! — съ неожиданной

Digitized by Google

для себя откровенностью отвѣтила Марья Александровна и крѣпко прикусила губу.

— Ура! Я думаю, это происходитъ оттого, что всѣ люди—братья. Мы искуственными мѣрами отстраняемъ себя другъ отъ друга, но иногда бываютъ настроенія, когда искуственныя мѣры испаряются и мы начинаемъ чувствовать себя какъ братья... Ну, послѣ такого объясненія вы смѣло можете начать вашу исповѣдь. Но прежде — позвольте поцѣловать вашу братскую ручку...

Онъ поцѣловалъ ея руку, потомъ поднялъ голову и взглянулъ на нее.

— Что съ вами? Вы опечалены? Вы готовы заплакать?..

— Объясните мнѣ, почему я здѣсь? Развѣ это не дико? Вѣдь я... и у Марьи Александровны дрогнулъ голосъ.

— Вы жена вашего мужа и мать вашего ребенка!— промолвилъ Похожевъ, не выпуская ея руки изъ своей.— Но развѣ вы хоть на секунду перестаете быть ими? Все остается такъ, какъ было... Э, полноте, еще два глотка и все какъ рукой сниметъ...

Онъ поднесъ къ ея губамъ ея бокалъ и она машинально выпила нѣсколько глотковъ.

— Нѣтъ, не это!—сказала она,—а вообще, все это какъ-то странно... необычно!.. Вѣдь я зачѣмъ пріѣхала?.. Развѣ за этимъ? Вѣдь вы не знаете, зачѣмъ я пріѣхала...

— Вы пріѣхали на свадьбу Прасковьи Орестовны...

— Нѣтъ, это между прочимъ...

— Да? Но зачѣмъ же?

— Я пріѣхала... Да нѣтъ, вамъ это испортитъ настроеніе!

— Все равно! Пусть испортитъ! Но зло надо вырвать съ корнемъ...

— Я пріѣхала ради устава...

— Устава? Какого устава?

— Я вамъ говорила... Вы забыли...

Digitized by Google

— Надо утвердить какой-нибудь уставъ?

— Да, надо утвердить какъ можно скорѣе...

— Погодите... онъ быстрымъ движеніемъ вынулъ изъ бокового кармана записную книжку и карандашъ.—Говорите, какой тамъ уставъ!..

Марья Александровна закрыла глаза и стала усиленно припоминать, и вдругъ ей показалось, что она совсѣмъ, совсѣмъ ничего ни помнитъ. «Уставъ товарищества... товарищества на... на чемъ-то такомъ странномъ... на сваяхъ? нѣтъ, не на сваяхъ, это глупо!.. Товарищество... на паяхъ...» Она продиктовала:

— Товарищество на паяхъ... для постройки и... эксплоатаціи пивовареннаго завода...

— Но гдѣ? Гдѣ?

— Въ городѣ С... и уставъ, уставъ...

Похожевъ записалъ, захлопнулъ книжку, положилъ ее въ карманъ и сказалъ:

— Будетъ сдѣлано, какъ по щучьему велѣнью... Но больше объ этомъ ни слова!... Согласны?

— Согласна!

«Ну, вотъ хорошо, что это пришло мнѣ въ голову! Ахъ! какъ хорошо!—подумала Марья Александровна, и вмѣсто только-что посѣтившей ее грусти, смѣшанной съ раскаяньемъ, она почувствовала какую-то легкость, какъ будто разомъ получила отпущеніе въ грѣхахъ.—Конечно, это не такъ-то хорошо, что я разъѣзжаю съ Похожевымъ по ресторанамъ и... вотъ вино пью и у меня голова кружится и онъ цѣлуетъ мои руки, и это мнѣ (Боже, какой ужасъ) и это мнѣ пріятно.. Но... Но вѣдь я хлопочу... Это нужно для устава. Безъ этого пришлось бы мѣсяцы ходить «по административной лѣстницѣ»... Да и что я дѣлаю? Что я такого дѣлаю, скажите пожалуйста!? Онъ цѣлуетъ мои руки... Ну, что-жъ тутъ такого? Развѣ лучше, когда пайщики по воскресеньямъ, когда у насъ обѣдаютъ, лижутъ ихъ? Что

Digitized by Google

потеряетъ Кока отъ этого? Что потеряетъ Андъ?.. И Андъ... Онъ самъ виноватъ. Зачѣмъ онъ послалъ меня сюда, въ этотъ Вавилонъ?»

И ей, облегченной собственными мыслями, вдругъ захотѣлось смѣяться и она начала смѣяться звонко, весело, раскатисто, какъ счастливый ребенокъ. Тогда сталъ веселъ и Похожевъ, и онъ заразился ея смѣхомъ, хохоталъ и жалъ и цѣловалъ ея ручки.

Что-то еще подавали и они ѣли и запивали виномъ. Уже спустились сумерки.

— Здѣсь тѣсно!—сказала Марья Александровна,—здѣсь совсѣмъ нѣтъ воздуха... Вы не чувствуете этого?

— Но зачѣмъ мнѣ воздухъ, когда здѣсь вы! —воскликнулъ Похожевъ

— Это глупости!.. Поѣдемте отсюда... Просто прокатиться!..

— Чудная мысль! Очаровательная мысль!

Онъ принялся звонить, быстро расплатился, потребовалъ кучера и они покатили по островамъ. У Марьи Александровны было такое ощущенье, какъ будто нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго, ни даже настоящаго, а есть что-то странное, невѣроятное, невозможное. Похожевъ все время держалъ ея руку и самъ сидѣлъ близко, близко около нея... И это было ничего. Ей это нравилось, ей было хорошо. Вдругъ она что-то вспомнила.

— Поѣдемъ къ тетѣ Валѣ... Я обѣщала!

— Проклятье! Зачѣмъ существуютъ родственныя узы!

— Нѣтъ, поѣдемъ, поѣдемъ! . — И она даже отодвинулась отъ него.

Онъ приказалъ кучеру. Экипажъ повернулъ къ городу. Едва только они переѣхали Троицкій мостъ, Марья Александровна вдругъ обратилась къ своему спутнику:

— Вы непремѣнно исполните одну мою просьбу! Непремѣнно!

Digitized by Google

— Всякую! какую бы то ни было!—съ пылающими глазами отвѣтилъ Похожевъ.

— Поѣзжайте къ тетѣ Валѣ одинъ... Я тоже сейчасъ пріѣду...

— Но куда вы? Зачѣмъ?

— Вы обѣщали исполнить всякую просьбу!

— Я повинуюсь...

Похожевъ безпрекословно остановилъ кучера, вышелъ изъ экипажа и сейчасъ же сѣлъ на перваго попавшагося извозчика.

— Поѣзжай на телеграфъ!—сказала Марья Александровна кучеру, какъ только они разъѣхались.

Телеграфъ оказался близко. Они подъѣхали. Марья Александровна соскочила на землю и нервною походкой пошла черезъ дворъ, потомъ поднялась во второй этажъ. Войдя въ контору, она схватила синій бланкъ и, наклонившись надъ столомъ, не садясь, быстро, разгонистымъ почеркомъ написала:

«Андъ, дѣло улаживается, но твое присутствіе необходимо. Если не пріѣдешь, самъ будешь виноватъ. Пріѣзжай немедленно!»

Она подала телеграмму и уже болѣе спокойной походкой сошла внизъ и вышла за ворота. Она приказала кучеру ѣхать къ тетѣ Валѣ.

По дорогѣ она размышляла: «Да, это слабость, я знаю, что это слабость. Но я вѣдь—слабая женщина... Я слабая, я слабая»...

А ее уже тянуло къ тетѣ Валѣ и неизвѣстно почему. .

IX.

Марья Александровна поднялась по лѣстницѣ и позвонила въ квартиру тети Вали безъ какой бы то ни было опредѣленной мысли въ головѣ. Не чувствовала она ни пре-

Digitized by Google

ступности, ни опасности своего образа дѣйствій. Послѣ того, какъ она послала телеграмму мужу, ей показалось, что она сдѣлала все, что надо, и теперь уже за все, что бы ни случилось, отвѣчаетъ кто-то другой, а не она.

Ей отперли дверь и въ передней встрѣтила ее тетя Валя. Но странно, что изъ-за ея спины тотчасъ же выросла высокая фигура Похожева.

— Милая! я просто измучилась!..—воскликнула тетя Валя, цѣлуя ее въ щеку:—вѣдь я ждала тебя обѣдать..

Подчиняясь своему безшабашному настроенію, Марья Александровна уже готова была сказать, что виновата не она, а Похожевъ, но въ это время послышался его голосъ.

— Я летѣлъ сюда на крыльяхъ любви, въ полной увѣренности, что найду васъ здѣсь, и что же оказывается? Я, какъ узналъ, что вы не пріѣзжали, моментально увялъ...

При этомъ онъ почтительно поцѣловалъ у нея руку, а умные глаза его, видимо, смѣялись.

— Но, однако, я готовъ кричать «караулъ», онъ меня грабитъ!—воскликнулъ Аѳанасій Львовичъ, тоже появившійся въ передней и тоже цѣлуя у нея руку:—это мои чувства, это я летѣлъ на крыльяхъ любви, это я увялъ...

Марья Александровна вошла въ гостиную. Тутъ былъ еще нелѣпый кавалеристъ, который подбѣжалъ къ ней, какъ то глупо звякнулъ шпорами и въ свою очередь нанесъ поцѣлуй ея рукѣ.

Тысяча мыслей въ одно мгновеніе промелькнула въ головѣ Марьи Александровны. Во-первыхъ, для нея стало ясно, какъ день, что и тетя Валя, и Стебловскій, и даже кавалеристъ отлично знаютъ, что она обѣдала съ Похожевымъ, но всѣ считаютъ своимъ долгомъ лгать, что не знаютъ. Первый солгалъ Похожевъ и, конечно, сдѣлалъ это для нея, а не для себя. Значитъ, всѣ считаютъ это дурнымъ и никто не умѣетъ посмотрѣть на это, какъ на дѣло простое.

Digitized by Google

Ну, хорошо, —такъ и она будетъ лгать. И она сказала съ самымъ правдоподобнымъ видомъ:

— Мнѣ не здоровилось, тетя... Голова болѣла, и я боялась отравить вамъ обѣдъ своимъ скучнымъ видомъ...

— Ахъ, бѣдняжка!—сочувственно сказала тетя Валя.

— Еслибъ я зналъ это, я пришелъ бы къ вамъ и сдѣлался бы вашей сидѣлкой!—воскликнулъ Похожевъ.

— Проклятье! Онъ сегодня задался цѣлью перехватывать мои лучшія мысли!—промолвилъ Стебловскій.

— Я дѣлаю это по должности, ваше превосходительство! Истинный чиновникъ долженъ не только неукоснительно исполнять, но и угадывать предначертанія начальства, дабы начальство могло беззаботно почивать на лаврахъ!

Затѣмъ этотъ эпизодъ былъ исчерпанъ, Марья Александровна усѣлась и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Подавали чай и при немъ три сорта ликеровъ и коньякъ. Всѣ наливали въ рюмочки и пили. Тетя Валя любила кремъ-де-ваниль и, потихоньку прихлебывая, ежеминутно дополняла свою рюмку.

«А тетя Валя изрядно выпиваетъ,—думала Марья Александровна,—да здѣсь всѣ выпиваютъ... Ну, какой поводъ теперь пить? А пьютъ. Аѳанасій Львовичъ налилъ себѣ третью рюмку коньяку... Кавалеристъ, должно быть, изъ почтенія къ хозяйкѣ, пьетъ также кремъ-де-ваниль. Только Похожевъ отказался»...

Она тоже отказалась. Ахъ, еслибъ здѣсь былъ толстощекій Магометъ, онъ сейчасъ же догадался бы, что ей нужно сельтерской воды. Она терпѣть не могла этого напитка, но въ Петербургѣ постоянно мечтаетъ о немъ.

Часовъ въ десять раздался звонокъ. Принесли телеграмму.

— Слава Богу! Я такъ безпокоилась! Я просто дрожала отъ страха!—воскликнула тетя Валя и громко прочитала телеграмму:

Digitized by Google

«Благополучно переѣхали границу. Счастливы, какъ боги! Привѣтствуемъ всѣхъ, цѣлуемъ васъ однимъ общимъ поцѣлуемъ. Стебловскіе.»

— А, каково?—воскликнула тетя Валя: — однимъ общимъ поцѣлуемъ! счастливы, какъ боги!

«Какая гнусная ложь!» — мысленно произнесла Марья Александровна. Но всѣ шумно аплодировали телеграммѣ и, такимъ образомъ, признали Присю счастливой.

Марья Александровна посидѣла еще съ полчаса и потомъ ей вдругъ сдѣлалось скучно. Голова ея была утомлена. Она поднялась и стала прощаться, ссылаясь на продолжающуюся головную боль. Тетя Валя протестовала, ея гости —тоже, но она была настойчива. Стебловскій и Похожевъ помогали ей одѣться и каждый, разумѣется, въ шутливой формѣ, настаивалъ на своемъ правѣ провожать ее

— Ахъ, господа, — сказала тетя Валя,— мнѣ кажется, что этотъ вопросъ надо предоставить рѣшить дамѣ...

— Я одна поѣду!—отвѣтила на это Марья Александровна.

— Но, мой другъ, на это ужъ я не могу согласиться. Одну я тебя не отпущу...

— А вотъ мы сейчасъ узнаемъ, насколько вы безпристрастны!—сказалъ кавалеристъ и покатился отъ смѣха по поводу своихъ собственныхъ словъ.

— Совѣтую вамъ придерживаться табели о рангахъ! — посовѣтовалъ Стебловскій.

— Я ничего въ ней не понимаю!—отвѣтила Марья Александровна.

— Но не настолько же, чтобъ не отличить дѣйствительнаго статскаго отъ надворнаго...

— А который изъ нихъ генералъ?

— Ты хочешь, чтобъ тебя проводилъ генералъ, конечно?—спросила тетя Валя.

— Нѣтъ, я хочу провести генерала!..

Digitized by Google

— Браво, браво, браво!—восторженно воскликнулъ Стебловскій и захлопалъ въ ладоши.—Первый случай въ жизни, когда мнѣ пригодился мой генеральскій чинъ!

Похожевъ посмотрѣлъ на него пристальнымъ взглядомъ, очевидно стараясь разгадать значеніе такого оборота дѣла. Стебловскій надѣлъ пальто. Они простились и вышли. Аѳанасій Львовичъ усадилъ ее въ свой экипажъ, они поѣхали.

— Никогда не думалъ, что въ провинціи водятся столь хитрые женскіе экземпляры!—сказалъ Стебловскій, прищуривая лѣвый глазъ.

— Чтожъ это значитъ?—спросила Марья Александровна, впрочемъ уже понимая, на что онъ намекаетъ.

— Но зачѣмъ называть то, что мы оба понимаемъ, мой другъ?

— Это правда,но я не виновата, что петербуржцы все облекаютъ въ тайну, лгутъ тамъ, гдѣ можно было бы обойтись безъ этого, и такимъ образомъ самой простой и невинной вещи придаютъ характеръ преступности

— Самый милый взглядъ, какой только я встрѣчалъ въ жизни! Ахъ, голубчикъ мой, я знаю двухъ людей, которые завтра будутъ очень несчастны!..

— Я думаю, что ихъ будутъ милліоны, какъ бываетъ каждый день!

— Нѣтъ, истинно несчастныхъ только будетъ двое! Вообразите, что у насъ съ Похожевымъ сейчасъ же послѣ службы начнется засѣданіе ужасно важной и потому ужасно скучной коммиссіи... Эта штука, навѣрно, затянется за полночь и такимъ образомъ мы завтра васъ, мой прекрасный другъ, не увидимъ...

— Но это зло еще не такъ большой руки...

— Не скажите этого! Вы для насъ вродѣ краснаго солнышка... Я просто замѣчаю, что вы благотворно вліяете на мои умственныя способности... Я сегодня, послѣ визита къ вамъ, чувствовалъ необыкновенную свѣжесть мысли и,

Digitized by Google

пріѣхавъ въ департаментъ, однимъ взмахомъ пера написалъ просто геніальный «проектъ повсемѣстнаго переименованія недоимокъ въ недоборы...» Это будетъ имѣть крайне благотворныя послѣдствія...

— Что-жъ, я очень рада, если такъ!

— Да, да! Это отъ того, что вы—свѣжая! Наши милыя дамы, онѣ, конечно, очень милы, — но онѣ немножко протухли, — надѣюсь, вы меня не поймете дурно. Да и всѣ мы здѣсь протухли, потому что сидимъ при закрытыхъ форточкахъ... Мы боимся сквознаго вѣтра, ахъ! какъ боимся! . Даже знаменитое окно въ Европу законопатили паклей и замазкой. А вы—свѣженькая, отъ васъ вѣетъ настоящимъ степнымъ воздухомъ... Но слушайте, завтра мы страдаемъ на пользу отечества, за то послѣзавра праздникъ, чиновникъ и мастеровой гуляютъ и—вы наша. Мы устроимъ что-нибудь этакое небывалое, мы васъ чествовать будемъ!..

— За что?

— За то, что вы—свѣженькая! Смотрите — «не обѣщайтесь другому». Къ несчастью, вотъ и вашъ подъѣздъ. Ужъ я къ тетѣ Валѣ не вернусь, а поѣду домой работать. Мнѣ нужно приготовиться къ завтрашней комиссіи. Работы, голубушка, хватитъ до четырехъ часовъ ночи.

Онъ проводилъ ее до двери и простился. Марья Александровна поднялась къ себѣ, зажгла огонь и нашла на столѣ письмо отъ мужа. Оно было очень длинное. Андрей Петровичъ объяснялъ въ немъ подробно свою телеграмму, описывалъ въ лицахъ цѣлую сцену, какъ напали на него пайщики, детально знакомилъ ее съ положеніемъ своихъ дѣлъ и въ заключеніе просилъ ускорить хлопоты. Въ припискѣ онъ еще сообщалъ, что самъ совершенно здоровъ и Кока тоже пользуется благополучіемъ.

Марья Александровна лѣниво дочитала письмо до конца, потомъ раздѣлась и легла въ постель. Она ничего не чув-

Digitized by Google

ствовала, кромѣ усталости, никакихъ мыслей не было у нея въ головѣ. Она попробовала взять книгу, но глаза стали смыкаться на пятой строчкѣ. Тогда она отложила книгу и благополучно заснула.

На другой день, часовъ въ одиннадцать, къ ней постучали. Оказалось, что она спала почти двѣнадцать часовъ и при этомъ не видала никакихъ сновъ. Значитъ, сонъ былъ хорошъ.

Ей подали письмо. Это была записка отъ тети Вали. Она писала: «Если ты хочешь дѣлать какія-нибудь закупки, то пріѣзжай завтракать. Вмѣстѣ поѣдемъ».

Она отвѣтила, что пріѣдетъ, и начала одѣваться. Въ двѣнадцать часовъ она уже вышла изъ гостинницы и ѣхала на Кирочную. Тетя Валя была одна. «Слава Богу»,— подумала Марья Александровна. Она въ первый разъ видѣла ее одну.

— А я ужъ совсѣмъ готова къ выѣзду!—сказала тетя Валя.—Тебѣ не скучно будетъ, если мы часа три проведемъ въ обществѣ приказчиковъ?

— Нѣтъ, мнѣ самой надо сдѣлать порядочно покупокъ!—отвѣтила Марья Александровна.

Онѣ сѣли завтракать. Тетя Валя налила себѣ рюмку рябиновки, потомъ выпила за завтракомъ большую рюмку мадеры и стаканъ вина, затѣмъ, когда подали кофе, она ко всему этому прибавила кремъ-де-ваниль.

Марья Александровна съ ужасомъ смотрѣла на то, съ какой простотой и легкостью она все это поглощала, и при этомъ у нея явилась только нѣкоторая, чуть замѣтная влажность въ глазахъ, да въ усмѣшкѣ какая то загадочность.

— Тетя Валя, неужели это вамъ не вредно?—спросила Марья Александровна.

— Что? Вотъ это? А право, не знаю... Должно быть, вредно, но не смертельно!—И она улыбнулась своей загадочной усмѣшкой и продолжала:—Да вѣдь всѣ пьютъ.

Digitized by Google

Безъ этого скучно, мой другъ. Въ жизни такъ мало интереснаго, все всегда одно и то же... А когда немного выпьешь, то все начинаетъ казаться забавнымъ,.. Правда! Развѣ ты не замѣтила, что всѣ подъ разными благовидными предлогами понемножку выпиваютъ. За завтракомъ —этого хватаетъ часа на три; часа въ четыре—чай, съ нимъ принято пить коньякъ, потомъ пьютъ за обѣдомъ, затѣмъ сдабриваютъ вечерній чай... Иногда ужинаютъ и ужъ тогда пьютъ много. Ахъ, кстати, ты знаешь, что намъ предстоитъ завтра?

— Не знаю, тетя... Должно быть опять гдѣ нибудь ѣсть и пить?..

— О, ты злая! Но это правда! Аѳанасій Львовичъ устраиваетъ у себя завтракъ. Это—ради тебя и ужъ ты не имѣешь права отказаться...

— Я и не думала отказываться. Но почему ради меня?

— Ахъ, да они всѣ влюблены въ тебя... Даже мой кавалеристъ.. Э-э... я хочу сказать—даже Винтовскій... И у него сверкаютъ глаза, когда ты появляешься. Ты вскружила имъ головы. Да и правда, ты хорошенькая. Наши барыни все какія-то маринованныя. При томъ же при нихъ есть мужья...

— Но и у меня есть мужъ, тетя Валя. Я этого не держу въ тайнѣ.

— Да, но онъ гдѣ-то за горами, за долами .. А у тебя хорошій вкусъ, Маруся...

— Въ чемъ, тетя?

— Похожевъ... въ немъ, знаешь, что-то есть... У него свѣтлая голова .. Ну, и красивъ, очень красивъ...

— Тетя! Неужели вы думаете...

— Я ровно ничего не думаю... Я вижу только, что ты покраснѣла... Ну, поѣдемъ!

Тетя Валя выпила еще одну рюмку ликера, сверхъ комплекта, и онѣ начали надѣвать шляпы.

Digitized by Google

До обѣда онѣ провозились въ магазинѣ. Марья Александровна захватила въ гостинницу угрожающее количество свертковъ. Къ обѣду явился кавалеристъ, и они провели остальную часть дня втроемъ.

У кавалериста была очень несложная натура. Онъ какъ будто былъ созданъ по рецепту и дѣлалъ все, какъ надо, чтобы быть достаточно приличнымъ человѣкомъ въ гостиной. Онъ очень вѣжливо передавалъ хлѣбъ, соль, графинъ, умѣренно ѣлъ и пилъ, говорилъ всегда то, что было кстати въ данномъ случаѣ, не проявлялъ ни ума, ни тупости. Его нелѣпая фигура въ первую минуту вызывала протестъ, но затѣмъ онъ своею незамѣтностью примирялъ съ нею и къ нему скоро можно было привыкнуть. Кажется, и тетя Валя просто привыкла къ нему, какъ къ чашкѣ кофе послѣ завтрака.

Но въ общемъ Марью Александровну утомило однообразное сидѣнье втроемъ. Чтобы развлечь ее, кавалеристъ пробовалъ даже пѣть арію изъ «Цыганскаго барона», но вышло что-то невообразимое. Онъ хотѣлъ пѣть, какъ слѣдуетъ, но пѣлъ совсѣмъ другое.

Но самый затруднительный моментъ наступилъ, когда Марьѣ Александровнѣ пора было уѣзжать домой.

Естественнымъ проводникомъ ея былъ кавалеристъ Винтовскій. Но когда она представила себѣ, что должна провести съ нимъ наединѣ полчаса, то пришла въ ужасъ. Она рѣшительно не знала, о чемъ съ нимъ можно говорить.

Можетъ быть, тетя Валя прочитала все это на ея лицѣ и поспѣшила на выручку.

— Знаешь, Мари, мнѣ пришла въ голову чудная мысль. Я не прочь пройтись. Ночь прекрасная. Мы пройдемся всѣ пѣшкомъ до Михайловской, а тамъ... Вы проводите меня обратно!—прибавила она, обратившись къ кавалеристу.

Digitized by Google

Марья Александровна чуть не бросилась на шею тетѣ Валѣ, какъ спасительницѣ. Они всѣ вышли и сдѣлали довольно длинное путешествіе пѣшкомъ.

Прощаясь съ нею, тетя Валя сказала:

— По всей вѣроятности, Аѳанасій Львовичъ самъ заѣдетъ къ тебѣ, но во всякомъ случаѣ ты жди меня завтра. Я за тобой заверну...

Марья Александровна вошла въ подъѣздъ и удивилась, что швейцаръ, при видѣ ея, засуетился.

— Вамъ письмо-съ!—сказалъ онъ.

— Съ почты?—спросила Марья Александровна.

— Нѣтъ-съ. Господинъ заходилъ и оставилъ.

— Господинъ? Какой господинъ?

— Да вотъ этотъ, что вчера... съ которымъ вчера изволили уѣхать...

«Похожевъ!... Но вѣдь онъ въ коммиссіи!»

— Онъ спросилъ, дома ли... И какъ васъ не было, то онъ написалъ. Просилъ извиненія, что карандашемъ...

Марья Александровна взяла письмо. На конвертѣ карандашемъ было написано ея имя и номеръ комнаты. Она поднялась наверхъ. Похожевъ писалъ:

«Истинная привязанность не знаетъ препятствій. Даже секретарскія обязанности въ коммиссіи не въ состояніи сдержать ее. Маленькій перерывъ, объявленный дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, всего на десять минутъ, внушилъ надворному совѣтнику смѣлую мысль примчаться къ вамъ, чтобы повидать васъ, хотя бы втеченіе двухъ минутъ. Но васъ нѣтъ, увы! Ухожу огорченный. Всей душой преданный вамъ Похожевъ. P. S. Его превосходительство сегодня ко мнѣ придирается. Тѣмъ не менѣе пригласилъ на завтрашнее пиршество».

«Однако,—подумала Марья Александровна,—онъ неудержимо идетъ на всѣхъ парахъ... Въ самомъ дѣлѣ, какъ должно быть, имъ всѣмъ здѣсь скучно!»

Digitized by Google

X.

Тетя Валя пріѣхала въ половинѣ перваго. На ней было богатое кружевное платье и какая-то необыкновенная шляпка съ множествомъ перьевъ. Марья Александровна искоса взглянула на ея талію и изумилась, до какой степени петербургская дама можетъ быть безжалостна къ себѣ и какъ далеко можетъ простираться побѣда человѣка надъ природой. Тетя Валя такъ безпощадно стянула свою талію, что казалась совсѣмъ тоненькой. Это обстоятельство еще болѣе выдвигало на первый планъ ея и безъ того значительный бюстъ.

«Однако, животикъ-то спрятать некуда!» подумала Марья Александровна съ тѣмъ невольнымъ удовольствіемъ, которое испытываетъ женщина при видѣ крупнаго недостатка у другой женщины. У тети Вали, дѣйствительно, животъ, благодаря чрезмѣрно стянутому корсету, сильно топорщился впередъ.

— Надѣюсь, ты готова, Мари?—спросила тетя Валя, цѣлуя ее.

— Да, но вѣдь еще рано!

— А Аѳанасій Львовичъ былъ у тебя?

— Онъ прислалъ записку. Очень извиняется, что не можетъ заѣхать, и проситъ къ двумъ часамъ.

— Но я думаю, что намъ полезно было бы передъ завтракомъ прокатиться... Какъ ты думаешь?

— Пожалуй, тетя... Это недурно. Я сегодня такъ много и такъ крѣпко спала, что, кажется, до сихъ поръ еще не вполнѣ проснулась...

Она одѣлась, и скоро онѣ вышли. Кучеру было приказано около часу ѣздить по набережной, а затѣмъ—къ Стебловскому. На набережной было много гуляющихъ, но все больше мѣщанскаго вида. Попадалось много нянекъ съ дѣтьми и военными писарями.

Digitized by Google

Около двухъ часовъ экипажъ остановился у подъѣзда хорошенькаго двухэтажнаго домика, окрашеннаго въ веселую свѣтлую краску. Стебловскій занималъ верхній этажъ. Когда онѣ выходили изъ экипажа, кто-то сверху обратился къ нимъ съ какимъ-то привѣтственнымъ восклицаніемъ, котораго онѣ не разслышали. Онѣ подняли головы.

Это былъ Похожевъ. Онъ привѣтствовалъ ихъ, перевѣсивъ голову черезъ перила балкона. Дамы улыбнулись ему и вошли въ подъѣздъ.

Чѣмъ-то необыкновенно уютнымъ вѣяло отъ всего, что было въ квартирѣ Аѳанасія Львовича. Нешироκая, покрытая мягкимъ ковромъ, лѣстница, обширная теплая передняя, небольшія комнаты, обставленныя изящно, удобно и безъ малѣйшихъ претензій на шикъ. Всюду на стѣнахъ висѣли картины, изъ которыхъ каждая заставляла передъ собой останавливаться. Самая большая комната—кабинетъ—была по всѣмъ стѣнамъ обставлена книжными шкапами, а тяжелый, но не громоздкій письменный столъ заваленъ бумагами.

— Вы входите, mesdames, въ пещеру одинокаго отшельника!—сказалъ, встрѣчая ихъ, Аѳанасій Львовичъ.—Прошу отнестись снисходительно!

— Я вижу, что отшельники недурно устраиваются!—промолвила тетя Валя.

Марья Александровна заинтересовалась картинами. Стебловскій съ видимой радостью сталъ показывать ихъ. Онъ былъ страстный любитель картинъ и обожалъ ихъ, и нельзя было сдѣлать ему большаго удовольствія, какъ выразить желаніе посмотрѣть его картины и похвалить ихъ.

Это была цѣлая галерея, разсѣянная по всей, довольно большой квартирѣ. Пока они осматривали, пришелъ новый гость, который былъ, конечно, не кто иной, какъ кавалеристъ Винтовскій.

Digitized by Google

— Теперь всѣ въ сборѣ!—сказалъ Аѳанасій Львовичъ,—мы можемъ заняться самымъ важнымъ...

И пригласилъ гостей въ столовую. При взглядѣ на сервировку, можно было подумать, что они перешли сюда прямо изъ отдѣльнаго кабинета какого-нибудь ресторана. Тѣ же закуски, тѣ же—рябиновка, англійская, кюмель и очищенная и даже два лакея суетились точно такъ-же.

Пили водки всѣхъ сортовъ, ѣли закуски, потомъ сѣли за столъ и стали подавать пирогъ съ бульономъ, рыбу и рябчиковъ. Все шло, какъ обыкновенно идетъ въ этихъ случаяхъ. Марья Александровна сидѣла по правую руку хозяина, а слѣва, рядомъ съ нею, сидѣлъ Похожевъ.

Шла неумолкаемая болтовня. Похожевъ налилъ своей сосѣдкѣ вина, а когда, по привычкѣ, потомъ хотѣлъ долить ей еще, то съ удивленіемъ замѣтилъ, что она не выпила ни капли.

— Однако, съ вами сегодня что-то особенное!—замѣтилъ онъ.—Вы совсѣмъ ничего не пьете!..

—Это мое обычное поведеніе! Особеннымъ было то, когда я пила!—отвѣтила Марья Александровна.

— Но мнѣ кажется, что вы должны выпить хоть изъ деликатности...

— Почему это будетъ деликатно?

— Потому что мы всѣ пьемъ и вы слишкомъ отличаетесь отъ насъ!

— Я предпочитаю отличаться, чѣмъ дѣлать все то, что дѣлаете вы...

— На сей разъ вы отличаетесь злостью...

— Это вамъ кажется потому, что... что вы отличаетесь отъ меня...

— Злой намекъ на то, что я много выпилъ?..

— Развѣ много? Случалось, и больше...

— Я прекращаю. Я больше не выпью ни капли.

— Это очень мило съ вашей стороны!—сказала Марья

Digitized by Google

Александровна и съ этой минуты старалась быть какъ можно любезнѣе съ нимъ.

Но вообще ей казалось сегодня страннымъ, что третьяго дня она могла быть съ нимъ такъ просто. Въ сущности, въ немъ не было ничего такого, что располагало бы къ этому. Напротивъ, съ нимъ слѣдовало быть постоянно на сторожѣ.

«До какой степени мѣняетъ насъ вино!—думала Марья Александровна. — клянусь, что никогда больше не буду пить его!»

И въ самомъ дѣлѣ она не выпила ни капли, пока не подали шампанское. Тутъ она должна была выпить нѣсколько глотковъ, такъ какъ Аѳанасій Львовичъ провозгласилъ тостъ «за яркій лучъ свѣта, блеснувшій намъ изъ далекой провинціи», и т. п.

Она даже не ожидала, что ей сегодня будетъ такъ скучно. Очевидно, и имъ бываетъ тоже скучно, когда они не пьютъ, и оттого они постоянно пьютъ понемножку. «Тогда все начинаетъ казаться забавнымъ»,—вспоминала она выраженіе тети Вали. Правда, ей тоже все казалось забавнымъ въ день Присиной свадьбы и на другой день, когда она пила много шампанскаго, а сегодня—рѣшительно ничто не забавляетъ ее. Они всѣ уже подвыпили и говорятъ все тѣ же глупости, какія говорили всякій разъ прежде, и это ихъ смѣшитъ, а ее нисколько.

— Скажите, Марья Александровна, вы рѣшились навсегда сдѣлаться такой... строгой?—спросилъ ее Похожевъ.

— То есть, скучной? Но я всегда была такой. Вы, въ сущности, никогда не видали меня натуральной...

— О, да къ чему ваша эта натуральность? Нѣтъ, я лучше буду думать, что это только настроеніе и завтра вы будете иначе...

— Да, это правда... завтра... я буду иначе... Это во всякомъ случаѣ...

Digitized by Google

— Да? Значитъ, я угадалъ? Это — настроеніе? И еще не все погибло?..

— Не знаю. .

— Я всегда надѣюсь на лучшее...

Завтракъ кончился часовъ въ пять. Марья Александровна, чтобы избѣжать проводовъ, поѣхала съ тетей Валей къ ней. Сегодня она просто боялась оставаться у себя въ номерѣ одна. Послѣ того, какъ Похожевъ вчера прибѣжалъ даже изъ коммиссіи на двѣ минуты, сегодня, когда у него былъ свободный вечеръ, можно было опасаться, что онъ ввалится и надолго. А именно сегодня она не хотѣла бы этого. Ея настроеніе было какое то непостоянное. То ей казалось невыносимо скучнымъ все окружающее и хотѣлось поскорѣе избавиться отъ всего этого, то вдругъ нападало безуміе и являлась какая то непостижимая жажда чего нибудь сильнаго, захватывающаго хоть до забвенія. И это пугало ее, потому что никогда прежде она не испытывала такого настроенія. Она считала себя натурой спокойной и даже хвасталась своимъ ровнымъ характеромъ.

Кромѣ того у нея было такое чувство, какъ будто она была наканунѣ какихъ то военныхъ событій. По ея разсчету, завтра долженъ пріѣхать Андъ, «и пусть онъ пріѣзжаетъ, пусть непремѣнно пріѣдетъ... А если онъ не пріѣдетъ, если вмѣсто этого онъ пришлетъ письмо съ мягкими упреками и съ дѣловыми внушеніями, тогда... тогда я умываю руки»...

Это, конечно, была фраза отсутствующему Андрею Петровичу, но если бы ее спросили, что собственно будетъ «тогда», что именно заключается въ этой фразѣ, она не знала бы, что сказать.

Состояніе ея души было тревожное. И она почти злобно взглянула на Похожева, когда тотъ около десяти часовъ появился въ гостиной у тети Вали. Онъ формально поговорилъ съ хозяйкой и тотчасъ же подсѣлъ къ ней.

Digitized by Google

— Дивная лунная ночь! — сказалъ онъ со вздохомъ влюбленнаго.

— Это меня не трогаетъ!.. — отвѣтила Марья Александровна.

— Но если завтра тоже будетъ дивная лунная ночь?..

— Объ этомъ и говорить будемъ завтра...

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ повѣситься на двадцать четыре часа!

И онъ сказалъ это съ такимъ комическимъ видомъ, что Марья Александровна невольно разсмѣялась и у нея съ этой минуты отлегло отъ сердца. Она даже позволила ему довезти ее до гостиницы и всю дорогу спокойно и терпѣливо выслушивала его, правда, полусерьезныя, «объясненія въ чувствахъ», какъ онъ самъ шутилъ по этому поводу.

— Завтра, ужъ какъ тамъ себѣ хотите, а я зайду освѣдомиться о вашемъ настроеніи!..—сказалъ онъ, прощаясь съ нею.

— Хорошо!..—какъ-то загадочно отвѣтила Марья Александровна и скрылась въ подъѣздѣ.

Это была тревожная ночь. Она часто просыпалась и нѣсколько минутъ, еще находясь въ смутномъ полуснѣ, испытывала какое-то непонятное ожиданіе. Потомъ она приходила въ себя и начинала понимать, что это — глупое чувство, что ей ничего особеннаго—ни дурнаго ни хорошаго не предстоитъ, а просто нервы ея разстроились благодаря странной, непривычной, какой-то гвардейской жизни втеченіе нѣсколькихъ дней. Она «уговаривала себя» и засыпала. Но утромъ проснулась она, едва только разсвѣло, и уже не могла заснуть.

Часы лежали на столѣ у окна; вчера она забыла положить ихъ поближе и ей теперь было лѣнь подняться и взглянуть. Но она рѣшила, что навѣрное уже есть часовъ восемь. Дремота прошла, глаза ея были открыты, но

Digitized by Google

душевныя силы ея какъ бы еще не вполнѣ бодрствовали. Она какъ-то пассивно, какъ будто это было ея привычное занятіе, или обязанность, прислушивалась къ тому, что дѣлается въ корридорѣ.

Слуги уже поднялись и дѣловито, но въ то же время осторожно шмыгали по корридору. Ей казалось, что она чувствуетъ время. «Вотъ теперь девять часовъ...—думала она. Потомъ: «теперь десять»... «Теперь одиннадцать»...

Прошло еще нѣсколько минутъ. Вдругъ она, окончательно побѣдивъ лѣнь, поднялась и сѣла, спустивъ ноги съ кровати. Лицо у ней было сосредоточенное, брови нахмурились.

— Такъ значитъ—нѣтъ... Онъ мнѣ не повѣрилъ... Не придалъ значенія!.. Это гадко, это обидно... Этого я не прощу!..

Она надѣла туфли, подошла къ окну, раздвинула гардину и взглянула на часы.

— Какая я глупая! Сама все выдумала и злюсь!.. Теперь только половина девятаго!

И она рѣшила окончательно вставать. Началось продолжительное плесканье въ водѣ, потомъ одѣванье. Затѣмъ она—свѣжая, съ здоровой головой, какой не чувствовала на своихъ плечахъ уже нѣсколько дней, сѣла въ салонѣ и спокойно сидѣла.

Въ корридорѣ каждую минуту слышались шаги, но вотъ послышались особенные, которымъ она придала значеніе.

— Здѣсь, пожалуйте!—сказалъ слуга.

Потомъ постучали, дверь растворилась и вошелъ Андрей Петровичъ, въ длинномъ дорожномъ платьѣ, а за нимъ внесли чемоданъ.

Марья Александровна вскочила и побѣжала къ нему.

— Ахъ, Андъ! Ты пріѣхалъ! Какой ты милый!—воскликнула она, обнимая его.

— Хорошо, хорошо... Поставь здѣсь и уходи!—ска-

Digitized by Google

залъ Андрей Петровичъ слугѣ, не знавшему, куда дѣвать чемоданъ, и затѣмъ, цѣлуя жену, обратился уже къ ней:— Ну, да, я—милый и я пріѣхалъ, но зачѣмъ и почему, хоть убей—не понимаю.

— Ахъ, это все равно! Важно, что ты пріѣхалъ, и я ужасно рада... Ты усталъ? Отдыхай. Хочешь чаю? Я сейчасъ позвоню...

— Нѣтъ, голубчикъ, я ничего не хочу... Но скажи все-таки, въ чемъ дѣло? Зачѣмъ я тебѣ понадобился!

— Ты мнѣ всегда нуженъ, Андъ!

— Нѣтъ, безъ шутокъ... Вѣдь это тысяча верстъ! Для этого нужны какія-нибудь основанія...

— Ахъ, не спрашивай, Андъ, объ основаніяхъ!..— промолвила Марья Александровна слегка дрожащимъ голосомъ и лицо ея вдругъ сдѣлалось печально.

Андрей Петровичъ ничего не замѣтилъ и продолжалъ:

— Но видишь ли, мой другъ, такъ все-таки нельзя... У меня вѣдь есть кой-какія дѣла!.. Наконецъ, Кока, кстати сказать, цѣлуетъ тебя, хотя ты о немъ и не спросила... Что это? Что съ тобой?

Онъ подбѣжалъ къ ней. Она плакала, уткнувши голову въ ладони.

— Оставь меня! Оставь пожалуйста!—говорила она сквозь слезы:—я думала, что ты обрадуешься встрѣчѣ, а ты сейчасъ же упрекать началъ... Я не спросила о Кокѣ... Но это ты прогналъ меня отъ него... Ты послалъ меня сюда... Съ какой стати? Зачѣмъ? Почему я должна возиться съ этимъ дурацкимъ уставомъ? Я ничего въ этомъ не понимаю... ничего, ничего!.. Ахъ, оставь меня! оставь!

— Но послушай, Мурмура... Я тоже ничего не понимаю!—говорилъ Андрей Петровичъ мягкимъ, успокоительнымъ голосомъ:—если это доставило тебѣ огорченіе, то... ну, прости пожалуйста... Я этого не зналъ... Ради Бога прости, Мурмура! Ну, успокойся же...

Digitized by Google

Марья Александровна, можетъ быть, подъ вліяніемъ его мягкаго голоса, очень скоро успокоилась и даже начала смѣяться надъ своими слезами.

— Это просто нервы!.. Знаешь, этотъ Петербургъ... Этотъ климатъ... Потомъ здѣсь всѣ пьютъ много вина...

— И ты пила много вина?

— Нѣтъ, я... немного. Это тетя Валя пьетъ коньякъ, рябиновку и кремъ де-ваниль... И кавалеристъ ея...

— Тетя Валя пьетъ? А какой это кавалеристъ?..

— Нѣтъ, не стоитъ... Все это пошло. Вотъ у меня все прошло. Ты хочешь знать, зачѣмъ я тебя потребовала? Такъ, ну, вотъ такъ... Мнѣ сдѣлалось страшно! мнѣ показалось, что я здѣсь пропаду... Я не знаю, какъ... Ну, собьюсь съ пути, что-ли... Здѣсь всѣ какіе-то сбившіеся съ пути...

— Полно, Мурмура, что за глупости! Съ чего это тебѣ сбиваться съ пути?..

— Ну, конечно, глупости. Разскажи, Андъ, что дѣлается у насъ дома!

Андрей Петровичъ началъ дѣлать ей подробный докладъ о домашнихъ дѣлахъ, а потомъ разсказалъ и городскія новости. Затѣмъ онъ спросилъ:

— Но однако, Мурмура, неужели ты такъ таки ничего не сдѣлала для устава?

— Какъ не сдѣлала? Я все сдѣлала...

— Неужели? Значитъ, уставъ утвержденъ и у тебя въ рукахъ?

— Нѣтъ... Ужъ это ты самъ получай его... Ты пойдешь въ департаментъ и спросишь тамъ одного чиновника... по фамиліи Похожевъ...Онъ тебѣ и сдѣлаетъ это. Мнѣ обѣщали, Андъ!

Андрей Петровичъ сомнительно покачалъ головой, но ничего не сказалъ. Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что ровно ничего не сдѣлано. О, онъ хорошо зналъ цѣну этимъ обѣщаніямъ. Но онъ не хотѣлъ еще разъ огорчить жену и рѣшилъ, что поѣдетъ въ департаментъ, отыщетъ этого

Digitized by Google

чиновника и, если ничего не сдѣлано, явится прямо къ Стебловскому въ качествѣ родственника.

— И потомъ, Андъ, я хочу тебя просить, — сказала Марья Александровна:—какъ только ты получишь это... сейчасъ-же, сейчасъ-же поѣдемъ домой... Понимаешь, сегодня же!...

— Какъ? Сегодня? Почему же такъ спѣшить?

— Такъ... Я прошу тебя!.. Мнѣ хочется домой!..

— Хорошо... Пожалуй... Если только я что-нибудь получу... У меня больше никакихъ дѣлъ нѣтъ... Да... Если получу... чортъ возьми, тогда мы на крыльяхъ полетимъ!.. Тамъ пайщики замираютъ отъ нетерпѣнія...

— Я ненавижу твоихъ пайщиковъ.

— Помилуй! За что?

— Такъ, ни за что! Безъ всякихъ основаній...

— Ну, я думаю, что это тоже нервы и это пройдетъ!

Они провели вмѣстѣ часа два. Затѣмъ Андрей Петровичъ надѣлъ фракъ, на случай, что придется являться къ Стебловскому, и поѣхалъ въ департаментъ. Когда онъ спросилъ Похожева, курьеръ сталъ обращаться съ нимъ почтительно, изъ чего онъ заключилъ, что Похожевъ — важная персона. Онъ далъ свою карточку и его очень скоро пригласили.

Андрей Петровичъ вошелъ въ довольно большую комнату, гдѣ, кромѣ шкафовъ, стола и трехъ стульевъ, ничего не было. На одномъ изъ стульевъ сидѣлъ высокій мужчина съ длинными свѣтлыми волосами, въ золотыхъ очкахъ, въ вицмундирѣ. При появленіи Андрея Петровича, онъ всталъ, протянулъ руку и сказалъ, что ему очень пріятно познакомиться, и въ то-же время пристально всматривался въ его глаза.

— Садитесь пожалуйста! – сказалъ онъ.—Мнѣ ваша супруга говорила о вашемъ дѣлѣ...

— Вы, вѣроятно, встрѣчались у тетушки...

— Да, да, я тамъ и имѣлъ честь познакомиться съ

Digitized by Google

вашей супругой... Да-съ, такъ я говорю, что ваше дѣло... — Онъ сталъ рыться въ портфелѣ. — Вѣдь это, если не ошибаюсь, уставъ товарищества на паяхъ для постройки и эксплоатаціи пивовареннаго завода въ городѣ?

— Совершенно вѣрно!

— Онъ утвержденъ...

— Неужели? — радостно спросилъ Андрей Петровичъ.

— Да. Третьяго дня онъ былъ доложенъ и утвержденъ... Вы можете, пожалуй, получить его, хотя... хотя собственно надо бы подождать, пока будутъ соблюдены нѣкоторыя формальности... Мы это исполнимъ безъ васъ... Мы поторопимъ... И затѣмъ вамъ пришлемъ!..

— Благодарю васъ... Очень, очень вамъ благодаренъ...

— Въ третьей комнатѣ вы получите необходимыя бумаги. Онѣ уже готовы!..

— Не знаю, какъ благодарить васъ!...

— Прошу передать мое глубокое почтеніе вашей супругѣ. Когда изволите уѣзжать?

— По всей вѣроятности сегодня же уѣдемъ...

— Неужели? Такъ скоро? — почему-то несказанно изумился и даже какъ будто опечалился Похожевъ.

— Да. Жена очень торопится. Соскучилась по сыну и вообще по дому...

— А, да, да... Ну, тогда конечно... Такъ прошу васъ, — мой нижайшій поклонъ вашей супругѣ...

— Благодарю васъ!..

У Андрея Петровича отъ неожиданнаго успѣха просто кружилась голова. Когда онъ пріѣхалъ домой, то прежде всего расцѣловалъ Марью Александровну.

— Но ты просто молодецъ, Мурмура!.. Такъ быстро! Безъ малѣйшей запинки! Ахъ, ахъ! Ты молодецъ, молодецъ... Ахъ, да! Чиновникъ Похожевъ усиленно просилъ передать тебѣ его почтеніе! Какой почтительный чиновникъ! Ну, теперь поѣдемъ къ твоей теткѣ ..

Digitized by Google

Они были у тети Вали и обѣдали тамъ. Кавалеристъ пріѣхалъ-было передъ обѣдомъ, но почему-то очень скоро простился и уѣхалъ. Тетя Валя, узнавъ, что они сегодня уѣзжаютъ, сперва закрывала уши и говорила:

— И слушать не хочу! Не пущу я васъ! Даже и не заикайтесь объ этомъ!

Но потомъ объявила, что пріѣдетъ провожать ихъ, и вообще очень скоро примирилась съ отъѣздомъ племянницы.

Около десяти часовъ вечера наши путешественники садились въ вагонъ. Тетя Валя пріѣхала за пять минутъ до отхода поѣзда и отыскала ихъ въ вагонѣ. Подойдя къ открытому окну, она тихонько сказала Марьѣ Александровнѣ:

— Только что былъ у меня Похожевъ. Совсѣмъ убитъ... Умолялъ поклониться тебѣ. Звала его сюда. Не захотѣлъ. Струсилъ. Я, говоритъ, передъ мужьями робѣю больше, чѣмъ передъ дѣйствительными тайными совѣтниками... Ахъ, бѣдный!

Поѣздъ тронулся. Марья Александровна вдругъ почувствовала, что и она какъ будто вновь стала на рельсы, съ которыхъ было соскользнула.

А Андрей Петровичъ испытывалъ наслажденіе всякій разъ, какъ вспоминалъ, что въ боковомъ карманѣ у него имѣется все, что нужно для того, чтобы обрадовать пайщиковъ и сейчасъ же приступить къ дѣлу.

На станціи «Любань» онъ не выдержалъ, побѣжалъ на телеграфъ и послалъ одному изъ пайщиковъ телеграмму. Онъ написалъ только три слова:

«Уставъ въ карманѣ».

Digitized by Google

ДВѢ ПОЛОСЫ.

(Эпизодъ изъ недавняго прошлаго).

I.

— Ну, слава Богу, вещи почти уложены! Фу, терпѣть не могу этой возни!

Это восклицаніе произнесъ Чепуренко грубымъ, мужественнымъ голосомъ, который совсѣмъ не умѣлъ быть тихимъ, — неизвѣстно для кого, такъ какъ въ комнатѣ онъ былъ одинъ. По всей вѣроятности, это просто было сдѣлано для облегченія души. Правда, въ сосѣдней комнатѣ или, быть можетъ, въ корридорѣ или въ кухнѣ — это все равно, потому что голосъ Чепуренко былъ всюду слышенъ — находилась квартирная хозяйка Аделаида Петровна. Но до нея это вовсе не касалось.

Вещи, о которыхъ шла рѣчь, были уложены въ чемоданчикъ, самый маленькій, какіе только существуютъ на свѣтѣ. Онъ былъ раскрытъ, лежалъ на полу, изъ него выглядывалъ въ одномъ углу обшлагъ ситцевой рубашки, въ другомъ помятыя гильзы для домашней набивки папиросъ, въ третьемъ корешокъ книги, а въ остальныхъ вещи въ такомъ же родѣ. Чемоданчикъ былъ набитъ добросовѣстно, между тѣмъ Чепуренкѣ предстояла еще трудная задача. На столѣ лежалъ толстѣйшій томъ «Капитала» Маркса, и вотъ

Digitized by Google

эту-то штуку надо было во что бы то ни стало втиснуть между ситцевой рубашкой и гильзами.

Чепуренко подошелъ къ окну, гдѣ въ газетной бумагѣ лежалъ табакъ, взялъ листикъ папиросной бумаги, свернулъ папиросу совершенно невѣроятной толщины и закурилъ ее. Затѣмъ онъ вернулся къ чемодану, и посматривая то на него, то на «Капиталъ» Маркса, обдумывалъ трудную задачу.

Комната была невелика и довольно пустынна. Узенькая деревянная кровать, некрашенный столъ, до послѣдней степени дырявый стулъ, куча негодныхъ, выброшенныхъ при укладываніи бумагъ, множество стоптанныхъ окурковъ на полу, вотъ все, что составляло обстановку этой комнаты.

Самъ Чепуренко по внѣшнему виду походилъ отчасти и на угловатую деревянную кровать, которая составляла его ложе, и на некрашенный четырехъугольный столъ, за которымъ онъ провелъ не мало часовъ, и на несуразнодлинную комнату, въ которой онъ прожилъ больше двухъ лѣтъ, и отчасти на увѣсистый томъ «Капитала» Маркса, который составлялъ для него главный источникъ мудрости. Онъ былъ высокъ, плечистъ, мускулистъ, широколицъ, волосастъ, но въ его обросшемъ лицѣ было столько прямоты, что всякому встрѣтившемуся съ нимъ и вошедшему въ такія или иныя сношенія прежде всего хотѣлось во что бы то ни стало повѣрить этому человѣку и довѣриться ему. Довольно было взглянуть въ это лицо, чтобы сказать себѣ: «вотъ человѣкъ, который никогда не подведетъ». На немъ былъ костюмъ, весь изъ однообразнаго грубаго сукна верблюжьяго цвѣта. Досталъ онъ это сукно у какого-то товарища-болгарина, который получилъ цѣлую штуку съ своей родины, гдѣ ее выткали его сестры. Чепуренкѣ сукно это правилось тѣмъ, что въ немъ было что-то грубое и дикое.

Digitized by Google

Повидимому, онъ придумалъ рѣшеніе задачи, взялъ со стола «Капиталъ» Маркса, сталъ на колѣни передъ чемоданомъ и началъ пристраивать книгу, втискивая ее въ средину другихъ вещей.

Тихо, осторожно вошла въ комнату женщина, или скорѣе дама, средней комплекціи и, повидимому, среднихъ лѣтъ. Чепуренко не оглядываясь догадался, что это квартирная хозяйка Аделаида Петровна.

— Вы сегодня уѣзжаете, Кондратій Семеновичъ?—спросила она съ какою-то необыкновенною почтительностью.

— Я сегодня уѣзжаю, Аделаида Петровна,—отвѣтилъ Чепуренко, не выпуская изо рта толстую папиросу и не переставая работать надъ «Капиталомъ» Маркса.

— Я хотѣла вамъ напомнить, Кондратій Семеновичъ... За вами есть маленькій долгъ...

— Семь съ полтиной, Аделаида Петровна, за комнату за этотъ мѣсяцъ? Чувствую. Но, право же, сейчасъ у меня нѣтъ. Я вамъ пришлю ровно черезъ мѣсяцъ, ей-ей, пришлю, Аделаида Петровна, заработаю и пришлю. Первое жалованье —ваше. Вѣдь я буду получать жалованье, Аделаида Петровна! Вообразите себѣ.

— Что-жъ, это—слава Богу, только...

— Только лучше бы теперь, не такъ ли? Вы совершенно правы, но вѣдь нѣтъ же, ей-Богу, нѣтъ. Я пришлю. Вѣдь вы не сомнѣваетесь въ этомъ, Аделаида Петровна?

Лицо Аделаиды Петровны выразило ужасъ при одномъ только подозрѣніи, что она можетъ сомнѣваться въ Чепуренкѣ. Сама она была дама мягкая, тонная, изъ обѣднѣвшихъ чиновницъ, старавшаяся, всѣми силами, борясь съ бѣдностью, поддерживать свое достоинство. Чепуренко по своему внѣшнему виду, по обстановкѣ, по пріемамъ, рѣшительно противорѣчилъ всѣмъ ея взглядамъ и требованіямъ отъ людей. И тѣмъ не менѣе она его уважала и

Digitized by Google

безусловно довѣряла ему. Довѣряла, несмотря на то, что за двухлѣтнее пребываніе его въ квартирѣ онъ довольно часто бывалъ неаккуратенъ и почти каждый мѣсяцъ задерживалъ платежъ квартирныхъ денегъ. Такой ужъ это былъ человѣкъ, такое у него было лицо, что никакъ нельзя было усомниться въ немъ.

— Развѣ я могу сомнѣваться въ васъ, Кондратій Семеновичъ? Но... когда-жъ нужно, очень нужно...

— Гм, нужно? Это доводъ, это дѣйствительно доводъ.

Чепуренко задумался, но не надолго. На лицѣ его блеснула мысль и онъ началъ быстро рыться въ чемоданѣ.

— Постойте! Такъ мы вотъ что сдѣлаемъ. Есть у меня тутъ одна вещица...

И онъ, дорывшись до дна, досталъ оттуда довольно доброкачественный шестиствольный револьверъ и подалъ его Аделаидѣ Петровнѣ, которая, впрочемъ, не рѣшалась взять. — Это — вещица не старая, стоила она двадцать три рубля, а дадутъ за нее рублей шесть-семь. Ну, вотъ вамъ, берите же, о чемъ вы задумались?

— Но какъ же? Можетъ быть, вамъ понадобится?..

— Ха, ха, ха! — звонко разсмѣялся Чепуренко. — Револьверъ-то? На какой онъ мнѣ чортъ, Аделаида Петровна? Вѣдь я ѣду въ деревню, учительствовать тамъ буду, понимаете, ребятишекъ учить. Ну, что жъ я имъ тамъ куръ стрѣлять буду, что ли, или индѣекъ? Вѣдь это было куплено такъ себѣ, для обстановки, знаете... «Чтобы бороться съ темными силами!» — съ усмѣшкой прибавилъ онъ. — Ну, однимъ словомъ, мальчишество. Все это было, какъ бы вамъ сказать, «плѣнной мысли раздраженье». А теперь надо дѣло дѣлать. Ну, слѣдовательно, оружіе для меня безполезно...

— Такъ, значитъ, совсѣмъ уѣзжаете, Кондратій Семеновичъ?

— Совсѣмъ. Мѣсто взялъ, учительское мѣсто, понимаете? Въ деревнѣ.

Digitized by Google

— А какъ же университетъ?

— Къ чорту, Аделаида Петровна!—спокойно и просто отвѣтилъ Чепуренко. Онъ уже благополучно втиснулъ «Капиталъ» Маркса въ чемоданъ и теперь просто сидѣлъ на корточкахъ, докуривая папиросу и глядя на хозяйку.

— Ай-ай-ай!—молвила Аделаида Петровна,—перешли на четвертый курсъ и бросаете; вѣдь это совсѣмъ жаль. Черезъ годъ дипломъ получили бы.

— Время дорого, Аделаида Петровна. Что-жъ все учиться да учиться! Надо и дѣлать что нибудь... Вѣдь поѣздъ уходитъ въ четыре?

— Въ четыре часа двадцать минутъ,—глубоко сокрушеннымъ голосомъ отвѣтила Аделаида Петровна.

— Ну, а теперь три,—значитъ, поспѣемъ; такъ вотъ-съ, Аделаида Петровна, возмите этотъ инструментъ и продайте его, а что недовыручите, то я вамъ пришлю.

Послышались издали глухіе, частые шаги. Кто-то быстро взбирался по деревянной лѣстницѣ и, видимо, человѣкъ легкаго сложенія. Потомъ въ передней раздался звонокъ и чей-то голосъ:

— Чепуренко дома?

— Дома!—отвѣтила кухарка.

— Онъ уѣзжаетъ?—чрезвычайно торопливо спросилъ пришедшій.

— Да, собираются.

И вслѣдъ за этимъ дверь порывисто распахнулась, и въ комнату, какъ мячъ, вкатился маленькій, худенькій субъектъ болѣзненнаго вида съ жиденькой остренькой бородкой, съ выдающимися скулами и рѣдкими волосами на головѣ.

— А, Зубровъ? Спѣшное дѣло, не бойсь, а? У тебя всегда вѣдь спѣшное дѣло, и непремѣнно — чужое! Ну, разсказывай!—промолвилъ Чепуренко.

Хозяйка почему-то стыдливо спрятала револьверъ въ

Digitized by Google

широкій рукавъ своей кофты и стушевалась. Зубровъ сѣлъ на дырявый стулъ и, утомленный подъемомъ по лѣстницѣ, тяжело переводилъ духъ.

— Ѣдешь?—лаконически спросилъ онъ.

— Какъ видишь!—отвѣтилъ Чепуренко.

— Что такъ поспѣшно?

— Да чего же ждать? Мѣсто есть, назначеніе получилъ, слава тебѣ Господи. Зачѣмъ же время терять? Теперь сентябрь, какъ разъ самая пора начинать занятія.

— Да я ничего, я такъ.

Зубровъ помолчалъ, потомъ слегка откашлялся, прикрывая ротъ кончиками пальцевъ.

— Скажи откровенно, Чепуренко,—проговорилъ онъ опять,—ты имѣешь въ виду когда нибудь жениться?

Чепуренко поднялся, быстро повернулся къ нему и посмотрѣлъ на него большими глазами.

— Я? Что я—сумасшедшій, что ли?

— Да нѣтъ, почему же? тутъ ничего нѣтъ невозможнаго.

— Ну, нѣтъ, братъ, ужъ это не дѣло. Ужъ одно изъ двухъ—или работать, или любовью заниматься.

— Но, однако-жъ, иные женятся.

— Ну, и пусть ихъ женятся. И мы видимъ, что изъ этого выходитъ, въ особенности, когда являются на свѣтъ дѣти. Ужъ тутъ поневолѣ станешь эгоистомъ. Какая ужъ тутъ работа?

— Ну, такъ вотъ видишь ли ты, въ чемъ дѣло. Такъ какъ ты никогда не женишься, такъ тебѣ, значитъ, ничего не стоитъ обвѣнчаться.

— То-есть это какъ же?

— Ну, такъ вотъ, — обвѣнчаться и уѣхать себѣ на мѣсто и никакихъ перемѣнъ.

— Почему же это надо?..

— Да, вотъ именно надо, даже необходимо.

— Объясни.

Digitized by Google

— Да, видишь ли, есть тутъ одна дѣвица, — славная барышня, душевная, хорошій человѣкъ, работать хочетъ, а нельзя.

— Кто такая?

— Отецъ ея пшеничными дѣлами занимается, богачъ. По фамиліи Латугинъ.

— Слышалъ. Откуда-жъ вы ее взяли?

— Постромкинъ давалъ тамъ уроки брату ея, что ли. Среда отчаянная: отецъ грошевикъ, только и дѣлаетъ, что деньги считаетъ; мать наоборотъ—транжирка: по баламъ шляется, по магазинамъ разъѣзжаетъ. Онъ смотритъ, — дѣвица блѣдная, годъ тому назадъ институтъ кончила. По всему видно, что ищетъ чего-то высшаго, а гдѣ найти, не знаетъ. По цѣлымъ днямъ и ночамъ романы Дюма-фиса читаетъ, ну, и всякую тамъ ерунду. Онъ познакомился ближе. Бокля подсунулъ ей, прочитала, не поняла. Онъ растолковалъ. У Постромкина, знаешь, даръ особенный есть разжевывать и въ ротъ класть, это завидный даръ. Сталъ Писарева носить, проглотила. Однимъ словомъ, оказалась милая душа. И тутъ почувствовала, что ей душно жить, захотѣлось какого нибудь полезнаго дѣла. По наивности, къ отцу обратилась: пустите, молъ, въ деревню дѣтей учить. У того, разумѣется, глаза на лобъ выскочили. Ну, а жить она постарому не можетъ, вотъ мы и придумали. Что-жъ, вѣдь это одна формальность.

— Ты знакомъ съ ней? — спросилъ Чепуренко, поправляя что-то въ чемоданѣ.

— Такъ, немного. У Постромкина было общее чтеніе,— Спенсера читали, такъ видѣлъ ее, познакомился. Съ часикъ проговорилъ съ нею. Видно, что честная душа.

— Гм... А почему же Постромкинъ не обвѣнчается?

— У него романъ съ Анчуровой.

— Вотъ свинство! Романами занимается. Нашелъ время.

— Ну, такъ какъ же, Чепуренко? Ты согласенъ, что ли?

Digitized by Google

Чепуренко вновь свертѣлъ папиросу, втянулъ въ себя невѣроятную массу дыму и выпустилъ его.

— Чортъ бы васъ побралъ! Вѣдь это придется поѣздку откладывать.

И онъ съ видимымъ недовольствомъ взъерошилъ свои волосы. Это было единственное, что его затрудняло.

— Да ты въ какія мѣста?—спросилъ Зубровъ.

— Въ К—скій уѣздъ, село Бултыхи, – можетъ быть, знаешь?

— Бултыхъ не знаю, а К—скій уѣздъ, — такъ это тебѣ лучше пароходомъ ѣхать. Это и удобнѣе и пріятнѣе. А пароходъ идетъ въ полночь.

— Ну?

— Да и дешевле, гораздо дешевле. По желѣзной дорогѣ третій классъ стоитъ восемь рублей до К., а на пароходѣ два съ полтиной.

— Это заманчиво! Пять съ полтиной въ карманѣ. Весьма заманчиво. У меня вѣдь въ обрѣзъ. На пищу 15 копеекъ оставилъ.

— Ну, вотъ видишь! такъ идетъ?

— Постой. А ты ручаешься за то, что она потомъ ко мнѣ не прилипнетъ?

— Ну, что ты? Вѣдь я же говорю тебѣ: чудная душа, открытая, честная.

— Да вѣдь, знаешь, бывали примѣры. Положимъ, влюбиться въ меня трудно,—прибавилъ онъ, и ротъ его раскрылся въ широкую улыбку:—очень трудно! Ну, а все-таки! Вдругъ возьметъ, да и прилипнетъ.

— Нѣтъ, этого не случится. Вѣдь она не ребенокъ, ей девятнадцать лѣтъ, и она такъ смотритъ на дѣло убѣжденно и твердо.

— Ну, однимъ словомъ ты ручаешься?

— Головой ручаюсь!

Digitized by Google

— Ну, идетъ! Такъ ты тамъ все обдѣлай и потомъ скажешь мнѣ, когда и что. Только условіе: непремѣнно сегодня все кончить. Въ полночь пароходомъ я уѣду. И затѣмъ — денегъ у меня нѣтъ, слѣдовательно тамъ всякіе расходы...

— Прелестно! — съ восторгомъ воскликнулъ Зубровъ: — я на тебя надѣялся! Такъ я бѣгу, Чепуренко.

Онъ схватилъ свою свѣтло-сѣрую поярковую шляпу, которая была гораздо больше его головы, и убѣжалъ. Слышно было, какъ онъ скатывался по лѣстницѣ, перепрыгивая заразъ по три ступеньки. Черезъ минуту опять вошла хозяйка.

— Можетъ быть, вамъ за извозчикомъ послать Кондратій Семеновичъ?— предложила она.

— Да нѣтъ, Аделаида Петровна, тутъ маленькая задержка вышла. Ужъ я пароходомъ въ полночь поѣду.

— А что же это?

— Да обвѣнчаться тутъ надо.

Аделаида Петровна не поняла. Она была въ полной увѣренности, что это сказано въ какомъ нибудь образномъ смыслѣ.

— Да вы что такъ смотрите? Вы думаете, я шучу? Обвѣнчаться въ самомъ дѣлѣ, какъ слѣдуетъ.

— Да что вы это? — съ изумленіемъ и вмѣстѣ съ ужасомъ воскликнула Аделаида Петровна.

— Да вы чего же это испугались? Ну, обвѣнчаюсь, потомъ возьму свой чемоданчикъ и поѣду въ свои Бултыхи, а черезъ недѣлю забуду объ этомъ. Это такъ надо, Аделаида Петровна, для дѣла. Понимаете? Человѣка прижимаютъ, надо его выручить, вотъ и все.

— Ужъ этого я даже понять не могу, Кондратій Семеновичъ. Смотрите, какъ бы васъ не скрутили.

— Меня-то? — со смѣхомъ спросилъ Чепуренко и выпрямился: — Этакого-то? ну, знаете, наврядъ меня скрутить можно.

Digitized by Google

II.

Зубровъ принялся за работу. Его маленькія ноги бѣгали чрезвычайно быстро. Онъ задыхался, потому что у него была слабая грудь. Но надо было спѣшить. Прежде всего онъ забѣжалъ къ Постромкину. Это былъ довольно чисто одѣтый молодой человѣкъ, прилично содержавшій свою наружность, брюнетъ съ темными блестящими глазами, имѣвшій, очевидно, привычку исправно стричься и подстригать бородку. Онъ ходилъ въ волненіи по своей комнатѣ, поджидая Зуброва.

— Ну?—нетерпѣливо спросилъ онъ, когда тотъ вошелъ.

— Устроилъ!—отвѣтилъ Зубровъ, прямо съ бѣгу бросаясь на стулъ. Онъ дѣлалъ это всегда, когда входилъ въ квартиру, потому что вѣчно бѣгалъ по спѣшнымъ дѣламъ и вѣчно задыхался.

— Согласенъ?

— Безъ всякихъ разговоровъ! Развѣ ты его не знаешь? Вѣдь это душа человѣкъ? Только онъ торопится, сегодня онъ уѣзжаетъ на мѣсто. Хотѣлъ ѣхать сейчасъ, но я посовѣтовалъ ему пароходомъ, въ полночь. Ну, значитъ, все надо продѣлать сегодня же.

— Экая поспѣшность! Впрочемъ что-жъ, почему же и не сегодня?

— А документы-то, документы?

— Есть. Они всегда лежали у нея въ шифоньеркѣ. И вотъ они гдѣ теперь.

Постромкинъ выдвинулъ ящикъ стола и показалъ Зуброву институтскій дипломъ дѣвицы Дарьи Григорьевны Латугиной и метрическое свидѣтельство, и прибавилъ:—это все, что нужно! Вотъ только нѣкоторые батюшки на счетъ согласія родителей безпокоятся! Такъ это надо какъ нибудь устроить.

Digitized by Google

— Устроимъ! Ну, такъ я побѣгу!

И Зубровъ, не успѣвъ какъ слѣдуетъ отдышаться, уже помчался. Онъ рѣшилъ сперва пойти въ ближайшую церковь и безъ всякихъ хитростей прямо обратиться къ батюшкѣ. Церковь была въ двухъ шагахъ, какъ разъ въ это время звонили къ вечернѣ, и, когда онъ вошелъ въ ограду, то встрѣтилъ высокаго, пожилого священника, направлявшагося въ церковь. Зубровъ подошелъ прямо къ нему, приподнялъ шляпу и сказалъ:

— Мнѣ надо сказать вамъ два слова, батюшка!

Батюшка сверху внизъ посмотрѣлъ на маленькаго прихожанина и пробасилъ:

— Извольте, къ услугамъ вашимъ!

— Надо повѣнчать одну пару!

— Что-жъ, ежели все имѣется въ порядкѣ, мы готовы.

— А что же собственно нужно? Документы въ исправности.

— А кто такіе?

— Женихъ—бывшій студентъ, теперь народный учитель, а невѣста—дѣвица Латугина.

— Дочь здѣшняго купца?—спросилъ батюшка и прищурилъ глаза.

— Да, да, дочь купца Латугина.

— Гм... странно! Сколько мнѣ извѣстно, Латугины живутъ въ соборномъ приходѣ. Люди они богатые, почему жъ бы ихъ дочери не вѣнчаться въ соборѣ, а у насъ?

— Мнѣ кажется, что это все равно!—отвѣтилъ Зубровъ, начиная уже чувствовать, что дѣло здѣсь не выгоритъ.

— Гм... какъ вамъ сказать! Могутъ быть разныя обстоятельства, напримѣръ, противъ воли родителей. А Латугинъ человѣкъ сильный. Знаете, потомъ хлопотъ не оберешься. Нѣтъ, ужъ это вы какъ нибудь устройте въ другой церкви. Тѣмъ болѣе, что мы и права не имѣемъ вѣнчать чужихъ прихожанъ. Съ насъ взыщутъ.

Digitized by Google

Зубровъ принялся было убѣждать батюшку, но тотъ наотрѣзъ отказался и, вѣжливо поклонившись ему, пошелъ въ церковь. Тогда Зубровъ вспомнилъ, что у него есть знакомый семинаристъ, и отправился прямо въ бурсу, гдѣ жилъ его пріятель. Пріятель былъ въ богословскомъ классѣ и, слѣдовательно, кончалъ курсъ. Зубровъ вызвалъ его и наскоро объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ-ли у васъ какого нибудь батюшки знакомаго?—спросилъ онъ.—Знаете, надо выручить...

Семинаристъ подумалъ.

— Да у меня братъ есть; онъ въ предмѣстьѣ священникомъ, версты четыре отсюда! Далеконько!

— Да это ничего, а только согласится ли онъ? Онъ какъ, въ какомъ родѣ?

— Да онъ-то человѣкъ либеральный! —отвѣтилъ семинаристъ,—согласиться-то, онъ согласится, да вотъ что: удрать-то мнѣ никакъ нельзя. Какъ разъ отецъ инспекторъ теперь въ корридорѣ ходитъ... А братъ у меня идейный, это что и говорить!

Но тутъ случайно подвернулся другой семинаристъ, на которомъ была шапка, а шапка въ сущности была единственнымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ пріятелю Зуброва удрать. Черезъ минуту, послѣ нѣкоторыхъ краснорѣчивыхъ убѣжденій, шапка случайнаго семинариста очутилась на его головѣ, а еще черезъ минуту они были за воротами и затѣмъ мчались на извозчикѣ въ предмѣстье.

«Идейный батюшка» былъ еще очень молодой человѣкъ, недавно окончившій семинарію; у него еще и волосы на головѣ не отросли, какъ слѣдуетъ, и бородка была совсѣмъ маленькая. Онъ встрѣтилъ ихъ привѣтливо и сказалъ, что всегда готовъ оказать содѣйствіе молодежи, что онъ вообще врагъ всякихъ стѣсненій и не слишкомъ-то боится консисторіи.

Digitized by Google

— А кто же эти молодые люди, которыхъ надо вѣнчать?—спросилъ онъ.

Зубровъ объяснилъ и замѣтилъ, что фамилія невѣсты произвела на батюшку особенное впечатлѣніе.

— Латугина... Латугина... Ну, это, знаете, какъ бы вамъ сказать, того... съ этакимъ человѣкомъ вступать въ борьбу... Того, знаете...

И «идейный батюшка» въ безпокойствѣ началъ ходить по комнатѣ. Зубровъ, а въ подмогу ему и семинаристъ, старались разогнать его страхи, увѣряя, что Латугинъ не станетъ заводить дѣла, что онъ побоится скандала, что онъ очень любитъ свою дочь и потому скоро проститъ ее, и при этомъ все это они говорили на свой страхъ, потому что не знали ни Латугина, ни его отношенія къ подобному вопросу. Но батюшка продолжалъ безпокоиться.

— Большая птица онъ! Ежели бы человѣкъ попроще, другое дѣло, а то, знаете, онъ и къ благочинному поѣдетъ, и до самого архіерея доберется, а у меня жена и грудной ребенокъ... Знаете, что я вамъ посовѣтую? Вы къ полковому отправляйтесь. Имъ что? Имъ все равно, они консисторіи не боятся, у нихъ свое начальство...

Однимъ словомъ дѣло и здѣсь не выгорѣло, но Зубровъ воспользовался добрымъ совѣтомъ и отправился въ полковую церковь. Семинаристъ уже не отставалъ отъ него; ему казалось заманчивымъ участвовать въ такомъ хорошемъ дѣлѣ, какъ освобожденіе дѣвицы отъ родительскаго деспотизма. Такъ какъ время шло, и имъ надо было торопиться, то они дѣйствовали напроломъ и, когда имъ сказали, что батюшка спитъ, они попросили разбудить его.

Батюшка оказался глубокимъ старцемъ; онъ не разсердился на нихъ за то, что они помѣшали его сну, и совсѣмъ не интересовался подробностями дѣла. Вѣнчать? Отлично. Онъ повѣнчаетъ. А кто такіе? Это будетъ видно

Digitized by Google

изъ документовъ. Онъ былъ такъ старъ, что его не пугали никакія консисторіи и никакое начальство. Договорившись въ цѣнѣ, онъ согласился съ двухъ словъ и назначилъ вѣнчаніе въ семь часовъ.

Зубровъ вышелъ на улицу и вытеръ потъ съ лица. Отсюда онъ вмѣстѣ съ семинаристомъ помчался къ Постромкину, забѣжалъ къ нему на одну минуту, сообщилъ, что слѣдуетъ, потомъ двинулся къ Чепуренкѣ и тутъ сдѣлалъ соотвѣтствующее сообщеніе и наконецъ совершенно утомленный пошелъ домой. Семинаристъ не отставалъ отъ него; очень ужъ интриговала его оригинальная свадьба. Кстати, онъ былъ хорошо знакомъ съ семействомъ Зуброва.

Здѣсь уже давно ждали отца семейства. Въ маленькой квартиркѣ помѣщались, кромѣ Зуброва, его жена, мать и пятеро ребятишекъ. Воздухъ былъ здѣсь скверный, пахло сыростью, слѣды которой можно было замѣтить на стѣнахъ и потолкѣ. Зубровъ, несмотря на свое крайне слабое здоровье, мужественно боролся съ жизнью, добывая средства для всей этой компаніи. Онъ состоялъ ночнымъ корректоромъ при мѣстной газетѣ. Поэтому послѣ обѣда ему необходимо было прилечь и заснуть. Но онъ отъ этого отказался.

— Товарищеское дѣло!—объяснялъ онъ женѣ:—нельзя, надо выручить, никакъ невозможно.

И онъ не спалъ. Ему предстояло еще много работы, надо было подъискать шаферовъ и свидѣтелей. Онъ опять прихватилъ съ собой доброхотнаго семинариста и сталъ бѣгать по студенческимъ квартирамъ. Среди его знакомыхъ студентовъ—а ихъ у него было половина университета—нашлось столько, сколько было нужно. Ихъ нашлось бы даже гораздо больше, потому что всякій, кому онъ ни предлагалъ, нисколько даже не допытываясь подробностей, охотно соглашался.

— Теперь вотъ что,—сказалъ Зубровъ своему спут-

Digitized by Google

нику:—надобно пару дамъ или хоть одну какую нибудь, а то какъ-то неловко вѣнчаніе безъ дамъ.

— У меня нѣтъ ни одной дамы знакомой!—скромно сказалъ семинаристъ. — Есть одна дьяконша, ну, да вѣдь она не пойдетъ, у нея девять человѣкъ дѣтей, и она цѣлые дни только и дѣлаетъ, что вытираетъ имъ носы и прочее...

Зубровъ старательно потеръ свой лобъ, какъ бы выжимая изъ него мысль, и наконецъ придумалъ:

— Анчурова! пойдемъ къ Анчуровой!

Они побѣжали въ другой конецъ города, гдѣ жила Анчурова, и Зубровъ, разумѣется, очень скоро уговорилъ ее. Такимъ образомъ всѣ приготовленія были сдѣланы. Было шесть часовъ. Семинаристъ вспомнилъ, что въ это время въ бурсѣ по корридору ходитъ помощникъ инспектора, заглядываетъ въ классы, и въ особомъ спискѣ, всегда имѣющемся у него въ карманѣ, отмѣчаетъ всѣхъ отсутствующихъ. Но онъ махнулъ на это рукой и вмѣстѣ съ Зубровымъ отправился въ полковую церковь. Впрочемъ, Зубровъ по дорогѣ еще разъ забѣжалъ къ Чепуренкѣ и поднялся къ нему наверхъ единственно для того, чтобы пріотворить дверь, просунуть голову и впопыхахъ проговорить:—Смотри же не надуй; въ семь часовъ въ полковой церкви, на Новой улицѣ.

И тотчасъ же онъ захлопнулъ дверь и помчался по лѣстницѣ внизъ, гдѣ его ждалъ семинаристъ.

Когда Зубровъ ушелъ послѣ перваго своего визита, Чепуренко, чтобъ не терять даромъ времени, досталъ изъ чемодана съ такимъ трудомъ втиснутый туда «Капиталъ» Маркса, разлегся на кровати, раскрылъ книгу на 325 страницѣ и все время читалъ ее, дѣлая на поляхъ необходимыя отмѣтки. Онъ вовсе не думалъ о томъ, что ему предстояло. Разъ онъ такъ рѣшилъ, то, значитъ, это сбудется, вотъ и все. Такъ какъ, благодаря доброму совѣту

Digitized by Google

Зуброва, предвидѣлась экономія въ цѣлыхъ пять съ полтиной, то онъ успѣлъ уже изъ этой суммы выдѣлить трехрублевку и вручить ее Аделаидѣ Петровнѣ, нисколько не лишая ее права распорядиться по ея усмотрѣнію съ револьверомъ. Благодаря этому, онъ испытывалъ слегка пріятное чувство человѣка, уплатившаго свой долгъ. Въ половинѣ седьмого онъ всталъ, выкурилъ еще одну толстѣйшую папиросу, имѣя въ виду то обстоятельство, что, вѣроятно, въ продолженіе по крайней мѣрѣ полутора часовъ нельзя будетъ курить, взялъ даже щетку и прошелся ею нѣсколько разъ по своему пиджаку и затѣмъ отправился въ полковую церковь. Онъ охотно надѣлъ бы сюртукъ и крахмальную рубашку, но все его имущество заключалось въ томъ, что было на немъ надѣто, поэтому онъ остался въ пиджакѣ и въ мягкой сорочкѣ, вышитой малороссійскимъ узоромъ.

Когда онъ подошелъ къ дому, гдѣ помѣщалась полковая церковь, то нашелъ передъ входомъ Анчурову, двухъ знакомыхъ студентовъ и четырехъ совершенно неизвѣстныхъ ему молодыхъ людей. Все это были первокурсники, и потому онъ никогда съ ними не встрѣчался. Онъ поздоровался съ Анчуровой, съ двумя знакомыми, а остальныхъ ему назвали. Онъ также назвалъ себя и шутливо прибавилъ:

— Смотрите же, запомните хорошенько, что меня зовутъ Кондратіемъ Семеновичемъ Чепуренко, а то вѣдь вамъ свидѣтельствовать придется, еще перепутаете!

Зуброва здѣсь не было. Онъ вмѣстѣ съ семинаристомъ заблаговременно забрался въ церковь и тамъ принималъ мѣры, чтобы все было въ порядкѣ. У него нашлись какія-то деньги для того, чтобъ зажечь нѣсколько лишнихъ свѣчей, хотя дѣло это до него совершенно не касалось, но ужъ онъ вошелъ въ него всей душой, и ему хотѣлось, чтобъ была нѣкоторая торжественность. Скоро явился

Digitized by Google

Постромкинъ и объявилъ, что невѣста сейчасъ будетъ, а минутъ черезъ пять подкатила закрытая коляска, и изъ нея вышла стройная молодая дѣвушка съ лицомъ, закрытымъ густой вуалью, въ скромномъ прямомъ коричневомъ платьѣ, въ скромной шляпкѣ съ двумя черными перышками. Изъ церкви выбѣжалъ Зубровъ и своей суетливостью устроилъ нѣкоторое движеніе, необходимое въ такихъ случаяхъ. Дѣвушка, повидимому, встрѣчалась со всѣми этими людьми, за исключеніемъ Зуброва и Постромкина, въ первый разъ. Даже сквозь вуаль можно было видѣть, что она сильно смущена.

Зубровъ взялъ за руку Чепуренко и отвелъ его въ сторону, затѣмъ подвелъ къ нему дѣвушку.

— Я думаю,—сказалъ онъ съ комической усмѣшкой:—что вамъ не мѣшаетъ познакомиться. Вотъ это,—прибавилъ онъ, указывая на Чепуренко,—Кондратій Семеновичъ Чепуренко, а вотъ это Дарья Григорьевна Латугина. Впрочемъ, черезъ полчаса она будетъ тоже Чепуренко. Въ этомъ вѣдь и вся суть!

Дѣвушка протянула руку, которую Чепуренко крѣпко пожалъ. Въ то же время онъ всматривался въ ея лицо. Она показалась ему миловидной. У нея были большіе темные глаза съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ удивленія или недоумѣнія. Лицо ея было блѣдно, но когда Зубровъ знакомилъ ихъ, оно начало покрываться красными пятнами — признакъ сильнаго волненія. Какая-то безпомощность видна была во всей ея фигурѣ, въ движеніяхъ, даже въ голосѣ, которымъ она произнесла нѣсколькихъ незначительныхъ словъ. Чепуренкѣ показалось, что его громоздкій волосатый видъ какъ бы нѣсколько испугалъ ее. Онъ усмѣхнулся своей широкой открытой добродушной улыбкой и сказалъ ей:

— Вы меня не бойтесь, я не такъ страшенъ, какъ

Digitized by Google

кажусь... ей-Богу же, я не виноватъ, что природа дала мнѣ такую наружность.

— Да я, право же, и не боюсь васъ,—отвѣтила она:—вы такъ были добры...

— Ну, что еще тамъ?—грубовато возразилъ Чепуренко:—только я—простите меня—я вамъ вотъ что скажу, барышня. Я васъ мало знаю и, можетъ быть, этого вамъ и не надо говорить... Чтобъ вы потомъ когда нибудь объ этомъ не пожалѣли...

— Нѣтъ, нѣтъ,—нервно, порывисто отвѣтила она:—мнѣ этого не надо, мнѣ никогда не надо будетъ этого!..

— Ну, такъ пойдемте въ церковь!—просто сказалъ Чепуренко и не особенно галантно предложилъ ей руку.

Они пошли въ церковь и вошли туда послѣдними, потому что всѣ остальные были уже тамъ.

Несмотря на то, что вѣнчаніе это было слажено въ нѣсколько часовъ, и никому объ немъ не объявлялось, тѣмъ не менѣе какими-то неисповѣдимыми путями въ церкви оказалась публика. Неподалеку отъ столика, вокругъ котораго должны были водить новобрачныхъ, стояли четыре простыхъ бабы, а съ другой стороны двѣ дѣвицы въ шляпкахъ, съ необыкновенно любопытными лицами. Когда женихъ съ невѣстой вошли, то и четыре бабы и двѣ дѣвицы съ любопытными лицами почти въ ужасѣ отступили отъ нихъ. Женихъ въ сѣромъ пиджакѣ и въ мягкой рубашкѣ съ узоромъ, невѣста въ коричневомъ платьѣ, безъ цвѣтовъ, безъ фаты,—все это показалось необычайнымъ этимъ постояннымъ посѣтительницамъ свадебъ. Когда же вышелъ старый батюшка и взглянулъ на нихъ, то въ первую минуту даже какъ будто запнулся и впалъ въ размышленіе. Не говоря ужъ о женихѣ и невѣстѣ, внѣшній видъ которыхъ совершенно не подходилъ къ случаю, шафера тоже представляли изъ себя какую-то странную пестроту. Батюшка какъ бы размышлялъ нѣкоторое время, вѣнчать ли

Digitized by Google

ужъ ихъ, но потомъ очевидно мысленно махнулъ рукой и сказалъ въ сердцѣ своемъ: э, все равно, Богъ разберетъ ихъ,—и приступилъ къ вѣнчанію.

Болѣе всѣхъ волновался Зубровъ, какъ будто вѣнчали не Чепуренка и Латугину, а его самого.

Вѣнчаніе кончилось. Батюшка ушелъ въ алтарь; свидѣтели подошли къ столику, куда пригласилъ ихъ дьякъ, и росписались во всемъ, что требовалось. Затѣмъ всѣ вышли изъ церкви. Никто никого не поздравлялъ, потому что всѣ были слишкомъ мало знакомы. Только Зубровъ подбѣжалъ къ Чепуренкѣ и крѣпко молча пожалъ ему руку. Шафера и свидѣтели очень быстро простились и исчезли.

— Ну, до свиданья, господа, — сказалъ Чепуренко, обращаясь одинаково къ Дарьѣ Григорьевнѣ, къ Постромкину, къ Зуброву и къ Анчуровой. Семинаристъ держался поодаль и только наблюдалъ, какъ человѣкъ, непричастный къ дѣлу.

Дарья Григорьевна страшно волновалась и, какъ можно было видѣть по ея лицу, все время что то собиралась сказать, но ей не удавалось. Наконецъ, она собралась съ силами и протянула руку Чепуренкѣ.

— До свиданья!.. — почти шепотомъ произнесла она и, сколько было силъ, пожала ему его руку.

У нея въ головѣ было приготовлено много словъ, которыми она хотѣла выразить ему свою благодарность, но она не смогла произнести ни одного изъ нихъ. Волненіе не давало ей говорить. Постромкинъ взялъ ее за руку и, чтобъ прекратить эту сцену, повелъ къ коляскѣ и усадилъ ее вмѣстѣ съ Анчуровой. Коляска укатила, а онъ еще разъ подошелъ къ Чепуренкѣ и простился съ нимъ.

— А я съ тобой, Кондратій Семеновичъ,—сказалъ Зубровъ.—Намъ надо поговорить о нѣкоторыхъ формальностяхъ.

— Какъ, развѣ еще что нибудь предстоитъ? — спросилъ Чепуренко.

Digitized by Google

— Не предстоитъ, а можетъ предстоять. Такъ на всякій случай...

Онъ кивнулъ издали семинаристу, и они пошли вдвоемъ.

III.

Квартира Чепуренка была недалеко отсюда, и они скоро достигли ея. Зубровъ еще на дорогѣ началъ толковать о томъ, что онъ называлъ «нѣкоторыми формальностями».

— Видишь ли, все, конечно, можетъ обойтись благополучно. Это зависитъ отъ того, какъ на это посмотритъ pater Латугинъ. А чортъ его знаетъ, какъ онъ посмотритъ? Во всякомъ случаѣ, твоя роль будетъ роль, какъ бы тебѣ сказать, deus ex machina. Чуть что, сейчасъ ты потрясаешь своей увѣсистой лапой, и все должно смиряться, потому что ты мужъ, глава и повелитель,—понимаешь?

И онъ старался ввести его въ нѣкоторыя подробности, но Чепуренко слабо воспринималъ все это. Въ его головѣ такія вещи какъ то не укладывались.

— Да ты мнѣ скажи ясно: вотъ то-то и то-то я долженъ сдѣлать, а вотъ того-то я не долженъ дѣлать, такъ ужъ я и буду знать.

— Да вѣдь я только объ этомъ и стараюсь! — воскликнулъ Зубровъ, начинавшій уже выбиваться изъ силъ. Въ это время они уже сидѣли въ квартирѣ Чепуренка.

— Видишь ли,— говорилъ Зубровъ, сильно помогая своему краснорѣчію жестикуляціей.—Сперва она просто-напросто уйдетъ изъ дому. Сдѣлаетъ она это завтра или тамъ послѣ-завтра. Ну, конечно, подымется тревога; тогда она напишетъ роднымъ: такъ и такъ, молъ, я замужемъ, мужъ мой такой-то и, слѣдовательно, я уже не такая-то, а такая-то. Вотъ тутъ дѣло зависитъ отъ того, какъ поведетъ себя родня. Можетъ быть два случая: или они простятъ ее и дадутъ ей средства устроиться съ какимъ нибудь полезнымъ дѣломъ. Тогда тебѣ не будетъ никакого

Digitized by Google

безпокойства и никакихъ хлопотъ; или они разозлятся и станутъ преслѣдовать ее. Тутъ придется тебѣ вступиться. Но первымъ дѣломъ ты долженъ выдать ей паспортъ. Разъ у нея въ рукахъ есть паспортъ, законный, то-есть выданный съ разрѣшенія мужа, то никто не имѣетъ права къ ней привязываться. А разъ этого нѣтъ, съ нею могутъ сдѣлать все, что хотятъ. Но, видишь ли, это надо сдѣлать гдѣ нибудь въ другомъ городѣ, — здѣсь ее всѣ знаютъ, и это произведетъ сенсацію прежде, чѣмъ надо!

— Какъ въ другомъ городѣ? Такъ это, значитъ, я долженъ таскаться въ другой городъ?

— Зачѣмъ же? Это мы устроимъ проще! Ты вотъ что: возьми перо и напиши довѣренность. У меня въ Кіевѣ есть одинъ пріятель, адвокатъ... Да нѣтъ, и этого не надо,—вѣдь ты сегодня уѣзжаешь въ К., завтра въ полдень ты будешь тамъ. Ну, вотъ сейчасъ отправляйся къ исправнику, и—это вѣдь дѣло какихъ нибудь двадцати минутъ — тебѣ выдадутъ для нея паспортъ, и ты вышлешь его сюда...

Чепуренко взялся за голову:

— Вотъ ужъ чего я не умѣю дѣлать, такъ этого; и навѣрно я что нибудь тамъ напутаю!

— Да нѣтъ же, — это такъ просто; я тебѣ все это на бумажкѣ напишу. Я напишу тебѣ, какъ надо прійти, куда, что сказать. Ну, слушай дальше: если ее станутъ преслѣдовать или тамъ родители потребуютъ къ себѣ въ домъ, ты долженъ будешь офиціальнымъ порядкомъ потребовать ее къ себѣ!

— Что такое? Это зачѣмъ еще?

— Ахъ, ты не понимаешь самыхъ простыхъ вещей. Ну, такъ, законъ такой. По закону мужъ имѣетъ право потребовать къ себѣ жену.

— Постой, голубчикъ, такъ это и она имѣетъ право меня потребовать?

Digitized by Google

— Нѣтъ, она не имѣетъ этого права. Ты потребуешь ее къ себѣ, она, разумѣется, къ тебѣ не поѣдетъ. Это только для того, чтобы къ ней не приставали, но ты долженъ будешь дать согласіе ей на свободное проживаніе во всѣхъ мѣстахъ Россійской Имперіи.

— Какое согласіе?—Да я и такъ на все согласенъ!

— Да не въ томъ дѣло! Какъ ты не понимаешь!.. вѣдь это только для виду, пойми.

Но голова Чепуренко рѣшительно отказывалась умѣстить все это.

— Нѣтъ, ты вотъ что,—сказалъ наконецъ Чепуренко:—ты вообрази, что я ничего этого не слышалъ отъ тебя, потому что въ дѣйствительности это почти такъ и есть. Я слышалъ, но затѣмъ все это въ головѣ моей перепутается, а потомъ совсѣмъ вылетитъ, потому что я занятъ другими вещами, у меня не это на умѣ. Но, разумѣется, я сдѣлаю все, что надо. И вотъ какъ это будетъ: когда что нибудь отъ меня потребуютъ, пусть кто нибудь —ты, или Постромкинъ, или она, подробно и точно напишетъ мнѣ: надо сдѣлать то-то и то-то, и я совершенно такъ сдѣлаю.

— Ну, вотъ и отлично!—согласился Зубровъ,—такъ мы и будемъ поступать. Я впрочемъ надѣюсь, что все обойдется какъ нельзя спокойнѣе. Не думаю, что они такъ глупы, чтобъ стали спорить съ совершившимся фактомъ. По всей вѣроятности, они примирятся съ нимъ, и дѣло обойдется безъ твоего участія. Ну, а теперь прощай, желаю тебѣ всего лучшаго, не забывай насъ и хоть изрѣдка пиши о томъ, какъ тебѣ живется. Ты славный малый, и мнѣ жаль съ тобой разставаться. Ну, прощай, Кондратій Семеновичъ!

Они поцѣловались, и Зубровъ ушелъ. Когда Чепуренко остался одинъ, у него явилось какое-то тревожное чувство. Онъ припомнилъ такъ поразившій его видъ безпомощности,

Digitized by Google

который сквозилъ и въ голосѣ, и въ фигурѣ, и въ движеніяхъ Дарьи Григорьевны. Конечно, онъ совсѣмъ ея не знаетъ и не можетъ о ней судить, но едва ли она принадлежитъ къ людямъ съ большимъ характеромъ и съ твердой волей. А что, если онъ взялъ на себя слишкомъ большую отвѣтственность? Что, если она окажется слабымъ существомъ, неспособнымъ шагу сдѣлать безъ руководства, безъ посторонней помощи? Можетъ быть, все это стремленіе къ высокому, которое теперь кажется горячимъ и искреннимъ, только навѣяно мимолетнымъ вліяніемъ? Можетъ быть, не слѣдовало такъ быстро соглашаться, а лучше было бы оттянуть и дать время ей выясниться. Прошло бы время, и тогда стало бы ясно, насколько это въ ней прочно; а то, чего добраго, подулъ бы другой вѣтеръ и унесъ бы съ собой также легко то, что было принесено вѣтромъ, подувшимъ раньше съ другой стороны. И онъ испытывалъ ощущеніе, похожее на то, какъ если бы человѣкъ, подъ вліяніемъ какого-нибудь благороднаго порыва, принесъ для другого нѣкоторую жертву, и вдругъ оказалось, что этимъ только причинилъ ему вредъ. «Эхъ, право, скорѣй бы уѣхать!» — мысленно восклицалъ онъ и все поглядывалъ на свой чемоданъ и на часы, которые, какъ ему казалось, шли слишкомъ медленно.

Стемнѣло. Онъ слышалъ, какъ въ кухнѣ шумѣлъ самоваръ, и Аделаида Петровна звенѣла посудой. Въ передней раздался звонокъ. «Ну, надѣюсь, что это не ко мнѣ, что меня уже оставятъ въ покоѣ!» — подумалъ онъ. Но прислушался и убѣдился, что спрашивали его. Его имя произносилъ женскій голосъ, который показался ему незнакомымъ. Онъ вскочилъ съ постели и поспѣшно зажегъ свѣчу, потомъ пріотворилъ дверь и выглянулъ въ корридоръ. Прежде всего ему бросился въ глаза темный вуаль и подъ нимъ блестящіе глаза, потомъ при слабомъ свѣтѣ корридорной лампы онъ разглядѣлъ коричневое платье, а затѣмъ и всю

Digitized by Google

стройную, тонкую фигуру Дарьи Григорьевны. Онъ отступилъ и совсѣмъ отворилъ дверь.

— Я здѣсь! — сказалъ онъ, и въ голосѣ его въ первую минуту слышалась порядочная досада. Но когда она вошла въ комнату, онъ смутился и прежде всего сталъ извиняться передъ нею и за то, что у него такая безобразная обстановка.

— Ужъ вы, пожалуйста, не взыщите! — говорилъ онъ: — у меня безпорядокъ, вѣдь я собрался уѣзжать...

Какъ будто раньше, когда онъ не собирался уѣзжать, у него въ комнатѣ было больше порядка. Но ему въ самомъ дѣлѣ показалось, что его комната совсѣмъ не годится для пріема дамъ. Эта грубая кровать, грубый столъ, окурки на полу, куча ненужныхъ бумагъ въ углу, раскрытый чемоданъ, изъ котораго виднѣется скудное бѣлье... Онъ подбѣжалъ къ чемодану и закрылъ его. Въ замѣшательствѣ онъ даже схватилъ со стола «Капиталъ» Маркса и сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто и его хотѣлъ куда-то спрятать, но потомъ сообразилъ, что въ немъ нѣтъ ничего неприличнаго, и опять положилъ его на старое мѣсто.

Она тоже была очень взволнована. Она подняла вуаль и совершенно такъ же, какъ и въ церкви, ея блѣдныя щеки покрылись красными пятнами.

— Пожалуйста, садитесь! — сказалъ онъ, немного запинаясь, что, кажется, случилось съ нимъ въ первый разъ въ жизни. Онъ указалъ было на стулъ, но тутъ же съ ужасомъ спохватился. Первый разъ въ жизни онъ обратилъ вниманіе на то, до какой степени этотъ стулъ дырявъ и мало годится для сидѣнія. Тогда онъ бросился къ двери и крикнулъ въ корридоръ:

— Аделаида Петровна... пожалуйста, дайте стулъ.

Дарья Григорьевна смотрѣла на него и изумлялась его

Digitized by Google

волненію. Она никакъ не могла представить его такимъ. Между тѣмъ Аделаида Петровна принесла стулъ и, конечно, не пропустила случая пристально вглядѣться въ лицо гостьи. По всей вѣроятности, она догадывалась, кто это, да и не трудно было догадаться, потому что у Чепуренка до сихъ поръ никогда не бывали дамы.

Наконецъ, все уладилось. Дарья Григорьевна сѣла на принесенный стулъ.

— Простите, пожалуйста!—начала она какъ-то робко, слегка дрожащимъ голосомъ:—я только потому рѣшилась прійти, что тогда не съумѣла сказать вамъ... сказать вамъ—спасибо, а мнѣ хочется, чтобы вы знали, какъ я вамъ благодарна... вы принесли мнѣ такую громадную жертву...

— Жертву? Полноте! что вы? Я отдалъ вамъ то, что мнѣ вовсе не нужно.

— Нѣтъ, нѣтъ, это страшная жертва!

— Да помилуйте, если бы это было такъ, почему бы я сталъ это дѣлать? Вѣдь согласитесь, что я васъ вовсе не знаю, и почему бы въ такомъ случаѣ я сталъ жертвовать для васъ чѣмъ нибудь большимъ? Право же, все это гораздо проще. Мнѣ сказали, что вы хорошій человѣкъ, что вы искренно стремитесь къ честной работѣ, и вамъ препятствуютъ,—а я самъ къ тому же стремлюсь, вотъ и посмотрѣлъ на васъ, какъ на товарища,—сказали люди, которымъ я довѣряю, ну, я и пошелъ. Это просто товарищеская услуга. Это все равно, какъ если бы я нуждающемуся товарищу далъ взаймы пять рублей, вотъ и все...

— Какой вы, должно быть, хорошій человѣкъ, Кондратій Семеновичъ!—воскликнула Дарья Григорьевна:—и знаете, не потому, что вы это сдѣлали, а потому, какъ вы все это говорите,—такъ просто и прямо...

— Полноте, такихъ хорошихъ много на свѣтѣ! Я не говорю, что я дурной человѣкъ. Я не считаю себя дурнымъ, а просто—обыкновенный, средней руки, человѣкъ.

Digitized by Google

Но—простите меня—меня немного безпокоитъ только одно... Я не знаю, насколько это въ васъ серьезно, вотъ это стремленіе къ полезной работѣ? Можетъ быть, это такъ, временно, не глубоко!.. Тутъ не было бы ничего дурного... но если это такъ, то впослѣдствіи могутъ быть для васъ излишнія страданія?..

Она съ большой твердостью отрицательно покачала головой.

— Я знаю только одно,—сказала она,—что дома, въ моей обстановкѣ, въ моемъ кругу, я задыхаюсь...

— Но этого мало, Дарья Григорьевна, право же, этого мало! Вы задыхаетесь въ этомъ кругу, но кто можетъ поручиться за то, что вы точно такъ же не будете задыхаться въ другомъ?

— Нѣтъ, я за себя увѣрена... Я пришла только поблагодарить васъ... и я хочу сказать вамъ, что буду беречь ваше имя...

— Мое имя?—съ удивленіемъ воскликнулъ онъ:—да сдѣлайте милость, дѣлайте съ нимъ что вамъ угодно. Я дорожу своей личностью и забочусь о томъ, чтобъ она всегда оставалась честной, а мое имя вѣдь это—случайность.

— Вы сегодня уѣзжаете?—спросила она и поднялась.

— Да, въ двѣнадцать часовъ отходитъ пароходъ въ К.

Она протянула ему руку.

— Ну, такъ желаю вамъ всего самаго лучшаго. Я хотѣла бы когда нибудь услышать, что вы очень счастливы.

— Вы почти уже можете услышать это теперь, Дарья Григорьевна. Въ настоящую минуту я счастливъ, потому что иду работать дѣлу, которое люблю. Вѣдь это счастье.

— Да.

Она еще разъ крѣпко пожала его руку и ушла.

Было уже около половины одиннадцатаго. Чепуренко увязалъ свой чемоданчикъ и пригласилъ къ себѣ Аделаиду Петровну, чтобы окончательно проститься съ ней.

Digitized by Google

— Такъ это она, Кондратій Семеновичъ?—съ несказаннымъ любопытствомъ и почему-то сильно понизивъ голосъ, спросила Аделаида Петровна.

— Она самая!—съ комической торжественностью отвѣтилъ Чепуренко.

— И вы уѣзжаете? Она на востокъ, а вы на западъ?

— Я ничего не имѣю противъ того, если она пойдетъ и на сѣверъ и на югъ, вообще куда ей понравится, Аделаида Петровна!

— Странные люди нынче пошли! Непонятные люди!

— Ну, Аделаида Петровна, вы обдумайте это на свободѣ и, можетъ быть, что нибудь тутъ поймете, а теперь прощайте, желаю вамъ хорошаго квартиранта, который бы платилъ вамъ деньги исправнѣе, чѣмъ я!

Онъ захватилъ свой чемоданчикъ, пожалъ руку Аделаидѣ Петровнѣ и уѣхалъ на пароходъ. Здѣсь оказалось, что Зубровъ былъ правъ,—билетъ дѣйствительно стоилъ два съ полтиной. Онъ пріѣхалъ къ первому звонку и сталъ устраиваться на пароходной палубѣ. Было довольно свѣтло, луна спорила и состязалась съ фонарями, и отъ этого для пассажировъ получалась прямая выгода; гладкая поверхность рѣки блестѣла, отражая въ себѣ все небо; въ воздухѣ вѣяло свѣжестью и изрядnымъ холодкомъ, что заставляло палубныхъ пассажировъ сосредоточиваться поближе къ пароходной трубѣ, которая замѣняла ихъ печку. Пассажиры торопливо тащили свои узлы и стлали ихъ, гдѣ попало. На пристани была суматоха, шумъ, раздавались крики. Чепуренко расположился у самой трубы, и мечталъ о томъ, чтобъ поскорѣе заснуть. Онъ любилъ спать на свѣжемъ воздухѣ, а, живя въ городѣ, трудно было пользоваться этимъ удовольствіемъ. Но въ тотъ моментъ, когда онъ, подмостивъ подъ себя пальто, разлегся, онъ замѣтилъ, что на пароходѣ между пассажирами появилась какая-то тревожная фигура, которая бѣгала по пароходу, повидимому, кого-то

Digitized by Google

розыскивая. Онъ поднялся, самъ не зная почему, но первая мысль, какая пришла ему, была мысль о Дарьѣ Григорьевнѣ. И въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько секундъ тревожная фигура проходила мимо него, и онъ остановилъ ее.

— Дарья Григорьевна!

Она вздрогнула, съ смущеніемъ оглянулась вокругъ и наконецъ, замѣтивъ его, быстро направилась къ нему. Онъ стоялъ уже передъ нею и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее. Зачѣмъ она здѣсь и почему она такъ порывисто пожимаетъ его руку, и у нея на глазахъ слезы?

— Что съ вами?—спросилъ онъ. —Право же, я ничего этого не заслужилъ.

— Ахъ, вы не понимаете!—промолвила она взволнованнымъ прерывистымъ голосомъ: — вы не понимаете... вашъ поступокъ... даже нѣтъ, не это, а простота, съ которой вы его сдѣлали... развѣ это можетъ не трогать до глубины души!?

Онъ видѣлъ, что, по мѣрѣ того, какъ она говоритъ, волненіе ея усиливается, и потому заговорилъ о другомъ.

— Что же вы намѣрены дѣлать?—спросилъ онъ.

— Постромкинъ обѣщалъ мнѣ мѣсто въ школѣ. Онъ знакомъ съ школьнымъ начальствомъ.

— Ну, — сказалъ онъ, — такъ желаю вамъ успѣшно работать и главное — не разочароваться въ томъ пути, который вы выбираете.

— Спасибо, спасибо! Спасибо вамъ, Кондратій Семеновичъ!

Она еще разъ крѣпко пожала его руку и убѣжала. Шаги ея были неровны. Онъ слѣдилъ за нею и видѣлъ, какъ ея тонкая фигура колебалась, когда она поспѣшно шла по трапу, и у него даже явилась тревожная мысль, какъ бы она не свалилась въ воду. Но она благополучно дошла до пристани и скрылась изъ его глазъ. На этотъ разъ онъ не легъ на свою импровизированную постель, а

Digitized by Google

въ волненіи ходилъ по палубѣ парохода. Второй свистокъ уже раздался; онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ третьяго; ему казалось, что когда пароходъ отчалитъ, это волненіе пройдетъ, и онъ войдетъ въ норму. Вотъ раздался и третій свистокъ. На палубѣ произошло волненіе. Махали платками и шляпами; раздавались пожеланія счастливаго пути, а кое-гдѣ и тихій плачъ родственниковъ; онъ невольно обратилъ туда взоры, и глаза его встрѣтились съ парой теперь уже хорошо знакомыхъ ему глазъ. Она стояла впереди всѣхъ; свѣтъ отъ фонаря падалъ прямо на ея лицо; она его видѣла и кивала ему головой и повторяла:

— Будьте же счастливы! Я хочу, чтобъ вы были очень счастливы!

Онъ отвѣтилъ ей поклономъ. Пароходъ отчалилъ.

IV.

Чудный сентябрьскій вечеръ. День былъ жаркій, а чуть солнце склонилось къ западу, разомъ исчезла духота, и въ воздухѣ разлилась пріятная свѣжесть. Большое село, стоявшее при рѣчкѣ, тянулось версты на три въ длину. Между двухъ рядовъ хатъ шла широкая улица. При каждой хатѣ былъ дворъ и небольшой садикъ; подъ окнами—заваленки. Всюду возвышались хозяйственныя постройки,—сарайчики, хлѣвы, а позади хатъ торчали стоги сѣна и соломы. Кое-гдѣ еще раздавались звуки молотящихъ цѣповъ,—это запоздавшіе хозяева доканчивали молотьбу. Но почти все село уже окончило лѣтнія работы.

Это была главная, коренная улица, на которой жили родоначальники семействъ или ихъ прямые потомки. Но въ послѣдніе годы, когда уже стало неудобнымъ тянуть улицу въ длину, молодыя поколѣнія начали устраиваться по новымъ линіямъ, и село съ каждымъ годомъ разросталось въ ширь. На главной улицѣ хаты большею частью были старыя, иныя уже покосились на бокъ, другія съ задней сто-

Digitized by Google

роны были снабжены деревянными подпорками, потому что имъ грозила опасность повалиться. И сады при нихъ были густы, и деревья давали уже тѣнь. А подъ гору въ ширь все стояли новыя хаты съ красивыми камышовыми, ровно подрѣзанными, крышами, съ граблями на верхушкахъ, и при нихъ были разведены молодые садочки съ молодыми вишневыми деревцами, которыя не давали еще тѣни.

Сельская школа была тоже не изъ молодыхъ зданій, но на ней красовалась свѣжая, въ прошломъ году только положенная, черепица, еще не успѣвшая почернѣть и порости мохомъ. У заваленки, на улицѣ, стоялъ небольшой столикъ, покрытый скатертью, съ чайною посудой, съ самоваромъ на низенькомъ табуретѣ. На стулѣ сидѣла дама, съ виду очень молодая, какъ казалось, здоровая, съ длинной густой косой свѣтлыхъ золотистыхъ волосъ; рядомъ съ нею на высокомъ стулѣ мальчикъ лѣтъ четырехъ, а на заваленкѣ бородатый мужчина съ двухлѣтней дѣвочкой на колѣняхъ. Мужчина былъ въ темной суконной блузѣ, безъ шляпы. Волосы у него на головѣ были очень густы, и тѣмъ удивительнѣе было то обстоятельство, что на самой макушкѣ у него совершенно явственно пробивалась небольшая лысинка. Тутъ же, у самыхъ ногъ его, лежалъ огромный мохнатый, совершенно черный, песъ, въ которомъ при нѣкоторой наблюдательности и опытности можно было разглядѣть слабые признаки крови водолаза. Порода его выражалась главнымъ образомъ въ томъ, что онъ при появленіи каждаго мужика не вскакивалъ и не кидался на него съ глупымъ лаемъ, а только приподымалъ голову и вопросительно взглядывалъ на своего хозяина. Онъ какъ-бы ждалъ распоряженій и, не получая никакихъ, принималъ это за разрѣшеніе оставаться въ покоѣ.

А мужики и бабы проходили здѣсь очень часто. Это была проѣзжая дорога. Иные сидѣли на возахъ съ запряженными въ нихъ волами. Но попадались и повозки, которыя

Digitized by Google

везли лошади. И не было ни одного мужика и ни одной бабы, ни одного мальчишки или дѣвочки, которые, проходя или проѣзжая мимо школы, не поклонились-бы бородатому господину и дамѣ съ золотистой косой. Иные останавливались или останавливали воловъ и вступали въ разговоръ.

— Добраго здоровья, Кондратъ Семенычъ,—говорилъ въ такомъ случаѣ мужикъ, снималъ шапку, потомъ опять надѣвалъ ее и подходилъ поближе къ столу.

— Здравствуй! (тутъ произносилось имя мужика, которое непремѣнно было извѣстно Кондрату Семеновичу) присаживайся къ намъ!

— Покорно благодарю, да только мнѣ не время! (мужикъ непремѣнно говорилъ это, хотя-бы у него было и достаточно времени. Онъ понималъ, что со стороны хозяевъ это деликатность, а что стѣснять ихъ слишкомъ долгимъ присутствіемъ не слѣдуетъ). Я вотъ насчетъ своего мальчишки...

— А что? Придумалъ въ школу посылать?

— Да, должно быть, такъ выйдетъ, что придется прислать его къ вамъ.

— То-то и есть, я тебѣ давно это говорилъ.

— А то завидно. Сосѣдскіе ребята всякую книгу читаютъ, а мой ни въ зубъ.

— Какъ-же ты хотѣлъ, чтобы онъ читалъ, когда ты его не учишь?

— Да оно такъ. Да, знаете, все думалось по старому: что, молъ, вотъ-же мы прожили вѣкъ безъ грамоты. А выходитъ, что нашъ вѣкъ былъ одинъ, а теперешній совсѣмъ другой.

— Такъ оно и есть. Ну, такъ ты присылай мальчика.

— Да я все боялся, Кондратъ Семеновичъ, что у васъ мѣста нѣтъ.

— Присылай, присылай, мѣсто всегда найдется. Для того, кто учиться хочетъ, у насъ всегда мѣсто есть.

— Ну, вотъ, покорно васъ благодаримъ.

Digitized by Google

Мужикъ опять снималъ шапку и опять надѣвалъ ее и шелъ своей дорогой.

Случалось, разумѣется, что бесѣда велась о другихъ предметахъ, совсѣмъ не имѣвшихъ отношенія къ грамотѣ. Тотъ жаловался Кондрату Семеновичу на какую-нибудь болѣзнь, другой сообщалъ, что у него въ домѣ появились крысы, третій докладывалъ, что у него старшій сынъ избаловался и отбился отъ дѣла; бабы чаще всего жаловались на мужей, что они пьянствуютъ и добро переводятъ. И всѣ просили у Кондрата Семеновича совѣта, какъ имъ быть и какъ бороться съ врагами. Кондратъ Семеновичъ иногда давалъ такой совѣтъ, но чаще всего, въ особенности, если это относилось къ какому-нибудь спеціальному вопросу, обѣщалъ гдѣ-то справиться, прочитать въ какой-то книжкѣ и просилъ заходить завтра или черезъ три дня, а то и черезъ недѣлю.

По лицу Кондратія Семеновича, съ перваго взгляда чрезвычайно суроваго, что зависѣло отъ необыкновеннаго обилія волосъ, разлито тихое довольство. Видно, что и эта женщина, сидящая противъ него, и мальчикъ и дѣвочка, его хорошіе друзья, и что ему съ ними живется прекрасно. Видно, что въ душѣ его нѣтъ и тѣни разочарованія, что онъ доволенъ своей работой и своей жизнью, что онъ съ вѣрой смотритъ въ будущее и не жалѣетъ о прошломъ.

— А вѣдь сегодня, Соня, день не простой,—говоритъ онъ, обращаясь къ женщинѣ съ золотистой косой.

Она подымаетъ на него глаза и глазами спрашиваетъ: почему?

— Сегодня ровно семь лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ сюда. Да, ровно семь лѣтъ. Помню, какъ все это было, какъ бросилъ я университетъ, подалъ прошеніе, взялъ бумаги. Многіе тогда предостерегали, говорили: что ты дѣлаешь? Зачѣмъ торопиться? Подождалъ-бы годъ, получилъ-бы дипломъ, вѣдь никогда не поздно, дипломъ ничему не помѣшаетъ. Гм... какъ не помѣшаетъ? Дипломъ, это соблазнъ. Вѣдь были

Digitized by Google

трудныя минуты; почемъ я знаю, быть можетъ, если-бы у меня въ рукахъ былъ дипломъ, въ одну изъ такихъ минутъ я ослабѣлъ-бы духомъ и соблазнился-бы, бросилъ-бы свое дѣло, пошелъ-бы въ городъ и сталъ-бы жить на готовыхъ хлѣбахъ. Даже Аделаида Петровна, моя квартирная хозяйка, и та совѣтовала мнѣ годикъ подождать и получить дипломъ. Да признаться, и въ мою душу закрадывались сомнѣнія. А что, думалось, какъ ты окажешься негоднымъ, тебя не поймутъ, не признаютъ? А теперь—сколько друзей,—цѣлая деревня друзей! Отлично. Я доволенъ. Нѣтъ, семь лѣтъ не пропали даромъ.

Но вдругъ лицо его покрылось чуть замѣтной тѣнью, и онъ продолжалъ уже не такимъ яснымъ и спокойнымъ голосомъ:

— Вчера тоже было семилѣтіе!

— Чему?—просто спросила Софья Андреевна.

— Развѣ не знаешь?

— Ахъ, да, это! Ты разстроенъ?

— Нѣтъ, чтожъ разстраиваться! Дѣло прошлое; только все же въ этомъ было много легкомыслія.

— Нѣтъ, не легкомыслія! Я не вижу въ этомъ легкомыслія! — мягко, но въ то же время очень убѣжденно возразила Софья Андреевна,—вы только оба были слишкомъ довѣрчивы.

— Слишкомъ? Но, къ счастью, это не оказалось слишкомъ. Довѣріе оправдалось съ обѣихъ сторонъ. Я не злоупотребилъ имъ, и меня тоже не безпокоили. Въ первыя недѣли приходилось что-то писать, подавать какія-то прошенія, затѣмъ съ тѣхъ поръ ничего. Но я говорю, что было легкомысліе относительно будущаго, относительно тебя и вотъ этихъ...

— Полно! — перебила его Софья Андреевна, — въ этомъ я больше всего цѣню твою непосредственность и простоту.

Digitized by Google

— Да, я тогда былъ слишкомъ молодъ, я не зналъ, что общая служба любимому дѣлу можетъ связать двухъ людей неразрывными узами, и тогда эти узы ничему не мѣшаютъ. Развѣ нашъ союзъ помѣшалъ чему нибудь? Развѣ дѣло отъ этого пошло хуже? Нѣтъ, лучше, гораздо лучше, стройнѣе, въ немъ стало больше жизни, больше души, потому что двое лучше, чѣмъ одинъ.

— Что до меня,—сказала Софья Андреевна,—то я довольна, я ничего больше не хочу, и не будемъ говорить объ этомъ. Намъ хорошо, и мы не имѣемъ права желать лучшаго.

Онъ поцѣловалъ ея руку и при этомъ замѣтилъ, что глаза ея были грустны. Онъ подумалъ: «такъ ли она чувствуетъ, какъ говоритъ? Мнѣ кажется, что она слишкомъ много думаетъ о моемъ спокойствіи!»

И онъ посмотрѣлъ вдаль въ томъ направленіи, куда шла деревенская улица. На разстояніи трехъ или четырехъ хатъ шелъ высокій мужикъ въ длинной сѣрой свиткѣ, въ большихъ сапогахъ. Онъ приближался къ школѣ. Кондратій Семеновичъ узналъ его,—это былъ десятскій.

— А вотъ и почту несутъ! — сказалъ онъ и поднялся, чтобъ пойти навстрѣчу десятскому, который несъ въ рукахъ свертокъ съ газетами и письмами. Собака тоже поднялась и пошла вслѣдъ за нимъ. Они встрѣтились съ десятскимъ, тотъ поздоровался и передалъ ему почту. Кондратій Семеновичъ, возвращаясь къ столу, просматривалъ поочередно адресы на письмахъ, стараясь по почерку узнать, отъ кого они. Все были знакомые почерки, но передъ однимъ онъ въ недоумѣніи остановился. Странныя, длинныя, сильно покосившіяся на бокъ буквы. Почтовый штемпель ничего не объяснилъ ему. Тамъ былъ обозначенъ губернскій городъ, въ которомъ у него было не мало знакомыхъ. И этому письму, какъ загадочному, конечно, было суждено быть распечатаннымъ раньше другихъ. Онъ раз-

Digitized by Google

вернулъ бумагу, взглянулъ на первую страницу и на подпись, которая была тутъ же. Въ первую минуту онъ ничего не понялъ, но сейчасъ же все въ головѣ его прояснилось, и сердце его забилось сильнѣе. Письмо состояло изъ нѣсколькихъ строчекъ и было подписано просто: «Дарья Григорьевна»,—безъ фамиліи.

Съ минуту онъ раздумывалъ, какъ поступить съ этимъ письмомъ,—показать ли его сейчасъ Софьѣ Андреевнѣ или отложить это на послѣ, чтобъ не портить такъ хорошо начавшійся вечеръ, или, быть можетъ, чтобъ не усиливать ту грусть, которая свѣтилась въ ея глазахъ. Но прежде надо было прочитать эти нѣсколько строчекъ. Онъ остановился, приблизилъ письмо къ глазамъ и прочиталъ:

«Глубокоуважаемый Кондратій Семеновичъ, еще одинъ разъ въ жизни я поставлена въ необходимость нарушить вашъ покой. Мнѣ это очень нужно; но если бы оказалось, что для васъ это очень тяжело, то вы откажите мнѣ. Но лучше не отказывайте. А просьба моя состоитъ въ томъ, чтобъ вы позволили мнѣ повидаться съ вами. Вотъ все. Прошу васъ назначить мнѣ день, когда бы я могла пріѣхать къ вамъ; я попросила бы васъ пріѣхать въ городъ, но знаю, что вы очень заняты и не можете оторваться отъ дѣла на цѣлый день. Въ всякомъ случаѣ простите, если это доставитъ вамъ нѣсколько тяжелыхъ минутъ. Дарья Григорьевна».

Въ самомъ низу стоялъ адресъ. Кондратій Семеновичъ былъ безконечно удивленъ, когда увидѣлъ, что тамъ названъ домъ Латугина, тотъ самый домъ, изъ котораго такъ стремилась уйти Дарья Григорьевна, и чему онъ помогъ.

Какъ ни старался онъ скрыть свое волненіе, но оно сквозило во всѣхъ его движеніяхъ, въ выраженіи лица, въ дрожаніи голоса. Вѣдь онъ ничего не умѣлъ скрывать отъ Софьи Андреевны,—и онъ это чувствовалъ, и ему вдругъ сдѣлалась стыдно, что онъ, хотя бы и съ благими намѣреніями, хотѣлъ что-то скрыть отъ нея. Онъ вынулъ письмо

Digitized by Google

изъ кармана, куда успѣлъ уже было его положить, и далъ ей.

— Право,—сказалъ онъ,—можно подумать, что было что-то роковое въ нашемъ разговорѣ пять минутъ тому назадъ! Вотъ прочитай!

Софья Андреевна прочитала письмо и молча положила передъ собой. Она не сразу высказалась, но въ лицѣ ея онъ не замѣтилъ ничего тревожнаго, ничего такого, что говорило бы о непріятномъ волненіи, о какомъ нибудь чувствѣ досады или безпокойствѣ. Затѣмъ она сказала:

— Это въ порядкѣ вещей! Если она страдала, если ея жизнь сложилась неудачно, то она ни къ кому другому не могла обратиться, какъ къ тебѣ.

— Почему? Мы такъ мало знали другъ друга.

— Но твой поступокъ по отношенію къ ней былъ, по всей вѣроятности, самымъ крупнымъ, самымъ значительнымъ изъ всѣхъ, какіе только она встрѣчала въ жизни; это непремѣнно такъ. Ты остался въ ея воспоминаніи, какъ человѣкъ, сдѣлавшій ей добро, и притомъ совсѣмъ безкорыстно, безрасчетно. Ты, можетъ быть, самое свѣтлое явленіе въ ея жизни. А въ трудныя минуты мы обыкновенно ищемъ въ своей памяти чего нибудь свѣтлаго, отраднаго и на этомъ воспоминаніи отдыхаемъ. Ты долженъ исполнить ея просьбу.

— Я это сдѣлаю,—отвѣтилъ онъ.

— Ты долженъ отвѣтить ей сейчасъ же. Поди въ комнату и напиши.

— Что я напишу ей?

— Напиши, что она можетъ пріѣхать къ тебѣ во всякое время, что ты готовъ сдѣлать для нее все, что въ твоихъ силахъ. Да вѣдь ты самъ знаешь. Вѣдь мы съ тобой обо всемъ думаемъ одинаково, и если бы ты взялъ въ руки перо, то непремѣнно написалъ бы точно такъ.

— Я такъ и сдѣлаю.

Digitized by Google

Онъ пошелъ въ домъ, написалъ письмо и тотчасъ же отправилъ его въ городъ.

V.

На другой день Кондратій Семеновичъ проснулся, по обыкновенію, очень рано,—часовъ въ пять, и отправился совершать свою обычную прогулку... Сперва онъ прошелся по полямъ, окружавшимъ село, затѣмъ пересѣкъ степную дорогу, дошелъ до огромнаго помѣщичьяго сада, похожаго скорѣе на лѣсъ, такъ какъ въ немъ совершенно отсутствовали фруктовыя деревья. Садъ былъ старый, насаженный еще въ тѣ времена, когда трудъ человѣческій ничего не стоилъ, и когда можно было для одного только удовольствія владѣльца засадить тополями, дубами, вербами нѣсколько десятковъ десятинъ земли. Кондратій Семеновичъ любилъ запущенныя аллеи этого сада и шагалъ по нимъ каждое утро вплоть до той поры года, когда съ деревьевъ опадали послѣдніе листья. Безъ этихъ утреннихъ прогулокъ онъ совсѣмъ не могъ обходиться. Онѣ сдѣлались его потребностью съ перваго же дня его прибытія въ Бултыхи. Если ему по какимъ нибудь непредвидѣннымъ обстоятельствамъ эта прогулка не удавалась, то онъ цѣлый день чувствовалъ, что ему какъ бы чего-то не достаетъ. Всѣ его воспоминанія, вся исторія его водворенія на новомъ мѣстѣ и приспособленія къ новымъ условіямъ — все это было тѣсно связано съ этими прогулками. Здѣсь онъ, оставаясь наединѣ и на полной свободѣ, оставаясь самъ съ собою, приводилъ въ порядокъ свои мысли и уяснялъ новыя впечатлѣнія. Здѣсь онъ набирался силъ на работу предстоящаго дня, здѣсь въ иныя минуты онъ переживалъ и колебанія и сомнѣнія, которыя однако жъ всегда кончались его побѣдой надъ ними.

До его назначенія сюда, въ этомъ большомъ селѣ, тянувшемся чуть не на нѣсколько верстъ въ длину, вовсе

Digitized by Google

не было школы. Такихъ селъ въ то время было немало. По всей Россіи лихорадочно возводились школьныя зданія, но приходилось разомъ строить ихъ столько, и такова была въ нихъ потребность, что цѣлые уѣзды должны были терпѣливо ждать своей очереди. Какимъ образомъ большое село, гдѣ были и торговыя лавки, и ярмарка, и два кабака, и волость, могло обходиться безъ школы? Развѣ не было потребности въ грамотѣ? Потребность, очевидно, была, но она удовлетворялась случайно. Заходили случайные учителя—изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, пропившихся лицъ духовнаго званія, проигравшихся въ карты и выгнанныхъ изъ полка офицеровъ. Не странно ли, что въ то время грамотность на Руси въ сильной степени распространялась такъ или иначе людьми, выброшенными изъ общества, и по тѣмъ или другимъ причинамъ считавшимися его негодными членами. Они дѣлали это, конечно, не изъ любви къ дѣлу, а просто потому, что надо было что нибудь ѣсть. Большею частью, они самое дѣло ненавидѣли и приступали къ нему съ зубовнымъ скрежетомъ. Но все равно,—все-таки не кто другой, какъ они, распространялъ грамотность въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще не было заведено организованныхъ школъ. Хотя противъ воли, гонимые только одной нуждой, тѣмъ не менѣе они приносили въ деревню кое-что изъ того, чему ихъ когда-то учили и что́ случайно у нихъ осталось въ памяти. Деревня довольствовалась и этимъ, потому что у нея ничего другого не было.

Кондратій Семеновичъ пріѣхалъ сюда, конечно, когда уже существовало новое школьное зданіе. Но онъ засталъ еще здѣсь доброхотнаго учителя, у котораго было десятка два учениковъ. Это былъ горбунъ, человѣкъ больной и совершенно невѣжественный. Откуда онъ получилъ свои познанія въ грамотѣ, неизвѣстно, но несомнѣнно, что и онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, благодаря своему

Digitized by Google

уродству, которые никакъ не могли пристроиться къ обществу. Въ немъ Кондратій Семеновичъ встрѣтилъ врага. Это было естественно, потому что новая школа прямо вырвала у него изо рта кусокъ хлѣба. Съ этимъ нельзя было не считаться. Новый учитель только взглянулъ на своего предшественника и понялъ, что ни на какой другой трудъ онъ не годится, и что пройти мимо него значило бы — пустить его по міру. И это было его первой задачей — устроить такъ, чтобы не лишить горбуна куска хлѣба. Грамотность этого человѣка была ужасна, а понятія, которыя онъ передавалъ дѣтямъ, были невѣроятны. Исторія о трехъ китахъ, на которыхъ стоитъ земля, была основой его міроученія, она передавалась, какъ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Если обитатели деревни когда либо разсказывали объ этомъ другъ другу, какъ сказку, то учитель заставилъ ихъ думать, что это такъ и есть въ дѣйствительности. Но въ виду его глубокой и непоколебимой убѣжденности во всѣхъ такого рода вещахъ, а также и въ виду его безпомощности, на него рука не подымалась. Кондратій Семеновичъ прежде всего задумался надъ вопросомъ, какимъ образомъ дать ему хлѣбъ. Онъ предложилъ ему остаться при школѣ чѣмъ-то вродѣ помощника, хотя заранѣе далъ себѣ слово никогда не пользоваться его помощью въ дѣлѣ обученія дѣтей. У горбуна были въ селѣ большія связи, и ему ничего не стоило выхлопотать себѣ у общества харчи и кое-какое грошевое жалованье. Такимъ образомъ судьба его устроилась недурно. Но это-то обстоятельство и зародило въ головѣ его горделивыя мысли: онъ мечталъ о томъ, чтобы какъ нибудь спихнуть съ мѣста учителя и забрать школу въ свои руки. Это, разумѣется, была нелѣпая мечта, но горбунъ слишкомъ мало зналъ условія новой жизни, которая только начала проникать въ село и первымъ лучомъ которой, быть можетъ, былъ Кондратій Семеновичъ, — и замышлялъ это.

Digitized by Google

очень серьезно. Съ новымъ учителемъ онъ хотѣлъ бороться, конечно, своими средствами.

Какъ-то былъ урокъ, на которомъ Кондратій Семеновичъ объяснялъ своимъ школьникамъ, что такое земля, солнце, луна, звѣзды, какъ они движутся и отчего. Горбунъ присутствовалъ на этомъ урокѣ. Это былъ его конекъ, и потому впродолженіе всего урока саркастическая усмѣшка не сходила съ его губъ.

— Вы, кажется, не вѣрите во все это?—сказалъ ему Кондратій Семеновичъ.—У васъ такой видъ.

— Да-съ,—отвѣтилъ горбунъ,—это все не такъ-съ.

— А какъ же по-вашему?

— А вотъ какъ-съ!

Онъ отправился въ свой чуланъ, въ которомъ была его постель и сундукъ, и вынесъ оттуда книгу—толстую, квадратную, въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, напечатанную какимъ-то раскольничьимъ шрифтомъ, дюймовыми буквами (хотя самъ онъ никогда не былъ раскольникомъ): въ этой книгѣ разсказывались всевозможныя небылицы на счетъ тѣхъ самыхъ предметовъ, о которыхъ Кондратій Семеновичъ бесѣдовалъ съ дѣтьми. Въ особенности здѣсь напиралось на трехъ китовъ, которые были краеугольнымъ камнемъ этого своеобразнаго ученія и міросозерцанія самого горбуна.

— Полноте! — началъ было убѣждать его Кондратій Семеновичъ,—вѣдь это все сказки, ни на чемъ не основанныя, все это нелѣпость, которой не слѣдуетъ вѣрить. Вѣдь въ этомъ нѣтъ смысла.

И онъ началъ было доказывать ему, что земля никоимъ образомъ не можетъ держаться на китахъ, но очень скоро увидѣлъ, что предпринялъ совершенно безполезное дѣло.

— Но вѣдь это же я не съ вѣтру-съ! — возражалъ

Digitized by Google

горбунъ,—это напечатано... нелѣпость напечатать не могутъ. Тутъ даже цензура-съ проставлена!..

Кондратій Семеновичъ махнулъ на него рукой. Но горбунъ не удовольствовался этимъ теоретическимъ состязаніемъ, а написалъ по начальству своимъ оригинальнымъ стилемъ, лишеннымъ всякихъ признаковъ грамотности,—написалъ, что новый учитель распространяетъ безбожное ученіе о томъ, что земля будто бы вертится вокругъ солнца, и что солнце больше земли. Само собою разумѣется, что начальство посмотрѣло на это правильно и прислало Кондратію Семеновичу запросъ: какимъ образомъ этотъ человѣкъ попалъ къ нему въ школу и на какомъ основаніи онъ позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ школьныя дѣла? Кондратій Семеновичъ отписалъ, насколько могъ мягко, стараясь всячески защитить озлобленнаго горбуна, а его самого перевелъ на другую должность. Онъ оставилъ его при школѣ, но уже не въ званіи своего помощника, а сторожемъ. Горбунъ былъ очень оскорбленъ этимъ, но больше уже не дѣлалъ попытокъ свергнуть учителя, и года черезъ два умеръ отъ огорченія и множества болѣзней, которыя сопровождали всю его жизнь.

Школа, въ томъ видѣ, какъ ее поставилъ Кондратій Семеновичъ, была въ селѣ дѣломъ совершенно новымъ, а обыватели села ко всему новому относились осторожно и недовѣрчиво; поэтому въ первое время у него было совсѣмъ мало учениковъ, и каждаго новаго приходилось ему почти завоевывать, но онъ дѣйствовалъ энергично. Онъ весь съ головой ушелъ въ это дѣло. Онъ ходилъ по домамъ, знакомился съ хозяевами и, чуть завидитъ, что въ домѣ есть мальчуганъ, тотчасъ же заведетъ рѣчь:

— Вотъ этого мужчину,—говорилъ онъ своимъ шутливымъ тономъ,—слѣдовало бы грамотѣ поучить.

— Да, оно, конечно, слѣдовало бы, — отвѣчалъ хозяинъ:—чтожъ, оно, извѣстно, грамота дѣло хорошее!..

Digitized by Google

— Ну, такъ зачѣмъ же остановка?

— Да ни зачѣмъ... Такъ, можетъ подождать еще съ годикъ, пускай еще побѣгаетъ на волѣ... Да и при хозяйствѣ надобенъ бываетъ...

Кондратій Семеновичъ очень хорошо понималъ, что это просто отговорки, что отъ него хотѣли какъ нибудь отдѣлаться. Хохлы народъ тяжелый на подъемъ, они сходятся съ людьми туго и ко всякому дѣлу долго подготовляются. Но онъ дѣйствовалъ настойчиво, повторялъ свои визиты и изъ десяти по крайней мѣрѣ пріобрѣталъ одного.

Сойтись поближе съ мужиками ему помогли двѣ черты его характера, которыя всѣмъ бросались въ глаза и въ тѣхъ мѣстахъ очень цѣнились. Въ деревнѣ всякій, кто только одѣвался не въ свитку, непремѣнно начиналъ изображать изъ себя начальство. Духовное лицо, писарь, приказчикъ, конторщикъ, все это были люди, которые требовали, чтобы мужикъ передъ ними снималъ шапку, былъ почтителенъ и предоставлялъ имъ всякія преимущества. Одно время въ селѣ былъ даже кузнецъ, который причислялъ себя къ этого рода высшимъ существамъ. Когда онъ покидалъ свои мѣхи и молоты и выходилъ изъ кузницы, то любилъ пофрантить. Онъ явился сюда изъ города и вывезъ оттуда пиджакъ и фуражку съ плисовымъ околышкомъ. Это давало ему право покрикивать на мужиковъ, говорить имъ: «ей, ты, что стоишь, разинувъ ротъ? Пошелъ съ дороги!» Кондратій Семеновичъ избѣгалъ этого пуще огня. У него и въ натурѣ не было этихъ наклонностей, но онъ, кромѣ того, зналъ, что мужикъ подозрителенъ, и потому даже нѣсколько преувеличивалъ свою природную простоту и скромность. Когда мужикъ или баба, принимая во вниманіе его пиджачную пару, соломенную шляпу и званіе учителя, при встрѣчѣ съ нимъ снимали шапку и низко кланялись, Кондратій Семеновичъ тоже спѣшилъ снять свою шляпу и кланялся еще ниже.

Digitized by Google

Точно также всякій, не одѣвавшійся въ свитку и смазные чоботы, считалъ себя вправѣ выпрашивать у мужиковъ все, что только попадется ему на глаза. На это существовали установленныя формы,—ѣздили по деревнѣ, по хуторамъ, съ повозками, съ боченкомъ водки, угощали мужиковъ и за это требовали то мѣрку жита, то поросенка, то десятокъ яицъ, то курицу,—кому что надо и смотря потому, что попадалось на глаза. Кондратій Семеновичъ жилъ исключительно на свое учительское жалованье и отказывался даже отъ добровольныхъ приношеній, къ которымъ пріучили мужиковъ его случайные предшественники.

Все это было такъ ново, что сразу выдѣлило его изъ ряда другихъ и внушило къ нему нѣкоторое довѣріе. Но все же года два ему приходилось очень трудно, дѣло шло туго, его обученію почему-то не довѣряли. Наконецъ, къ нему приглядѣлись и стали замѣчать, что грамота, которую получаютъ дѣти въ школѣ, приноситъ пользу, стали замѣчать разницу между грамотнымъ и неграмотнымъ и стали посылать въ школу не только мальчиковъ, но и дѣвочекъ. Въ началѣ третьяго года наплывъ учениковъ былъ такъ великъ, что пришлось расширить зданіе школы. Кондратій Семеновичъ выхлопоталъ себѣ второй классъ, и ему прислали помощницу.

Софья Андреевна Безсонова явилась къ нему совершенно новичкомъ въ школьномъ дѣлѣ. Это была ея первая школа. Молодая, недурная собой, избалованная прежнею жизнью, она ничего не умѣла и совсѣмъ не была подготовлена къ дѣлу. Она прямо объявила, что явилась сюда не изъ любви къ дѣлу, что самое дѣло находитъ скучнымъ, неинтереснымъ, а что пригнала ее сюда нужда... Отецъ ея былъ бухгалтеромъ при какомъ-то большомъ торговомъ предпріятіи, зарабатывалъ много и все проживалъ; умеръ, не оставивъ дѣтямъ ни одного рубля. Были кой-какія связи, доставившія ей на первое время мѣсто младшей учительницы.

Digitized by Google

Работа раздражала ее; въ ней было что-то желчное, нетерпимое, держалась она особнякомъ, совсѣмъ не признавала Кондратія Семеновича, говорила съ нимъ вызывающимъ тономъ и глядѣла на него насмѣшливо. Онъ въ самомъ дѣлѣ казался ей угловатымъ, нелѣпымъ и смѣшнымъ. И дѣйствительно, по внѣшности онъ былъ таковъ, онъ не выдерживалъ ни малѣйшаго сравненія съ тѣми молодыми людьми, которые въ городѣ, при жизни отца, бывали у нихъ въ домѣ и съ которыми она привыкла проводить время. А онъ на это не обижался и говорилъ ей съ своей широкой добродушной улыбкой:

— Эхъ, барышня, что сердиться? Мы съ вами избранники, многіе намъ позавидовали бы. Вы только посмотрите, при какомъ мы съ вами святомъ дѣлѣ состоимъ! Тутъ что важно? То, что если даже и не хочешь, то все же будешь полезенъ. Вотъ что важно, а вы сердитесь! Эхъ, барышня!

Его добродушіе совершенно обезоруживало ее. Какъ она ни сторонилась отъ него, какъ ни старалась замкнуться въ себя, а незамѣтно присматривалась къ нему и, наконецъ, разглядѣла этого взрослаго ребенка, прямого, простого и безкорыстно преданнаго святому дѣлу. Трудно было ей, постоянно, на каждомъ шагу сталкиваясь съ нимъ на одномъ и томъ же дѣлѣ, долго выдержать свою суровость по отношенію къ этому непоколебимому добродушію. Она познакомилась съ нимъ ближе и узнала, что онъ оставилъ университетъ наканунѣ самаго выпуска, и задумалась надъ этимъ. Задумавшись разъ, она стала останавливаться и надъ другими вопросами, на которые наводилъ ее этотъ человѣкъ. Она задумалась и надъ его словами о «святомъ дѣлѣ» и какъ-то незамѣтно для себя самой смирилась. Скоро и мысли ея приняли другое направленіе, и въ жизни она стала искать чего-то другого, непохожаго на то, чего искала прежде. «Да,—думала она,—люди оттого несправедливы и злы, что Богъ далеко отъ нихъ, что онъ не съ ними. Вотъ

Digitized by Google

этотъ человѣкъ... въ немъ живетъ Богъ, и отъ этого при немъ становишься лучше». Скоро и она сама, глядя на то, съ какимъ вдохновеніемъ онъ отдается своему скромному и простому дѣлу,—обученію дѣтей уму-разуму,—и сама увлеклась и вся отдалась тому же дѣлу. Она какъ бы заразилась его искренностью. А тутъ уже недолго было и до личной близости. Двое одинокихъ и въ то же время живущихъ рядомъ, у нихъ общее дѣло и общая любовь къ нему. Она, разумѣется, узнала самое главное, что было въ его жизни; между прочимъ онъ разсказалъ ей и о своемъ вѣнчаніи съ Дарьей Григорьевной. Она выслушала этотъ разсказъ и, не промолвивъ ни слова, подала ему руку.

— Вы и тутъ поступили, какъ взрослый ребенокъ!— сказала она ему потомъ.

Есть удивительныя натуры, которыя всегда остаются чистыми, въ какую бы грязь ни заставила ихъ окунуться жизнь. Это—алмазныя натуры. Софьѣ Андреевнѣ казалось, что къ такимъ натурамъ принадлежитъ онъ.

Но передъ тѣмъ, какъ рѣшить вопросъ объ окончательномъ сближеніи, Кондратій Семеновичъ пережилъ не мало мучительныхъ сомнѣній и думъ. Онъ задавалъ себѣ вопросъ о томъ, имѣетъ ли онъ на это право, можетъ ли онъ дать ей тотъ покой, который далъ бы ей всякій другой человѣкъ.

— Вѣдь у насъ могутъ быть дѣти!—говорилъ онъ ей.— Ихъ положеніе будетъ особенное...

— Мы постараемся, чтобы они были честными людьми!—отвѣтила на это Софья Андреевна.

И этимъ отвѣтомъ было рѣшено все.

VI.

Съ этого времени у нихъ начали устанавливаться новыя отношенія къ окружающимъ. Кондратій Семеновичъ, съ головой ушедшій въ свое дѣло, конечно, ничего не видѣлъ и не замѣчалъ, но Софья Андреевна недаромъ была

Digitized by Google

молчалива, отъ ея внимательнаго взгляда не ускользало ничто. Впрочемъ, ничего и не было такого очевиднаго, что могло бы бросаться въ глаза, все это было необыкновенно тонко и едва сквозило во взглядахъ, намекахъ и словахъ.

Могъ ли, напримѣръ, замѣтить Кондратій Семеновичъ такую тонкость, какъ то обстоятельство, что старый батюшка, который относился къ нему и Софьѣ Андреевнѣ съ большимъ уваженіемъ, въ ихъ присутствіи тщательно избѣгалъ говорить о брачной жизни? Со стороны батюшки это была своего рода деликатность. Когда заходила объ этомъ рѣчь, онъ какъ-то вдругъ замолкалъ и вздыхалъ при этомъ, или же перемѣнялъ разговоръ такъ поспѣшно и неловко, что надо было быть такимъ ненаблюдательнымъ, какъ Кондратій Семеновичъ, чтобъ не обратить на это вниманія.

Матушка держалась другихъ пріемовъ; она не пропускала случая сказать съ видомъ искренняго соболѣзнованія: конечно, ваше такое положеніе... и, не докончивъ фразы, она договаривала ее выразительнымъ взглядомъ. Или подойдетъ къ дѣтямъ, сочувственно посмотритъ на нихъ, погладитъ по головкѣ, и ни съ того ни съ сего скажетъ: «ахъ, бѣдняжки!»

Въ сущности, все это было, разумѣется, неважно, и всѣ эти люди несомнѣнно относились къ нимъ искренно; они только не умѣли выразить своего сочувствія, но это слишкомъ близко касалось Софьи Андреевны, и она часто задумывалась. Съ Кондратіемъ Семеновичемъ она никогда не рѣшилась бы заговорить объ этомъ. Боже сохрани! Прежде всего, это было безполезно, потому что перемѣнить положеніе на другое было не въ его власти, и потомъ это омрачало бы его ясную душу; но эти маленькіе уколы—ежедневные, непрерывные, въ видѣ особыхъ, какъ бы нарочно для нихъ изобрѣтенныхъ, взглядовъ, вздоховъ

Digitized by Google

и тихихъ восклицаній, хотя ими и хотѣли выразить сердечное расположеніе, были ей горьки. Они всякій разъ заставляли ее обращать вниманіе на разницу между своими дѣтьми и другими. Но были случаи, которые заставляли ее испытывать болѣе реальное горе. Люди, знавшіе ихъ съ того времени, какъ они поселились здѣсь, и потому знакомые съ ихъ положеніемъ, по крайней мѣрѣ, стѣснялись и сдерживались въ ихъ присутствіи, но люди новые, заставшіе ихъ уже живущими вдвоемъ и съ дѣтьми и еще не успѣвшіе достаточно ознакомиться съ мѣстными сплетнями, иногда противъ желанія попадали въ самое больное мѣсто. И былъ такой случай, который заставилъ даже Кондратія Семеновича упасть на землю съ своей идеальной высоты.

Въ село назначенъ былъ новый псаломщикъ, человѣкъ молодой, недавно кончившій семинарію, не злой, но и не умный. У него была семья, и ему все не везло съ прислугой. Въ особенности онъ былъ недоволенъ деревенской нравственностью. Какъ-то собралось общество у батюшки, были тамъ Кондратій Семеновичъ и Софья Андреевна, и такъ какъ здѣсь былъ и псаломщикъ, то роковымъ образомъ рѣчь зашла о прислугѣ.

— Можете себѣ вообразить,—съ негодованіемъ разсказывалъ псаломщикъ,—наша-то Ѳедосья, вѣдь она дѣвка, и вдругъ, представьте себѣ, оказалась въ такомъ положеніи! И ужъ это оказывается у нея второй. Ну, нечего сказать, хороша здѣсь нравственность, а я еще такъ много наслышался о деревенской добродѣтели! Понятно, чего можно ожидать отъ такого народа.

Софья Андреевна поблѣднѣла и нахмурила брови. Кондратій Семеновичъ замѣтилъ это. Собственно говоря, онъ почти забылъ уже, что самъ онъ въ особомъ положеніи, онъ такъ свыкся съ своею жизнью, что не находилъ въ ней ничего ненормальнаго, но тутъ онъ вспомнилъ все и

Digitized by Google

противъ своего обыкновенія, даже, какъ казалось, въ противность своему характеру, вскипѣлъ.

— Тутъ нѣтъ ничего смѣшного! — замѣтилъ онъ нѣсколько рѣзкимъ тономъ.

— Почему же-съ? — спросилъ псаломщикъ, который вообще не любилъ возраженій, считая каждое изъ нихъ оскорбленіемъ своему самолюбію. У него было большое и больное самолюбіе.

— Потому, что вамъ самимъ приходится иногда жать руку такимъ людямъ! — отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ.

Софья Андреевна встала и промолвила презрительно и гордо: — но больше ужъ не придется!

И она сейчасъ же вышла въ другую комнату.

Псаломщикъ не понялъ, въ чемъ дѣло, и продолжалъ добиваться:

— Но отчего же, отчего? Я, право, не понимаю-съ!

— Это очень просто: моя жена со мной не обвѣнчана.

Псаломщикъ былъ обиженъ уже нѣсколько больше, чѣмъ онъ могъ допустить, и потому сильно былъ расположенъ къ дерзостямъ. Онъ сказалъ:

— А если не повѣнчана, то, значитъ, и не жена-съ.

Батюшка счелъ своимъ долгомъ вступиться въ качествѣ хозяина и добраго знакомаго Софьи Андреевны:

— Но позвольте, — сказалъ онъ тономъ благоразумія, — бываютъ особыя положенія. Такъ судить невозможно. Конечно, съ точки зрѣнія религіи подобный союзъ не одобряется, но человѣкъ слабъ, и не вамъ, какъ лицу, готовящемуся въ пастыри, не знать того, что часто приходится быть снисходительнымъ къ слабостямъ человѣческимъ...

Псаломщикъ, услышавъ такую отповѣдь отъ батюшки, который былъ его начальствомъ, поспѣшилъ пойти назадъ; онъ старался придать своимъ словамъ другой смыслъ, объяснялъ ихъ незнаніемъ, но впечатлѣніе было произведено. Послѣ этого онъ долго не заходилъ въ школу, но однажды

Digitized by Google

явился и чуть не плача попросилъ у Софьи Андреевны извиненія. Она простила, и онъ сталъ у нихъ частымъ гостемъ, а потомъ сдѣлался добрымъ пріятелемъ.

Мужики въ это время уже безповоротно прониклись къ Кондратію Семеновичу и Софьѣ Андреевнѣ безконечнымъ уваженіемъ и довѣріемъ и потому прощали имъ все, что бы они ни сдѣлали. Иные прямо спрашивали у него:

— А что не вѣнчаетесь, Кондратій Семеновичъ?

— Нельзя,—отвѣчалъ онъ,—вѣнчанъ съ другой!

— А! экое жалкое дѣло! Ну, что-жъ, это бываетъ, тутъ и Богъ проститъ!

И вся деревня какъ-то молчаливо, безъ всякаго уговора, признавала Кондратія Семеновича и Софью Андреевну съ дѣтьми «семьей», про Софью Андреевну говорили: «учителева жена», а про дѣтей ихъ говорили: «учителевы дѣти».

Одно время была опасность со стороны начальства. Былъ назначенъ новый инспекторъ, неизвѣстно откуда взявшійся, но, повидимому, съ большимъ вліяніемъ, потому что онъ былъ слишкомъ молодъ для этого мѣста. Человѣкъ онъ былъ необыкновенно крикливый по части морали, всюду и всѣмъ объявлялъ, что у него въ округѣ нравственность прежде всего, и что онъ не потерпитъ никакихъ отступленій. Съ Кондратіемъ Семеновичемъ у него вышелъ разговоръ.

— Я слышалъ,— строго сказалъ инспекторъ,—что вы находитесь въ незаконномъ сожительствѣ съ учительницей Безсоновой.

— Мнѣ кажется, что это не относится къ моимъ школьнымъ обязанностямъ,—рѣзко отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ.

— Но, однако же, вы можете подать дурной примѣръ...

— Развѣ вы видите среди моихъ учениковъ что нибудь дурное? Если да, то вы можете на это сослаться...

— Я не могу допустить,—еще болѣе строго продолжалъ инспекторъ,—чтобы мѣсто учительницы занимала дѣвица, которая...

Digitized by Google

— О которой я не позволю вамъ говорить въ этомъ смыслѣ, милостивый государь!—грубо оборвалъ его Кондратій Семеновичъ.

— А, не позволите говорить? Въ такомъ случаѣ я буду дѣйствовать...

— Только не забудьте, господинъ инспекторъ, дѣйствовать по закону и по совѣсти.

Разумѣется, инспекторъ уѣхалъ съ рѣшимостью устроить дерзкому учителю что нибудь самое скверное изъ всего, что было въ его распоряженіи, а Кондратій Семеновичъ цѣлую недѣлю ходилъ совершенно разстроенный: «вотъ,—говорилъ онъ,—шесть лѣтъ боролся, достигалъ и, наконецъ, достигъ многаго, и этотъ случайный человѣкъ, которому въ сущности нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до просвѣщенія, все можетъ разрушить однимъ взмахомъ. Это тяжело. Тяжело, когда посторонній человѣкъ вооруженъ правомъ забираться въ твою душу и забрасывать грязью твою святыню».

Но случилась странная вещь. Какъ разъ въ это время надъ «моральнымъ инспекторомъ», какъ его называли, вдругъ стряслась бѣда. Его необыкновенно быстро куда-то убрали и при такихъ обстоятельствахъ, что онъ позабылъ о своемъ намѣреніи «дѣйствовать»; ему было не до этого. Такъ это и прошло безслѣдно. Его преемникъ былъ человѣкъ мягкій и деликатный; онъ старался вникать въ сущность человѣческихъ отношеній и дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Такимъ образомъ Кондратія Семеновича спасла какая-то непредвидѣнная случайность. Только благодаря ей, онъ уцѣлѣлъ на своемъ мѣстѣ.

Никто изъ окружающихъ видимо не оскорблялъ ихъ, всѣ старались въ ихъ присутствіи обходить этотъ вопросъ, но Софья Андреевна очень хорошо видѣла, что они именно стараются объ этомъ, и иногда даже невольно преувеличивали. Все это вмѣстѣ было единственное, что омрачало

Digitized by Google

ея жизнь и отражалось также на Кондратіи Семеновичѣ. При этомъ она часто задумывалась о времени, когда дѣти выростутъ, и ихъ придется отдавать въ школу. Время это было не за горами, а вѣдь тогда могутъ наступить обиды и для нихъ. Это ужъ было совсѣмъ горько.

Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ оба они считали себя какъ бы образцами счастья. Ихъ средства были ничтожны, но потребности еще меньше. Все у нихъ было просто и незатѣйливо до послѣдней степени, но они этого не замѣчали. Оба они были такъ созданы, что придавали значеніе только внутреннимъ, душевнымъ отношеніямъ.

Но нѣтъ такого положенія, съ которымъ не свыкся бы человѣкъ, и они свыклись съ своимъ единственнымъ горемъ, и каждый переживалъ его молча. Они никогда не говорили о немъ.

VII.

И вотъ это письмо вдругъ напомнило разомъ обо всемъ. Странное положеніе! Былъ въ его жизни всего на всего одинъ такой день, когда они увидѣлись. Они сказали другъ другу по сотнѣ словъ, это самое большее. Потомъ не встрѣчались больше ни разу втеченіе семи лѣтъ. Каждый жилъ своей особой жизнью, у каждаго были свои интересы, своя борьба, ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ потребности въ томъ или другомъ смыслѣ обратиться къ другому, каждый жилъ на свой страхъ и на свою совѣсть, и вдругъ оказывается, что между ними все таки есть какая то связь.

Онъ припоминалъ теперь обстоятельства, которыя произошли послѣ вѣнчанія. Когда онъ уѣхалъ на пароходѣ изъ губернскаго города, то вслѣдъ ему въ тотъ же день уже было послано отъ Зуброва письмо. Оказалось, что онъ забылъ самое главное, — брачное свидѣтельство, безъ котораго нельзя было ни о чемъ хлопотать. Онъ досталъ ей паспортъ на три года и отослалъ и затѣмъ уѣхалъ на свое

Digitized by Google

новое мѣсто, въ полной увѣренности, что теперь оставятъ его въ покоѣ. Но черезъ недѣлю опять получилъ извѣстіе отъ Зуброва и при томъ самаго тревожнаго свойства. Старикъ Латугинъ поднялъ тревогу, поѣхалъ къ губернатору и даже, кажется, къ архіерею. Посыпались и въ нему оффиціальные запросы, въ которыхъ ясно намекалось на то, что бракъ его съ дѣвицей Латугиной имѣетъ явно злонамѣренный характеръ. Кажется, его подозрѣвали въ намѣреніи разбогатѣть на счетъ купца Латугина. Его спрашивали, почему онъ женившись предоставилъ женѣ жить отдѣльно, тогда какъ у него есть постоянное мѣстожительство. Онъ не зналъ, что съ этимъ дѣлать, и потребовалъ отъ Зуброва подробныхъ инструкцій. Онъ получилъ ихъ и отвѣтилъ. Вообще, это доставило ему много непріятныхъ волненій. «Тесть» присылалъ ему угрозы, требованія развода и всякаго рода оскорбленія. Но тутъ уже ему было предписано Зубровымъ, чтобъ онъ молчалъ, какъ могила, и онъ добросовѣстно молчалъ. Потомъ все вдругъ затихло. Отъ Зуброва онъ получилъ извѣстіе, что Дарья Григорьевна взяла мѣсто учительницы въ предмѣстьѣ, и онъ сказалъ себѣ: «ну, и слава Богу!» —и скоро забылъ обо всей этой исторіи.

Года два послѣ этого онъ, погруженный въ свое дѣло, ни разу не ѣздилъ въ губернскій городъ, но вотъ онъ получилъ приглашеніе на учительскій съѣздъ и поѣхалъ туда. У него явилось желаніе розыскать своихъ старыхъ товарищей, но нашлись очень немногіе, остальные разбрелись по свѣту. Зуброва онъ совсѣмъ не нашелъ и узналъ про него печальныя вещи. Послѣ того, какъ они разстались, онъ долго еще велъ страшную борьбу съ нуждой, семейство его еще увеличилось, и, наконецъ, онъ не выдержалъ и умеръ,—чахотка просто таки съѣла его.

У него была странная встрѣча. Онъ шелъ по главной городской улицѣ и встрѣтился лицомъ къ лицу съ франтовато одѣтымъ, красивымъ и довольно представительнымъ

Digitized by Google

господиномъ, взглянулъ на него и узналъ въ немъ Постромкина. Что онъ былъ одѣтъ франтомъ, въ этомъ Чепуренко не находилъ ничего страннаго, — у Постромкина всегда и прежде была склонность къ франтовству. Это была его слабость, а это право каждаго — имѣть слабости; но Постромкинъ пристально взглянулъ ему въ лицо и отвернулся въ тотъ самый моментъ, когда Кондратій Семеновичъ поднесъ руку къ шляпѣ, чтобы приподнять ее, и готовъ уже былъ раскрыть объятія. Это показалось ему необъяснимымъ; онъ обернулся и долго стоялъ на мѣстѣ, глядя вслѣдъ удалявшемуся Постромкину.

Была и другая встрѣча: Анчурову онъ нашелъ почти безъ перемѣны. Такое же короткое прямое платье, такая же шапочка, похожая на мужскую, такой же суетливый видъ, все это было попрежнему, и такъ же, какъ прежде, она была красива, только слегка похудѣла и поблѣднѣла.

— Что жъ вы теперь дѣлаете? — спросилъ ее Кондратій Семеновичъ.

— Въ Петербургъ собираюсь, на медицинскіе курсы,— отвѣтила Анчурова.

— Вотъ какъ! Что-жъ, это хорошо. А развѣ вы не замужемъ?

— Почему же вы думаете, что я должна быть замужемъ?

— Да такъ. Вѣдь тогда былъ разговоръ, помните? Вы собирались за Постромкина.

Анчурова какъ то вся вскипѣла и замахала на него руками.

— Ахъ, пожалуйста, не напоминайте мнѣ о немъ! Это такой негодяй, такой негодяй... Я не желала бы, чтобы вы съ нимъ встрѣтились!

— Да я и такъ встрѣтился съ нимъ, но только онъ меня не узналъ.

— Еще бы! Онъ теперь никого не узнаетъ.

Digitized by Google

— Да что же съ нимъ? Почему это такъ вдругъ?

— Да просто негодяй, и только всего. Я всегда это подозрѣвала, но не была увѣрена. Онъ вѣдь очень ловкій, этотъ Постромкинъ. Да вѣдь не я одна, а всѣ ошибались въ немъ...

Такъ Чепуренко и не добился отъ нея, въ чемъ заключается негодяйство Постромкина. Онъ впрочемъ особенно и не добивался. Что онъ на ней не женился, это было очевидно, но Анчурова едва ли была способна за одно только это произвести человѣка въ негодяи. Было, очевидно, еще что нибудь. Но очевидно было также и то, что самой Анчуровой объяснять это непріятно. Онъ разстался съ нею, пожелавъ ей успѣха въ Петербургѣ.

Года черезъ два ему опять пришлось быть въ губернскомъ городѣ. Тутъ онъ узналъ, что Постромкинъ занимается адвокатурой, что у него большая практика, что живетъ онъ очень широко. Но отъ этого было еще слишкомъ далеко до негодяя. Вѣдь многіе такъ живутъ и умѣютъ при этомъ сохранять порядочность. Нельзя требовать, чтобы всѣ отказались отъ личнаго блага. А больше ничего онъ не узналъ про Постромкина.

Въ губернскомъ городѣ у него пошли совсѣмъ новыя знакомства, изъ другого міра, и тотъ старый міръ пересталъ интересовать его. Въ сущности что же и связывало его съ тѣмъ міромъ? Что было тамъ въ немъ такого, что могло бы привязывать его къ себѣ? Большею частью тамъ были все одни только слова да слова.

О Дарьѣ Григорьевнѣ онъ не слышалъ и никого не разспрашивалъ. Почему онъ долженъ былъ интересоваться ею? Они встрѣтились случайно и, можетъ быть, никогда больше не встрѣтятся.

Весь этотъ день онъ чувствовалъ, что нервы его какъ-то необычно напряжены. Что-то такое постороннее ворвалось въ его жизнь, которая текла такъ тихо и мирно.

Digitized by Google

Онъ разсчитывалъ, что письмо можетъ быть получено сегодня утромъ, и что если въ самомъ дѣлѣ у Дарьи Григорьевны есть такое спѣшное дѣло, то она, пожалуй, можетъ къ вечеру пріѣхать. И онъ готовился къ этой встрѣчѣ съ какимъ-то тревожнымъ чувствомъ.

Занятія въ школѣ шли своимъ чередомъ. Софья Андреевна, казалось, не думала о предстоящемъ визитѣ; она только была сдержаннѣе и молчаливѣе, чѣмъ всегда. Онъ между дѣломъ посматривалъ на нее и думалъ: «она страдаетъ. Это заставляетъ ее думать о дѣтяхъ, я знаю!» Она тоже наблюдала за нимъ и думала: «онъ мучится. Онъ думаетъ обо мнѣ».

Въ то же время она была озабочена вопросомъ о томъ, гдѣ помѣстить гостью, и на чемъ она будетъ спать.— Вѣдь если она пріѣдетъ сегодня вечеромъ, то должна будетъ ночевать здѣсь!—говорила она.

— Почему же?

— Но куда же ей дѣваться ночью? Если она рѣшается пріѣхать и нуждается въ этомъ послѣ семи лѣтъ разлуки, то, по всей вѣроятности, дѣло ея заключается не въ двухъ словахъ.

И она придумала какую-то импровизированную постель для себя, а свою рѣшила поставить въ школьной комнатѣ для Дарьи Григорьевны. Вѣдь у нихъ въ домѣ не было рѣшительно ничего лишняго, всего было ровно столько, сколько было необходимо.

— Только жаль, что ей придется завтра рано вставать!—озабоченно соображала она:—вѣдь школьники собираются къ семи.

— Завтра праздникъ!

— Ахъ, да! а послѣзавтра воскресенье,—два праздника подъ рядъ!

И вмѣсто того, чтобы обрадоваться этому, какъ это непремѣнно было бы въ обыкновенное время, она произ-

Digitized by Google

несла послѣднія слова съ видимою грустью. Два праздника подъ рядъ,—это такъ рѣдко случается, и они пропадутъ, эти праздники. Въ праздникъ они обыкновенно забирали съ собой провизію и съ утра на цѣлый день отправлялись въ самый конецъ сада, версты за четыре отъ села. Здѣсь садъ уже совсѣмъ походилъ на лѣсъ, въ немъ не было даже запущенныхъ аллей, а все росло дико, на полной свободѣ. Къ нимъ присоединялось нѣсколько мальчишекъ и дѣвочекъ, и цѣлый день не прекращалась веселая бѣготня и смѣхъ. Школьники ходили съ ними поочереди. Вотъ ужъ и теперь, когда кончались занятія, тамъ среди этихъ пестрыхъ головъ съ непокорными шевелюрами замѣтно было волненіе, и можно было разслышать шепотъ. Гадали о томъ, кто пойдетъ завтра въ лѣсъ, а кто послѣзавтра. Школьники обожали эти экскурсіи.

— А кому завтра будетъ идти?—спросилъ наконецъ одинъ изъ школьниковъ, изъ болѣе бойкихъ. Онъ обратился къ Софьѣ Андреевнѣ, которая обыкновенно распоряжалась этими экскурсіями.

Софья Андреевна задумалась и какъ бы нѣсколько смутилась.—Завтра... Завтра, дѣти... Я не знаю, пойдемъ ли... Впрочемъ, можетъ быть, только со мной! — прибавила она, взглянувъ на Кондратія Семеновича.—Я завтра сама зайду за вами...

Школьники переглянулись: они никогда еще не видѣли въ ея глазахъ такого неспокойнаго блеска, и не понимали, что это значитъ. Она назначила, кому на всякій случай завтра утромъ быть дома. Въ сущности ничего важнаго не случилось, а между тѣмъ всѣ переживали какое-то тревожное состояніе. И вотъ даже дѣти испытывали лишеніе.

Дѣти еще были въ школѣ и кончали занятія, когда къ воротамъ подъѣхалъ верховой. Оказалось, что это раз-

Digitized by Google

сыльный изъ ближайшей телеграфной станціи, отстоявшей верстахъ въ десяти. Онъ привезъ Кондратію Семеновичу телеграмму. Тамъ значилось: «будьте великодушны, пріѣзжайте сами, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Дочь отпустять считаю опаснымъ. Латугинъ».

Это совсѣмъ запутало ихъ. Они окончательно не знали, что подумать.—Значитъ, она больна или вообще въ опасномъ положеніи!—высказывала Софья Андреевна.

И тутъ явился новый проектъ: — на эти два праздничныхъ дня мы можемъ поѣхать въ городъ всѣ. Кстати, дѣтямъ надо обновить одежду къ зимѣ; у Сони башмаковъ нѣтъ...

Рѣшено было ѣхать сегодня на ночь.

— Ну, — сказала Софья Андреевна, обращаясь къ школьникамъ, — эти два праздника вы погуляете сами; въ лѣсъ не пойдемъ; мы ѣдемъ въ городъ.

Школьники разошлись. Чепуренки отыскали подводу и уѣхали въ К., который отстоялъ отъ села верстахъ въ двадцати пяти.

VIII.

Въ губернскомъ городѣ они прямо съ вокзала поѣхали въ меблированныя комнаты Аделаиды Петровны. Эти комнаты состарѣлись точно такъ же, какъ и сама Аделаида Петровна. Отъ всего въ нихъ вѣяло дряхлостью, отъ дверей, печей, обоевъ, мебели. Сама Аделаида Петровна изъ дамы довольно полнаго сложенія превратилась въ сухощавую старуху съ морщинистымъ лицомъ, съ множествомъ болѣзней, на которыя она постоянно жаловалась. Лѣтами она была еще не такъ-то стара, но таковъ, видно, былъ воздухъ меблированныхъ комнатъ.

Она встрѣтила Чепуренко съ семействомъ вся сіяющая. Она испытывала какую-то непонятную радость всякій разъ, когда къ ней являлся Кондратій Семеновичъ. Для него у

Digitized by Google

нея всегда была комната, если же оказывалось, что всѣ заняты, то она уступала ему свою, а сама ютилась гдѣ нибудь въ кухнѣ или чуланѣ. У этой женщины осталось къ Кондратію Семеновичу глубокое уваженіе.

— Ну, вотъ, слава Богу, собрались таки съ семействомъ,—говорила она совершенно такимъ тономъ, какимъ принимаютъ родственниковъ:—а я ужъ думала, что больше и не увижу. Болѣзни одолѣваютъ! Что ни день, то новая болѣзнь,—просто ужъ и не знаю, какъ и быть. Сперва къ докторамъ ходила, а теперь и на это махнула рукой. Столько ихъ, этихъ болѣзней, что всѣхъ и не перелѣчишь. Иной разъ лежишь, стонешь и думаешь: а что какъ вдругъ онѣ всѣ разомъ за меня примутся, вѣдь задушатъ! Но пока еще, видно, щадятъ,—не разомъ, а по очереди дѣйствуютъ.

На этотъ разъ у нея нашлось двѣ свободныхъ комнаты, такъ что ей самой не пришлось перебираться въ кухню. Она любовалась дѣтьми Чепуренка, находила ихъ необыкновенными красавцами и умницами, совершенно такъ, какъ будто приходилась имъ бабушкой, хотя въ дѣйствительности это были самыя обыкновенныя дѣти. Съ Софьей Андреевной она уже была знакома и перенесла на нее то же чувство уваженія и трогательной привязанности, которыя питала къ ея мужу. Она близко вникала въ ея дѣла и опять же «по-родственному» позволяла себѣ иногда касаться предметовъ щекотливыхъ, и въ такихъ случаяхъ невольно наводила Софью Андреевну на грустныя размышленія. При Кондратіи Семеновичѣ она немного какъ бы трусила и держалась въ струнѣ, но какъ только оставалась наединѣ, то спѣшила выразить ей сочувствіе своеобразнымъ способомъ. Она начинала жалостно смотрѣть на дѣтей и говорила съ сокрушеніемъ:

— Вотъ, нужно же было ему тогда этакъ-то съ вѣтру

Digitized by Google

обкрутить себя! Беззаботный человѣкъ! Никогда онъ для себя дальше завтрашняго дня не заглядывалъ. Вотъ теперь и надо бы, да нельзя.

— Мнѣ этого не надо, Аделаида Петровна, — отвѣчала Софья Андреевна такимъ тономъ, который явно показывалъ, что она хотѣла бы прекратить разговоръ.

— Вамъ-то не надо, вы вѣдь всѣ такія! Да вотъ дѣтямъ-то надо!..

Софья Андреевна, конечно, и сама это слишкомъ хорошо знала.

Часовъ въ десять Кондратій Семеновичъ началъ приводить въ порядокъ свой внѣшній видъ; онъ собирался въ домъ Латугина. На лицѣ его можно было разглядѣть смущеніе. Никогда онъ не былъ дѣловымъ человѣкомъ и не умѣлъ вести тонкіе разговоры съ тонкими людьми, а тутъ именно предполагалось, что это предстоитъ ему.

— Чортъ его знаетъ, этого Латугина!—грубовато говорилъ онъ, по своему обыкновенію: — вѣдь онъ, должно быть, дока, еще запутаетъ меня какъ нибудь. Какая досада, что Зубровъ поторопился отправиться на тотъ свѣтъ. Вотъ теперь бы онъ пришелъ и все бы мнѣ на бумажкѣ написалъ: какъ мнѣ ступить и гдѣ сѣсть и что сказать. Незамѣнимый былъ человѣкъ, покойникъ!

Софья Андреевна, желая ободрить его, старалась острить надъ нимъ:—Ты одѣвайся въ парадный костюмъ... Вѣдь къ богатому тестю идешь, это нельзя какъ нибудь.

Кондратій Семеновичъ осматривалъ свой «парадный костюмъ», и ему приходило на мысль, что, пожалуй, его не впустятъ на лѣстницу. Этотъ «парадный костюмъ» былъ въ то же время и его единственнымъ костюмомъ. Это происходило, разумѣется, не отъ бѣдности, такъ какъ, несмотря на скудное содержаніе, все же онъ могъ бы пріобрѣсти себѣ другую пару для перемѣны. Но онъ держался мнѣнія, что костюмъ слѣдуетъ перемѣнять на новый

Digitized by Google

лишь тогда, когда старый уже никуда не годится, и потому всегда донашивалъ свою одежду до послѣдней возможности. Этому пиджаку, который теперь онъ усердно теръ щеткой, было отъ роду четыре года, и онъ такимъ образомъ находился только въ среднемъ возрастѣ, потому что ему еще года три предстояло украшать плечи Кондратія Семеновича. Но больше всего смущала его малороссійская рубашка, которой онъ никогда не измѣнялъ, и которая въ блестящихъ чертогахъ Латугина должна была обратить на себя не слишкомъ благосклонное вниманіе.

— А, можетъ, тамъ меня убьютъ!—полушутя говорилъ онъ, когда уже былъ совсѣмъ одѣтъ и держалъ уже шляпу въ рукахъ.

— Тебя-то? Этакого-то большого человѣка? Да вѣдь ты не дашься!—тѣмъ же тономъ возражала Софья Андреевна.

— Ну, это неизвѣстно,—на всякаго большого человѣка всегда найдется еще большій! Вотъ что, Аделаида Петровна,—помните, я вамъ когда-то подарилъ револьверъ? Что вы съ нимъ сдѣлали?

Револьверъ оказался въ цѣлости. Аделаида Петровна въ тѣ трудныя минуты не поддалась искушенію продать его, хотя за него и давали хорошую цѣну. Она оставила его себѣ на память о старомъ квартирантѣ.

— Да, пожалуй, возьмите на всякій случай, только у меня зарядовъ нѣтъ.

— Позвольте, Аделаида Петровна, но зачѣмъ же мнѣ револьверъ безъ зарядовъ?

Аделаида Петровна согласилась, что револьверъ безъ зарядовъ не имѣетъ значенія. Кондратій Семеновичъ ушелъ невооруженный.

Домъ Латугина былъ хорошо извѣстенъ всему городу. Возвышаясь въ четыре этажа, онъ занималъ цѣлый кварталъ и стоялъ какъ бы особнякомъ среди огромной площади. Нижній этажъ его представлялъ собою нѣчто вродѣ

Digitized by Google

гостинаго двора, такъ какъ весь былъ занятъ разнообразными магазинами. Домъ этотъ былъ цѣлый городъ, съ многочисленнымъ населеніемъ, съ мастерскими, съ трактиромъ, съ рестораномъ, съ цвѣточнымъ заведеніемъ и даже съ банями. Въ немъ было нѣсколько подъѣздовъ, и Кондратію Семеновичу пришлось обойти ихъ съ полдюжины, прежде чѣмъ онъ попалъ въ тотъ, съ котораго жилъ самъ домохозяинъ. Съ улицы подъѣздъ не представлялъ ничего особеннаго и ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ, но вестибюль оказался обширнымъ и свѣтлымъ, и въ немъ Чепуренка встрѣтилъ швейцаръ. Въ губернскомъ городѣ насчитывалось домовъ пять— шесть, въ которыхъ были швейцары, включая сюда и губернаторскій, въ остальныхъ обходились безъ нихъ.

— Вамъ кого? — спросилъ его швейцаръ, впрочемъ нисколько не грубо. Видно было, что онъ привыкъ обходиться съ людьми, небогато одѣтыми.

— Мнѣ Латугина или... или его дочь...

— А которую собственно? Ихъ двѣ. Одна будетъ барышня, а другая—мадамъ, такъ вамъ Чуперенкову?

Хотя для Кондратія Семеновича не было новостью, что Дарья Григорьевна носитъ его фамилію, но все же на него произвело странное впечатлѣніе то обстоятельство, что ее такъ называютъ не въ шутку, а совершенно серьезно. Онъ отвѣтилъ:

— Ну, да, вотъ именно ее.

— А какъ объ васъ сказать?

Онъ запнулся и нѣкоторое время подумалъ. Было бы проще всего сказать свою фамилію. «Но зачѣмъ,—подумалъ онъ, — приводить въ изумленіе этого спокойнаго и, повидимому, довольнаго собой и своей должностью человѣка?» Ему пришло въ голову также и то соображеніе, что, можетъ быть, Латугинъ и не желаетъ, чтобы слуги знали о прибытіи господина Чепуренка.

Digitized by Google

— Скажите, что господинъ изъ... ну, однимъ словомъ, изъ деревни.

— Изъ деревни-съ? переспросилъ швейцаръ.

— Ну, да, изъ деревни Булты хи.

Швейцаръ, очевидно, ничего не слышалъ про Булты хи. Слово это не произвело на него никакого впечатлѣнія.

— Хорошо-съ, — сказалъ онъ, — я доложу. Только, ежели вы по просительнымъ дѣламъ, то они по праздникамъ не принимаютъ. Только по буднямъ до полудня.

— Нѣтъ, я не по просительнымъ!—уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ; швейцаръ начиналъ надоѣдать ему.—Я по дѣлу Дарьи Григорьевны.

— Ага! А онѣ сейчасъ нездоровы.

— А что съ нею?

— А Богъ ихъ знаетъ. Нѣвры у нихъ. Вчерась какой-то припадокъ былъ.

— Въ такомъ случаѣ скажите самому Латугину.

Швейцаръ поднялся на первую площадку, затѣмъ остановился, обернулся къ Кондратію Семеновичу и спросилъ:

— Я, извините, прозваніе деревни-то и позабылъ! Болтуны-съ?

— Булты хи!—строго поправилъ его Чепуренко.

— Ага, да, да, да, Булты хи...

И швейцаръ пошелъ дальше. Онъ поднялся въ бельэтажъ, позвонилъ и доложилъ, не самому господину Латугину, а только его лакею, и затѣмъ остался ждать, пока лакей ходилъ съ докладомъ къ хозяину. Минуты черезъ двѣ швейцаръ уже не шелъ обратно по лѣстницѣ, а бѣжалъ, и въ лицѣ у него было не только почтеніе, а настоящее сіяніе.

— «Ну,—подумалъ Кондратій Семеновичъ,—по крайней мѣрѣ не убьютъ».

— Пожалуйте-съ! васъ ждутъ! Именно сегодня и ждали!

И, говоря это, онъ сдиралъ съ плечъ Кондратія Се-

Digitized by Google

меновича пальто, весьма сомнительнаго достоинства. Но, не смотря на это, онъ такъ былъ исполненъ уваженія, которое только что почерпнулъ тамъ на площадкѣ въ бельэтажѣ, что даже не замѣтилъ, какой, съ его точки зрѣнія, странный костюмъ у этого гостя, котораго все утро ждали у Латугиныхъ.

Кондратій Семеновичъ поднялся наверхъ, былъ почтительно встрѣченъ лакеемъ и приглашенъ въ гостиную. Здѣсь ему пришлось ждать такъ мало, что онъ не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, разглядѣть обстановку. Но онъ замѣтилъ, что богатство и роскошь—и все это далеко не безъ вкуса—глядѣли изъ каждаго угла. Здѣсь была масса ненужныхъ вещей, но онѣ были такъ хорошо поставлены, что, казалось, занимали именно то самое мѣсто, которое было предназначено имъ самой судьбой. «Экую школу здѣсь можно бы устроить!» —подумалъ Кондратій Семеновичъ, какъ истый спеціалистъ своего дѣла.

Вдругъ дверь справа распахнулась, и на порогѣ показался высокій, чрезвычайно почтеннаго вида, старикъ съ длинной сѣдой бородой, съ очень спокойными глазами. Онъ пошелъ прямо къ Кондратію Семеновичу, издали протягивая ему обѣ руки, но когда между ними осталось разстоянія не болѣе двухъ шаговъ, онъ на секунду остановился, очевидно, нѣсколько огорошенный его «парадным костюмомъ», но эта была просто непривычка имѣть дѣло съ людьми, такимъ образомъ одѣтыми. Онъ тотчасъ же примирился съ узорчатой рубашкой гостя и продолжалъ свое шествіе къ нему.

— Я вамъ очень, очень благодаренъ!—сказалъ онъ, обѣими руками крѣпко пожимая руку Кондратія Семеновича:—прошу васъ, пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ и тамъ поговоримъ. Прошу васъ!

Кондратій Семеновичъ, несмотря на благопріятные признаки, обнаруживавшіеся уже тамъ внизу, у швейцара, все-таки не ожидалъ такого ласковаго пріема. Онъ не раз-

Digitized by Google

считывалъ на то, что его выгонятъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ незачѣмъ было бы вызывать его въ городъ, но все же онъ ждалъ порядочной сухости и холодности, въ особенности со стороны старика Латугина.

Кабинетъ Латугина оказался такимъ же обширнымъ, въ немъ было такъ же много свѣта, какъ и въ гостиной, но обстановка здѣсь была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Здѣсь все имѣло дѣловой видъ, все было тяжело, крѣпко, практично и располагало не къ нѣгѣ, а къ работѣ. Латугинъ прошелъ къ своему обычному мѣсту за огромнымъ массивнымъ письменнымъ столомъ, стоявшимъ посрединѣ комнаты, и сказалъ:

— Сядемте, Кондратій Семеновичъ.

При этомъ онъ сѣлъ, а его примѣру послѣдовалъ и Чепуренко.

— Прежде всего, — сказалъ Латугинъ, — я долженъ извиниться передъ вами, что оторвалъ васъ отъ работы. Я, вѣдь, знаю, вы человѣкъ—преданный вашему дѣлу...

— У насъ два праздника подъ-рядъ,—возразилъ Кондратій Семеновичъ.—Все равно мы въ эти дни не занимаемся.

— Вы, конечно,—продолжалъ Латугинъ,—удивляетесь, что я сразу принимаю васъ, какъ родного. Вы, можетъ быть, ожидали чего нибудь другого, напримѣръ, суроваго пріема, рѣзкихъ выраженій. По всей вѣроятности, вы изъ разныхъ слуховъ составили обо мнѣ совсѣмъ неблагопріятное мнѣніе. Ну, и признаюсь, я и не стараюсь быть похожимъ на другихъ, а вѣдь въ этомъ вся суть. Кромѣ того, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, именно тогда, когда произошло это событіе, я имѣлъ неосторожность оскорбить васъ скверными подозрѣніями...

— Да,—просто согласился Чепуренко,—признаюсь, я ожидалъ здѣсь самаго худшаго.

— Ну, вотъ! И это въ порядкѣ вещей, иначе и быть не могло. Но то было время для меня слишкомъ горячее.

Digitized by Google

Вы должны понимать, что я не могъ относиться ко всему этому хладнокровно и вполнѣ разумно. Я не могъ быть безпристрастнымъ. Это такъ поразило меня, это такъ было для меня неожиданно и такъ мало соотвѣтствовало моимъ планамъ и надеждамъ... Ну, просто; я долгое время не могъ освоиться съ этимъ, понять. Я долженъ былъ допустить одно изъ двухъ, или что здѣсь имѣла мѣсто недобросовѣстность, или что цѣлая группа людей, довольно многочисленная, дѣйствовала въ состояніи какого-то умопомѣшательства; послѣднее было невѣроятно, поэтому я взялъ первое. Потомъ... потомъ я вдумался во все это и многое тутъ понялъ. Но главное, что я не имѣлъ о васъ ни малѣйшаго понятія, а теперь моя дочь познакомила меня съ вами.

— Дарья Григорьевна?—спросилъ Кондратій Семеновичъ.

— Да, она сохранила о васъ воспоминаніе, какъ о самомъ свѣтломъ явленіи въ ея жизни, и передала мнѣ это.

— Но Дарья Григорьевна меня совсѣмъ не знаетъ...

— Вы правы, она васъ не знаетъ. Но бываютъ вѣдь такіе случаи, что вотъ вы идете по улицѣ, въ толпѣ, разсѣянно смотрите по сторонамъ или даже озабочены какой-нибудь одной мыслью, и вдругъ передъ вами промелькнетъ лицо, можетъ быть, самое обыкновенное лицо, но въ немъ вы замѣтите какую-нибудь одну удивительную черту, одинъ мимолетный взглядъ, и уже никогда не забудете его. Развѣ вамъ не случалось это? Такъ вотъ и вы для нея. Въ особенности, примите во вниманіе, что она тогда совсѣмъ не знала ни жизни, ни людей. При томъ же люди познаются по сравненію. Все, что она пережила потомъ, всѣ, кого она видѣла, кто былъ ей близокъ, оказывались такими недостойными людьми...

— Неужели всѣ?

— О, да, почти всѣ, въ особенности же тѣ, что имѣли важное вліяніе на ея жизнь... Ахъ, Кондратій Семеновичъ,

Digitized by Google

она такъ несчастна, моя дочь! Но не думайте, что я васъ виню, Боже сохрани! Я вѣдь хорошо знаю, въ чемъ состояла ваша роль. Вы повѣрили на слово, что это необходимо, что это можетъ спасти отъ чего-то... ну, отъ чего-то дурного, отъ какого-то насилія, и поступили своеобразно, — необдуманно, незрѣло, если хотите, но по-рыцарски. Вы не задумываясь отдали ей то, чѣмъ обыкновенно люди дорожатъ, вы отдали ей свою свободу. А ваши дальнѣйшія дѣйствія доказали ваше рыцарство еще больше.

Этотъ тонъ и это обиліе похвалъ почему-то показались Кондратію Семеновичу нѣсколько навязчивыми и подозрительными. «Къ чему все это?—думалъ онъ: — да оно и неправдоподобно»,—и онъ, желая прекратить этотъ потокъ любезностей, немного рѣзко возразилъ:

— Признаюсь, я понималъ дѣло такъ, что Дарья Григорьевна попала въ большую бѣду, и что я могу въ чемъ-то быть ей полезенъ...

— О, да, и вотъ еще разъ — вы простите меня, что я отвлекаюсь отъ главнаго — и вотъ еще разъ; на основаніи нѣсколькихъ словъ, въ которыхъ вы разслышали тяжелый вздохъ, —на основаніи нѣсколькихъ словъ, написанныхъ вамъ женщиной, и въ сущности вамъ совершенно чужой, вы поднимаетесь, бросаете, можетъ быть, дѣло и являетесь по первому зову.

— Но въ чемъ-же собственно дѣло?—съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ спросилъ Чепуренко.

— Это нельзя такъ просто объяснить. Надо, чтобъ вы прежде узнали все. Скажите, у васъ есть время и терпѣніе? Не хотите-ли, позавтракаемъ здѣсь вдвоемъ?

Кондратій Семеновичъ не успѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Неслышными шагами, легко ступая по мягкому ковру, вошла и вдругъ появилась у самаго стола Дарья Григорьевна.

Она была въ широкомъ свободномъ бѣломъ капотѣ, какъ

Digitized by Google

прежде — тонкая и стройная, но страшно худая; въ ея взорѣ было что-то неподвижное, какая-то какъ-бы окаменѣвшая грусть. Онъ быстро поднялся; она внимательно посмотрѣла ему въ лицо и молча крѣпко пожала ему руку, и почему-то у нея на глазахъ выступили слезы.

— Вотъ, опять вы пришли выручать меня!— промолвила она съ какой-то тихой, слабой, больной улыбкой.

— Если только съумѣю!— отвѣтилъ онъ.—Я вотъ все никакъ не могу узнать, въ чемъ дѣло...

Въ это время лакей возился около круглаго стола, здѣсь же, въ кабинетѣ, приготовляя все къ завтраку. Латугинъ, какъ-бы не желая вмѣшиваться въ ихъ разговоръ, отошелъ въ сторону и на небольшомъ пространствѣ кабинета въ терпѣливомъ ожиданіи ходилъ взадъ и впередъ. Она отвѣтила:

— Да, я хотѣла-бы все сама разсказать вамъ, но, видите-ли, я веду себя очень дурно... даже совѣстно. То и дѣло со мной случаются обмороки, и я навѣрно не смогу этого сдѣлать!— съ усмѣшкой прибавила она.—Стану разсказывать, и непремѣнно со мной сдѣлается дурно.

Латугинъ подошелъ къ нимъ и вмѣшался въ разговоръ.

— Вотъ видите, какъ, значитъ, все это было хорошо!

— Но если вамъ такъ плохо жилось, Дарья Григорьевна, и вы, насколько я вижу, такъ довѣряли мнѣ, почему-же вы не подѣлились со мной своимъ горемъ?

— Развѣ я смѣла? Я знала, что вы всего себя отдали вашему дѣлу.

— И даже со мной ни слова! — сказалъ Латугинъ.— Вѣдь всего только полтора мѣсяца, какъ мы съ нею увидѣлись послѣ всего того.

Онъ сказалъ это съ легкимъ укоромъ, потомъ подошелъ къ дочери, положилъ руку ей на плечо и промолвилъ:— Мы будемъ завтракать, Даша!

Она поняла это, какъ приглашеніе уйти и не мѣшать имъ говорить о дѣлѣ. Она сказала:

Digitized by Google

— Я хотѣла-бы еще не одинъ разъ повидаться съ вами и поговорить о многомъ... Не о дѣлахъ!—прибавила она,—о дѣлахъ,—это ужъ вы съ папой поговорите... Но у меня такъ много накопилось въ душѣ. Мнѣ почему-то кажется, что только вы можете разрѣшить, больше никто. Это—когда буду не такъ слаба. Вы будете завтракать? Я не хочу вамъ мѣшать.

Она опять подала ему руку и затѣмъ вышла такъ-же тихо и легко, какъ вошла въ кабинетъ.

«Экая бѣдняжка!—подумалъ Кондратій Семеновичъ,—а любопытно,—если-бы я тогда отказался, было-ли бы это для нея лучше или хуже».

— Ну-съ, такъ прошу васъ, позавтракаемте! — промолвилъ Латугинъ, указывая на столъ, приготовленный для завтрака.

Кондратій Семеновичъ съ смущеніемъ взглянулъ на тонкую сервировку стола, съ нѣсколькими бутылками вина и еще какихъ-то неизвѣстныхъ ему напитковъ въ странныхъ бутылкахъ, и сказалъ себѣ: «ну, что-жъ, завтракать,—такъ завтракать! Будемъ завтракать!»

IX.

Онъ ушелъ отъ Латугина часовъ около пяти, но разсказъ далеко не былъ оконченъ. Но на основаніи того, что онъ уже услышалъ, дѣло представлялось ему такъ.

Постромкинъ вошелъ въ домъ Латугиныхъ по рекомендаціи одного профессора, которому онъ приходился родственникомъ. Онъ сразу произвелъ въ домѣ благопріятное впечатлѣніе. Прежде всего важно было то, что онъ бралъ за уроки не грошевую плату, на которую обыкновенно накидывались бѣдняки-студенты, а назначилъ такую, которая соотвѣтствовала солидному положенію фамиліи Латугиныхъ. Его внѣшній видъ тоже говорилъ въ его пользу. Онъ совсѣмъ не походилъ на другихъ студентовъ, не одѣвался во что по-

Digitized by Google

пало, не придавая значенія костюму, а напротивъ, очевидно, придавалъ ему много значенія и обращалъ на него все вниманіе. Онъ и вести себя умѣлъ въ гостиной, и манерами обладалъ мягкими, спокойными, онъ никогда не терялся, всегда умѣлъ найтись, всегда зналъ, кому что сказать, и рѣшительно всѣмъ нравился. На Дарью Григорьевну онъ сразу обратилъ вниманіе. Онъ замѣтилъ, что эта миловидная дѣвушка обладаетъ натурой нервной, слегка экзальтированной, легко поддающейся сильному вліянію. Онъ засталъ ее въ тотъ моментъ ея жизни, когда въ душѣ ея уже выросъ протестъ противъ окружающей среды. Большую часть времени изъ послѣднихъ восьми лѣтъ она провела не дома, а въ стѣнахъ института, и потому не успѣла сродниться съ домашней обстановкой. Тамъ были мечты и книги, и тѣ и другія, быть можетъ, нелѣпыя и ни на чемъ не основанныя, но красивыя и благородныя. Здѣсь она встрѣтила съ одной стороны суровую дѣловитость, основанную на какой-то, для нея непонятной, постоянно возростающей жаждѣ къ пріобрѣтенію, въ то время, какъ пріобрѣтено уже было такъ много, всего было вдоволь, а съ другой — легкомысліе, смѣшное и обидное для женщины за сорокъ лѣтъ, матери семейства и хозяйки такого солиднаго дома, какимъ былъ домъ Латугиныхъ. Въ особенности возбуждала въ ней протестъ мать. Она не только сама убивала все свое время на тасканіе по концертамъ и всякаго рода вечерамъ, но и ее насильно заставляла ѣздить съ собой. Это была женщина, почти лишенная развитія, почти вульгарная, сдѣлавшаяся женой Латугина случайно, благодаря только своей красотѣ, и дорвавшаяся до богатства и свободы дѣлать, что угодно. И вотъ Постромкинъ, дѣйствительно обладавшій какимъ-то необыкновеннымъ талантомъ располагать къ себѣ людей, нашелъ въ душѣ молодой дѣвушки совершенно готовую почву. Она уже была недовольна. Она уже искала чего-

Digitized by Google

то другого, чего-то высшаго, непохожаго на то, что ее окружало. Она только не видѣла передъ собой ничего положительнаго, за что можно было бы ухватиться. Надо было только намекнуть ей на это. Путь, которымъ слѣдовало идти, у Постромкина былъ всегда на готовѣ; это былъ тотъ самый путь, который въ свое время однихъ привелъ къ благородной цѣли, другихъ спихнулъ съ ихъ дороги и оставилъ на полъ-пути, третьихъ роковымъ образомъ довелъ до озлобленія и отчаянія. Прежде всего на сцену явились книги. Покойный Зубровъ въ немногихъ словахъ отлично разсказалъ это, когда явился къ Кондратію Семеновичу передъ вѣнчаніемъ. За книгами послѣдовало посѣщеніе собраній. Въ книгахъ понималось только то, что прямо отвѣчало горячему, благородному стремленію. На собраніяхъ производило глубокое впечатлѣніе не то, о чемъ тамъ говорилось, а горящіе священнымъ огнемъ молодые глаза, жадно ищущіе истины. И вотъ она уже готова, она уже знаетъ, что̀ выше той среды, въ которой она задыхается, она знаетъ, гдѣ найти свѣжій воздухъ, которымъ можно дышать, и все это въ ея глазахъ представлялъ собою Постромкинъ, который отворилъ передъ нею двери въ этотъ новый міръ.

Она не знала только одного, что Постромкинъ, создавая новыя связи, никогда не прерывалъ старыхъ, оставляя и ихъ за собою, на всякій случай. Даже при ней, когда она еще была въ домѣ отца, въ присутствіи Латугина, онъ всегда имѣлъ такой видъ, какъ будто не соглашался съ нею, а скорѣе съ нимъ. Это легко было объяснить. Онъ дѣлалъ это для того, чтобы отвлечь подозрѣніе, и она признавала это. Но когда она ушла изъ дому, то Постромкинъ первый явился къ ея отцу и выразилъ негодованіе и даже принесъ повинную. Онъ смиренно призналъ себя виноватымъ въ томъ, что слишкомъ поспѣшно познакомилъ Дарью Григорьевну съ чуждымъ ей міромъ,

Digitized by Google

и далъ понять, что его роль только этимъ и ограничилась. Однимъ словомъ онъ остался въ хорошихъ отношеніяхъ и съ Латугинымъ и съ Дарьей Григорьевной, но ни одному изъ нихъ никогда не говорилъ объ этомъ. Онъ былъ своимъ человѣкомъ и считался другомъ въ обоихъ лагеряхъ, стоявшихъ другъ противъ друга, какъ непріятели.

Зачѣмъ онъ повѣнчалъ ее? Зачѣмъ ему понадобилось это? По этому поводу старикъ Латугинъ за завтракомъ сказалъ: «О, повѣрьте мнѣ, эти люди умѣютъ разомъ убивать двухъ зайцевъ. Онъ поступилъ съ нею, какъ тотъ охотникъ, который заставилъ бы другихъ поймать медвѣдя, привязалъ бы его къ дереву и сталъ бы въ него цѣлить и стрѣлять. Вѣдь это значитъ мѣтить навѣрняка!»

Онъ велъ себя необыкновенно корректно. Онъ пристроилъ Дарью Григорьевну при школѣ, гдѣ у нея было отдѣльное помѣщеніе, и такимъ образомъ она съ перваго же шага устроилась сносно. У него было хорошее знакомство у школьнаго начальства, и ему это ничего не стоило.

Ни для кого не были тайной его отношенія къ Анчуровой. Зубровъ сказалъ тогда: «у него романъ съ Анчуровой», но этотъ романъ давно уже принялъ вполнѣ реальный характеръ. Онъ считался ея женихомъ, они даже жили въ одной квартирѣ. Въ то время было нерѣдкостью, что молодежь селилась, изъ дешевизны и удобства, въ большихъ квартирахъ цѣлыми колоніями. Тутъ были молодые люди и дѣвушки, но отношенія между ними сохранялись кристально-чистыми. Всѣ были проникнуты общимъ воодушевленіемъ къ наукѣ и къ какому-то святому дѣлу, о которомъ пока еще только мечтали, но за то мечтали горячо... Анчурова распорядилась собой иначе. Она была совсѣмъ ослѣплена Постромкинымъ и отдалась ему безразсчетно. Само собою разумѣется, что онъ считалъ ее своею женой и «формальность» откладывалъ только до оконча-

Digitized by Google

нія курса. Тутъ были разныя соображенія, между которыми находились и основательныя. Во-первыхъ, это помѣшало бы учиться, а, во вторыхъ—и это самое главное—онъ еще зависѣлъ отъ родныхъ, которые давали ему средства. А родные, какъ это всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, почему-то не хотѣли этого брака, и онъ откладывалъ его до того времени, когда получитъ дипломъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самостоятельность.

Съ Дарьей Григорьевной у него установились, повидимому, дружескія отношенія. Такъ какъ она жила въ предмѣстьѣ, то онъ не могъ посѣщать ее часто. Онъ являлся къ ней разъ въ недѣлю, просиживалъ цѣлый вечеръ, велъ себя очень сдержанно, былъ всегда умепъ и краснорѣчивъ, но по временамъ дѣлалъ мрачное лицо, вздыхалъ и какъ будто чего-то не договаривалъ.

Въ школѣ у нея дѣло шло плохо. Она сама такъ мало знала и такъ мало подходила къ этой роли; главное же, что она совсѣмъ не имѣла понятія о дѣтяхъ и не умѣла съ ними обращаться. Она обращалась съ ними такъ, какъ будто ждала, что они сразу, съ перваго слова, постигнутъ и поймутъ всю грамоту и всѣ тѣ познанія, которыя она имъ передавала. Они, конечно, этихъ надеждъ не оправдывали, требовали возни и всевозможныхъ хлопотъ. Между тѣмъ она только недавно пережила цѣлую драму. Этотъ рѣзкій переходъ отъ стараго міра къ новому, этотъ разрывъ съ родительскимъ домомъ, потомъ вѣнчаніе при такой необыкновенной обстановкѣ, вѣнчаніе, которое Зуброву казалось такимъ простымъ, легкимъ дѣломъ, пустой формальностью, о которой можно было забыть на другой день, и которая на пее произвела глубокое впечатлѣніе; потомъ заочные переговоры съ отцомъ, съ матерью, обиды, угрозы, страхъ за то, что изъ-за нея тревожатъ и оскорбляютъ человѣка, съ такой готовностью давшаго ей свое имя и

Digitized by Google

свободу,—все это вмѣстѣ разстроило ея и безъ того не сильные нервы. Малѣйшая неудача раздражала ее и доводила до слезъ.

Все-таки Постромкинъ былъ единственнымъ человѣкомъ, утѣшавшимъ ее. Она должна была цѣнить его постоянство, его готовность оказывать ей услуги. Вѣдь ходилъ же онъ къ ней каждую недѣлю и притомъ совершенно безкорыстно. Она рѣшительно не могла бы представить себѣ, какія выгоды онъ могъ извлечь изъ нея, да это и не приходило ей въ голову. Зубровъ забѣгалъ къ ней очень рѣдко,—онъ вѣчно былъ занятъ, онъ вѣчно устроивалъ какое нибудь чужое дѣло,—то собиралъ деньги по подпискѣ какому нибудь бѣдному студенту, который не могъ заплатить денегъ за ученіе, то пускалъ въ ходъ всѣ свои скудныя связи, чтобъ выгородить изъ отвѣтственности какого нибудь юношу, провинившагося передъ начальствомъ, благодаря своей пылкости,—и такъ безъ конца. Это былъ человѣкъ, который буквально кипѣлъ въ чужихъ интересахъ, въ интересахъ ближняго. А потомъ онъ началъ болѣть и залеживаться въ постели, иногда по два и по три дня. Между тѣмъ ему приходилось еще работать и нести такой тяжелый трудъ, какъ обязанности почтового корректора. Къ Постромкину она привыкла, онъ сдѣлался для нея своимъ человѣкомъ и при томъ совершенно необходимымъ. Онъ никогда не говорилъ ей о своихъ отношеніяхъ къ Анчуровой, хотя она знала это отъ другихъ, и ему это было извѣстно. Онъ не скрывалъ ихъ, а только не подчеркивалъ.

Школа совсѣмъ не пошла у нея. Она просто увидѣла, что на этомъ поприщѣ не приноситъ пользы, а къ ужасу ея—даже вредъ. Сдѣлавъ это открытіе, она уже не могла оставаться при школѣ, и стала искать другого дѣла. «Нѣтъ,—говорила она себѣ,—это не такъ легко—быть полезнымъ. Прежде всего, чтобы быть полезнымъ для другого, надо умѣть быть полезнымъ для себя. А я вѣдь развѣ смогла

Digitized by Google

бы безъ посторонней помощи сдѣлать себѣ самой что нибудь полезное?» Латугинъ прибавилъ даже отъ себя: «скажу больше,—себѣ она принесла только вредъ». Въ это время въ городѣ открылась на артельныхъ началахъ чулочная мастерская. Постромкинъ и тамъ не остался безъ нѣкоторой роли,—онъ оказалъ содѣйствіе, что-то выхлопоталъ у властей, благодаря своимъ связямъ, и за это пользовался нѣкоторымъ авторитетомъ. Ему ничего не стоило оказать Дарьѣ Григорьевнѣ новую услугу и пристроить ее къ мастерской. Она сдѣлалась членомъ артели и горячо принялась за дѣло. Она дѣлала чулки. Какъ странно, что иногда и чулки могутъ быть предметомъ горячаго стремленія и осуществлять собой свѣтлый идеалъ! Но мастерская просуществовала мѣсяцевъ шесть и погибла. Тогда для Дарьи Григорьевны наступили тяжелые дни,—она испытала нужду. Но такъ какъ она испытывала ее не одна, а вмѣстѣ со всей артелью, то это переносилось все-таки довольно легко. Постромкинъ и тутъ что-то придумалъ и нашелъ ей какой-то урокъ, относительно котораго у нея и теперь осталось сомнѣніе: не былъ ли этотъ урокъ его выдумкой, какъ приличный способъ давать ей собственныя деньги? Къ ней являлся какой-то молодой человѣкъ, съ которымъ она должна была полчаса говорить по-французски. Въ этомъ заключался урокъ. При этомъ по лицу молодого человѣка было видно, что французскій языкъ ему вовсе не нуженъ. Онъ всегда старался прійти позже и уйти раньше и такимъ образомъ сократить часы занятій. Когда она догадалась объ этомъ, то была очень тронута, но отъ урока поспѣшила отказаться. Постромкинъ увѣрялъ ее, что она ошиблась, но урокъ уже не возобновился.

Однажды онъ явился къ ней мрачный и заговорилъ такимъ тономъ, какого прежде она отъ него не слышала. На него напало какое-то разочарованіе. Онъ, всегда по-

Digitized by Google

ощрявшій ее къ терпѣнію, всегда доказывавшій, что въ жизни есть много хорошаго, что никогда не слѣдуетъ падать духомъ, вдругъ объявилъ, что жизнь для него начинаетъ утрачивать свою цѣнность.

— Да,—говорилъ онъ,—жить стоитъ, но только тогда, когда человѣкъ, вниманіемъ котораго ты дорожишь, понимаетъ тебя, видитъ твою душу, сочувствуетъ тебѣ. А вѣдь въ жизни обыкновенно бываетъ наоборотъ. Можно прожить съ человѣкомъ сто лѣтъ, встрѣчаясь съ нимъ каждый день, и на повѣрку оказывается, что ему нѣтъ до тебя никакого дѣла. Послѣ этого какой же интересъ въ жизни? И зачѣмъ, скажите, пожалуйста, тогда жить среди людей, почему не забраться въ пустыню, или на необитаемый островъ? Да и зачѣмъ жить вообще?

Онъ говорилъ въ такомъ тонѣ много, горячо и краснорѣчиво. Онъ вообще умѣлъ говорить гладко и по цѣлымъ часамъ. Ей показалось, что въ голосѣ его есть какое-то затаенное страданіе? Наконецъ, онъ какъ-то вдругъ оборвалъ свою рѣчь, нервно взялъ шляпу и отрывисто сказалъ:

— Ну-съ, такъ до-свиданья!

— Что съ вами? —спросили она его съ участіемъ:— почему это вы сегодня такой? Я никогда васъ такимъ не видѣла. Почему это?

— Почему? вы не знаете, почему? — спросилъ онъ, какъ-то особенно пристально вглядываясь въ ея лицо.

— Право, я не знаю!—совершенно искренно отвѣтила она.

Онъ взялся за ручку двери и пріотворилъ ее.

— А потому,—сказалъ онъ какимъ-то прерывающимся голосомъ:—потому... потому, Дарья Григорьевна, что я не могу безъ васъ жить...

И онъ быстро выбѣжалъ изъ комнаты, шумно захлопнувъ за собою дверь.

Она широко раскрыла глаза и долго въ оцѣпенѣніи

Digitized by Google

простояла на мѣстѣ, все еще глядя на дверь, за которой онъ скрылся. Это было неожиданно, это было непонятно. Она ничего подобнаго не ожидала и не подозрѣвала. Но Анчурова? Развѣ ихъ отношенія уже порваны? Въ ней тогда не шевельнулось ни капли чувства, которое отвѣчало бы на его слова. Она пока еще только ничего не понимала...

X.

На другой день утромъ Дарья Григорьевна получила отъ него письмо.

«Простите за минутное изумленіе, которое я заставилъ васъ пережить, — писалъ Постромкинъ: — я очень хорошо знаю, что вы не могли испытать ничего, кромѣ изумленія. Я это зналъ и вчера, и давно, и всегда. Но, можетъ быть, вы оцѣните мою выдержку и силу характера, если узнаете, что этому чувству отъ роду ровно столько лѣтъ, сколько знаю я васъ. Да, вы видите, что оно родилось не вчера, и потому отнеситесь къ нему по крайней мѣрѣ съ уваженіемъ. Оно зародилось въ ту минуту, когда я впервые увидѣлъ васъ. По звуку вашего голоса, по выраженію вашего взгляда, я увидѣлъ и понялъ вашу горячую душу. Быть можетъ, это покажется страннымъ и смѣлымъ, но я скажу, что въ ту минуту я узналъ васъ настолько хорошо, какъ будто былъ знакомъ съ вами уже много лѣтъ. И вотъ во мнѣ началась борьба: боролись два чувства — глубокое уваженіе къ вамъ и другое, которое я назову желаніемъ безконечной близости. Первое въ то время одержало побѣду надъ вторымъ, но, какъ послѣ оказалось, оно побѣдило только на время. Я скажу даже больше: мнѣ только казалось, что оно побѣдило, но это была побѣда Пирра, потому что она была для меня сопряжена съ полусознательнымъ, но въ то же время глубокимъ скрытымъ страданіемъ. Быть можетъ, вы захотите знать и спросите меня, почему тогда, когда возникъ вопросъ о вашемъ освобожденіи, я самъ не предложилъ вамъ своего имени, почему я не обвѣнчался

Digitized by Google

съ вами, а допустилъ, чтобы сдѣлалъ другой, совершенно неизвѣстный вамъ человѣкъ? Вѣдь это было бы проще, это поставило бы меня ближе къ моей цѣли, потому что сблизило бы меня съ вами. Но это случилось именно потому, что побѣдило первое чувство, т. е. мнѣ казалось, что оно побѣдило. А, можетъ быть, тутъ былъ и тайный страхъ, что если бы это случилось, то второе, т. е. побѣжденное, могло бы поднять голову и заявить свои права, между тѣмъ я былъ слишкомъ скроменъ и слишкомъ сознавалъ свою ничтожность передъ вами, чтобы признавать такія права. Однимъ словомъ, я боялся... Я не знаю, какъ это точнѣе выразить... я боялся самого себя, боялся, что мое чувство заставитъ меня злоупотребить своимъ положеніемъ. Я не говорю, что все это было мнѣ тогда совершенно ясно, какъ ясно теперь. Тогда я ничего этого не понималъ, но несомнѣнно, что это было такъ, и теперь это я вижу: да, это было такъ и иначе не могло быть, но были и другія обстоятельства. Вѣдь вамъ извѣстны мои отношенія къ Анчуровой. Я никогда не скрывалъ ихъ отъ васъ, хотя и не говорилъ съ вами о нихъ. Я просто зналъ, что они вамъ извѣстны, и этого было съ меня уже слишкомъ много. Но вы, быть можетъ, не знаете, что эти отношенія были для меня мукой. Вы поймете это, если я вамъ скажу, что въ нихъ для меня въ это время остался одинъ только долгъ. Конечно, такъ не могло идти всегда, и рано или поздно это насиліе надъ моей личностью должно было кончиться. Но въ томъ то и дѣло, что такое отношеніе было бы не обоюдное, а только съ моей стороны. Съ ея стороны было какъ разъ наоборотъ: у нея въ это время чувство достигло своей высшей точки, и если бы я вздумалъ поступить рѣшительно, я просто могъ бы убить ее, я могъ бы убить человѣка. Да, это было бы убійство. Безъ подготовки, это подѣйствовало бы на нее, какъ внезапно разразившійся громъ надъ головой. Вы съ вашей благородной душой поймете мое положеніе. Не вы, конечно, посовѣтовали бы мнѣ быть рѣшительнымъ и

Digitized by Google

правдивымъ. Это тотъ случай, когда ложь бываетъ спасительна и необходима. Но чувство мое къ вамъ заставило меня еще больше затянуть петлю, которую набросила на мою шею эта связь. Я, какъ бы на зло самому себѣ, сталъ увѣрять себя въ томъ, что люблю именно Анчурову и что никогда еще такъ не любилъ ея, какъ въ то время. Я почти сознательно обманывалъ себя. А въ глубинѣ души моей рана расширялась, и передо мною все больше и больше раздвигалась пропасть. Мы видѣлись съ вами часто, но вы не могли замѣчать этой раны, вы не видѣли, какъ я томился и страдалъ, вамъ было не до этого. Я не хочу этимъ сказать, что вы были невнимательны къ человѣческому горю. Нѣтъ, просто вы были слишкомъ поглощены новыми впечатлѣніями, новизной той жизни, къ которой стремилась ваша душа и которую, наконецъ, она нашла. Но вотъ мнѣ стало невыносимо жить съ такой глубокой раной въ груди, и вчера изъ этой груди вырвался стонъ. Да, это былъ взрывъ, который я не могъ ни предвидѣть, ни предотвратить. Но теперь я опомнился и умоляю васъ забыть объ этомъ, какъ будто бы этого никогда не бывало. Вы вправѣ негодовать на меня,—я обманулъ ваше довѣріе, но вѣдь я боролся съ своимъ чувствомъ, какъ съ самымъ заклятымъ врагомъ, и былъ побѣжденъ. Оно оказалось сильнѣе меня. И теперь я прошу васъ только объ одномъ: смотрите на меня, какъ смотрѣли всегда прежде, и не лишайте меня своего довѣрія. Позвольте мнѣ бывать у васъ попрежнему и быть вашимъ другомъ и слугой. Вѣрьте мнѣ, что это никогда болѣе не повторится. Мнѣ не нужно прибавлять, съ какимъ безконечнымъ нетерпѣніемъ я жду вашего отвѣта. Я жду его, какъ тяжкій грѣшникъ ждетъ отъ своего духовника отпущенія грѣховъ».

Письмо дышало искренностью, — по крайней мѣрѣ на нее оно произвело такое впечатлѣніе. Развѣ у нея хватило бы силы отказать ему въ его очень скромной просьбѣ,

Digitized by Google

ему, который такъ внимательно всегда къ ней относился, и которому она была обязана многимъ? Прежде всего надо пожалѣть человѣка и постараться излѣчить его рану. Потомъ можно будетъ обсудить его поступокъ, а теперь не время. И она отвѣтила ему: «я ничего не помню; приходите, какъ всегда, и мы будемъ друзьями». Она забыла задать себѣ только вопросъ, а это было очень важно: «но каковы же теперь его отношенія съ Анчуровой?»

Но въ тотъ же день утромъ у нея была одна подруга, съ которой онѣ вмѣстѣ прогорѣли въ чулочной артели, и гостья невольно навела ее на этотъ вопросъ. Это была необыкновенно бойкая и говорливая особа. Разговоръ шелъ о бракѣ; гостья утверждала, что тутъ важнѣе всего взаимное согласіе, что общественное мнѣніе ничего не стоитъ. Признаетъ ли оно, или не признаетъ, это рѣшительно все равно.

— И вотъ вамъ примѣръ, — пояснила гостья: — Постромкинъ съ Анчуровой. Они не вѣнчаны, значитъ общественное мнѣніе не на ихъ сторонѣ, но, скажите, пожалуйста, чего имъ не достаетъ?

— А что, развѣ они живутъ хорошо?

— О, да, лучше трудно себѣ и представить.

— Вы въ этомъ увѣрены? — съ сомнѣніемъ спросила Дарья Григорьевна.

— Да помилуйте, я сейчасъ только отъ нихъ. Я никогда въ жизни не видала ничего нѣжнѣе.. при мнѣ онъ сдѣлалъ ей сцену ревности, и потомъ тутъ же состоялось самое нѣжное примиреніе.

«Это странно, — подумала она. — Это не вяжется со вчерашнимъ, — но тѣмъ лучше! Значитъ, это была ошибка».

А вечеромъ явился самъ Постромкинъ. Теперь, когда она жила въ городѣ, онъ чаще бывалъ у нея. Онъ подошелъ къ ней, взялъ ея за руку и съ благодарностью поцѣловалъ ее.

Digitized by Google

— Спасибо, больше никогда не буду! — промолвилъ онъ полушутливымъ, простымъ товарищескимъ тономъ и сейчасъ же заговорилъ о другомъ: — вчера у насъ была сходка, а я прозѣвалъ ее и очень жалѣю объ этомъ. Много было интереснаго, подымались такіе вопросы, по поводу которыхъ я давно собирался высказаться...

Онъ началъ подробно излагать, въ чемъ заключались эти вопросы, но вдругъ, какъ бы самъ того не замѣчая, замолчалъ, задумался и съ мрачнымъ видомъ уставился въ одну точку.

— О чемъ вы думаете? — осторожно спросила его Дарья Григорьевна.

Онъ встрепенулся, какъ разбуженный отъ дремоты.

— Какъ? Развѣ я... да, въ самомъ дѣлѣ, я и не замѣтилъ... Это такъ... пустое... Такъ представьте себѣ,— опять продолжалъ онъ прежнимъ эпическимъ тономъ,— что по этому вопросу былъ разговоръ въ нашемъ кружкѣ, и я держался того мнѣнія. .

Онъ видимо напрягалъ силы, чтобы взять себя въ руки, и старался говорить о постороннихъ вещахъ, но въ лицѣ его была печать усталости; онъ скоро какъ бы изнемогъ, часто закрывалъ глаза и затѣмъ началъ прощаться. Онъ опять взялъ ея руку и медленно поцѣловалъ ее.

— Позвольте мнѣ, Дарья Григорьевна, всегда цѣловать вашу руку. Вѣдь это немного,— произнесъ онъ слегка разбитымъ голосомъ, и въ лицѣ его она разглядѣла муку.

Латугинъ по этому поводу высказалъ слѣдующее: «видите-ли вы, Кондратій Семеновичъ, всю его тонкую игру: онъ сперва основательно изучилъ почву, т. е. характеръ моей дочери, и нашелъ, что на этой почвѣ надо сѣять страданіе, что передъ страданіемъ она не устоитъ, что страданіе должно непремѣнно вызвать въ ней сочувствіе, а сочувствіе непремѣнно перейдетъ въ любовь, Да, онъ удивительно тонко изучилъ мою дочь. Это именно такая на-

Digitized by Google

тура. Но вы видите также, что онъ не самонадѣянъ. Онъ разсудилъ, что разсчеты его могутъ и не удаться, поэтому на всякій случай онъ пока оставлялъ за собой Анчурову».

Постромкинъ продолжалъ свои посѣщенія и былъ необыкновенно корректенъ. Онъ какъ бы старался какъ можно точнѣе напомнить собою прежняго Постромкина, прежняго «друга и слугу». Но бывали моменты, когда онъ вдругъ дѣлался задумчивъ,—это были моменты слабости, но затѣмъ онъ скоро овладѣвалъ собой. Иногда Дарьѣ Григорьевнѣ казалось, что онъ значительно измѣнился по наружности. Онъ умѣлъ подчинять своей волѣ и своимъ цѣлямъ даже лицо. Иногда онъ казался ей сильно похудѣвшимъ, даже глаза его нѣсколько вваливались въ орбиты, и вообще все обличало въ его наружности глубоко скрытое страданіе. Какимъ образомъ онъ достигъ этого? Это былъ его секретъ, но почему не допустить мысль, что онъ испытывалъ дѣйствительное страданіе, страданіе эгоиста, жаждущаго, во что бы то ни стало, обладать женщиной, которая разбудила въ немъ страсть, въ особенности если принять во вниманіе, что онъ, быть можетъ, уже терялъ надежду на удачу.

Минуты задумчивости какъ бы учащались, онъ замѣтно худѣлъ, глаза его все болѣе и болѣе углублялись въ орбиты. Однажды онъ обнаружилъ крайнюю нервность уже съ перваго момента, какъ только пришелъ къ ней. Онъ какъ бы не въ силахъ былъ болѣе сдерживать себя. Онъ говорилъ много, нервно и горячо, говорилъ нѣсколько туманныя вещи о счастьи, высказывая сомнѣніе въ томъ, что оно существуетъ на землѣ, и вдругъ, закрывъ лицо руками, началъ плакать.

Дарья Григорьевна растерялась, подошла къ нему и начала утѣшать его.

— Полноте, это малодушіе, вы ведете себя, какъ женщина.

— Да, да, пусть такъ, пусть малодушіе, пусть, пусть,

Digitized by Google

пусть! —воскликнулъ онъ и вдругъ, какъ бы ужъ окончательно не будучи въ силахъ сдержать свой порывъ, онъ упалъ на колѣни и сталъ обнимать и цѣловать ея ноги, потомъ поднялся и въ какомъ-то безуміи обхватилъ ее всю и привлекъ къ себѣ.

— Изъ состраданія... изъ состраданія! —страстно шептали его сухія, дрожащія губы.

Было ли это состраданіе? Не превратилось ли оно уже въ другое чувство? Вѣдь онъ такъ долго завоевывалъ ея сердце, у него все шло такъ стройно, съ такой удивительной постепенностью, и при томъ вѣдь онъ былъ красивъ и обладалъ какою-то особенною способностью привлекать къ себѣ сердца. Къ тому же онъ былъ первый, разрѣшившій всѣ мучительныя загадки, которыя въ домѣ отца жгли ея мозгъ, онъ былъ первый, показавшій ей путь къ свѣту. Онъ познакомилъ ее съ этимъ міромъ честныхъ, безкорыстныхъ стремленій и скромнаго труда. Сама она, испытавъ себя на этомъ поприщѣ, уже пришла къ заключенію, что почти непригодна, но она постоянно видѣла этихъ людей, вращалась среди нихъ, многихъ изъ нихъ считала своими пріятелями и видѣла близко, какую страшную борьбу вели они съ жизнью, достигая, во что бы то ни стало, своихъ безкорыстныхъ цѣлей, и она всей душой была на ихъ сторонѣ. Она допустила минутное забвеніе и принадлежала ему.

Но когда она очнулась, то первая мысль, какая пришла ей въ голову, была мысль объ Анчуровой. Онъ объяснилъ: между ними уже давно нѣтъ близости. Ихъ отношенія сохранили только свою прежнюю внѣшность.

— Но зачѣмъ? — спросила она

— Не могу же я не признавать правъ ея самолюбія! Вѣдь всѣ привыкли считать насъ семействомъ. Тѣ, кто не зналъ о нашихъ истинныхъ отношеніяхъ, называли ее

Digitized by Google

моей невѣстой. Нужно дать ей время привести въ порядокъ свои чувства, иначе устроить свою жизнь.

— Я невольно узнала недавно о томъ, что это не совсѣмъ такъ... нерѣшительно сказала Дарья Григорьевна. И она разсказала ему все то, что передавала ей тогда гостья о сценѣ ревности и нѣжнаго примиренія.

— О, да, это все вѣрно, все это было такъ! — отвѣтилъ онъ просто и искренно.—Но развѣ мое положеніе не могло заставить меня прибѣгнуть къ насилію надъ своимъ чувствомъ? Развѣ я не имѣлъ права, какими бы то ни было средствами, заглушить то чувство, которое не имѣло исхода? Да, я хотѣлъ обмануть себя, но это мнѣ не удалось. Но теперь въ этомъ уже нѣтъ надобности...

И вѣдь въ самомъ дѣлѣ на другой день у него въ квартирѣ произошли странныя событія. У нихъ разыгралась страшная сцена, кончившаяся тѣмъ, что Анчурова забрала свои вещи и уѣхала въ гостиницу. Суть была въ томъ, что онъ оскорбилъ ее и оскорбилъ именно такъ, что послѣ этого она уже не могла оставаться въ его квартирѣ. Только онъ умѣлъ это дѣлать и дѣлалъ это именно тогда, когда было надо.

Анчурова, разумѣется, скоро узнала обо всемъ и совершенно неожиданно пришла къ ней. Видъ ея не обѣщалъ ничего хорошаго, она даже не поздоровалась, а войдя посмотрѣла на нее вызывающе и промолвила:—Скажите мнѣ прямо, вы знали о нашихъ отношеніяхъ съ Постромкинымъ?

Дарья Григорьевна смутилась и растерялась.—Я знала... но вѣдь у васъ все было кончено.

— Онъ вамъ сказалъ это?

— Да.

— Ну, поздравляю васъ. Вы пріобрѣли негодяя. Спасибо, однако, что избавили меня отъ него. По крайней мѣрѣ, благодаря тому, что вы подвернулись, онъ для меня

Digitized by Google

сталъ ясенъ. А впрочемъ,—прибавила она,—я вѣдь все это презираю...

И она повернулась и быстро вышла. Дарья Григорьевна весь этотъ день была сама не своя. Она чувствовала себя какъ бы укравшей чужое благо. Когда же вечеромъ пришелъ Постромкинъ и услышалъ отъ нея разсказъ о посѣщеніи Анчуровой и при этомъ почувствовалъ въ тонѣ Дарьи Григорьевны какъ бы колебаніе и сомнѣніе, то весело разсмѣялся и промолвилъ.

— Да неужели же для тебя не ясно, что это самая мелкая, самая низкая месть? Вѣдь все это выдумано отъ начала до конца. Если бы она была искренна, если бы она хоть чуточку страдала, то не пришла бы такъ нахально къ тебѣ. Вѣдь должна же бы она была понимать тогда, что если тутъ кто нибудь виноватъ, такъ это я, а ни въ какомъ случаѣ не ты.

Да, онъ обладалъ удивительной способностью заставлять вѣрить ему. И она повѣрила, и ей теперь припомнилось, что Анчурова въ самомъ дѣлѣ странно вела себя. Почему она была такъ озлоблена, и почему она такъ презрительно говорила съ ней? Вѣдь страданіе далеко не то же, что злоба, и если бы оно было, то непремѣнно почувствовалось бы.

Въ это время Постромкинъ кончилъ курсъ и началъ пристроиваться къ адвокатурѣ. Дѣло это въ то время было еще вновѣ и считалось однимъ изъ самыхъ выгодныхъ. Его личныя средства были плохи, отецъ его разорился, и они, живя вмѣстѣ, почти бѣдствовали. А тутъ явилось еще одно обстоятельство: Дарья Григорьевна была беременна. Но удивительно, что у нея какъ-то вдругъ явился наплывъ новыхъ силъ. Она не только не падала духомъ, но, напротивъ, оживилась и какъ бы выросла въ собственныхъ глазахъ. Въ этомъ было что-то роковое. Въ сущности она была создана для личной жизни, ея натура, всѣ ея склон-

Digitized by Google

ности, которыя пока еще таились въ ней, все направлялось къ этому и, какъ только на нее повѣяло теплом и тишиной семейной жизни, какъ только она почувствовала себя въ своемъ углу, среди маленькихъ узкихъ интересовъ теплаго гнѣздышка, она тотчасъ почувствовала подъ собой почву. Онъ былъ съ нею нѣженъ, и у нея не было никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что онъ привязанъ къ ней, и что она счастлива. Онъ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ по городу, искалъ дѣлъ, пристроивался. Она уже сдѣлалась матерью, прошелъ годъ и другой. Оказалось, что онъ бѣгалъ недаромъ. О немъ всюду стали говорить, какъ о талантливомъ адвокатѣ, у него явились дѣла сперва мелкія, потомъ покрупнѣе. Онъ завелъ уже нѣчто вродѣ собственнаго бюро и пріемовъ. Потомъ было нѣсколько поѣздокъ въ другіе города, тоже по дѣламъ. Онъ отсутствовалъ сперва три дня, потомъ недѣлю, потомъ и больше.

Въ это время она стала замѣчать въ немъ нѣкоторую перемѣну. Его иногда раздражали такія вещи, которымъ онъ прежде не придавалъ значенія. Онъ оказался способнымъ сдѣлать маленькую исторію изъ-за того, что пересоленъ супъ, или недожарена птица. Все это, разумѣется, были пустяки, но дѣло въ томъ, что всякая такая маленькая сцена вела за собой замѣтное охлажденіе въ немъ. Онъ уходилъ изъ дому и не являлся весь вечеръ. Сцены дѣлались чаще, значительнѣе и продолжительнѣе, хотя поводы были все тѣ же.

— Вы посмотрите,—пояснилъ Латугинъ,—какая удивительная система была у этого человѣка: онъ никогда не бросалъ женщину, а всегда велъ дѣло такъ, чтобъ она сама бросила его. Такъ поступилъ онъ съ Анчуровой и, какъ вы сейчасъ увидите, этого онъ станетъ добиваться и здѣсь.

Онъ все чаще и чаще останавливался на темѣ о томъ, что у людей не всегда слова сходятся съ дѣлами. Она не

Digitized by Google

понимала значенія этого, а онъ, не дождавшись, чтобъ она поняла сама, сдѣлалъ наконецъ намекъ.

— Да,—говорилъ онъ,—горячія слова, какъ желѣзо: когда оно раскалено, то горитъ, пылаетъ, искры изъ него сыплются; а остынетъ, лежитъ холодное и скучное, и никому отъ него не жарко. Вотъ хоть бы и ты: съ какимъ огнемъ ты стремилась тогда изъ дому, и на что только ты не была готова, чтобъ добраться до полезнаго дѣла? И что же? Гдѣ это дѣло? Ни въ чемъ его не видно...

Но Дарья Григорьевна слишкомъ цѣнила свой маленькій теплый уголъ и слишкомъ цѣпко держалась за него. Ради этого она была способна многое простить. Тысячу разъ у нея являлись смутныя подозрѣнія. У Постромкина былъ теперь новый кругъ пріятелей, съ которыми онъ проводилъ долгіе вечера, совершались кутежи и попойки; она сидѣла дома одна. Эти новые пріятели, когда являлись къ нимъ въ домъ, производили на нее крайне непріятное, отталкивающее впечатлѣніе. Объ этомъ кругѣ въ городѣ составилось опредѣленное мнѣніе и все, что слышала она о немъ, было не въ его пользу. Они вели тотъ родъ жизни, который называется «холостой жизнью», т. е. жизнь, полную всякихъ безобразій. Впрочемъ, онъ и не скрывалъ отъ нея, что въ ихъ кругу были извѣстнаго рода женщины, но когда она намекала ему на то, что, быть можетъ, онъ ей измѣняетъ, онъ отвѣчалъ:

— О, нѣтъ, это было бы очень скучно — возиться съ этимъ.

И это было очень тонко сказанное оскорбленіе. Онъ отрицалъ измѣну и въ то же время оскорблялъ ее, давая понять, что только потому не измѣнялъ ей, что это было бы скучно.

Наконецъ, для него стало совершенно ясно, что она больше ему не нужна. Онъ уже опредѣлилъ планъ своей жизни и пріискалъ себѣ невѣсту, которая должна была сво-

Digitized by Google

имъ состояніемъ сразу поставить его адвокатскую практику на широкую ногу. Тогда разыгрался финалъ, одна изъ тѣхъ сценъ, которыя онъ всегда приберегалъ къ концу и въ которыхъ былъ такой мастеръ.

Шелъ разговоръ о женскомъ трудѣ. Какъ разъ въ это время нѣкоторые уцѣлѣвшіе члены прогорѣвшей чулочной артели начали организовывать какое-то новое предпріятіе. Дарья Григорьевна высказывала желаніе присоединиться къ нимъ.

Постромкинъ саркастически усмѣхнулся на это.—Полно! Все равно, это ни къ чему не поведетъ.

— Почему же?—спросила она, чувствуя уже въ его тонѣ готовящееся оскорбленіе. Отношенія ихъ въ это время были крайне напряжены. Онъ давно уже систематически добивался отъ нея рѣшительнаго конца.

— Да вѣдь это, все равно, всегда кончается одинаково!—отвѣтилъ онъ.—И главное тебѣ въ этомъ нѣтъ надобности. Тѣ еще не пристроены, вотъ онѣ и толкутся, и хватаются за что ни попало. Все это больше для того, чтобъ было о чемъ говорить. У женщинъ вѣдь всегда такъ: онѣ громко говорятъ слова о стремленіи къ самостоятельному труду, но при первомъ же случаѣ хватаются за перваго попавшагося мужчину съ очень опредѣленной цѣлью, чтобъ онъ ее содержалъ...

Она вспыхнула и бросила ему съ негодованіемъ:—Я понимаю твой намекъ, но ты лжешь, я за тебя не хваталась; ты забылъ о своихъ слезахъ и мольбахъ, ты забылъ, какъ ты долго и искусно игралъ на страданіи...

— О,— воскликнулъ онъ,— вы слишкомъ поспѣшно страданія превратили въ страсть!

Это было новое оскорбленіе, и она больше не могла выдержать. На минуту она забыла о своемъ дорогомъ гнѣздышкѣ, которымъ теперь дорожила больше всего на свѣтѣ.

Digitized by Google

— Вы просто негодяй! —швырнула она ему въ лицо,—и я презираю себя за то, что могла заблуждаться...

И этимъ все было кончено. Онъ понялъ, что оскорбленіе достаточно велико, и что цѣль достигнута, и ушелъ изъ дому, какъ бы давая ей время и свободу довести цѣло до конца. Она уѣхала съ дѣтьми къ одной изъ своихъ подругъ. На другой день онъ прислалъ ей деньги, но она съ презрѣніемъ отослала ихъ обратно. Тутъ она услышала объ Анчуровой. Та энергично добивалась своей цѣли, она не упала духомъ, занялась наукой и теперь была въ Петербургѣ и училась тамъ медицинѣ.

«Да,—подумала Дарья Григорьевна,—это хорошо, это побѣда, но у Анчуровой не было дѣтей и, можетъ быть, былъ характеръ, а я разбита, я совсѣмъ безъ силъ».

Тутъ уже ей пришлось испытать настоящую нужду. Двое дѣтей было у нея на рукахъ. За это время она рѣшительно ничему не научилась, за то потеряла всѣ силы. Послѣдній годъ ея жизни съ Постромкинымъ былъ безпрерывной тревогой и мукой. Между тѣмъ нельзя было сидѣть, сложа руки, надо было дѣлать все, что ни попадалось, за плату, какую бы ни дали. И она дѣлала все: давала грошевые уроки, дѣлала грошевые переводы, шила и даже вязала чулки. Старикъ Латугинъ ни на минуту не упускалъ ея изъ виду и много разъ уже раньше пробовалъ завести съ нею сношенія. Ему показалось, что это былъ благопріятный моментъ, и онъ прислалъ къ ней одного изъ близкихъ ему людей. Но она ему отвѣтила просто: — Нѣтъ, я не могу, я слишкомъ оскорбила отца!

И сказала это такимъ тономъ, который не оставлялъ никакой надежды на перемѣну ея взгляда. Наконецъ, она совсѣмъ выбилась изъ силъ; тогда ей оставалось одно, она рѣшилась написать отцу. И вотъ старикъ черезъ какихъ нибудь десять минутъ послѣ того, какъ прочиталъ давно

Digitized by Google

желанныя строки, былъ уже у нея и безъ словъ съ однѣми только слезами безпорядочно собиралъ ея вещи, укладывалъ ихъ, забралъ дѣтей и всѣхъ вмѣстѣ увезъ къ себѣ въ домъ. Это было полтора мѣсяца тому назадъ.

— Мнѣ кажется,—прибавилъ Латугинъ, когда уже время подходило къ пяти часамъ,— что все это я долженъ былъ вамъ разсказать. Скажите теперь, могъ ли бы я что нибудь отвѣтить на вашъ вопросъ, когда вы не знали этого? Но я попрошу васъ удвоить вниманіе и выслушать отъ меня остальное.

Кондратій Семеновичъ взглянулъ на часы и поднялся. Онъ сказалъ:

— Я долженъ извиниться передъ вами. Сегодня у меня есть дѣла, но завтра у меня еще цѣлый день свободный. Я могу выслушать васъ.

Онъ простился съ Латугинымъ, старикъ проводилъ его въ гостиную. Здѣсь на порогѣ онъ встрѣтилъ Дарью Григорьевну, которая, какъ казалось, поджидала его.

— Вы уходите? спросила она,— мы увидимся?

И она протянула ему руку.

— Завтра я буду у васъ,—отвѣтилъ онъ и на этотъ разъ внимательнѣе взглянулъ ей въ лицо. Онъ нашелъ въ этомъ лицѣ слѣды всѣхъ пережитыхъ ею мукъ, о которыхъ только что узналъ отъ Латугина. Онъ пришелъ домой въ отвратительномъ настроеніи. Всю дорогу кулаки его какъ-то сами сжимались, и ему казалось, что если бы онъ въ эту минуту встрѣтилъ Постромкина, то, не смотря на свой мирный характеръ и добродушіе, грубо и жестоко избилъ бы его. Онъ тотчасъ же все разсказалъ Софьѣ Андреевнѣ

— Но въ чемъ же ты можешь помочь ей?—спросила она.

— А вотъ этого-то я и не знаю!—отвѣтилъ онъ.

Digitized by Google

XII.

Софья Андреевна никогда еще ни видала Кондратія Семеновича такимъ разстроеннымъ, какъ въ этотъ день. Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и все нервно ходилъ изъ угла въ уголъ. Казалось, онъ ничего не слышалъ, когда она говорила ему о своихъ покупкахъ, показывала ему то, что купила въ этотъ день, и сообщала о предположеніяхъ назавтра. Когда она все это разложила передъ нимъ, онъ ничего не видѣлъ, ни на что не обратилъ вниманія.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ, угловато размахивая руками, съ видомъ человѣка, глубоко возмущеннаго:—нѣтъ, но вѣдь такимъ образомъ нельзя жить въ обществѣ! Какое же это общество, если мы будемъ допускать спокойно жить въ немъ такихъ негодяевъ? Вѣдь онъ членъ этого общества и, можетъ быть, еще почтенный, вѣдь я зналъ его близко, жилъ съ нимъ, мы съ нимъ сидѣли на одной скамьѣ, мы горѣли однимъ огнемъ... какъ казалось, конечно... Ну, хорошо, вотъ существуетъ общество и живетъ себѣ изо дня въ день, въ немъ есть опредѣленныя добродѣтели. Онѣ всѣ изложены въ законахъ; кто нарушаетъ ихъ, того судятъ и наказываютъ. Но вѣдь это—это гнусность, это нарушеніе самыхъ элементарныхъ правъ человѣка, и такъ систематически, обдуманно, съ десятками жертвъ, которыя оставляются въ беззащитномъ положеніи, это не предусмотрѣно въ законахъ, и этотъ человѣкъ, сдѣлавшій своею спеціальностью гнусность, спокойно живетъ и процвѣтаетъ въ обществѣ...

И онъ съ каждой минутой все больше и больше приходилъ въ негодованіе. Напрасно Софья Андреевна говорила ему, что такихъ негодяевъ много, и что его волненіе безполезно: все равно отъ этого Постромкинъ не станетъ лучше, а тѣмъ, кого онъ сдѣлалъ своими жертвами, не будетъ легче жить. Онъ отвѣчалъ на это:

Digitized by Google

— О, это безразлично! Для меня это безразлично. Все равно, будетъ ли отъ этого польза, или нѣтъ, но каждый, сохранившій способность возмущаться подлостью, долженъ, если у него есть возможность, сказать подлецу въ глаза, что онъ подлецъ. И я это непремѣнно сдѣлаю!—прибавилъ онъ и рѣшительно взялъ шляпу.

— Куда ты?—спросила его Софья Андреевна.

— Я пойду и сдѣлаю то, что сказалъ.

Софья Андреевна ничего не возразила. Она знала, что этотъ мягкій, сговорчивый человѣкъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда его что-нибудь слишкомъ глубоко возмущало, проявлялъ непоколебимое упорство, и тогда напрасно было ему возражать и приводить разумные доводы. Онъ непремѣнно дѣлалъ по-своему. Поэтому она и въ этомъ случаѣ не пыталась остановить его.

Кондратій Семеновичъ вышелъ на улицу. Было часовъ шесть вечера, солнце еще свѣтило ярко. На городскихъ улицахъ было праздничное оживленіе. На главной улицѣ, которую ему пришлось перейти, на тротуарахъ праздничная публика двигалась колоннами, стояли говоръ и шумъ. Кондратій Семеновичъ забѣжалъ къ одному знакомому, который занимался адвокатурой.

— Вы знаете Постромкина?—спросилъ онъ его.

— Это адвоката?

— Ну, да. Мнѣ нужно его адресъ и затѣмъ, когда онъ бываетъ дома.

— А что, у васъ судебное дѣло?

— Да, да, дѣло!—разсѣянно отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ.

— По всей вѣроятности, сегодня онъ цѣлый день дома. Вѣдь праздникъ. А адресъ его...

Пріятель порылся въ какомъ-то календарѣ и нашелъ адресъ Постромкина. Кондратій Семеновичъ записалъ и тотчасъ поспѣшно ушелъ. Постромкинъ жилъ недалеко отсюда.

Digitized by Google

Онъ занималъ верхній этажъ небольшого особняка съ садикомъ и съ широкимъ балкономъ. Подъѣздъ и лѣстница были шикарны. «Вѣдь, пожалуй, не приметъ,—подумалъ Кондратій Семеновичъ:—не даромъ же онъ тогда на улицѣ отвернулся. Да, конечно, не даромъ, и теперь я понимаю, почему». Онъ остановился у подъѣзда и началъ обдумывать, какимъ образомъ устранить возможность со стороны Постромкина отказа принять его. Онъ придумалъ. Такъ какъ карточекъ у него не было, то онъ досталъ изъ кармана листикъ чистой бумаги, затѣмъ вошелъ въ подъѣздъ и, склонившись надъ подоконникомъ, написалъ: «Мнѣ необходимо повидаться по очень важному личному дѣлу. Чепуренко».

Онъ свернулъ бумажку и съ нею поднялся наверхъ. Онъ думалъ: «онъ, конечно, пойметъ, что я буду говорить о Дарьѣ Григорьевнѣ, и побоится скандала. Этого они больше всего боятся».

Онъ позвонилъ и, когда вышелъ лакей, не спрашивая дома ли хозяинъ, онъ просто подалъ ему бумагу и сказалъ:

— Передайте это сейчасъ г. Постромкину; это очень спѣшно.

Лакей, быть можетъ, въ такихъ случаяхъ, привыкшій говорить, что Постромкина нѣтъ дома, на этотъ разъ не нашелся и, своевременно ничего не возразивъ, долженъ былъ взять бумагу.

— Хорошо-съ! – отвѣтилъ онъ.—Только они теперь обѣдаютъ.

— Это ничего, вы все-таки отдайте.

Лакей ушелъ. Кондратій Семеновичъ остался ждать за дверью. Повидимому, записка его заставила Постромкина подумать, потому что ему пришлось простоять минуты двѣ. Но затѣмъ лакей попросилъ его войти и проводилъ въ кабинетъ. Обстановка у Постромкина была только приличная, но не было ничего лишняго, никакихъ дорогихъ украшеній, ни ковровъ, ни картинъ. Кабинетъ былъ не великъ,

Digitized by Google

но обставленъ съ расчетомъ на впечатлѣніе дѣловитости: тяжелый столъ, высокая конторка, шифоньерка для бумагъ, съ растворенными дверцами, гербовые листы, множество письменныхъ принадлежностей, юридическіе журналы, законы и тому подобные атрибуты юриста. Кондратій Семеновичъ и сюда принесъ свое волненіе и потому, войдя въ кабинетъ, тотчасъ же заходилъ изъ угла въ уголъ, какъ бы продолжая совершать ту прогулку, которую началъ дома. Но вотъ онъ обернулся и увидѣлъ входящаго Постромкина. Высокій, статный, такой же красивый, какъ прежде, онъ слегка только растолстѣлъ. На немъ была коротенькая визитка, пестрый галстукъ съ воткнутой въ него булавкой, широкіе свѣтлые штаны. Онъ пріятно облизывалъ губы, — очевидно, его оторвали отъ вкуснаго обѣда. На лицѣ его была написана радость, которую надо было отнести къ воспоминанію о старомъ товариществѣ. Онъ остановился на порогѣ, выразилъ изумленіе и протянулъ обѣ руки впередъ.

— А, Боже мой, сколько лѣтъ, сколько зимъ! Вотъ сюрпризъ! Кондратій Семеновичъ! какими судьбами? а я ужъ думалъ, что мы никогда не встрѣтимся.

— Мы встрѣчались!—рѣзко промолвилъ Кондратій Семеновичъ, не двигаясь съ своего мѣста.

— Что? Какъ? Когда?

— Однажды на улицѣ. Вы смотрѣли мнѣ въ лицо и постарались не узнать. Впрочемъ, вы очень хорошо это знаете.

— Право, не помню.

И по голосу Постромкина можно было узнать, что онъ уже почувствовалъ, въ чемъ заключается смыслъ этого посѣщенія, и поспѣшно старался обдумать, какую принять ему позицію.

— Ну, да, впрочемъ, это и не важно!—сказалъ Кондратій Семеновичъ.—Я пришелъ не-надолго и вовсе не для того, чтобъ доставить вамъ удовольствіе. Сегодня я видѣлъ Дарью Григорьевну и узналъ всю ея исторію, а также

Digitized by Google

исторію Анчуровой... Вѣроятно, есть и другія исторіи, которыхъ я не знаю... И вотъ въ чемъ мое дѣло, съ которымъ я къ вамъ пришелъ: я пришелъ сказать вамъ, что вы негодяй и подлецъ!

Постромкинъ ошѣшилъ и подался назадъ.

— Но... Какъ же вы смѣете?—пробормоталъ онъ; у него вздрагивали губы, и онъ слегка заикался.

Кондратій Семеновичъ смотрѣлъ ему въ глаза прямо и твердо, какъ человѣкъ, исполняющій свой священный долгъ.

— Да,— еще тверже прежняго сказалъ онъ,— я это смѣю. Я повторяю: вы негодяй и подлецъ! Вѣдь другого суда на васъ нѣтъ, такъ вотъ пусть хоть это будетъ. Я считаю для себя позорнымъ, что когда-то былъ вашимъ товарищемъ и жалъ вашу грязную руку. Я только это и хотѣлъ сказать вамъ, что вы негодяй и подлецъ.

И, сказавъ это, Кондратій Семеновичъ пошелъ прямо къ двери, которую загораживалъ своей фигурой Постромкинъ. Можно было думать, что здѣсь произойдетъ страшное столкновеніе, что Постромкинъ набросится на него и сдавитъ ему горло, но вмѣсто этого тотъ отступилъ на два шага въ сторону и пропустилъ гостя. Кондратій Семеновичъ быстро прошелъ въ переднюю комнату и затѣмъ внизъ по лѣстницѣ, сильно стуча своими тяжелыми, грубыми сапогами.

Выйдя на улицу, онъ тотчасъ же почувствовалъ какое-то облегченіе, а когда пришелъ домой, то на лицѣ его было то добродушное выраженіе, которое сіяло на немъ всегда.

— Ну, вотъ, слава Богу!—говорилъ онъ.—Я сказалъ ему, что онъ подлецъ и негодяй, и у меня отлегло отъ сердца. Вѣдь больше ничего нельзя подѣлать; это все, что у насъ еще осталось противъ этой дряни. Ну, показывай же, что ты тамъ такое накупила?

Софья Андреевна усмѣхнулась и начала показывать ему покупки.

Digitized by Google

XIII.

На другой день, часовъ въ одиннадцать утра, Кондратій Семеновичъ отправился къ Латугину. Швейцаръ на этотъ разъ призналъ его и отнесся къ нему съ почтеніемъ.

— А ихъ дома нѣту,—сказалъ онъ.

— Кого?—спросилъ Кондратій Семеновичъ.

— Да самого барина, старика.

— Но какъ же? Вѣдь мы условились.

— Не могу знать! Они съ полчаса, какъ уѣхали. Должно быть, какое-нибудь непредвидѣнное дѣло.

— Въ такомъ случаѣ я зайду позже...

— Нѣтъ, ужъ вы пожалуйте,—возразилъ швейцаръ,— барыня, Дарья Григорьевна, у себя и просили, въ случаѣ ежели вы пожалуете...

— Дарья Григорьевна?

— Да, сами приказали.

Кондратій Семеновичъ отдалъ ему пальто и поднялся наверхъ. Знакомымъ путемъ онъ прошелъ прямо въ кабинетъ, а черезъ минуту туда вошла Дарья Григорьевна. Сегодня она, повидимому, готовилась къ его визиту и ждала его. Она была уже не въ капотѣ, а въ легкомъ шелковомъ платьѣ, очень стройная, какъ въ тотъ день, когда они стояли подъ вѣнцомъ. Лицо ея было очень блѣдно, и въ глазахъ замѣтно было тревожное волненіе.

— Отчего вы не садитесь?—сказала она.—У васъ, вѣроятно, много своихъ дѣлъ, а мы заставляемъ васъ возиться съ нами. Вы были гдѣ-нибудь, въ театрѣ? Или, впрочемъ, теперь нѣтъ театровъ...

Она волновалась и, очевидно, умышленно говорила о постороннихъ вещахъ. Онъ сѣлъ и молчалъ. Поговоривъ еще о чемъ-то, не имѣвшемъ никакого отношенія къ дѣлу и совершенно не интересовавшемъ его, она сѣла въ кресло и промолвила совсѣмъ другимъ тономъ:

Digitized by Google

— Папа вчера разсказалъ вамъ мою глупую исторію...

— Скорѣе печальную! – отозвался Кондратій Семеновичъ.

— Да, и печальную и глупую. Я сама должна была бы разсказать вамъ, но силъ не было... я вѣдь слаба до смѣшного. А вы, Кондратій Семеновичъ, не раскажите мнѣ про вашу жизнь, про вашу дѣятельность?

И на ея блѣдныхъ щекахъ сразу выступили красныя пятна. Видно было, что сказать всѣ эти незначительныя слова ей было не легко.

— Ну, чтожъ,—грубовато отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ,—моя жизнь простая, и дѣятельность тоже несложная... Самая простая, маленькая, незамѣтная...

— Но по крайней мѣрѣ полезная!—промолвила она.

— О, да, безусловно полезная!

— Да, это слово здѣсь очень годится: «безусловно». Какъ много есть людей, всю жизнь работающихъ надъ дѣломъ, полезность котораго только условна... Разскажите мнѣ подробнѣе...

— Ахъ, право же, ничего такого нѣтъ, чтобъ разсказывать. Я живу и работаю, какъ всѣ простые работники. Ну, что-жъ, утромъ встаю, гуляю, потомъ приходятъ школьники, занимаюсь, въ обѣдъ отпускаю ихъ, потомъ иногда опять приходятъ они, вечеромъ читаю что нибудь или такъ своими дѣлами занимаюсь...

— Но неужели вамъ не трудно дѣлать все это одному?

— Я не одинъ!—отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ.

— Но кто же вамъ помогаетъ!

— Моя жена.

— Жена?

Она произнесла это съ широко раскрытыми глазами и затѣмъ, какъ бы не понявъ, въ чемъ дѣло, уставилась въ одну точку, напряженно стараясь понять:— Да... да... да, это такъ, это понятно!—говорила она, какъ бы разсуж-

Digitized by Google

дая сама съ собой.—Но нѣтъ, какъ же вы... вы... отрицали вѣдь... тогда, помните? Вы сказали, что отдаете мнѣ то, что вамъ не нужно... Ну, да, значитъ, время все мѣняетъ...

Она говорила эти слова, точно въ какомъ-то нервномъ забытьѣ,—очень быстро, съ порывистыми остановками, какъ бы не помня себя, и потомъ вдругъ какъ будто спохватилась: — Ахъ, что я?.. я говорю глупости... Не правда ли? Я вѣдь не имѣю права, да и вообще все это глупости...

А онъ смотрѣлъ на нее и ясно видѣлъ, что въ глубинѣ ея души зашевелилось какое-то страданіе, и ему было жаль, что онъ такъ прямо, безъ всякихъ оговорокъ, сказалъ ей это. Надо было употребить другое слово, или какъ нибудь обойти это. Но вотъ голосъ ея прервался, плечи начали вздрагивать, и вдругъ слезы полились изъ ея глазъ, и съ нею сдѣлалось что-то вродѣ истерики. Онъ вскочилъ, сталъ искать воды и нашелъ ее на каминѣ. Тутъ же нашелся одеколонъ и флакончикъ со спиртомъ; все это онъ пустилъ въ дѣло.

Дарья Григорьевна пришла въ себя и поблагодарила его слабымъ кивкомъ головы.—Ну, вотъ видите,—тихо промолвила она,—какъ я мало гожусь на что бы то ни было! Но теперь у меня нервы спокойны; они такъ утомились, что уже не помѣшаютъ мнѣ сказать вамъ все... Всѣ мои думы...

— Можетъ быть, лучше было бы отложить напослѣ?— попытался возразить Кондратій Семеновичъ,—вамъ теперь трудно.

— О, нѣтъ, надо все сразу! При томъ же это теперь имѣетъ только историческій интересъ!.. Вѣдь все это была только ошибка. Ну, вотъ видите, я помнила, какъ вы тогда относились къ этому. Вы, Кондратій Семеновичъ, произвели на меня въ тотъ день, въ тѣ полчаса, какое-то неотразимое впечатлѣніе чего-то высшаго, духовнаго... чего-то

Digitized by Google

стоящаго выше слабостей и земныхъ страстей... Вы уже знаете, какъ жизнь завертѣла меня; она не разъ окунала меня въ грязь... но глаза мои были закрыты, я не видѣла истины, и я не знала, что это грязь. Но въ тяжкія, самыя страшныя минуты моей жизни воспоминаніе о васъ, Кондратій Семеновичъ, озаряло мою душу. Я думала: есть все-таки на свѣтѣ существо, которое стоитъ выше всего этого. Оно далеко, оно не думаетъ обо мнѣ, у него свое дѣло и заботы, но все-же душа моя ему сродни... И мнѣ дѣлалось легче и, можетъ быть, это-то воспоминаніе дало мнѣ силы вынести все. Когда все это кончилось, и я пришла къ отцу, то вотъ первое, что я сказала ему: что есть только одинъ человѣкъ на свѣтѣ, который можетъ меня спасти, и этотъ человѣкъ—вы! Все, что ниже васъ, казалось мнѣ нестоющимъ, чтобъ о немъ даже думать. Я думала: онъ работаетъ, онъ всѣ силы отдаетъ любимому дѣлу, онъ приноситъ пользу людямъ,—неужели же онъ оттолкнетъ меня съ моею готовностью помогать ему? Только помогать... не думайте, Кондратій Семеновичъ, что тутъ было что нибудь болѣзненное, какое нибудь необъяснимыми путями зародившееся чувство къ человѣку, котораго видѣли одинъ разъ въ жизни. У меня ничего нѣтъ къ вамъ, Кондратій Семеновичъ, кромѣ глубокаго уваженія... Я думала спасти себя работой съ вами, съ вами, съ такимъ простымъ прямымъ, убѣжденнымъ, твердымъ человѣкомъ, и въ то же время я думала найти моимъ дѣтямъ такого вотъ именно отца... Простите... Вѣдь у васъ тоже есть дѣти?

— Да, двое...

— И они... они не могутъ быть названы вашими...

— Конечно... вы знаете ..

— Это громадное лишеніе.

— Я не думаю, чтобъ громадное, но все-же это впослѣдствіи будетъ имѣть для нихъ значеніе.

Она вдругъ чрезвычайно заволновалась, и по лицу

Digitized by Google

ея уже было видно, что ей предстояло сообщить что-то необыкновенно важное. Она сказала съ усиліемъ:

— А между тѣмъ эти дѣти, эти... мои... вѣдь я должна же сказать вамъ это... хотя я не имѣла на это права... но они записаны, какъ законныя, то-есть ваши.

— Это въ порядкѣ вещей!—замѣтилъ Кондратій Семеновичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно возразила она.—Это можно было сдѣлать только съ вашего разрѣшенія. Но это не я сдѣлала, это онъ сдѣлалъ... Я не посмѣла бы...

— Это хорошо!—просто замѣтилъ Кондратій Семеновичъ,—по крайней мѣрѣ, хоть эти не будутъ ощущать неудобства... Но послушайте, Дарья Григорьевна, если вы все-таки хотите работать,—хотя вамъ сперва надо подумать о своемъ здоровьѣ, — но если ужъ вы такъ непремѣнно хотите, то у насъ въ 12 верстахъ школа свободная. Вамъ, то-есть вашему отцу, будетъ очень нетрудно выхлопотать это мѣсто для васъ.

Она медленно покачала головой.—Я ничего не смогу, ничего!

— Но почему же? Мы будемъ часто видѣться, я буду помогать вамъ совѣтомъ, научу васъ разобраться въ новомъ дѣлѣ,—вѣдь это такъ просто, мы можемъ видѣться каждый день.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я ничего не смогу... Я изъ тѣхъ созданій, которыя могутъ работать и быть полезными только подъ непосредственнымъ вліяніемъ какого нибудь сильнаго человѣка... Нѣтъ, нѣтъ... благодарю васъ.

Она страшно, непомѣрно волновалась, и Кондратію Семеновичу было тяжело смотрѣть на это. Онъ видѣлъ, что ни въ чемъ ей помочь не можетъ, и ему хотѣлось какъ нибудь прекратить этотъ разговоръ. Но заговорить о другомъ не было никакой возможности. Она неспособна

Digitized by Google

была отозваться теперь ни на что другое. Она не разслышала бы его вопроса.

Въ это время въ кабинетъ мягкими, чуть слышными шагами вошелъ старикъ Латугинъ и, взглянувъ сперва на дочь и, по всей вѣроятности, многое прочитавъ на ея лицѣ, вопросительно посмотрѣлъ на Кондратія Семеновича.

Кондратій Семеновичъ всталъ и началъ прощаться Дарья Григорьевна какъ-то рѣшительно оправилась, выпрямилась и спросила его тономъ почти дѣловымъ:

— Вы остановились тамъ же... гдѣ тогда?

— Да, я всегда тамъ останавливаюсь.

— Вы завтра уѣзжаете, не правда ли?

— Да, раннимъ утромъ. У насъ завтра занятія въ школѣ.

— Прощайте, Кондратій Семеновичъ.

Она крѣпко пожала ему руку. Латугинъ, очевидно, еще ничего не понимая и разсчитывая сейчасъ получить объясненіе, молча сдѣлалъ то же.

Кондратій Семеновичъ вышелъ.

Около двухъ часовъ почи, когда въ меблированныхъ комнатахъ Аделаиды Петровны всѣ жильцы спали глубокимъ сномъ, послышался тревожный стукъ въ дверь и затѣмъ порывистый звонокъ. Оказалось, что это былъ тотъ самый старикъ швейцаръ, который сторожилъ лѣстницу Латугинскаго дома.

— Господину Чупуренкѣ записка и очень спѣшное дѣло! — говорилъ онъ внушительно и торопливо Аделаидѣ Петровнѣ, которая смотрѣла на него сонными и ничего не понимающими глазами.

Всѣ жильцы высунули головы изъ своихъ комнатъ, проснулся и Кондратій Семеновичъ и, разслышавъ свою фамилію, наскоро одѣлся и выбѣжалъ въ переднюю; схвативъ записку, онъ вернулся къ себѣ въ комнату и поспѣшно распечаталъ ее. Въ ней было:

Digitized by Google

«Ради Господа, пріѣзжайте сію минуту. Съ Дашей нехорошо. Можетъ быть, еще спасемъ. Ради Господа Бога, умоляю васъ, не откажите и простите. Вашъ Г. Латугинъ».

Кондратій Семеновичъ не успѣлъ даже переговорить съ Софьей Андреевной. Онъ только передалъ ей записку и, схвативъ шляпу, выскочилъ изъ квартиры. Швейцаръ, который былъ теперь не въ ливреѣ, а въ обыкновенной одеждѣ, поджидалъ его на лѣстницѣ. Они спустились внизъ, сѣли на извозчика и покатили.

— Что же съ нею?— спрашивалъ по дорогѣ Кондратій Семеновичъ.

Швейцаръ только качалъ головой и неопредѣленно мычалъ себѣ подъ носъ:—Богъ ихъ знаетъ... Народъ нынче такой, что и не разберешь его. Ужъ, кажется, чего бы— и богатство, и уваженіе, и все, чего хочешь, а вотъ, поди-жъ, изъ родительскаго дома ушла, намучилась, настрадалась, а теперь вотъ...

— Но что же, что же съ нею?

— Не знаю, баринъ. Вотъ пріѣдемъ, все узнаете, а я что-жъ,—мнѣ приказано, я и исполняю.

Они пріѣхали. У швейцара былъ ключъ отъ двери, онъ отперъ ее, Кондратій Семеновичъ вбѣжалъ наверхъ, тамъ дверь была открыта; онъ вошелъ. Въ гостиной было свѣтло, но не оказалось ни души. Онъ въ нерѣшительности постоялъ съ полминуты и затѣмъ пошелъ направо въ кабинетъ. Здѣсь тоже никого не было. А между тѣмъ другихъ частей квартиры онъ не зналъ. Пройти туда, изъ гостиной налѣво? Но, можетъ быть, онъ попадетъ въ чью нибудь спальню! Онъ зналъ, что въ домѣ есть еще дѣвушка, сестра Дарьи Григорьевны. (Мать ея умерла за это время). Онъ не рѣшался, но надо было что нибудь дѣлать, иначе его присутствіе становилось безполезнымъ; онъ опять пошелъ въ гостиную. Въ это время слѣва дверь растворилась, и на порогѣ показался Латугинъ. Онъ былъ блѣ-

Digitized by Google

денъ и совершенно подавленъ. Кондратій Семеновичъ пошелъ къ нему.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ.

Латугинъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой и промолвилъ:

— Все кончено, Кондратій Семеновичъ.

Тотъ вопросительно посмотрѣлъ на него, все еще не понимая, въ чемъ дѣло.

— Все кончено!—повторилъ старикъ: — Даша... она приняла ядъ.

И старикъ, совершенно обезсиленный, повалился въ кресло.

Кондратій Семеновичъ стоялъ передъ нимъ, пораженный извѣстіемъ. Дома онъ прочиталъ письмо наскоро и не обратилъ вниманія на то, что тамъ ясно говорилось объ опасности. Такъ вотъ какъ это кончилось! Неужели же онъ виноватъ въ судьбѣ Дарьи Григорьевны? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, если бы онъ тогда отказался вѣнчаться съ нею, можетъ быть, все пошло бы иначе? Вѣдь этотъ бракъ въ ея рукахъ былъ орудіемъ противъ отца, противъ роднаго дома; онъ далъ ей возможность не возвращаться туда. Да нѣтъ, нѣтъ... Это не онъ, а время было такое, и всякій другой на его мѣстѣ поступилъ бы точно такъ-же. Навѣрно нашелся бы и другой, такъ-же мало придававшій значенія «формальности».

Всѣ эти мысли вихремъ проскользнули въ его головѣ. Латугинъ пришелъ въ себя, крѣпко сжалъ обѣими руками голову и промолвилъ глухимъ, подавленнымъ голосомъ:— Я не говорю, что кто нибудь виноватъ... если дѣти не могутъ ужиться въ домѣ, то, значитъ, въ этомъ домѣ плохо... Да, я теперь многое понимаю. Молодость, горячая душа, крылья... крылья... А тутъ нажива... съ одной стороны нажива, а съ другой безсмысленное проживаніе нажитого... вотъ она и рвалась... да, да, все это такъ... говорилъ

Digitized by Google

старикъ, поникнувъ головой, и глаза его были полны слезъ. — Только ради Бога не вините себя!—промолвилъ онъ, схвативъ руку Кондратія Семеновича и крѣпко сжавъ ее. — Да, пойдемте въ кабинетъ!.. она оставила вамъ письмо, я нашелъ его на столѣ...

Онъ съ трудомъ поднялся и шатаясь пошелъ въ кабинетъ, Кондратій Семеновичъ послѣдовалъ за нимъ. Старикъ подошелъ къ столу, поднялъ массивную чернильницу и вынулъ изъ-подъ нея запечатанный конвертъ съ надписью: «Кондратію Семеновичу Чепуренко». Кондратій Семеновичъ прочиталъ вслухъ:

«Я пришла къ естественному концу, глубокоуважаемый Кондратій Семеновичъ. Послѣ вашего ухода я думала много и, сколько ни старалась, не могла найти для себя мѣста въ жизни. Я больше ни на что не годна. Но если моя жизнь не можетъ быть никому полезна, то по крайней мѣрѣ устраненіе меня принесетъ пользу вашимъ дѣтямъ. Умоляю васъ только объ одномъ: возьмите къ себѣ моихъ дѣтей и сдѣлайте ихъ такими простыми, прямыми и честными людьми, какъ вы сами. Желаю вамъ, Кондратій Семеновичъ, счастья и успѣха тому великому дѣлу, которому вы служите. Прощайте».

Когда Кондратій Семеновичъ поднялъ глаза, то увидѣлъ на лицѣ старика новыя слезы, которыя градомъ катились изъ его глазъ.

— Вотъ видите,—промолвилъ Латугинъ:—она и теперь не довѣряетъ мнѣ... Дѣтей-то вамъ...

— Вы дорожите ими?—спросилъ Кондратій Семеновичъ.

— Вы спрашиваете! промолвилъ старикъ.

— Я отъ всей души желалъ бы исполнить завѣтъ Дарьи Григорьевны,—сказалъ Кондратій Семеновичъ,—но я не посмѣю отнять у васъ дѣтей. Если вы этого желаете, то они останутся у васъ...

— Но вы у меня не въ послѣдній разъ, надѣюсь?—спро-

Digitized by Google

силъ Латугинъ, схвативъ его обѣ руки и крѣпко пожимая ихъ.

— Я рѣдко бываю въ городѣ,—просто отвѣтилъ Кондратій Семеновичъ,—но когда случится, всякій разъ буду у васъ... Къ сожалѣнію, завтра я не могу остаться. Мнѣ надо быть при дѣлѣ. Да вѣдь и помочь уже ничего не могу...

Онъ посидѣлъ еще немного въ кабинетѣ Латугина и затѣмъ, простившись съ нимъ, пошелъ домой. Софья Андреевна не спала; не зная, въ чемъ дѣло, она не рѣшилась укладываться, думая, что, быть можетъ, имъ придется остаться въ городѣ. Дѣти спали.

Но они скоро уложились и уѣхали на вокзалъ, а затѣмъ съ раннимъ поѣздомъ отправились въ К. Мѣсяца черезъ два они обвѣнчались.

Digitized by Google

МУЖИЦКАЯ КАНИТЕЛЬ.

(Житейскіе наброски.)

Наканунѣ писарь Мокрицынъ звалъ меня въ судъ и при этомъ предупреждалъ, что ничего не будетъ любопытнаго.

— Пустячныя, можно сказать, нестоющія дѣла... Такъ, канитель мужицкая...

Но такъ какъ меня интересовала не сущность, а форма, то я рѣшилъ пойти. Предстояло пять дѣлъ, но я опоздалъ и пришелъ, когда первое уже кончилось.

Я поздоровался съ судьями, которые всѣ протянули мнѣ руки, хотя я былъ знакомъ только со старшиной и писаремъ, и на мой вопросъ не помѣшаю ли, всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили, что очень рады. Стоявшій у дверей, въ качествѣ судебнаго пристава, юркій мужикъ Фирсъ, наканунѣ продавшій мнѣ барана вдвое дороже, чѣмъ онъ стоилъ, засуетился, досталъ скамейку, накрылъ ее грязнымъ ряденцемъ и, поставивъ ее въ сторонкѣ отъ судейскаго стола, предоставилъ въ мое распоряженіе.

Картина, представившаяся моимъ глазамъ, была для меня необычайна. Въ комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, съ двумя оконцами, дававшими мало свѣта, стоялъ длинный столъ, накрытый черной клеенкой, на немъ длинныя книги съ судебными записями, бумажки и бумаженки. По

Digitized by Google

стѣнѣ неуклюжій диванъ, обитый матеріей, качества которой нельзя было разглядѣть изъ-за толстаго слоя грязи и сала, накоплявшихся, повидимому втеченіе многихъ десятилѣтій. Вокругъ стола нѣсколько такого же свойства стульевъ. У другой стѣны шкафъ съ «дѣлами», а въ углу—куча старыхъ книгъ съ записями, въ безпорядкѣ, запыленныхъ, заброшенныхъ, порыжѣлыхъ. На стѣнахъ—портреты трехъ государей. Судьи, сидѣвшіе за столомъ, въ первую минуту произвели на меня впечатлѣніе духовныхъ лицъ. На нихъ были кафтаны, застегнутые сбоку на шеѣ, а ноги ихъ были подъ столомъ, такъ что нельзя было разглядѣть, что кафтаны коротки; у всѣхъ были длинные волосы, аккуратно подстриженные на затылкѣ, лица, обросшія бородами различной длины. У старшины, онъ же и предсѣдатель суда, мѣдная бляха висѣла на мѣдной же цѣпи, надѣтой на шею; остальные судьи пристегивали свои бляхи прямо къ груди. У писаря Мокрицына обѣ щеки были подвязаны бѣлымъ платкомъ, и лицо выражало муку, изъ чего я заключилъ, что капли, которыя я далъ ему вчера, не помогли его зубамъ. Со стороны двери, оберегаемой юркимъ Фирсомъ, помѣщались объекты суда. По правую сторону отъ судей—десятка полтора бабъ, большею частью молодыхъ, за недостаткомъ мѣста плотно прижавшихся другъ къ дружкѣ; по лѣвую—молодой парень съ вытянутымъ лицомъ, на которомъ выдавались длинный утиный носъ, острый подбородокъ и маленькіе недобрые глазки. Онъ былъ въ коричневомъ пиджакѣ, сѣрыхъ брюкахъ на-выпускъ и при часахъ, о чемъ свидѣтельствовала массивная мѣдная цѣпь на жилеткѣ и что-то сильно отдувавшееся въ жилетномъ карманѣ. Но стремленія къ франтовству въ немъ не было замѣтно. Очевидно, костюмъ этотъ соотвѣтствовалъ его званію.

И старшина, и судьи, и писарь, и подсудимыя бабы почтительно называли его Евстахіемъ Андреевичемъ, а изъ

Digitized by Google

показаній для меня скоро выяснилось, что онъ—желѣзнодорожный мастеръ, но, будучи мастеромъ, страннымъ образомъ занимается поимкой бабъ, незаконно рвущихъ траву на какомъ-то спорномъ лугу.

Онъ-то и обвинялъ бабъ въ этомъ преступленіи. Бабы чистосердечно сознались и приводили въ свое оправданіе то обстоятельство, что лугъ еще недавно принадлежалъ обществу, а потомъ былъ отчужденъ подъ желѣзную дорогу, такъ вотъ онѣ, значитъ, по привычкѣ и пошли туда.

— Гм... слѣдственно, отвыкать надо!—замѣтилъ старшина, не пропускавшій ни одного случая проявить свой юморъ. У него и на лицѣ, надъ губами, наискосокъ отъ носа, образовались двѣ складки отъ частыхъ усмѣшекъ, и въ умныхъ глазахъ его постоянно свѣтился тонкій смѣхъ.

Старшина Кунакинъ былъ коренной мужикъ села Княжескаго, но въ свое время служилъ въ солдатахъ, тамъ хорошо научился грамотѣ, наблюдалъ жизнь, прочиталъ много книжекъ, заслужилъ унтеръ-офицерскій чинъ и нѣсколько нашивокъ и, вернувшись домой, сталъ двумя головами выше всѣхъ своихъ земляковъ. У него и хозяйство шло образцово, и семейный бытъ свой онъ какъ-то необыкновенно толково устроилъ, и такъ какъ для всѣхъ было очевидно, что Кунакинъ обладаетъ просвѣщенной головой, то его стали выбирать старшиной безсмѣнно, и такимъ образомъ онъ царилъ въ волости уже тринадцать лѣтъ.

Судей онъ держалъ въ полномъ уничиженіи. «Пахомовъ,—говорилъ онъ одному, когда дожидавшіеся очереди свидѣтели и подсудимые начинали громко галдѣть въ сѣнцахъ,—поди, скажи имъ, что здѣсь не кабакъ, а присутствіе. Пущай замолчатъ, а не-то арестую!» И судья Пахомовъ отправлялся въ сѣнцы и усмирялъ галдѣвшихъ. «Иванъ Семеновъ, приведи свидѣтеля Егорова, онъ, должно, въ кабакѣ сидитъ»,—командовалъ старшина другому, и судья Иванъ Семеновъ отстегивалъ отъ кафтана судейскую бляху,

Digitized by Google

клалъ ее на столъ и шелъ въ кабакъ извлекать оттуда Егорова. Только съ писаремъ Мокрицынымъ онъ обращался какъ съ равнымъ и внимательно выслушивалъ его голосъ.

Когда картина преступленія пятнадцати бабъ была вполнѣ выяснена, старшина Кунакинъ сказалъ, обращаясь къ сторонамъ:

— Ну, а теперь, други мои, можетъ, вы помиритесь... а? Евстахій Андреевичъ, можетъ, по первому разу вы простите?

Желѣзнодорожный мастеръ не взглянулъ на бабъ, замоталъ головой и скептически усмѣхнулся.

— Не вижу никакой надобности прощать! — сказалъ онъ.

— Что-жъ такъ? По первому разу можно бы, Евстахій Андреевичъ! А вы, бабы, что-жъ не просите? Вы просите. Евстахій Андреичъ — не камень, можетъ, и снизойдетъ! — промолвилъ Кунакинъ съ ироническою усмѣшкой, относившейся столько же къ бабамъ, сколько и къ желѣзнодорожному мастеру.

— Простите, Евстахій Андреевичъ! — разомъ заговорили всѣ пятнадцать бабъ,— по первому разу простите! Мы не знамши...

И при этомъ онѣ низко кланялись, чуть не сбивая съ ногъ другъ дружку. Евстахій Андреевичъ не моргнулъ глазомъ. Опустивъ руки по швамъ, онъ стоялъ неподвижно и глядѣлъ въ упоръ на старшину, считая его, повидимому, единственнымъ предметомъ, достойнымъ его взгляда.

— Ну, что-жъ, Евстахій Андреичъ, прощаете?—спросилъ старшина.

— Что-жъ тутъ прощать! Не вижу надобности прощать...—съ тупой твердостью отвѣтилъ мастеръ.

Бабы опять принялись кланяться, старшина опять за нихъ ходатайствовалъ. Но мастеръ былъ неумолимъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, прощать, это зачѣмъ же? Это, ежели прощать, такъ что-жъ это будетъ...

— Значитъ, не желаете, Евстахій Андреевичъ?— спросилъ старшина.

— Не желаю!

— Ну, выйдите вонъ и обождите!

Бабы гурьбой повалили въ дверь, а вслѣдъ за ними, выждавъ нѣкоторое время, какъ бы для того, чтобы не смѣшиваться съ толпой, степенно вышелъ и желѣзнодорожный мастеръ.

Тогда старшина Кунакинъ взялъ книжку законовъ и, очевидно, привычной рукой очень скоро отыскалъ подходящую статью. Съ этого момента между судейскимъ столомъ и мной установилась нѣкоторая отчужденность. Старшина вполголоса читалъ статью, судьи придвинулись къ нему, писарь одобрительно кивалъ головой. Фабриковался приговоръ, и судьи чувствовали необходимость тайны.

— Согласны?—тихо спросилъ старшина.

— Согласны!— отвѣтили пятеро судей, всегда согласные съ нимъ.

— Ну, пишите, Антонъ Махайловичъ!

Писарь налегъ всей грудью надъ прошнурованной книгой и быстрымъ почеркомъ вписывалъ въ нее приговоръ, ссылаясь на статьи закона.

— Готово!— объявилъ онъ, наконецъ.

— Ну, Иванъ Семеновъ,—обратился старшина къ одному изъ судей,—зови!

Судья схватился съ мѣста и побѣжалъ въ сѣнцы. Опять комната наполнилась бабами, и опять слѣва одиноко стоялъ желѣзнодорожный мастеръ. Судьи встали, писарь тоже, я послѣдовалъ ихъ примѣру. Писарь долго бормоталъ себѣ подъ носъ разныя общія мѣста и затѣмъ очень внятно отчеканилъ: «А посему означенныхъ крестьянокъ Княжеской волости, села Княжескаго (слѣдовало переимено-

Digitized by Google

ваніе пятнадцати бабъ) приговорили къ штрафу въ 25 копѣекъ съ каждой, а въ случаѣ несостоятельности къ аресту на однѣ сутки».

— Такъ вотъ, бабы, значитъ, обязаны по четвертаку заплатить,—объяснилъ старшина,—а ежели окажется не съ чего...

— Простите, Евстахій Андреевичъ!—взмолились бабы.

— Э, нѣтъ, теперь ужъ нечего... Поздно! Но вы, ежели недовольны, можете жаловаться. Тридцать дней сроку. Можете получить копію и подавать прошеніе на двухъ экземплярахъ сюда же, въ волостной судъ, а отсюда оно пойдетъ въ высшую дистанцію.

— Да что ужъ жаловаться-то? Посидимъ, что ужъ!—довольно весело говорили бабы.—Мы и ребятъ заберемъ, потому смотрѣть за ними некому...

— Ну, вотъ и ладно! Съ Богомъ! А вы, Евстахій Андреевичъ, не уходите, вы и по другому дѣлу вызваны... Мы его сейчасъ для вашего удобства и разберемъ,..

— Эй, бабы, кто изъ васъ грамотная?—спросилъ писарь,—надо подписать приговоръ.

Бабы переглянулись.

— Должно, что ни одна!..—отвѣтили нѣкоторыя изъ нихъ.

И дѣйствительно, изъ пятнадцати бабъ ни одной не оказалось грамотной. Писарь махнулъ рукой. Ихъ отпустили.

— Теперь насчетъ потравы лошадей... Кто тутъ вызванъ: Авксентій Никоновъ, Матвѣй Буркинъ и Федотъ Сруболѣевъ...

— Буркинъ не явился. Со вчерашняго дня на станціи пьяный сидитъ...

— Справный хозяинъ! Ничего, можно и заглазно. Иванъ Семеновъ, зови Никонова и Сруболѣева. Еще тамъ свидѣтель есть, пущай обождетъ.

Судья Иванъ Семеновъ, который очевидно полагалъ

Digitized by Google

свое назначеніе въ томъ, чтобы призывать на судъ дѣйствующихъ лицъ, пригласилъ Никонова и Срубольева. Никоновъ оказался молодымъ мужикомъ въ длинномъ ямщицкомъ кафтанѣ, чуть ли не на ватѣ, сильно толстившемъ его и придававшемъ ему зимній видъ. Лицо у него было бабье, съ жалкими свѣтлыми кустиками надъ верхней губой и на подбородкѣ, глазки маленькіе, равнодушные, неумные. Срубольевъ—мужикъ почтенный, съ сѣдой бородой, изрядно лысый, высокій, тонкій, съ толстой сучковатой палкой въ рукахъ. Оба они, войдя въ комнату, перекрестились на образъ, потомъ поклонились старшинѣ и судьямъ.

— Ну, читайте, Антонъ Михайловичъ, протоколъ.

Писарь, держась лѣвой рукой за щеку, невнятно, очевидно боясь растревожить языкомъ больные зубы, читалъ протоколъ, изъ котораго явствовало, что Никоновъ, Срубольевъ и Буркинъ пасли лошадей на лужайкѣ близъ полотна желѣзной дороги, потомъ перегнали ихъ черезъ полотно и потомъ стали пасти на томъ самомъ заповѣдномъ лугу, гдѣ бабы, только-что оштрафованныя, рвали траву. Для меня становилось ясно, что этотъ роковой лугъ игралъ важную роль въ жизни села. Желѣзнодорожный мастеръ Варравенко замѣтилъ это, арестовалъ лошадей и отсюда возникло дѣло.

Послѣ протокола мастеръ Варравенко объяснялъ, какъ было дѣло.

— ... Свечерѣло. Я и говорю рабочему Курдѣеву: «Семенъ, говорю, поставь дрезину, проѣдемъ, посмотримъ, нѣтъ ли чего». Мы проѣхали, ничего такого не оказалось... «Теперь обождемъ, говорю, притаимся, они будутъ»... Переждали. Вижу, ведутъ пятерку лошадей, а кто,—не разобралъ по дальности мѣста. Я далъ имъ время... Потомъ говорю: «Семенъ, ты тутъ побудь съ дрезиной, а я пойду». Вижу, лошадей перегоняютъ. Ну, думаю, ладно... Прихожу. «Что вы, говорю, тутъ дѣлаете? Поврежденіе, говорю, пути?»

Digitized by Google

Тутъ Буркинъ какъ схватится, да ко мнѣ. А у меня въ карманѣ леворверъ былъ. Я схватилъ леворверъ и выстрѣлилъ на воздухъ... Тогда онъ отскочилъ. Тутъ подбѣжали рабочіе и забрали лошадей...

— Такъ вы, Евстахій Андреичъ, выходитъ, стрѣляли?— спросилъ старшина.

— Да какъ же нѣтъ? Прямо изъ ружья!—вмѣшался Никоновъ.

— Тебя не спрашиваютъ! Твоя рѣчь впереди!

— Не изъ ружья, Иванъ Григорьевичъ, а изъ леворвера!— отвѣтилъ мастеръ.

— Для чего-жъ было стрѣлять?

— Собственно для испугу, на воздухъ..

— Такъ. Ну, теперь ты говори, Никоновъ.

— Что́ говорить? Лошадей не перегоняли...

— Какъ же не перегоняли, когда перегоняли?

— Не перегоняли ихъ, а сами перешли... Потому лошадь, она знаетъ лугъ... Лугъ былъ общественный, она привыкла...

— Былъ общественный, а нынѣ онъ есть отчужденіе...

— А лошадь нѣшто знаетъ? Лошадь знаетъ, что лугъ, она и претъ...

— Да ты не разсуждай, а говори, какъ было. Лошади, говоришь, сами полотно перешли. А вы чего-жъ глядѣли?

— Это дѣйствительно, что не доглядѣли, это я винюсь. Мы, значитъ, прилегли на полотно, трубки курили, да и заснули.

— Это неправда! — возразилъ Варравенко: — никто не спалъ.

— Какъ же не спалъ, когда спали... Я слышу, изъ ружья стрѣляютъ. Схватился да прямо въ рѣку и ну плыть...

— Чего-жъ ты въ рѣку полѣзъ?

— Да я не изъ-за себя. Мнѣ собственно малаго жаль... Какъ малый не въ совершенныхъ лѣтахъ, я и думаю: прибьютъ его... Ну, и въ воду, а онъ за мной... Извѣстно, малый не въ совершенныхъ лѣтахъ...

Digitized by Google

— Какой такой малый?

— Да Яшка Сруболѣевъ, Ѳедотовъ сынъ...

— Мой сынишка, выходитъ!..—пояснилъ Сруболѣевъ.

— Значитъ, и сынъ съ тобою былъ?

— Да сынъ только и былъ. Меня тамъ не было. А въ бумагу ошибкой записали Ѳедота. Былъ-то Яшка, а записали Ѳедота... Да это все едино. Что-жъ Яшка? Яшка не въ совершенныхъ лѣтахъ. Что съ него спрашивать?

— А сколько лѣтъ твоему Яшкѣ?

— Семнадцать лѣтъ!

Судьи слегка смущены ошибкой, но въ виду несовершеннолѣтія Яшки рѣшаютъ перенести вину на его отца.

— Иванъ Семеновъ, призови свидѣтеля Семена Курдѣева! — скомандовалъ старшина.

Свидѣтель Курдѣевъ на-лицо. Это коренастый, приземистый мужикъ, одѣтый ночему-то въ овчинный тулупъ, полы котораго расходятся, хотя на дворѣ только августъ, и съ кнутомъ въ рукѣ. Онъ тоже крестится на образа, потомъ желаетъ здоровья старшинѣ.

— Свидѣтель Курдѣевъ,—внушительно говоритъ ему старшина,—ты долженъ показать сущую правду, такъ что за каждое тобою показанное слово пойдешь подъ строгій отвѣтъ и въ случаѣ ежели подъ присягу... Теперь говори, что знаешь!

Свидѣтель хлопаетъ глазами. Повидимому, его смутили строгія слова насчетъ «отвѣта» и «присяги». И онъ рѣшительно заявляетъ:

— Ничего не знаю!

Начинаются разспросы. Но онъ дѣйствительно ничего не видалъ, такъ какъ былъ при дрезинѣ. Для меня дѣло нисколько не ясно. Показанія мастера, какъ и самый мастеръ, не внушаютъ мнѣ довѣрія. Между тѣмъ судьи, очевидно, другого мнѣнія.

— Ну, что-жъ,—обращается старшина къ сторонамъ,—можетъ, желаете миромъ кончить?

Digitized by Google

— Мы что-жъ, мы согласны! Для чего ссориться?—отвѣчаютъ мужики.

А мастеръ молчитъ.

— А вы, Евстахій Андреичъ? — спрашиваетъ его старшина.

— Не вижу никакой надобности мириться!—непоколебимо отвѣчаетъ мастеръ.

— Что-жъ, братцы, просите Евстахія Андреича!

— Простите, Евстахій Андреичъ!—И мужики низко кланяются мастеру, этимъ самымъ признавая свою виноватость.—Ежели бы по злобѣ, а то, сами знаете, лугъ; онъ былъ общественнный, ну, лошадь, она и привыкла, извѣстно... Ужъ простите!

— Нѣтъ, не вижу никакой надобности прощать... Это, ежели прощать, такъ что же будетъ?

— Ну, значитъ, выйдите вонъ!

Истецъ и отвѣтчики вышли. Писарь вдругъ завылъ отъ зубной боли.

— Вы тутъ судите, а я сейчасъ приду! — сказалъ онъ и опрометью выбѣжалъ изъ комнаты.

Опять началась таинственность. Старшина искалъ законъ и что-то шепталъ судьямъ, судьи кивали головами. Я оставался въ полной увѣренности, что для осужденія кого бы то ни было нѣтъ никакихъ данныхъ. Потомъ пришелъ писарь и что-то писалъ подъ тихую диктовку старшины, затѣмъ судья Иванъ Семеновъ исполнилъ свои обязанности, и въ результатѣ былъ прочитанъ приговоръ, по которому, на основаніи такихъ-то и такихъ-то статей, крестьяне Никоновъ, Буркинъ и Сруболѣевъ присуждались къ штрафу по два рубля каждый или къ аресту на однѣ сутки. При этомъ во время чтенія приговора въ дверяхъ появился ободранный мужиченко съ безконечно испитымъ лицомъ и, повидимому, внимательно слушалъ.

Digitized by Google

— Ты что же, Буркинъ, на судъ не явился?—спросилъ его писарь.

— Э, не къ чему. И такъ ладно будетъ!

— Ты, значитъ, къ самой сути попалъ! — сказалъ старшина. — Ну, вотъ тебя къ двумъ рублямъ штрафу присудили...

— Вотъ и ладно!—отвѣтилъ Буркинъ, — значитъ, и получайте... Коли есть съ кого!.. Тоже судъ! Этакъ-то присудить всякій можетъ... А ты разбери!... Лугъ, онъ нашъ, общественный...

— Какъ же общественный, коли онъ отчужденный?

— А мнѣ какое дѣло? Намъ безъ луга нельзя... Кто его отчуждалъ? Не я, значитъ, отчуждалъ... Мнѣ какое дѣло...

— Иванъ Семеновъ, убери его! Здѣсь присутствіе!..

Иванъ Семеновъ исполнилъ свою обязанность. Буркина удалили. Грамотныхъ, кромѣ Варравенки, не оказалось.

—Значитъ, отсидимъ,—сказалъ Сруболѣевъ, очевидно готовый сидѣть за своего «малаго не въ совершенныхъ лѣтахъ». Потому платить не съ чего.

— А это тамъ еще посмотрятъ... Ежели коровка найдется, либо овца, такъ и продать можно. А впрочемъ можете жаловаться, въ тридцатидневный срокъ. Имѣете право получить копію и писать прошеніе на двухъ экземплярахъ въ высшую дистанцію... Ну, и больше ничего, можете идти!

Мужики ушли; Варравенко тоже съ достоинствомъ удалился. Старшина объявилъ перерывъ, снялъ свою бляху и съ этой минуты счелъ себя въ правѣ разговаривать со мной.

— Скучныя у насъ дѣла... Никакого интересу... Все канитель мужицкая!—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, отчего же? Не такъ ужъ скучно!—возразилъ я.—Я только многаго тутъ не понимаю.

— А что же собственно?

— Да вотъ насчетъ этого дѣла. Вѣдь не выяснено, что лошадей они перегнали... Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ

Digitized by Google

онѣ перешли по привычкѣ... Вѣдь это только мастеръ показываетъ, а ему, повидимому, хочется выслужиться передъ своимъ начальствомъ... Вонъ онъ даже изъ револьвера палитъ ..

— Да, это дѣйствительно, есть тутъ неясность...

— Но вы то сами развѣ убѣждены въ томъ, что лошадей перегнали?

— Какое-жъ тутъ можетъ быть убѣжденіе, коли одинъ говоритъ одно, а другой—другое?

— Но какъ же вы присуждаете?

— Иначе нельзя... Строгое предписаніе насчетъ отчужденности... Мужикъ, онъ никакъ не можетъ привыкнуть... Былъ лугъ общественный, и пасли на немъ скотину. Безъ луга, конечно, трудно. А тутъ для машины понадобилось, взяли... Оно, конечно, за лугъ деньги заплачены, да мужику вѣдь не деньги нужны, а земля... Вотъ онъ и не можетъ никакъ привыкнуть Такъ надобно внѣдрить въ него это... Притомъ и хлопотъ лишнихъ меньше и намъ, и отвѣтчикамъ. Разсуди мы иначе, дорога жалобу подастъ, и ихъ, мужиковъ, къ земскому потащатъ... Одной проволочки больше какъ на два рубля, да и навѣрняка еще къ штрафу присудятъ. Словомъ сказать, канитель... А вотъ сейчасъ дѣльце позабористѣй будетъ!—прибавилъ онъ и пододвинулъ къ себѣ бумагу съ новымъ протоколомъ.—Это дѣло каверзное, насчетъ наслѣдства...

Онъ опять надѣлъ на шею цѣпь съ бляхой и прибавилъ, обращаясь къ судьѣ Ивану Семенову:

— Зови, кто тамъ есть, по этому дѣлу, Иванъ Семеновъ...

Судья Иванъ Семеновъ побѣжалъ въ сѣни исполнять свои обязанности.

Digitized by Google

II.

Въ судейскую комнату вошли разомъ пять человѣкъ разнаго достоинства и калибра. Они стали креститься на образъ, затѣмъ хоромъ привѣтствовали старшину.

Потомъ, какъ очевидно уже опытные люди, не разъ бывавшіе въ судѣ, они безъ особыхъ указаній раздѣлились на овецъ и козлищъ, причемъ налѣво отъ судей оказался только одинъ долговязый молодой мужикъ съ большими, выпученными, голубыми глазами, съ выраженіемъ полной непричастности къ тому, что вокругъ происходитъ. По типу лица—правильнаго, мужественнаго, обрамленнаго русой бородкой, онъ былъ красивъ, но лишенное всякаго ума выраженіе отнимало отъ него всю красоту.

Справа помѣстились: мужичекъ небольшого калибра съ рыжеватой бородкой и молодыми умными глазками; онъ сталъ у самой стѣны и даже какъ-то прижался къ ней спиной, съ видомъ неприкосновеннаго къ дѣлу, посторонняго свидѣтеля; длинный, несуразный мужикъ, съ оторванной верхней губой; древній старичишка, все вздыхавшій и тихо произносившій: «о, Господи, помилуй!» и благообразный хозяйственный мужикъ съ умными вкрадчивыми глазами, внимательнымъ выраженіемъ лица, въ новомъ, аккуратномъ кафтанѣ, съ свободными движеніями, какъ человѣкъ, знающій порядки.

— Ну, кто на кого проситъ?—спросилъ старшина, обращаясь ко всѣмъ.

— Я прошу,—лѣнивымъ, незначительнымъ голосомъ отвѣтилъ мужичекъ небольшого калибра, жавшійся къ стѣнѣ.

— А на кого же ты просишь, Семенъ Панфиловъ?

— Да на его, извѣстно,—сказалъ Панфиловъ, указывая кивкомъ головы на долговязаго мужика, одиноко стоявшаго слѣва,— на Ваську, на Василья Безпятова...

Такимъ образомъ выяснилось, что Василій Безпятовъ

Digitized by Google

составляетъ въ своемъ лицѣ одну партію, а остальные, подъ предводительствомъ Панфилова,—другую и всѣ они будутъ нападать на него. Уже заранѣе казалось, что Безпятову съ его выпученными глазами, не обнаруживавшими ума, не выдержать этого натиска.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—спросилъ старшина съ такимъ видомъ, какъ-будто не имѣлъ представленія о дѣлѣ, хотя, какъ послѣ выяснилось, дѣло это уже давно надоѣло всей волости.

— Я не за себя... Я какъ опекунъ... за малолѣтняго...

— А кто же тебя опекуномъ сдѣлалъ?

— Да какъ кто? Извѣстно, малолѣтній.. Онъ ко мнѣ пришелъ, не гнать же его вонъ? Ну, и прижился... Вотъ сталобыть и выходитъ—я опекунъ...

— Такъ!—иронически сказалъ старшина,—значитъ, по собственному назначенію...

— Хотя бы и по собственному... Да вы судите... Тамъ видно будетъ...

Въ мужикѣ небольшого калибра обнаружился задоръ. Онъ по-прежнему стоялъ, плотно прижавшись къ стѣнѣ и заложивъ руки за спину, и отвѣчалъ на вопросы съ такимъ видомъ, какъ-будто огрызался.

— Ну, ладно,—сказалъ старшина,—чего же ты желаешь для малолѣтняго?

— Возмѣстить, стало быть... Какъ онъ старикомъ Аѳанасіемъ былъ за собственнаго сына признанъ...

— А по чемъ ты знаешь, что признанъ?

— Какъ по чемъ знаю? Это въ книгѣ записано... Да вы читайте прошеніе, въ прошеніи все, какъ есть, описано.

— Знаю, что въ прошеніи у тебя много кой-чего есть...

— Такъ вы и читайте!..

Полемическій тонъ между Панфиловымъ и старшиной принимаетъ все болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Мнѣ досадно, что умный старшина не умѣетъ владѣть со-

Digitized by Google

бой и взять правильный тонъ. Въ поведеніи Панфилова чувствуется какая-то неправота. Я совершенно еще не понимаю, въ чемъ дѣло, но сильно заинтересовываюсь. Ничего не выясняющій діалогъ между старшиной и истцомъ, у которыхъ очевидно есть какіе-то счеты, продолжается до тѣхъ поръ, пока не вмѣшивается писарь.

— Надобно изложить дѣло,—говоритъ онъ.

— Да вѣдь дѣло-то каждой куриці извѣстное! — брезгливо возражаетъ старшина.

— Все одно: по закону надо.

— Ну, коли по закону надо, то читайте...

Писарь читаетъ прошеніе, протоколы, выписки изъ книги. Изъ всего этого дѣло выясняется въ слѣдующемъ видѣ. Жила-была на свѣтѣ вдова, Марья, съ восьмилѣтнимъ сыномъ, Игнатомъ. Вдовѣ было лѣтъ за сорокъ. Съ другой стороны существовалъ на селѣ мужикъ, Аѳанасій Егорычъ Кулешовъ, старикъ, лѣтъ за шестьдесятъ. Всѣ говорятъ, что онъ былъ чудакъ, своенравный, взбалмошный. Мужикъ онъ былъ вдовый и бездѣтный, а изба у него была хорошая и хозяйство при ней неплохое. Неизвѣстно, зачѣмъ онъ вздумалъ жениться на Марьѣ. Марьѣ еще былъ разсчетъ—прожить остатокъ дней въ избѣ болѣе теплой, чѣмъ своя, а можетъ и то, что старикъ проживетъ недолго.

Задумали они это, но не сразу рѣшили. Между ними стоялъ Игнатъ. Марья боялась, что вотчимъ обидитъ Игната и на ея душѣ будетъ лежать грѣхъ. Основаній для этого страха не было. Аѳанасій не былъ злой человѣкъ. Но такъ уже полагается, чтобы вотчимы и мачихи обижали пасынковъ. И сказала Марья Аѳанасію: «Ты мнѣ Игната обезпечь!»

Тогда они пришли въ волость и сдѣлали запись въ книгѣ. Въ записи этой сказано: «Я, Аѳанасій Кулешовъ, беру къ себѣ Игната, сына Марьи, въ домъ за родного сына. Игнатъ долженъ жить въ моемъ домѣ, какъ въ домѣ

Digitized by Google

родного отца, и почитать меня за отца. А я обязанъ заботиться о немъ, какъ о родномъ сынѣ. А послѣ моей смерти Игнатъ долженъ наслѣдовать мнѣ, какъ родной сынъ отцу. Договоръ этотъ заключили между собой Аѳанасій Кулешовъ и Марья Струпина». Кулешовъ подписался, а за неграмотную Марью расписался кто-то другой.

Послѣ этого, хотя вѣнчанья еще не было, Марья и Игнатъ переселились въ избу Аѳанасія и стали въ ней жить. И такъ какъ Марьина изба уже ни на что не была нужна, то Аѳанасій рѣшилъ продать ее на-сломъ и на вырученныя деньги свадьбу сыграть. Такъ и сдѣлали. Избу продали, повѣнчались и свадьбу сыграли.

Но тутъ случилось что-то никому неизвѣстное, но имѣвшее роковое вліяніе на судьбу Игната. Однажды Аѳанасій и Марья пришли въ волость и въ той же самой книгѣ написали:

«Отъ обоюднаго договора, заключеннаго между нами тогда-то, мы по взаимному соглашенію отказываемся». И опять Аѳанасій самъ подписался, а за неграмотную Марью — кто-то другой. Такимъ образомъ Игнатъ благодаря этимъ двумъ строчкамъ вдругъ пересталъ быть сыномъ Аѳанасія, потерялъ всѣ права на наслѣдство послѣ него, а главное — лишился собственной избы, которую продали и на выру ченныя деньги справили свадьбу.

Прошло года четыре. Молодоженамъ свадьба не пошла въ руку. Они стали дряхлѣть оба, и хозяйство не могло идти безъ посторонней помощи. Тутъ на выручку явился дальній родичъ Аѳанасія, Василій Безпятовъ, парень здоровый, сильный, оборотливый, хозяйственный. Своего у него ничего не было, жилъ онъ въ работникахъ и страстно желалъ основаться. Пришелъ онъ къ Аѳанасію и сказалъ: «Вы оба ослабли, хозяйство ваше падаетъ. Я буду на васъ работать и смотрѣть, чтобы вамъ было хорошо». Мысль у него была такая, что старики, въ благодарность за его

Digitized by Google

труды и заботы, оставятъ ему свое добро. Старики ухватились за него обѣими руками, а онъ оказался такимъ хорошимъ работникомъ и такъ понравился Аѳанасію, что тотъ всюду сталъ объявлять: «Васька, молъ, мнѣ все одно, какъ родной сынъ, и я его за родного сына и почитаю и такъ всему міру и объявляю».

Очевидно, «родной сынъ» былъ вообще мечтой его жизни. И новый «родной сынъ» забралъ все хозяйство въ свои руки. У него отыскалась жена и пара ребятъ. Они ютились гдѣ-то изъ милости, а теперь онъ вызвалъ ихъ и водворилъ въ Аѳанасьевой избѣ. И стало въ этой избѣ весело и тепло. У Аѳанасія внезапно появились внуки, и его одряхлѣвшее сердце радовалось. Хозяйство шло отлично, все необходимое было у стариковъ. Подъ присмотромъ Василія и его жены помирать не страшно.

И старики собрались помирать. Первая исполнила это Марья, хотя была лѣтъ на пятнадцать моложе Аѳанасія. Игнатъ остался безъ нея сиротой, но пока не сознавалъ этого. Жилъ онъ попрежнему въ теплой избѣ и пользовался всѣми благами, какими пользовались другіе.

Но вскорѣ за Марьей послѣдовалъ и Аѳанасій. Игнату тогда было четырнадцать лѣтъ. Мальчуганъ изъ него вышелъ неудачный. Плохо росъ онъ и ума особеннаго не проявлялъ. Но Василій и жена его привыкли къ нему и обижать вовсе не собирались.

А былъ у него родственникъ по матери— Панфиловъ, мужикъ, извѣстный своею хитростью, завидущій, сварливый. Панфиловъ раскинулъ умомъ и сообразилъ, что Игната слѣдуетъ перетащить къ себѣ и пригрѣть. Встрѣтивъ его однажды на улицѣ, онъ началъ толковать мальчику, что Василій его обижаетъ, и хотя Игнатъ этого не чувствовалъ, но по глупости повѣрилъ и перешелъ жить къ Панфилову. Василій сперва хотѣлъ-было вернуть его, но по-

Digitized by Google

томъ махнулъ рукой: не хочетъ, не надо! Однимъ ртомъ меньше!

Панфиловъ мальчика пригрѣлъ, а потомъ и заявилъ, что за роднаго сына Аѳанасій объявилъ не Василія, а Игната, и что, слѣдовательно, Василія съ семьей изъ избы Аѳанасья надо выгнать и избу отдать Игнату, а по малолѣтству его—опекуну, т. е. ему же, Панфилову.

Объявилъ онъ это по всей волости, и волость раздѣлилась на два лагеря. Одни говорили, что Аѳанасій взялъ за сына Игната, а другіе — Василія. Одни ссылались на письменное усыновленіе, а другіе—на устное. Такимъ образомъ, у Аѳанасія, при жизни страдавшаго отъ бездѣтности, послѣ смерти оказалось два сына.

— Ну, такъ вотъ, значитъ, въ чемъ дѣло!—сказалъ старшина, когда изложеніе кончилось и писарь, на-скоро дочитавъ послѣднія слова и схватившись за щеку, промолвилъ: «я на минутку!» и выбѣжалъ изъ комнаты.—Что-жъ ты на это скажешь, Панфиловъ?

— То и скажу, что писано: пущай возмѣститъ! Какъ, стало-быть, завладѣлъ незаконно, то и пущай возмѣститъ...

— Да что возмѣстить-то?

— А все! Избу ослобонитъ, избу, значитъ, Аѳанасія-покойника, ну и хозяйство... А ежели не хочетъ, пущай возмѣститъ деньгами.

— И сколько денегъ?

— А денегъ... Тамъ пишется... Меньше какъ триста рублевъ оцѣнить невозможно...

— Такъ. Триста рублей деньги хорошія. А ты что скажешь, Василій?

Василій Безпятовъ еще больше выпучилъ глаза и отвѣтилъ:

— Изба, значитъ моя!

— А почему изба твоя? На какомъ, то-есть, основаніи?

— На основаніи томъ, что я старался... Сколько моихъ

Digitized by Google

трудовъ было! Два года старики на моихъ рукахъ находились... И опять же самъ Аѳанасій объявилъ, что считаетъ меня за сына...

— Да, вишь, за сына онъ и Игната объявилъ... А можетъ и еще кого, почемъ мы знаемъ?

— Про Игната нарушено...

— Оно такъ... А только тутъ одна загвоздка выходитъ. Договоръ-то они нарушили, а избу-то Игнатову продалъ Аѳанасій и деньги на свадьбу прогулялъ...

— Про это мнѣ ничего неизвѣстно. Я на той свадьбѣ не былъ.

— Это правильно. Но ежели ты, скажемъ, наслѣдство призналъ и принялъ, то долженъ и за грѣхи Аѳанасія платиться.

— Да я что-жъ... Я, коли присудятъ... я могу.

Такимъ образомъ старшина, а слѣдовательно, и судъ, призналъ за Игнатомъ только право на избу его матери, проданную Аѳанасіемъ. Оставалось выяснить, какую цѣнность представляла эта изба.

— Ну, ты, Панфиловъ, во сколько цѣнишь ту избу?— спросилъ старшина.

Панфиловъ раскинулъ умомъ и, видя, что большое дѣло не выгораетъ, очевидно, рѣшилъ сорвать хоть на меньшемъ.

— Такую постройку и за полтораста не сдѣлаешь!— отвѣтилъ онъ.

— Да ты постройку не обсуждай, а говори, сколько взять согласенъ!

— Столько и согласенъ...

— Значитъ, полтораста? И ни копѣйки меньше?

— Зачѣмъ же меньше, коли столько стоитъ... Я не для себя, а для малолѣтняго!..

— Знаемъ, что для малолѣтняго... Ты, стало быть, и переманулъ его не для себя, а для его пользы...

— Я не переманивалъ, онъ самъ прибѣгъ...

— Ладно! А ты, Безпятовъ, сколько даешь?

Digitized by Google

— Четвертную можетъ и далъ бы, ежели присудятъ... А больше не стоитъ!

— Гм... Разница большая выходитъ.

Теперь дошла очередь до молчавшихъ до сихъ поръ свидѣтелей. Я и то удивлялся, что ихъ слишкомъ рано впустили, но по существу дѣла оказалось, что они не свидѣтели, а свѣдующіе люди, нѣчто вродѣ экспертовъ. Къ нимъ прямо и обратились съ вопросомъ о стоимости проданной избы. Несуразный мужикъ съ оторванной губой заявилъ полтораста, старичекъ только сказалъ, что изба была «дюже хороша и задешево ее не сколотишь». Но благообразный мужикъ въ новомъ кафтанѣ началъ подробно вычислять по частямъ. Онъ оцѣнилъ самую избу, сѣни, амбаръ, даже лавки въ избѣ, палати, потолокъ и пришелъ къ заключенію, что такую избу нельзя построить меньше, какъ за двѣсти цѣлковыхъ. Василій Безпятовъ и тутъ оказался равнодушнымъ зрителемъ, какъ будто это до него не касалось. Но, къ удивленію моему, заговорилъ одинъ изъ судей, до сихъ поръ, какъ и всѣ прочіе, кромѣ старшины, по всѣмъ дѣламъ молчавшій. Я только теперь и разглядѣлъ его какъ слѣдуетъ. У него былъ толстый животъ, обтянутый люстриновымъ кафтаномъ, толстыя смуглыя щеки, обросшія наполовину сѣдыми баками, заплывшіе жиромъ глаза. Что-то сонное было въ его лицѣ, но теперь это лицо оживилось, и маленькіе глазки выглянули изъ своего покойнаго помѣщенія и заблестѣли.

— И что говорить-то зря? Двѣсти цѣлковиковъ! Да за этакія деньги можно хоромы построить!.. Экъ, тоже... Насказать все можно!—вдругъ ворчливо заговорилъ судья.

— А кто купилъ избу-то?— спросилъ старшина, очевидно для проформы, такъ какъ очень хорошо зналъ, кто купилъ избу.

— А намъ неизвѣстно.. Кто его знаетъ, кто купилъ-

Digitized by Google

то!—отвѣтилъ благообразный мужикъ, а старикъ вздохнулъ и произнесъ:

— О, Господи, помилуй!

— Вишь, ему неизвѣстно! – ядовито замѣтилъ судья,— какъ же тебѣ неизвѣстно, коли ты тогда сельскимъ старостой былъ и при тебѣ это было? Эхъ, неправый же ты человѣкъ, коли такъ...

— Чего неправый? Можетъ и было... Мало что было!.. Всего не упомнишь!..

— И что врать-то?—продолжалъ судья,—вѣдь купилъ-то я, мнѣ продано было! И ты при этомъ дѣлѣ былъ и, стало-быть, могарычъ пилъ...

— Да что могарычъ? Могарычъ ничего незначитъ... Извѣстно, пилъ... Для чего не выпить, коли подносятъ? Ты мнѣ сейчасъ поднеси, и я выпью даже съ удовольствіемъ... А только запамятовалъ... Самъ говоришь, старостой былъ... А староста при всякомъ случаѣ долженъ пить. Должность такая, стало быть... Ты вонъ судья и, стало быть...

— Это къ дѣлу не относящее!—строго сказалъ старшина.—Ты дѣло говори: за сколько продалъ избу Аѳанасій?

— Надо полагать за столько, сколько она стоила...

— Ахъ, неправый человѣкъ!—воскликнулъ толстощекій судья,—можно, что-ль, говорить?—спросилъ онъ у старшины.

— Коли правду, то можно. Правду во всякое время говорить можно! Свидѣтельствуй.

Судья всталъ и хотѣлъ было перейти къ порогу, но старшина напомнилъ ему:

— Знакъ сними! Такъ-что ты теперь не судья, а свидѣтель.

Судья снялъ знакъ и положилъ его на столъ и такимъ образомъ превратился въ свидѣтеля. Въ это время вернулся писарь и съ удивленіемъ взглянулъ на такую перемѣну.

— Вотъ, Антонъ Михалычъ, Акимова изъ судей разжаловали въ свидѣтели,— шутливо сообщилъ ему старшина.

Акимовъ показывалъ:

Digitized by Google

— Это всякая баба по деревнѣ знаетъ... Сколько разговоровъ тогда было!.. Я купилъ у Аѳанасія ту избу пополамъ съ Вавилой Казанчиковымъ. Я самъ и ломалъ ее, и свозилъ...

— А что ты съ нею сдѣлалъ?

— Извѣстно что: на дрова спилилъ. Ни на что другое она не годилась...

— Изба-то три года, какъ сложена... Какъ-же она не годилась?—возразилъ благообразный свидѣтель.

— Да, вѣдь, говорю-же тебѣ, невѣрный ты человѣкъ, ни на что, окромѣ дровъ, не годилась, и спалилъ-же я ее, спалилъ... Половину у Вавилы откупилъ и спалилъ, всю, какъ есть, спалилъ...

— Сколько-же ты заплатилъ за нее?

— Двадцать одинъ рубль заплатилъ...

— Хе-хе! Двадцать одинъ рубль за этакую постройку! Да ты ужъ лучше скажи, что даромъ взялъ...

— Нѣтъ, не даромъ, а двадцать одинъ рубль деньгами заплатилъ, и ты при этомъ былъ и могарычъ пилъ, неправедный ты человѣкъ!..

— Вишь, праведникъ нашелся!..

— Ну, это къ дѣлу не идетъ!.. Стало быть, двадцать одинъ рубль... Такъ! Что-жъ, можетъ, миромъ кончите?

— Нѣ—этъ! Зачѣмъ?—злобно прошипѣлъ Панфиловъ, —онъ четвертную даетъ... Какой-же тутъ миръ?..

— Ну, стало-быть, выйдите вонъ.

Истецъ, отвѣтчикъ и эксперты вышли. Судья Акимовъ стоялъ въ недоумѣніи.

— И мнѣ выходить, что-ль?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Само-собою выйди. Ты—свидѣтель!

Судья вышелъ. Старшина повертѣлъ законы, пошептался съ писаремъ, наклонилъ голову вправо, потомъ влѣво, писарь началъ писать. Потомъ Иванъ Семеновъ исполнилъ свою обязанность, и прежнія дѣйствующія лица опять

Digitized by Google

появились. Прочитали приговоръ: «Взыскать съ Василія Безпятаго въ пользу малолѣтняго Игната двадцать одинъ рубль». Безпятовъ просилъ судъ разложить платежъ помѣсячно.

Старшина объявляетъ:

— А коли недовольны, можете получать копію и въ тридцатидневный срокъ подавать прошеніе на двухъ экземплярахъ въ высшую дистанцію...

— Мнѣ, стало быть, копію!.. Я желаю въ дистанцію!.. — заявляетъ Папфиловъ.

— Значитъ, недоволенъ?

— Какое-жъ тутъ доволенъ? Двадцать одинъ рубль... Сироту всегда можно обидѣть...

— Это ты спрота?

— Не я... Я не для своей пользы...

— Вишь, какой милостивецъ!.. Ну, значитъ, приходи получать копію. Въ дистанціи разсудятъ.

Когда возникъ вопросъ о распискѣ въ объявленіи приговора, изъ пяти человѣкъ грамотнаго не оказалось ни одного. Любопытнѣе всего, что и судья Акимовъ оказался неграмотнымъ.

Всѣ прикосновенные къ дѣлу ушли. Судья Акимовъ занялъ свое мѣсто и прикололъ судейскій знакъ.

— Теперь что осталось?—спросилъ старшина у писаря.

— Хоботовъ съ хозяиномъ.

— А, стало быть, хозяинъ и работникъ!—усмѣхнувшись, произнесъ старшина и выразительно посмотрѣлъ на меня, намекая этимъ, что онъ читалъ извѣстное сочиненіе. — Ну, зовп ихъ, Иванъ Семеновъ!

Судья Иванъ Семеновъ безпрекословно отправился исполнять свои обязанности.

III.

Въ то время, какъ судья Иванъ Семеновъ исполнялъ свои обязанности, приглашая лицъ, прикосновенныхъ къ

Digitized by Google

повому дѣлу, старшина, пользуясь антрактомъ, обратился ко мнѣ съ утѣшеніемъ.

— Это дѣло повеселѣе будетъ! — сказалъ онъ, ухмыляясь.

— Чѣмъ же? — спросилъ я.

— Да ужъ такъ. Хоботовъ у насъ мастеръ на всѣ штуки. Ужъ онъ распотѣшитъ. Ужъ безпремѣнно что-нибудь выкинетъ!

— Безъ этого не обойдется! Это-ужъ такъ! — подтвердилъ до сихъ поръ упорно молчавшій одинъ изъ судей.— У насъ ежели Хоботовъ судится, такъ это вродѣ какъ бы на театрѣ представленіе выходитъ...

— А онъ, что же, часто судится?

— Да ужъ разъ въ мѣсяцъ, это у него положеніе...

— Должно-быть, на него всѣ подаютъ?

— Какой тамъ! Онъ подаетъ! Онъ хитрецъ: какъ видитъ, что на него подать слѣдуетъ, такъ сейчасъ и упреждаетъ, самъ подаетъ... Хитеръ! — А ну, вотъ и самъ Хоботовъ!

— Вошелъ съ виду невзрачный, плюгавый мужиченко съ узкими плечами, съ сутуловатой спиной, со скомканной рыжей бородкой, подслѣповатымъ лѣвымъ глазомъ, въ какомъ-то странномъ балахонѣ, отъ котораго книзу висѣлъ наполовину оторванный карманъ,

Какъ человѣкъ опытный въ судейскихъ дѣлахъ, онъ трижды перекрестился на образъ, низко поклонился судьямъ и, не колеблясь, занялъ мѣсто по лѣвую сторону отъ судей. Вслѣдъ за нимъ степенною поступью вошелъ мужикъ почтеннаго хозяйственнаго вида, высокій, смуглолицый, съ длинной темной бородой, подернутой сѣдинами; этотъ крестился неторопливо, набожно, степенно поклонился судьямъ и занялъ мѣсто еще лѣвѣе Хоботова, у самаго окна. Такимъ образомъ мѣсто съ правой стороны, гдѣ до сихъ поръ становились обвиняемые, осталось никѣмъ не занятымъ.

— Ну, кто изъ васъ проситъ? — спросилъ старшина.

Digitized by Google

— Я прошу!— мрачно-хриплымъ голосомъ, глядя исподлобья, сказалъ невзрачный мужиченко.

— А, Хоботовъ? Опять, значитъ, тебя обидѣли!

— Стало быть, обидѣли!—отозвался Хоботовъ.

— На комъ же ты ищешь?

— Да вотъ на Павлѣ Ѳедосѣичѣ,—на хозяинѣ, стало-быть!..

— Ну, разсказывай, какъ было дѣло.

— Да что разсказывать-то? Тамъ писано.

— Писано, это—одна статья, а ты все-таки долженъ разсказать... Можетъ, оно и не одинаково выйдетъ... Это бываетъ.

— Угнеталъ, стало-быть!—объяснилъ Хоботовъ.

— Кто тебя угнеталъ?

— Да кто же? Извѣстно, Павла Ѳедосѣичъ...

— Эхъ, брешетъ-то какъ, несуразный человѣкъ!—произнесъ Павелъ Ѳедосѣевъ,—откуда что берется?

— Ну, и что же,—продолжалъ старшина, какъ бы не слыша этого замѣчанія,—билъ онъ тебя, или какъ?

— Толконулъ... Здорово толконулъ...

— А ты ему что?

— А я что? Я взялъ да и ушелъ...

— Дѣло! Ты, значитъ, у Павла Ѳедосѣича въ работникахъ жилъ?

— Въ работникахъ. Я, стало-быть, до Покрова дня порядился, выходитъ, на всѣ шесть мѣсяцевъ .. Два мѣсяца я ему работалъ. А тутъ онъ угнетать сталъ, я и бросилъ...

— А и брешетъ же какъ человѣкъ! Какъ брешетъ!—не выдержалъ и опять воскликнулъ Павелъ Ѳедосѣичъ.

— Ну, ладно! Что же ты ищешь, Хоботовъ?

— Три съ полтиной не доплачено!..

— Бога ты не боишься, Хоботовъ! Окончательно въ тебѣ совѣсти нѣтъ!—съ выразительной укоризной произнесъ Павелъ Ѳедосѣичъ.

Digitized by Google

— Значитъ, ты, Павелъ Ѳедосѣичъ, не признаешь?

— Да какъ же признать-то, коли человѣкъ окончательно совѣсти не имѣетъ!—воскликнулъ Павелъ Ѳедосѣичъ.

— Тутъ, братъ, не объ совѣсти рѣчь, а объ трехъ съ полтиной. А какъ же, по-твоему, было дѣло?

— А такъ вотъ было: порядилъ я его за работника до Покрова дня за двадцать шесть цѣлковыхъ на моихъ харчахъ.

— Гм... Больно дешево, Павелъ Ѳедосѣичъ! Прижимисто! Отъ этого самаго онъ, надо полагать, отъ тебя и ушелъ...

— Можетъ и дешево, да онъ больше и не стоитъ.

— Не скажи этого!—съ двусмысленной усмѣшкой замѣтилъ старшина: — Хоботовъ, онъ—работникъ примѣрный... Хоботовъ—отличный работникъ! — прибавилъ старшина и хитро-смѣющимися глазами посмотрѣлъ на судей.—Онъ только съ гвоздемъ въ головѣ... А работникъ онъ—хоть куда... Ну, разсказывай!

— Какъ поступилъ онъ ко мнѣ на дворъ, сейчасъ и денегъ взялъ. А потомъ у него мать, что-ли, хворала, такъ еще попросилъ,—я далъ. Да мукой взято три пуда. И такимъ способомъ онъ у меня семнадцать цѣлковыхъ перебралъ, а служилъ-то всего два мѣсяца. Выходитъ, что за нимъ моихъ девять цѣлковыхъ... А угнетать я его никакъ не угнеталъ, а даже, напротивъ того, по бѣдности его, жалѣлъ человѣка...

— Вотъ видишь, Хоботовъ, что выходитъ: не Павелъ Ѳедосѣичъ тебѣ, а ты ему долженъ, да еще цѣлыхъ девять рублей. Вотъ что выходитъ!..

— Нѣтъ, не выходитъ... Неправильно!

— Какъ же неправильно? Какой же ты есть христіанинъ, ежели говоришь—неправильно, когда все такъ было?

— Неправильно!—повторилъ Хоботовъ, глядя внизъ и вертя обѣими руками свою шапку.

Digitized by Google

— И опять же, какая у тебя совѣсть, когда ты показываешь, что я тебя толкалъ?

— Стало-быть, толкалъ.

— Нехорошій ты человѣкъ, Хоботовъ! Совсѣмъ, значитъ, ты испачканный человѣкъ, коли такъ... Я тебя жалѣлъ, я къ тебѣ по человѣчности, а ты окончательно безо всякой совѣсти...

— Павла Ѳедосѣичъ! Ты вотъ что... Ты знаешь что?.. Ты ужъ прости мнѣ, и дѣлу конецъ!..—вдругъ неожиданно для всѣхъ воскликнулъ Хоботовъ и еще неожиданнѣе со всего розмаха грохнулся ему въ ноги. — Ужъ будь милостливъ, прости и конецъ... Что тутъ разговаривать? Ужъ прости и конецъ.

Павелъ Ѳедосѣичъ, огорошенный столь внезапнымъ поворотомъ дѣла, старался отступить, но Хоботовъ держалъ его за ноги. Судьи даже привстали, чтобы получше разглядѣть представленіе. Старшина смѣялся и кивалъ въ мою сторону.

— Оставь, Хоботовъ, оставь-ка! Что ползаешь? Я не Богъ, чтобы кланяться!—говорилъ Павелъ Ѳедосѣичъ.

— Нѣтъ, ты ужъ прости и конецъ! Однимъ словомъ, прости, стало-быть!—твердилъ Хоботовъ и, оставаясь распростертымъ на землѣ, хваталъ его за ноги.

— Да что́ простить-то? Что простить?

— Всё, стало-быть... и конецъ!.. Одно слово скажи, молъ, прощаю,—и конецъ!..

— Слышь, Хоботовъ, ты встань-ка!—строго сказалъ старшина,—чего тутъ въ ногахъ валяться? Ты, слава Богу, семейный человѣкъ. Оно и не идетъ... Вставай-ка!

Хоботовъ поднялся. Старшина продолжалъ:

— Ну, вотъ теперь и скажи, чего же ты ищешь, ежели самъ прощенія просишь? Стало, ты понапрасну судъ тревожилъ? Такъ, что ли?

— Да ужъ что тутъ... Пущай простить Павла Ѳедо-

Digitized by Google

сѣичъ... Одно слово и шабашъ... И по домамъ, значитъ, пойдемъ...

— Чудакъ ты, Хоботовъ... Ты прямо запуталъ насъ. Ну, вотъ что: прощаешь, что ли его, Павелъ Ѳедосѣичъ?

— Да что прощать-то? Онъ меня опорочилъ, и я же прощать долженъ! Какъ прощать-то?—возразилъ Павелъ Ѳедосѣичъ.

— Эхъ, ты, Господи!—путянымъ голосомъ воскликнулъ Хоботовъ и, бросивъ въ сторону свою шапку, опять повалился въ ноги отвѣтчику.—Ужъ прости, Павелъ Ѳедосѣичъ, да и все тутъ... Прости, говорю, прости!..

— Экой ты шалый, Господи прости! И что валяться-то даромъ... Встань, говорю, встань... Нечего мнѣ тебя прощать... Встань... Богу кланяйся, а не человѣку...

— Встань, Хоботовъ! Нехорошо! Встань, разсудимъ,—сказалъ старшина.

Хоботовъ опять поднялся. Голосъ старшины очевидно былъ для него высшій авторитетъ.

— Такъ какъ же, Павелъ Ѳедосѣичъ? Человѣкъ проситъ, надо простить? а?

— Да простить что-жъ... Для чего не простить? Только пущай мнѣ девять цѣлковыхъ перебору вернетъ.

— Хоботовъ, слышалъ?

— Не бралъ... Никакого перебору не было!..

— Какъ же не было? Такъ чего же ты кланялся, коли не было?

— Не было... Кланялся я, это дѣйствительно... Прости, говорю, Павла Ѳедосѣичъ... А перебору не было.

— А ты считай... Вотъ посчитай-ка самъ!—сказалъ Павелъ Ѳедосѣичъ:—Какъ поступилъ ты, первымъ дѣломъ три цѣлковыхъ задатку взялъ?

— Задатокъ взялъ... Не говорю, что не взялъ.

— Ладно... Послѣ того муки сталъ просить; муки я тебѣ три пуда далъ.

Digitized by Google

— Два... Слышь, два пуда муки... Трехъ не было...

— Ну, два, такъ два... По восьми гривенъ тогда мука была...

— По семи гривенъ съ пятакомъ...

— Чудакъ-человѣкъ! Торгуется... Не въ пятакѣ тутъ дѣло! Послѣ этого пришелъ ты ко мнѣ и говоришь: Павелъ Ѳедосѣичъ, мать, значитъ, у меня захворала... Ну, тамъ и разное другое говорилъ. Я пожалѣлъ тебя и красненькую отпустилъ...

— Синюю! Синяя была, только и всего!..

— Ну, коли синяя, такъ, значитъ, совѣсти у тебя окончательно нѣту...

— Да совѣсть что? Совѣсть, это — особая статья... А была, стало-быть, синяя, такъ и говорю: синяя...

— Ладно. Пущай синяя... Четверть водки — рубль двадцать копѣекъ...

— Водка твоя... Это — могарычъ былъ; стало-быть, твоя водка...

— А ты нешто не пилъ? Послѣ того могарыча еле ноги доволокъ до дому-то...

— Пилъ. Не говорю, что не пилъ... Такъ это-жъ могарычъ... Эхъ, да что тутъ... Ужъ ты, Павла Ѳедосѣичъ, прости, стало-быть, въ одинъ разъ... Все, значитъ, какъ есть однимъ взмахомъ... Прости ужъ!

И Хоботовъ въ третій разъ лежалъ на полу и ловилъ ноги Павла Ѳедосѣича. Судьи громко разсмѣялись, и нѣсколько секундъ въ судейской комнатѣ витало водевиль. Старшина опять поднялъ Хоботова на ноги.

— Эхъ, ну тебя! — сказалъ онъ, махнувъ рукой,— прощай ужъ, что ли, Павелъ Ѳедосѣичъ... Съ нимъ никогда не кончить.

— Я готовъ, только переборъ пущай вернетъ!..

— Да гдѣ взять-то его, Павла Ѳедосѣичъ? Не изъ чего!—промолвилъ Хоботовъ.

Digitized by Google

— Ну, какъ не изъ чего? Коровенка, небойсь, у тебя есть...

— Коровенка? Что-жъ коровенка? Коровенку продать, такъ тогда что-жъ!.. Тогда хоть и не живи... Не изъ чего!

— Прощай ужъ, Павелъ Ѳедосѣичъ!.. Пора кончать!..— поощрилъ старшина.

— Да, вѣдь, какъ же это? Вѣдь этакъ всякій придетъ, заберетъ и никакого отвѣта... Этакъ разоришься въ конецъ...

— Такъ не простишь?

— Нѣтъ, несходно это будетъ... Что-жъ, меня, значитъ, опорочилъ, и я же въ убыткѣ...

— Ну, ладно. Слышь, Хоботовъ, выдь-ка на минуту... Мы тутъ промежду себя поговоримъ...

Хоботовъ безъ малѣйшаго протеста вышелъ. За нимъ плотно притворили дверь. Началось совѣщаніе, которое было для меня совершенно новымъ судебнымъ актомъ.

— Иди сюда поближе, Павелъ Ѳедосѣичъ! — сказалъ старшина.

Павелъ Ѳедосѣичъ подошелъ къ самому столу, и дальнѣйшій разговоръ происходилъ уже вполголоса.

— Ты что же, Павелъ Ѳедосѣичъ, не знаешь его, что-ли, Хоботова-то?

— Да какъ не знать? Кто же его не знаетъ?

— Стало-быть, тебѣ своего добра не жалко?

— Да, вѣдь, какъ посмотрѣть! Девять цѣлковыхъ тоже вѣдь, деньги... А у него, вишь, коровенка и овца...

Старшина покачалъ головой.

— Гляди, какъ бы тебѣ это не обошлось дороже девяти цѣлковыхъ...

— Отчего дороже? Какъ же дороже?

Павелъ Ѳедосѣичъ, очевидно, не понималъ намековъ. Старшина заговорилъ еще тише.

— Да, вѣдь, онъ, Хоботовъ-то... онъ не задумчивъ. Онъ зря что̀ хошь сдѣлаетъ... Прошлаго года у дьякона рига горѣла, помнишь? А за недѣлю ранѣе дьяконъ его, Хоботова, съ мѣста со-

Digitized by Google

гналъ,—онъ у него, вотъ какъ и у тебя, работникомъ служилъ... Понялъ?

— Какъ не понять? Попялъ.

— Ну, вотъ и разсуди. Ты хозяинъ хорошій, мы знаемъ, затѣмъ и совѣтъ даемъ... Присудить съ него девять цѣлковыхъ нетрудно, да получишь ли? Коровенка, говоришь... Такъ ее онъ скорѣе зарѣжетъ, чѣмъ отдастъ. Ты сообрази...

— Да, это такъ!..— видимо соображалъ туповатый Павелъ Ѳедосѣичъ, но по лицу его видно было, что онъ далеко еще не уразумѣлъ всей сути внушенія старшины, который видѣлъ это и продолжалъ, перегнувшись черезъ столъ, чтобы быть ближе къ ушамъ Павла Ѳедосѣича:

— Ты возьми во вниманіе. Примѣрно, я не дуракъ... и цѣну ему, Хоботову, знаю. Всѣмъ намъ видимо, какой онъ работникъ... Ты вонъ ему двадцать шесть цѣлковыхъ посулилъ, а я, ежели-бъ онъ мнѣ столько-то давалъ, не принялъ бы его въ домъ... А все-же, ежели при случаѣ придется,—хвалю... Потому у меня тоже свое добро имѣется, и всякому своего жалко. Понялъ?

— Стало-быть, окончательно прощать?

— Твое дѣло, Павелъ Ѳедосѣичъ, не наше... Мы тебѣ по-сосѣдски... Какъ ты, значитъ, хозяинъ хорошій. А тамъ, какъ знаешь...

— Гм... задумчиво промычалъ Павелъ Ѳедосѣичъ. — Простить,—оно не штука! Зачѣмъ не простить? И Богъ велѣлъ прощать, къ примѣру, враговъ... Да девять цѣлковыхъ-то деньги... Жалко ихъ!...

Старшина отодвинулся отъ него, занялъ свое прежнее мѣсто и пригладилъ усы.— Э, ну... дѣлай, какъ знаешь! То есть, до которой степени ты непонятный человѣкъ! Ну, рѣшай. Время дорого. И то засидѣлись, не въ свое дѣло мѣшаючись...

Павелъ Ѳедосѣичъ отошелъ на свое прежнее мѣсто, къ окну, и, тупо глядя въ стѣнку, мучительно размышлялъ.

Digitized by Google

Въ душѣ его происходила борьба между страхомъ передъ зловредной рѣшимостью Хоботова и неизбѣжностью навсегда потерять переплаченные ему девять рублей. Можетъ-быть, при другихъ обстоятельствахъ онъ былъ бы настойчивѣе, но теперь его подавлялъ старшина, который вдругъ принялъ надменный видъ, очевидно досадуя на то, что понапрасну передъ глупымъ мужикомъ уронилъ свое достоинство. И онъ надумалъ.

— Эхъ, что ужъ! Пущай пропадаютъ мои денежки!— промолвилъ онъ, какъ-то отчаянно махнувъ рукой. — За свою, выходитъ, за глупость плачу...

— Ну, что-жъ! За все надо платить, Павелъ Ѳедосѣичъ!— поощрительно сказалъ старшина: — иная глупость въ большія деньги обходится. А ты это что-жъ,— крошками отдѣлался. Значитъ, прощаешь?

— Прощаю! Суди его Богъ!

— Ну, Иванъ Семеновъ, зови молодца! Вотъ и писарю писать нечего. Видишь, Павелъ Ѳедосѣичъ, какъ оно полезно, когда миромъ...

Иванъ Семеновъ между тѣмъ привлекъ Хоботова. Старшина объявилъ ему:

— Ну, Хоботовъ, вотъ мы, судьи, миръ тебѣ выпросили у Павла Ѳедосѣича. Онъ тебѣ прощаетъ. Ты доволенъ?

— Да какъ же не доволенъ? Ужъ теперь я, стало-быть, за Павла Ѳедосѣича всю жизнь буду Бога молить... Вотъ какъ доволенъ...

— Ну, вотъ видишь, Павелъ Ѳедосѣичъ... какое у Хоботова сердце доброе! Я всегда и всякому говорю, что Хоботовъ—малый хорошій. Только у него гвоздикъ въ головѣ вбитъ... Да онъ тебѣ еще отработаетъ... Вотъ увидишь. Весной придетъ, за соху возьмется и столько тебѣ земли нароетъ, сколько и не надо!.. Придешь, что ли, Хоботовъ, къ хозяину весной-то деньги отрабатывать?

Digitized by Google

— А и приду! Для чего не придти? Мнѣ, стало-быть, чужого не надо. На мнѣ тоже вѣдь крестъ есть...

— Ну, и ладно! А теперь ступайте съ Богомъ... Пора и судъ кончить!..

Хоботовъ помялъ шапку, почесалъ темя и двусмысленно взглянулъ на Павла Ѳедосѣича.

— Теперь, стало быть, Павла Ѳедосѣичъ... съ тебя могарычъ... за миръ, стало быть...

— Ахъ, ты, окаянный человѣкъ! Меня объегорилъ, да съ меня же могарычъ... Ну, нѣтъ... Ужъ это, братецъ ты мой, шалишь! Это окончательно не полагается... Добраго здоровья!—прибавилъ Павелъ Ѳедосѣичъ, энергично тряхнулъ головой въ сторону старшины и судей и вышелъ изъ комнаты.

— Обидѣлся! Скажи пожалуйста! Эхъ, ты!.. Прощайте!

И, отвѣсивъ поясной поклонъ судьямъ, Хоботовъ послѣдовалъ за своимъ врагомъ.

— Вотъ-съ, извольте видѣть, какія дѣла у насъ бываютъ!—сказалъ мнѣ старшина, какъ бы извиняясь предо мною,—истецъ, значитъ, у отвѣтчика прощенья проситъ. Ну, а теперь по домамъ. Милости просимъ въ другой разъ пожаловать... Завтра, штоль, прибудетъ господинъ земскій начальникъ?—спросилъ онъ у писаря.

— А я почемъ знаю, когда онъ прибудетъ! — сердито нахмуривъ брови, отвѣтилъ писарь.—Пріѣдетъ, такъ извѣщу...

— Нѣтъ, я къ тому, чтобы при домѣ быть. А то вѣдь въ поле уйдешь или, случится, въ городъ махнешь, а онъ какъ разъ пожалуетъ,—неловко. Прощайте!

Старшина и судьи простились за руку съ писаремъ и со мной и ушли.

— Зачѣмъ это земскій начальникъ пріѣдетъ?—спросилъ я тогда у писаря.

— Меня смѣщать будутъ!—злобно отвѣтилъ писарь.

Digitized by Google

— Какъ смѣщать?

— Какъ обыкновенно. Съ должности вонъ, и конецъ...

— Да почему же? За что?

Писарь махнулъ рукой.

— Эхъ, долго разсказывать... Да и зубы расходились такъ, что жизни не радъ. Ужъ въ другой разъ какъ-нибудь. А ваши капли не помогаютъ...

— Я вамъ іоду пришлю. Смажьте имъ десну. Это облегчитъ! — сказалъ я, чтобы какъ-нибудь утѣшить его по поводу и зубной боли, и предстоящаго пріѣзда земскаго начальника.

— Пожалуйста! Я теперь чѣмъ угодно смажу!.. Хоть сѣрной кислотой!

Я ушелъ, повторивъ свое обѣщаніе.

IV.

Писарь, конечно, маленькій человѣкъ, которому не суждено сыграть никакой роли въ исторіи человѣчества. Но въ жизни той деревни, гдѣ онъ служилъ писаремъ, онъ игралъ весьма важную роль. На немъ лежала такая масса обязанностей, какой навѣрно не ощущалъ на своихъ плечахъ ни одинъ государственный дѣятель. Все, что такъ или иначе нуждалось въ «оформленіи», все, что вѣдали міръ, волость, судъ, проходило чрезъ его руки, записывалось его перомъ, всѣ сношенія деревни съ многообразными начальствами шли чрезъ него, словомъ — онъ какая-то передаточная стадія между деревней и остальнымъ міромъ, «безъ него вода не освятится». Поэтому мнѣ извинительно заинтересоваться судьбой писаря.

Недавно только я видѣлъ его сидящимъ за судейскимъ столомъ, подбирающимъ статьи законовъ, начертывающимъ приговоры и громко провозглашающимъ ихъ. И вдругъ его смѣщаютъ, и хуже всего то, что онъ все это продѣлывалъ,

Digitized by Google

нося въ глубинѣ своей души сознаніе того, что его смѣщаютъ. За что же, за какое злодѣйство?

Я разспрашивалъ мужиковъ.

— Что у васъ такое въ волости дѣлается? Вѣдь писаря смѣщаютъ...

— Слыхать, будто смѣщаютъ!—отвѣчали мнѣ.

— За что же?

— А Богъ е знаетъ! Дѣло это не наше.

— А чье же?

— Земскаго. Это онъ, стало-быть... Ему, значитъ, не потрафилъ...

— Но вы же сами довольны писаремъ?

— Вполнѣ довольны. Что-жъ, за нимъ ничего дурного не замѣтно. Дѣло справляетъ, какъ слѣдуетъ быть... И съ нашимъ братомъ услужливъ. Ничего такого.

Другіе давали столь же неудовлетворительные отвѣты. Безъ сомнѣнія, самый освѣдомленный человѣкъ въ этомъ дѣлѣ былъ старшина, но его застать было не такъ то легко. Онъ жилъ не въ этой деревнѣ, а верстахъ въ семи. При томъ же, какъ хорошій хозяинъ, онъ не сидѣлъ дома, а былъ постоянно въ движеніи.

Обратиться къ самому писарю было рискованно. Можетъ быть, дѣяніе, за которое его смѣщаютъ, такого свойства, что ему не доставитъ удовольствія говорить о немъ.

Но случай заставилъ меня все-таки узнать подробности этого дѣла отъ него. Дня черезъ три послѣ суда я его встрѣтилъ на улицѣ, неподалеку отъ волости. У него уже не болѣли зубы, на щекѣ оставалась небольшая опухоль, но повязки уже не было. Онъ поздоровался и поблагодарилъ меня за іодъ, который ему помогъ.

— Ну, что-жъ,—спросилъ я,—пріѣзжалъ земскій начальникъ?

— Нѣтъ, не бывалъ. Да онъ и не будетъ. Больно важная птица, чтобы ему ѣхать сюда для такихъ дѣловъ.

Digitized by Google

— Значитъ, смѣщать васъ уже раздумали?

— Какое тамъ? Даже нисколько. Становой пріѣдетъ и разбирать будетъ.

Я больше не рѣшился задавать вопросовъ, боясь какъ-нибудь попасть въ щекотливую точку, но онъ самъ заговорилъ:

— Гм... Разбирать! А что разбирать-то? Да рѣшительно нечего. Донесли, что арестантъ ушелъ... Ну, и ушелъ, разумѣется, ушелъ. Такъ что же мнѣ-то дѣлать! Вѣдь я не собака, а человѣкъ.

— Какой арестантъ?

— А, да и арестантъ такой, что выѣденнаго яйца не стоилъ. Безпаспортный. Изъ Москвы ихъ гонятъ тутъ десятками, а то и сотнями. На родину препровождаютъ. Люди безвредные, а только что бродяги, безъ билета шляются. Ну, вотъ такой одинъ заночевалъ у насъ, въ волости, и сбѣжалъ.

— Зачѣмъ же онъ сбѣжалъ?

— А затѣмъ и сбѣжалъ, что сидѣть ему незачѣмъ. Этакій-то арестантъ—онъ примѣрно въ Орловскую губернію препровождается, отъ волости до волости съ нимъ десятскій ходитъ, стережетъ его. А домой онъ какъ придетъ, въ свою деревню, и тамъ сейчасъ же свободнымъ человѣкомъ дѣлается: иди, молъ, на всѣ четыре стороны. Ну, а дома у него ни кола, ни двора. Онъ и проберется опять въ Москву, и, смотришь, годика черезъ два его опять съ десятскимъ препровождаютъ; такъ онъ всю свою жизнь и ходитъ. Дома ему ѣсть нечего. Настоящій мужикъ тамошній его знать не хочетъ, а въ Москвѣ онъ хоть на пропитаніе заработаетъ, а коли лѣнтяй—выклянчитъ. Да вѣдь и лѣнтямъ надо жить, какъ вы полагаете?

— Безъ сомнѣнія,—согласился я.—Но при чемъ же тутъ вы? Почему васъ смѣщаютъ?

— Да какъ же при чемъ я? Я тутъ при всемъ. У

Digitized by Google

меня, какъ бы сказать, ото всѣхъ нитокъ концы спрятаны, ну, вотъ отъ этого самаго.

— Не понимаю.

— Оно и понять мудрено. Вы вотъ что позвольте у васъ спросить: писарь, онъ долженъ быть съ понятіемъ или нѣтъ?

— Безъ сомнѣнія. У него сложныя обязанности.

— Такъ. Я самъ это думаю. И позвольте же васъ спросить: понятіе, оно даромъ достается или кое-чего стоитъ?

— Полагаю, что стоитъ.

— Еще бы не стоило! Я, напримѣръ, въ университетахъ тамъ разныхъ не учился, а если бы учился, такъ писаремъ не былъ бы. Но на шкурѣ своей я всю эту науку прошелъ досконально. И били меня, когда помоложе былъ, и гнали, и по недѣлямъ я безъ хлѣба сидѣлъ. Потому, что я такое? Я, прямо сказать, ничто. Нѣтъ на мнѣ никакого обличія, ни барскаго, ни мужицкаго. Писаремъ, я вамъ скажу, никто сразу не дѣлается. Это ежели человѣкъ переиспыталъ и то, и другое, и третье, и ничто ему не удалось, ну и онъ махнулъ уже рукой на все, тогда въ писаря идетъ. Я и въ конторщикахъ былъ, и писцомъ въ канцеляріи пробовалъ, и на ситцевой фабрикѣ счетныя книги велъ, и приказчикомъ въ экономіи князя Залихватскаго состоялъ. Я всюду пробовалъ, и нигдѣ не повезло. Ну, вотъ я и пошелъ въ писаря. Такъ за эти мытарства, по крайности, долженъ бы я получить хоть спокойную жизнь, а тутъ извольте посмотрѣть, какая жизнь.

Мы въ это время дошли до зданія волости, при которой было помѣщеніе для писаря. Писарь отворилъ дверь и пригласилъ меня въ обширныя темныя сѣни съ земляннымъ поломъ.

Ходъ этотъ былъ мнѣ знакомъ. Рядомъ съ той комнатой, гдѣ происходилъ судъ, была миніатюрная каморка съ однимъ окномъ, выходившимъ на грязный дворъ. Въ этой каморкѣ помѣщался писарь съ женой и четырьмя дѣтьми.

Digitized by Google

— Вотъ извольте посмотрѣть,—сказалъ писарь,—можетъ человѣкъ жить въ такомъ помѣщеніи? И замѣтьте: къ нему ничего не полагается. Хоть-бы сарай какой былъ, такъ можно бы въ сараѣ приспособиться жить, хоть-бы чуланишко, либо что. Жалованья получаю двѣсти рублей въ годъ, значитъ меньше двадцати рублей въ мѣсяцъ; на это живи, кормись, одѣвайся и даже отапливайся. Да и что отапливать-то? Сами видите, что нечего.

Это было очень жалкое помѣщеніе, но я все-таки не понималъ, какая связь между печальной судьбой писаря и бѣжавшимъ арестантомъ. Я высказалъ это недоумѣніе.

Тогда писарь вывелъ меня въ сѣни и, чтобы я лучше могъ разглядѣть, зажегъ свѣчу. Онъ повелъ меня къ маленькой дверкѣ, запертой на засовъ, при которомъ висѣлъ довольно большой замокъ. Онъ отодвинулъ засовъ и отворилъ дверь. Внутри была темнота.

— Что это?—спросилъ я.

— Это карцеръ. Изволите-ли видѣть, сюда надлежитъ сажать за провинности. Напримѣръ, по приговору суда и прочее.

Онъ поднесъ свѣчу ближе къ отверстію и пригласилъ меня взглянуть внутрь. Двухъ-аршинный чуланъ, лишенный свѣта, съ сырымъ земляным поломъ, былъ обставленъ такимъ образомъ, что менѣе всего походилъ на карцеръ. Въ одномъ углу красовалась куча картофеля, въ другомъ накрытые дощечками два кувшина съ простоквашей, кулекъ съ мукой, большой ржаной хлѣбъ, на четверть надрѣзанный, и всевозможныя принадлежности хозяйства.

— Это кладовка,—сказалъ я.

— Да-съ, я ее превратилъ въ кладовку, а по закону тутъ карцеръ. Но позвольте-же васъ спросить: у меня жена и дѣти. Долженъ я что-нибудь кушать и они тоже должны что-нибудь кушать? Долженъ я имѣть какой-нибудь запасъ или, какъ птицы небесныя, ходить со своимъ семействомъ

Digitized by Google

по улицѣ и клевать зерно? Господинъ земскій начальникъ, напримѣръ, имѣетъ многіе запасы и кушаетъ хорошо, и ему за это никакого взысканія не полагается. Господинъ становой приставъ тоже имѣетъ запасы и хорошо кушаетъ, и тоже безъ всякихъ взысканій. И всѣмъ не возбраняется кушать и имѣть запасы. А у меня семья. Куда-же я все это дѣну?

— Такъ, значитъ, вы заняли карцеръ подъ кладовку, и за это васъ смѣщаютъ?

— Не то, что за это, а тутъ выходитъ цѣлая махинація. Карцеръ, онъ уже не карцеръ, а—какъ-бы сказать —чуланъ. Ну, ежели, скажемъ, по суду приговоренъ человѣкъ къ сидѣнію, гдѣ-же его тутъ помѣстить? Тутъ и мука, и молоко, и хлѣба кусокъ, и прочее, какъ-же тутъ человѣка помѣстить? Да и негдѣ, прямо-таки негдѣ. Ну, однако, съ своими я управляюсь. Три копѣйки мужику дашь: сходи, молъ, выпей за мое здоровье. Онъ съ удовольствіемъ, а бабѣ и двухъ копѣекъ достаточно.

— За что?

— Да вотъ за то самое, что, значитъ, сидѣть не будетъ, а пойдетъ домой...

— Такъ вѣдь имъ же это пріятно.

— Конечно, пріятно. Такъ по закону долженъ онъ сидѣть, ну, слѣдовательно, выходитъ, что законъ не исполняется. Вотъ за это и платишь. Иной, разумѣется, и такъ уйдетъ, только спасибо скажетъ, а другой...

— Я думаю, всякій спасибо скажетъ.

— Оно такъ, а только онъ пойдетъ къ сосѣду и начнетъ говорить: вотъ, дескать, судъ меня присудилъ, а писарь кладовку устроилъ, ну, и тамъ прочее, а дашь ему въ зубы три копѣйки, онъ и промолчитъ. Да, такъ со своими, говорю, сговориться можно, а вотъ съ этими арестантами, съ ними плохо.

А что же?

Digitized by Google

— Да куда его дѣвать? Иной тутъ вотъ въ сѣняхъ распластается, и нельзя, что называется, ни проѣхать, ни пройти. Другой, ежели въ лѣтнее время, въ сарайчикѣ пристроится,—я самъ своими средствами плохенькій сарайчикъ построилъ. Да вотъ такимъ способомъ одинъ и убѣжалъ. Въ маѣ было дѣло. Попросился онъ: дозвольте, говоритъ, на дворѣ переночевать. Я и позволилъ. А онъ, возьми, да и убѣги. И опять это возьмите,—продолжалъ писарь, затворивъ дверцу карцера и повернувшись лицомъ къ волостному правленію,—въ зимнее время, напримѣръ, мыслимо ли, чтобы дѣти цѣлый день на дворѣ бѣгали? Вѣдь этакъ они и околѣть могутъ. А въ квартирѣ окончательно мѣста нѣтъ; ну, я ихъ и держу въ волостномъ правленіи. Вѣдь стоитъ пустое по цѣлымъ недѣлямъ. Иной разъ и гость къ тебѣ придетъ,—тамъ же, въ волостномъ правленіи, его примешь. Что-жъ, по-вашему, это преступленіе?

— Ничего преступнаго не вижу!—отвѣтилъ я.

— Да, а выходитъ иначе. Вотъ такимъ способомъ однажды сижу это я съ дьячкомъ и дьячихой (дьячекъ съ женою ко мнѣ въ гости пришелъ), сидимъ мы въ волостномъ правленіи, на столѣ самоваръ и прочее, чай пьемъ... И вдругъ слышимъ, колокольчикъ казенный заливается и, откуда ни возьмись, становой. Мы какъ сидѣли, такъ и остались. Что-жъ дѣлать? Все равно въ одну минуту слѣдовъ не скроешь. Ну, и засталъ онъ всю честную компанію, какъ бы сказать, на мѣстѣ преступленія.

— Изволите-ли видѣть,—заговорилъ писарь послѣ нѣкотораго молчанія.—Я не говорю, что это законно; оно дѣйствительно противозаконно это, чтобы въ волостномъ правленіи чай пить. Но однако-жъ, позвольте васъ спросить, какъ быть, когда рѣшительно негдѣ опредѣлить себя?

Снова онъ помолчалъ, потомъ заговорилъ.

— Опять и это: купилъ я коровенку, тридцать пять рублей заплатилъ. Вѣдь дѣти у меня, поймите, ихъ четверо;

Digitized by Google

для нихъ молоко — первая пища. Купилъ я коровенку и, скажу вамъ, жизни не радъ...

— Почему же?

— А вотъ почему. У мужика хотя маленькій, да свой клочекъ земли есть, все-же это земля, его собственность. У него хоть скудость во всемъ, а все-же-таки есть куда и овцу пустить, и свинью, и все прочее. У меня же, у писаря то-есть, ни четверти аршина земли нѣту; куда ни ступитъ моя корова, все на чужую землю, и всякій норовитъ съ тебя за потраву слупить. Я вамъ скажу, что однѣ эти потравы мнѣ за восемь мѣсяцевъ двѣнадцать цѣлковыхъ обошлись. Такъ это выходитъ, что корова стоитъ уже не тридцать пять, а больше сорока пяти. Маялся я, маялся, да ужъ взялъ потомъ да и привязалъ ее на дворѣ, прямо къ забору привязалъ; а она цѣлый день и всю ночь ревомъ своимъ окрестность оглашаетъ. И опять же благопріятный человѣкъ нашелся, господину земскому начальнику доносъ написалъ, что корова у меня въ непоказанномъ мѣстѣ пребываніе имѣетъ. Эхъ, да я вамъ такъ скажу: ежели человѣкъ не имѣетъ клочка земли и своего собственнаго угла и вдругъ заведетъ семью, то ужъ этимъ самымъ онъ противозаконность совершилъ.

— Да вѣдь законъ никому не возбраняетъ имѣть семью.

— Не возбраняетъ, это такъ, но это и плохо. Надо бы, чтобы возбранялъ; не возбранять-то онъ не возбраняетъ, а какъ до дѣла дойдетъ, то и выходитъ, что этой самой семьѣ какъ бы кушать и пить не полагается. Какъ-же-съ? Кладовка — противозаконіе, коровенка — противозаконіе, комната для дыханія и тепла — противозаконіе; куда ни кинь, на каждомъ шагу противозаконіе. Такъ вотъ за это самое противозаконіе меня и смѣщаютъ.

Вдругъ писарь насторожилъ уши и началъ внимательно прислушиваться.

— Слышите? Казенный колокольчикъ звенитъ.

Digitized by Google

— Что же это?

— Это становой ѣдетъ. Ужъ навѣрно онъ. Сталобыть, къ завтрашнему дню я окончательно буду въ пространствѣ.

— Но, можетъ быть, это еще обойдется?

— Нѣтъ, не обойдется. Ужъ это я знаю. Нѣтъ, ужъ это для меня безъ сомнѣнія.

Онъ началъ наскоро прощаться со мной. Я не хотѣлъ присутствовать при производствѣ слѣдствія надъ писаремъ по поводу такихъ ужасныхъ преступленій, какъ превращеніе въ кладовку карцера и нахожденіе коровы въ ненадлежащемъ мѣстѣ, и вышелъ изъ волостного зданія.

Въ тотъ моментъ, когда я вступилъ на крыльцо, почтовая бричка, запряженная тройкой, остановилась у того же крыльца. Колокольчикъ послѣдній разъ звякнулъ и замолкъ. Изъ брички выскочилъ на землю господинъ небольшого роста въ уѣздно-полицейской формѣ, съ чрезвычайно пріятнымъ лицомъ, въ которомъ съ перваго взгляда не было ничего полицейскаго.

Сойдя съ крыльца, я хотѣлъ было юркнуть куда-нибудь въ сторону, но пріѣзжій уже былъ около меня.

— Если не ошибаюсь, изволите жить въ усадьбѣ?— промолвилъ онъ, глядя мнѣ въ лицо съ какимъ-то безконечнымъ доброжелательствомъ.

Я подтвердилъ.

— Если не ошибаюсь, я имѣю честь говорить съ господиномъ ...?

Онъ совершенно правильно назвалъ мою фамилію. Я и это подтвердилъ.

— Очень пріятно познакомиться,—сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку.—Здѣшній становой приставъ... Давно желалъ посѣтить васъ, да, признаться, не смѣлъ... Не имѣлъ повода, —прибавилъ онъ нѣсколько мягче,—притомъ же п

Digitized by Google

время трудно выбрать... По службѣ все въ разъѣздахъ. Если позволите, когда-нибудь заверну.

— Будетъ очень пріятно!—промолвилъ я не особенно увѣреннымъ тономъ.

Затѣмъ я отступилъ, явно давая ему дорогу, и этимъ поощрилъ его пройти дальше. Безъ сомнѣнія, я долженъ былъ считать, что я польщенъ, но я съ этимъ не торопился, ибо никакъ не могъ догадаться, съ которой стороны я могъ заинтересовать господина станового пристава.

Но становой на этотъ разъ ко мнѣ не зашелъ, оставивъ мнѣ надежду, что это случится въ будущемъ. На другой день утромъ, когда я вышелъ прогуляться по деревнѣ, я увидѣлъ около волостного правленія двѣ мужицкія телѣги, уже изрядно нагруженныя всякимъ домашнимъ скарбомъ. Первое движеніе въ моей душѣ было—не приближаться къ нимъ и пройти мимо. Но я подавилъ въ себѣ это несомнѣнное проявленіе эгоизма. Мнѣ просто хотѣлось избѣжать лишняго тяжелаго впечатлѣнія. И я направился къ телѣгамъ.

Писарь, жена его и старшія дѣти съ мрачными лицами выносили скарбъ. Нѣсколько бабъ помогали имъ. Писарь увидѣлъ меня и пріостановился.

— Вотъ-съ, переѣзжаемъ,—сказалъ онъ,—хе, хе, на дачу!—прибавилъ онъ саркастически.

— Куда же вы переѣзжаете?

— А Богъ его знаетъ, куда. На первыхъ порахъ къ тестю, хоть у него у самого крысѣ негдѣ помѣститься...

— А гдѣ же вашъ тесть?

— Да тутъ верстахъ въ двадцати пяти конторщикомъ при экономіи... Въ имѣніи княгини Алабековой. Вотъ такъ и швыряетъ тебя судьба съ мѣста на мѣсто, и, словно цыганъ, возишь ты за собою двѣ телѣги негоднаго скарба, жену да четверыхъ ребятъ.

Мы простились. Черезъ полчаса двѣ телѣги, нагру-

Digitized by Google

женныя «обстановкой» писарской жизни, тихо тащились въ гору. Писарь и его семейство сидѣли въ передней телѣгѣ, а позади всего, окруженная облакомъ пыли, привязанная къ задней телѣгѣ, шагала корова. Мохнатая собака, привыкшая къ писарской семьѣ, легкой рысцой бѣжала сбоку.

Я стоялъ и смотрѣлъ на этотъ странный караванъ, и мнѣ казалось, что и писарь, и его семья, и корова, и собака какимъ-то неумолимымъ рокомъ присуждены къ вѣчному странствованію, отъ котораго имъ никогда не избавиться.

V.

Я сдѣлалъ одно интересное знакомство. Произошло это такимъ образомъ.

Женѣ моей понадобились какія-то вышивки для полотенецъ. Въ нашемъ селѣ никакихъ мастерицъ для этого не оказалось. Ей сказали, что такія мастерицы есть въ селѣ Драгунахъ, отъ насъ верстахъ въ десяти, и особенно рекомендовали Марѳу Рыжову. Жена просила прислать ее къ намъ дня черезъ два. Марѳа явилась.

Сама по себѣ Марѳа не представляла ничего замѣчательнаго. Баба лѣтъ подъ сорокъ, благообразная, съ умными глазами, разговорчивая, дѣльная. На все у нея есть свой взглядъ, обо всемъ можетъ правильно судить. Сама надѣлъ пашетъ и за дѣтьми смотритъ. А мужъ на тульскомъ оружейномъ заводѣ на заработкахъ.

Образцы ея вышивокъ были превосходны. Холсты она дѣлала самаго лучшаго качества, словомъ, ото всего, что она говорила и дѣлала, вѣяло чѣмъ-то лучшимъ, чѣмъ-то болѣе счастливымъ, чѣмъ все, что мы видѣли въ своемъ селѣ. Не было въ ней той забитости, того равнодушія къ своему положенію, того «махни рукой» на все на свѣтѣ.

Съ нами она держала себя степенно, съ достоинствомъ.

Digitized by Google

Она не стояла передъ нами, держа руки по швамъ, на наши вопросы не отвѣчала: «Точно...», «Надо быть такъ...», «Намъ то неизвѣстно...», «Вѣдать того не можемъ...» Во всѣхъ ея отвѣтахъ видна была основательность и свой взглядъ на дѣло.

Ее попросили сѣсть, она сѣла. Ей предложили чаю, она стала пить и тоже съ достоинствомъ, не торопясь, не проливая, не обжигая губъ. И во всѣхъ движеніяхъ ея было что-то свободное, что-то новое для насъ. Она была достаточно почтительна, сдержанна, но не было въ ней подавленности, близкой къ раболѣпству.

Принявъ заказъ и прощаясь съ нами за руку, причемъ она сама первая протянула руку, она сказала:

— Пріѣзжайте, милые господа, къ намъ въ Драгуны, посмотрите, какъ мы живемъ.

— А что, развѣ вы не такъ живете, какъ здѣшніе?

— И-и... не такъ, родные, не такъ!.. Не дай Богъ жить, какъ тутъ живутъ!..

— А что?

— Да больно ужъ бѣдно. Мы не такъ живемъ.

— Богаче?

— Не то, чтобъ богато, а пригляднѣй...

— Что же, у васъ земли больше?

— Нѣтъ, не больше. А только обычай другой: мы не крѣпостные.

— Но гдѣ же теперь крѣпостные? Крѣпостныхъ теперь нигдѣ нѣтъ.

— Знаю, что нѣтъ. Да мы и не бывали крѣпостными. У насъ никакого помѣщика не было. Наши отцы были казенные. Такъ отъ того это.

Мы приняли приглашеніе. Дней черезъ пять мы поѣхали въ Драгуны навѣстить Марѳу, которая намъ понравилась. И правда, село уже по внѣшности произвело на насъ впечатлѣніе чего-то болѣе отраднаго, чѣмъ другія села. Избы

Digitized by Google

аккуратны, нигдѣ не видно разрушенія, нѣтъ содранныхъ крышъ, даже въ планировкѣ виденъ нѣкоторый порядокъ, хотя село разбросано на неровномъ холмистомъ мѣстѣ.

Мы спросили Марѳу, намъ показали. У нея была довольно длинная изба, но для жилья предназначалась только одна треть, остальное, въ видѣ огромнаго чулана,—хозяйство.

Комната была маленькая, въ углу образа. Чистый столъ, на стѣнахъ лубочныя картины, небольшое зеркальце, между печью и стѣной палати. Марѳа съ ребенкомъ на рукахъ встрѣтила насъ очень привѣтливо и была, видимо, польщена.

У нея въ гостяхъ была высокаго роста, довольно стройная молодуха, которая тоже умѣла мастерить вышивки. Жена и ей что-то заказала. Звали ее Варварой, и одѣта она была какъ-то приглядиѣе, чѣмъ Марѳа; отъ нея вѣяло нѣкоторымъ уже замѣтнымъ достаткомъ. На головѣ былъ свѣжій пестрый платокъ, на ногахъ городскіе башмаки, и румянецъ во всю щеку.

— Она Нефедьевская,—сказала Марѳа, и изъ тона ея было видно, что слово это имѣло особое значеніе. Оно было произнесено съ гордостью.

— А что-же такое Нефедьевы?—спросилъ я.

— О, Нефедьевы у насъ знаменитые люди.

— Что-же?

— Да ужъ всѣмъ знамениты. Семья большая, всѣхъ двадцать душъ ихъ, и живутъ всѣ вмѣстѣ .. Отъ того и съ достаткомъ ..

— Кто-же эти двадцать душъ?

— Какъ кто? Старикъ Нефедьевъ со старухой, три сына съ женами, три дочки съ мужьями, да внуки, всѣхъ двадцать и выходитъ.

— И всѣ вмѣстѣ живутъ?

— Всѣ какъ есть въ одной избѣ.

Мы посидѣли у Марѳы съ полчаса и собрались уѣзжать.

— А къ намъ не загляпете?—спросила Варвара.

Digitized by Google

Мы торопились и отказались.

— Заглянули-бы... Наши будутъ рады...

Но мы все-таки уѣхали. Въ тотъ-же день вечеромъ Варвара пришла къ намъ, сдѣлавъ для этого десять верстъ, въ сопровожденіи другой молодой бабенки Аксиньи.

Варвара была женой младшаго сына Нефедьева, а Аксинья — дочь ихъ замужняя. Аксинья была, повидимому, молчалива и во все продолженіе этого визита не промолвила ни слова.

— Пришла я къ вамъ отъ нашихъ, отъ стариковъ,— сказала Варвара.

— А что такое?

— Наши всѣ въ обидѣ на васъ.

— За что?

— Да какъ-же: были отъ насъ за три избы и заказъ дали, а не заѣхали... Стало-быть, брезгаете...

Мы начали увѣрять, что ничего подобнаго не было, что просто намъ было некогда, мы торопились къ обѣду.

— Такъ ужъ будьте такіе добрые, пріѣзжайте къ намъ. Старики просятъ да и молодые тоже,—сказала Варвара,— ужъ безпремѣнно пріѣзжайте, а то намъ обидно. Свекоръ прямо сказать, что обидно... У Мареы были, а до насъ, до Нефедьевыхъ, не дошли. Это и вся деревня станетъ говорить. Вотъ, молъ, господа добрые, а Нефедьевыми побрезгали... Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, не отказывайтесь, побывайте!

Намъ оставалось согласиться и дать слово, что будемъ у нихъ. И мы при первой же хорошей погодѣ поѣхали въ Драгуны.

Это было въ будній день, въ рабочую пору, когда по всей окрестности мелькали мужики и бабы съ косами, съ граблями, когда на ровной, только-что скошенной землѣ выростали стога, когда деревня дорожила каждой минутой.

Въ Драгунахъ было мало народу. Только старики си-

Digitized by Google

дѣли на порогахъ избъ, да дѣтишки подъ ихъ надзоромъ бѣгали и оглашали воздухъ криками; остальные были въ полѣ или на гумнахъ. Марѳы тоже не было дома, она возилась въ полѣ, на своей полосѣ. Ей помогала шестнадцати-лѣтняя дочь, Анисья. Туда же они забрали младенца. Ея изба была заперта на замокъ.

Мы поѣхали прямо къ Нефедьевымъ. Первое, что бросилось намъ въ глаза, это—изба, необыкновенно длинная; она была втрое длиннѣе избы Марѳиной, сдѣлана изъ кирпича, тщательно прикрыта плотной соломенной крышей. Въ оконцахъ ея всѣ стекла были цѣлы; передъ входомъ небольшое крыльцо съ навѣсомъ. Изба сразу отличалась отъ всѣхъ прочихъ и останавливала на себѣ вниманіе.

Но къ нашему экипажу, остановившемуся у крыльца, никто изъ нея не вышелъ; только ребятишки, игравшіе около крыльца, обратили на насъ вниманіе.

— Тутъ живутъ Нефедьевы?—спросили мы.

Мальчуганъ лѣтъ девяти выдвинулся по направленію къ намъ.

— Тутъ,—отвѣтилъ онъ довольно храбро.

— А есть кто?

— Всѣ на гумнѣ...

— А гдѣ гумно?

— А вона,—онъ указалъ рукой за избу.

— Ну, такъ проводи насъ туда.

Мы оставили экипажъ и направились на гумно. Мальчикъ шелъ впереди и при этомъ сообщалъ намъ, что дѣдъ только-что вернулся изъ города, куда ѣздилъ продавать рожь, а бабка сидитъ въ избѣ и готовитъ обѣдъ; перечислилъ и другихъ родственниковъ, имена которыхъ я не помню, и про каждаго говорилъ, что онъ сейчасъ дѣлаетъ.

Мы шли по довольно узкому пространству, между двухъ изгородей изъ лозняка, отдѣлявшихъ хозяйство Нефедьевыхъ отъ хозяйства сосѣда. Наконецъ, передъ нами раскрылось

Digitized by Google

широкое гумно, на которомъ возилось нѣсколько мужиковъ и бабъ. За гумномъ стоялъ огромный сарай съ широкими воротами, изъ которыхъ столбомъ летѣла густая пыль, смѣшанная съ соломой, и слышался равномѣрный стукъ.

— Тамъ у насъ машина, — пояснилъ мальчуганъ.— Тамъ и молотилка, и вѣялка...

При нашемъ появленіи на гумнѣ произошло движеніе. Мы разглядѣли Варвару, которая, очевидно, успѣла сообщить всѣмъ, что это именно мы, и шла намъ навстрѣчу.

— Вотъ спасибо,—говорила она.—Ужъ мы такъ довольны, такъ довольны, что вспомянули про насъ.

Къ намъ подошла и Аксинья, и обѣ онѣ подводили насъ къ мужикамъ и бабамъ и знакомили. Тѣ оставляли работу, кланялись и протягивали намъ руку.

Изъ-за сарая вышелъ старикъ съ длинной бородой, но далеко еще не бѣлой, высокій, стройный и необыкновенно бодраго вида.

— Это отецъ,—тихо сказала намъ Варвара и познакомила насъ съ Андреемъ Нефедьевымъ, родоначальникомъ всей этой огромной семьи, возившейся на гумнѣ и въ сараѣ.

— Мы, кажется, помѣшали вамъ,—сказалъ я, здороваясь съ нимъ.

— Нѣтъ, какъ же можно! Мы довольны!.. Пожалуйте же въ комнату... Мы очень довольны,—сказалъ старикъ, чрезвычайно радушно улыбаясь.

— Это все ваше семейство?—спросилъ я.

— Все, все. Наемныхъ у насъ нѣту. Все сами дѣлаемъ. Какъ есть все, что надобно мужику. Вотъ, пожалуйте, посмотрите. Степанъ, — крикнулъ онъ въ сарай,— пообожди на-малость съ машиной, дай пройти!

Стукъ прекратился, и пыль, вылетавшая въ ворота сарая, пріостановилась и улеглась; мы прошли въ сарай.

Тутъ была въ одномъ концѣ молотилка, въ другомъ— вѣялка. Обѣ онѣ соединялись ремнемъ съ главнымъ двига-

Digitized by Google

тельнымъ колесомъ, приводимымъ въ движеніе при помощи лошадей, которыя ходили въ кругу внѣ сарая, подъ открытымъ небомъ. Тройка лошадей вертѣлась въ этомъ кругу, цѣлый день и отлично замѣняла паръ. Теперь работала молотилка, и ее, на время пріостановленную, пустили вновь въ ходъ, чтобы мы могли видѣть ея работу.

Въ маленькомъ сарайчикѣ, примыкавшемъ къ большому, была еще третья, небольшихъ размѣровъ, машина-круподерка. Ее тоже показалъ намъ старикъ Нефедьевъ. Вообще онъ все показывалъ охотно, видимо даже съ нѣкоторой гордостью.

Потомъ мы вышли на воздухъ, и бабы демонстрировали передъ нами инструментъ, въ которомъ мнутъ коноплю передъ тѣмъ, какъ дѣлать изъ нея нитки. Хозяйство у Нефедьевыхъ было превосходное; мнѣ и въ голову не приходило, что у мужика можетъ быть такое хозяйство.

— Да какъ же иначе, когда насъ двадцать душъ и изъ того числа тринадцать взрослыхъ работниковъ? Какъ же оно иначе можетъ быть? Тринадцать паръ рукъ, это — не то, что двѣ, либо три пары. Тринадцать паръ мужицкихъ рукъ чего только не сдѣлаютъ!

— Но вѣдь для этого надо имѣть много земли?

— Гм... Имѣть... Оно бы хорошо имѣть, но только не изъ чего. А мы исполу беремъ, а то и за деньги... Подъ хлѣбъ за деньги, а подъ картошку исполу, такъ вотъ и подкрѣпляемся. За то ужъ все сами дѣлаемъ, ничего не покупаемъ.

— Какъ? И одежду?

— Само-собой и одежу. А то какъ же? Бабы-то на что? Что имъ зимой-то дѣлать? Онѣ всю зиму сидятъ и ткутъ, которая холстъ, которая сукно, вотъ и одѣваемся... Все, что на насъ видите, нашими бабами сдѣлано... Развѣ ужъ для франтовства какая-нибудь ситцу красиваго купитъ, а то все свое... Ну, такъ пожалуйте въ комнату, ужъ не

Digitized by Google

откажитесь, пожалуйста, не обидьте... Тамъ старуха, я думаю, уже чай приготовила.

Мы пошли по направленію къ избѣ. Мужики, кромѣ дѣда Андрея, остались работать, а бабы пошли съ нами. Дѣдъ обернулся къ мужикамъ и сказалъ имъ:

— Погодя и вы приходите... Ради гостей дорогихъ чаю попить можно.

Изба внутри оказалась огромной. Когда я видѣлъ въ Петербургѣ представленіе «Власти тьмы», мнѣ казалось, что такой избы, какая была устроена на сценѣ, въ жизни не можетъ быть. Но Нефедьевы убѣдили меня въ противномъ.

Въ ней былъ настланъ досчатый полъ, чѣмъ она отличалась отъ другихъ избъ, даже отъ Мареиной. Но, кромѣ размѣровъ и пола, она ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ.

Тотъ же столъ, только гораздо длиннѣе и шире, тѣ же лавки по стѣнамъ, тѣ же палати, та же огромная печь съ лежанкой на ней.

Изба раздѣлялась просторными сѣнями на двѣ части. По другую сторону сѣней была горница поменьше первой. Здѣсь все было изыскано-чисто, стѣны украшены олеографическими портретами царей и генераловъ. Стояла также широкая кровать, прикрытая бѣлымъ одѣяломъ съ кружевами, съ дюжиной пуховыхъ подушекъ. Но отъ этой комнаты пахло чѣмъ-то нежилымъ.

Старуха Нефедьева была высокая, плотная, съ темными волосами, въ которыхъ еще не было видно ни одной сѣдины. Лицо ея выражало умъ, въ немъ было что-то мужественное и вмѣстѣ какая-то озабоченность.

Въ комнатѣ пахло свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ и было жарко. Отворили оконца для прохлады. Всѣ усѣлись, и стали подавать чай.

— Значитъ, вы всѣ двадцать душъ живете въ двухъ комнатахъ?—спросилъ я.

Digitized by Google

— Зачѣмъ въ двухъ? Мы въ одной, вотъ въ этой самой, помѣщаемся.

— Какъ въ одной? А почему же въ той никто не живетъ?

— Ну, зачѣмъ же? Та чистая... Ту мы держимъ такъ, для порядка...

— Но вѣдь здѣсь вамъ тѣсно?

— Зачѣмъ тѣсно? Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ. А оно и лучше, ежели всѣ въ кучѣ: крѣпче домъ держится...

— Да гдѣ же вы тутъ помѣщаетесь?

— Да ужъ помѣщаемся, какъ ни на есть. Кто на палатяхъ, кто на печи, кто на лавкахъ, а кто и на полу. У каждаго, значитъ, свой закоулокъ... Вонъ тамъ Степанъ съ женой, а тутъ Иванъ съ своей семьей, тамъ вонъ мое со старухой государство... Такъ всѣ и помѣщаемся... Оно чѣмъ тѣснѣй, тѣмъ дружнѣй, а чѣмъ дружнѣй, тѣмъ и крѣпче.

— Значитъ, вы сыновей не выдѣляете?

— Нѣтъ, зачѣмъ? Мои сыновья всѣ работники, зачѣмъ же я буду отпускать работниковъ? Это никакой выгоды нѣтъ... Да и ему не выгодно. Тутъ онъ при большомъ хозяйствѣ, и все у него есть. А выдѣли я его, что-жъ? Ему самому все надо добывать... Да и опять же выдѣлить, это, значитъ, и земли отрѣзать. И всѣмъ надѣлить,— стало-быть, отъ себя, отъ своего хозяйства, отнять... Такъ и ему пустяки достанутся, и у меня мало останется... Такъ ужъ это что-жъ: это значитъ на разореніе идти. Нѣтъ, у насъ ужъ такой порядокъ: женился, жену взялъ въ домъ,—работница, значитъ. Замужъ вышла, мужа въ домъ, — работникъ. Стало быть, мы съ каждой свадьбой не только-что теряемъ, а еще прибыль получаемъ,—крѣпчаемъ .. За-то ужъ насъ, Нефедьевыхъ, не собьешь. Ужъ мы твердо стоимъ... Хозяйство у насъ, правду сказать, такое, что иной помѣщикъ позавидуетъ.

Digitized by Google

— И много доходу вырабатываете?

— Для чего намъ доходъ?.. Мы двадцать душъ кормимъ, поимъ и одѣваемъ, такъ откуда-жъ тутъ доходъ? Ну, а все же каждый годъ двѣ сотенныхъ остается... Оно на черный день и прикапливается. Не дай Богъ чего, неурожай, либо огонь, либо что... Чтобъ, значитъ, ничего не бояться. А то и машина, она починки требуетъ. Иной разъ и новую прикупить... Вотъ за круподерку прошлою осенью триста цѣлковыхъ заплатили.

— А на сторонніе заработки кто-нибудь изъ васъ ходитъ?

— Нѣтъ, невыгодно... Бабы въ свободное время въ княжескую экономію картошку копать ходятъ. Ну, да это что, это не въ счетъ. Имъ по гривеннику въ день платятъ. Тоже и на бумажной фабрикѣ тряпки перебирать,— тутъ есть недалеко отъ насъ одна, — и тамъ по гривеннику. Такъ это ужъ онѣ на себя берутъ.

— Какъ на себя?

— Да такъ, на свои наряды. Ну, тамъ ленту, либо ситецъ, которая покрасивѣй любитъ. Ужъ это не въ счетъ. Ну, да вотъ еще Варваринъ мужъ у насъ въ Питерѣ на должности, только это ужъ особая статья.

— А что такое?

— Должность особенная. Больно ужъ выгодно. Въ кассирной артели онъ... Былъ онъ прежде солдатомъ, такъ хорошо тамъ грамотѣ научился. И умъ у него есть; это, надо правду говорить, съ умомъ человѣкъ. Знакомство съ дѣловитыми людьми свелъ и, какъ службу-то кончилъ, въ эту самую артель и попалъ. Выгодно, страсть какъ выгодно! Онъ на Николаевской чугункѣ кассиромъ сидитъ и за это жалованья сорокъ цѣлковыхъ получаетъ. Оно и ему хорошо, и намъ выгодно.

— А вамъ что же?

— Намъ-то? А какъ же? Онъ изъ нашей семьи, стало

Digitized by Google

быть, долженъ дѣлиться. Труда его здѣсь нѣту, ну, значитъ, онъ долженъ деньгами отдавать. Онъ намъ половину присылаетъ. Двадцать цѣлковыхъ каждый мѣсяцъ аккуратно отъ него получаемъ.

— Охъ, ужъ... не хотѣла бы я этихъ денегъ!—сказала старуха Нефедьева и махнула рукой.

— Отчего же?

— Э, да такъ... Не порядокъ.

— Да это такъ, оно, дѣйствительно, не порядокъ,— сказалъ Нефедьевъ-старикъ, — Питеръ не свой братъ, конечно... да вѣдь такой ужъ человѣкъ, ничего не подѣлаешь.

Я не понималъ, въ чемъ дѣло, а они, повидимому, не хотѣли выразиться яснѣй; но мнѣ показалось, что Варвара при этомъ покраснѣла и опустила глаза.

Мы перемѣнили разговоръ. Подошли молодые члены семьи Нефедьевыхъ и тоже усѣлись за столъ, и имъ подали чашки. Я окинулъ взоромъ всю картину, и мнѣ почудилось въ ней что-то удивительно трогательное, что-то патріархальное, чего я никогда въ своей жизни не видывалъ. Старикъ Нефедьевъ и старуха, видимо, пользовались общимъ уваженіемъ и, можетъ быть, въ хозяйственныхъ дѣлахъ исключительной властью, но здѣсь, за столомъ, всѣ вели себя свободно, всѣ вмѣшивались въ разговоръ, и во всемъ было видно какое-то духовное единеніе и отсутствіе какого бы то ни было гнета и принужденія. Молодыя бабы держали на колѣняхъ дѣтей и тоже поили ихъ чаемъ; у всѣхъ лица были здоровыя, довольныя. Только у Варвары въ глазахъ была замѣтна какая-то скрытая грусть, и она была молчалива.

Чай былъ выпитъ, мы поднялись и стали прощаться. Всѣ начали наперерывъ благодарить насъ и всѣ въ одинъ голосъ повторяли:

— Ужъ мы такъ вами довольны, такъ довольны...

Digitized by Google

— Да, помилуйте, мы ничего для васъ не сдѣлали,— возражали мы.

— Нѣтъ, ужъ вами такъ довольны, что вы нами не гребуете (не брезгуете). Видно, что хорошіе господа, а нами не гребуютъ. Гдѣ это видно? Мы къ этому не привыкли... У насъ въ окружности много господъ есть. И князья, и бароны, и такъ господа. И бываетъ, что у тебя къ нему и у него къ тебѣ дѣло... Такъ онъ, ежели къ нему придешь, два часа на дворѣ продержитъ, а тамъ на крыльцѣ приметъ, либо въ сѣняхъ; а ежели къ тебѣ по дѣлу пріѣдетъ, такъ даже изъ коляски не выйдетъ; а вы съ нами за столъ садитесь, вы по человѣчеству. Такъ ужъ мы вами довольны!

Въ заключеніе старики Нефедьевы потребовали, чтобы мы увезли съ собой два десятка яицъ и пѣтуха, и, какъ мы ни отказывались, это намъ не удалось, и мы должны были взять съ собой эти дары гостепріимства.

На обратномъ пути мы заѣхали къ Марѳѣ, она уже вернулась съ поля. Мы зашли къ ней. Тутъ я вспомнилъ, что для меня осталось неяснымъ кое-что, касающееся Варварина мужа. Я спросилъ объ этомъ Марѳу.

— Это, который въ Питерѣ кассиромъ? Охъ, охъ!— со вздохомъ произнесла Марѳа, потомъ оглянулась и осторожно прибавила:—въ Питерѣ-то онъ себѣ другую завелъ... Любезную, значитъ... Она, Варвара, ѣздила къ нему прошлой зимой и видѣлась съ нимъ... Дорога-то ей ничего не стоитъ, даромъ, потому какъ служитъ на чугункѣ... Такъ онъ ей прямо сказалъ: «Тебя, говоритъ, люблю по-истинѣ, а эта такъ... Потому, говоритъ, въ Питерѣ безъ бабы никакъ невозможно... Ежели, говоритъ, отпущу ее, стану мыкаться по разнымъ мѣстамъ. Такъ это хуже будетъ... Въ компанію попаду, зальюсь, говоритъ... А только ты, говоритъ, не сумлѣвайся,—тебя люблю единственно. И какъ службу здѣшнюю прикончу и въ деревню пріѣду жить,

Digitized by Google

такъ у насъ все пойдетъ по-хорошему». Что подѣлаешь, коли городъ такой проклятый! Ну, а она, какъ отъ него пріѣхала, сердечная, тяжела стала, а потомъ и младенца ей Богъ далъ.. Извѣстно, нехорошо это, да что подѣлаешь? Служба очень ужъ выгодная, больше двухъ сотенъ въ годъ на общее хозяйство присылаетъ. А Варварѣ иной разъ трешню, а то и пятишню пришлетъ: это, говоритъ, тебѣ на наряды... Извѣстно, Питеръ не свой братъ. Тамъ, сказываютъ, всѣ такъ живутъ: жена дома, а на сторонѣ любезная, да еще хорошо у кого одна, а у другихъ и больше. Сказываютъ, что такъ...

Digitized by Google

СФИНКСЪ.

I.

Петербургскій интеллигентъ Иванъ Сергѣевичъ Добромысловъ, нанявъ въ помѣщичьей усадьбѣ домъ, какъ значилось въ газетномъ объявленіи, которымъ онъ руководствовался, «въ центральной губерніи, въ сухой высокой мѣстности, близъ станціи желѣзной дороги, съ стариннымъ тѣнистымъ паркомъ, съ старинной барской обстановкой» и пр. и пр.—прибылъ на станцію съ семействомъ и съ невообразимымъ количествомъ багажныхъ «мѣстъ», каковы: сундуки, дѣтскія кровати, тюфяки, подушки, ящики, узлы и другіе предметы, которымъ и названія нѣтъ.

Прежде всего оказалось, что «мѣста» съ тѣмъ поѣздомъ, на которомъ пріѣхалъ интеллигентъ, не прибыли.

— Почему же они не прибыли?—спрашивалъ онъ у всѣхъ, кто только могъ имѣть малѣйшее отношеніе къ станціонному персоналу.

— Неизвѣстно!—всѣ одинаково отвѣчали ему.—Надо полагать, не взошли?

— Какъ это не взошли.

— Въ товарный вагонъ не взошли. Переполненіе. Въ Москвѣ задержали. Это часто бываетъ.

— Но когда же они прибудутъ?

— Неизвѣстно. Надо полагать, завтра, либо послѣзавтра.

— Но позвольте. Тамъ всѣ наши необходимыя ве-

Digitized by Google

щи—бѣлье, подушки, одѣяла, безъ которыхъ мы не можемъ ночь спать... Вѣдь это безобразіе!

Всѣ соглашались съ нимъ, что это — безобразіе, но вѣдь это въ Москвѣ, а они здѣсь не при чемъ.

Вторымъ огорченіемъ было сообщеніе ямщика, что до помѣщичьей усадьбы двадцать пять верстъ.

— Дѣйствительно, — говорилъ ямщикъ,—есть дорога и на десять верстъ, только по ней никто не ѣздитъ.

— Почему же?

— Очень ужъ неспособна. Того и гляди, шею сломаешь....

Третье огорченіе — - въ старинномъ барскомъ домѣ: всюду грязь, вѣковая пыль, паутинныя сѣти, затхлый воздухъ, въ полу щели и дырья, въ которыя дуютъ ураганы; старинная мебель трещитъ и ломается при одномъ только намѣреніи сѣсть на нее; крысы скребутся подъ поломъ, устраиваютъ правильныя сраженія на чердакѣ, вслѣдствіе чего старинныя стѣны стариннаго дома дрожатъ.

— Почему все это такъ запущено? — спрашиваетъ интеллигентъ управляющаго.

— Двѣнадцать лѣтъ никто не жилъ. Домъ стоитъ заколоченный... Къ нему даже не прикасались.

Причина вполнѣ основательная. При томъ же все это пустяки. «Мѣста» въ концѣ концовъ были получены, двадцативерстное разстояніе оказалось нестрашнымъ, вѣковую грязь и пыль полтора десятка бабъ втеченіе недѣли отчистили, къ старинной мебели приспособились, крысъ усмирили.

Главная цѣль интеллигента была—для семейства: наивозможнѣйшее увеличеніе количества красныхъ кровяныхъ шариковъ, а для него самого...: Ну, этого въ пяти словахъ не разскажешь.

Но надо сказать, что интеллигентъ Добромысловъ былъ не такъ-себѣ какой-нибудь, а съ міросозерцаніемъ, да и

Digitized by Google

міросозерцаніе у него было не такъ себѣ какое-нибудь, а особенное, которому не будемъ спѣшить давать названія.

Скажемъ только, что онъ всю жизнь прожилъ въ Петербургѣ, занимался либеральной профессіей, лѣто проводилъ то заграницей, то въ Павловскѣ и любилъ народъ. Вотъ въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и вся штука.

Какъ и почему Добромысловъ полюбилъ народъ, это даже ему самому неизвѣстно. Никогда онъ его не видалъ. Старшихъ и младшихъ дворниковъ, кучеровъ и кухарокъ, извозчиковъ и желѣзнодорожныхъ артельщиковъ онъ не считалъ народомъ и, кажется, былъ правъ. Не могъ онъ считать за народъ и обывателей подгороднихъ деревень, которые большею частью были чухонцы. Оно, понятно, и чухонцы — народъ, да — не тотъ.

А между тѣмъ Добромысловъ не помнитъ времени, когда онъ не любилъ народъ. Въ старшихъ классахъ гимназіи онъ читалъ романъ Шпильгагена «Одинъ въ полѣ не воинъ», обожалъ героя — Лео и мечталъ быть чѣмъ-нибудь вродѣ него, чтобы облагодѣтельствовать народъ. Во время студенчества онъ носилъ большіе сапоги и красную рубашку, обучался сапожному ремеслу, старался говорить: «нѣшто», «къ примѣру», «почитай-что» и «стало быть», съ той цѣлью, чтобы сдѣлать свой языкъ понятнымъ народу и идти въ народъ. Для этого онъ даже научился водку пить и пилъ ее столько, что разстроилъ кишечникъ себѣ на вѣчныя времена и теперь водки не можетъ видѣть. Но въ народъ онъ не ходилъ. Онъ просто не успѣлъ, потому что какъ разъ къ тому времени, когда онъ былъ готовъ къ этому, вдругъ появилось новое ученіе, которое утверждало, что въ народъ ходить глупо, а надо просто развивать свой умъ и потомъ, достаточно развивши его, жить въ деревнѣ въ качествѣ помѣщика, учителя, писаря и т. п., и быть для народа вродѣ свѣтильника во тьмѣ.

Онъ и началъ прилежно развивать свой умъ, а въ то же

Digitized by Google

время все-таки продолжалъ любить народъ. Но пока онъ развивалъ свой умъ, ученіе опять перемѣнилось. Вышло новое, которое объявило, что народъ учить вовсе нечему, ибо онъ и безъ того носитъ въ душѣ своей всѣ самые высокіе идеалы, прекрасно знаетъ самую суть жизни, великолѣпно разрѣшаетъ всѣ вопросы, которые въ Петербургѣ принято считать проклятыми, и, вмѣсто того, чтобы собираться его учить, жаждущій истины интеллигентъ долженъ у народа поучиться, какъ надобно жить на свѣтѣ по истинной правдѣ.

Многіе такъ и сдѣлали, т. е., сейчасъ же, какъ только вышло новое ученіе, отправились къ народу, поселились въ избѣ и стали у народа учиться. Добромысловъ не успѣлъ этого сдѣлать, потому что въ это время онъ уже обзавелся семьей и кромѣ того занимался либеральной профессіей, которая не позволяла ему жить въ избѣ, а заставляла его снимать бель-этажъ въ двѣнадцать комнатъ. Но все-таки онъ любилъ народъ и искренно жалѣлъ, что не можетъ у него поучиться.

И занимаясь либеральной профессіей, онъ и не замѣтилъ, какъ и это ученье устарѣло и на его мѣсто стало опять новое. Объявили, что у народа учиться нечему; что у него, конечно, въ зачаткѣ есть всѣ данныя — нравственныя и умственныя—для того, чтобы современемъ и при благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ него вышелъ народъ-гигантъ, которому даже суждено оживить новою жизнью дряхлѣющую цивилизацію западныхъ народовъ, но пока это еще не болѣе, какъ доброе способное дитя. Народъ жаждетъ просвѣщенія. Его уже не удовлетворяютъ «Бова-королевичъ» и «Еруланъ Лазаревичъ», онъ требуетъ умной книжки, которая расширяла бы его кругозоръ.

И повсюду стали печататься умныя книжки для народа, и даже самъ Добромысловъ сочинилъ маленькую книжку о томъ, «что такое адвокатъ и какъ велика польза, приносимая имъ народу», и пустилъ въ продажу по двѣ ко-

Digitized by Google

пѣйки. Но въ это время сдѣлался какой-то особенный урожай на ученія о народѣ: они являлись, какъ грибы, чуть не каждый день,—и Добромысловъ слегка даже растерялся. Одни утверждали, что народъ вырождается и чуть-ли даже уже не выродился. Другіе говорили, что деревня съ ея земледѣліемъ и знаменитой «властью земли» осуждена на поглощеніе фабрикой и что мужикъ, въ его настоящемъ видѣ, обязанъ погибнуть и затѣмъ возродиться въ капиталѣ; третьи, наконецъ, рѣшили, что народъ, это—сфинксъ, великій сфинксъ, который въ своемъ вѣковомъ молчаніи хранитъ какую-то тайну.

Всѣ эти ученія застали Добромыслова врасплохъ. Онъ оказался неспособнымъ усвоить ихъ всѣ разомъ и у него въ головѣ произошла путаница. Тѣмъ не менѣе, когда доктора, во вниманіе къ тому, что у членовъ его семейства оказалось недостаточно кровяныхъ шариковъ, послали его въ деревню, онъ прихватилъ огромный ящикъ книжекъ, изданныхъ для народа, и рѣшилъ, при всякомъ случаѣ, распространять ихъ среди мужиковъ деревни. Изъ этого можно заключить, что онъ въ сущности остался при ученіи, что народъ не болѣе, какъ дитя, которому и т. д. Но между прочимъ онъ принялъ къ свѣдѣнію и то, что народъ—это сфинксъ, великій сфинксъ, который въ своемъ вѣковомъ молчаніи и т. д., и лелѣялъ надежду, что ему удастся хоть однимъ глазкомъ проникнуть въ тайну великаго сфинкса.

Такимъ образомъ, мы теперь знаемъ, какая цѣль была у самого Ивана Сергѣевича Добромыслова. И хотя въ первое время онъ еще не успѣлъ оріентироваться, но все же полтора десятка бабъ, которыя старательно чистили отъ пыли и грязи старинный барскій домъ, послужили для него какъ бы пробнымъ камнемъ.

— Ну, что, бабы, читали вы про «Бову-королевича»?—

Digitized by Google

спросилъ онъ однажды, желая искусно подойти къ міросозерцанію сфинкса.

Полтора десятка сфинксовъ стояли передъ нимъ, съ закатанными рукавами, съ высоко приподнятыми подолами юбки, съ выпяченными впередъ животами и престранно ухмылялись.

— Нѣ-э!— протянулъ, наконецъ, одинъ изъ сфинксовъ, который, очевидно, былъ посмѣлѣе другихъ.

— Неужто? А про «Еруслана Лазаревича»?

— То-жъ нѣ...

— Гм... странно! Ну, а все же, небось, иногда хочется почитать умную книжку? а?

— Что-жъ... оно ничего... Наше дѣло бабье... извѣстно!

— Ага! Вотъ и отлично! Такъ я дамъ... У меня есть хорошія книжки!..

И Добромысловъ бросился къ своему ящику. Тутъ у него явился вопросъ, который надо было обсудить. Если каждой бабѣ дать по книжкѣ, то это выйдетъ пятнадцать книгъ. А на селѣ мужиковъ много, каждый захочетъ просвѣтиться. Тогда, пожалуй, и книгъ-то не хватитъ. И онъ захватилъ только три книжки.

— Вы вотъ что, бабы: вы читайте вмѣстѣ, вслухъ; одна пусть читаетъ, другія пусть слушаютъ... Можно поочереди. А когда прочитаете, принесите книжки, я вамъ дамъ другія.

— А какъ же ее читать-то, коли мы не грамотны?

— Какъ не грамотны? Всѣ?

— Всѣ, какъ есть... Ни одна, значитъ, не умѣетъ...

— Странно! Но у васъ же есть школа?

— Есть... Съ третьяго года стало двѣ... Одна, выходитъ, земская, а другая—въ сторожкѣ.

— Какъ въ сторожкѣ?

— Которая при церкви...

Digitized by Google

«А, а! значитъ, церковно-приходская школа! — тотчасъ перевелъ Добромысловъ на петербургскій языкъ.— Но почему-жъ она въ сторожкѣ? Какъ странно!»

— И васъ посылали въ школу?

— Посылали... Извѣстно!..

— Значитъ, вы учились грамотѣ?

— Какъ же не учились? Учились... Да ужъ оно запамятовано!..

— Неужто совсѣмъ забыли?

— До тла! Гдѣ-жъ тутъ? Наше дѣло бабье... Извѣстно!

Добромысловъ съ глубокимъ разочарованіемъ отнесъ свои книжки обратно, а сфинксы взяли въ руки мокрыя тряпки и опять принялись чистить старинный барскій домъ.

Впрочемъ, обсудивъ вопросъ всесторонне, онъ нашелъ нѣкоторое утѣшеніе. Женщина вѣдь всегда была консервативнымъ элементомъ въ исторіи народовъ. А крестьянская женщина, подавленная мелочами домашней жизни, тѣмъ болѣе. «Но, однако, какъ странно, что онѣ ничего не знаютъ даже про Еруслана и Бову. А я читалъ, что народъ уже не довольствуется грубыми сказками про Бову-королевича и Еруслана Лазаревича и пр., и пр. Какъ странно!»

Устроившись въ старинномъ барскомъ домѣ настолько, что можно было жить, Добромысловъ сталъ присматриваться къ деревенской жизни. Такъ какъ самъ онъ, какъ человѣкъ столичный, не могъ знать тайныхъ тропинокъ, ведущихъ къ народной душѣ, то онъ познакомился съ сельскимъ писаремъ. Это казалось ему совершенно необходимымъ.

Сельскій писарь есть существо совсѣмъ особаго рода. Если мы мысленно представимъ себѣ переходъ отъ мужицкой необразованности къ образованности интеллигента, то сельскій писарь будетъ чѣмъ-то вродѣ промежуточной стадіи. Онъ какъ будто шелъ, да не дошелъ. И сель-

Digitized by Google

скіе писаря бываютъ двухъ родовъ: одни пошли отъ народа вверхъ къ интеллигенціи, но дошли до половины и стали; другіе, по обстоятельствамъ своей жизни, наоборотъ, пошли отъ интеллигенціи къ народу и въ этомъ обратномъ шествіи остановились на полпути.

Въ обоихъ случаяхъ это—промежуточная стадія. Сельскій писарь возится съ мужиками, знаетъ ихъ дѣла, записываетъ ихъ мысли и пр. А съ другой стороны — онъ ходитъ въ пиджакѣ, шляпѣ, а по праздникамъ надѣваетъ даже крахмальные воротнички и галстухъ, у него есть самоваръ и онъ пьетъ чай,—всѣмъ этимъ онъ приближается къ интеллигенту. Но, кромѣ всего этого, онъ получаетъ жалованье, чѣмъ уже окончательно походитъ на интеллигента. По всему этому Добромысловъ избралъ его въ посредники между собою и народомъ.

Случилось, что какъ разъ въ это время было назначено засѣданіе сельскаго суда. Добромысловъ попросилъ позволенія присутствовать и получилъ его. Писарь поставилъ ему даже табуретъ изъ собственной квартиры. Разумѣется, Добромысловъ смотрѣлъ все въ одну точку—насчетъ просвѣщенности народа. И съ каждой минутой его изумленіе возрастало. Разбирались дѣла, появлялись свидѣтели и, какъ только надобилось имъ росписываться, всѣ ставили кресты. Среди свидѣтелей не оказалось ни одного грамотнаго. Но дальше еще хуже. Когда, по окончаніи суда, надо было росписаться судьямъ, то и они начали ставить кресты. Одинъ только старшина какими-то лежачими буквами, стремившимися все кверху, написалъ: «старшена Бедодеевъ».

— Послушайте, однако,—съ волненіемъ сказалъ писарю Добромысловъ, когда судьи, подсудимые и свидѣтели разошлись,—у васъ ни одного грамотнаго мужика нѣтъ... Это странно!

Digitized by Google

— Какъ нѣтъ? Попадаются. Кому нужно, тотъ умѣетъ и читать и писать!—отвѣтилъ писарь.

— Какъ кому нужно?

— Да именно такъ: кому нужно-съ! Напримѣръ, вонъ видите дощатый сарайчикъ съ маленькой дверцой? А надъ дверцой вывѣсочка. Это мелочная лавка Авдѣя Косолапова. Такъ вотъ Косолапову надо торговать, потому онъ и умѣетъ читать и писать и даже цифры ставить. Тоже и кабатчикъ Еремѣй. Ему это нужно, онъ и умѣетъ. И опять паренекъ тутъ есть, Яшкой прозывается, онъ въ барскую контору съ малолѣтства отданъ, да такъ ужъ по конторской части и пошелъ, ну, вотъ, и ему нужно, онъ знаетъ.

— Но позвольте,—кому же не нужно быть грамотнымъ? Я думаю, это всякому нужно...

— Да зачѣмъ же всякому? Я полагаю, тому нужно, кто этимъ дѣломъ промышляетъ... Я вамъ скажу, напримѣръ, нашъ старшина. Вотъ вы видѣли,—онъ подписался: «старшена Бедодеевъ». Онъ, положимъ, въ двухъ словахъ три ошибки сдѣлалъ, но это ничего. Ему, какъ старшинѣ, надо умѣть подписываться, онъ только это и умѣетъ. Надо, онъ и научился и уже его у насъ грамотнымъ называютъ. Больше ему и не надо, все остальное писарь пишетъ.

— Но вѣдь грамотность служитъ также и для развитія любознательности, расширенія ума...

Писарь разсмѣялся.

— Это, извините, можно только въ шутку говорить-съ!—сказалъ онъ.—Вы изволите знать, сколько у нашего мужика земли?

— Нѣтъ, не знаю.

— Три десятины дано было ему при освобожденіи, а съ тѣхъ поръ изъ одной души сдѣлалось по крайней мѣрѣ двѣ. Такъ вотъ-съ, съ этихъ трехъ десятинъ двумъ душамъ, а у каждой семейство-съ, прокормиться надо. А ежели принять въ разсчетъ неурожайность земли, такъ выходитъ, что

Digitized by Google

мужикъ обязанъ день и ночь промышлять, какъ бы ему съ семействомъ съ голоду не пропасть. Позвольте же васъ спросить, какое у него есть время для расширенія ума и откуда онъ можетъ почувствовать любознательность?

— Какъ странно! какъ странно! А я читалъ, что въ деревнѣ большой спросъ на книжку и даже книжекъ съ собой привезъ...

— Э, знаете, написать все можно. Я самъ это,—газетка мнѣ какъ-то въ руки попалась,—прочиталъ одинъ разъ. Что пишутъ-то! Просто глазамъ не вѣришь. Читаю: на съѣздѣ какомъ-то ученомъ доложено было, будто въ деревенскомъ народѣ много спрашиваютъ книжекъ по медицинской части... Такъ даже что-то такое постановили, какую-то редакцію учредили... Не знаю-съ, можетъ, за тысячу верстъ отсюда есть такой народъ, а здѣшній народъ я очень даже хорошо знаю. Такъ ему не то, что про медицинскую книжку думать некогда, а у него и пѣсню попѣть времени нѣтъ. У него вонъ зима на носу, а онъ всего двѣ мѣры ржи припасъ, такъ долженъ онъ думать о томъ, что онъ съ семействомъ зимой кушать будетъ. И думаетъ же онъ, страсть какъ думаетъ.. И бросается изъ стороны въ сторону, промышляетъ всячески... А вы говорите—расширеніе ума... Гдѣ-жъ тутъ?

Интеллигентъ Добромысловъ поникъ головою. Ужъ онъ теперь не думалъ о своихъ книжкахъ, которыя привезъ въ ящикѣ. Ихъ можно и обратно отвезти. Но не понималъ онъ, какъ это все такъ выходитъ. Пишутъ, что въ народѣ грамотность сдѣлала гигантскіе шаги, а въ деревнѣ три-четыре человѣка умѣютъ читать, и то лишь потому, что они этимъ промышляютъ. Пишутъ, что въ народѣ существуетъ жажда познаній и спросъ на книжку, а мужикъ ничего не жаждетъ, кромѣ нѣсколькихъ мѣръ ржи на зиму.

Да нѣтъ, не можетъ быть. Писарь вретъ или ошибается. Вѣдь вонъ на пригоркѣ стоитъ земская школа и въ ней

Digitized by Google

учитъ ребятъ учитель, а тамъ, въ сторожкѣ — церковно-приходская и въ ней учитъ дочка дьякона. Не напрасно же стараются эти люди. Вѣдь долгую зиму они долбятъ, долбятъ...

Онъ познакомился съ учителемъ. Это былъ почтенный человѣкъ лѣтъ сорока, занимавшійся своимъ дѣломъ уже пятнадцать лѣтъ. При школѣ ему полагалась комната въ два окна, а самъ отъ себя онъ завелъ изрядное семейство. Впрочемъ, въ лѣтнее время онъ пользовался для собственнаго жилья и школой.

— Объясните мнѣ, ради Бога, — спросилъ его интеллигентъ, — что это за явленіе такое, что у васъ въ деревнѣ почти вовсе нѣтъ грамотныхъ?

— Явленіе самое обыкновенное! — спокойно отвѣтилъ учитель. — Да только почему вы говорите: у насъ въ деревнѣ, а не въ губерніи, не въ десяткѣ губерній? Это странно. Вездѣ одинаково!

— Но почему же? Почему?

— Да видите ли... Вотъ, положимъ, взять хоть васъ для примѣра. Вы человѣкъ съ достаткомъ. Вы одѣты, обуты, живете въ теплѣ, каждый день сыты. И если вамъ при такихъ обстоятельствахъ въ свободное время приходитъ охота въ театръ поѣхать или книжку почитать, такъ это понятно. Но представьте, что у васъ вдругъ пропалъ достатокъ и вамъ приходится всѣ силы напрягать, чтобы добыть кусокъ хлѣба, только не иносказательный, а настоящій кусокъ хлѣба. Скажите, пришло ли бы вамъ въ голову идти въ театръ или читать книжку?

— Пожалуй, что нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ. Значитъ, и все ясно.

— Но странно, что вездѣ пишутъ объ успѣхахъ грамотности, о стремленіи народа къ знаніямъ... Пишутъ и говорятъ въ собраніяхъ...

— Я знаю это и думалъ объ этомъ. И я объяснилъ себѣ это такъ: пишутъ и говорятъ это добрые люди. Они

Digitized by Google

любятъ народъ и желаютъ ему добра, но никогда его не видали и не знаютъ. Они глубоко убѣждены, что грамотность и стремленіе къ знаніямъ — благо, и, желая этого блага народу, они приписываютъ его ему, въ полной увѣренности, что это такъ и есть. Судятъ они не по фактамъ, а по цифрамъ. Они знаютъ, что количество школъ въ Россіи возросло, что въ нихъ учащихся стало больше.

— Ну, ну, такъ значитъ...

— А въ томъ-то и дѣло, что ничего не значитъ. Школъ много — вонъ у насъ даже двѣ,—учащихся тоже много. Но учащійся этотъ, какъ только вышелъ изъ школы, сейчасъ же закрылъ книжку на вѣчныя времена и никогда-никогда къ ней не возвращается. И черезъ три-четыре года онъ такъ основательно все забываетъ, какъ будто никогда и не учился... Это понятно. Онъ весь съ головой погружается въ добываніе сомнительнаго куска хлѣба. Этотъ кусокъ хлѣба виситъ надъ нимъ, какъ Дамокловъ мечъ, это чудовище съ острыми зубами преслѣдуетъ его каждый день, каждый часъ...

— Но какъ же вы, вы... Вы пятнадцать лѣтъ учите съ сознаніемъ, что все это забудется и вашъ трудъ напрасенъ?

— Съ глубокимъ и непоколебимымъ сознаніемъ, что это такъ!

— Но это ужасно!

— Что же дѣлать! Это мой хлѣбъ.

— Но, однако-же, позвольте... — вдругъ оживился Добромысловъ. — Вѣдь книгъ для народа печатается ежегодно милліоны. И онѣ раскупаются. Идутъ же онѣ куда-нибудь?

— Куда-нибудь идутъ. Но только не къ намъ, не въ деревню, по крайней мѣрѣ, не въ такую, какъ наша, не въ деревню центральной Россіи, страдающую отъ малоземелья, недорода и т. п. У насъ книги никто не поку-

Digitized by Google

паетъ, да и дѣлать нашимъ мужикамъ съ нею нечего, да и ни къ чему она, потому что ничему она его не научитъ. Вѣдь никакая книга не научитъ, какъ изъ полуторы десятины, при отсутствіи сносныхъ орудій, при недостаткѣ лошадей, при общей бѣдности, выжать столько хлѣба, чтобы хватило на всю зиму. Выпустите-ка въ свѣтъ такую книгу, и мужикъ, прослышавъ о ней, нарочно въ одну недѣлю выучится грамотѣ и купитъ ее и будетъ читать. Ну, а потомъ ужъ, когда онъ научится быть сытымъ, онъ подумаетъ о другихъ книжкахъ...

— Боже мой! Я этого не ожидалъ!—съ печальнымъ вздохомъ произнесъ Добромысловъ. — Но какъ же быть? Вѣдь не станете вы отрицать, что образованіе мужику необходимо и важно?

— Но еще необходимѣе и важнѣе—пища!

— Такъ значитъ, вмѣсто того, чтобы печатать книжки, надо достать ему хлѣба, или придумать, чѣмъ увеличить его заработокъ?

— Это будетъ дѣйствительнѣй...

— Но какъ это сдѣлать?

— Гм... Еслибъ я это зналъ, то давно всѣмъ разсказалъ бы!—смѣясь отвѣтилъ учитель.

Интеллигентъ Добромысловъ пригласилъ его къ себѣ чай пить, какъ человѣка, который открылъ ему Америку.

II.

Добромысловъ хотя и видѣлъ собственными глазами, что въ деревнѣ не такъ много грамотныхъ, какъ онъ читалъ о томъ въ книжкахъ, но все-таки предпочиталъ скорѣе не вѣрить своимъ глазамъ, чѣмъ лишиться сладкаго заблужденія, которымъ живетъ и дышитъ добродѣтельный столичный интеллигентъ.

«Какъ же такъ?—мысленно размышлялъ онъ.—У насъ

Digitized by Google

только и слышишь о томъ, что народъ жаждетъ просвѣщенія, что по деревнямъ мало школъ, что на рынкѣ не хватаетъ дешевыхъ книгъ, которыя берутся съ бою, и пр., и пр., а тутъ вонъ оно что оказывается! Оказывается, что въ селѣ есть двѣ школы, а изъ взрослыхъ мужиковъ и бабъ наберется развѣ два-три человѣка грамотныхъ! Тутъ что-то не такъ, тутъ что-то не такъ?!

Особенно смущалъ его учитель. Писарь — человѣкъ мало образованный, онъ можетъ перетолковать факты въ дурную сторону, подъ вліяніемъ собственнаго невѣжества, но учитель, — вѣдь это, такъ сказать, свѣтильникъ во тьмѣ, онъ выше всѣхъ деревенскихъ обывателей четырнадцатью головами. Какъ же онъ-то? Онъ учитъ, съ утра до вечера учитъ каждый день, и при этомъ увѣренъ и объявляетъ, что это ни къ чему, что все это забывается и никогда не примѣняется. Какъ же такъ? Развѣ это не все равно, какъ если бы врачъ далъ больному лекарство и сказалъ: «Только имѣйте въ виду, что оно ничего не помогаетъ!»

Таковы были грустныя размышленія столичнаго интеллигента, когда онъ шелъ изъ волости домой. Онъ проходилъ мимо церкви и, замѣтивъ по угламъ ограды стоявшіе другъ противъ друга два миніатюрныхъ домика съ маленькими оконцами, остановился. «Это — сторожки», рѣшилъ онъ, и тутъ ему пришло въ голову, что въ одной изъ этихъ сторожекъ помѣщается церковно-приходская школа.

«Не зайти-ли?» — подумалъ онъ. — Тутъ можно встрѣтить учительницу, — такъ поговорить съ нею. Можетъ быть, она освѣтитъ вопросъ съ другой стороны»...

И онъ повернулъ къ церковной оградѣ. Но тутъ у него явился новый вопросъ: которая же изъ нихъ школа? Ихъ двѣ и онѣ похожи одна на другую, какъ близнецы, — одинаково низенькія, одинаково маленькія, одинаково невзрачныя. Единственное отличіе развѣ то, что въ одной нѣсколько разбитыхъ стеколъ въ окнахъ, заткнутыхъ гряз-

Digitized by Google

ными тряпками, а въ другой — въ нихъ свободно свищетъ вѣтеръ.

Но Добромысловъ сейчасъ же сообразилъ, что та сторожка, гдѣ дырья въ окнахъ заткнуты тряпками, должна быть жилая, ибо тряпки — признакъ присутствія человѣческаго существа, а значитъ — тамъ живетъ сторожъ, а отсюда уже слѣдуетъ, что школа должна быть въ этой сторожкѣ, гдѣ вѣтеръ свободно свищетъ сквозь разбитыя стекла въ окнахъ.

Но только-что онъ повернулъ къ оградѣ, какъ изъ калитки вышло духовное лицо съ длинной бородой, съ длинными волосами, раскинувшимися по плечамъ, весьма плотнаго тѣлосложенія, въ темной рясѣ съ широкими рукавами, въ сильно поношенной поярковой шляпѣ. Изъ-подъ развѣвавшихся полъ рясы выглядывали широкіе клѣтчатые, изъ сарпинки, штаны, всунутые въ высокіе сапоги.

Увидѣвъ приближающагося интеллигента, у котораго, кстати сказать, былъ весьма почтенный, даже не лишенный важности видъ и полная достоинства осанка, духовное лицо тотчасъ же перемѣнило свою свободную развалистую походку на сдержанную и скромную, а поравнявшись съ нимъ, пріостановилось и, любезно осклабившись, приподняло шляпу.

— Мое почтеніе! — сказало духовное лицо.

— Здравствуйте... батюшка! — сказалъ Добромысловъ, не совсѣмъ однако-жъ твердо, такъ какъ онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что такъ именно надлежитъ называть деревенскихъ духовныхъ лицъ.

Духовное лицо между тѣмъ подошло къ нему вплотную и, протягивая ему огромную загорѣлую руку, промолвило довольно густымъ, хотя и изрядно охрипшимъ басомъ.

— Имѣю честь... Здѣшній діаконъ... Симеонъ Безбоязновъ!

Digitized by Google

Добромысловъ торопливо всунулъ въ его руку свою маленькую ручку и съ своей стороны отрекомендовался:

— Добромысловъ, Иванъ Сергѣевичъ! Очень пріятно!

— Въ усадьбѣ изволите жить?—спросилъ діаконъ, рѣшившійся, очевидно, поближе познакомиться съ столичнымъ интеллигентомъ:— слышали, слышали! Что-жъ! у насъ хорошо! Воздухъ отличный!

— Да, превосходный воздухъ!—подтвердилъ Добромысловъ и вдругъ вспомнилъ: «Діаконъ, діаконъ! Отлично, Вѣдь это его дочь въ школѣ занимается! Какой прекрасный случай!»

— Скажите пожалуйста,—промолвилъ онъ вслухъ,— вѣдь въ одномъ изъ этихъ строеній помѣщается школа? Не такъ ли?

— Здѣсь, здѣсь. Хотите посмотрѣть. Пожалуйте, пожалуйте... Эй, Егоръ! Дай-ка ключъ отъ школы! Его-оръ!

Они вошли въ предѣлы церковной ограды, и въ это время изъ сторожки, въ которой разбитыя окна были заткнуты тряпками, вышелъ сторожъ—странное существо въ какомъ-то безконечно затасканномъ пальмерстонѣ, съ бакенбардами и съ пробритымъ подбородкомъ, по всей видимости—отставной солдатъ.

— Что прикажете, отецъ діаконъ? — спросилъ онъ, почтительно снявъ картузъ.

«Ага, значитъ—его отцомъ діакономъ надлежитъ звать, а не батюшкой», подумалъ Добромысловъ.

— Ключъ, говорю, отъ школы принеси. Вотъ они желаютъ школу посмотрѣть...

— Сію минуту принесу, отецъ діаконъ!

И сторожъ пошелъ обратно въ сторожку, но скоро вернулся, держа двумя пальцами ключъ въ такомъ видѣ, какъ будто уже приготовился вложить его въ замокъ. Школа была отперта, они вошли.

Это была комната въ пять квадратныхъ аршинъ, бук-

Digitized by Google

вально заполненная партами—узенькими и въ то же время высокими. Въ проходѣ между ними едва помѣщались столикъ со стуломъ для учительницы, да черная доска. Стѣны были украшены длиннымъ рядомъ лубочныхъ картинокъ библейскаго содержанія. Благодаря разбитымъ стекламъ, воздуху здѣсь было сколько угодно, но въ зимнее время, когда, какъ надо думать, стекла вставляются, воздуху въ этой комнатѣ должно хватать не больше какъ на двѣ пары легкихъ.

— Вотъ она, школа!—пояснилъ дьяконъ:—до двухъ десятковъ ученицъ помѣщается въ ней. Другъ къ дружкѣ жмутся, да тѣмъ и грѣются, потому топить нечѣмъ...

— Если не ошибаюсь, это ваша дочь учитъ въ этой школѣ?

— Какъ вамъ сказать? собственно форменно—я обучаю. Моя это обязанность. Да недосугъ мнѣ: то треба церковная, то по своему хозяйству, то да се... Такъ ужъ я дочери передалъ. Притомъ же я — человѣкъ новый... Всего только четыре мѣсяца здѣсь...

— Значитъ, раньше кто-нибудь другой обучалъ?

— Да, дьяконъ, предшественникъ мой. Да его перевели на другой приходъ еще въ январѣ, онъ и уѣхалъ. Ну, и школу пришлось распустить...

— Какъ? Уже въ январѣ? Значитъ, съ января въ ней не было занятій?

— Не было. Откуда же имъ быть? Старый дьяконъ ушелъ въ январѣ, а я пріѣхалъ только въ мартѣ. Ну, пока то, да се... Да и не до занятій мнѣ было. Ужъ извѣстное дѣло, своя рубашка всего ближе къ тѣлу. Устраивалъ свой домъ и прочее. Да, признаться сказать, и заниматься-то я не умѣю. Въ школѣ особеннымъ прилежаніемъ не отличался. У насъ эта обязанность на діакона возложена. А почему же? Вѣдь дьяконъ оттого и дьяконъ,

Digitized by Google

что онъ мало ученъ, а будь онъ выученъ какъ слѣдуетъ, былъ бы приходскимъ священникомъ.

— А ваша дочь?

— А дочь моя тогда еще въ спеціальномъ училищѣ была, курсъ кончала. Ну, вотъ теперь кончила, я ей и препоручилъ.

— Гм... Какъ, однако, неопредѣленно все это!

— Я вамъ, напр., такъ скажу: училъ старый дьяконъ, а какъ онъ тамъ училъ, Богъ его знаетъ. Надо полагать, неважно. Ну, да все равно, училъ по-своему. Вдругъ его перевели, онъ ушелъ: дѣвчонки школу бросили и девять мѣсяцевъ не будутъ ходить,—такъ ужъ половину непремѣнно перезабудутъ, а которыя не перезабудутъ, такъ тѣмъ опять вотъ что: новая учительница, напримѣръ, какъ моя дочь, начнетъ и учить ихъ по-новому. А можетъ, она скажетъ имъ: милыя мои, все ваше ученье никуда не годится, васъ не такъ, какъ слѣдуетъ, учили. Давайте съ начала... И опять, вотъ еще что: дочка моя—молодая дѣвица. А дѣвицѣ свойственно желать замужества. Въ нашемъ званіи дѣвицамъ неудобно долго засиживаться. Чуть маломальски подходящій человѣкъ посватается, такъ сейчасъ и выдаемъ ихъ. Ну, и вотъ, начнетъ, скажемъ, моя дочь учить. Учитъ мѣсяцъ, учитъ другой и третій,—а тутъ вдругъ къ ней какой-нибудь богословъ посватается. Что-жъ, я отдамъ! А школа опять безъ учительницы, опять ждетъ, пока что новое устроится, а что устроится,—какъ сказать.

Осмотрѣвъ школу-сторожку, Добромысловъ, въ сопровожденіи своихъ двухъ чичероне, вышелъ въ ограду. Въ головѣ у него вертѣлся вопросъ, который занималъ его впродолженіе всего этого дня.

— А позвольте задать вамъ еще одинъ вопросъ, сказалъ онъ, обращаясь къ дьякону:—вѣдь здѣсь, въ этой школѣ, обучаются дѣвочки... Онѣ научаются читать, писать и считать, а читать уже во всякомъ случаѣ. Но по-

Digitized by Google

чему же такая странность: вотъ у меня работало пятнадцать дѣвокъ и бабъ разнаго возраста и между ними не оказалось ни одной грамотной?

— Да ужъ это у насъ такъ. Бабы ни одной грамотной не найдете во всемъ селѣ!.. —сказалъ дьяконъ.

— Извѣстно, баба... Гдѣ ужъ ей!..— прибавилъ съ своей стороны сторожъ.

— Но если онѣ учатся въ школѣ, такъ какъ же?

— Учиться-то, учатся, да только что-жъ... Имъ ученье въ прокъ не идетъ...

— Забываютъ?

— Вполнѣ. То-есть такъ основательно забываютъ, что даже «А» отъ ижицы отличить не могутъ...

— Это удивительно! —воскликнулъ интеллигентъ и подумалъ: «однако, до какой степени одинаковыя показанія они даютъ! Поразительно! Не могутъ же они всѣ такъ одинаково врать!»

Онъ подумалъ это съ грустью, какъ благонамѣренный интеллигентъ, разочаровавшійся въ своихъ лучшихъ упованіяхъ, а дьяконъ между тѣмъ говорилъ:

— Это, изволите ли видѣть, вонъ тамъ, по ту сторону рѣчки, сельцо есть. Вонъ и отсюда видно. Избы все кирпичныя, крыши стеганныя, словно иглой прошитыя, у каждой избы—крылечко и прочее. Тамъ живутъ однодворцы. И они тоже сюда, въ нашу школу, дѣтишекъ присылаютъ! Такъ вотъ у нихъ есть грамотныя бабы. Тамъ чуть что не всякая—грамотна.

— А мужчины?

— И мужчины—грамотны...

— Но почему же тамъ грамотны, а здѣсь нѣтъ?

— Этого я вамъ объяснить не могу!—отвѣтилъ дьяконъ.

— Да потому оно, что тамъ совсѣмъ другой народъ,— объяснилъ сторожъ.—Однодворецъ, онъ хотя и по-мужицки

Digitized by Google

живетъ, а все же линію ведетъ какъ бы отъ барина. Все же въ немъ есть капелька чистой крови...

— Пустое! Вздоръ говоришь!—строго возразилъ ему дьяконъ. — Какая тамъ кровь? Всѣ отъ Адама и у всѣхъ кровь чистая, — ежели человѣкъ здоровъ... Не будетъ ли благоугодно церковь посмотрѣть или кладбище?— спросилъ онъ Добромыслова.

— Нѣтъ, въ другой разъ! Благодарю васъ! — отвѣтилъ Добромысловъ и простился съ дьякономъ, а сторожу далъ двугривенный на чай, чѣмъ несказанно удивилъ его.

«Однако, размышлялъ онъ по дорогѣ, мнѣ кажется, что я долженъ былъ пригласить дьякона чай пить или обѣдать. Пожалуй, обидится еще». Онъ рѣшилъ непремѣнно сдѣлать это при слѣдующей встрѣчѣ.

Вечеромъ къ нему явился учитель. Добромысловъ пригласилъ его въ столовую и началъ угощать его чаемъ.

— А я, идя отъ васъ, заглянулъ еще въ сторожку,— сообщилъ онъ гостю.

— Немного поучительнаго вы тамъ увидѣли! — отозвался учитель.

— Но зато много печальнаго...

— Ну, этого у насъ на каждомъ шагу сколько угодно! Вы вотъ человѣкъ свѣжій, такъ оно вамъ бросается въ глаза, а какъ поживешь здѣсь годиковъ пятнадцать, такъ попривыкнешь.

— Да развѣ можно привыкнуть къ печальному?

— Ахъ, ты Боже мой! Да какъ же нѣтъ? Да если бы нельзя было къ этому привыкать, то по всей деревенской Руси стоялъ бы неумолчный вой и скрежетъ зубовный!.. Вы когда-нибудь пройдитесь по избамъ и посмотрите, какъ въ нихъ живутъ... Такъ вы поймете, что тутъ безъ привычки никакъ не обойтись. Благодѣтельная штука — привычка. Посадите человѣка въ грязную яму, онъ въ первую минуту вскрикнетъ, потомъ начнетъ громко протесто-

Digitized by Google

вать, затѣмъ будетъ только ворчать себѣ подъ носъ, а наконецъ и совсѣмъ замолчитъ, и не только будетъ находить, что въ грязной ямѣ есть своего рода удобства и преимущества, но будетъ дорожить ими, всячески держаться за нихъ; а если вы захотите пообчистить эту яму отъ свойственной ей грязи, то онъ возопитъ на весь міръ, что вы посягаете на самыя священныя вещи!.. Такъ созданъ человѣкъ, и это очень удобно, а иначе была бы бѣда... Ибо грязныхъ ямъ много, а никто не полѣзъ бы въ нихъ жить...

— Да, да, я хотѣлъ бы побывать въ избахъ!—сказалъ интеллигентъ, — но какъ же это сдѣлать? Вѣдь я... я не знакомъ съ ихъ хозяевами...

— А это очень просто! Мужичку скажите: здравствуй — вотъ вы уже и знакомы съ нимъ. Спросите его: какъ поживаешь? И онъ разскажетъ вамъ всю свою жизнь и всѣ свои мысли.

— Такъ просто? А я читалъ, что мужикъ скрытенъ и къ интеллигенціи относится подозрительно.

— Не вѣрьте. Ни про кого на свѣтѣ такъ много не говорили пустого, какъ про русскаго мужика. И нѣтъ болѣе откровеннаго и словоохотливаго существа, какъ мужикъ. Да и чего ему скрываться, когда вся жизнь его, какъ на ладони! На людяхъ онъ живетъ. Живетъ въ открытую, все одно, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ. Въ избѣ — живутъ, ѣдятъ, спятъ и мыслятъ, радуются и плачутъ десять душъ: каждый изъ нихъ не можетъ сдѣлать движенія, чтобы не зацѣпить другого. Потому — жизнь мужика прозрачна и привычки скрывать ее ему даже нельзя пріобрѣсти.

— А скажите мнѣ вотъ что: сейчасъ вотъ дьяконъ сообщилъ мнѣ, что крестьянскія бабы забываютъ то, что выучиваютъ въ школѣ, а однодворческія, живущія по ту сторону рѣки, помнятъ и между ними много грамотныхъ. Церковный сторожъ объясняетъ это тѣмъ, что у однодвор-

Digitized by Google

цевъ есть капелька благородной крови... Но это, конечно, глупости.

— Еще бы не глупости! Есть ли у однодворца благородная кровь или нѣтъ, этого никто не изслѣдовалъ, да и инструмента такого, которымъ можно было бы распознавать эту кровь, Эдиссоны еще не изобрѣли. А вотъ, что у однодворца втрое больше земли, чѣмъ у крестьянина, такъ это вѣрно...

— Вотъ что!

— Да, и въ этомъ вся причина. Однодворецъ осенью кончитъ всѣ работы и у него въ амбарѣ запасено хлѣба на всю зиму. Зимой ему остается сидѣть въ теплой избѣ и кушать этотъ хлѣбъ. Значитъ, досугъ у него есть. Досугъ есть и у его бабы. Ну, а когда есть досугъ у человѣка, у него начинаетъ работать умъ, а разъ что умъ заработалъ, то сейчасъ ему потребовалась и пища. И у однодворца вы найдете книжку. Это въ порядкѣ вещей. И такъ какъ ему грамотность нужна, такъ какъ онъ видимымъ способомъ можетъ примѣнить ее къ жизни, то онъ и старается пріобрѣсти и сохранить ее. И сохраняетъ.

— Такъ что, по вашему, крестьянину мѣшаетъ быть грамотнымъ недосугъ?

— Никто, какъ онъ. Да вы собственно чему же удивляетесь? Не для крестьянина только существуетъ этотъ законъ, а для всѣхъ. Ну, интеллигенту никакъ нельзя не быть грамотнымъ, потому что вся жизнь его связана съ печатной и писанной буквой, съ цифрой. Онъ этимъ живетъ, питается, одѣвается, потому что такъ или иначе служитъ—въ канцеляріи, въ банкѣ, конторѣ и прочее, и прочее. Поэтому ужъ всякій интеллигентъ грамотенъ, какъ всякій сапожникъ умѣетъ владѣть шиломъ, потому что безъ этого онъ не можетъ быть сапожникомъ. Но для интеллигента и мѣрка другая. Позвольте же васъ спросить: вѣдь вотъ для интеллигенціи существуетъ литература. Она для

Digitized by Google

нея то же, что для крестьянина простая грамотность. Ну-съ, и кто же у насъ настоящимъ образомъ интересуется литературой? Кто покупаетъ и читаетъ книжки, выписываетъ журналы и пр.? Тѣ, у кого есть обезпеченный заработокъ, то-есть у кого есть досугъ. Возьмите вы, положимъ, чиновника, который получаетъ, скажемъ, двѣ тысячи рублей въ годъ. Это немного, но сносно. Онъ выписываетъ литературный журналъ и читаетъ его послѣ обѣда и передъ сномъ въ постели, у него есть привычка послѣ двадцатаго числа заходить въ книжный магазинъ и уносить оттуда свертокъ съ купленными книгами, которыми онъ пополняетъ свою библіотеку, и т. д. Словомъ, есть вкусъ къ литературѣ. Но вотъ произошло несчастіе. Чиновнику почему-либо уменьшили окладъ и сталъ онъ получать вмѣсто полуторы тысячи одну тысячу. Какъ вы думаете? Съ чего онъ начнетъ сокращеніе въ своемъ бюджетѣ? Безъ сомнѣнія, онъ прежде всего перестанетъ выписывать журналъ, потомъ рѣже будетъ заходить въ книжный магазинъ, а затѣмъ, такъ какъ ему придется добывать средства другими способами и досуга у него не будетъ, онъ и совсѣмъ перестанетъ читать. Ну, точно то же и здѣсь. Желудокъ кричитъ громче, чѣмъ умъ, и потому его приходится удовлетворять раньше. Что тамъ ни говорите, пусть —человѣкъ тысячу разъ разумное существо, а всегда желудокъ у него на первомъ планѣ, а умъ, тотъ самый умъ, который дѣлаетъ его царемъ природы — на второмъ...

III.

Получивъ цѣлый рядъ столь неожиданныхъ впечатлѣній, огорченный, сбитый съ петербургскаго толка, Добромысловъ уже недѣли двѣ сидѣлъ почти безвыходно въ глубинахъ «стариннаго барскаго дома», отъ времени до времени позволяя себѣ прятаться отъ зноя солнечныхъ лучей въ тѣни «стариннаго парка».

Digitized by Google

Онъ испытывалъ престранное ощущеніе, какого, можетъ быть, не испытывалъ еще ни одинъ человѣкъ,— ощущеніе умственнаго вывиха. Да, да, какъ это ни странно звучитъ, но именно этимъ словомъ онъ самъ опредѣлялъ свое состояніе. Бываетъ вывихъ ноги, вывихъ руки, вывихъ ключицы, — тогда нога, рука, ключица выходятъ изъ тѣхъ мѣстъ, какія имъ назначены природой и анатоміей, и на нѣкоторое время, пока ихъ не вправитъ опытный хирургъ, остаются какъ-бы не у дѣлъ.

Вотъ это самое случилось съ мозгомъ Добромыслова. Онъ тоже внезапно выскочилъ изъ своего мѣста, назначеннаго ему природой и анатоміей, и былъ не у дѣлъ.

Не надо, однако, думать, что Добромысловъ напримѣръ, спятилъ. Нѣтъ, оставаясь вполнѣ здоровымъ, онъ только чувствовалъ, что въ его умственной дѣятельности произошла какая-то катастрофа. Оно и понятно. Вѣдь, если оглянуться назадъ, то уже добрыхъ два десятка лѣтъ (если не всѣ двадцать пять), голова его пичкалась преемственно всевозможными ученіями, и вдругъ оказывается, что ни одно изъ этихъ ученій не оправдывается. Никакого ученія нѣтъ, а есть нѣчто совсѣмъ другое.

Получить такія свѣдѣнія для Добромыслова было все равно, что принять неожиданный ударъ въ темя. Отъ этого и послѣдовало ощущеніе умственнаго вывиха. Это обстоятельство и заставило Добромыслова прекратить на время всѣ свои экскурсіи и подождать, когда потрясенный умъ его станетъ опять на мѣсто и успокоится.

Онъ въ это время не встрѣчался ни съ учителемъ, ни съ писаремъ, ни даже съ дьякономъ. Онъ не только ни разу не прикоснулся къ ящику, въ которомъ лежали привезенныя имъ изъ Петербурга книжки для народа, но даже и не заходилъ въ ту комнату, гдѣ стоялъ этотъ ящикъ. Выходило такъ, словно онъ на-время какъ-бы пересталъ быть интеллигентомъ, отъ ногъ до головы зараженнымъ народо-

Digitized by Google

любіемъ, и превратился въ простого дачника, занятаго фабрикаціей красныхъ кровяныхъ шариковъ.

И въ это-то самое время судьба послала ему эпизодъ, который показался Добромыслову удивительнѣе всего, что видѣлъ онъ въ деревнѣ до сихъ поръ.

Однажды Добромысловъ, вставъ довольно поздно, когда семья его уже была въ разбродѣ, пилъ въ одиночествѣ утренній чай. Явилась прислуга.

— Баринъ, тамъ васъ какой-то офицеръ спрашиваетъ, —доложила она.

— Офицеръ? — Добромысловъ съ глубокимъ недоумѣніемъ захлопалъ вѣками. –Какой офицеръ?

— Не знаю какой, только офицеръ. Скажи, говоритъ, твоему барину, что желаю познакомиться.

— Познакомиться? Странно! Попроси его сюда.

«Офицеръ желаетъ познакомиться. Откуда взялся здѣсь этотъ офицеръ? Здѣсь ни полка нѣтъ, ни какого-бы то ни было военнаго учрежденія. Какой такой офицеръ?» размышлялъ Добромысловъ въ ожиданіи гостя.

И вотъ появился гость. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ лицомъ, ничего не говорившимъ ни за, ни противъ него, съ округленной рыжей бородкой, небольшого роста. На немъ былъ парусиновый китель и шашка, надѣтая черезъ плечо.

Добромысловъ пристально оглядѣлъ его погоны, но какъ ни напрягалъ свой вывихнутый умъ, не могъ постигнуть, къ какому роду оружія принадлежитъ его гость.

Уже онъ принялъ позу любезнаго вниманія и готовъ былъ по-петербургски, съ холодно вѣжливой улыбкой, наклонить голову и сказать: «чѣмъ могу служить?» Но въ это время гость приблизился къ нему, слегка выдвинулъ впередъ верхнюю часть своего корпуса и произнесъ:

— Прошу извинить за смѣлость... Никакъ не могъ противостоять соблазну познакомиться съ вами. Имѣю честь представиться: мѣстный становой приставъ Поджилкинъ.

Digitized by Google

— О... очень пріятно! — промолвилъ Добромысловъ растерянным голосомъ и послѣ такого привѣтствія протянулъ гостю руку.—Прошу садиться!

Все это Добромысловъ проговорилъ машинально, но въ душѣ его происходила катастрофа, можетъ быть, сильнѣйшая изъ всѣхъ, какія происходили тамъ въ послѣднее время. Почему къ нему пожаловалъ становой приставъ? по какому случаю? зачѣмъ? Вѣдь становой приставъ это... это—полиція? А онъ, кажется, не сдѣлалъ ничего такого, что могло бы привлечь вниманіе полиціи.

И пока становой приставъ, въ силу любезнаго приглашенія хозяина, усаживался за столомъ, въ головѣ Добромыслова промелькнулъ краткій собственный curriculum vitae за все время его пребыванія въ деревнѣ.

«Ну, что-жъ? Говорилъ съ бабами, когда вычищали грязь... слушалъ и смотрѣлъ, какъ судятъ... бесѣдовалъ съ писаремъ... осматривалъ двѣ школы... затѣмъ дьяконъ... Поилъ чаемъ учителя... Наконецъ, наконецъ... ну, да, привезъ въ ящикѣ книги для народа... Ну, такъ что-жъ изъ этого? Вѣдь книги всѣ прошедшія цензуру и разрѣшенныя къ употребленію... Что-жъ тутъ такого?»

Всѣ эти мысли были дѣломъ одного мгновенія, но лицо Добромыслова не выдало ихъ. Такъ какъ въ домѣ, кромѣ него, не было никого, то онъ самъ похозяйничалъ и налилъ гостю стаканъ чаю.

— Можетъ быть, имѣете ко мнѣ какое-либо дѣло,— спросилъ Добромысловъ, желая такимъ образомъ облегчить гостю прямой путь къ его цѣли.

— Нѣтъ, дѣла не имѣю. Я просто такъ.. познакомиться. Услышалъ, что вы пріѣхали... Вѣдь у насъ слухи быстро разносятся... Тѣмъ болѣе—изъ столицы, изъ самаго Петербурга. Это въ нашихъ мѣстахъ рѣдкость. Ну-съ, меня и потянуло...

Digitized by Google

«Потянуло? гм... Какъ-же это считать? За счастье или за справедливую кару?»

Но надо быть любезнымъ и дѣлать приличный разговоръ, и Добромысловъ задалъ гостю вопросъ, какой попался ему на языкъ.

— А вы въ этихъ мѣстахъ изволите жить?

— Да, я тутъ, по близости, верстахъ въ двадцати отсюда. Тутъ есть большое торговое село Арбатовка, не изволили побывать?

— Нѣтъ, не случалось.

— О, такъ вы побывайте. Это село замѣчательное. Совсѣмъ какъ городъ и даже получше иного города. У насъ даже, такъ сказать, интеллигенція есть.

— Интеллигенція?—переспросилъ Добромысловъ, въ самомъ дѣлѣ удивившись, что такое слово можетъ быть примѣнено къ селу, хотя бы и торговому.

— Да-съ, интеллигенція. Но какая?—саркастически воскликнулъ становой.—Интеллигенція, такъ сказать, по платью или по званію! Есть богатые купцы, стотысячники, даже милліонеръ одинъ есть. Есть инженеръ, наблюдающій за ремонтомъ земскаго шоссе, начальникъ желѣзнодорожной станціи и прочій станціонный штатъ, докторъ, учитель и прочее, словомъ сказать, полный комплектъ...

— А почему же вы сказали, что это интеллигенція только по платью или по званію?

— Да это такъ и есть въ дѣйствительности... Равнодушіе полное.

— Равнодушіе? Къ чему?

— Да какъ сказать? Ко всему, рѣшительно ко всему. Только и дѣлаютъ, что пьютъ да закусываютъ, да въ преферансъ играютъ. Никакихъ умственныхъ запросовъ.

Послѣ этого Добромысловъ даже слегка отодвинулся отъ своего гостя и началъ осматривать его сызнова, съ новой точки зрѣнія.

Digitized by Google

«Позволь-ка, позволь-ка, — какъ бы говорилъ его взглядъ. — Вѣдь ты, милостивый государь, становой приставъ, ты полиція и вдругъ умственные вопросы! Въ какомъ же это смыслѣ? Это еще надо раскусить».

И онъ вглядывался въ лицо своего гостя, стараясь уловить въ немъ какую-нибудь черту, которая выдавала бы его истинныя намѣренія, но становой смотрѣлъ такъ открыто и прямо, какъ можетъ смотрѣть только простодушный обыватель.

«Эге, —думалъ Добромысловъ,—такъ я тебѣ и повѣрилъ. Ужъ навѣрно тамъ въ глубинѣ твоей души сидитъ Данаецъ, дары несущій».

А становой продолжалъ съ такой словоохотливостью, какъ будто три года ни съ кѣмъ не разговаривалъ.

— Да-съ, общество, я вамъ скажу. Вы бы когда-нибудь пріѣхали да посмотрѣли. Точно какой злой волшебникъ-Черноморъ, знаете, въ Русланѣ есть такой, вреднымъ зельемъ подкурилъ ихъ и усыпилъ ихъ умъ... Я, знаете, какъ пріѣхалъ сюда, а до этого я служилъ въ Петербургѣ, такъ просто не хотѣлъ вѣрить. Помилуйте, люди съ высшимъ образованіемъ, съ дипломами, и рѣшительно никакихъ запросовъ.

«Но что онъ разумѣетъ подъ запросами?» — повторялъ въ душѣ своей Добромысловъ.

— Надобно вамъ замѣтить,—продолжалъ становой,— что я самъ получилъ нѣкоторое образованіе, кончилъ гимназію, былъ даже въ университетѣ, но его не кончилъ... обстоятельства такъ сложились, что вотъ, какъ видите, пришлось по уѣздной полиціи служить. Что подѣлаете? А я, признаться-таки, къ вамъ не безъ маленькаго дѣльца...

«Ага, ага... Вотъ сейчасъ «Данаецъ» и обнаружитъ свои дары».

— Въ чемъ же дѣло? —спросилъ Добромысловъ.

— Да, видите ли, живя въ глуши, видишь, такъ ска-

Digitized by Google

зать, во-очію темноту сельскаго обывателя; я вамъ скажу, мракъ стоитъ безпросвѣтный. Въ нашемъ торговомъ селѣ множество мѣщанъ, да и крестьяне, благодаря торговому своему положенію, обмѣщанились. Много между ними есть грамотныхъ и никто ничего не читаетъ... А потому не читаютъ, что нечего читать. Да, сказать правду, не только мѣщане, а и сама наша интеллигенція забыла, когда держала въ рукахъ книгу...

«Ба, ба, ба! Вотъ оно, вотъ оно! Подбирается, наконецъ, къ моимъ книжкамъ! Пронюхалъ голубчикъ, что я ящикъ книгъ для народа привезъ! Ахъ, Данаецъ»...

— Ну-съ? И что же-съ?—спросилъ онъ гостя, проницательно глядя ему въ лицо.

— Задумалъ я: хорошо бы этакъ, знаете, общедоступную безплатную читальню учредить. Задумалъ и повелъ, такъ сказать, агитацію... Ну, долго ломались наши именитые граждане, долго боролся я съ ихъ равнодушіемъ, но, наконецъ-таки, многіе согласились и учредили мы даже «общество безплатной читальни?» Конечно, оно не оффиціальное, потому что не стоило начальство безпокоить изъ-за такой малости, да еще вопросъ, какъ оно посмотритъ, благосклонно ли? Но все же общество имѣется, членскіе взносы поступаютъ и даже сотни двѣ книжечекъ недорогихъ, разумѣется, пріобрѣтено. И такъ какъ вы человѣкъ просвѣщенный, столичный, интересующійся...

Это была высшая точка недоумѣнія, на какую только подымался въ своей жизни Добромысловъ.

«Позвольте, какъ же это? Инженеръ, докторъ, учитель и прочее—люди равнодушные, они, такъ сказать, сѣятели мрака, выпиваютъ, закусываютъ, по цѣлымъ ночамъ въ преферансъ дуются; а становой приставъ несетъ, такъ сказать, факелъ просвѣщенія, борется съ мракомъ... Чтобы понять это, надобно вновь родиться, право!» Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Добромыслову.

Digitized by Google

У станового пристава въ головѣ зарождается идея «безплатной читальни». Становой приставъ безпокоится о томъ, что мѣщане и крестьяне торговаго села Арбатовки коснѣютъ въ невѣжествѣ. Становой приставъ «агитаторъ», да, агитаторъ, это его слово...

«Нѣтъ, нѣтъ, тутъ что-то не такъ! Нужны доказательства, нужны факты, ясные, осязательные факты». Все это онъ говоритъ, но навѣрно «Данаецъ, дары несущій», сидитъ у него подъ кителемъ, охраняемый шашкой...

«Пощупаетъ онъ этакъ почву, а потомъ вдругъ правую руку запуститъ въ карманъ сюртука и вынетъ оттуда предписаніе: «Принимая во вниманіе то обстоятельство, что прибывшій изъ Петербурга (чинъ и званіе) Иванъ Сергѣевичъ Добромысловъ привезъ съ собою подъ видомъ багажа, въ качествѣ домашнихъ вещей, изрядный ящикъ книгъ для народнаго чтенія и, по неосторожности, либо по злому умыслу (каковое обстоятельство подлежитъ разслѣдованію), смущаетъ умы мирныхъ обывателей, разспрашивая оныхъ о грамотности и тому подобныхъ, чуждыхъ крестьянскому быту, предметахъ» и т. д., и т. д.

Однако, надо быть, съ одной стороны, насторожѣ, а съ другой—любезнымъ хозяиномъ. Добромысловъ продолжалъ разговоръ:

— Такъ вы говорите, что у васъ составилось общество?—спросилъ онъ.

— Да-съ. Не оффиціальное-съ. Пять рублей взноса полагается.

— Ну-съ, а, кромѣ общества, еще что-нибудь есть?

— А какъ-же! Имѣется уже помѣщеніе, только, разумѣется, открытія еще не было. Общество, конечно, могло существовать и не оффиціально, а вотъ читальню безъ разрѣшенія начальства никакъ нельзя.

— Да позвольте, какое же разрѣшеніе? Вѣдь вы сами начальство!—наивно воскликнулъ Добромысловъ.

Digitized by Google

— Э, нѣтъ, какое же я начальство? Эти вещи высшее начальство разрѣшаетъ, а я что же? Я могу урядникy приказать, или старшинѣ, или писарю...

— Что же вы—хлопочете?

— Да-съ, приходится хлопотать. Въ настоящее время я подалъ уже просьбу и жду бумаги объ утвержденіи читальни и, какъ только получимъ разрѣшеніе, сейчасъ же и откроемъ.

— Что же, это хорошо!—похвалилъ Добромысловъ.

— Очень пріятно слышать отъ васъ сочувствіе!

— Да, я, конечно, сочувствую!—не совсѣмъ твердымъ голосомъ сказалъ Добромысловъ. Онъ, безъ сомнѣнія, сочувствовалъ, но не зналъ еще, дѣйствительно ли становому приставу нравится его сочувствіе.

— Такъ вотъ-съ, не угодно ли будетъ вамъ, какъ человѣку просвѣщенному, принять участіе?..

— Участіе?—подозрительно спросилъ Добромысловъ.

— Да. Одно ваше появленіе среди насъ можетъ, такъ сказать, воодушевить...

— Что-жъ, я готовъ, съ удовольствіемъ!—отвѣтилъ Добромысловъ, все больше и больше теряя свою позицію. Очень ужъ просто и искренно говорилъ все это становой, и «Данаецъ, несущій дары» какъ-то незамѣтно блѣднѣлъ и куда-то исчезалъ.

Добромысловъ вынулъ кошелекъ, досталъ оттуда золотую монету въ пять рублей и подалъ ее гостю.

— Весьма, весьма благодаренъ!.. И всѣ, все наше общество, будутъ чрезвычайно рады!—воскликнулъ становой, вынулъ изъ бумажника небольшую квадратную бумажку, написалъ на ней квитанцію въ полученіи пяти рублей членскаго взноса и сказалъ:

— Вы не можете себѣ представить, какимъ истиннымъ наслажденіемъ будетъ для меня сообщить своимъ сочленамъ о пріобрѣтеніи такого лица!

Digitized by Google

Онъ спряталъ деньги, съ минуту помолчалъ, потомъ опять заговорилъ.

— А извините пожалуйста, не найдется ли у васъ какихъ-нибудь книжечекъ для пополненія нашей читальни? Вѣдь средства наши скудныя-съ.

— Книжечекъ? Гм... гм...

И опять сомнѣніе овладѣло душой Добромыслова. «Книжечекъ... Мой ящикъ... Сказать или не сказать?»

И тутъ на него напала рѣшительность, вообще несвойственная ему. «Но что же тутъ такого, что тутъ опаснаго? Если онъ «Данаецъ», то пусть убѣдится, что въ моемъ ящикѣ все книжки законныя, разрѣшенныя и переразрѣшенныя; если же онъ то, чѣмъ кажется, то тѣмъ лучше. По крайней мѣрѣ для моихъ книгъ найдется хорошее мѣсто, и мнѣ не будетъ надобности тащить ихъ обратно въ Петербургъ».

— Книжки? Книжки, пожалуй, у меня найдутся и... и какъ разъ подходящія!—сказалъ онъ.—Вотъ пожалуйте сюда.

Онъ повелъ гостя въ комнату, гдѣ стоялъ ящикъ съ книгами.

— Вотъ этотъ ящикъ полонъ книжекъ для народнаго чтенія. Книжки недурныя, я могу вамъ ихъ отдать.

— Да неужели? Неужели вы такъ добры?—съ искренней радостью воскликнулъ становой приставъ. — Да вѣдь это для насъ будетъ драгоцѣннѣйшій, незабвеннѣйшій подарокъ! Ахъ-ахъ! какъ это хорошо, что я къ вамъ пріѣхалъ?

Становой приставъ радовался книгамъ. Онъ бралъ въ руки одну за другой, читалъ заглавія и приходилъ въ восторгъ.—Это то, что намъ нужно!—восклицалъ онъ,—это именно то, чего у насъ не хватаетъ!

Онъ крѣпко пожималъ руку Добромыслова и благодарилъ, благодарилъ безъ конца.

Digitized by Google

— Такъ, значитъ, можно этотъ ящикъ увезти съ собой? — спросилъ онъ,

— Пожалуйста, пожалуйста!

— Но ужъ будьте такъ добры, не откажитесь пріѣхать на открытіе читальни! Мы васъ извѣстимъ особымъ письмомъ! Ужъ будьте такъ любезны, не откажитесь!

Добромысловъ увѣрилъ его, что не откажется. Становой приставъ посидѣлъ еще четверть часа; въ это время ящикъ вынесли и поставили въ его экипажѣ, запряженномъ почтовыми лошадьми. Наконецъ, онъ простился и уѣхалъ.

Добромысловъ вышелъ «въ старинный тѣнистый паркъ» и долго ходилъ по аллеѣ, наклонивъ голову, обремененную новыми мыслями. Впрочемъ, это были не вполнѣ мысли, а больше недоумѣнія.

«Становой, учреждающій безплатную читальню! Становой, сіяющій при видѣ книжекъ для народнаго чтенія! Становой, несущій въ рукахъ свѣтильникъ! Становой-агитаторъ! Это нуждается въ изслѣдованіи! Рѣшительно, рѣшительно на свѣтѣ все идетъ наоборотъ»...

И онъ далъ себѣ слово непремѣнно быть на открытіи безплатной читальни, явившейся плодомъ благороднаго порыва станового пристава,—чтобы видѣть это воочію.

IV.

Въ то время, какъ Добромысловъ старался переварить и усвоить при помощи своей головы тѣ противорѣчія, которыя поставила ему судьба въ лицѣ учителя, писаря, дьякона и станового, съ женой его, которая была такъ-же добродѣтельна, какъ и онъ, произошли нѣкоторыя событія.

Шла она по деревнѣ, имѣя въ виду пройти въ купальню на рѣкѣ. Съ нею были дѣти и нянька. Шла она съ опре-

Digitized by Google

дѣленной и единственной цѣлью при посредствѣ здоровой ванны въ прохладной рѣкѣ пріобрѣсти по лишнему красному кровяному шарику для себя и для дѣтей.

Около избы сидѣло нѣсколько бабъ и у одной изъ нихъ на рукахъ былъ ребенокъ, который ревѣлъ благимъ матомъ. Госпожа Добромыслова остановилась.

— Отчего это онъ плачетъ?—спросила она у бабы.

Бабы всѣ поднялись и лица ихъ приняли почтительное выраженіе.

— А Богъ е знаетъ... Ужъ онъ у меня этакъ-то шесть недѣль кричитъ!—отвѣтила баба, державшая ребенка.

— Шесть недѣль?..

Госпожа Добромыслова искренно заинтересовалась чудовищнымъ младенцемъ, который кричитъ впродолженіе шести недѣль.

— Всѣ шесть недѣль, какъ есть!—подтвердили бабы хоромъ.—Измаялась она съ нимъ, Алена-то... Изсушилъ онъ ее, сердешную...

Госпожа Добромыслова внимательно взглянула на Алену, но не нашла, чтобъ она, «сердешная», была изсушена. Совершенно напротивъ, лицо у нея было толстое, обрюзглое и сама она была плотная. Съ виду ей можно было дать лѣтъ пятьдесятъ, поэтому госпожа Добромыслова удивилась, что у нея на рукахъ двухгодовалый ребенокъ.

— Да это чей-же ребенокъ?—спросила она.

— Мой, барынька, мой!... Чьему-же быть?

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Съ весны тридцать третій пошелъ, барынька моя!

Тридцать третій годъ! и она уже— старуха. Этому просто не вѣрилось. Но всѣ наличныя бабы подтвердили, что Аленѣ тридцать третій годъ.

— А что-же у него, у ребенка?—спросила госпожа Добромыслова.

Digitized by Google

— А Богъ знаетъ!.. Животомъ, надо быть, надрывается... Животомъ слабъ...

— Чѣмъ-же ты его лечишь?

— Да чѣмъ-же? Нешто мы знаемъ? мы ничего не знаемъ.

— Но какъ-же? Вѣдь этакъ запустить можно! Того и гляди, ребенокъ умретъ...

— На то Божья воля, барынька! Отъ Божьей воли не уйдешь...

— Положимъ. Но у васъ тутъ въ семи верстахъ земскій докторъ есть. Почему-же ты къ нему не сходишь?

— Э, что его по пустякамъ-то тревожить? Да и все одно—не поможетъ. Хаживали наши бабы къ нему... Только даромъ лапти истоптали.

А ребенокъ все кричалъ нестерпимо. И былъ онъ для двухъ лѣтъ слишкомъ миніатюренъ и худъ. Маленькое личико было желто и истощено.

— Приди-ка ко мнѣ, Алена, когда я вернусь изъ купальни. Можетъ, я что и придумаю...

— Спасибо, добрая барынька! Приду!—отвѣтила Алена, кланяясь въ поясъ.—Измаялась я съ нимъ! Вотъ какъ измаялась! Изсушилъ онъ меня... Хоть-бы ужъ Господь прибралъ его, а то нѣтъ,—держитъ!

Госпожа Добромыслова пошла къ рѣкѣ, отлично выкупалась, почувствовала, что у нея и у дѣтей прибавилось по красному шарику, и вернулась домой. Алена уже ждала ее въ кухнѣ. Объ этомъ легко было догадаться по дѣтскому крику, доносившемуся оттуда.

Тутъ надо сдѣлать оговорку. Кто-нибудь можетъ подумать, что г-жа Добромыслова была, напримѣръ, женщина-врачъ или, по крайней мѣрѣ, училась на какихъ-нибудь фельдшерскихъ курсахъ или, наконецъ, начиталась медицинскихъ книжекъ. Спѣшу отвергнуть всѣ эти предположенія. Госпожа Добромыслова никогда медицинѣ не училась и ни одной медицинской книжки не прочитала.

Digitized by Google

Но у нея были дѣти и она жила въ Петербургѣ. Поэтому въ домѣ ея перебывали рѣшительно всѣ болѣзни, какія только щедрая природа заготовила для дѣтей. Едва ли была такая недѣля, когда бы къ нимъ не приходилъ дѣтскій врачъ, не осматривалъ бы дѣтскіе языки, не щупалъ бы ихъ пульсы, не запихивалъ бы имъ подъ мышки термометръ. То животикъ, то кашель, то тификъ, то скарлатинка, то малокровіе, то переутомленіе, то рыбій жиръ, то мышьякъ, то бисмутъ, то ипекакуанъ... И такъ какъ госпожа Добромыслова была прекрасная мать, то она, сообразно совѣтамъ врача, сама лечила своихъ дѣтей и въ концѣ концовъ отлично научилась обращаться и съ пульсомъ, и съ языкомъ, и съ термометромъ, и съ бисмутомъ, и съ касторкой, и съ ипекакуаной, и съ клистирной трубкой.

Осмотрѣвъ младенца точно такимъ образомъ, какъ въ Петербургѣ дѣтскій врачъ каждую недѣлю осматривалъ ея собственныхъ дѣтей, г-жа Добромыслова поставила правильный діагнозъ, влила въ младенца чайную ложку касторки, на другой день раза три покормила его бисмутомъ, а такъ какъ это недостаточно помогло, то она развела въ водѣ танинъ и собственноручно пустила въ ходъ гутаперчевый инструментъ съ костяной трубочкой. Баба Алена смотрѣла на эту операцію, какъ на какое-то невиданное диво, и была совершенно потрясена искусствомъ г-жи Добромысловой. На слѣдующій день она пришла утромъ, когда Добромысловы пили еще чай. На лѣвой рукѣ у нея покоился младенецъ, который не только не кричалъ, но даже очень мило улыбался и при этомъ усердно сосалъ свой собственный кулакъ.

— Ну, что скажешь, Алена? — спросила ее госпожа Добромыслова.

— Ахъ, барынька добрая! Вѣдь не кричитъ больше! Всю ночку спалъ! Ей-ей, за шесть недѣль — первая такая ночь!..

— Значитъ, вылечился?

Digitized by Google

— Надо быть, вылечился!.. И кушать проситъ... Ужъ я у сосѣдки соленаго рыбца достала...

— И дала ему?

— Нѣтъ, побоялась... У вашей милости спроситься пришла. Да вотъ, не обидьте, барынька добрая, десяточекъ яичекъ примите отъ меня...

Госпожа Добромыслова, конечно, отъ десятка яицъ отказалась и строго-на-строго запретила кормить ребенка соленымъ рыбцомъ.

— Да чѣмъ же его кормить-то, барынька добрая?

— Молочкомъ, однимъ только молочкомъ. А дня черезъ два можно будетъ куриную котлетку дать! —сказала госпожа Добромыслова, руководствуясь предписаніями петербургскаго врача.

— А гдѣ же его взять-то, молока?

— Да развѣ у тебя нѣтъ коровы?

— Нѣту, барынька добрая! Прошлой осенью пала отъ безкормицы, да ужъ съ тѣхъ поръ такъ и живемъ...

— Но чѣмъ же ты до сихъ поръ кормила ребенка?

— А тѣмъ, что и сами ѣдимъ: хлѣбомъ ржанымъ, да квасомъ...

— А курица вѣдь у тебя есть... Вотъ яйца принесла, значитъ, есть курица?..

— Есть, барынька добрая... Двѣ есть. Только вѣдь онѣ же яица несутъ. А ежели ихъ зарѣзать, такъ и яицъ некому будетъ нести... Пѣтушка-то своего нѣту. Пѣтушкомъ у сосѣдей заимствуемся. А двѣ курицы есть...

— Ну, такъ вотъ что: поди на кухню, тамъ дадутъ тебѣ молока, и каждый день приходи сюда кормить ребенка, пока не укрѣпится...

Все это было хорошо. Но въ тотъ же день предъ вечеромъ къ госпожѣ Добромысловой явились шесть бабъ съ больными младенцами. Слухъ о томъ, что столичная барыня быстро вылечила Аленинаго младенца, который шесть не-

Digitized by Google

дѣль «ревмя-ревѣлъ и изсушилъ Алену сердешную», распространился по селу, перелетѣлъ пространство верстъ на пятнадцать, и бабы, у которыхъ больныхъ младенцевъ было сколько угодно, всполошились. Уже въ числѣ этихъ шести двѣ были изъ чужихъ селъ. А на другой день явилось около десятка.

Госпожа Добромыслова въ первую минуту смутилась. Когда она лечила Аленинаго младенца, она вовсе не имѣла въ виду посвящать себя столь обширной врачебной дѣятельности. Но бабы стояли передъ нею, у каждой было по младенцу, а нѣкоторыя еще держали за руку «старшенькихъ», и всѣ кланялись ей въ поясъ и говорили просительныя слова.

— Ужъ не откажите, барынька добрая! Моченьки нашей нѣтъ! Изсушились съ ними!.. Покою не знаемъ... отъ работы оторваны... Ужъ сдѣлайте такую милость...

— Да почему же вы къ доктору не понесете ихъ? Вѣдь докторъ у васъ близко...

— Близко, барынька... Какъ не близко? Черезъ три избы живетъ!—отвѣчали три бабы, пришедшія изъ той самой деревни, гдѣ жилъ земскій врачъ.

— Черезъ три избы? Такъ отчего же вы къ нему не пошли?

— Эхъ, барынька! Доктора намъ не помогаютъ... Пробовали!.. Никакого облегченія...

— Странно! А я слышала, что докторъ у васъ хорошій!..

— Хорошій, онъ хорошій! это что и говорить! Дурного про него не слыхали... А только намъ оно не сподручно!.. Ужъ не откажите, барынька добрая...

Удивлялась всему этому госпожа Добромыслова, а бабы стояли передъ нею съ умильно просящими взглядами, а младенцы на рукахъ у нихъ плакали. Подумала она, подумала и стала ихъ лечить. Нельзя же было, въ самомъ дѣлѣ, отсылать ихъ по домамъ съ больными ребятами на рукахъ, въ особенности, когда передъ ними стоялъ столь блестящій

Digitized by Google

примѣръ скораго излеченія Аленинаго сына, болѣвшаго цѣлыхъ шесть недѣль.

Пришлось послать нарочнаго въ уѣздный городъ, въ аптеку, чтобы закупить изрядный запасъ касторки, сироповъ, бисмута, клеенки для компрессовъ и т. п. Скоро обнаружилось, что госпожѣ Добромысловой пришлось чуть не цѣлые дни продаваться медицинѣ. Но такъ какъ она была не только добродѣтельная, но и просто добрая женщина, то это доставляло ей удовольствіе.

Въ первое время случались роковыя недоразумѣнія. Ребенокъ подъ вліяніемъ леченья поправлялся и все указывало на то, что болѣзнь должна окончательно уступить усиліямъ. Но вдругъ припадокъ возобновлялся съ новой силой. Сперва госпожа Добромыслова недоумѣвала, но затѣмъ дѣло разъяснялось.

— Чѣмъ ты его кормишь?—спрашивала она бабу.

— Да чѣмъ же, барынька? Чѣмъ Богъ послалъ... Квaскомъ да сухариками... Размочу сухарь въ кваску да и даю... Онъ любитъ... А то огурчика соленаго раздобыла... Тоже принимаетъ...

Понятное дѣло, такого рода діэту пришлось отмѣнить, а такъ какъ у бабъ въ большинствѣ случаевъ не оказывалось ни молока, ни бѣлаго хлѣба, ни манной крупы, ни мяса, то надо было все это доставлять имъ.

Въ результатѣ получилось поразительное явленіе: дѣти, съ довольно-таки запущенными болѣзнями желудка, выздоравливали быстро, едва только попробовали лекарствъ. Бабы то-и-дѣло приносили въ благодарность яица, а которыя посостоятельнѣй—и живыхъ пѣтуховъ и просили «не обидѣть ихъ». И стоило большихъ усилій отказаться отъ всего этого. Нѣкоторыя просто принимались плакать отъ этого.

Одна баба принесла пѣтуха въ тотъ самый день, какъ началось леченье.

Digitized by Google

— Да за что же ты благодаришь, баба? Вѣдь еще неизвѣстно, будетъ ли здоровъ твой ребенокъ! — сказали ей.

— Да нѣтъ ужъ... Примите, барынька, не обидьте! У меня такая вѣра, что ежели пѣтуха не возьмете, то ребенокъ не поправится!

Пришлось бороться съ этой «вѣрой». Баба, такимъ образомъ, и здѣсь, гдѣ причина выздоровленія была налицо, все таки вѣрила не въ лекарство, а въ какую-то таинственную силу, исходящую отъ пѣтуха.

Добромысловъ узналъ обо всемъ этомъ, и къ его недоразумѣніямъ прибавилось еще новое. Встрѣтилъ онъ мужика и началъ разспрашивать.

— А что, много у васъ больныхъ на деревнѣ?

— Сыщется,—отвѣтилъ мужикъ, — чего, чего, а этого добра сколько вашей милости будетъ угодно! Вотъ у Петра Худанѣева баба двѣ недѣли внизъ животомъ лежитъ; всю внутренность у ей обожгло... У Микулова сынъ, работникъ, глазной болѣзнью страдаетъ.... У старухи Авдѣевой — единственный сынъ, можно сказать, опора, — въ трясучкѣ... Да мало ли ихъ?

— Почему же они не лечатся? Вѣдь у васъ докторъ есть, и слышалъ я — хорошій...

— Есть докторъ и, сказываютъ, отличный... какъ же! есть, есть! Только нашему брату отъ него пользы никакой не выходитъ.. Барина, примѣрно, ежели какой хворый, вылечиваетъ, отлично вылечиваетъ... А мужика нѣтъ...

— Что же? невнимателенъ онъ къ мужику, что ли?

— Какое невнимателенъ! очень даже большое вниманіе показываетъ... Придешь къ нему, такъ онъ тебя всего какъ есть обслѣдуетъ. И языкъ ему покажи, и въ глотку тебѣ заглянетъ, съ машинкой туда полѣзетъ, и ноги, и руки, и спину, все обслѣдуетъ. А послѣ того какъ зачнетъ допрашивать, такъ Господи ты Боже мой,—чего ему только не

Digitized by Google

надо! Всю жизнь свою вспомнишь, все одно — какъ на исповѣди. И какіе у тебя родители были, и чѣмъ они болѣли, и про всю родню спроситъ; и какъ ты живешь, велика-ль изба, и какую, значитъ, пищу принимаешь, и про работу, и про все. Ужъ такъ допроситъ, что ничего уже не останется... Хор-рошій докторъ.

— Ну, такъ отчего же вы у него не лечитесь?

— Да, вотъ — хорошій-то онъ, хорошій, а только помощи отъ него никакой. Иной разъ спрашиваетъ это, спрашиваетъ, да какъ возьмется за голову, да сдавитъ себѣ виски, да только отъ него и слышно: ахъ-ахъ-ахъ! Да еще и рукой махнетъ. Ну, дастъ это какія-то тамъ капли и скажетъ: принимай, молъ, это; можетъ и поможетъ...

— И не помогаетъ?

— Нѣтъ! Гдѣ тамъ? Никакой помощи!... Такъ, зря только ходишь къ нему. И у самого-то у него лицо такое сумрачное...

Всѣ эти свѣдѣнія рѣшительно разстраивали Добромыслова. Какъ ни прикидывалъ онъ умомъ, какъ ни старался въ своей головѣ найти какое-нибудь ученіе, какую-нибудь теорію, которыя помогли бы ему какъ-нибудь объяснить всѣ эти несообразности, но ничего не выходило.

«Видно, — думалъ онъ, — и вправду-таки весь этотъ теоретическій хламъ никуда не годится! Въ самомъ дѣлѣ, что за нелѣпость! Есть больные и есть врачъ. Больные о врачѣ даютъ самые лучшіе отзывы. И человѣкъ онъ хорошій, и докторъ внимательный! А машутъ на него рукой и не идутъ къ нему лечиться. И почему это у того же самаго доктора баринъ выздоравливаетъ, а мужикъ нѣтъ? (Ему именно одинъ баринъ, котораго онъ встрѣтилъ въ Тулѣ, на вокзалѣ, когда ѣхалъ сюда, очень хвалилъ этого доктора). И почему, наконецъ, жена моя, никогда не учившаяся медицинѣ, такъ великолѣпно излечиваетъ крестьянскихъ младенцевъ и притомъ самыми простыми средствами, а отъ врача

Digitized by Google

тѣ же бабы получили полнѣйшее разочарованіе? Почему? Почему?»

Задавши себѣ такіе вопросы и не получивъ на нихъ отвѣтовъ, онъ почувствовалъ, что сфинксъ уже начинаетъ до извѣстной степени раздражать его. И онъ однажды сказалъ женѣ:

— Какъ хочешь, а я поѣду къ этому загадочному земскому врачу и познакомлюсь съ нимъ... Пусть-ка онъ мнѣ разъяснитъ ..

— Но какъ же это сдѣлать? Вѣдь ты совершенно здоровъ!..

— Ну, что-жъ такое? Я таинственничать не буду. Я прямо такъ и скажу ему: недоумѣваю, молъ, разъясните... Такъ и скажу. Что это, молъ, у васъ за странная такая медицина, которая вылечиваетъ только барина, а для мужика не годится? Такъ и скажу...

— Не обидѣлся бы онъ этимъ!..

— А пусть обижается. А-то вѣдь, знаешь, черепъ можетъ лопнуть отъ всѣхъ этихъ несообразностей!..

Дня черезъ два Добромысловъ поѣхалъ къ земскому врачу знакомиться.

V.

Такъ какъ бабы упорно продолжали лечиться у госпожи Добромысловой и рѣшительно не хотѣли слушаться ея совѣта—идти къ земскому врачу, не смотря на то, что сами же давали о немъ почти восторженные отзывы, Добромысловъ рѣшилъ-таки познакомиться съ нимъ и лично разспросить о причинѣ такого явленія.

Онъ выбралъ день, когда была хорошая погода, и поѣхалъ. До деревни, носившей странное названіе «Башмачки», гдѣ жилъ земскій врачъ, считалось 7 верстъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ утверждали и всѣ глубоко были убѣждены въ этомъ.

Digitized by Google

Поѣхали проселкомъ, но съ каждымъ шагомъ дорога становилась все болѣе и болѣе неудобной. Какіе-то, точно гигантами вывороченныя, рытвины на каждомъ шагу ставили въ недоумѣніе и кучера, и лошадей, и каждую минуту грозила опасность вылетѣть изъ экипажа или сломать ось.

— Послушай, сказалъ Добромысловъ кучеру, — тутъ невозможно ѣхать! Нѣтъ ли другой дороги?

— Есть... По шоссе можно поѣхать!—отвѣтилъ кучеръ.

— Почему же ты не поѣхалъ по шоссе?

— Да тамъ будетъ двѣнадцать верстъ, а тутъ семь... Значитъ, тутъ ближе.

— Но вѣдь эти семь верстъ мы будемъ ѣхать пять часовъ, а двѣнадцать по шоссе продѣлаемъ въ одинъ часъ...

— Такъ-то оно такъ, а все же семь ближе, чѣмъ двѣнадцать.

Добромысловъ не принялъ этихъ соображеній и велѣлъ свернуть на шоссе.

Село Башмачки оказалось не столько большимъ, сколько длиннымъ селомъ. Два ряда избъ тянулись по обѣ стороны шоссе на протяженіи двухъ-трехъ верстъ. Дорога была проѣзжая, а потому здѣсь имѣлось нѣсколько кабаковъ и мелочныхъ лавокъ. Былъ даже заѣзжій дворъ.

Въ сторонѣ виднѣлись бѣлыя стѣны и зеленыя крыши помѣщичьей усадьбы. При самой дорогѣ помѣщалось кирпичнаго цвѣта зданіе съ чернымъ орломъ надъ дверью; это была почта. А рядомъ съ нимъ такого же цвѣта каменный домъ. Къ нему и хотѣлъ подъѣхать кучеръ.

Но вниманіе его и сѣдока привлекъ какой-то странный шумъ невдалекѣ.

Гулъ голосовъ, мужскихъ и женскихъ, шелъ повидимому со стороны кучи развалинъ на мѣстѣ, гдѣ, вѣроятно, было когда-то каменное строеніе.

— Что это?—спросилъ у кучера Добромысловъ.

Digitized by Google

— Никакъ не понять! Надо полагать, случай какой-нибудь...

— Ну, и поѣзжай туда!

Они подъѣхали. Около развалинъ мужиковъ было немного, но бабъ десятка три. Они сдержанно галдѣли и сдерживало ихъ повидимому присутствіе урядника съ желтыми погонами и почему-то съ хлыстомъ въ рукѣ, хотя хлыстъ не былъ принадлежностью его мундира.

При урядникѣ было нѣсколько чиновъ сельскаго управленія съ бляхами. На бляхахъ было помѣчено ихъ достоинство. У одного значилось: «сотскій», у другого—«десятскій» у третьяго—«староста».

Въ глубинѣ развалинъ копошилась какая-то неопредѣленнаго вида фигура, которую Добромыслову сразу разглядѣть не удалось. Около нея возилось два мужика, тоже съ бляхами.

— Да вы ее на руки возьмите и тащите... Чего глядѣть ей въ зубы?—говорилъ урядникъ.

— Возьмешь ее, какъ же, коли не дается... У ей когти, какъ у ястреба... отвѣчали изъ глубины развалинъ чины въ бляхахъ.

Добромысловъ, приглядѣвшись, увидѣлъ, что они возятся съ безобразной бабой, которая была очевидно пьяна, вся въ лохмотьяхъ, съ краснымъ одутловатымъ лицомъ самаго алкоголическаго вида. Она упиралась, кусалась, царапалась и выкрикивала при этомъ непристойныя слова.

— Что это?—спросилъ Добромысловъ, подойдя къ уряднику.

Урядникъ, увидѣвъ приличнаго господина, не лишеннаго важности, а тутъ же пристойный экипажъ, запряженный тройкой, опустилъ хлыстъ и сдѣлалъ почтительное лицо.

— Пьяная-съ,—отвѣтилъ онъ.

— Что-жъ она тутъ дѣлаетъ?

— Безобразіе-съ! Просто и разсказать, такъ даже непонятно!—отвѣтилъ урядникъ, который чувствовалъ себя, повидимому, неспособнымъ въ точности объяснить событіе.

Digitized by Google

— Она лекарка!—сказалъ одинъ изъ присутствовавшихъ тутъ мужиковъ.

— Какъ лекарка? какая лекарка?—спросилъ Добромысловъ.

— Стало быть, лекарка!—вмѣшалась какая-то баба,—отъ болѣзней помогаетъ.

Добромысловъ смотрѣлъ съ глубокимъ недоумѣніемъ, а урядннку было не до него; надо было, во что бы то ни стало, взять бабу, и такъ какъ волостные чины не обнаруживали достаточно ловкости, то онъ самъ двинулся туда и, при помощи хлыста, смирилъ-таки бабу, и она позволила взять ее на руки.

Народъ неохотно разступился и далъ дорогу этой торжественной процессіи. Бабу положили на телѣгу и повезли куда-то. Урядникъ исчезъ. Публика ворчала.

— Этакъ-то всякаго можно схватить! Это не трудно, ежели съ хлыстомъ...

Добромысловъ понималъ еще меньше прежняго. Онъ обратился къ первому попавшемуся ему человѣку съ бляхой.

— Скажи, голубчикъ, гдѣ тутъ живетъ докторъ?

— А вонъ въ тотъ домикъ пожалуйте; тамъ онъ и живетъ.

Онъ указалъ на домъ, стоявшій противъ почты, туда и пошелъ Добромысловъ, а кучеръ поѣхалъ за нимъ.

Доктора онъ нашелъ въ большой комнатѣ, уставленной по стѣнамъ скамьями. Больше никого здѣсь не было, кромѣ человѣка, который принесъ доктору карточку Добромыслова.

— Мнѣ очень пріятно! очень пріятно! — разсѣянно сказалъ докторъ, разсматривая и карточку, и самого Добромыслова съ удивленіемъ и какъ бы спрашивая взглядомъ: «для чего это тебя занесло сюда?»

Это былъ довольно еще молодой человѣкъ, статный, съ русыми волосами и бородой, очень пріятнаго вида. Онъ все посматривалъ въ окно и его, очевидно, безпокоило то, что

Digitized by Google

происходило на развалинахъ. Пожавъ руку Добромыслову и еще совсѣмъ, въ сущности, не познакомившись съ нимъ, онъ заговорилъ:

— Видите, какія вещи у насъ дѣлаются! Ни въ одной странѣ, даже болѣе дикой, чѣмъ наша, не найдете ничего подобнаго. И этому нѣтъ объясненій...

— Да въ чемъ тутъ дѣло?—спросилъ Добромысловъ.

— Ахъ, это цѣлая исторія... Но простите, пожалуйста... У васъ, вѣроятно, ко мнѣ дѣло? Такъ прошу васъ въ мою квартиру. Здѣсь такъ неуютно. Это наша амбулаторная пріемная. Прошу васъ. По крайней мѣрѣ, оттуда мы не будемъ видѣть этой безобразной картины...

— Насколько я могу судить,—сказалъ Добромысловъ, когда докторъ провожалъ его черезъ узкія сѣни въ свою квартиру,—тамъ, кажется, насиліе.

— Ну, знаете, тутъ ужъ безъ насилія никакъ не обойдешься... Извольте-ка ждать, пока пьяная безобразная дура усвоитъ ваши убѣжденія.

Добромысловъ ничего не понималъ, а потому промолчалъ. Они пришли въ маленькую гостиную, обставленную чрезвычайно просто. Докторъ пригласилъ его сѣсть.

— Прежде всего я долженъ предупредить васъ, докторъ, что совершенно здоровъ и пріѣхалъ къ вамъ не для леченія!—сказалъ Добромысловъ.

— Тѣмъ лучше,—отвѣтилъ докторъ.—Вы не можете себѣ представить, какъ мы, врачи, любимъ говорить съ здоровыми людьми. Это намъ такъ рѣдко удается.

Дальше Добромысловъ объяснилъ, что онъ сосѣдъ его и просто желаетъ познакомиться. Они обмѣнялись малозначительными свѣдѣніями, нашли кое-какихъ общихъ знакомыхъ въ Петербургѣ и, когда достаточно приглядѣлись другъ къ другу, перешли къ болѣе значительнымъ вещамъ.

— Я къ вамъ, докторъ, съ цѣлымъ ворохомъ недоумѣній! — сказалъ Добромысловъ, — будьте благодѣтелемъ,

Digitized by Google

разъясните. Я здѣсь человѣкъ новый, въ деревнѣ никогда не жилъ и хожу тутъ, какъ съ повязкой на глазахъ!

— Ахъ, знаете, я очень былъ бы вамъ благодаренъ, если бы вы разрѣшили мои недоумѣнія! Ихъ, навѣрно, у меня больше, чѣмъ у васъ!—со вздохомъ сказалъ докторъ.

— Ну, однако-жъ, то, что касается вашей спеціальности, вы во всякомъ случаѣ знаете лучше, чѣмъ я. Надо вамъ знать, что жена моя случайно вылечила одного младенца отъ страданія желудкомъ, и представьте, что къ ней бабы повалили десятками. Она направляетъ ихъ къ вамъ, а онѣ и слушать не хотятъ. Хвалятъ васъ напропалую, а лечиться у васъ не желаютъ; говорятъ, что вы барина вылечить можете, а мужика нѣтъ. Но вѣдь это же нелѣпость! Согласитесь сами, что это нелѣпость.

— Нѣтъ, это не нелѣпость... Это совершенная правда.

— Да что вы? Именно то, что вы барина можете вылечить, а мужика нѣтъ?

— Да-съ, именно это.

— Ну, это невѣроятно!

— И тѣмъ не менѣе это почти во всѣхъ случаяхъ такъ. Ахъ, Боже мой!—прибавилъ докторъ со вздохомъ,—да въ этомъ вся суть! поймите, что въ этомъ вся суть...

Онъ произнесъ это съ замѣтнымъ волненіемъ, въ то время, какъ Добромысловъ смотрѣлъ на него ничего непонимающими глазами. Докторъ продолжалъ.

— Вы говорите, что ваша супруга вылечила одного ребенка, и къ ней бабы валомъ повалили, это такъ и должно быть. Во-первыхъ, потому, что она вылечила,—это естественно,—а во-вторыхъ—и это главное—потому, что она новая, въ нее, значитъ, еще не извѣрились, на нее можно еще надѣяться. Несомнѣнно, такъ какъ ваша супруга не спеціалистка, что излеченіе тутъ было случайное. Или очень уже была несложная болѣзнь, или просто случайность. Но подвернутся болѣзни болѣе сложныя, ваша супруга ихъ не

Digitized by Google

вылечитъ, и повѣрьте, что онѣ сейчасъ же отъ нея отвернутся. И дѣлаютъ это онѣ чрезвычайно быстро, потому что онѣ привыкли къ разочарованію; онѣ такъ настроены, чтобы на каждомъ шагу разочаровываться. Но такъ какъ имъ нужно же на кого-нибудь надѣяться, то онѣ набрасываются на всякаго новаго человѣка, на все то, что не похоже на уже испытанное, какъ напримѣръ, — земскій врачъ да и всякій другой дипломированный врачъ.

— Позвольте, но вы говорите ужасныя вещи!—воскликнулъ Добромысловъ.

— А, ужасныя? Ну, это вамъ съ непривычки такъ кажется, а поживите вы здѣсь подольше, вы станете смотрѣть на все это, какъ на простыя вещи. Да вотъ — не надо даже ходить далеко—возьмите хоть эту пьяную бабу. Какъ это ни странно, а она имѣетъ прямое отношеніе къ нашему разговору. Это простая пропойца. Я ее даже знаю. Не разъ видѣлъ я ее около вокзальнаго буфета. Иногда она допивалась до того, что Христомъ Богомъ просила двѣ копѣйки, чтобы купить стаканъ водки, такъ прямо и говорила: стаканъ водки, и что она умретъ безъ этого. Пьяница, форменная пьяница. Куда она шла, не знаю. Но шла она трезвая и заночевала въ этихъ развалинахъ. Должно быть, сильно изголодалась и, по всей вѣроятности, ей не чужда до извѣстной степени мужицкая психологія. Словомъ сказать, объявила она, что лечитъ болѣзни. А вѣдь это у нихъ магическое слово. Мужикъ, а въ особенности баба, непрестанно ищутъ человѣчка, который бы ихъ полечилъ. Какая-то хворая баба принесла ей чашку съ водой, на эту воду она дула и плевала и давала пить больнымъ. И что-жъ вы думаете? Мужики и бабы съ величайшимъ довѣріемъ повалили къ ней. Два дня она лечила такимъ образомъ, а они таскали ей хлѣбъ, яйца, куръ, все, что могли. Ну, кончилось это тѣмъ, что она отнесла все это добро въ кабакъ и напилась до того состоянія, въ ка-

Digitized by Google

комъ вы ее видѣли. Я, разумѣется, обратился къ уряднику въ тотъ же день, какъ она появилась, но онъ почему-то махнулъ рукой и принялъ мѣры только тогда, когда она уже напилась. Ну-съ, такъ вотъ,—чѣмъ объясните вы это довѣріе къ первой попавшейся проходимицѣ?

— Рѣшительно не могу объяснить!—сказалъ Добромысловъ.

— Да, и замѣтьте,—они довѣрчиво пошли къ ней съ своими болѣзнями и платили ей, хотя бы и натурой, въ то время, какъ здѣсь, въ двухъ шагахъ, живу я, есть амбулаторія, имъ даютъ лекарства и ничего съ нихъ за это не берутъ... Чѣмъ вы это объясните?

— Я не могу этого объяснить. Надѣюсь, однако, что тутъ нѣтъ ничего таинственнаго, что объясняется это въ предѣлахъ простыхъ законовъ природы.

— О, да! Даже черезчуръ просто это объясняется... Съ одной стороны, конечно, тутъ играетъ извѣстную роль невѣжество, заставляющее ихъ искать въ медицинѣ таинственнаго, волшебнаго; но это далеко не главное. Знаете ли, у насъ на невѣжество слишкомъ ужъ много сваливаютъ. Я убѣдился, что самое глубокое суевѣріе само собою пасуетъ передъ очевидной практической пользой. И тамъ, гдѣ мы можемъ представить во-очію доказательства очевидной практической пользы, суевѣріе очень легко уступаетъ.

— Но вѣдь это же ясно, что медицина полезна! Вѣдь это же ясно, какъ день!

— Совсѣмъ наоборотъ! Въ большинствѣ случаевъ наша медицина не только не полезна, но даже вредна, потому что она возбуждаетъ напрасныя надежды, постоянно ведущія къ разочарованію, заставляетъ тратить даромъ время, а главное — разочарованіе въ одной области даетъ имъ право разочаровываться и во всемъ другомъ, что предлагаютъ имъ наука и культура. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ,

Digitized by Google

что совершенно правъ тотъ мужикъ, который увѣрялъ васъ, что я барина могу вылечить, а мужика нѣтъ.

— Но какимъ образомъ?

— Весьма просто. Баринъ пріѣдетъ ко мнѣ, я осмотрю его и скажу ему: вотъ вамъ лекарство, принимайте его три раза въ день по столовой ложкѣ, а при этомъ наблюдайте, чтобы у васъ въ комнатѣ была тишина, чистота, хорошій воздухъ и много воздуха; да держите, непремѣнно держите діэту: не ѣшьте хлѣба, а только хорошо выпеченные сухари, крѣпкій бульонъ, куриную котлетку и пр., и проч. Баринъ уѣхалъ и дома распорядился, чтобъ все это было сдѣлано и все это онъ можетъ сдѣлать, потому что все это у него есть... И глядишь, черезъ недѣлю онъ и поправился. Теперь пришелъ ко мнѣ мужикъ съ той же болѣзнью, я далъ ему то же лекарство и тѣ же совѣты. Но что-жъ онъ дѣлаетъ? То, что можетъ. Лекарство онъ принимаетъ даже слишкомъ усердно,—вмѣсто трехъ разъ цѣлыхъ десять разъ на день, вмѣсто двадцати капель валитъ сотню, думая, что чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Но изба у него полна народу, постель грязная, въ домѣ непрѣстанный шумъ, воздухъ затхлый, спертый, а о бульонѣ и куриной котлетѣ даже не можетъ быть и рѣчи. Ѣстъ онъ все-таки ржаной хлѣбъ съ квасомъ. Ну, понятно, лекарство ему не помогаетъ, онъ заболѣваетъ хуже и отсюда дѣлаетъ выводъ, что мое леченіе никуда не годится.

— Но вѣдь это ужасно! Это что-то безнадежное! Это какой-то адскій кругъ! И неужели противъ этого нѣтъ средствъ?

— Есть, какъ не быть? Только эти средства въ теоріи. Вотъ, напримѣръ, если бы у меня была больница, хоть небольшая, я бралъ бы къ себѣ больного мужика, доставлялъ бы ему то, что нужно при его болѣзни; онъ у меня поправлялся бы и взглядъ его на медицину перемѣнился бы.

— Но скажите пожалуйста, я думаю, что у крестьянъ,

Digitized by Google

такъ какъ они ведутъ грубую и простую жизнь, и болѣзни не такія сложныя, какъ у горожанъ, не такъ ли?— спросилъ Добромысловъ.

— Совершенно не такъ. Да, я знаю, что въ городахъ существуетъ такое мнѣніе; но это вовсе неправда. Мужикъ средняго возраста является иногда съ такими сложными болѣзнями, какихъ не встрѣтите и въ городскихъ клиникахъ, а въ особенности баба.

— Какъ странно. Но почему же?

— Да ясно почему. Потому что его жизнь представляетъ изъ себя сплошь какое-то непомѣрное усиліе. Онъ все дѣлаетъ черезъ силу. Условія его жизни крайне тяжелы; онъ постоянно работаетъ мускулами, напрягаетъ ихъ; понятно, что организмъ его портится по всѣмъ швамъ...

— Но почему же вамъ не дадутъ больницы?

— Почему? почему? Вы сейчасъ поймете почему, если я вамъ скажу, что мнѣ на каждаго приходящаго больного разрѣшается истратить не болѣе 8 копѣекъ.

— Какъ не болѣе 8 копѣекъ?

— Именно такъ: не болѣе 8 копѣекъ. Я имѣю право выдать ему лекарства только на 8 копѣекъ.

— Но если болѣзнь требуетъ больше?

— Все равно. Земство отпускаетъ мнѣ только по 8 копѣекъ на больного. Знаете ли, сколько выдается мнѣ на весь участокъ? Мнѣ выдается лекарствъ на 700 рублей въ годъ, это на 9,000 больныхъ! Теперь вы понимаете, почему у меня нѣтъ больницы?

— Вѣроятно потому, что у земства нѣтъ денегъ?

— Да, вотъ именно потому. Денегъ нѣтъ. А знаете ли вы, сколько получаетъ жалованья членъ управы? Восемьсотъ рублей, да триста—на разъѣзды. А ихъ четыре... Впрочемъ, это я къ слову говорю... Но согласитесь, что это нелѣпость,—тамъ, гдѣ на медицину въ половинѣ уѣзда тратится семьсотъ рублей, платить завѣдующимъ земскимъ

Digitized by Google

дѣломъ—четыре съ половиной тысячи. Да мнѣ самому совѣстно получать тысячу двѣсти, когда вся моя дѣятельность выражается въ ничтожной суммѣ—семьсотъ... Такъ вотъ и сидимъ, занимаемъ мѣста, получаемъ жалованье и дѣлаемъ безсильныя потуги «объять необъятное», или что то же—на восемь копѣекъ излечить мужичка отъ четырнадцати гнѣздящихся въ немъ болѣзней...

— Однако, это, должно быть, очень мучительно!

— О, такъ мучительно, что иногда хочется въ петлю полѣзть. Помилуйте, сидя на студенческой скамьѣ, мы мечтали о томъ времени, когда, кончивъ ученье, станемъ «работать для народа», а тутъ на повѣрку выходитъ, что мы толчемъ воду въ ступѣ. Какъ тутъ не подумаешь о петлѣ? Чортъ возьми, хороша медицина, которой предпочитаютъ пьяную бабу!..

— Но, можетъ быть, тутъ много надо отнести на долю предразсудка?

— Предразсудка? Нѣтъ-съ! Вы поѣзжайте-ка въ село Бабурино, за тридцать верстъ отсюда, и тамъ вы увидите нѣчто удивительное. Тамошній помѣщикъ на свой счетъ построилъ чудную больницу на шестьдесятъ кроватей, съ примѣненіемъ всѣхъ послѣднихъ словъ въ дѣлѣ врачебныхъ требованій. Она обошлась ему нѣсколько сотенъ тысячъ, а на содержаніе ея ежегодно тратится тридцать пять тысячъ. Принимаютъ туда всѣхъ, кто боленъ, и лечатъ безплатно. Содержаніе, удобства, гигіена, пища, все это безукоризненно. И посмотрите, съ какимъ довѣріемъ относятся къ этой больницѣ крестьяне, съ какимъ умиленіемъ разсказываютъ о ней тѣ, кто полечился въ ней. Кровати тамъ всегда заняты, а во время наплыва больныхъ—число кроватей удваивается. Для заразныхъ—особый, изолированный баракъ... Словомъ, врачебная Аркадія, да и только! Но это построило не земство, а частное лицо! Но такихъ частныхъ лицъ найдется на десять губерній—одно, а остальныя оза-

Digitized by Google

бочены только одной мыслью, однимъ желаніемъ—выколотить изъ своей земли какъ можно больше тысячъ, чтобы за зиму прожить ихъ въ Петербургѣ, Москвѣ или заграницей...

Добромысловъ простился съ докторомъ и поѣхалъ домой. Въ головѣ его прибавилось еще новое недоумѣніе. Но странно, что, не смотря на то, что онъ на каждомъ шагу встрѣчалъ одни только недоумѣнія, «сфинксъ» мало-по-малу начиналъ въ его глазахъ выясняться.

VI.

Мало-по-малу передъ Добромысловымъ раскрывались новыя стороны жизни. И замѣчательно было то, что теперь онъ сталъ наблюдать вещи, которыя совершались у него подъ носомъ и которыя онъ почему-то пропустилъ мимо вниманія.

Однажды, когда онъ съ семьей расположился на балконѣ, за чайнымъ столомъ, въ вечерній часъ, въ субботу, онъ смотрѣлъ, какъ возвращались съ полевыхъ работъ нанятые на срокъ и поденно рабочіе. Тутъ его глазамъ представилось то обстоятельство, что между этими людьми не было ни одного мужчины, а все были бабы и дѣвки.

Въ это время по «тѣнистой аллеѣ стариннаго барскаго парка» гулялъ управляющій—толстый человѣкъ съ густыми сѣдыми усами, необыкновенно почтительно обращавшійся съ петербуржцами, снимавшими усадьбу. Такъ какъ у Добромыслова тотчасъ-же возникло въ головѣ недоумѣніе, то онъ пригласилъ управляющаго на стаканъ чаю. Безъ сомнѣнія, приглашая его, Добромысловъ питалъ нѣкоторую заднюю мысль, чѣмъ онъ занимался уже впродолженіе нѣсколькихъ недѣль.

— Скажите, пожалуйста,—промолвилъ онъ,—что-же у васъ рабочіе мужчины отдѣльно приходятъ съ поля? Почему я ихъ не вижу?

Digitized by Google

— Да ихъ у насъ вовсе нѣтъ... — отвѣтилъ управляющій.

— Какъ? Все бабы?

— Все бабы. У насъ все дѣлаютъ бабы...

— Но почему же?

— Да какъ почему? Ясно—почему. Баба вдвое, а то и втрое дешевле. Такъ это прямой разсчетъ.

— Но баба не можетъ дѣлать все то, что дѣлаетъ мужикъ.

— Ошибаетесь. Баба отлично все дѣлаетъ и иногда даже получше мужика.

— Гм... Вотъ какъ! Это вѣдь своего рода рѣшеніе женскаго вопроса!—сказалъ Добромысловъ.

— Да-съ, именно рѣшеніе женскаго вопроса, какъ вы изволили выразиться. И у насъ онъ рѣшается такъ: ежели мужику я долженъ платить 30 коп. въ день, а бабѣ 10, и притомъ баба мнѣ дѣлаетъ рѣшительно все, что и мужикъ сдѣлалъ-бы, то на кой мнѣ чортъ, съ позволенія сказать, деньги на вѣтеръ выбрасывать? Я даже такъ скажу, что если баба хуже дѣлаетъ, чѣмъ мужикъ, то все-же мнѣ выгоднѣе ее взять. Тутъ простой разсчетъ. Десяти мужикамъ я заплачу 3 рубля въ день и они наработаютъ мнѣ, скажемъ, ну, на 10 рублей. А двадцати бабамъ я заплачу только 2 рубля и онѣ, если даже вдвое хуже работаютъ, чѣмъ мужики, сдѣлаютъ мнѣ столько-же. Разсчетъ, какъ видите, ясный. Я и беру три десятка бабъ съ 1-го мая до Покрова, плачу имъ за это гроши и совершенно спокоенъ.

— Вы находите, что съ бабами имѣть дѣло легче?

— О, да, разумѣется. Съ мужикомъ я постоянно въ опасеніи. Мужикъ—народъ ворчливый, неспокойный, а баба—существо кроткое. Съ бабой я навѣрняка знаю, что у меня ни разу не будетъ никакихъ затрудненій и разныхъ тамъ пріостановокъ работъ и прочее. Баба, я вамъ скажу, милѣйшее существо...

Digitized by Google

— Въ какомъ это смыслѣ?

— А вотъ въ какомъ. Она выносliва, терпѣлива, неприхотлива, дѣлаетъ все, что ни заставишь ее, никогда не ворчитъ, не ругается, всегда довольна и довольна, я вамъ скажу, очень малымъ, что важно для насъ. И все, знаете, мурлычитъ себѣ подъ носъ пѣсню. А мужикъ,— мужикъ совсѣмъ другое дѣло.

— Въ чемъ же разница?

— А въ томъ, что мужикъ-работникъ то и дѣло недоволенъ—то тѣмъ, то другимъ, то и дѣло требуетъ, бунтуетъ... Съ мужикомъ постоянная возня. То ему щи не нравятся, то вдругъ прослышитъ, что по сосѣдству дороже платятъ, и онъ отъ работы отказывается, прибавки требуетъ... Мужикъ—народъ балованный, съ нимъ держи ухо востро.

— Да вѣдь косить вы нанимаете мужиковъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ. Конечно, косить, это—мужицкое дѣло, но представьте себѣ, что у насъ на деревнѣ бабы косятъ не хуже мужика. То есть оно, конечно, ей труднѣе, потому что у ней меньше силы, но зато она старательнѣе. Мужикъ, онъ уже привыкъ къ этому, т. е. собственно къ тому, что ему надобно исполнять всѣ болѣе тяжелыя работы, и дѣлаетъ онъ это спустя рукава, сквозь зубы; а баба,—для нея это еще вопросъ, такъ сказать, самолюбія. Баба, она старается, изъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы сдѣлать не хуже мужика. Это первое. А второе—собственно у меня косить и не приходится. У меня машина коситъ.

Въ это время мимо балкона прошелъ Прокофій, мужикъ, занимавшій при экономіи чрезвычайно неопредѣленное амплуа. Онъ, повидимому, вовсе никогда не спалъ. Официальное положеніе его было—ночной сторожъ. Всю ночь онъ ходилъ по саду, водя за собой стаю собакъ, и оберегалъ отъ злоумышленниковъ усадьбу, экономическія постройки и садъ, причемъ, чтобы яснѣе доказать фактъ

Digitized by Google

своего бодрствованія, онъ оглашалъ окрестность зычнымъ свистомъ. А днемъ его тоже можно было видѣть въ постоянномъ движеніи. Онъ возилъ воду, рубилъ дрова и исполнялъ рѣшительно все, что бы ему ни приказывали.

Онъ несъ на головѣ значительныхъ размѣровъ кошолку, изъ которой торчали запечатанныя сургучомъ горлышки бутылей зеленаго стекла.

Увидѣвъ его, управляющій поднялся.

— Извините...—сказалъ онъ,—пойду подносить.

— Что подносить? Кому?

— Да вотъ видите—Прокофій понесъ... Это водка... Мы ее подносимъ по субботамъ.

— Въ такомъ количествѣ?

— А какъ же? вѣдь народу много.

— Вѣдь вы сами сказали, что мужиковъ у васъ нѣтъ.

— Зато бабы есть.

— Какъ? Неужели бабы пьютъ водку?

Управляющій посмотрѣлъ на Добромыслова, какъ на наивнаго человѣка.

— Да почему же имъ не пить? Вѣдь онѣ работаютъ. Да вы пожалуйте, посмотрите. И еще какъ пьютъ! Не угодно ли отправиться со мной?..

Добромысловъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи посмотрѣть, какъ бабы пьютъ водку. Для его недоумѣвающаго ума подобное наблюденіе могло быть цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Онъ на-время оставилъ чай и пошелъ съ управляющимъ.

Домъ, гдѣ была контора и гдѣ, на другой половинѣ его, жилъ самъ управляющій, отстоялъ отъ помѣщичьяго дома шагахъ въ пятидесяти. Съ задней стороны его, около крыльца, была небольшая площадка. На ней то и собрались рабочіе.

Оказалось, однако, что среди бабъ было нѣсколько и мужиковъ. Но Добромысловъ сейчасъ же узналъ ихъ. Это

Digitized by Google

были постоянные служащіе при экономіи. Онъ узналъ кучера, который и его возилъ въ городъ и къ доктору, его помощника, носившаго громкое названіе конюха, кузнеца, столяра, садовника и другихъ.

Прокофій на крыльцѣ возился съ бутылями, откупоривая ихъ. Затѣмъ онъ принесъ довольно большую чайную чашку, и тогда управляющій приступилъ къ торжественному поднесенію вина. Дѣлалось это очень просто. Бабы подходили по очереди, одна за другой, брали изъ рукъ управляющаго чашку и вливали себѣ въ горло водку безъ малѣйшихъ затрудненій, съ такой непринужденностью, какъ будто бы это была сахарная водица.

Послѣ этого никакой закуски имъ не предлагали, да, кажется, онѣ ничѣмъ и не закусывали, а просто отправлялись на рабочій дворъ ужинать.

Между прочимъ Добромысловъ разглядѣлъ въ толпѣ дѣвчонку, которой никакъ нельзя было дать больше 15—16 лѣтъ, и подумалъ: «неужели и этотъ ребенокъ будетъ пить водку».

А ребенокъ уже занялъ свою очередь въ ряду подходившихъ къ управляющему бабъ и, когда наступило время, подошелъ къ нему.

— Какъ?—не выдержалъ и спросилъ Добромысловъ,—ты—такая молоденькая и уже пьешь водку?

Дѣвочка сперва посмотрѣла на него съ удивленіемъ и потомъ засмѣялась.

— Ты, баринъ, не по лѣтамъ суди, а по работѣ,—сказала она.—Нешто я меньше другихъ работаю?

— Она въ работѣ у насъ стойкая...—подтвердили бабы.—Въ работѣ она мужику не сдастъ.

Управляющій передалъ ей чашку съ водкой. Она не безъ вызова взглянула на Добромыслова, залпомъ выпила водку и остатокъ молодецки вылила себѣ черезъ голову. Бабы одобрительно засмѣялись и загалдѣли.

Digitized by Google

Послѣ этого своеобразнаго угощенія всѣ онѣ начали расходиться, отправляясь на рабочій дворъ, гдѣ было ихъ жилье. Тамъ, подъ открытымъ небомъ, уже кипѣла въ котлѣ какая-то похлебка для ужина.

Добромысловъ съ управляющимъ вернулись на балконъ. Но не успѣли они занять свои мѣста за столомъ, какъ къ балкону подошли съ полдюжины бабъ, отдѣлившихся отъ остальныхъ. Онѣ остановились и поклонились въ поясъ.

— Что вамъ надо, бабы?—спросилъ Добромысловъ.

Бабы вновь поклонились.

— Къ вамъ съ просьбой, баринъ. Будьте такіе добрые, дозвольте завтра намъ на дворѣ поиграть.

— Какъ поиграть?—спросилъ Добромысловъ.

— Да такъ, какъ водится... Мы въ порядкѣ будемъ... Пѣсни пѣть... Хороводы...

Добромысловъ былъ смущенъ этой просьбой, такъ какъ ничего не понялъ.

— Въ чемъ тутъ дѣло?— спросилъ онъ управляющаго.

— Да такъ именно и есть, — объяснилъ тотъ. — По праздникамъ онѣ собираются тутъ во дворѣ, поютъ пѣсни, пляшутъ; это у нихъ такой обычай.

— Но если обычай, зачѣмъ же онѣ спрашиваютъ.

— Да это онѣ дѣлаютъ не всегда, а только тогда, когда помѣщики здѣсь. Это особая честь съ ихъ стороны. Это означаетъ почетъ. Старый обычай, который ведется съ крѣпостныхъ временъ.

— Ахъ, вотъ что! Такъ пожалуйста, сдѣлайте милость,— сказалъ Добромысловъ.

— Ну, вотъ спасибо вамъ, баринъ! Ужъ распотѣшимъ вашу милость, вотъ какъ распотѣшимъ,—сказали бабы и опять поклонились въ поясъ, а затѣмъ быстро, почти бѣгомъ пустились догонять своихъ.

— Но все-таки я не понимаю, зачѣмъ онѣ меня спра-

Digitized by Google

шиваютъ объ этомъ?—промолвилъ Добромысловъ.—Я здѣсь не хозяинъ!

— На это есть причина,— объяснилъ управляющій.— Первое,—вы живете въ помѣщичьемъ домѣ, значитъ, замѣняете въ ихъ глазахъ помѣщика. Онѣ привыкли, чтобъ все исходило изъ этого дома. И вѣдь въ этомъ домѣ уже перебывали многіе. Послѣ освобожденія имѣніе переходило изъ рукъ въ руки раза три. Но для нихъ важны не лица, а мѣсто—домъ, отъ котораго въ былое время зависѣла ихъ жизнь и смерть. А второе,—онѣ надѣются на угощеніе.

— Какъ? Опять водка?—съ изумленіемъ воскликнулъ Добромысловъ.—Ну, нѣтъ, водкой поить ихъ я не согласенъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же водка? Водка, это—послѣ работы; отъ васъ они ждутъ совсѣмъ другого.

— Что-же я могу имъ предложить?

— Отъ васъ онѣ ждутъ сластей.

— Сластей? Какой странный обычай!

— Къ этому ихъ пріучили помѣщики въ давнія времена. А вы не можете себѣ представить, какъ обычай долго сохраняется. Ужъ вамъ придется разориться. Разъ вы дали разрѣшеніе, къ вамъ явится чуть ли не вся деревня.

Такимъ образомъ явился вопросъ о сластяхъ. Онѣ, разумѣется, не были заготовлены, но вопросъ разрѣшился очень просто. Управляющій взялъ это на себя.

Раннимъ утромъ на другой день онъ послалъ парочнаго въ городъ и, къ удивленію Добромысловыхъ, оттуда привезли цѣлые кули дешевыхъ конфектъ, сдѣланныхъ изъ муки съ патокой и лишенныхъ всякаго вкуса, пряниковъ, похожихъ на камни, орѣховъ и тому подобное.

— Но какъ же все это раздавать имъ?—спросилъ управляющаго Добромысловъ.—Если вы говорите, что будетъ вся деревня...

— А ужъ это я вамъ покажу, не безпокойтесь. Вы увидите, какъ это просто.

Digitized by Google

Часовъ въ двѣнадцать дня, когда Добромысловы еще завтракали, дворъ мало-по-малу началъ наполняться народомъ. Добромысловы вышли на балконъ и съ удивленіемъ увидѣли, что вчерашнія бабы сегодня совсѣмъ преобразились. Грязныя затрепанныя юбки, въ которыхъ онѣ работали въ полѣ, замѣнились красивыми, праздничными, пестрыми одеждами. Вмѣсто платковъ на головахъ, скрывавшихъ ихъ лица, появились тщательно заплетенныя косы, которыми онѣ щеголяли. На фонѣ ярко-красныхъ сарафановъ мелькали бѣлые, красиво вышитые передники, блестѣли бусы, сіяли па солнцѣ яркія ленты.

Съ каждой минутой прибывали новыя лица; толпа густѣла. Явились и почтенныя личности: бабы солиднаго возраста, которыя вели за руки дѣтей, но все были бабы, исключительно бабы. Ни одного мужика между ними не было.

Явился и управляющій, надѣвшій для праздника крахмальную манишку и галстухъ.

— Ну, что-жъ,—скомандовалъ онъ бабамъ, которыя, повидимому, находились въ нерѣшительности,—играйте!

Толпа разступилась. Нѣсколько бабъ взялись за руки и образовали кругъ. Посреднѣ этого круга стала молодая бабенка и, молодецки подбочинившись, затянула «лебедь бѣлую», за ней подхватили другія.

Кругъ медленно задвигался справа налѣво. Но, Боже, что это была за унылая пѣсня!

Высокіе голоса, рѣзкіе, крикливые, тянули ее въ унисонъ и, казалось, ей суждено никогда не кончиться. Какой-то безъисходной тоской вѣяло отъ этой пѣсни, но, не смотря на это, бабы перебирали ногами, молодецки встряхивали головами, двигали бровями, словомъ, всячески показывали, что имъ весело.

— Эхъ, какъ скучно!—сказалъ управляющій.—Слышь ты, Ванька!—позвалъ онъ мальчугана, служившаго при экономіи.—Кликни-ка тамъ кузнеца, чтобъ пришелъ съ гар-

Digitized by Google

моникой. У насъ кузнецъ отлично на гармоникѣ играетъ!— пояснилъ онъ, обращаясь къ Добромыслову.

Мальчуганъ исчезъ, а минутъ черезъ десять явился кузнецъ, молодой парень съ русыми волосами и бородой, но съ темными руками, съ которыхъ никакъ нельзя было отмыть сажу кузницы. Онъ принесъ съ собой большую и довольно сложную гармонику, съ металическими клавишами и съ какими-то замысловатыми приспособленіями. Ему поставили скамейку; онъ сѣлъ и началъ очень искусно перебирать пальцами по клавишамъ.

Бабы окружили его и затянули новую пѣсню, еще болѣе тягучую и заунывную.

— Неужели,—спросилъ Добромысловъ у управляющаго,—у нихъ нѣтъ ничего болѣе веселаго, неужели имъ весело пѣть такія пѣсни?

— Признаюсь, я никогда не слышалъ другихъ,—сказалъ управляющій.—Подъ эту тягучую пѣсню онѣ и горе терпятъ, и радуются.

Часа три тянулось это веселье и не переставала раздаваться унылая мелодія. Бабы въ кругу двигались медленно и изо всей силы надрывали голоса. Это становилось скучно.

Тогда управляющій велѣлъ вынести на балконъ сласти и сказалъ, обращаясь къ Добромыслову, его женѣ и дѣтямъ.

— Теперь угощайте!

И, чтобы подать примѣръ, онъ набралъ въ обѣ руки, сколько могъ захватить, конфектъ, пряниковъ и орѣховъ и швырнулъ ихъ въ толпу.

Бабы мгновенно перестали пѣть, произошло шумное движеніе, всѣ бросились къ балкону и съ крикомъ, толкая другъ друга, принялись ловить сласти.

Сласти летѣли въ толпу, бабы и дѣвки смѣшались съ дѣтьми. Дикіе радостные крики оглашали воздухъ. Онѣ давили другъ друга, падали, подымались, хохотали, визжали и это дѣлалось до тѣхъ поръ, пока всѣ сласти не были

Digitized by Google

выброшены. Одна за другой бабы, совершенно удовлетворенныя, съ сіяющими лицами подходили къ балкону, низко кланялись и благодарили, увѣряя, что онѣ ужъ такъ довольны, такъ довольны, что и разсказать этого нельзя.

— Однако, послушайте, — говорилъ Добромысловъ управляющему,—но вѣдь это рабство, настоящее рабство! Вѣдь эта сцена точно живьемъ выхвачена изъ временъ крѣпостничества.

— Да такъ оно и есть,—довольно спокойно сказалъ управляющій. —Чему же вы тутъ удивляетесь?

— Но какъ-же? Неужели тридцать лѣтъ прошли для нихъ даромъ?

— Какъ вамъ сказать: нѣтъ, не даромъ. Есть разница. И даже очень большая. Въ тѣ времена, напримѣръ, ихъ продавали помѣщики и брали за нихъ иногда довольно-таки крупную сумму, а теперь они сами охотно продаютъ себя и совсѣмъ за грошъ.

— Полноте,—что вы говорите?

— Да такъ именно и есть, какъ я говорю. Да вотъ хоть бы эти бабы, которыя вчера пили водку. Вѣдь я ихъ нанялъ на срокъ и онѣ мнѣ обходятся около 10 копѣекъ въ день каждая, и за эти 10 копѣекъ я дѣлаю съ ними, что хочу: заставляю ихъ работать все, что мнѣ надо. Вѣдь работаютъ онѣ у меня, какъ слѣдуетъ, съ утра ранняго до вечера поздняго. Только вы напрасно смотрите на все это такъ. Баба вообще болѣе мужика держится за обычай, и смотритъ на него совсѣмъ иначе, чѣмъ мужикъ...

VII.

Добромысловы не успѣли оглянуться, какъ прошло лѣто, и уже августъ приходитъ къ концу. Въ саду, который непосредственно примыкалъ къ «старому тѣнистому парку»,

Digitized by Google

уродилось множество яблокъ. Они уже поспѣли и отъ нихъ шелъ густой, почти одуряющій, запахъ по всей усадьбѣ.

Уже давно въ усадьбѣ поговаривали о томъ, что владѣлецъ имѣнія, важный баринъ, живущій въ Москвѣ, скоро пріѣдетъ. И ждали его со дня на день, но онъ все не являлся. Для Добромыслова это было какое-то мифическое лицо. Домъ онъ нанялъ по объявленію, списавшись съ управляющимъ. Въ самомъ имѣніи иногда упоминалось имя «барина», что вотъ, молъ, онъ пріѣдетъ, или — «было, когда тутъ еще господа живали», или что-нибудь въ такомъ родѣ. Но отъ самихъ господъ никакихъ слѣдовъ не осталось.

И Добромысловъ удивлялся, какъ это такъ: есть земля и много земли, на ней ведется хозяйство, а хозяина какъ будто и нѣтъ.

Но однажды, уже въ концѣ августа, было рѣшительно объявлено, что отъ барина получена депеша: завтра пріѣдетъ. И въ усадьбѣ началась бѣготня. Всѣ какъ-то вдругъ подтянулись, точно передъ пріѣздомъ ревизора.

Бабы всячески украшали одну изъ комнатъ при квартирѣ управляющаго, мыли въ ней полы и окна, вытирали пыль, снимали паутину. Неизвѣстно откуда выцарапали синія занавѣски и повѣсили ихъ на окнахъ. Прибѣгали даже къ госпожѣ Добромысловой и просили, не уступитъ ли она зеркало, чтобы поставить на столѣ у барина.

Затѣмъ ночью была отправлена на станцію тройка, а ночной сторожъ Прокофій въ эту ночь свисталъ неистовѣй, чѣмъ когда бы то ни было. И собаки лаяли усерднѣе обыкновеннаго.

А утромъ въ усадьбѣ появился баринъ. Добромысловъ видѣлъ, какъ въ саду съ управляющимъ раза два прошелся по главной дорожкѣ высокій господинъ въ высокихъ сапогахъ и въ коротенькомъ пиджакѣ. Лицо его разглядѣть было трудно, но въ походкѣ и во всей осанкѣ

Digitized by Google

было что-то развалистое, барское. Даже глядя издали и со стороны спины на эту пару, можно было навѣрняка сказать, который изъ нихъ управляющій и который баринъ.

Потомъ они исчезли, и стало извѣстно, что баринъ пошелъ въ волость, гдѣ собрались зачѣмъ-то выборные мужики. Затѣмъ еще разъ промелькнула въ усадьбѣ высокая фигура, подъѣхала тройка, баринъ сѣлъ и поѣхалъ къ сосѣду завтракать.

— Должно быть, что оттуда прямо проѣдетъ на станцію да и въ Москву!—сказалъ управляющій.

— Какъ? уже?

— А что ему тутъ дѣлать? Ему тутъ дѣлать нечего. Все равно, онъ ничего не смыслитъ.

— Но неужели же онъ не интересуется своими собственными дѣлами?

— Интересуется, только съ той стороны, сколько оно даетъ. Ему надобно прожить въ годъ не меньше тридцати тысячъ, а имѣнія у него три. Это самое большое и оно должно давать наименьшее—тысячъ пятнадцать. Вотъ онъ и интересуется, дастъ или не дастъ. Вотъ еслибъ вы видѣли, какимъ онъ на меня волкомъ посмотрѣлъ, когда я ему доложилъ, что въ нынѣшнемъ году ни рожь, ни овесъ не уродились и ждать дохода можно всего тысячъ пять-шесть. Онъ такъ оскалилъ зубы, что, думалъ, съѣстъ меня, какъ будто отъ меня зависѣло, что хлѣбъ не родился... А ему все равно: подай да и только. А вы говорите — не интересуется. Какъ же? Очень даже интересуется...

— А само дѣло его не занимаетъ?

— Да зачѣмъ ему? У насъ есть главноуправляющій надъ всѣми его имѣніями, а у главноуправляющаго есть помощникъ, да вотъ еще я. И у всѣхъ у насъ главная обязанность—добыть ему какъ можно больше денегъ. Такъ что же ему безпокоиться?

— Но зачѣмъ же онъ пріѣзжалъ?

Digitized by Google

— А это дѣло особенное. Тутъ у него былъ споръ съ мужичками.

— Изъ-за земли?

— Да, изъ-за земли. Во время оно, знаете, еще чуть ли не вскорѣ послѣ освобожденія, какимъ-то образомъ къ мужикамъ перешла отъ помѣщика земля, этакъ больше сотни десятинъ.

— Что же они, купили?

— Не могу вамъ этого сказать. Неизвѣстно, какъ это было. Старые мужики говорятъ, что будто деньги за эту землю заплатили, да только вотъ документы забыли составить. Знаете, тогда время было такое, когда еще все было основано на довѣріи. По старинному. Ну, значитъ, по плану земля числится помѣщичья, вотъ онъ и пожелалъ взять назадъ.

— Какъ назадъ?

— Да такъ, обратно. Сперва онъ, надо полагать, въ своихъ правахъ сомнѣвался и предложилъ даже мужикамъ льготныя условія. Заплатите, говоритъ, мнѣ самые пустяки, по пятьдесятъ рублей за десятину, я отступлюсь. Ну, оно было бы выгодно, потому что въ нашей сторонѣ земля въ три, а то и въ четыре раза дороже этой цѣны. Вотъ онъ и говоритъ: давайте полюбовно кончимъ! да мужики заартачились: земля, молъ, наша и нечего тутъ любовничать. Законъ, молъ, на нашей сторонѣ будетъ и, значитъ, отнять у насъ никто не можетъ. Ну, тогда онъ въ судъ. Нашелъ себѣ искуснаго плеваку...

— Какъ? Даже самого Плевако?

— То-есть, значитъ, адвоката. У насъ плевакой адвоката называютъ.

— Да вѣдь это собственное имя одного очень извѣстнаго адвоката.

— А у насъ оно всякаго адвоката означаетъ. Да, такъ я говорю, нашелъ себѣ искуснаго адвоката и землю

Digitized by Google

оттягалъ. Теперь мужички затылки почесываютъ; пришлось имъ еще судебныя издержки заплатить. Такъ вотъ зачѣмъ онъ пріѣзжалъ. А не будь этого, онъ бы сюда и носа не показалъ.

— Что же и другіе помѣщики такъ-же мало интересуются своей землей?—спросилъ Добромысловъ.

— Богъ ихъ знаетъ, что съ ними сдѣлалось, съ нынѣшними помѣщиками. Вотъ нынче все новыя болѣзни открываютъ. Такъ я думаю, не явилась ли и тутъ болѣзнь какая? Землебоязнь бываетъ, а? Въ прежнее время бывало помѣщика не выгонишь изъ деревни. Я вѣдь давно при усадьбахъ служу. Какъ въ городъ ѣхать, на выборы, или такъ, по другому дѣлу, такъ три дня, бывало, кряхтитъ, собирается. А теперь сюда его калачомъ не заманишь...

А въ воздухѣ пахло уже осенью. Еще стояли чудные дни, но по утрамъ было холодно и ночью являлась надобность въ теплыхъ одѣялахъ. Добромысловы стали подумывать о возвращеніи домой, но, дорожа свѣжимъ воздухомъ, старались досидѣть до послѣдней возможности.

Часто Добромысловъ, прогуливаясь по деревнѣ, удивлялся тому, что нигдѣ не слышно стука цѣповъ, не видно никакой дѣятельности, на гумнахъ не возвышаются стога соломы, въ закрома не ссыпаютъ зерно. Пора была именно такая, когда, онъ представлялъ себѣ, что земледѣлецъ долженъ спѣшить съ обработкой добытыхъ продуктовъ.

— Что это у васъ тишина такая?—спрашивалъ онъ мужиковъ.—У васъ точно работы нѣтъ.

— Да и нѣтъ ея, баринъ. Откуда взяться ей?

— Какъ нѣтъ? А хлѣбъ? Развѣ уже все кончено?

— Да хлѣбъ не уродилъ! — очень простымъ тономъ отвѣчали мужики.—Рожь повысохла. Выросла всего въ воробьиный ростъ, а дождей тогда Богъ не далъ, она и посохла, даже колосьевъ не дала. А овесъ и выросъ, было, и думали, вотъ хоть овсомъ возмѣстимъ, анъ тутъ дожди

Digitized by Google

пошли, три недѣли безъ просвѣту — онъ и сгнилъ. Такъ вотъ мы теперь и отдыхаемъ.

И говорили это мужики безъ всякой досады и злобы, даже съ оттѣнкомъ добродушія и съ усмѣшкой по поводу своего невольнаго отдыха.

— Но, однако, — съ волненіемъ возражалъ Добромысловъ, — значитъ, вы ничего не собрали? Что же вы зимой ѣсть будете?

— Это неизвѣстно. Такъ, какъ-нибудь перебьемся до весны... Можетъ, земство поможетъ, а нѣтъ, побираться пойдемъ... Что-жъ дѣлать-то?!

И это тоже говорилось такимъ тономъ, какъ будто рѣчь шла о курицѣ или собакѣ, а не о человѣкѣ.

Но еще больше удивило Добромыслова, когда, выйдя однажды въ поле, онъ увидѣлъ, что множество мужиковъ выѣхали съ сохами на тощихъ лошаденкахъ и усердно рыли землю.

— Это зачѣмъ?—спросилъ онъ.

Это для озими...

— Да у васъ зимой ѣсть нечего, что-жъ тутъ сѣять?

— Э, баринъ, ѣсть, это— особь статья. Худая пища зимой, это нашему брату не привыкать стать. А не засѣять вовсе, это ужъ что... Тогда ужъ лучше совсѣмъ пропадать... У меня ежели хоть полмѣры зерна есть, такъ я все же лучше его въ землю положу, нежели скушаю... Въ землѣ оно лежитъ и все же я на Господа Бога надежду питаю... Можетъ и смилуется, и уродитъ. А скушаю я его, что съ этого толку? Скушалъ и забылъ, вотъ и все. У меня ежели хлѣба не хватаетъ, я Христовымъ именемъ попрошу, какъ-нибудь и дотяну. А ужъ ежели я не засѣялъ, такъ я не человѣкъ, потому никакой надежды у меня нѣтъ...

«Нѣтъ, пора ѣхать, пора ѣхать,—говорилъ себѣ Добромысловъ.—Это становится тяжело».

Да и обязанности призывали его. Ужъ онъ и то послалъ

Digitized by Google

свидѣтельство о своей болѣзни. Странно было, что свидѣтельство посылалось какъ разъ тогда, когда здоровье его, видимо, поправлялось подъ вліяніемъ деревенскаго воздуха; но это ужъ была дань формѣ. И стали Добромысловы собираться въ дорогу.

А небо сдѣлалось хмурымъ. Стали появляться на немъ и сгущаться, ничего хорошаго не обѣщавшія, тучки. Вотъ-вотъ польется дождь, да дождь осенній, неумолимый, шестинедѣльный, — дороги сдѣлаются непроѣздными и тогда вдругъ окажешься, какъ на необитаемомъ островѣ, отрѣзаннымъ отъ всего міра.

И вотъ, наконецъ, отправили на станцію нѣсколько телѣгъ, нагруженныхъ сундуками, тюфяками, дѣтскими кроватками. Было между прочимъ и два ящика съ вареньемъ, изготовленнымъ въ усадьбѣ.

А потомъ подали тройку и сами Добромысловы поѣхали на станцію. Здѣсь имъ пришлось ждать часа два, потому что поѣздъ опоздалъ. Добромысловъ отъ нечего дѣлать принялся ходить по платформѣ.

Проходя мимо буфета, онъ замѣтилъ издали какую-то невысокую фигуру въ поношенномъ военномъ пальто. Фигура подошла къ буфетной стойкѣ, выпила рюмку водки и, выбравъ себѣ бутербродъ съ сардинкой, неторопливо жевала его, какъ-то мечтательно глядя въ неопредѣленное пространство.

«Гдѣ я его видѣлъ?—подумалъ Добромысловъ,— а видѣлъ, навѣрное видѣлъ гдѣ-то; вотъ только рѣшительно не могу сообразить—гдѣ».

Онъ подошелъ поближе. Мечтательный взглядъ изъ неопредѣленнаго пространства перенесся на него, и вдругъ лицо господина, жевавшаго бутербродъ съ сардинкой, оживилось, а ротъ, наполненный пищей, засіялъ радостной улыбкой.

— Ахъ, Боже мой! Неужели это вы? Очень радъ, чрезвычайно радъ... Изволите возвращаться въ Петербургъ?—

Digitized by Google

воскликнулъ господинъ, стараясь наскоро проглотить пищу, которая сильно мѣшала ему выражаться ясно. — Но виноватъ, вы, кажется, меня не узнали...

Тутъ Добромыслова вдругъ осѣнило. Услышавъ этотъ пріятный голосъ, онъ сообразилъ, наконецъ, что это былъ не кто иной, какъ становой приставъ, тотъ самый, что пріѣзжалъ къ нему съ визитомъ, тотъ самый становой приставъ, который такъ удивилъ его тогда въ качествѣ радѣтеля о народномъ просвѣщеніи, тотъ самый становой приставъ, который хлопоталъ объ открытіи безплатной читальни и которому онъ подарилъ свои книги, привезенныя изъ Петербурга для просвѣщенія народа.

— Нѣтъ, я узналъ васъ, только не сразу, — отвѣтилъ Добромысловъ, протягивая ему руку.

— Возвращаетесь? Возвращаетесь? — продолжалъ спрашивать становой приставъ.

— Да, возвращаемся. Пора. А вы... Вы какъ поживаете? — спросилъ Добромысловъ, не зная на первое время, о чемъ-бы съ нимъ поговорить.

— Да мы всегда одинаково... Все въ разъѣздахъ. Я вамъ скажу, служба такая, что буквально минуты покоя нѣтъ...

— А что-же? Въ чемъ-же дѣло?

— Да народъ такой безпокойный. Тамъ ограбили, здѣсь убили, тамъ недоимки не платятъ, здѣсь... А, да всего не перечтешь. А я очень, очень радъ, что встрѣтилъ васъ; я именно даже желалъ васъ встрѣтить.

— Можетъ быть, дѣло какое-нибудь? — спросилъ Добромысловъ.

— Нѣтъ, дѣла никакого... А, именно я хотѣлъ передать вамъ благодарность отъ всего нашего общества.

— Благодарность? Но за что-же, помилуйте? Мнѣ кажется, я ничѣмъ не заслужилъ.

— Какъ за что? Во-первыхъ, за то, что вы охотно такъ откликнулись на нашъ призывъ и изъявили согласіе

Digitized by Google

сдѣлаться членомъ нашего общества и даже внесли членскій взносъ... А это послѣднее обстоятельство, знаете, у насъ очень цѣнится; потому что я вотъ до настоящаго времени съ половины нашихъ членовъ никакъ не могу собрать взносовъ. А во-вторыхъ, и это главное, вы изволили пожертвовать намъ цѣлый ящикъ драгоцѣнныхъ книгъ...

— Ну, ужъ и драгоцѣнныхъ! Какія-же это драгоцѣнности? Это просто дешевыя книги для народа!

— Ну, какъ вамъ сказать? Для кого дешевыя, а для кого и драгоцѣнныя. У насъ это, такъ сказать, сдѣлалось фундаментомъ библіотеки. Вѣдь средства наши скудныя, ужъ такія скудныя, что даже и описать нельзя... Ужъ я борюсь, борюсь...

— Съ кѣмъ? — съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ Добромысловъ, такъ какъ полагалъ, что становому приставу какъ-то не къ лицу бороться, что онъ уже однимъ своимъ званіемъ всѣхъ можетъ побѣдить.

— Съ равнодушіемъ-съ. Прямо, я вамъ говорю, никто не хочетъ пальцемъ о палецъ двинуть. А что-же вы не изволили пожаловать къ намъ на открытіе? Вѣдь обѣщали.

— Такъ, не пришлось.

— Жаль, жаль. А мы пили ваше здоровье. Хотѣли даже привѣтственную телеграмму вамъ послать, да одно маленькое обстоятельство помѣшало.

— Какое обстоятельство?

— Да маленькое, знаете: телеграфа нѣтъ! ха, ха, ха! Это не то, что въ Европѣ-съ. Да-съ, я вамъ скажу, большихъ хлопотъ мнѣ стоило основать читальню, ну а все-таки основалъ.

— Ну и что же, много читателей?

— Какой тамъ? За волосы приходится тянуть ихъ. Наши сидѣльцы, напримѣръ, сидятъ за прилавкомъ съ утра до вечера, дѣлать имъ нечего, покупатели только въ базарные дни бываютъ. Я и говорю: вы бы книжки въ чи-

Digitized by Google

тальнѣ брали да читали бы, вѣдь народъ грамотный. А они мнѣ отвѣчаютъ: это не по нашей части, это не для насъ писано... И по цѣлымъ днямъ въ шашки дуются... Вотъ и борись тутъ. А ужъ я самъ зато всѣ ваши книжки перечиталъ. Теперь вотъ ѣду по службѣ.

— А что? Случилось что-нибудь?

— Да тутъ у одного помѣщика садоваго сторожа зарѣзали, такъ надо слѣдствіе производить... Да вы-то зачѣмъ такъ рано на поѣздъ пожаловали? Вѣдь вашъ поѣздъ еще Богъ знаетъ когда придетъ.

— Но вѣдь по росписанію онъ долженъ былъ бы уже придти...

— Ну, такъ это же по росписанію! У насъ на росписаніе никто не смотритъ. Онъ всегда на два часа опаздываетъ, это ужъ такой законъ. Не было еще примѣра, чтобы пришелъ во-время. Здѣшніе обыватели такъ и знаютъ и ужъ всегда пріѣзжаютъ на два часа позже. Однако, честь имѣю кланяться. Я вѣдь въ другую сторону ѣду и вотъ мой поѣздъ уже подходитъ... Очень было пріятно познакомиться. Не теряю надежды, что еще когда-нибудь встрѣтимся...

И становой приставъ, съ чувствомъ пожавъ руку Добромыслова, поспѣшно ушелъ на платформу, гдѣ дѣйствительно появился какой-то длинный-предлинный товаро-пассажирскій поѣздъ.

Часа черезъ полтора пришелъ, наконецъ, и тотъ поѣздъ, который долженъ былъ увезти Добромысловыхъ. Они сѣли и поѣхали.

Сидя въ купе на мягкомъ диванѣ, въ кругу своей семьи, Добромысловъ размышлялъ о результатахъ своего путешествія въ деревню. У дѣтей его были розовыя щеки, значитъ съ этой стороны результатъ былъ блестящъ. Несомнѣнно, что деревня дала имъ множество красныхъ кровяныхъ шариковъ!

Digitized by Google

«Ну, а я-то? Что же я позналъ? Узналъ ли я, что такое народъ?»—спрашивалъ себя Добромысловъ.

На этотъ вопросъ онъ не сразу отвѣтилъ; пришлось ему-таки поломать надъ нимъ голову.

«Что такое народъ, я не узналъ, это ужъ можно сказать навѣрное!—отвѣтилъ онъ, наконецъ, себѣ.—Но я, по крайней мѣрѣ, узналъ навѣрное, что онъ совсѣмъ не то, что говорятъ о немъ въ книжкахъ. Да, да, не то, совсѣмъ не то. Учиться у него нашему брату, интеллигенту, нечему, ужъ это во всякомъ случаѣ; а научить его мы тоже ничему не можемъ».

— Но какъ же такъ?—возражалъ онъ самъ себѣ.—Вѣдь это похоже на то, что народъ, это—какая-то инертная масса, осужденная на вѣчную неподвижность?

Но отъ такого вывода у Добромыслова мурашки пробѣжали по тѣлу.

«Боже сохрани такъ думать! — сказалъ онъ себѣ.—Боже сохрани!»

Но, однако, онъ чувствовалъ себя какъ бы обязаннымъ придти къ какому-нибудь выводу. Вѣдь вотъ пріѣдетъ въ Петербургъ, и друзья его, точно такіе же интеллигенты, какъ онъ, сейчасъ же набросятся на него.

— Ну, что? Какъ? Ты наблюдалъ народъ. Разскажи намъ, каковъ онъ изъ себя? Объясни намъ, что онъ такое? Намъ ли у него учиться, или мы должны его научить? Что онъ на это скажетъ?

— Гм... Что я на это скажу?—мучительно размышлялъ Добромысловъ. — Что я на это скажу? А вотъ что я на это скажу: «ни учиться у него, ни учить его, а покормить, покормить его хорошенько надо».

— Какъ покормить? Что вы такое говорите?—слышались ему вопросы со стороны друзей.

«Да, да,—мысленно убѣждалъ своихъ собесѣдниковъ Добромысловъ,—покормить, настоящимъ образомъ покормить». «Учить»,—это слово красивое, въ немъ есть что-то возвы-

Digitized by Google

шенное, идеальное, а мы вѣдь ужасно любимъ возвышенное, идеальное. А «покормить»—слово грубое, въ немъ что-то матеріалистическое, что-то животное. Поэтому мы его и не любимъ, а любимъ «учить»... Ну, а все-таки надо покормить его и, когда онъ хорошенько покушаетъ, такъ, увѣряю васъ, друзья мои, онъ самъ сейчасъ и учиться захочетъ и отлично станетъ учиться, не хуже насъ съ вами, и скоро всему научится и многому тогда научитъ и тебя, о интеллигентъ».

Такъ рѣшилъ Добромысловъ сказать своимъ друзьямъ въ Петербургѣ, такимъ же добродѣтельнымъ интеллигентамъ, какъ и онъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google